

НЕМЕЦКИЕ
ШВАНКИ
И НАРОДНЫЕ
КНИГИ XVI ВЕКА

НЕМЕЦКИЕ ШВАНКИ
И
НАРОДНЫЕ
КНИГИ XVI ВЕКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. БАЛАШОВ

Ю. ВИППЕР

М. КЛИМОВА

Н. ЛЮБИМОВ

А. МИХАЙЛОВ

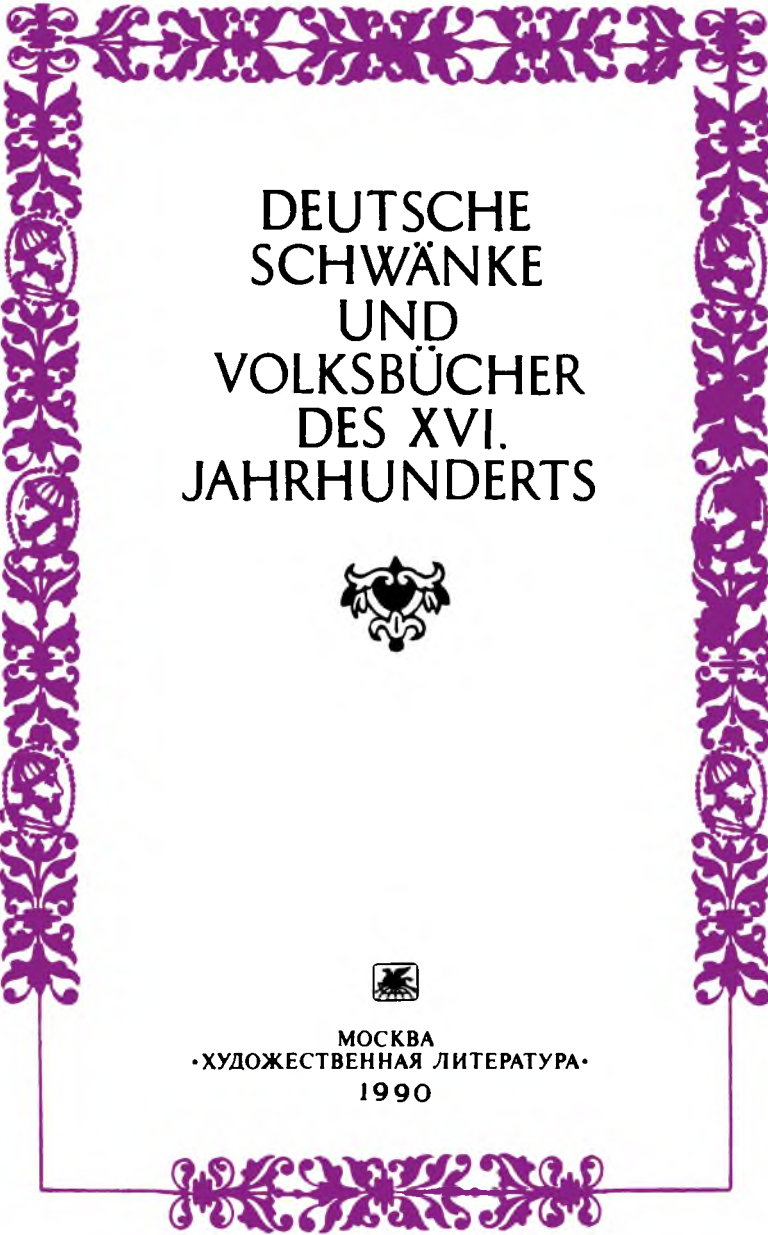
Б. ПУРИШЕВ

Б. СТАХЕЕВ

Н. ТОМАШЕВСКИЙ

Д. УРНОВ

DEUTSCHE
SCHWÄNKE
UND
VOLKSBÜCHER
DES XVI.
JAHRHUNDERTS

МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1990

НЕМЕЦКИЕ
ШВАНКИ
И
НАРОДНЫЕ
КНИГИ XVI ВЕКА

ПЕРЕВОД
С НЕМЕЦКОГО

МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1990

ББК 84.4Г
Н50

Состав с научной подготовкой текста
и предисловие

Б. ПУРИШЕВА

Комментарии

В. ЖИРМУНСКОГО, Е. МАРКОВИЧ, Н. МОСКАЛЕВОЙ

Оформление художника

Д. ШИМИЛИСА

Н 4703010100-147 107-90
028(01)-90

ISBN 5-280-01215-7

© Состав и предисловие. Пуришев Б. И., 1990 г.

© Оформление. Шимилис Д. Б., 1990 г.

© Сканирование и обработка: glarus63

НЕМЕЦКИЕ ПРОЗАИЧЕСКИЕ ШВАНКИ И НАРОДНЫЕ КНИГИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

С конца XV века Германия, наряду с другими европейскими странами, вступила в ту «великую эпоху», которую, по словам Ф. Энгельса, немцы называют «Реформацией, французы — Ренессансом, а итальянцы — Чинквеченто¹ и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований»². Подошло время большого духовного подъема, который был прежде всего обусловлен быстрым ростом немецких городов, а также могучим размахом освободительного антифеодального движения, захватившего Германию в первые десятилетия XVI века (Реформация и Великая крестьянская война). И хотя революция в Германии окончилась неудачей, в значительной мере благодаря нерешительности бюргерства, а также разобщенности всех оппозиционных сил, она все же до основания всколыхнула страну, поставив перед немецким обществом ряд важнейших политических, социальных и идеологических задач.

XVI век занимает выдающееся место в истории немецкой литературы. Освободительное движение начала века в Германии наложило глубокий отпечаток на всю культуру XVI века.

¹ Буквально: пятисотые годы, то есть шестнадцатое столетие.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 345.

Не следует забывать, что хотя бы в эстетической сфере немецкому третьему сословию удалось восторжествовать над феодально-рыцарскими кругами, которые были почти полностью вытеснены с литературной арены. На развалинах рыцарской литературы утвердилась литература бюргерско-демократическая, которая в своих наиболее значительных проявлениях подготовила последующее развитие литературы, в частности реализма.

Прозаические шванки и народные книги ярко представляют новую немецкую прозу XVI века. Если художественная проза Италии в эпоху Возрождения нашла себя в жанре новеллы, вскоре прочно утвердившейся в литературе других европейских народов, то Германия в XV—XVI веках с ее более консервативным бюргерским сознанием продолжала сохранять склонность к литературным жанрам, в той или иной мере связанным с традициями позднего средневековья. К числу этих жанров можно отнести назидательные «приклады» (ехемпелн), использовавшиеся церковными проповедниками. Это и были шванки — небольшие бытовые зарисовки, анекдоты, параболы, то забавные, то серьезные, почерпнутые из различных источников и неизменно служившие назидательной цели. Проповедники вплетали их в свою проповедь, стремясь исправить нравы и наставить верующих на «верный путь». Сборником таких «прикладов» является книга францисканского проповедника Иоганнеса Паули (ок. 1455 — ок. 1530) «В шутку и всерьез» (1522), пользовавшаяся большим успехом у читателей. Следует заметить, что книга Паули увидела свет в то время, когда в Германии уже началась Реформация. Ведь в 1517 году Мартин Лютер обнародовал свои тезисы против торговли индульгенциями, сплотившие противников католической церкви.

Понятно, что книга католического монаха стояла в стороне от протестантского радикализма. И все же Паули не упускает случая отметить пороки католического клира, такие как корыстолюбие, суетность, лицемерие, разврат и др. Обличает Паули также власть имущих, обирающих бедный люд, в том числе чиновников, ростовщиков и мздоимцев разного рода.

По своей лапидарности «приклады» Паули напоминают факетии, появившиеся в Италии в эпоху Возрождения. Только, в отличие от «прикладов», факетии лишены благочестивой назидательности. Это просто веселые анекдоты, зачастую непристойные. В литературный обиход их ввел итальянский гуманист Поджо Браччолини (1380—1459), опубликовавший

в 1470 году свою «Книгу фацетий», написанную на латинском языке. В Германии у него скоро появились последователи. Прежде всего это был писавший на латинском и немецком языках Августин Тюнгер. Его «Фацетии» (1486), хотя и написаны под воздействием фацетий Поджо, сохраняют свой местный немецкий колорит. В его рассказах оживают житейские детали, связанные со Швейцарией, Франкфуртом, Шпейером и другими хорошо знакомыми автору местами. Вполне в духе времени стремится он к фиксации жизненной правды, хотя и действует подчас достаточно неумело.

Тем временем в Германии все более и более накалялась социальная обстановка. Крестьянство поднималось против возраставшего феодального гнета. Широкие круги населения бросали вызов католической церкви, беззащитно грабившей верующих. Разразившаяся в 1517 году Реформация быстро переросла в Великую крестьянскую войну 1525 года, до основания потрясшую ветхое здание Германской империи. Естественно, что немецкая литература не могла не откликнуться на все эти драматические события: на протяжении ряда лет в ней преобладала ожесточенная конфессиональная полемика. Враждующие стороны клеймили друг друга печатью антихриста. Дух религиозного фанатизма воцарился в стране.

С середины XVI века положение изменилось. Германия устала от религиозных побоищ. Вновь в литературе зазвенел громкий смех. Многочисленные сборники веселых и занимательных шванков завладели немецкой словесностью. Начало было положено Йоргом Викрамом (ок. 1520 — ок. 1562), плодовитым прозаиком и поэтом, опубликовавшим в 1555 году занимательную «Дорожную книжицу», за которой последовало множество других сборников шванков, принадлежавших разным авторам. Уже в 1556 году появляется «Общество в саду» Якоба Фрея, а в 1557-м — «Дружок в дорожку» Мартина Монтана, издавшего также вторую часть «Общества в саду» (ок. 1600). В 1558-м Михаэль Линденер выпускает в свет сборник шванков «Книжица для отдохновения» и «Катципори». За ними следуют «Ночная книжица» (1559) Валентина Шуманна, «Ночной дозор» (1560) Бернгарда Герцога и, наконец, семитомный сборник шванков «Отврати печаль» (1563—1603) Ганса Вильгельма Кирхгофа. В 1572 году Вольфганг Бютнер собрал в объемистый том анекдоты о придворном шуте Клаусе.

Подобно Паули, авторы шванков широко используют различные фольклорные и письменные немецкие и иноземные

источники. Без смущения заимствуют они также материалы друг у друга, по нескольку раз обрабатывая один и тот же сюжет. Однако если Паули цель своей книги видел в «исправлении людей» и ради этого подчинял развлекательный элемент дидактическому заданию, то писатели середины и второй половины XVI века больше заботились о развлечении читателя, чем о его нравственном воспитании. В книжечке Йорга Викрама, по словам автора, читатель мог найти много «добрых баек и историй», какие обычно «скуки ради» рассказываются во время путешествий по воде и по суше, а также «в цирюльнях и в банях, дабы развеселить тех, чей дух охвачен тягостной меланхолией». Вслед за Викрамом и другие писатели наперебой предлагают читателю свои собрания «отличных, забавных и смехотворных историй», способных развеять дорожную скуку или занять читателей и слушателей в судах, в горницах и харчевнях и «на ночь после еды». Заглавия книг ясно указывают на развлекательную тенденцию шванков. С легкой руки Викрама возникает особый род «дорожной» литературы. Вместе с В. Шуманном писатели вверяют свой труд всем тем, кто «охотно слушает и читает забавные повестушки». Б. Герцог специально обращается к стражникам, несущим ночной караул, дабы занятным рассказом прогнать сон, подстерегающий их на посту. При этом особое пристрастие авторы шванков питают к потешным, фарсовым положениям. Пороки людей для них часто лишь повод к анекдотическому повествованию, их насмешка обычно лишена злобы и негодования, а хитроумие, ловкость, находчивость и лукавство вызывают их живейшее сочувствие, хотя бы они и нарушали устои житейской морали.

В шванках, преследовавших главным образом развлекательные цели, как правило, не затрагивались большие социальные проблемы. В то же время в традициях литературы эпохи Реформации шванки в смехотворном облике выставляют представителей католического клира: тучные попы и особенно монахи предаются разврату, пьянству и своим невежеством вызывают остроумные выходы верующих (шванки Викрама: «Как некий поп вознамерился обеспечить себе доступ в царство небесное пятью словами», «О пастыре, учившем своих прихожан свистеть в ответ на сказанную ложь», «Как монах вытаскивал у девицы занозу из ноги»).

Без особого уважения, а подчас и с явной неприязнью изображено в шванках рыцарство и поместное дворянство. Крестьяне, как обычно в бюргерской литературе, служат

мишенью для всяческих насмешек и издевок, авторы шванков подтрунивают над неотесанностью, простоватостью или коварством мужика, в то время как происшествия из жизни горожан — ремесленников и купцов — изложены в добродушных и мягких тонах. Особой симпатией автора пользуются, однако, веселые ландскнехты и смышленные школяры, чьи проделки и острые словечки не только наполняют города и села, но и доставляют заботу апостолу Петру, охраняющему райскую обитель от непрошенных гостей (М. Линденер, «О золотых дел мастере и бедном студенте»; В. Шуманн, «История о шести студентах, оплативших пирушку ловкой ложью»; Г.-В. Кирхгоф, «Почему ландскнехты попадают в рай, а не в ад» и др.).

Нередко шванки представляют собой яркие жанровые картинки, приуроченные к тем или иным местностям Германии. Чаще всего в них рассказывалось о всевозможных чудачествах, смешных поступках, забавном неразумии или ловкости, хитроумии и т. п. Излюбленными героями являются незадачливые глупцы, лукавые обманщики, лицемеры, честолюбцы, обжоры, пьяницы, модники, пронырливые жены, шарлатаны врачи, взяточники судьи, нерадивые слуги, трусливые баварцы, глуповатые и жадные швабы («Дружок в дорожку», 6; «Общество в саду», 18 и пр.). Но далеко не всегда все дело в шванках сводилось к поверхностному зубоскальству. Подчас насмешка превращалась в злую издевку (например, сатира на католический клир, особенно резко звучавшая в шванках Кирхгофа, создававшихся в период усиления католической реакции). Подчас авторы шванков выступали на защиту обездоленных и угнетенных. О жалком уделе бедняков писал Викрам («Дорожная книжица», 59). Еще шире эту тему разворачивает М. Монтан, отличающийся наиболее демократическим образом мыслей. Он рассказывает о бедных родителях, не могущих прокормить своих детей («Общество в саду», 11, 29, 30). Нередко нищета доводит бедняка до преступления («Дружок в дорожку», 36; «Общество в саду», 61). И вину за эти преступления Монтан, прежде всего, возлагает на больших господ, по милости которых маленькие люди вынуждены испытывать жесточайшую нужду. Он отказывается верить в то, что вместе с властью бог даровал большим господам право выжимать последние соки из их подчиненных. «Я не верю в то, что это им даровано богом», — решительно заявляет он в одном месте («Дружок в дорожку», 13). Викрам выступает также в защиту женщин, к которым, по средневековой традиции, многие бюргерские писатели XVI века продолжали относиться неприязненно. Он высказывается за взаимное уважение в семейной

жизни, осуждает брак по расчету («Дорожная книжица», 4, 16, 17 и др.).

За мир и единство Германии постоянно ратовал Кирхгоф (I, 26—30). Он осуждал князей, которые ввергают страну в пучину междоусобных войн, неизбежно приводящих ко всеобщему опустошению (I, 31). В пример современным правителям он ставит князей минувших веков, стремившихся разрешать все споры мирным путем (IV, 62—63). Описывая в ряде рассказов ужасы войны (III, 31—126; V, 174—177 и др.), Кирхгоф призывает своих современников содействовать упрочению мира. «Верьте мне, — говорит он, — война — это жестокий большой зверь. Чем больше его бьешь, тем свирепее он становится и тем больше наносит вреда» (IV, 94). Слова Кирхгофа были поистине пророческими. Прошло немного времени, и немецкие князья спровоцировали опустошительную Тридцатилетнюю войну, которая довела Германию до крайней степени падения.

Все эти выступления по вопросам, волновавшим современников, не могли не повышать общественного значения шванков. К тому же в этих незатейливых повестушках довольно широко отражалась жизнь Германии XVI века. Конечно, реализм шванков был еще достаточно примитивным. Только в редких случаях авторы поднимались до социальных обобщений. Однако обилие красочных бытовых деталей, сочный разговорный язык, занимательность фабулы придают шванкам большую живость. Повествовательный элемент в более поздних шванках развит гораздо сильнее, чем в коротких «прикладах» Паули, служивших прежде всего средством религиозно-нравственного поучения. Вместе с тем стремление во что бы то ни стало развлечь, позабавить читателя нередко увлекало авторов шванков на скользкий путь. Иные шванки крайне грубы и откровенно непристойны. Это касается главным образом сборников Якоба Фрея, Валентина Шуманна и особенно Михаэля Линденера, цинично смакующего детали любовных эпизодов, в то время как Йорг Викрам еще не выходит за пределы благопристойности и даже особо отмечает в обращении к «любезному читателю» отсутствие в книжечке всего того, что могло бы поразить целомудренный слух «порядочных, достойных женщин или даже девиц».

Йорг Викрам подчас вплетает в сборник шванков чувствительные печальные истории, так же поступают и некоторые из его последователей, использующие для этого сочинения итальянских новеллистов или современную хронику происшествий. У Монтана, нагпример, наряду со скабрёзны-

ми шванками можно найти трогательную историю (драматизированную впоследствии Гансом Саксом) о злополучной любви Изабеллы («Дружок в дорожку», 37) или грустный рассказ о том, как Адам Штегман из Обернагена в Эльзасе убил двух детей, которых ему нечем было кормить (там же, 36).

Эти чувствительные истории образуют как бы переход к бюргерским романам Йорга Викрама, в которых автор делает знаменательную попытку преодолеть лубочный примитивизм и грубоватость современной немецкой прозы. Начав со старомодных повествований в духе народной книги «Прекрасная Магелона», Викрам в «Золотой нити» (1554) делает смелый шаг и изображает горячую любовь принцессы Ангелины и простолюдина Лейфрида, которая завершается, вопреки сословным предрассудкам и ограничениям, по воле автора счастливым браком. Памятным знаком любви молодых людей является золотая нить, которую пылкий Лейфрид вложил в рану под сердцем и носил в течение ряда лет и по которой Ангелина узнает в тяжело больном юноше, лишившемся сознания, своего дорогого возлюбленного.

В последующих своих романах Викрам патетически воспекает бюргерские добродетели, торжествующие над предрассудками и пороками феодального мира. Так, в «Зерцале юности» (1554) недостойному рыцарскому сыну, который низко падает и даже на время становится свинопасом, противопоставлен образцовый юноша бюргер, достигающий вершин славы и счастья. Идеальный образ, воплощавший бюргерские совершенства, намечен Викрамом и в его последней книге «О добрых и злых соседях» (1556). Герои Викрама изливают свои чувства в галантных письмах и монологах. Их украшенная речь далека от натуральной речи героев шванков, пересыпанной крепкими выражениями и забористыми словечками, пословицами и поговорками.

Заметным явлением немецкой прозы эпохи Возрождения были и так называемые «народные книги» XV—XVI веков, появлявшиеся в печати без указания автора. Подчас они были как бы скомпонованы из различных шванков. Их было множество, они были весьма разнообразны по своему содержанию и неравноценны по художественным достоинствам. Обращенные к широкому читателю и весьма популярные в демократических кругах, не все они были собственно народными по своей социальной природе. Встречались среди них книги, представлявшие собой обработку средневековых рыцарских сказаний о высокой благородной любви («Прекрасная Ма-

гелона» и др.). Это были трогательные красочные истории, привлекавшие наивного читателя своим романтическим пафосом.

Молодой Фридрих Энгельс в статье «Немецкие народные книги», которую он опубликовал в 1839 году в гамбургской газете «Немецкий телеграф», издававшейся Карлом Гуцковом, дал очень яркую характеристику этим книгам. И в начале XIX века почти все они пользовались в Германии значительной известностью. Ими увлекались немецкие романтики (И. Гёррес, Л. Тик и др.), введшие их в обиход европейской культуры. По мнению Энгельса, старинные народные книги еще не утратили своего значения. «Народная книга призвана развлечь крестьянина, — пишет автор статьи, — когда он, утомленный, возвращается вечером со своей тяжелой работы, позабавить его, оживить, заставить его позабыть свой тягостный труд, превратить его каменистое поле в благоухающий сад; она призвана обратить мастерскую ремесленника и жалкий чердак измученного ученика в мир поэзии, в золотой дворец, а его дюжую красотку представить в виде прекрасной принцессы; но она также призвана, наряду с библией, прояснить его нравственные чувства, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству»¹.

Наряду с любовными повестями, испытующими чистоту человеческих чувств и облеченными в нарядные сказочные одежды, среди народных книг встречаются и произведения, примыкающие к занимательному бюргерскому роману. Они выдвигают на первый план те или иные нравственные проблемы, которые волновали людей того бурного времени. Таким романом, по сути, является народная книга о Фортунате и его сыновьях (1509), повествующая о драматической судьбе горожан с острова Кипр, ставших жертвой сребролюбия.

Однажды герой книги молодой Фортунат в дремучем лесу встречает Деву Повелительницу счастья, которая предлагает ему выбрать один из шести даров, способных привлечь человека. Это — мудрость, богатство, сила, здоровье, красота и долголетие. Фортунат, удрученный бедностью, выбирает богатство, но этот выбор оказался для него роковым. Тема алчности проходит через всю книгу, оставляя за собой мрачный след. Ради корысти люди идут на подлость, на преступление. В книге много выразительных бытовых эпизодов, иногда как бы заим-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 41, с. 11.

ствованных из уголовной хроники. Завершают книгу назидательные слова автора: «Поэтому всякий, кому предоставят подобный выбор, не раздумывай долго и следуй разуму, а не своей дерзкой и прихотливой душе и выбери вместо богатства мудрость, как и совершил Соломон, благодаря чему стал он богатейшим королем на свете. Но должно полагать, Дева счастья, представляющая такой выбор и давшая Фортунату кошель, изгнана из наших земель и в этом мире ее больше не найти».

«Фортунат» относится к числу наиболее популярных и самобытных народных книг. Есть основания полагать, что автором «Фортуната» был аугсбургский бюргер, может быть, местный хронист Буркхардт Цинк, проявлявший несомненный интерес к городской среде и занятиям горожан. Ему доставляет удовольствие называть все новые города и земли, по которым странствуют его герои, он не упускает случая упомянуть о купеческих сделках и полезных ремеслах. Ведь город Аугсбург в XV—XVI веках принадлежал к числу наиболее развитых в экономическом и культурном отношении городов Германии. Он поддерживал оживленные отношения со многими странами и городами как Запада, так и Востока. В связи с этим вполне понятны многочисленные восточные мотивы «Фортуната». Автор склонен к точным житейским зарисовкам, к верным бытовым деталям.

Герои средневековых рыцарских романов также постоянно странствовали. Только в погоне за рыцарскими подвигами они не останавливались на географических и этнографических деталях своих странствий. Легендарное царство короля Артура, по которому они передвигались, не имело реальных границ и точных временных признаков. И уж конечно среди дорожного скарба странствующего рыцаря мы не нашли бы записную книжку, дважды упоминаемую автором «Фортуната», в которую его любознательный герой аккуратно записывал «всех королей и герцогов», через земли которых он проезжал.

Интерес широких читательских кругов к земным реалиям, к многообразному земному миру был характерен именно для эпохи Возрождения. Особенно понятен он в книге, возникшей в вольном городе Аугсбурге, который в XV—XVI веках был одним из самых развитых торгово-промышленных и культурных центров Германии.

Не без осуждения относится автор «Фортуната» к феодальной знати, способной ради своих эгоистических интересов обидеть и даже загубить незнатного человека (лесной граф,

принцесса Агриппина, графы Теодор Английский и граф Лимози с Кипра).

При всем своем сказочном обрамлении «Фортунат» довольно точно воссоздает очертания вполне реального мира — мира стяжательства, погони за богатством, всего того, что сопутствовало быстрому подъему немецких городов XV—XVI веков. В круговорот сребролюбия вовлечены бюргеры и дворяне, клирики и короли. Даже любовь, столь превозносимая в рыцарской литературе как высокое, неземное чувство, сопрягается в книге о Фортунате с меркантильным расчетом.

Отношение к богатству, к золоту не было в романе однолинейным. Золото способно украсить жизнь, оно отправляет купцов в далекие плавания, расширяет границы известного мира. Но оно же способно пробудить в человеке темные инстинкты, сделать его грабителем и убийцей. Выразительны вплетенные в роман кровавые «уголовные новеллы»: например, «как злодей Андреан убил дворянина, бросил его тело в выгребную яму и бежал прочь». За это убийство расплачиваются жизнью многие невинные люди. Фортунат попадает в руки алчного и жестокого графа, который подвергает его мучительным пыткам. Корысть доводит до гибели хозяина гостиницы, грабившего постояльцев. Корысть толкает принцессу Агриппину на бесчестные поступки. Слепленные корыстью, граф Теодор и граф фон Лимози отнимают жизнь у Андолозия, изобретательного сына Фортуната, и в конце концов сами попадают на плаху. Не раз Фортунат сетует по поводу своего рокового выбора.

По своему составу книга о Фортунате многообразна и многоцветна, сказочные эпизоды переплетаются в ней с точными реальными описаниями; рыцарские турниры и пиршества уступают место мрачным преступлениям, совершенным из алчности. Книга не только увлекала читателя, но и содержала обличительные и нравоучительные тенденции, благодаря чему имела большой успех у широких читательских слоев и выдержала в XVI веке восемнадцать изданий. В начале XIX века ее заново открыли для себя немецкие романтики (Л. Тик, В. Гауф, А. Шамиссо, Л. Уланд), использовавшие ее в своем собственном творчестве.

Широкую известность приобрели также народные книги шуточного или шуточно-обличительного содержания, близкие к площадным шванкам, вобравшим в себя черты карнавального озорства. Их возглавляла книга об изобретательном подмастерье Тиле Уленшпигеле (или, в немецком варианте,

Эйленшпигеле) (Страсбург, 1515), всегда готовом сделать какую-нибудь неприятность скупому и бессердечному хозяину, выжимающему трудовой пот из незащитного труженика. Об этих книгах Фридрих Энгельс писал с большой похвалой: «У немногих народов можно встретить такую коллекцию. Это остроумие, эта естественность замысла и исполнения, добродушный юмор, всегда сопровождающий едкую насмешку, чтобы она не стала слишком злой, паразитическая комичность положений — все это, по правде сказать, могло бы заткнуть за пояс значительную часть нашей литературы. У какого из современных авторов хватило бы выдумки, чтобы создать такую книгу, как «Шильдбюргеры?»»¹

Книга эта вышла в 1598 году под шуточным заглавием «Шильдбюргеры, удивительные, причудливые, неслыханные и доселе не описанные похождения и деяния вышеназванных жителей Шильды из Миснопотамии, что позади Утопии». К 1597 году относится первая редакция произведения «Книга болтунов» (Lalenbuch), собрание почерпнутых из различных сборников шванков XVI века забавных побасенок о проделках и причудах горожан. В «Шильдбюргерах» эти побасенки были приурочены к жителям саксонского селения Шильда, в лице которых народная книга остроумно осмеивает мещанское тупоумие и самодурство.

Впрочем, не всегда жители Шильды отличались глупостью. Было время, когда они обладали большой мудростью. Их охотно призывали к себе князья и вельможи, весьма ценившие их совет и помощь в делах правления. Однако на жизни родного селения их длительное отсутствие сказывалось самым губительным образом. Наконец, женщины Шильды, которым наскучило одиночество, решительно потребовали немедленного возвращения мужей. Последние возвратились и, по совету старейшин, решили искоренить в себе мудрость и превратиться в глупцов, чтобы никто уже больше не вызывал их к себе для помощи и совета и они могли бы безмятежно жить в своем родном селении. Так они и поступили, и вскоре глупость воцарилась в Шильде. За этим следует длинный ряд самых удивительных по своей нелепости и причудливости «похождений и деяний» шильдбюргеров (гл. 9. «Как шильдбюргеры построили новую ратушу и позабыли проделать окна»; гл. 10. «Как шильдбюргеры свет в ратушу носили»; гл. 14. «Как шильдбюргеры пашню солью засеяли...»; гл. 29. «Как шильд-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 41, с. 15—16.

бюргеры свои ноги перепутали и под конец в них снова разобрались» и т. п.), в результате чего селение, затем прославленный город Шильда, сторает дотла. Оставшись без крова, шильдбюргеры с женами и детьми расселяются по миру, повсюду насаждая глупость.

Так на исходе XVI века вновь звучит тема глупости, столь популярная в немецкой литературе конца XV — начала XVI века («Корабль дураков» Себастиана Бранта, «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского и др.). Только сатирические тенденции народной книги о жителях Шильды лишены той социальной остроты, которая присуща памятникам «дурацкой литературы» начала XVI века, а также ранним народным книгам, таким как «Тиль Уленшпигель». Дурачества жителей Шильды всего лишь нелепые причуды смешных глупцов, а не пороки, порожденные социальной или этической дисгармонией. К тому же глупость шильдбюргеров — плод их сознательных устремлений. Они отрекаются от разума во имя мещанского уюта, который, однако, бесследно исчезает в пламени, превратившем Шильду в груды золы. При всем том книга о шильдбюргерах была для своего времени весьма злободневна. В условиях мелкобуржуазной Германии осмеяние филистерского скудоумия имело глубокий общественный смысл.

Ведь и в XVIII веке эта народная книга продолжала сохранять свою привлекательность. Опираясь на нее, выдающийся немецкий просветитель М.-К. Виланд создал свой сатирический роман «История абдеритов» (1774—1780), ядовито осмеивающий высокопарное ничтожество самоуверенных филистеров.

Наряду с народными книгами комического содержания в конце XVI и начале XVII века увидели свет книги, в основе которых лежат исполненные силы и драматизма сказания, принадлежащие, по словам Энгельса, «к самым глубоким творениям народной поэзии всех народов»¹. Это народные книги о докторе Фаусте и Агасфере, Вечном Жиде.

Особенно большое значение для европейской литературы имела легенда о докторе Фаусте. Есть основания полагать, что в основе сказания, корнями своими уходящего в глубь веков, лежали реальные события. В Германии в первой половине XVI века жил чернокнижник Иоганн, или Георг Фауст, выдававший себя за великого ученого и колдуна. По словам аббата

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 41, с. 15.

Тритемия, склонного к магическим штудиям, он похвалялся таким знанием всех наук и такой памятью, что если бы все труды Платона и Аристотеля и вся их философия были начисто забыты, то он, «как новый Ездра Иудейский, по памяти полностью восстановил бы их и даже в более изящном виде». Другой раз он утверждал, что «берется в любое время и сколько угодно раз совершить все то, что совершил Спаситель»¹. Фауст похвалялся умением излечивать все самые тяжкие болезни, а однажды он даже утверждал, что именно ему император Карл V обязан своими победами в Италии.

Легковерная толпа верила Фаусту и, видимо, рукоплескала ему. Правда, иные критически настроенные люди, в их числе ученые-гуманисты, например врач Филипп Бегарди, не без основания считали его шарлатаном и проходимцем.

И все же память о докторе Фаусте надолго сохранилась в Германии. В 1564 году Ганс Сакс посвятил ему одно из своих стихотворений («О том, как по желанию императора Максимилиана I чернокнижник Фауст вызвал из царства мертвых троянского витязя Гектора, Елену Прекрасную и недавно умершую жену императора Марию»).

Наконец, на исходе XVI века появилась обстоятельная биография Фауста в виде народной книги под заглавием «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике, напечатана во Франкфурте-на-Майне Иоганном Шписом» (1587). В книгу были вплетены эпизоды, приуроченные в свое время к различным чародеям (Симон Волхв, Альберт Великий и др.). Источником книги, помимо устных сказаний, послужили также современные сочинения по ведовству и «тайным знаниям».

Автор народной книги придает Фаусту черты неугомонного искателя истины, сближая его с титанами эпохи Возрождения. По словам автора, Фауст «окрылился как орел, захотел постигнуть все глубины неба и земли».

Вместе с тем, будучи глубоко верующим христианином, автор книги видит в порыве Фауста, который ради великого знания продал свою душу дьяволу, проявления греховной гордыни. Он даже замечает по этому поводу: ...и это отступничество его есть не что иное, как его высокомерная гордыня, отчаяние, дерзость и смелость, как у тех великанов, о которых

¹ Легенда о докторе Фаусте. Изд. подготовил В. М. Жирмунский. М., Наука, 1978, с. 9.

пишут поэты, что они гору на гору громоздили и хотели с богом сразиться, или у злого ангела, который ополчился против бога, и за это, за его гордыню и высокомерие, прогнал его господь. Ибо кто дерзает подняться высоко, тот и падет с высоты».

И все же любознательность Фауста, образующая основу многочисленных эпизодов книги, придает ей своеобразный и даже, можно сказать, живописный размах. Фауст заставляет беса Мефостофиля рассказывать ему о явлениях природы, о небесных силах, о падении ангелов, о преисподней, а также о том, как был создан мир и человек. Когда же Мефостофиль, вопреки церковному учению, стал утверждать, что «мир никогда не рождался и никогда не умрет» (гл. 22), то автор книги счел необходимым вмешаться в разговор и решительно заявил: «Дьявол, ты лжешь, божье слово учит иначе». Конечно, искать у нечистой силы истину в ее глубоком выражении было по меньшей мере наивно.

Зато с помощью Мефостофиля любознательному Фаусту удалось посетить множество замечательных городов как Запада, так и Востока. Он увидел Париж, Неаполь, Венецию, украшенную просторными домами, высокими башнями, красивыми храмами, «и все это построено и высится прямо из воды». Не мог Фауст, конечно, миновать и Рима, воздвигнутого на семи холмах. Обратил он внимание на Ватикан, собор святого Петра и папский дворец, окруженный прекрасным парком, и на Латеранскую церковь, в которой много реликвий и священных предметов: «Это, без сомнения, одна из самых богатых и знаменитых церквей во всем мире». Увидел Фауст также много языческих брошенных храмов, много колонн и арок и т. д.

Появление Фауста в папской резиденции предоставило лютеранскому автору народной книги легкую возможность поиздеваться над главой римской католической церкви. Фауста поражает обилие всяческих яств, подносимых папе, множество придворных лизоблюдов, окружающих святого отца; увидел здесь Фауст и пороки, свойственные католическому клиру, как-то: ...высокомерие, чванство, гордыню и дерзость, обжорство, распутство, прелюбодеяние и все безбожное естество папы и его прихлебателей, и он воскликнул: «Мнилось мне, что я стал свиньей или скотом дьявольским, однако этот даст мне очко вперед. Эти свиньи откормились в Риме, и пора им на убой». Став невидимым, доктор Фауст в течение ряда дней подтрунивает над папой, издевается над ним.

На Риме, однако, не заканчивается путешествие знаменитого чернокнижника. За Вечным городом следовали другие города Италии, Германии, Швейцарии, Богемии, Польши, Турции и прочих стран. Среди удивительных земель посетил Фауст и «остров Кавказ» с его горами и вершинами, с которых герой обзревает «многие земли и дали морские».

В заключительной части народной книги Фауст постепенно утрачивает свой титанический порыв к великому знанию и превращается в ловкого и озорного волшебника, с помощью негромантии творящего всякие удивительные дела. По просьбе императора Карла V он вызывает тени Александра Македонского и его супруги (гл. 33); чтобы ублажить своих студентов-собутыльников, он вызывает призрак Елены Прекрасной, «из-за которой погиб славный город Троя» (гл. 49). Елена явилась в драгоценном черном платье из пурпура, с распущенными волосами, блестящими как золото. В дальнейшем мы узнаем из народной книги, что она становится любовницей Фауста и даже рождает ему сына, получающего имя Юстус Фаустус (гл. 59).

Последующие эпизоды все более приобретают характер площадных озорных шванков. Доктор Фауст выступает в них преимущественно как ярмарочный гаер, забавляющий толпу удивительными фокусами (Фауст наколдовывает на голову рыцаря оленьи рога, поднимает на воздух телегу крестьянина, воздвигает призрачный замок на вершине горы, околдовывает толпу пьяных мужиков, остающихся с открытыми ртами, пожирает воз сена и т. п.). Видимо, подобные эпизоды, опускающие народную книгу до уровня базарного лубка, и дали основание Энгельсу сказать, что героическая легенда о Фаусте низведена в народной книге «до уровня банальной истории о ведьмах, прикрашенной обычными анекдотами о волшебстве»¹.

При всем том немецкой книге о докторе Фаусте суждено было сыграть выдающуюся роль в истории мировой литературы. Вскоре после выхода в свет она была переведена на английский язык и в таком виде привлекла внимание замечательного английского драматурга Кристофера Марло, младшего современника Шекспира. Опираясь на немецкую народную книгу, Марло написал свою знаменитую «трагическую историю доктора Фауста» (1588—1589, изд. 1604), явившуюся первой драматической обработкой немецкой легенды. За пьесой

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 41, с. 15.

Марло последовали многочисленные немецкие барочные пьесы XVII века, не дошедшие до наших дней, пока великий Гете не поднял на небывалую высоту старинную легенду о дерзком черно-книжнике, заключившем договор с умным бесом Мефистофелем.

Это один из ярких примеров того, как немецкая литература эпохи Возрождения была связана с будущим, и причиной этого были ее глубокие народные корни. Ибо в XVI веке немецкий народ впервые решительно вторгся на отечественный Парнас, и даже вполне благонамеренные бюргерские авторы не уставали черпать из сокровищницы фольклора.

Б. Пуришев

НЕМЕЦКИЕ
ПРОЗАИЧЕСКИЕ
ШВАНКИ
XVI
ВЕКА

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

называется книга, повествующая о делах мирских на примере поучительных и забавных притч и историй, ради улучшения и исправления человеческой природы

Cum privilegio Im.¹

«ИОГАННЕС ПАУЛИ

1522»

Рассказанное и В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ найдешь ты в этой книжке, скоротаешь времечко, получишь добрый пример и урок, какой может оказаться полезным каждому.

1

Сошлись раз четыре молодые особы, состоявшие в приятных отношениях, шутившие промеж собой и говорившие друг дружке «ты». И одна из них обратилась к трем остальным и сказала: «Ах, как хорошо нам вместе, но когда же мы соберемся вновь и где это будет?» И одну из них звали Огонь. А другую звали Вода. А третью звали Воздух. Но четвертую звали Правда, или же Истина. «Ах, Огонь, — сказала одна из них, — где нам тебя искать?» И та ответила: «В твердом камне, ежели ударите по нему железом, там вы меня найдете». И сама спросила: «А где искать тебя, Воздух, где твой дом?» Та ответила: «Где трепещет на ветке лист, там вы меня и найдете». И сама спросила: «А где, Вода, искать нам тебя, где твой дом?» Та ответила: «Где растет камыш, там копайте вглубь до самых корней, там вы меня и найдете, там мой дом». И в свой черед спросила: «А тебя, благородная Истина, где искать нам тебя?»

¹ С дозволения властей (лат.).

Истина ответила всем сразу: «Ах, милые мои сестры, все вы поведали, где вас можно найти, где ваш дом. У меня же, к несчастью, нету дома, никто не дает мне приюта и убежища, ибо нелюба я всем и повсюду».

2

Жил-был богатый человек, дворянин и большой охотник до женского полу. И был у него слуга и состоял в услужении много лет. И приглянулся этот слуга другому богатому человеку, и тот захотел нанять его. Слуга ответил: «Я бы с удовольствием перешел к вам, да мой хозяин меня не отпустит». А богач ему посоветовал: «Начни-ка говорить своему хозяину чистую правду, он тебя живо отпустит». Слуга сказал: «Так и сделаю». Вскоро после того хозяин велел ему: «Поди-ка да приведи мне девку». Слуга же ответил: «Сударь мой, это называется распутством, вам не след эдаким заниматься». С этой поры непрестанно говорил он хозяину чистую правду. И тот ему однажды заметил: «Знаешь, стали мы с тобой плохо ладить, очень ты ко мне переменялся, потому ступай прочь, я даю тебе расчет». И рассчитал слугу и отпустил его на все четыре стороны. Слуга поспешил к господину, который ему все это посоветовал. А тому, что у Правды нет собственного пристанища и никому неохота ее слушать, есть объяснение и в Писании. Господь наш Иисус Христос сказал: «Никогда не служи двум господам, невзлюбившим друг друга» (Матф. 10). А поскольку весь мир погряз во лжи и служит ее владыке, то Правде он служить не желает и никто не дает ей приюта.

3

А вот вам история о трех петухах, кукарекавших в ночи. Хозяйка дома спозналась с прелюбодеем, служанка же разумела птичий язык. Первый петух прокричал в первую ночь: моя госпожа неверна моему господину. Служанка рассказала об этом хозяйке. Та приказала: «Зарежь его». И петуха зарезали и изжарили. А второй петух завел свою песню на вторую ночь. И

когда хозяйка спросила у служанки, о чем он кричит, та ответила: «Он кричит: мой товарищ погиб за правду». И госпожа повелела: «Зарежь и его». И его зарезали и изжарили. А на третью ночь, пока госпожа лежала в объятиях любовника, закричал третий петух — и закричал он, как растолковала служанка, вот что: «Все вижу, все знаю, а погибнуть не желаю!»

4

В некоем высшем учебном заведении, иначе — университете, учился один молодой дворянин, которому не шло впрок ученье. Он спознался с легкомысленной девицей и просадил с нею все, что имел, под конец же решил задать прощальный ужин и пригласил на него подружку вместе с ее матерью. После трапезы обнял он свою любезную в последний раз и пошел прочь. Девица же благонравная разрыдалась и едва не упала в обморок. Мать, желая ее утешить, напомнила: «Стоит ли плакать, доченька; взгляни лучше, сколько вокруг пригожих студентов, я уж тебя с каким-нибудь красавчиком познакомлю». Дочь в досаде воскликнула: «Ах, матушка, вовсе не потому я плачу, что он ушел, а потому, что ушел он в добром плаще с серебряными застежками. Мог бы и плащ со мной прокутить за милую душу!» Такова была матушка, да и дочка ничуть не хуже. И надо бы студентам да и прочим холостым господам научиться разбираться в людях, потому что тем подавай только деньги. Как написано встарь, «*Venus ex omni gente tributa petit*»¹, а сие означает: ни одна и никогда не блудит бесплатно, ни одна не грешит без вознаграждения.

5

Жил как-то бюргер, у которого было три дочери — и все в самой поре для того, чтобы вступить в суровый орден святого брака. И все же отец никак не мог решить, какую обеспечить приданым первую, потому что жених имелся уже у каждой. И позвал он всех трех и

¹ Венера со всех людей взysкивает прибыль (*лат.*).

сказал им: «Вот что, милые дочки, дам я вам воды, помойте руки, да только смотрите не вытирайте, пускай они обсохнут сами. И у которой руки обсохнут раньше, ту я и выдам замуж первую». Налил им отец воды, вымыли они руки и стали ждать, пока те обсохнут. А самая младшая взялась махать руками да приговаривать: «Не хочу я замуж, не хочу я замуж, не хочу я замуж!» И от этого маханья руки у нее обсохли быстрее, чем у сестер, и ее выдали замуж первой. А старшим пришлось подождать и т. д. Есть, кстати, и загадка, она гласит: угадай-ка, что это: коли сделаешь, то так оно и будет, а коли не сделаешь, все равно так оно и будет. И разгадка: сушить руки. Вытрешь их полотенцем, они станут сухими, а не вытрешь — обсохнут сами. А у дочери младшей невинность была на устах, да не в сердце, потому она и была так хитра, махала руками, чтобы они обсохли, и т. д.

6

Одна великовозрастная девица явилась к судье, облеченному властью, и пожаловалась на некоего молодого человека, сорвавшего цветок ее невинности, да еще, по ее словам, обманом и силой. «Дочь моя, — сказал ей судья, — такое дело я не вправе решать в отсутствие ответчика, он должен быть тут, поэтому ступай-ка домой и приходи завтра в тот же час, а я уже позабочусь, чтобы его доставили». Благочинная девица пошла домой, а судья послал ей вдогонку своего слугу да велел ему притвориться разбойником и отобрать у девицы шаль и кошелек. Слуга поступил как велено, а когда девица пришла назавтра и увидела разбойника возле судьи, она обвинила его в нападении на большой дороге и сказала, что он ограбил бы ее, кабы она не сумела постоять за себя. «Значит, ты в состоянии постоять за себя?» — спросил судья. «Да, я заорала так, что люди отовсюду сбежались мне на выручку!» — «Если б ты так заорала, — сказал ей судья, — когда добрый молодец тебя обольщал и уламывал, тебе бы тоже пришли на выручку. Потому ступай своей дорогой, дочь моя, а обольстителя не вини».

Рассказывают о дряхлом льве, который больше не мог охотиться и лежал в своем логове, и о молодом льве, его сыне, который кормил отца, как сие приличествует. Дряхлый лев отблагодарил молодого отеческим советом: «Милый сын мой, остерегайся человека; не трогай его, потому как он сильнее любого зверя; а коли послушаешься, кончится это для тебя плохо». Но молодой лев был смел и силен, он пренебрег отцовым заветом и вышел на тропу и захотел увидеть человека и помериться с ним силами. И увидел он двух быков под одним ярмом. «Вы люди?» — спросил он их. «Нет, — отвечали они, — но это человек держит нас под ярмом». Лев пошел дальше и встретил здорового жеребца, отменно подкованного и оседланного и под уздой, и тот был привязан к дереву. «Ты человек?» — спросил его лев. «Нет, но это человек привязал меня к дереву». Лев пошел дальше и встретил мужика-дровосека. «Ты человек?» — спросил он, и мужик ответил: «Да». — «Что ж, готовься к бою, я буду с тобой сражаться». Мужик ответил: «Достопочтенный друг, помоги мне сначала расколоть это дерево, а потом все будет так, как ты хочешь». Он рассек топором ствол дерева и попросил льва сунуть в получившуюся щель лапы и поломать ствол. Когда же лев запустил когти в щель, мужик выдернул из нее топор, щель замкнулась, и лев оказался пойман. А мужик побежал в деревню с криком: «Лев! лев!» К дереву поспешили другие мужики, кто с копьями, кто с косами и вилами. Лев понял, что ему несдобровать, и выдрал лапы из щели, когти, однако же, застряли в древесине намертво, и погибли он хоть и избег, но с превеликими мучениями. Молодой лев показал отцу кровоточащие изодранные лапы и признался: «Если б, отец, последовал я твоему совету, ничего подобного со мною бы не произошло. Я признаю твою правоту».

Рассказывают об одном льве, у которого было два сына, и об обоих он позаботился: каждого женил и дал в качестве свадебного подарка добрый лес и три добрых совета, коим они должны были следовать. «Взрадууй-

тес, любезные сыновья, — молвил он, — ибо все звери подвластны вам, остерегайтесь одного только человека и никогда не вступайте с ним в схватку, ибо он сильнее любого зверя. Вот вам другой совет: поддерживайте хорошие отношения с соседями. А третий вам совет: соблюдайте порядок в лесах, вам дарованных, чтобы плодилась в них всяческая живность. И если вы будете следовать им и выполнять эти советы, с вами никогда не случится ничего дурного». И, молвив так, уснул старый лев вечным сном и был погребен. Старший сын стал жить по заветам отца. Младший же принялся ссориться и воевать со своими подданными. Однажды, осерчав на жену и на все на свете, выместил он гнев на обитателях леса, перебил и растерзал многих. И, почуяв опасность, уцелевшие звери бежали от него куда глаза глядят. Оставшись в полном одиночестве, лев решил проведать старшего брата и поглядеть, как идут дела у него. Пришел к брату и говорит: «Любезный брат, как это тебе удастся богатеть и процветать, а я вот нищаю и прозябаю». И старший брат ответил: «Я следую заветам отца, а ты их не исполняешь, ты ссоришься и воюешь со своими подданными. И лес ты привел в запустенье, и звери от тебя сбежали». И он провел брата по своим владениям и показал ему своих подданных. А тех было в лесу несметное количество. В час прогулки повстречали они человека, охотника, ставившего капканы на зверя. И младший брат сказал старшему: «Глянь-ка, брат, вон идет мужик, и он хочет причинить тебе зло. Прыгни на него, разорви его в клочья и сожри». А старший лев ответил: «Отец заповедал остерегаться человека, и никогда не вступать с ним в схватку, и жить с ним мирно». Младший же возроптал: «Если речи дряхлого, выжившего из ума льва значат для тебя больше, чем львиная мощь и львиная гордость, то я сам разорву его в клочья и сам сожру!» И, забыв обо всем, накинулся на человека — но угодил в капкан, поставленный охотником, был пойман и умерщвлен.

Рассказывают о глупом псе, забредшем в долину меж двумя холмами. На каждом из холмов высился замок. В обоих замках существовал обычай вкушать

яства под барабанный бой и игру на дудке. Дудочниками и барабанщиками были стражи, и выводили они одну мелодию за другой. И вот, чуть звук дудки донесся из одного замка, пес понял, что там приступили к трапезе, и помчался на вершину холма. Но посреди дороги он услышал, что музыка в замке смолкла, а в другом, напротив, призывнейшим образом зазвучала. «Откушали, — решил пес, — а теперь кушают вон в том замке», — и пустился вприпрыжку с холма на холм. Но и там музыка смолкла, а из первого замка послышалась вновь. Так и метался глупый пес с горки на горку, пока не прозевал обе трапезы. И столь же непостоянны и непоследовательны многие люди, желающие вкусить всех радостей земных, но уповающие и на жизнь вечную, — и потому весь год предающиеся порокам, с перерывами лишь на посты, да на исповедь, да на святое причастие, да на прочие богоугодные дела, но проку от их стараний немного. И столь же непостоянны и непоследовательны мы все: спешим с утра к Господу, во храм, на проповедь, а после еды идем прямехонько к дьяволу (за карточный стол и т. п.), прихрамывая, как сам нечистый. И ведем себя так до самой кончины, и с грустью думаешь, уж не прозеваем ли мы обе трапезы, как тот глупый пес?

10

Однажды поймали лиса и порешили его повесить, потому что он, разбойник, извел много уток, гусей и кур. К виселице вели две дороги, и лиса хотели повести по правой. Он же попросил, чтобы вели по левой. «А зачем?» — спросили у него. «А затем, — ответил лис, — что на этой дороге пасутся гуси, и я хоть натешусь этим зрелищем напоследок». Таковы же и многие люди в свой смертный час. Одному подавай его гульдены, другому приведи его девку, — и плачут они потому, что жаль расставаться с тем, чем владеют, а вовсе не потому, что стыдятся грехов и желают покаяться перед Господом. Поэтому, как сказал мудрец, уход из нашего мира горек. О смерть, как нестерпима мысль о тебе человеку, дорожающему тем, что у него есть. Но если и мысль о смерти нестерпима, насколько же нестерпима должна быть сама смерть?

Жил-был мужик, изрядный дурень, державший добрый сыр не то в корзине, не то в комодке, да только сыр этот ели мыши. И была у того мужика здоровенная кошка, и посадил он ее в корзину стеречь сыр. А кошка возьми да и сожри и мышей и сыр. Не так ли ведут себя светские и духовные князья, назначая, к примеру, чиновников над простым человеком, которые, под предлогом, допустим, наказания, грабят людей как хотят, а потом и убивают, и высасывают из них кровавый пот, — а именуются при этом пастырями и стражами, но никто не сторожит от них, и бедному человеку приносят они сплошной вред что в саду, что в огороде. Да разве ж это дело — крыть крышу не кровлей, а кровельщиком, разве от этого станет в доме тепло и сухо?

Шли однажды на войну, с оружием и с обозом, как водится, и попался им навстречу дурак и спросил, чем это они промышляют. Ему ответили, мол, идут на войну. А дурак спросил: «Что такое война?» Жжешь деревни, говорят ему, берешь приступом города, губишь вино и хлеб и убиваешь кого ни попадя. «А зачем?» — спрашивает дурак. «А затем, чтобы наступил мир». Дурак и говорит: «А ведь лучше было бы сразу наступить миру, а всем этим бедствиям не случиться вовсе. Выходит, я умней ваших вожаков, потому как, по мне, лучше заключить мир перед войной, а не после нее».

Это случилось во Франции, жил-был там один аббат, высокородный господин, и держал он при себе шута. Шут же этот был самого кроткого нрава и никогда не досаждал никому ни речами, ни делами, как бы над ним при том ни издевались. Но вот однажды пригласил к себе аббат одного чужестранца, дворянина, а у того был огромный нос, да вдобавок еще и перебитый. Только сели за стол, собираясь приступить к трапезе, как шут уставился на гостя, дивясь величине его носа, да не сво-

дил с него глаз — и наконец, опершись локтями о стол, потянулся к нему и спросил: «Почему это у тебя такой большой нос, разве такое бывает?»

Ах ты, господи, добрый гость смутился и покраснел. Аббат же поведал слугам: «Вышвырните дурака отсюда!» Слуги пинками прогнали шута, приговаривая при этом: «Ты, должно быть, спятил!» А шут подумал: сам напаскудил, сам же и подотру. И как только решил, что о нем забыли, вернулся в зал, делая вид, будто ничего не произошло, обошел стол кругом, облокотился на него и сказал гостю: «Ах, какой у тебя крошечный носик!» Гость оскорбился пуще прежнего, а дурака опять вышвырнули из-за стола. Но через какое-то время он вернулся в зал, снова подошел к чужеземцу и воскликнул: «Бог свидетель, есть у тебя нос или нет, меня это совершенно не касается!» Тут уж он хватил через край. Так и бывает со всеми льстецами и лицемерами, которые, вроде как этот шут, хвалят и славят и надеются на ответную ласку, но чем больше хвалят они, тем хуже с ними обходятся, и любви к ним не больше, чем к собаке, смахнувшей кувшин со стола хвостом.

14

Один слуга нахваливал своего господина. Тот же сказал ему: «Почему ты меня хвалишь? Мне кажется, ты хочешь предать меня, раз ты меня так хвалишь, или же ты дурак или уже предал. Разве не видишь ты во мне никаких изъянов? Тогда ты точно круглый дурак. Если же видишь изъяны мои и пороки и не предостерегаешь меня противу них, значит, ты меня предаешь». Вот такой справедливый был господин.

15

Рассказывают доподлинно, что один дворянин купил должность наместника над многими городами и весями, как это иной раз бывает. Стал он объезжать свои владения — и в каждом селе, в любом городе велел людям присягать себе на верность. И всюду, куда ни приезжал, славили его почтенные люди и несли ему в дар всякую всячину, тот одно, а этот другое, кто чем, как говорится,

богат. И был при нем писец, составлявший список даров и дарителей. И честные люди радовались такой дотошности и полагали, что список ведут для того, чтобы не забыть их имен и отблагодарить дарителей в свой черед. Так они и говорили друг дружке и спешили превзойти один другого в щедрости. А дело обстояло совсем иначе: подаренное впервые добровольно он записывал, чтобы впредь требовать не меньшего постоянно и без всякого повода, для чего им этот список и велся. И приказал наместник своим челядинцам и кнехтам рыскать по округе и требовать с каждого согласно списку. Но вот однажды он заболел — и заболел болезнью богатых людей, хотя она, случается, не щадит и бедных, — он заболел подагрой, и не мог больше сделать ни шагу, и возлег на ложе в зале, и развели перед ним огонь в камине, как принято в странах, где не кладут печей.

И был у него шут, большой забавник и выдумщик, изрядно потешавший своего господина. И однажды, когда никого не оказалось поблизости, огонь же пылал всюю, принялся шут играть с огнем, подкладывая солому и хворост и в конце концов поджег хозяйское ложе. Наместник закричал дурным голосом и начал увещевать шута: «Дурак, погаси огонь! Или ты хочешь сжечь меня живьем?» А дурак заупрямился и ответил: «Не погашу». — «Да почему ж не погасишь?» И шут ответил: «Потому что, коли я его сейчас погашу, ты возьмешь это за правило, и завтра мне придется опять гасить его, и послезавтра тоже. Так ведь и говорят твои разнесчастные подданные: единожды дав тебе, даешь затем опять и опять». Пламя охватило между тем все ложе, и наместник сгорел живьем. Ибо за каждый грех будет нам воздаяние (Книга премудростей, 11). Господь избрал шута орудием отмщенья, не зря же рек Сенека в послании святому Павлу, что Бог говорит порой и устами дурака. Так было и тут, шут обличил господина в дурном пристрастии, что обрекло его пламени земному и пламени вечному.

Жил некогда один дворянин, держал он сокола для охоты и не мог на него нарадоваться. В дружеской компании за столом расписывал он без усталости достоинства

замечательной птицы. Но однажды, когда ему случилось быть в отъезде, шут схватил сокола, изжарил и съел. И когда хозяин вернулся, еще и попрекнул его: «Эдак ты меня обманул! Ты говорил, что эта птица на диво хороша, а я изжарил ее и съел — и все-то она не хороша, мясо жесткое и т. п.». Что означает: истинные лакомки до диковин.

Пригласил один дворянин на обед своего духовного отца, состоявшего в монашеском ордене. Сели они за стол и вкусили яств, дворянин, и жена его, и оба сына, и обе дочери. Тут подали жаркое из дичи — не то рябчика, не то каплуна или нечто в таком же роде. Хозяин положил каплуна на тарелку перед священником и попросил разделить его на всех. Священник отодвинул тарелку, промолвив: «Я этого не умею. Да и откуда мне было научиться разделять дичь?» Хозяин же вновь придвинул к нему тарелку и попросил разделить птицу по своему разумению. Монах ответил на это: «Если уж я должен его разделить на всех, то разделю его так, как заповедано в Священном писании». Жена хозяина поддакнула: «Так-то, святой отец, разделите, как заповедано в Писании». Монах отрезал каплуна голову и положил на тарелку хозяина. Затем отрезал шею и положил на тарелку хозяйке. Отрезал крылышки и положил перед барышнями. Отрезал ножки и положил перед хозяйскими сыновьями. А все, что осталось, съел сам и ни с кем не поделился. Когда с каплуном было покончено, хозяин спросил: «Отец исповедник, где написано, что каплуна надо делить именно так?» Монах же ответил: «Так, сын мой, написано у меня в мозгу. Вы в своем доме глава, и поэтому вам досталась голова птицы. Милостивая государыня ближайший к вам человек и получила поэтому ближайшую к голове часть, сиречь шею. Барышням же подобают крылышки, потому что они постоянно парят то в мечтах, то в тревогах о будущем муже: что это окажется за человек да что за приданое за ними дадут, — поэтому крылышки им в самый раз. Юношам же достались ножки, потому что на них, то бишь на юношах, стоит весь ваш род, как на ножках стоит каплун. Потому-то им и достались ножки. Ну а то,

что осталось, это уже не птица, а так, не пойми что — без головы, без шеи, без крыльышек и без ножек. А у монаха капюшон, как клюв, сзади на туловище, потому-то мне и досталось туловище».

Рыцарь взял в плен сына одного достопочтенного горожанина, привез его в замок и заточил в башне. Протомившись некоторое время в заточении, молодой человек попросил о свидании с рыцарем, передав, что имеет сообщить ему нечто важное. Рыцарь проведал пленника, и тот начал: «Милостивый господин, я томлюсь в башне, от чего ни мне, ни вам нет никакого прока, а родные мои все не шлют сто гульденов причитающегося за меня выкупа. Будьте милосердны, отпустите меня домой, а через два месяца я ворочусь и привезу деньги как добрый христианин». Хозяин спросил: «А кто поручится за тебя?» — «Нет у меня никого и ничего, — ответил пленник, — но я оставлю за себя поручителем Господа Бога и дам вам именем Господним клятву срок соблюсти». Рыцарь ответил: «На такого поручителя я согласен». Он взял с молодого человека клятву и отпустил его домой. Бедный юноша вернулся к себе на родину, продал все добро, чтобы собрать нужную сумму, а уложиться в срок все равно не смог, вопреки обещанью, и просрочил выплату на три недели. И как раз в эти три недели случилось так, что ехал наш рыцарь с двумя оруженосцами по полю, и повстречался им аббат или какой-то важный монах со слугой, и были они на двух добрых конях. Рыцарь сказал своим спутникам: «Гляньте-ка, вон едет монах, да на добром коне, едет гордо, как рыцарь, а подобает ему разъезжать на осле. Ну-ка давайте кое-чего учудим!» Подъехал к монаху, взял лошадь под уздцы и спросил: «Кто вы, любезный, кто ваш хозяин?» Монах ответствовал: «Я служитель Божий, хозяин мой сам Господь Бог». — «Вот ведь как кстати! — воскликнул рыцарь. — Хозяин-то ваш мне кое-что задолжал! Был у меня пленник, я отпустил его, а в поручители он оставил вашего Бога. Ну, с Бога мне взять нечего, больно уж он могуч, а служителям его я спуску не дам!» И погнал монаха, заставив спешиться, к себе в замок и отнял все, что у того было. А тут явился

недавний пленник, упал перед господином в ноги, сказал, что принес деньги, какие только смог собрать с бедных людей, и гневаться на него не след. Рыцарь же возразил: «Встань с колен, милый мой, оставь свои деньги при себе и езжай куда хочешь, потому что выкуп за тебя уже внесен». Вот вам образчик истинно дурного примера, какой подают монахи, гордо разъезжая на добрых конях и сердя тем господ, ибо не роскошь обеспечивать и не гордыню тешить должны подаяния, но единственно служить Господу.

19

Жил один богатый священник, у которого было много денег и, как положено лицам духовного звания, немало забот. Куда бы ни прятал он свои сокровища, все, казалось ему, ненадежно: проведуют и украдут. Наконец удумал он спрятать деньги в святом алтаре — так, мол, оно всего надежнее. Спрятал, да еще и написал: здесь покоится Господь Бог. Каково же ему было найти алтарь пустым, а под прежней надписью новую: «Господь Бог воскрес». Так обошелся с ним один хитрец. Священник же, говорят, от огорчения умер.

20

Послали однажды мытаря в деревеньку, чтобы взysкать долг с одного мужика. И предстал ему дьявол в образе обыкновенного крестьянина, и пошли они рядышком. А когда проходили одним селом, там заплакал ребенок, и мать, осерчав, закричала: «Да замолчи ты, черт бы тебя побрал!» И мытарь сказал черту: «Слышишь, тебе отдают ребенка, почему ты его не забираешь?» А черт ответил: «Женщина говорит не всерьез, она просто сердчает». Идут они дальше и видят на лугу стадо свиней, а одна свинья отделилась от стада — и бежать; пастух еле догнал ее и говорит в сердцах: «Черт бы побрал всех этих свиней!» И опять удивился мытарь: «Вот и свиней тебе отдают, а ты все брезгуешь». И черт ответил: «Свинья мне ни к чему, а бедному пастуху пришлось бы уплатить за нее из своего кармана». И вот пришли во двор к должнику, а тот стоял у

37

амбара и, увидев мытаря, принялся ругаться: «Черт бы побрал этого мытаря, убрался бы он к черту!» И черт сказал мытарю: «Слышишь, чего просит мужик? И он просит этого, поверь, всерьез. Поэтому тебе придется пойти со мной». И увел его. Посему всем мытарям надлежит перед тем, как взимать долг или налог, получить на это благословение Божие, потому как к черту их посылают постоянно.

21

Была одна девица в городе служанкой, и не давали ей проходу мужчины. Поэтому решила она оставить городскую жизнь и наняться куда-нибудь в замок. А на дороге к замку, у дуба, повстречался ей черт в человеческом образе и спросил у нее, куда это она собралась. Девица ответила. Черт сказал: «Я бы тебе такого не посоветовал. Рыцари такие же потаскуны, как все прочие, не пришлось бы тебе каяться». А девица ему: «Нет уж, я сумею дать им отпор!» Не прошло и полугода, как оказалась она в тягости, работать уже не могла, и поэтому ее рассчитали. Спускаясь с горы, она вновь оказалась у дуба, и черт снова был тут как тут и спросил ее, почему она плачет. «Я жду ребенка, — отвечала она, — черт понес меня в этот замок!» Черт ударил ее по щеке и воскликнул: «Все-то ты лжешь. Здесь, у этого дуба, я отговаривал тебя идти в замок, ты же меня не послушалась». Черту часто приписывают всяческие дела, хотя никакого черта в округе не водится. Как сказал Иаков, соблазняет не диавол, а наши собственные дурные желания.

22

Ехали однажды купцы на ярмарку во Франкфурт большой компанией, человек десять или двенадцать, и был среди них лошадиный барышник. Заночевали как-то раз на постоялом дворе, а кроватей было мало, и пришлось им лечь по двое. И тот, с кем довелось разделить ложе барышнику, сказал ему: «Знаешь, приятель, я мастер играть в мяч, а ночью мне, бывает, снится, что я по нему луплю. Поэтому ежели я тебе ночью залеплю

по носу, ты уж не взыщи, потому как будет это во сне и невзначай». Барышник ответил ему: «Мне приходится иметь дело с норовистыми лошадками, и ежели мне приснится, что я объезжаю одну из них и даю ей шпор, то не взыщи и сам». И с этими словами встал, как будто собрался до ветру, и привязал к ногам шпоры. И когда в полночь любитель игры в мяч начал лупить по барышнику, как по мячу, тот в ответ заскакал и исколол шпорами своего напарника в спину и в бедра до крови. Так подтвердилось сказанное Давидом. Сказано же было: не след травить лису лисами.

23

Сидели две женщины в доме у ткача и обе пряли. Одна была богата, другая бедна, и заспорили они об одном мотке пряжи: каждая утверждала, что он принадлежит ей. И пришли они с этим к судье, и каждая обвиняла другую. Судья решил доискаться истины. Он отозвал в сторонку богатую и спросил: «А на что ты намотала пряжу?» — «На белый платочек». Отозвал бедную и спросил ее о том же. «На маленький камушек». И повелел судья размотать пряжу — и выяснилось, что бедная женщина говорила правду, потому что пряжа была намотана на камушек. Так вот должен каждый судья искать истину со всемерным прилежанием, а не уклоняться от дела, как поступают многие судьи, обращающие внимание на содеявшего, а не на содеянное. Потому-то встарь и завязывали судьям глаза, чтобы они не смотрели, а слушали.

24

Случай этот произошел, как утверждают честные люди, в году от Рождества Христова тысяча пятьсот шестом. Ехал во Франкфурт на ярмарку один купец, и выпал у него из седла кошель, в котором было восемьсот гульденов. А по дороге шел плотник — и нашел кошель, и подобрал его, и понес к себе домой. Придя же домой, открыл кошель, увидел, что там лежит, и решил его пока припрятать на случай, если кто-нибудь станет

искать. А на следующее воскресенье священник той деревеньки, где жил плотник, провозгласил с амвона: потеряны восемьсот гульденов, и нашедшему их обещана награда в сто гульденов, ежели он их вернет. А плотник в тот день не ходил в церковь и услышал об этом от жены за завтраком. «Ах, — воскликнула она, — вот найти бы нам этот кошель, тогда б и сто гульденов нам достались!» Муж ответил ей: «Ступай, жена, наверх, в нашу спальню, там, под скамьей у стола, на каменной приступочке, найдешь кожаный кошель, вот и тащи его сюда». Жена так и сделала. Плотник открыл кошель — и было там восемьсот гульденов, как и сказал священник. И пошел он к священнику и спросил, верно ли ему передали, что нашедшему деньги дадут в награду сто гульденов. Священник говорит: «Верно». — «Зовика купца, — воскликнул плотник, — деньги у меня!» Купец обрадовался, прослышав о находке, и поспешил к ним. Пересчитав деньги, он кинул пять гульденов плотнику и сказал: «Вот тебе пять гульденов от меня в подарок, а сто ты уже взял без спросу сам, потому что в кошельке было ровно девятьсот гульденов». Плотник ответил: «Я не таков, ни единого гульдена я не взял, не то что сотни, я человек верующий». А раз пошел такой спор, то решать его пришлось в суде. Заседали несколько дней, и к часу объявления приговора собралось множество народу, всем хотелось услышать, как решится дело. И спросили купца, правду ли говорит он и может ли присягнуть, что потерял ровно девятьсот гульденов. И купец говорит: «Да». И велит ему судья: «Подними руку и присягни». И купец присягнул. А потом спросили у плотника, может ли он присягнуть, что нашел не больше восьмисот гульденов. И плотник тоже сказал «да» и присягнул. И решил судья, что правы оба, — и купец, потерявший девятьсот гульденов, и плотник, нашедший восемьсот. А раз так, то надобно купцу поискать человека, нашедшего девятьсот гульденов, кошель-то, видать, выходит, не его, раз он не смог назвать верную сумму, и плотник вправе распоряжаться находкой по своему усмотрению, пока не объявится тот, кто потерял как раз восемьсот. И всем пришелся по сердцу такой приговор, и был он справедлив, потому что зло наказало само себя, и подтвердилась присказка: «Кто много хочет, тот мало получит».

А вот еще один справедливый приговор. Один греческий тиран по имени Пиллус придумал в подарок другому тирану, Фаларису, новое орудие пытки, призванное казнить, равно как и устрашать злодеев. Отлили из меди быка, внутри полого, с дверцей в боку: туда надлежало помещать несчастного истязуемого. Под извятием же задумано было развести огонь, чтобы медь постепенно накалялась, несчастный терзался и кричал от боли, как бык. Однако Фаларис ужаснулся жестокому изобретению Пиллуса, и, как пишет Оросий, втокнул в узилище самого изобретателя, и проверил, разводя под медным быком огонь, похож ли голос Пиллуса на бычий.

Один дворянин, владеющий несколькими деревеньками, призвал к себе двух ученых мужей, докторов, и загадал им следующую загадку: «Ежели дворянину принадлежат деревни и жители деревень, то не означает ли это, что ему же принадлежит и все добро деревенских жителей?» И добавил, что тому ученому мужу, разгадка которого будет верна, он подарит лошадь ценою примерно в сорок гульденов. Первый доктор сказал: «Нет, добро этих людей дворянину не принадлежит». Второй возразил ему: «Отчего же? Как же может добро не принадлежать тому, кому принадлежат владельцы этого добра?» И был одарен за лукавый ответ лошадью. А первый ученый муж, сказавший сущую правду, посетовал в рифму:

Я стремился дать разгадку,
Лжец польстился на лошадку.

Затеял один горожанин судебную тяжбу, и пошел, как водится, к судье, и преподнес ему в дар повозку, а может, и карету. Но когда тот, с кем он судился, прослышал о таком даре, он сам пошел к судье и преподнес ему пару запрежных. А когда дело дошло до приговора, то

вынесен он был отнюдь не в пользу того, кто преподнес карету. И сказал проигравший: «Ах, карета моя, карета, по какой кривой дорожке ты покатишься». Судья же, услышав такое, возразил: «Карета сама не катится, она едет туда, куда лошади везут ее». Так вот судьи и стряпчие принимают подношения, и бахвалятся, и сулят скорый успех, и обещают за мзду выиграть любое дело, — да вслед за одною мздой ждут другой, — а уж прореху в законе всегда отыщут. О них-то, видать, и сказал Исайя: «Горе вам, выдающие белое за черное, а черное за белое, горе вам, ведущие себя не по-людски».

28

Запретил врач одному больному принимать в пищу свинину, молоко, рыбу, овощи и т. д. Больной возразил: «Все бы хорошо, но без рыбы мне не обойтись, потому как я рыбак». Врач посоветовал: «Вкушайте же только рыбий хвост, он не приносит вреда, ибо находится под водою в беспрестанном движении». — «Коли так, — заметил больной, — то не худо бы мне полакомиться и языком моей супружницы, он-то уж находится в беспрестанном движении и днем и ночью». Поэтому не след слушать врачей.

29

В одной деревне враждовали друг с дружкой две соседки и норовили превзойти одна другую по части всяческих пакостей. Работающие были женщины и благочестивые, но сварливые и злые. Палисад у них располагался за домом, и стоило одной затеять уборку, как весь мусор летел через забор к соседке. Да не тут-то было — та подбирала мусор руками и перебрасывала обратно. И повторялось это по многу раз подряд. А одной из них и того было мало, и задумала она вот что: набрала мелких камушков, накалила их, перемешала с горячей золой, а потом, дождавшись появления соседки во дворе, высыпала пепел с камнями через забор. Учув такое, соседка рванулась было голыми руками перекинуть мусор обратно, как поступала не раз, да обожглась о золу и горячие камни. Стала она плевать на пальцы и заорала как оглашенная. С тех пор они ничего друг

43

дружке через забор не кидали. Говорит же Францискус Петрарка, что злоба и зависть проистекают из житья по соседству и находящиеся на достаточном удалении друг от друга подобных чувств не испытывают. Король Французский не испытывает ненависти к Царю Сирийскому; ему нет до него никакого дела, а ненавидит он только своих соседей, будь это Король Испанский или Английский или кто-нибудь еще. Вот их он и ненавидит, и нестерпимо ему быть не самым могущественным властелином во вселенной. Сильные мира сего норовят обвести друг дружку вокруг пальца, враждуют и завидуют, — ведь каждому досадно наблюдать, как богат и славен другой. Поэтому на голубой крови не сделаешь кровяную колбасу, она вмиг распадется. Таково же и члену магистрата, отправленному послом к королю или к императору, или просто на заседании, когда его опережает кто-нибудь пошустрей, а о нем самом забывают: вот он этому шустрому и завидует, потому что тот рядом, — а живи он в другом городе, так и печалиться бы не стоило. Не иначе обстоит дело и с нами, лицами духовного звания, — заведись изрядный проповедник где-нибудь в сорока милях от моего дома, мне было бы все равно; а приди он в мой город, да засти своим светом мой светоч, да брось тень на мое дарование, — я бы ему, признаюсь, позавидовал.

Не иначе и с женщинами: на незнакомую красавицу где-нибудь на улице смотришь с удовольствием, раз уж она всем желанна и хороша, а придя в гости, хочешь найти не красивую хозяйку, а хорошую печь. Да, кстати, если уж в доме уродливая хозяйка, то печь должна быть непременно хороша. Чтобы гость, зайдя в дом и увидев уродливую хозяйку, мог перевести взор на печь и воскликнуть: «Клянусь всем святым, что за славная печь!» А если одна красавица живет в Кельне, а другая в Страсбурге, то они друг дружке не завидуют, случись же им жить по соседству да выслушивать похвалы сопернице, они бы тотчас одна другую невзлюбили. Поэтому с соседями надлежит жить в мире, избегать ссор и не связываться с теми, кто горазд на пакости.

Не будешь знать, чего ты стоишь,
Пока с соседом не повздоришь.

Жила-была женщина, обращавшаяся со своим супругом чрезвычайно нежно, выказывавшая ему любовь и говорившая соответствующие слова — мол, случись ему смертельно заболеть, так пусть уж лучше она сама умрет первой, потому что смерть его было бы ей не перенести. И подумал муж: а хорошо бы узнать, как она будет вести себя на самом деле, когда его не станет. И вот затеяла она однажды на реке большую стирку и завозилась с нею до десяти часов и еще ничего не ела. Когда же увидел муж, что она возвращается домой, лег он на спину, раскинул руки, как мертвец, и затаил дыхание. Найдя его в таком положении, жена испугалась и попробовала было к нему обратиться, но он молчал. Она сложила ему руки на груди, но те сразу же судорожным движением упали вновь, и ей показалось, что он как раз в это мгновение внезапно умер. Что же делать, подумала женщина. Крик поднять? Но я устала, и не просохла, и еще не завтракала. Сначала надо бы переодеться в сухое и поесть. Переоделась в сухое, пожарила себе яичницу, съела ее, да и остатками солонины от ужина не побрезговала. А как поела, так разобрала ее жажда, и взяла она умеренных размеров кувшин и поспешила с ним в погреб за вином. Но прежде чем кувшин был налит доверху, кто-то принялся отчаянно стучать в ворота. Так ей и не пришлось выпить — поставила кувшин на приступку в погребе и побежала открывать. Оказалось, пришла соседка. «Что это вы так запираетесь, — полюбопытствовала она, — не случилось ли чего дурного?» Тогда хозяйка зарыдала и поведала, что ее муж скоропостижно скончался. Собрались и другие соседи, человек примерно двадцать, встали над мертвецом и запричитали. И добрая женщина воскликнула: «Дорогой мой муженек, почему мне так плохо, как прикажешь жить дальше?» И стала ломать руки. Муж решил: пошутили — и хватит, сел на ложе и произнес: «Женщина, ты плотно позавтракала, и сейчас тебе плохо, потому что ты не успела выпить кувшинчик вина, припасенный тобою в погребе». Сразу же всеобщее горе перешло в веселье, но виновнику торжества запало в душу, как повела себя его супруга, поверив в кончину мужа. Да и кому не захочется узнать, что

будет делать жена после твоей смерти! Францискус Петрарка говорит: она будет печалиться и пребывать в одиночестве или же заведет себе другого мужа, и тогда ее поведение станет его заботой. Ибо обязанности праведной жены состоят в том, чтобы блюсти верность тебе при твоей жизни. Или полагаешь ты, что ей надлежит оставаться верною и твоему бездушному праху, как выражается Вергилий? А сколько замужних женщин мечтают о других мужчинах при жизни мужа! Да еще и размышляют при этом так: случись моему супругу умереть, откуда мне будет взять мужчину красивей, добродетельней и богаче, чем этот? А чести от этого ведь, как говорится, не убудет, помыслы пошłościю не обложишь. Никому не дано познать мысли собственной супруги иным способом, кроме описанного выше.

31

Рассказывают об одном человеке, который запретил своей супруге думать. И вот однажды, в его отсутствие, изжарила она петуха и съела его целиком. И с хитрым умыслом оставила на столе обглоданные кости. Воротясь домой, муж увидел на столе объедки и сказал: «А обо мне ты не подумала? Могла бы и мужу курятины оставить». А жена ответила: «Ты же запретил мне думать, вот я о тебе и не подумала». И снял он с нее свой запрет. Да и кому не захочется узнать, как поведет себя твоя жена после твоей смерти, а ведь на самом деле не знаешь, как она ведет себя при твоей жизни в твоём же собственном доме! Да не жены только одни: оба супруга друг другу под стать — клянутся во взаимной любви, пока они вместе, а чуть твою дражайшую половину приберут и даже прах не успеет остыть — уже заводят себе нового мужа или новую жену.

32

Ехал однажды по полю епископ с поездом из сорока лошадей, и увидел он на пашне крестьянина. Мужик бросил пахать, оперся на плуг и глянул на всадника. Епископ подъехал к нему и спросил: «Скажи-ка мне, любезный, да только чистую правду, что ты подумал,

увидев мой поезд?» Мужик ответил: «Подумал я, сударь мой, доводилось ли так, с сорока лошаадьми, разъезжать по свету святому Килиану Вюрцбургскому». Епископ возразил: «Я ведь не только епископ, я светский князь. Ныне зришь ты во мне светского князя, а если хочешь узреть епископа, то приходи в День Святой Богоматери в Вюрцбург, там ты его увидишь». А мужик возьми да расхохочись. Епископ спросил, что тут смешного. Мужик ответил: «А коли черт возьмет князя, куда денется епископ?» И епископ умчался прочь, беседа ему наскучила.

Жил-был один купец. И однажды ночью никак не мог заснуть и метался по постели, и жена спросила его: «Чего это тебе, муженек, не спится?» — «Ах, — ответил ей муж, — ты смогла бы развеять мою печаль, если бы захотела». — «С радостью», — сказала жена. «Видишь ли, завел я припас вина, хлеба, соли, мяса, сала и всего, что нужно, ровно на год за вычетом одного дня. Если бы мы смогли обойтись без еды всего один день, нам хватило бы на год. И вот пришла мне на ум одна уловка. С ее помощью мы этот проклятый день выгадаем. Когда вся наша челядь, батраки и служанки, выйдут в поле, я прикинусь мертвецом. Ты позаботишься о саване, о кресте, о свечах, о воде и будешь бдеть возле тела и плакать. И когда вернутся они с поля, от горя не смогут взять в рот ни крошки». Жене такая затея понравилась, хорошенько приготовились они оба, и когда люди вернулись с поля, предстала им плачущая возле трупы хозяйка, и пожаловалась она им, что супруг ее и хозяин внезапно умер. Люди перепугались и каждый по пять раз прочитал «Отче наш» и по столько же «Аве Мария». Помолившись за упокой и покончив с этим, слуги заговорили: «А теперь, хозяйка, тащи-ка еду». — «Как вы можете говорить о еде, когда у нас такое горе?» — «Горе не горе, — ответили ей, — а есть-то надо. Нам ведь и в поле возвращаться придется, как же работать голодными? Давай-ка пошевеливайся!» А когда уселись они за стол и принялись за еду, мнимый мертвец подумал: «Уловка сорвалась, но ежели я сейчас оживу, они решат, что мертвец воскрес, ужасно испугаются и у них кусок в горло не полезет от страха». И сел в постели. Но

один из батраков схватил топор и зарубил его насмерть. Хозяйка заорала на него: «Ах ты, подлый душегуб, ты убил моего мужа!» А батрак ответил: «Как же так, хозяйка, ты сама сказал, что он умер, а тут, видать, бес вселился в его тело, вот этого беса-то я и выгнал, раз уж хозяин свое отжил». Так вот теряют иные жизнь телесную и жизнь вечную, в жизни телесной воплощенную, это ясно как божий день. Один спешит на войну, чтобы захватить добычу, и погибает, торговец торгует, вор ворует, а жизнь у каждого одна, и вечная жизнь тоже одна.

34

Умер один ростовщик, и тело его было таким тяжелым, что никто не мог поднять его. И кто-то сказал: «По нашим обычаям, каждого должны хоронить люди из его цеха: портного — портные, гончара — гончары, поэтому позовем четверых ростовщиков, и пусть они его хоронят — и, бьюсь об заклад, они смогут его поднять и перенести». И впрямь, четверо ростовщиков подняли пятого как перышко.

35

Один ростовщик был на проповеди; выйдя же из церкви, он осерчал и начал браниться. Повстречался ему добрый знакомец и спросил: «Сударь мой, на кого это вы так осерчали?» Ростовщик ответил: «На проповедника, которому вздумалось утверждать, что черт собственноручно затащит всех ростовщиков к себе в ад». Знакомый возразил: «Это ложь. Дайте мне семишник, и я при всем честном народе подойду к нему и скажу, что он неправ». Ростовщик дал ему семишник. А тот пошел в церковь и подошел к амвону. Следом за ним вошел в церковь и ростовщик. Получивший семишник обратился к священнику: «Сударь мой, вы утверждали в своей проповеди, что черт собственноручно затащит всех ростовщиков к себе в ад». — «Да, — ответил священник, — это суцая правда». — «Нет, сударь мой, это неправда». Проповедник любопытствовал — почему. «А потому, что для ростовщиков было бы больно много

чести, если бы черт собственноручно затаскивал их к себе в ад. Он берет их за ноги и швыряет в бездну». Все рассмеялись, семишник был заработан честно, а ростовщик осерчал еще сильнее.

36

Лежал один ростовщик при последнем издыхании, и родные молили его покаяться в грехах и заслужить тем самым вечное прощение. Ростовщик же пропускал их слова мимо ушей. Наконец, в ответ на их все растущую настойчивость, он рассерженно возразил: «Мое сердце не способно на раскаяние, сперва подыщите мне другое сердце». Из чего ясно: не для того зашивают золото в мешок, чтобы его оттуда доставать.

37

Один князь путешествовал вместе с княгиней, и остались они на ночлег в замке у некоего рыцаря. У рыцаря был сын, обделенный даром речи. За трапезой немой прислуживал пирующим и вел себя при этом вежливо и благородно и достоинства своего не ронял. Князю захотелось побеседовать с ним. Отец юноши возразил: «Милостивый государь, он не может говорить, он немой». Княгиня тут же сообразила: вот для меня слуга, о каком я всегда мечтала: он не проболтается, перед ним нечего будет стесняться. И сказала мужу, что надо бы взять юношу к ней в услужение. Рыцарь не смог отказать князю в этой просьбе. И когда они вернулись домой и князь собрался в дорогу вновь, уже один, она велела юноше подать себе в спальню вина, а тут, откуда ни возьмись, явился туда же некий рыцарь, и немому стало ясно, в чем тут загвоздка. Год или два спустя князь отправился в гости к отцу немого и захватил его с собой, чтобы тот мог повидаться с родителями. И опять немой юноша прислуживал князю на пиру. Князь спросил у хозяина: «А что, твой сын немой от рождения, или вследствие какой-то болезни, или еще по какой-нибудь причине?» И отец ответил: «Он вовсе не немой, он умеет разговаривать, но не умеет держать язык за зубами, он выбалтывает все, что знает, и порочит людей, хотя и

говорит при этом чистую правду. Вот почему я запретил ему разговаривать, и с тех пор он молчит». Князь обратился к владельцу замка: «Сударь мой, пусть же он заговорит, я прошу вас об этом». И тот согласился: «Ладно, сын, так и быть, скажи нашему милостивому князю что-нибудь». И сын сказал: «Милостивый государь, во всем государстве нет худшей потаскухи, чем ваша супруга». Князь же ответил: «Ладно, помалкивай, ты сказал уже слишком много и не сказал мне при этом ничего нового».

38

Знайте же, чада мои любезные, что ежели каждому прелюбодею или прелюбодейке отрубать руку, то резко возрастет цена на шелк и на полотно. Почему? А потому что ткачих считай что не останется. Я, автор этой книги, был учителем и проповедником в одном городе, где жили два брата, оба женатые, и каждый держал вдобавок по любовнице. Люди остерегали их, они же упорствовали и бегали к девкам и пренебрегали супружескими обязанностями. Городская управа решила поймать их на этом и примерно наказать: наряду с прочими штрафами и пенями, взяли с них клятву никогда не носить другой одежды, кроме длиннополых серых кафтанов. Однажды случилось мне проповедовать в церкви этого города, и я сказал: «Если обязать всех прелюбодеев носить серые кафтаны, то откуда мне, бедному монаху, взять ткань на рясу, ведь прелюбодеев и прелюбоდეек столько, что серое сукно резко вздорожает».

39

Приехал в Рим некий шваб, и оказался он среди итальянцев впервые, и налили ему доброго итальянского вина, а вина ему пить не доводилось отродясь, и не знал он, что это такое. И подозвал он хозяина и спросил его тайком, что за сок тот ему поднес. Хозяин сообразил, что перед ним за птица, и сказал: «Сие слезы Божьи». Тогда шваб возвел очи горе и воскликнул: «О Господи, почему ты никогда не плачешь у нас, в Швабии?»

50

У одного человека был жар, и он остужал его вином. Пришел к нему другой и говорит: «Хочешь, вылечу?» — «Вылечи, друг мой, да только от жара, а не от жажды — больно уж приятно холодное вино холодит желудок».

Один человек сказал: «Меня постоянно одолевает жажда». Другой спросил «Почему бы это?» А тот ответил: «Стоит мне помыться, и меня начинает мучить жажда и мучит меня восемь дней подряд, а моюсь я раз в восемь дней». Есть пословица: кому не спится, пускай сходит на проповедь, кому не верится в Господа, пускай отправится в морское путешествие, кому не пьется, пускай помоется. Четвертая же мысль пословицы касается дорожного времяпрепровождения, когда сочиняют добрые шванки. Кому не по вкусу яблоки, тот должен выстричь тонзуру или надеть рясу. Если ты набожен и целомудрен и тяготишься этим, выстриги тонзуру и надень рясу — и печаль твоя мигом пройдет, потому что людей развратнее, чем монахи, не бывает. Но храни тебя от этого Господь!

Один монах гостил в доме у горожанина и служил Господу, но главным образом сражался с нечистой силой. И наконец он воскликнул: «Ответствуй мне, нечистая сила, как угодить тебе, чтобы ты оставила меня в покое?» И черт отвечивал: «Выбирай одно из трех. Или согреши с хозяйкой дома, давшего тебе уют». Монах не захотел это делать. «Или убей хозяина». Монах опять отказался. «Или, — сказал черт, — напейся допьяну». — «Ладно, — ответил монах, — так уж и быть, напьюсь». А напившись, согрешил с хозяйкой дома, а когда застал его за этим нечестивым занятием хозяин и захотел наказать — убил хозяина. Так он выполнил все три чертовы условия. Храни тебя от этого Господь!

Франциск, герцог Миланский, прослышал об одном чудовищном обжоре по имени Сифрон и пригласил его к столу. И когда тот сожрал четырех жареных каплунов, и четырех рябчиков, и сорок крутых яиц, и фунт лежалого сыра, и многое другое, чем потчевали его слуги, — и столько всего, что поверить в такое едва ли возможно, не будь сам герцог сему свидетелем, — и, сожрав все это, собрался восвояси, он обратился к герцогу со следующими словами: «Всемиловитый государь, низайше прошу у вас прощения за то, что я сегодня был не в ударе и не смог показать всего, на что способен. Мне нынче немного нездоровится, в следующий раз я, надеюсь, не оплошаю».

У одного крестьянина не было ничего, кроме коровы. И вот однажды, пока он оставался дома, побывала его жена на проповеди и услышала, как священник объявил: тому, кто пожертвует корову или еще что-нибудь на богоугодные дела, воздастся сторицей. Вернувшись домой, жена пересказала это мужу и уговорила его пожертвовать единственную корову священнику, чтобы получить за нее сторицей. Муж послушался и свел корову на двор к священнику. Священник запер ее в хлеву, а через некоторое время отправил на выпас, связав ее одной веревкой со своею собственной, чтобы они нашли дорогу к нему в хлев. Однако вышло наоборот, и корова крестьянина привела священникову к мужику на двор. К вечеру священник обнаружил пропажу обеих коров, и ему сообщили, где они находятся. Священник поспешил к крестьянину и потребовал вернуть ему обеих коров. Мужик же ответил: «У меня ваших коров нет. Господь Бог должен был воздать мне сторицей, если то, что вы проповедовали, правда, а дал всего две, так что он остается мне должен девяносто восемь». Пошли они в суд, однако тяжбу решили в пользу крестьянина.

Ехал один духовный отец в чистом поле, и попалась ему навстречу старая нищенка и попросила Христа ради пятак. «Нет, — ответил он, — это слишком много». — «Тогда дай мне алтын». — «И этого много». — «Семишник». — «Много». — «Дай мне хоть грош». — «Много и этого». — «Тогда дай мне свое отеческое благословение». И священник осенил ее крестным знамением. «Видать, твое благословение не стоит ни гроша, не то бы ты поскупился и на него», — сказала старуха и пошла прочь.

Один пройдоха прибыл в Рим и остановился на постоялом дворе, принадлежащем немцам, да он и сам был немец. Вечером за столом он спросил: «Хозяюшка, кто бы мне помог попасть завтра на аудиенцию к папе да и поговорить с ним?» Хозяйка ответила: «Ишь чего захотел! Я в Риме уже тридцать лет, а ни разу не говорила с папой, а ты только прибыл — и уже хочешь попасть на аудиенцию. Да я бы сто гульденов не пожалела тому, кто приведет меня к папе и даст мне с ним поговорить!» Постоялец сказал: «Смотри, женщина, не отрекись от своих слов». — «Да уж не отрекусь», — подтвердила хозяйка. Некоторое время спустя папа присутствовал в соборе на мессе. Протиснулся туда и наш пройдоха. Когда же начался обряд святого причастия, он обратился к дарам и чаше неподобающим местом. Папа заметил его, удивился и подумал, не другого ли тот вероисповедания. Когда месса завершилась, папа призвал пройдоху к себе и спросил, как понимать его поведение. А тот ответил: «Так велела мне себя вести хозяйка постоялого двора, на котором я остановился». Папа послал за хозяйкой и спросил, почему она учит своих постояльцев вести себя столь богомерзким образом. Хозяйка побожилась, что она ни в чем не виновата и ее оболгали. Когда же она вернулась домой, поговорив с папой, пройдоха напомнил ей о ста гульденах, и пришлось ей платить их.

Александр Македонский прослышал об одном жестоком морском разбойнике, велел изловить его и доставить к себе, а когда это было исполнено, спросил у него, почему тот так ужасно разбойничает. Пират ответил: «Считается, что я разбойничаю, но так считается только потому, что я беден и есть у меня только крошечное суденышко. А ты захватываешь страны, города и крепости, но ты богат и могуч, и считается, что ты царствуешь». Александр рек: «Впредь ты не будешь считаться разбойником», — и назначил его ротмистром, и отдал ему в подчинение двести всадников. Вот ведь в чем разница: когда поймают вора на графской земле или в вассальном графу городе, граф вздернет вора и заберет себе его добычу. Выходит, вор не прав, а граф прав. Не лучше ли вернуть украденное тому, у кого оно было похищено? А то ведь что получается: крупные воры вешают мелких воришек. Граф, присваивающий чужое добро, сам вор, он совершает кражу. Кража ведь есть не что иное, как присвоение принадлежащего другому, без его на то согласия.

Решил некий господин рассчитаться с лавочником, а тот не смог представить ему счета. «Даю тебе сроку восемь дней, а затем изволь представить мне счет в письменном виде», — сказал господин. Лавочник так и поступил и начал зачитывать вслух из своего списка: «Сорок гульденов за горчицу...» — «Довольно, — прервал его должник, — не нужно мне твоего счета, назови общую сумму. Уж если я потратил сорок гульденов на одну горчицу, сколько же у меня ушло на мясо?» И счет ему не понадобился.

Одно дитя осталось без отца и без матери, и господа из ратуши постановили дать сиротке опекуна, чтобы тот позаботился о приумножении наследственного имущества. Ровно год спустя потребовали они от опекуна

отчета в делах. Тот же начал умышленно оттягивать время. Наконец назначили господина из ратуши день, в который опекун должен был неукоснительно явиться на совет и назвать им хотя бы исходную и конечную суммы. Прибыв в ратушу и представ перед ними, опекун широко разинул рот, а затем повернулся к попечителям мягким местом. Рот означал исходную сумму, а зад — конечную. Ибо все, чем ему надо было распорядиться, он истратил или проел, спереди вошло, а сзади вышло.

Жил-был один богач, сын которого учился в университете. Овдовев, богач женился вторично, а сын возненавидел мачеху, принялся ей всячески досаждать, и она начала жаловаться на него мужу. Студент решил переехать в другой город и перейти на другой факультет, и отец дал ему на это деньги. Обучался он теперь врачеванию и вскоре стал доктором медицины. Когда пришла ему пора возвращаться в родной город, был он уже широко известен и слава о нем была самая добрая. И вышло так, что отец его занемог. Сын пожаловал к нему и принес снадобье, и через несколько дней отец полностью поправился. А чуть спустя заболела и мачеха — да тою же самою хворью, которую только что перенес и превозмог ее муж. Отец кликнул сына-доктора и попросил вылечить больную: ведь врачевать эту немочь он, как доказано, вполне умел. Доктор же ответил: «Отец, я, думается, не смогу ей помочь, потому что снадобье, прописанное тебе, ты принял с легким сердцем, в полной уверенности, что я не дам тебе ничего ненужного или тем паче вредного, доверие ко мне помогло тебе больше, чем само лекарство. А мачеха мне не доверяет. Напротив, ей кажется, что я хочу ей навредить, поэтому и лекарство ей не поможет». То есть: доверие больного к врачу есть главное условие для выздоровления.

У одного господина служила стряпуха, ужасная обжора и лакомка. И вот однажды, в воскресенье, он пригласил доброго друга на обед и велел ей: «Приго-

товь-ка хороший обед, и первое и второе, — я пригласил друга». Стряпуха поступила как приказано, но от обеда, приготовленного ею, пахло так вкусно, что она не удержалась и съела его — и первое и второе. Гость пришел в дом, и попал прямо на кухню, и спросил: «А где хозяин?» Стряпуха ответила: «Разве вы его еще не видели? Он точит нож и собирается отрезать вам оба уха. Восемь дней назад он уже обошелся с одним гостем точно так же». Услышав такое, гость бросился бежать. А тут на кухню пришел хозяин и спрашивает: «Где обед?» Стряпуха в ответ: «Ваш гость схватил его — и первое и второе — и бросился бежать. Гляньте на улицу, вон он петляет». Хозяин схватил кухонный нож и бросился вдогонку за мнимым вором. И закричал ему вслед: «Отдай хоть второе!» Но гость припустил еще быстрее и откликнулся на бегу: «Не получишь и первого!» Хозяин имел в виду блюда. Гость же полагал, что речь идет о его ушах. Так они стряпуху на чистую воду и не вывели, что свидетельствует о женской хитрости.

Жил некогда в городе Сиракузы могущественный господин по имени Дионисий, и был он тираном и довел до полного разорения множество народу, в том числе и философа Диогена, который отваживался говорить тирану чистую правду. И вот однажды мыл Диоген в ручье какую-то жалкую травку, собираясь ею позавтракать и спастись тем самым от голодной смерти, и застал его за этим занятием слуга Дионисия и сказал: «Если бы ты вел себя так, как угодно моему господину, тебе не пришлось бы питаться какой-то жалкой травкой, ты бы вкушал блюда куда более лакомые». Диоген ответствовал: «Если ешь жалкую травку, приобретаешь право не прислуживать Дионисию и не льстить ему». И это суцая правда: ибо при княжеских дворах приходится постоянно угождать и льстить князю, чтобы тебя накормили и напоили, и, будь ты хоть трижды прав, признавать во всем княжескую правоту. Похвалит когонибудь князь — изволь поддакнуть, побранит — согласишься и тут; а все льстецы, подпевалы и лизоблюды суть людишки самые ничтожные и мерзкие, да и неудачли-

вые вдобавок: они носят воду на двух плечах без коромысла, точат чужие ножницы, сидят на двух стульях, скачут в двух седлах сразу, служат двум господам и не любви ни одному из них, не говоря уж о третьем.

Один горожанин нанял сыну учителя, чтобы тот обучил его изящным искусствам, доброй морали и благородному повелению. Год или два спустя он осведомился об успехах сына. Учитель сказал, что успехи отличные. И отец спросил: «А в карты он играет?» Учитель говорит: играет. «Что ж, это не вредно, — сказал отец, — это ему в жизни пригодится. А по бабам он ходит?» Учитель говорит: ходит. Отец в ответ: «Оно и неплохо, пусть погрешит, а потом, глядишь, из него выйдет что-нибудь путное. А лгать ему случается?» Учитель говорит: «Да от него ни единого слова правды еще никто не слышал». — «Вот это плохо, — сказал отец, — теперь я вижу, что на него нечего надеяться, потому как ложь — это такой порок, который с годами только усиливается, тогда как другие слабеют и постепенно сходят на нет. Поэтому ложь особенно позорная штука». И впрямь: для человека нет ничего большего, нежели вера; если теряешь ее, то теряешь и самого себя. Есть и пословица: кто лжет, тот и тащит. И еще: распутство, ложь и воровство одно имеют естество. Хотя кое-кто в этом сомневается, потому что вовсе не обязательно совершать все мыслимые злодеяния сразу, чтобы прослыть злодеем, вполне довольно и одного.

Жил-был один женатый рыцарь, и супруге его страшно хотелось узнать, о чем говорят мужчины в своей компании. Муж не открывал ей этого и говаривал ей не раз: «Вы, бабы, не умеете держать язык за зубами». Супруга возражала: «Мы умеем хранить тайну, да получше, чем вы, мужчины». Рыцарь решил однажды испытать ее и пожаловался, что у него болит живот. Жена ответила: «Сходи в нужник, тебе полегчает». Рыцарь пошел в нужник, а воротясь, сказал жене: «Су-

пруга моя, мне надо поведать тебе ужасную тайну. Но только при том условии, что ты сумеешь ее сберечь». Жена поклялась, что сумеет. Рыцарь поведал, что у него из желудка выпорхнула черная ворона, потому-то ему и было перед тем так больно. Жена сказала: «Радуйся, сударь мой, что теперь тебе полегчало». И в тот же день отправилась к соседке и, взяв с той страшную клятву, поведала, что у мужа ее из живота выпорхнули две черные вороны. Соседка же принялась рассказывать об этом всем подряд, только ворон в ее рассказе было уже три. И вскоре новость облетела весь город, а число ворон достигло пятидесяти. Да и как не поделиться с другим доверенной тебе тайной, если и он от тебя ничего скрыть не может. Так, по крайней мере, оправдывают свое поведение все болтуны и сплетники.

Читано нами у древних поэтов о царе по имени Мидас и о том, как выросли у него ослиные уши, а чтобы скрыть их, носил он на голове, не снимая, гигантский колпак. И был у него верный слуга, ему одному раскрыл царь свою тайну, наистрожайше запретив болтать об этом, потому что ослиные уши представляют собой для царственной особы неслыханный позор. Слугу же так и разбирало желание поделиться с кем-нибудь доверенным ему секретом. Восемь дней он терпел, а на девятый не стало удержу: пошел он в лес, вырыл в земле яму, лег на живот, сунул голову в яму и дважды прокричал туда: «У царя, моего господина, ослиные уши!» Затем забросал яму землей и пошел домой, избавившись от назойливого желания. А из ямы вырос тростник, и пришли туда конюхи и пастухи и вырезали из тростника дудки — и вдруг оказалось, что дудки эти поют все на один лад и повторяют вечно одно и то же: «У царя Мидаса ослиные уши!» И это — вновь о тех, кто не может утаить дурную новость даже от самого себя. Но и о тех, сходных натурой с женщинами, кто, если что узнает, непременно должен с кем-нибудь поделиться, а когда поделится, ему легчает, хранить же что-нибудь в глубине собственной души такой человек не умеет. Вино, выдержанное в глубине бочки, куда лучше того, которое переплеснуло через край. Такие люди подобны бочкам с

молодым вином — в этих бочках непременно проделывают отверстие, если же о том позабудут, вино может вышибить дно. Так и этим людям кажется, что, если они не поделятся тайной, у них вышибет дух.

Некий купец завел одноглазую любовницу, да так привязался к ней, что и шагу не мог без нее ступить. Его родные всеми правдами и неправдами заставили его переехать в другой город, лишь бы разлучить его с нею и от нее избавить. Три или четыре года спустя он вернулся на родину, повстречал на улице бывшую подругу и сказал ей: «Ну и дела! Пока я был в отъезде, ты осталась без глаза!» — «Нет, милый Ганс, — ответила кривая, — не я осталась без глаза, а у тебя открылись глаза». Ибо он до поры и не замечал ее недостатка, в таком ослеплении пребывал. Францискус Петрарка рек: каждый влюбленный слеп, ибо не видит он того, что ему надо было бы видеть.

У одного плотника была молодая, красивая и благочестивая жена, и влюбился в нее богатый вдовец; вознамерился он склонить ее к прелюбодеянию, и решил не жалеть на это никаких денег, и нанял старую сводню, наобещав ей кучу золота в случае удачи, и выдал вперед гульден. Старуха пошла к жене плотника, выдумала, что доводится ей родной теткой, и воззвала к ее благоразумию. Вот, дескать, плотник беден и жена его бедна, а завелся тут один богатый человек, которому она приглянулась и полюбилась, — и накупит он ей платьев и всего, чего она ни пожелает. Молодая женщина ответила: «Я приму только те дары, которые не уронят моей чести». Сводня воскликнула: «А теперь ты мне еще милее, раз ты такая праведная!» Уговорилась обо всем с богачом и пошла однажды вечером на прогулку с плотниковой женой, и оказались они как бы невзначай у ворот дома, где жил вдовец. Тут ворота возьми да и распахнись, сводня подтолкнула красавицу в глубь дома, а там ждали, да и стол уж накрыт, сели ужинать,

и поняла жена плотника, что ее сторговали. Начала она гадать, как бы выйти из этого положения с честью, наклонилась к старухе и шепнула: «Милая тетушка, со мной сегодня не все в порядке по женской части, но торжественно обещаю тебе, что вернусь сюда с тобою не позднее, чем в воскресенье». Такое обещание пришлось по вкусу и богачу и сводне. А жена плотника решила проучить старуху, и привела к себе домой трех благочестивых женщин, и вооружила их добрыми прутьями, и спрятала в спальне. Когда старая сводня явилась и позвала жену плотника якобы в церковь, та ответила: «Зайди-ка, тетушка, в спальню да помоги мне одеться». И заманила ее в спальню, а там уж благочестивые женщины схватили ее, раздели догола и исхлестали прутьями до крови. Когда же наконец решили, что с нее довольно, раскрыли дверь и дали ей убежать, и старая сводня помчалась нагишом, а за ней погнались четыре женщины с прутьями. На долю жены плотника выпало больше похвал, чем было бы ей пользы от подарков богача. Вот что такое благочестивая женщина.

Гостил один сведущий в изящных искусствах и знаменитый человек в одном городе, а другой — в другом, довольно далеко от первого. И был он тоже известный мастер, и захотелось ему повстречаться с собратом и соперником, поглядеть, что он за человек да что за мастер, — и пустился он в путешествие и застал первого художника в монастыре за работой: тот писал масляными красками ангелов, поющих осанну. Пришелец приветствовал художника и заговорил с ним, о самом же себе не поведал ничего. Художник прервал работу и пошел подкрепиться, а второй художник, воспользовавшись его отсутствием, забрался на леса и пририсовал муху, усадив ее на чело архангелу Гавриилу, после чего отправился восвояси. Откушав, создатель фрески вернулся в монастырь и решил продолжить работу — и вдруг он заметил муху и махнул рукой, прогоняя ее. Муха, однако же, не струнулась с места, и понял он, что муху нарисовал его недавний собеседник, и послал людей отыскать его, но им это не удалось.

Один мудрый и славящийся красноречием человек отправился к бургомистру ходатаем по делу некоего бедняка. А оделся по такому случаю в очень скромное платье, и служитель, увидев его из окна, доложил бургомистру: «Там кто-то очень бедно одетый». И бургомистр сказал: «Объяви ему, что я занят и не могу его сейчас принять». Ходатай вернулся домой, переоделся в богатое платье и во всем великолепии направился к бургомистру и постучался вновь. Служитель увидел его из окна и поспешил к своему господину с докладом: «Господин мой, там кто-то в бархате и в шелках». Бургомистр говорит: «Беги открой!» Представ перед бургомистром, мудрец прежде, чем поздороваться, поцеловал плечи и рукава собственного кафтана. Бургомистр изумился столь безумному поведению известного человека, да и своего личного знакомца, и спросил его: «Чего это ради вы целуете собственный кафтан?» — «А того ради, что лишь благодаря ему я смог попасть к вам, за это я его и целую, я ведь приходил прежде в скромном платье, но меня не пустили». Получив такой урок, бургомистр перестал встречать людей по одежке.

Один человек, а был он изрядным пройдохой, провинился перед своим господином. Тот послал за ним и сказал: «Ты достоин тяжкого наказания, но я прощу тебя и даже щедро награжу, если ты сможешь выполнить три мои условия. Во-первых, изволь прибыть ко мне в назначенный срок наполовину верхом и наполовину пешком. Во-вторых, приведи с собою своего злейшего врага. А в-третьих — своего лучшего друга». Пройдоха изрядно поломал голову над тем, как ему выполнить задание, и незадолго до назначенного дня явился домой с мешком, в который сложил телячью голову, ноги и шкуру, чем навел жену на мысль, будто в мешке находятся останки убитого им человека. И на глазах у нее закопал все это под крыльцом и строго-настрого запретил ей рассказывать кому-нибудь об увиденном, добавив, что доверяет ей, как самому себе. В уговоренный

день он отправился к господину, взяв с собой лошадь, жену и пса. Прибыв на господский двор, он взял лошадь под уздцы и ступил правой ногой в стремя, а левой зашагал по земле — то есть явился полуверхом, полупешком. «Ну, первое условие ты выполнил, — сказал хозяин, — а как с остальными?» Пройдоха подошел к жене, закатил ей оплеуху и закричал: «Как ты смеешь, бесстыжая, смотреть на моего господина так нагло! Смотри на него почтительно!» Опозоренная женщина чуть не сошла с ума от злости и заорала на него в ответ: «Ах ты, подлый убийца! Ты осмелился ударить меня на глазах у господина!» И продолжила: «Он убил человека и схоронил его под крыльцом». Живо побежали куда сказано, выкопали мешок, развязали его и убедились, что там не человек, а теленок. Господин сказал: «Тебе еще повезло, что она не знает о тебе чего-нибудь и в самом деле дурного. Ну, это было второе условие. А как насчет третьего?» Пройдоха достал меч и ударил им плашмя своего пса. Тот завыл и заскулил, но стоило хозяину свистнуть, подбежал к нему и принялся вилять хвостом, и недавняя боль была забыта. Так он выполнил и третье условие.

В сказке читаем о том, как волки держали совет, решая, что предпринять против собак, и говорили при этом следующее: «Нас, волков, по сравнению с собаками слишком мало, поэтому победить их можно только хитростью». И призвали к себе собак, имевших окрас, схожий с волчьим, и сказали им: мы с вами одного племени, это видно по нашему окрасу, и поэтому нам надо объединиться и истребить всех собак другого цвета, а друг с дружкой заключить вечный союз. И собаки ответили: «Мы согласны». Когда же все остальные собаки были перебиты, волки обрушились и на своих недавних союзников и загрызли их всех. Отсюда и правило: поймав убийцу или вора, наобещать ему с три короба, чтобы он выдал сообщников, а когда те схвачены и казнены, казнить и его. Один дурак выдает остальных, и про одного такого дурака мы еще побеседуем.

Один город враждовал с рыцарями, воинство которых взяло его в осаду. И жил в городе дурак, и было у него двое братьев, и пошли они втроем за городскую стену по дрова, а тут как раз подоспели рыцари. Два умных брата успели спрятаться, а дурак попал в плен, и повели его в рыцарский лагерь. Да не тут-то было! Дурак сказал рыцарям: «Меня-то вы схватили, а братьев моих — нет. Вон один лежит там, под деревом, думает, что его никто не видит!» Рыцари воротились, схватили брата и доставили его туда же, куда и первого, а дурак им и говорит: «А третьего-то братца вы прошляпили. Залез вон на то дерево и в ус не дует!» Схватили они и третьего. И пришлось братьям продавать все отцовское наследство, чтобы получить свободу, поскольку дурак их выдал. Доведись мне писать проповеди, уж помяну я этот пример и растолкую его хорошенько, да и предыдущий тоже.

Случилось в одном городе убийство, и никак не могли определить, кто убийца. Но вот увидел убийцу пес убитого и набросился на него, словно вздумал сожрать, а было это не то в церкви, не то на улице, где вам угодно. Только обратили люди внимание на этого человека, раз уж пес к нему прицепился, поглядели на него хорошенько и схватили — и признался он в своем злодеянии и получил по заслугам. Не зря же и Господь Бог велит людям быть друг другу верными, по крайней мере друзьям, как пес верен своему господину.

У одного богача было три дочери. Он выдал их замуж, дал за каждой приданое, все, что положено, себе же оставил только самое необходимое — на хлеб, да на воду, да на поддержание дома, в котором обитал вдвоем со стряпухой, женщиной весьма благочестивой, — только показалось дочерям, что и этого ему много и вообще чересчур уж он зажился на свете. И одолели они

с мужьями его просьбами отдать им и оставшееся имущество, а они за это станут заботиться о нем до конца его дней, предоставят ему отдельную комнату в доме у каждой, из еды он будет неизменно получать лучший кусок, а из питья — только самое сладкое. И отец поддался на их уговоры и передал им все имущество, и первый год они держали слово. А на второй год, когда ему начало больше нравиться жить у одной из дочерей, чем у двух других, она сказала ему: «Отец, долго ли ты собираешься сидеть у меня на шее? Ступай к сестрам, они ведь получили ровно столько же, сколько я». Добрый отец понял, что был обманут, и решил посоветоваться с умным человеком. А тот дал ему ветхий мешок, набитый песком и камнями, и научил, как себя вести. Обманутый отец пришел с этим мешком к одной из дочерей и попросил ее дать ему в долг меру и три свечи, ему, мол, надо кое-что посчитать и измерить. И просидел в одиночестве чуть ли не до утра и позвякивал да постукивал камушками, как будто считал деньги. А утром положил в меру медный грош и отдал дочери. «Слушай, отец, — сказала она, — а ведь всю ночь было слышно, как ты считал гульдены, этого звука я ни с чем не спутаю». И отец ответил: «Да, приберег я в мешке немного денег про запас и откажу их в завещании той из вас, которая будет обо мне лучше других заботиться». Узнав об этом, каждая из дочерей захотела заполучить отца к себе, аж перессорились промеж собою, и жилось ему с тех пор лучше некуда. А когда пришел ему срок умереть, решили сестры, что стесняться больше нечего, и кинулись к мешку, и нашли в нем песок и камни, а вдобавок еще скалку, на которой были написаны по-английски следующие слова: «Да узнает целый мир, что скалкой следует поколотить того глупца, который все свое добро раздает детям, а сам терпит нужду и лишения». Взглянули они друг на друга и устыдились. Намотай это себе на ус!

Один богач послал сына в Париж, чтобы тот выучился там на доктора медицины. Сын уехал, а отец умер и оставил ему огромное наследство. Брат отца написал молодому наследнику письмо и отправил с

нарочным в Париж. Сын вскрыл конверт, поглядел на подпись, увидел, что подпись дядина, и спросил у гонца: «А что с моим отцом?» — «Прочтите письмо, — ответил гонец, — и вы все узнаете». Сын начал читать письмо, узнал, что отец его опочил, и очень расстроился, но, читая дальше, выяснил, что отец своей последней волей вверил его попечительству свою бессмертную душу и все свое огромное состояние, и последнее — без каких бы то ни было условий, отчего юноша опять повеселел и сказал: «Быть моему отцу в кучах небесных». Хотел-то он сказать «в кучах небесных», да оговорился от радости и волнения. Так он помянул родного отца, так распорядился его бессмертной душой, — а что куч на небесах не бывает, сие всем ведомо. Поэтому никогда не вверяйте душу своим близким, но сами заботьтесь о ее спасении.

66

Францискус Петрарка повествует о том, как некий отец с сыном наделали столько долгов, что их решили казнить, посадив в котел с маслом и разведя под котлом огонь. Оказались они в котле, привязанные спиной друг к дружке, да оба голые, — мудрено ли, что сын сперва замерз, начал стучать зубами и возроптал на холод. Но тут разожгли костер, и котел стал понемногу нагреваться, и масло в нем — тоже, и сын возроптал уже на жару. Отец же был куда терпеливее и, осерчав на сына, увещал его следующим образом: «Ах ты, сукин сын, ни жары, ни холода не выносишь». Францискус Петрарка замечает по этому поводу, что то было достойное слово достойного человека, умеющего переносить и жару и холод, — и лучше всего было бы его немедленно простить и помиловать.

67

Ехал мельник на мельницу, навьючив на мула четыре мешка с зерном. Повстречался ему монах и говорит: «Жаль мула, слишком много ты на него навалил». — «Вовсе нет, ваша милость, — ответил мельник, — он запросто утащит сверх того всю кротость и все долготерпение вашей милости да и всего монашества».

66

Некий монах остался в одной деревне без подаяния, никто даже не покормил его. Тогда монах забрался в церковь и ударил в колокол, огласив деревню заупокойным звоном. Звонарь прибежал в церковь и спросил у монаха, кто умер. «Любовь к ближнему умерла в здешних местах, — ответил монах, — никто не подал мне Христа ради, поэтому я и трезвоню в колокол». В ответ на это звонарь принялся бить в самый большой из церковных колоколов. «А это что значит? — спросил монах. — Еще кто-нибудь умер?» — «Кротость и долготерпение, которые ты должен бы иметь, — ответил звонарь, — также мертвы, поэтому я и трезвоню в колокол».

У одного богача был слуга, находившийся у него в услужении много лет. Однажды, за трапезой, речь зашла о справедливости, и слуга сказал: «Хорошо все-таки, что истина и справедливость пребывают на земле по-прежнему и высоко несут свое знамя». Хозяин возразил: «Не так все это. Ложь и предательство правят миром, а вовсе не честность». Слуга пустился с ним в спор, и тогда хозяин решил побиться с ним об заклад, причем поставил сто гульденов, тогда как слуга поставил в ответ оба своих глаза. «Но кто же нас рассудит?» — спросил слуга. «Выберем трех судей: купца из города, аббата из лесного монастыря и рыцаря из замка на горе, — и за кого будут двое судей, тот и выиграл; если двое из них скажут, что истина и справедливость пребывают на земле по-прежнему, то сто гульденов твои; если же я получу два голоса за то, что ложь и предательство правят миром, тебе придется лишиться обоих глаз». Купец произнес приговор: «Я полагаю, что миром правит ложь. Если б я не обвешивал да не обсчитывал при купле-продаже, плохи были б мои дела. Точно так же поступают и все остальные, поэтому, я считаю, ложь правит миром». Хозяин сказал: «Первый голос — мой», — и спорщики направились к аббату и изложили ему свое дело. Аббат сказал им: «Если бы справедливость торжествовала над несправедливостью, я никогда бы не стал аббатом. Мне пришлось выклянчивать и

покупать голоса моих выборщиков, ложь и несправедливость правят миром». — «Два голоса мои», — сказал хозяин, и они пошли к рыцарю и объяснили ему суть своего спора. «Не разбойничай я да не полагайся на собственную дерзость, — ответил рыцарь, — быть бы мне сейчас человеком хоть и благородным, но совершенно нищим. Вот послушайте-ка одну недавнюю историю».

«Мои слуги и челядинцы поймали в лесу двух купцов, нашли у них три гульдена и, понятно, эти гульдены отняли. Купцы пришли ко мне в замок и пожаловались, что мои люди их ограбили. Я, мол, должен возместить им убытки. Я спросил их, хорошо ли они были одеты в час ограбления. Они говорят — да, хорошо. «Значит, — ответил я им, — вас ограбили не мои люди, потому что мои одними гульденами не ограничились бы, они непременно раздели бы вас догола». Поэтому вот мой приговор: ложь высоко несет свое знамя». Спорщики удалились из замка и пошли темной лесной тропой. Хозяин сказал: «Вот видишь, я получил все три голоса». И он привязал слугу к дереву и выколол ему оба глаза, после чего отвязал, вручил слепцу посох и отпустил на все четыре стороны. Несчастный в своей великой печали не знал, куда податься, и решил: «А заночую-ка я прямо тут в лесу, под деревом». А ночью под тем же деревом собрались злые духи, и каждый из них похвалялся перед остальными своими бесчинствами. Один сказал: «Я подстроил все так, что хозяин выколол верному слуге оба глаза». Другой ответил: «Хвастун ты несчастный, под этим деревом растет волшебная трава, и если слепой приложит ее к пустым глазницам, то у него появятся новые глаза». И с тем они сгнули. Слепец встал на колени и взмолился Господу, чтобы тот помог ему отыскать волшебную траву, и принялся искать ее, и, вырвав из земли травинку, прикладывал ее к глазницам, но ничего не происходило, пока наконец не вырвал он ту единственную, что была нужна, — приложил ее к глазницам и прозрел. Он восславил Господа и сообразил нарвать волшебной травы про запас. А неподалеку оттуда жил один могущественный барон, дочь которого была слепой от рождения, и барон возвестил по свету,

что если кто-нибудь сумеет исцелить ее, то будет вознагражден женитьбой и соответствующим приданым. Слуга вылечил ее, и женился на ней, и богатое приданое получил. Когда его бывший хозяин прослышал о том, что он прозрел, преуспел и разбогател, он отправился к нему в гости, попросил прощения за содеянное зло и попросил поведать, как же оно все так вышло, что и зренье к нему вернулось, и богатство пришло. Бывший слуга рассказал все, как было, и показал дерево, под которым нашел волшебную траву. Решил нарвать травы и хозяин, но тут спустилась ночь, и пришлось ему лечь спать под деревом. А злые духи собрались тут и на этот раз. И один из бесов сказал: «Недавно мы тут друг перед дружкой хвастались, а под деревом сидел слепец — и все подслушал, и прозрел, — так что надо бы поглядеть, нет ли кого под деревом и сейчас». И нашел человека и выколол ему оба глаза. Так было явлено, что поражения, которые терпит порою истина, носят переходящий характер, а знамя справедливости по-прежнему высоко».

71

Перед одним серьезным сражением Александр Македонский принес богам клятву отблагодарить их за грядущую победу щедрой жертвой — а именно отрубить первую же голову, которая попадетс я ему на обратном пути с поля битвы. А путь лежал через мост. Битву он выиграл и поехал домой, и на мосту попался ему мельник, гнавший на мельницу навьюченного осла. Царь воскликнул: «Несчастный мельник! мне придется принести тебя в жертву богам, потому что я дал обет отрубить первую же голову, которая попадетс я мне на обратном пути!» — «А при чем тут я, — возразил мельник, — я ведь иду не перед ослом, а за ослом. Осел идет первым». Так мельник спас свою жизнь, голову же отрубили ослу.

72

Александр Македонский осадил город по названию Лампсак, намереваясь захватить его и стереть с лица земли. А в городе проживал ученый муж Анаксимен, бывший некогда воспитателем Александра. И отпра-

69

вился Анаксимен в лагерь к Александру с просьбой пощадить город. Встретившись со своим старым учителем, Александр дал следующую клятву: «Богами Олимпа и царской короной клянусь не делать того, что ты у меня попросишь». Анаксимен же ответил: «Александр, я прошу тебя разрушить Лампсак и стереть его с лица земли». И таким образом город был спасен.

73

Епископ Трирский приехал со свитой на рейхстаг во Франкфурт, и попался ему на глаза бедняк в драных лохмотьях, а было в тот день очень холодно, и епископ сказал несчастному: «И мне-то сегодня холодно, а уж тебе-то, бедняге, каково?» — «А разве сегодня холодно?» — откликнулся бедняк. Он вытащил руку из-за пазухи и помахал ею, как бы определяя погоду. Наконец промолвил: «Да, пожалуй, несколько прохладно, но мне не зябко». И добавил: «А если ваша светлость соизволят вручить мне гульден, то я научу вас, как поступить, чтобы мерзнуть ничуть не больше моего». Епископ дал ему гульден. Бедняк объяснил: «Видите ли, ваша светлость, мерзнут только те, кто жадничает надевать на себя всю свою одежду сразу. Наденьте на себя все, что есть у вас, и вам тоже станет жарко». — «Да если я надену на себя все, что у меня есть, — сказал епископ, — никакой конь меня не поднимет. Но гульден ты заработал честно».

74

Епископу Трирскому захотелось расспросить этого смышленного малого и узнать, кто он по роду занятий. «Я оптик, ваша светлость, — ответил тот, — сиречь изготовитель очков, усиливающих зрение, и я странствовал во многих землях, был в Брабанте, в Нидерландах, в Саксонии и в Гессене, но нигде не смог найти себе работу, никто мне ничего не заказывал. Наше ремесло никого не интересует. И вышло так, что я проел и потратил все, что у меня было». — «Вот уж никогда не подумал бы, — сказал епископ, — что на такое ремесло нет спросу. Помоему, это доброе ремесло и нужное людям. Тем более что зрение у многих портится, и портится все быст-

70

рее». — «А дело все в том, — откликнулся его собеседник, — что очки никому не нужны. Старые священники и дряхлые монахи в монастырях не молятся вовсе или же читают те молитвы, что помнят наизусть, и очки им поэтому ни к чему, а вы, сильные мира сего, привыкли на все смотреть сквозь пальцы, — потому-то наше ремесло и сходит на нет». Епископ рассмеялся и сказал: «Ты, видать, изрядная шельма. Пока я не уеду из Франкфурта, милости прошу есть и пить у меня за столом». Мастеровой принял щедрое приглашение, чем немало порадовал господина.

75

Прогуливались как-то два волка, и попалась им на глаза овца, лизавшая ягненка в шею. Один из волков заметил: «Если б мы, волки, начали лизать ягнят подобным образом, мужикам это пришлось бы не по нутру». — «Все дело в нашей дурной репутации, — ответил второй, — не сами ли мы виноваты, что они нам не доверяют?»

76

В Страсбурге издали декрет, обязывающий цирюльника брать с крестьян за стрижку бороды не более одного страсбургского пфеннига. И вот пришел мужик к брадобрю и говорит: «Слушай, сколько стоит постричь бороду?» Цирюльник говорит: «Ровно пфенниг». — «А за полпфеннига не пострижешь?» — «Постригу». Сел мужик в кресло, а цирюльник состриг ему полбороды, убрал полотенце и говорит: «Вот, это я тебя постриг на полпфеннига». Мужик говорит: «Как же так, слева ты бороду убрал, а справа нет». — «А за «справа» надо заплатить еще полпфеннига». Так и набежал за стрижку бороды целый пфенниг.

77

Дружили двое школяров, ходили они по дворам, пели за малую мзду и складывали добычу в совершенно одинаковые мешки. Но к вечеру мешок у одного всегда

71

был полон, а у другого пуст. И спросил невезучий: «Как же так получается, что тебе все подают, а мне никто?» И товарищ ответил: «Потому что ты все время заришься на хорошие куски да на целые караваи, а я ни горбушкой, ни корочкой не брезгую, поэтому у меня мешок полон, а у тебя пуст». И таковы же многие ученые люди и любознательные студенты: они извлекают из проповедей и поучений только самый высокий смысл, да и школяры в школе пренебрегают малым, а потому никогда ничему не научатся; да и как научишься летать, если тебе лень обрасти перьями?

Некий доктор рассказывает нижеследующую занятную историю, приключившуюся с ним в брабантском Брюсселе. Явилась к нему однажды нежданно-негаданно красивая девица и, плача и стелая, поведала: «Сударь мой, мне очень плохо, и я прошу у вас совета о том, как мне поступить. Один священник полез ко мне с поцелуями, и я ударила его по лицу — да так, что и нос и губы расквасила. А теперь все священники, да и миряне тоже, в один голос твердят мне, что я должна отправиться в Рим и вымолить там отпущение грехов». Доктор выслушал ее с весьма серьезным видом, хотя ему и стоило немалых усилий сдержать смех, и ответил: «Да, тебе надо в Рим». Красавица заплакала пуще прежнего, он же, выждав некоторое время, добавил: «Нет, милая дочь моя, это я пошутил. Подними руку и поклянись выполнить то, что я тебе посоветую». Она поклялась, а он продолжил: «Так вот, никакого отпущения тебе не нужно, и никакого греха ты не совершила. И если к тебе начнет приставать еще кто-нибудь — будь он хоть духовного звания и в самом высоком церковном ранге — и вздумает посягнуть на твою невинность, — смело давай отпор и лупи мерзавца изо всей силы, потому что невинность нужно защищать с не меньшей решимостью, чем самое жизнь». И тут она начала смеяться, и рассмеялись все, кто при этом присутствовал, и недавняя печаль превратилась в веселье.

Многие люди готовы поверить чему угодно. По этому поводу расскажу вам о мужике, ведшем на рынок овцу, чтобы продать ее там. И увидели его трое мошенников и решили отобрать у него овцу, а цели своей стали добиваться следующим образом. Каждый мошенник преградил мужику дорогу и задал ему один и тот же вопрос: «Кому ты отдашь эту собаку?» И когда вопрос этот задал первый мошенник, мужик ответил: «Это не собака, а овца». А тот сказал: «Вот как, ты принимаешь эту собаку за овцу?» И точно так же протекала беседа со вторым мошенником. А когда с тем же вопросом обратился к мужику третий мошенник, мужик отшвырнул от себя овцу и в сердцах произнес: «Вот уж и собаки от овцы отличить не умею». Мошенники дождались, пока он ушел, схватили овцу и зажарили ее себе на ужин.

У одного мастерового был выдающихся способностей сын, и учился он в Парижском университете. Люди благородного происхождения дружили с ним, он и сам выдавал себя за одного из них, а это было совсем не просто, — и он написал однажды отцу, чтобы тот прислал ему сорок золотых крон. Отец решил поглядеть, как живет сыну в Париже, приехал туда сам — и явился к студенту в мужичьей одежде. Сын поспешно увел его к себе, а перед ужином предупредил: «Знаешь, батюшка, меня тут все принимают за дворянина, и вдруг такой стыд — отец у меня, оказывается, простой мужик. Давай-ка скажем, что ты слуга моего отца». Отец согласился. И вот за ужином усадили его вместе с поварами и слугами. А когда ужин окончился, сын с отцом удалились к себе, и студент спросил: «Да, батюшка, а деньги-то ты мне привез?» И отец ответил: «Деньги-то я тебе привез, да только не дам теперь ни гроша. Ты постыдился признать меня отцом, а я стыжусь назвать тебя сыном. Больше ты никогда ни гроша от меня не получишь». С тем простился и отбыл восвояси. Такая история и святое Евангелие бы не испортила.

И слонов, иначе именуемых элѳантами, можно приручить. Для этого ловцы роют глубокую яму поблизости от человеческого жилья, слоны проваливаются в эту яму и не могут оттуда выбраться. К упавшему в яму слону подходит ловец и принимается пребольно лупить его длинной палкой. Затем является другой ловец, на глазах у слона избивает и прогоняет первого и вызволяет огромное животное из ямы. И слон в благодарность за освобождение следует за своим избавителем, как собака. В старинной книжке читаем о том, как святой Макарий заслужил благодарность львицы, вылечив ее львят от слепоты. После этого она стала приносить ему мех и шкуру всех убитых ею животных. Не так много у меня бумаги, чтобы нанести на нее все примеры благодарности, а впрочем, и неблагодарности львов и других зверей.

Некий священник, весьма щеголеватый господин, шел своей дорогой и повстречался с мошенником. Мошенник этот был к тому же чрезвычайно несуразно одет. Пришли они вдвоем на постояльѳ двор и решили отужинать. Священника, понятно, посадили за хозяйский стол, а мошенника — в угол, со всяким сбродом. Хозяйка подала священнику лучшие кушанья и следила за тем, чтобы его тарелка не оставалась пуста, — накладывала ему в нее и накладывала. А на мошенника всем было, естественно, наплевать. Когда настало время отойти ко сну, им постелили в одной комнате, потому что они как-никак пришли вместе. Рано утром священник поднялся и, ни с кем не попрощавшись, удалился. А как только он вышел из комнаты, мошенник вскочил, подбежал к его кровати, откинул одеяло, напустил лужу, сделал кучу, закрыл все это одеялом и улегся спать к себе в постель. Рассвело, настал день, и хозяйка осведомилась у служанки: «А что, постояльцы не вставали?» Та ответила: «Господин священник уже давно ушел, а тот, второй, несуразно одетый, вроде еще не вставал». Хозяйка сказала: «Он вчера здорово напился, надо бы посмотреть, не стряслось ли с ним чего-нибудь». Пошла в комнату постояльцев, открыла

окно, стала оправлять священникову постель да как заорет! да как завизжит: «Господи боже мой, откуда тут столько говна?» Мошенник сделал вид, что только что проснулся, поднял голову и спросил: «В чем дело?» Хозяйка в ответ: «Дело неслыханное! священник наложил полную постель!» А мошенник и говорит: «Что ж тут неслыханного? Ты ему вчера все накладывала да накладывала, вот он тебя и отблагодарил тем же самым способом».

У одного государя было трое сыновей, и он никак не мог решить, кого же из них назначить престолонаследником. И призвал он их к себе и завел речь о птицах, чтобы на этом примере выяснить, кто из них к чему предрасположен. И сказал следующее: «Вот, милые сыновья мои, взять, например, птиц. Во-первых, орел — царь и господин над остальными пернатыми. Во-вторых, соколы, ястребы, коршуны и тому подобное. И в-третьих, голуби, воробьи, сороки, галки и прочее. И случись вам превратиться в птиц, какую птицею хотелось бы вам стать?» Старший сын сказал: «Я бы стал орлом, чтобы все птицы были у меня во власти и в подчинении». И средний сын сказал: «Я бы стал соколом, чтобы благородные господа сажали меня к себе на руку и радовались моей смелости и сноровке». А младший сын сказал: «Мне хотелось бы стать одною из тех птиц, которые летают стаями. Тогда у меня было бы много друзей и всегда нашлось бы, у кого попросить доброго совета». Вот его-то и объявил престолонаследником государь, потому что желание выслушать добрый совет — для монарха самое главное.

ДОРОЖНАЯ КНИЖИЦА

Новая, доселе неслыханная книжица, содержащая много добрых баек и историй, дабы пересказывать их в дорожных возках и на кораблях, а также в цирюльнях и в банях скуки ради, рассеивая тем самым тягостную меланхолию, дабы внимал и читал торговый люд, стар и млад, сиречь каждый, без малейшего преткновения по дороге на ярмарку в хорошей компании,

писана
ЙОРГОМ ВИКРАМОМ,
городским писцом в Бургхейме.
Anno 1555

ДОСТОПОЧТЕННОМУ, БЛАГОРОДНОМУ, ВЫСОКОЧТИМОМУ
МАРТИНУ НЕЮ, ГРАЖДАНИНУ И ХОЗЯИНУ
ГОСТИНИЦЫ «ПОД ЦВЕТКОМ», ЧТО В КОЛЬМАРЕ,
МОЕМУ ОСОБЛИВО БЛАГОСКЛОННОМУ ГОСПОДИНУ
И ДОБРОМУ ДРУГУ

Давным-давно среди древних имела хождение пословица, согласно коей среди пороков наихудший есть неблагодарность. Поскольку не могу не признать, что Вами оказана мне немалая дружба, а я по убожеству моего неотесанного рассудка не способен отплатить тем же, то, дабы не впасть в порок неблагодарности, попытался я угодить Вам тем, что в моих силах. Ибо «сребра и злата не имею, а что имею, то дам тебе» — так говорит святой Петр в «Деяниях апостолов» в третьей главе. Не то чтобы сию мою простенькую, невзрачную книжицу или тем паче самого себя уподобил я любезному Петру или его святому слову, но сия моя книжица обнаружится скуки ради, а отнюдь не для наставления или поучения, никому не в укор, не в осмеяние и не в поношение, как Вы сами узрите, изволив прочитать.

Поскольку, как ведают все, духовные и светские, князья и господа, ежедневно Вас посещают и у Вас останавливаются и Вы в любое время и сообразно нраву каждого готовы позабавить Ваших постояльцев добрыми байками и уморительными росказнями, преподношу в ответ на Ваше благодеяние ради Вашего удовольствия сие маленькое твореньице. А поскольку Вы имеете обыкновение всякий раз отправляться в Страсбург на ярмарку в собственном возке, то Вас с другими добрыми господами и друзьями могла бы по дороге усладить сия книжица, пригодная к тому для всех и каждого без малейшего преткновения. Посему прошу, благоволите не пренебречь сим скромным подношением, ибо оно от чистого сердца с пожеланием счастливого Нового года, дабы и впредь, как прежде, Вы видели во мне доброго друга, готового к услугам. Желая Вам и Вашей новой супруге много счастья и благополучия, вечного пребывания во Царствии Небесном и в блаженстве. Аминь.

Писано в Бургхейме, нового года в Мариин день от Рождества нашего всеблагого Господа 1555.

Ваш всегда готовый к услугам
Йорг Викрам,
городской писец в Бургхейме.

К ЛЮБЕЗНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

С давних пор, любезный и благодушный читатель, среди прочих имеется пословица: когда слышат постыдные или поносные слова, то говорят: «Заткнись ты, болван, такое годится лишь для телеги или для плавучей посуды», что, по-моему, не очень-то правильно, ибо нередко случается порядочным, достойным женщинам или даже девицам ездить на телегах или плавать на судах, а уж их-то не следовало бы донимать. Но встречаются такие беспардонные людишки, особенно из тех, кто бывал наказан палками, и они говорят: «Кто носит башмаки и сапоги, тот ничего не кумекает» — и продолжают похабничать без зазрения совести, мало думая о слове Христовом (Матфей, 18): «Кто соблазнит единого из малых сих, верующих в меня, лучше есть да повесят ему на шею мельничный жернов и потонет он в

пучине морской». И дальше говорит Он: «Горе миру от соблазнов, но горе человеку тому, через которого приходит соблазн».

А не сугубый ли соблазн, когда подобные праздные слова изрекаются перед особами добропорядочными. Но так как и в подобных местах следует развлекаться забавной беседой, я предлагаю вашим очам потешную книжицу, где вы найдете немало занятных и шуточных баек, притом никого не вводящих в соблазн. Прошу вашего милостивого снисхождения, если тот или другая среди вас почувствуют себя задетыми и покраснеют; тогда каждый заподозрит вас и будут говорить: «Когда метишь в собачью стаю, нечего кричать, в кого-нибудь да попадешь». Храни тебя Бог, любезный читатель!

Твой всегдашний доброхот

Йорг Викрам.

1

КАК НЕКТО ДОБРЫЙ И БЛАГОЧЕСТИВЫЙ
НАНЯЛ В КОХЕРСБЕРГЕ ОДНОГО ДОБРОДУШНОГО ПРОСТАКА
С ТЕМ, ЧТОБЫ ТОТ СОВЕРШИЛ ПАЛОМНИЧЕСТВО
К СВЯТОМУ ВИТУ

Поскольку мы сейчас путешествуем или странствуем, то и вспоминается мне одна занятная историчка, каковую я и намерен вам рассказать.

Каждому ведомо, что в Кохерсберге неподалеку от Страсбурга обитает предостаточно добрых, благочестивых, простоватых крестьян; о них-то я и собираюсь написать. Такой вот добрый человек однажды претяжко захворал и долгое время мучился своим недугом, и пришла ему в голову мысль, не полегчает ли ему, ежели он даст обет совершить паломничество к святому Виту, что в горах, и пожертвовать ему серебро ради благого упования. Так что он возьми да и дай обет совершить такое паломничество в случае исцеления.

А когда вскорости он и впрямь исцелился, день и ночь не давал ему покоя данный обет, предстоя перед внутренним взором и в помышлениях. Но когда он вознамерился наконец отправиться туда и преподнести пожертвования, работа прямо-таки навалилась на него. Только он засеял свое поле, виноградник потребовал ухода, и работы было так много, что добрый человек едва находил время поесть и попить. Наконец он обеспо-

коился, не рассердить бы святого Вита столь долгой отсрочкой, и решил нанять доброго благочестивого человека, дабы тот совершил паломничество вместо него. Так отыскал он человека себе по нраву и отправил его в путь, снабдив даянием, воском и хорошим жирным петухом; все это приказал он преподнести святому Виту.

Усердный доброхот сразу же собрался в путь и с превеликим благочестием направился в горы. Кто бы ему ни встретился, он спрашивал, как поскорее достигнуть святого Вита, и каждый с готовностью показывал ему верную дорогу. А надо вам сказать, что под горой, куда он направлялся, стоит весьма большой монастырь, именуемый «Обитель всех святых», и там пребывает немало монахов. Дорога к святому Виту вела вверх, и наш паломник карабкался с превеликим трудом и страхом. Наконец он подумал про себя: «Сдается мне, я сдуру лезу на эту высокую гору, выбиваясь из сил. Мне же сказали, что это монастырь всех святых; значит, все святые там и пребывают, и святой Вит наверняка среди них; так где же искать его, как не там».

С такой мыслью он повернул обратно и начал спускаться с такой быстротой, будто его подстегивали, подошел к монастырским воротам и позвонил весьма ретиво. Привратник прибежал впопыхах, отпер ворота и спросил доброго путника, какое дело и какая нужда привели его в монастырь. «Любезный, — сказал паломник, — не все ли святые обитают здесь?» Привратник поспешно сказал «да», так как увидел жирного петуха и подумал, не предназначается ли петух в жертву всем святым. «Любезный привратник, — сказал паломник, — ступай ко всем святым и вызови ко мне одного святого Вита, ибо я принес ему деньги и этого петуха». — «Дружище, — ответил привратник, — если ты хочешь к святому Виту, тебе следует подняться повыше в гору, здесь ты его не найдешь». — «Как это так? — удивился паломник, — все святые здесь, и только одного святого Вита выдворили? Как это может быть?» Привратник подумал, что паломник издевается над ним, рассердился и сказал: «Ты слышишь, что я тебе говорю? Святому Виту нечего делать в нашем монастыре; наши патроны — все святые». На это паломник ответил: «Возьми себе всех святых, а мне оставь святого Вита». С этими словами он и отправился восвояси.

Когда он воротился к своему крестьянину, тот принял его приветливо и осведомился, выполнил ли он то, за что брался. Паломник ответил: «Да». — «А где у тебя рисованная грамотка в подтверждение?» Паломник подумал немного и сказал: «Я поднялся на гору в церковь к святому Виту, но не застал святого Вита дома; он был внизу в Обители всех святых, так что я спустился в обитель и попросил вызвать мне святого Вита; так я выполнил поручение, преподнес ему даяние. Он взял, петуха подарил мне, а тебе пожелал всего доброго. Что же касается грамотки, то он не мог мне ее дать: все они остались на горе». Добрый простодушный крестьянин поверил, расплатился с паломником по условию и отпустил его. Добрый паломник остался доволен, выиграв одной картой три козыря.

Отсюда можно сделать три вывода. Во-первых, сколь велико мирское простодушие; ибо, как только нападёт хворь или горе, многие сбиваются с прямого, истинного проторенного пути, не утруждая себя помышлением о Спасителе нашем Христе, предпочитая взывать к тому или другому святому, хотя Христос в главе 10 Евангелия от Иоанна говорит без обиняков отчетливыми словами: «О чем вы попросите Отца во имя Мое, то и сделает Он вам». А значит: «Я есмь путь, жизнь и истина, никто не приходит к Отцу иначе как через Меня». И в другом месте говорит Он, от Матфея, 11: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас». Во-вторых, нельзя не подивиться, сколь простодушен мир, когда кое-кто полагает, что может давать обеты, не выполняя их сам, а поручая выполнить их другому; нередко ведь случается одному нанять другого, чтобы другой прочел за него столько-то молитв, постился или совершал паломничество. Только таким способом ни от чего не отделаешься; иначе Адам оправдался бы в раю, съев яблоко и сказав: «Жена мне дала его, вот я и съел». А жена точно так же сослалась бы на змия. Однако отговорки не помогли, и каждому пришлось нести свое бремя. В-третьих, происходит немалое злоупотребление даяниями. Приносят их то здесь, то там в богатые обители Божьи, а именно отменных, жирных кур, петухов и каплунов, а кому они достаются, Бог ведаёт, ибо не резные же или рисованные святые едят их. При этом не слишком ли мало мы думаем о живых святых, на которых стоило бы погля-

деть. А им частенько приходится терпеть великий голод, нужду и болезни, о чем говорит Христос, от Матфея, 23: «Что вы сотворите единому сих братьев моих меньших, мне сотворите». Посему направляйте свои паломничества и даяния к живым святым. Сказанного достаточно.

2

О ТОМ, КАК НЕКТО, ТЕРПЯ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ,
ПОСУЛИЛ СЯТОМУ ХРИСТОФОРУ
БОЛЬШУЮ ВОСКОВУЮ СВЕЧУ

Достопочтенный, достохвальный, приснопамятный Эразм Роттердамский в одной из своих бесед описал, а также превознес ужасное кораблекрушение, так что поистине жуть берет, когда читаешь или слушаешь сие описание. Рассказывает он и о терпевших кораблекрушение или непогоду, среди коих упоминает и некоего по роду своих занятий, вероятно, купца.

Когда оный купец внял изрядным воплям и мольбам своих спутников: один взывал к святому Иакову, вверяясь ему, другой — к святому Николаю, третий — к святой Катерине Сиенской, — лишь немногие обращались к праведному мореплавателю, способному мгновенно заклясть ветер и море, — словом, терпя великое бедствие, каждый выискивал себе своего особенного святого. Так что, узрев, как сбрасывают с корабля всяческие грузы, как мачты ломаются, паруса рвутся, корабельщики отчаиваются и каждый подбирает себе бревно или доску, дабы предаться жестокому, бушующему морю, наш добряк тоже начал взывать громким голосом: «О ты, святой Христофор, помоги при сем кораблекрушении, дабы выбраться мне на сушу. За это обещаю поставить тебе восковую свечу величиной с твое изваяние в Париже в Высокой Церкви». Сей возглас повторил он неоднократно.

Наконец, один из его спутников молвил: «Не чрезмерны ли твои обеты, любезный друг? Поистине, если бы все твои друзья и родичи пожертвовали бы всё, что они имеют, и тогда, пожалуй, ты не был бы в состоянии приобрести столько воску». А тот, взывавший только что столь громогласно, шепнул своему попутчику на ухо: «Лишь бы святой Христофор помог мне выбраться на сушу, дружище, а там уж я с ним сговорюсь, авось он

удовольствуется обыкновенной свечкой, даже и сальной, на худой конец». Ах, неотесанная простота! Святой Христофор, думалось ему, обладает достаточной силой, чтобы спасти его в море, способен внять его отчаянным воплям и мольбам, но не услышит слов, которые он шепнул на ухо своему попутчику. О бедный мир, что ты творишь!

3

О ТОМ, КАК НЕКИЙ ПОП ПОХВАЛЯЛСЯ,
ЧТО ВОЙДЕТ В РАЙ, СКАЗАВ ПЯТЬ СЛОВ

В одном селе проживал бесноватый, придурковатый, распущенный, развратный, безбожный поп, чьи помыслы были устремлены скорее к трактиру, нежели к церкви, — словом, поп, коих в наше время, пожалуй, уже и не сыщешь. Сей поп усердно оберегал и стерег своих овец, чтобы они не претерпели какого-нибудь вреда; так что в летнее время он обычно валялся с ними в тени около трактира, а в зимнюю пору в теплой клетке, чтобы не мерзнуть с ними в церкви.

Случилось однажды так, что другой сельский поп позвал его к себе на освящение храма, а был тот поп уже в годах и довольно дряхл. Пригласил он и других почтенных гостей, родных и знакомых, коим не слишком нравились разнузданные прибаутки нашего попа. Ибо тот, едва сев за стол, принялся сквернословить, крича, рыгая и улюлюкая, так что никто не мог и слова вымолвить. Стоило ему осушить стакан, кубок или кружку, как он начинал вопить громким голосом: «Ты, хозяин милый, наливай смелей!» При этом он подбрасывал свой столовый прибор и ловил его на лету. Так он безобразничал довольно долго, пока другие попы не начали сердиться. А тот, кто пригласил его, попытался образумить захмелевшего попа и сказал: «Ах, господин хороший, что вы такое надумали? Вы же пастырь вашей общины, и вам вверены души человеческие, как же вы ответите Господу Богу за свои деяния? Вы ведете такую дурную жизнь, что поистине совращаете своих духовных чад, подражающих вам и берущих с вас пример. Говорят же люди: каков пастырь, таково и стадо. Посему вам следует изменить ваш образ жизни, иначе вам грозит немалая опасность после вашей кончи-

ны». — «Ха-ха! — воскликнул поп, — мой Господь и Бог добр и милостив; если я на моем смертном одре успею сказать ему пять слов, мне откроются небеса. О чем же заботиться мне! Не тащить же мне моих мужиков в царство небесное; коли они сами туда не хотят, пусть остаются за оградой. Когда они меня нанимали, я не обещал им небес, как, впрочем, и вы не обещали их вашим крестьянам». Так они переругивались довольно долго; поп высмеивал своего собеседника и глумился над его речами, пока тому не надоело препираться с ним, да и пришлый поп уже был пьянехонек.

Тогда старый священник распростился со своим гостем и, чтобы тому чего-нибудь не попритчилось на обратном пути, дал ему в провожатые своего пономаря. А дорогу пересекал весьма глубокий ручей, через который был проложен узенький мосток, по такому-то мостку надо было пройти пьяному попу. Немудрено, что тот поскользнулся обеими ногами посреди мостка и плюхнулся в воду. Заметив, что спасать его некому, а вода уже попала ему в рот, начал он жалобно вопить: «Ты, хозяин милый, наливай смелей!» Ибо эти слова просились у него изо рта, и не мог он выговорить в последнюю минуту других пяти слов. Так утонул пьяный поп.

Поистине негоже распускать язык, да и не пристало поминать Бога в таких прибаутках и побасенках, как делал этот поп.

4

КАК ЗАБЕРЕМЕНЕЛ ЧЛЕН ГОРОДСКОГО СОВЕТА

В городе под названием Фрейбург жил со своей женой богатый член городского совета, и за пятнадцать лет у них так и не родился ребенок; вот они и ссорились частенько, попрекая этим друг друга. Однажды жена наняла служанку, девицу весьма пристойного поведения, к тому же искусственную в домоводстве. А муж подумал про себя: «Моя жена винит меня в никчемности. Не проверить ли мне со служанкой, виноват я или нет, по крайней мере, хоть сомнения не будет». И он прилежно старался умаслить ее. Служанка прельстилась обильными гладкими реченьями и посулами своего хозяина и зачала от него ребенка.

А согласно городскому статусу член совета, замеченный в прелюбодеянии, лишался всех своих почетных преимуществ. И он подумал: «Как же быть? Если они пронюхают, мне придется худо». И он отправился к своему доктору, весьма смышленому, и открыл ему свои обстоятельства и опасность, грозящую ему. Доктор утешил его и сказал: «Беду можно предотвратить, не падайте духом! Идите домой, ложитесь в постель, притворитесь, будто у вас болит живот, через день пришлите мне жену с вашей мочой, а остальное предоставьте мне!»

Член совета поступил как ему велел доктор и на другой день прислал к нему жену со своей мочой. Доктор исследовал жидкость и усмехнулся. Испуганная женщина совсем приуныла, увидев, что доктор усмехается; она же полагала, что мужу ее очень худо. А доктор сказал: «Ваш супруг тяжело болен; у него пухнет живот, ибо он зачал ребеночка». Женщина удивилась: «Как это может быть, сударь? Что за шутки! Мой муж больнехонек». А доктор ответил: «Я говорю сущую правду; он забеременел». — «Сударь, — сказала женщина, — как это понимать? Такого не бывает». Доктор ответил ей: «У вас, у женщин, бывают разные прихоти, вы изощряетесь так и эдак, вот ваш муж и забеременел». Тут она покраснела и подумала в простоте душевной: «Не иначе...» И она взяла себя в руки и спросила доктора, как помочь мужу. Тот научил ее: «Наймите девицу, не согрешившую с мужчиной, и предоставьте ее своему мужу; девица тотчас же забеременеет». Женщина ответила: «Да ведь никакая девица не согласится». Тут доктор сказал: «А вы постарайтесь! Иначе ваш муж пропал. Тогда это неизбежно». И еще спросил доктор: «А что у вас за служанка?» Жена ответила: «Она такая скромница, слышать не хочет о таких вещах, не говоря о том, чтобы заниматься ими». Доктор сказал: «А вы попробуйте, дайте себе труд, пообещайте раскошиться, чтобы спасти своего муженька. Заверьте ее, дескать, ребенка воспитаете как собственную плоть и кровь».

И женщина распростилась с доктором, поспешила домой к своей служанке и умоляла, заклинала ее согласиться. Девица ответила: «Любезная госпожа, вы считаете меня за таковскую? Сегодня же уйду из дома». Хозяйка снова осыпала ее мольбами и посулами, дес-

кать, пусть только спасет жизнь хозяина, а уж ребенка-то она вырастит как своего, а ее самое снабдит богатым приданым и подыщет ей хорошего женишка. Служанка долго отнекивалась, но наконец уступила и легла с хозяином; тот выздоровел через несколько дней, а служанка затяжелела. Так что все удалось; хозяйка выполнила все, что обещала служанке, и все шло честь по чести. Но когда служанка слишком быстро родила, уже через двадцать недель, то есть за половину срока, хозяйка что-то заподозрила, снова отправилась к доктору и спросила: «Господин доктор, как же это служанка разродилась так быстро?» Доктор ответил: «Вы удивляетесь, любезная госпожа? А вы не подумали, что ваш муж носил ребенка двадцать недель и служанка тоже двадцать?» Тогда женщина сказала: «Воистину, это так», — поблагодарила доктора и простилась с ним. Через какой-нибудь год доктор встретил женщину, поздоровался с ней и усмехнулся; так повторялось не раз. И женщина решила: дело все же нечисто, снадобьет-то с душком, как говорят.

5

ОБ ОДНОМ ПРОХОДИМЦЕ, ДОКАЗАВШЕМ, ЧТО ДЬЯВОЛ
В КОНСТАНЦЕ, ГОСПОДЬ БОГ В ШАФХАУЗЕНЕ И ДЕВА МАРИЯ
В ЭЙНЗИДЕЛЬНЕ С НИМ В РОДСТВЕ

В Эйнзидельне в Швейцарии случилось так, что собралось там немало паломников. И вот ближе к ночи в гостинице за ужином пилигримы заговорили о пресвятой Деве Марии Эйнзидельнской, какая она милостивая и какие творит чудеса. А среди пилигримов был один подмастерье, пришедший туда не на поклоненье, а по своим делам. Он тоже ужинал с пилигримами. И когда пилигримы наговорили так много хорошего о пресвятой Деве, он тоже добавил кое-что от себя и сказал: «Как высоко ее ни ценить, она все-таки моя сестра». Услышав его слова, пилигримы изумились таким речам; слух о них распространился и дошел до аббата, а тот велел задержать доброго подмастерья, как только он встанет из-за стола, и посадить его на ночь в тюрьму.

На следующее утро аббат велел доставить преступника в городской совет и подал на него тяжкую жалобу,

дескать, он оскорбил пресвятую, пречистую Богоматерь, осмелившись назвать ее своей сестрой. Выслушав длинную жалобу, преступника спросили, что он имел в виду. Подмастерье ответил: «Да, Мария в Эйнзидельне сестра мне, и, более того, дьявол в Констанце и Господь Бог в Шафхаузене — мои братья». Городской совет ужаснулся, услышав такое; члены совета опустили головы и сказали: «Поистине это святотатец». Верховный судья спросил его далее в надежде извлечь из него еще нечто: «Да как же ты смеешь изрекать подобные гнусности здесь, куда приходят пилигримы из всех стран и могут разнести твои слова повсюду?» Тогда обвиняемый ответил: «Я сказал чистую правду; мой отец был ваятелем, он изваял дьявола в Констанце, Господа Бога в Шафхаузене, вашу Марию и меня тоже; потому все мы в родстве». Тут члены совета рассмеялись и отпустили его на волю.

6

О ДВУХ СВАРЛИВЫХ КРЕСТЬЯНАХ,
ОДИН ИЗ КОТОРЫХ СПРОСИЛ СУПРУГУ БУРГОМИСТРА:
«А НЕ ШЛЮХА ЛИ ВЫ?»

Жили-были два крестьянина по соседству друг от друга. Они все время ссорились, дрались и никак не могли помириться, то и дело докучая бургомистру, пока того не взяла досада.

Однажды вечером они снова явились к дому бургомистра, и один из них принялся яростно стучаться. На стук выбежала жена бургомистра, чтобы впустить его. Однако, увидев двух сварливых крестьян, она сказала: «Вы опять здесь, задиры! Как это так, вы, крестьяне, все время бесчинствуете, ругаетесь, деретесь, злобствуете? Вот уж впрямь задиры!» Тогда один крестьянин ответил: «Госпожа, а не шлюха ли вы?» Жена бургомистра набросилась на крестьянина с ругательствами: «Ты негодяй, ты мошенник, ты заплатишься за это, я тебе этого так не оставлю!» Крестьянин ответил: «Вот так и мы, крестьяне, между собой цапаемся. Я ведь только спросил, не шлюха ли вы».

ОБ ОДНОМ ЛАНДСКНЕХТЕ
И О «БОЖЕ СОХРАНИ!»

В Швейцарии в Цюрихе зашел в гостиницу один ландскнехт, попросил ночлега у хозяина, и тот предоставил ему ночлег. А к ужину хозяин подал ландскнехту весьма кислого вина, ибо в тот год лозы принесли дурной урожай, и когда люди выпили вина, они сказали: «Боже, сохрани нас, какое кислое вино!» Так вино того года получило имя «Боже сохрани!». А когда ландскнехт поел и попробовал кислое вино, он сказал: «Разрази меня гром, господин хозяин, какое кислое вино!» Хозяин ответил: «Такие уж у нас вина; они улучшаются, старея». Тогда ландскнехт сказал: «Хозяин, когда вино состарится до того, что ему нужны костыли, в нем нет ничего хорошего».

О БРАТСКОЙ ВЕРНОСТИ

В Берне жили два добрых друга; одного звали Маттиас Апиариус, другого — Ганс Ипокрас. Ипокрас должен был Апиариусу некую сумму денег. Однажды Апиариус послал свою жену к Ипокрасу, чтобы потребовать долг. Ипокрас ответил ей так: «Это ваш муж мне должен». Она спросила: «Что же он тебе задолжал?» Она ведь точно знала: итоги подведены, и должник ее мужа — Ипокрас. Тогда должник ответил: «Он-то знает».

Женщина сердито с ним простилась и пожаловалась своему мужу. Выслушав ее, тот в гневе поспешил к нему сам и сказал: «Как ты смеешь говорить, что я тебе должен?» Ипокрас ответил: «Ты мне должен». А тот на это: «Неправда, я тебе ничего не должен». И так они переругивались, пока должник чуть было не довел дело до драки и тогда с усмешкой сказал: «Братскую любовь и верность — вот что ты мне должен». Тогда Апиариус рассмеялся, хотя был весьма сердит, и они расстались друзьями.

О ДВУХ КРЕСТЬЯНАХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ДОЛЖНЫ
ОДНОМУ АББАТУ

Два крестьянина не заплатили аббату подати в срок и условились просить аббата об отсрочке. Они пришли к монастырю, и привратник впустил их, а было как раз время трапезы. Оба поспешили в монастырскую трапезную, надеясь найти там аббата. Аббат сидел за столом со своими приближенными, а его прислужники трапезовали за особым столом. Когда два крестьянина вошли и увидели за столом аббата, один крестьянин испугался, отступил и убрался восвояси. Другой же дерзко вошел, протолкался среди прислужников и принялся за еду, как будто уплатил подать. Аббат, увидев это, сказал одному приближенному, сидевшему подле него: «Вот сидит наглый мужик. Как он проталкивался к столу! Он мне больше ничего не должен». А крестьянин держал ухо востро; он поел и пошел домой.

А когда аббат снова потребовал у него недоимку, крестьянин ответил ему: «Милостивый господин, вашей милости ведомо, что я вам ничего не должен. Вы же сами сказали давеча за трапезой господину, сидевшему подле вас: «Этот мужик мне больше ничего не должен». И аббат на этом успокоился.

ОБ ОДНОМ БАВАРСКОМ МУЖИКЕ,
КОТОРЫЙ ДЕВЯТЬ ДНЕЙ СТРАДАЛ ОТ КРОВОПУСКАНИЯ

Случилось так, что один богатый купец ехал по делам через Баварию и, проезжая мимо крестьянской усадьбы, наткнулся на загородку и открыть ее не мог. Он позвал крестьянина, чтобы тот открыл ему, а крестьянин громко крикнул в ответ: «Никого нет дома; кто здоров, тот в поле, а я лежу за пологом, мне отворили кровь». Купец осведомился: «А давно тебе отворили кровь?» Крестьянин ответил: «Завтра будет девятый день». Так что купец нехотя сам открыл загородку и молвил крестьянину: «Посмотри, там на загородке лежит талер; он тебя поставит на ноги после кровопус-

кания». И уехал прочь, не положив ничего. Когда крестьянин услышал это, он опрометью бросился из дому, чтобы заполучить талер, но не нашел его. Так выманил купец крестьянина из дому.

11

О ХОЗЯИНЕ, КОТОРЫЙ ПОДАЛ СВОИМ ГОСТЯМ
БЛЮДО ЦЕНОЮ В ТАЛЕР

Однажды добрые соседи собрались и решили отменно пообедать вместе; они заказали обед в трактире, где им и накрыли стол. Когда они сидели за столом, хозяин выходил к ним и говорил, чтобы они не беспокоились, пока еще все это не в счет, и едят они даром, пока им не подали доброго жареного каплуна; тогда хозяин сказал: «А это вот стоит талер».

Тем временем подъехал возок с купцами, направлявшимися во Франкфурт. Хозяин, услышав об этом, выбежал принять гостей. Недолго думая, один из обедавших спрятал жареного каплуна, так что блюдо опустело. Тут вошел слуга и налил вина. Один из обедавших обратился к нему и сказал: «Ну-ка, слуга, принеси еще чего-нибудь поесть». Слуга пошел на кухню, попросил у хозяйки еще еды и подал гостям печеную рыбу с рисовым муссом.

Когда гости насытились, они кликнули хозяина, чтобы заплатить по счету, а хозяин сказал: «Любезные гости и соседи, я не возьму с вас денег за то, что вы скушали, благослови вас Бог, только жареный каплун стоит талер. И мы в расчете». А тот, кто припрятал каплуна, ответил за всех: «Ну нет! Такой каплун нам не по карману». И он вернул хозяину каплуна, которого тот взял, хотя и остался не слишком доволен.

12

О КУПЕЧЕСКИХ СЛУГАХ, ВОЗВРАЩАВШИХСЯ ПЕШКОМ ИЗ ФРАНКФУРТА
И НЕ ЖЕЛАВШИХ НИЧЕГО ЕСТЬ В ТРАКТИРЕ, КРОМЕ НАЛИМЬЕЙ
ПЕЧЕНКИ

После Франкфуртской ярмарки некие швейцарские купцы велели своим слугам возвращаться восвояси пешком за день или за два до того, как они надумали

возвращаться сами. Неподалеку от Шпейера слуги зашли в придорожную гостиницу. И так как они оба были в изрядном подпитии, то и сговорились они еще раз изрядно поесть, но не заказывать ничего, кроме налимьей печенки; они убедили хозяина подать им такое блюдо. Хозяин, однако, взял с них хорошие деньги. Они поели в свое удовольствие, отбыли и тешились подобным образом частенько, пока не вернулись домой.

Днем позже их господа ехали на конях, и угораздило их попасть в ту же гостиницу, где слуги ели налимью печенку. Хозяин спросил, чего они желают. Один из купцов осведомился, нет ли налимов, он, мол, хотел бы отведать хорошей рыбы. А хозяин подумал: «Не худо получить за налимов деньги еще раз» — и подал купцам налимов, чью печенку съели их слуги. Купцы принялись за еду, но, когда один из них стал искать печенку, то не нашел ее. Тогда он подозвал хозяина и спросил: «Хозяин, я вижу налимов, но не вижу печенки». На что хозяин ответил: «Не утаю от вас правды. Как раз вчера отбыли некие молодые люди, они-то и заплатили мне за печенку. Дайте мне за налимов, сколько изволите». Купцы подумали: «Не иначе, как это были наши слуги». И они заплатили хозяину за налимов вместе с печенкой, а потом один над другим подтрунивал, но каждый думал про себя: «Ужо вернусь, и мой слуга за это поплатится».

13

О ПАСТЫРЕ, УЧИВШЕМ СВОИХ ПРИХОЖАН СВИСТЕТЬ В ОТВЕТ НА СКАЗАННУЮ ЛОЖЬ

В одной деревне жили скверные, плутоватые, злые крестьяне, которые в трактире или где придется бранными словами обвиняли друг друга во лжи, устраивая так часто стычки и потасовки, что пастор многократно запрещал им это со своей кафедры, но, к сожалению, толку от запретов было мало.

Однажды в воскресенье, когда добрый пастор был не слишком занят и решил произнести проповедь, он опять уличил своих прихожан в бранчивости и сказал: «Вот уж подлинно вы никудышные мужики. Сколько раз я запрещал вам ругаться, божиться, ловить друг друга на

слове, схлестываться и драться, но чем дальше, тем хуже; что ни слово, то слышится: «Ты врешь», а отсюда проистекают всяческие ссоры и раздоры. Однако, если кто-нибудь слышит, как другой врет, пусть он отныне не говорит напрямик: «Враки», а только свистит в ответ. Тогда другой опамятуется, примет это за шутку, а сам сообразит: «Эва, так не годится». Один плутоватый крестьянин возьми да и намотай себе это на ус.

Потом пастор переменял тему и принялся проповедовать о сотворении первого человека, говоря: «Милые прихожане, всемогущий Бог, сотворив небо и землю, счел нужным создать человека, сваял ком глины, придал ему человеческий образ и прислонил к забору, чтобы он подсох». Услышав это, плутоватый крестьянин громко засвистел. Пастор услышал и спросил: «Как, мужичок, ты думаешь, я лгу?» — «Нет, сударь, — ответил крестьянин, — только кто же делал забор, коли на земле еще не было человека?»

Говорят: каков поп, таков и приход.

14

О ДВУХ ЛАНДСКНЕХТАХ, ВМЕСТЕ ОТБЫВШИХ НА ВОЙНУ

Два добрых приятеля вместе отправились на войну, и, как это часто бывает, после освидетельствования и присяги одного послали туда, другого сюда, так что два приятеля разлучились и долго не видались, пока не произошла битва и войск не распустили.

По дороге домой оба ненароком встретились, день-другой шли вместе и вели при этом разные разговоры о своем житье-бытье. Один очень разбогател, заимел много денег и драгоценностей, а другой так и остался ни с чем. Вот и начал богатый издеваться над ним, говоря: «Как же это так случилось, что ты ничего не раздобыл?» Бедный сказал в ответ: «Я обходился моим жалованьем, не играл, не отнимал у бедных крестьян их пожитков, очень уж мне было жалко бедняков». А богатый сказал: «Не иначе как ты из тех воинов, которым Иоанн проповедовал в пустыне, они, мол, должны довольствоваться своим жалованьем». Бедный ответил: «Да, я полагаю, это было бы не худо». На что богатый сказал: «Нет, любезный братец, те времена миновали, теперь все по-

другому. Коли ты жалостлив и не возьмешь своего, так весь век ничего и не получишь; ты поступай как я. Я вот не упустил случая очистить чужой сундук, не брезговал и другими кознями; надо брать, что попало под руку, и никому не давать спуску». Бедный принял эти речи к сведению.

Случилось так, что на ночь им обоим отвели одну комнатку, и бедный заприметил, куда богатый положил свой мешок и свои драгоценности, тихонько встал среди ночи, вытащил у богатого золотую цепочку, десять гульденов денег и дал стрекача, не успело рассвести. Утром его приятель проснулся, увидел, что братца след простыл, сразу заподозрил неладное, схватил свою мощну, глянул и недосчитался цепи и денег. Тогда он кинулся вдогонку за своим дружкой, настиг его в Нюрнберге и велел схватить его.

Когда почтенный совет призвал заключенного к ответу, зачем тот украл цепь и деньги, обвиняемый ответил: «А он сам мне велел». Другой отрицал это, мол, нет, не велел, а обвиняемый настаивал на своем, мол, велел, да и только. Тогда господа советники потребовали от бедного обстоятельных показаний, как это его друг велел ему обокрасть себя. Бедный рассказал, что его товарищ учил его поступать, как поступает он сам, никого не жалеть, а брать все, что попадет под руку. Вот он и обошелся с ним так, благо под руку попался ему сам его товарищ, ночевавший в одной комнате с ним. Тогда господа постановили: цепь надлежит вернуть, а деньги оставить, чтобы бедному было чем кормиться по дороге домой, а богатый пусть больше никого не учит, как разбогатеть.

15

О ЛАНДСКНЕХТЕ, КОТОРЫЙ ЖЕЛАЛ СКАЗАТЬ СВОЕМУ КАПИТАНУ ВСЕГО ТРИ СЛОВА

Бедный простодушный ландскнехт терпел превеликий голод; хоть в лагере было вдоволь провианта, у него не было денег, чтобы купить себе харчей. Вот и подвигла его нужда на то, чтобы попроситься к своему капитану — авось тот ему что-нибудь даст. А капитан созвал к себе в это время важных гостей, и денщики не впускали беднягу ландскнехта. А так как тот не отставал и умо-

лял впустить его — он-де должен сказать капитану всего три слова, — то среди денщиков нашелся один проныра, которого подмывало узнать, чего же можно добиться тремя словами; вот он и доложил капитану подробно о назойливом просителе. Капитан и его гости, изрядно выпившие, сказали: «Пусть войдет! И если он скажет больше трех слов, мы велим заковать его в кандалы».

Когда солдат предстал перед капитаном, тот спросил его: «Чего ты желаешь добиться тремя словами?» Ландскнехт ответил: «Денег или отпуска». Тогда капитан рассмеялся вместе со своими гостями и выдал ему в награду жалованье за месяц вперед.

16

О ПОРТНОМ,
КОТОРОМУ ЖЕНА КУПИЛА КОЛОБКОВ ВМЕСТО КЛУБКОВ

У старого скупого портного была молодая красивая жена, которой он никогда не покупал никаких лакомств. Однажды он дал ей денег и велел купить ему клубков, а была как раз Пасха, когда продаются отменные горячие яичные колобки. И когда ражая молодая бабенка проходила мимо добрых свежесыпеченных колобков и почуяла их аппетитный запах, на нее напала такая охота отведать их, что она не удержалась, купила на все деньги колобков и принесла их домой. Муж рассердился и сказал: «Я же велел тебе купить клубков». И крепко обругал ее. А добрая женщина сказала: «Ах, милый хозяин, не надо так браниться. «Клубки» и «колобки» — это же звучит почти одинаково. Вот я и ослышалась». Муж промолчал, не стал больше ерепениться и сам купил себе клубков.

Настала осень, мужу опять привалила работа, и он дал своей жене денег, чтобы та купила ему рюши. Жена пошла на базар, где продавались расхорошие груши, так что у ней не хватило сил пройти мимо, и она купила на все деньги груш. Когда она принесла их домой, муж опять вспылил и сказал: «Зачем ты принесла груши, когда я велел тебе купить рюши?» Женщина ответила: «Любезный хозяин, а мне послышалось «груши». Муж подумал про себя: «Рюши-груши», «груши-рюши», как тут не ослышаться» — и опять угомонился.

Наконец, наступил День Святого Мартина, и портной послал свою жену купить платков. Женщина подумала: «Дважды ты обштопала своего мужа, а что двоится, то и троится» — и купила гуся. Когда она принесла гуся домой, муж удивился и сказал: «Жена, не велел ли я тебе купить платков?» На что жена ответила: «Опять-таки я ослышалась. Я думала, ты мне сказал купить полотков». Муж рывкнул: «Нет, милая супружница, пора прочистить тебе уши, а то они у тебя с глушинкой». И он схватил хороший, тяжелый аршин и принялся бить свою жену по голове, приговаривая: «Клубки, колобки, рюши, груши, платки, полотки», и охаживал ее, пока она не закричала «караул» и не взмолилась: «Перестань, любезный муженек! Уши у меня прочистились, теперь уж я больше никогда не ослышусь». С тех пор она прилежно покупала все, что он приказывал, и никогда не путала названий.

17

КАК НЕКТО ДЕЛИЛ СО СВОЕЙ ЖЕНОЙ ГОРЕ И РАДОСТЬ

Жил-был один портной, мужчина сварливый, и ему никак не могла угодить жена, несмотря на всю свою верность и благочестие; он все время ссорился с ней, бил и трепал ее. На это обратило внимание начальство, и на некоторое время посадили его в тюрьму. А когда решили, что он достаточно наказан, готов взяться за ум и раз навсегда помириться со своей женой, его выпустили, но заставили поклясться, он, мол, перестанет колотить свою жену, никогда больше не обидит ее и будет делить с ней радость и горе, как того требуют супружеские обеты. Портной поклялся.

Пожил он с ней честь честью до поры до времени, а потом опять взбеленился и накинулся на нее; бить ее он не смел и потому хотел схватить ее за волосы. Женщина, однако, была для него слишком проворна и увильнула; тогда он запустил в нее ножницами и погнался за ней по двору, бросая в нее все, что подвернется под руку. Он смеялся, когда попадал в нее, и клял ее, когда промахивался. Так продолжалось, пока соседи не прибежали к ней на помощь.

Портного опять востребовали к начальству и осведомились, не забыл ли он, что дал клятву. Портной отве-

тил: «Любезные господа, я не нарушал клятвы, я же не бил ее, а, как вы изволили приказать, делил с ней горе и радость, вот что я делал». А господа спросили: «Как это могло быть? Она принесла на тебя предлинную жалобу». Портной молвил в ответ: «Я хотел только малость оттащить ее за волосы, но она ускользнула; вот я и погнался за ней, кидая в нее поленьями и вообще чем ни попадя; я попадал в нее себе на радость, а ей на горе, и я промахивался себе на горе, ей на радость. Так я и делил с ней горе и радость, как вы изволили приказать». Встречаются иногда такие сумасброды, что им и за год ничего не втолкуешь. Господа внушили ему строгонастрого, дабы он отнюдь не бил своей жены, не делил с ней горя и радости подобным образом, а смотрел, чтобы от нее не поступало больше жалоб на него, иначе ему не отделаться шутками.

18

О БЕДНОМ ДВОРЯНИНЕ, ВЗЯВШЕМ ДЕНЬГИ ВЗАЙМЫ

Один бедный дворянин занял деньги у крестьянской общины и дал письменное обязательство, не прибегая под покров сословных вольностей, своевременно уплачивать лихву, а в противном случае он попадает под арест или подлежит тюремному заключению. Однако дворянин пропускал срок за сроком, оставался глух к требованиям крестьян, и те взяли его под арест. А ему было на это наплевать; пока длился арест, крестьянам пришлось еще оплачивать его содержание. Так что с него были взятки гладки; вот они и нагрянули в Ротвейль, чтобы схватить его и посадить в тюрьму, если он не расплатится немедленно. Взяли и направили к нему своего человека, чтобы тот разыскал его, где бы он ни находился, и потребовал бы с него денег или упрятал его за решетку.

Посланный разыскал дворянина в деревне, когда тот сидел у цирюльника, подстригавшего ему бороду; посланный набросился на него с превеликим шумом и спросил денег. А дворянин ответил: «Успокойся, я тебе заплачу». Посланный ответил: «Мне велено не отпускать вас, пока вы не расплатитесь». Дворянин спросил: «Можешь ты подождать, пока мне подстригут бороду?» Посланный ответил: «Ладно, подожду». Тогда дворянин

сказал цирюльнику: «Не стриги больше», и цирюльник оставил ему полбороды. Тут посланный сказал: «Сударь, не изволите ли вы достричься?» А дворянин ответил: «Вот уж нет! Ты же согласился ждать, пока я остригусь; вот и жди сколько угодно; не беспокойся, я не остригусь, иначе мне придется платить». Крестьянин увидел, что его надули; бросился к старосте и хотел задержать дворянина, но цирюльник помог тому скрыться. Вот и ждет посланный, когда дворянин соблаговолит остричь себе бороду, а крестьянам нет от этого никакого проку. И поделом! Не подобает крестьянам ссужать деньгами дворян; напротив, дворяне должны давать крестьянам в долг.

О КОРОБЕЙНИКЕ, ПРОДАВАВШЕМ СКОРНЯКАМ СОБАЧЬИ ГЛАЗА
ВМЕСТО КОШАЧЬИХ

Во времена, когда все миряне носили четки и высоко ценились камешки под названием «кошачьи глаза», шастали по стране коробейники и офени, домушничая (сиречь заглядывая из дома в дом, не удастся ли выудить деньжонок), а среди них отличался один смышленный малый (я хочу сказать, что он бывал и в Блудлинге, где среди коробейников бесстыдник не редкость), вот и направился он в Гарлем, что в Голландии. Подомушничал он по городу, но деньжонками не разжился и, проходя переулком мимо одного дома, вдруг услышал великий шум и ликованье. Он подумал: «Наведаюсь-ка я туда, авось и мне что-нибудь перепадет».

Он вошел и спросил служающего, что за люди тут собрались. Тот ответил: «Здесь трактир, где имеют обыкновение собираться скорняки, и сегодня здесь весь цех, мужья с женами, два-три раза в год они здесь веселятся, так у них заведено». Услышав такое, офеня подумал, что здесь много не сорвешь, и был бы не прочь с достоинством смыться, только не знал как. Вот и решил он прикинуться скоморохом; кстати, он был искушен в пении, а до песен скорняки весьма охочи. Когда он спел им одну-другую песню, его усадили за стол — дескать, пируй вместе с нами. Дорвавшись до выпивки, он бы и от денег не отказался, остерегался только говорить о

«кошачьих глазах», а то скорняки могут сгоряча спустить с лестницы, вот он и стал предлагать им «собачьи глаза», вытащил свой товар, показал хорошенькие четки и воскликнул: «Любезные господа, кто желает купить «собачьи глаза»?» Четки так приглянулись скорнякам, что он продал их немало, убрался с деньгами подобру-поздорову и благодарил Бога, что ушел небитый, а вдруг скорняков угораздило бы спросить, что такое «собачьи глаза».

КАК МОНАХ ВЫТАСКИВАЛ У ДЕВИЦЫ ЗАНОЗУ ИЗ НОГИ

Босоногий монах нищенствовал, выпрашивая сыр и яйца; в одной деревне он расположил к себе богатую старуху, и та подавала ему больше, чем другим монахам. Вот и пришел он снова просить сыру, а когда она, кроме сыру, дала ему еще и пасхальных яиц, он осведомился: «Матушка, а где ваша дочка Грета, почему я ее не вижу?» Мать ответила: «Ах, она лежит наверху в постели и совсем плоха; она наступила на колючку, и у нее распухла нога». Монах сказал: «Надо бы мне осмотреть ее, авось помогу». Мать сказала: «Да, любезный господин Тилман, а пока я сварю вам супу».

Монах пошел к дочери и ощупывал ей распухшую ногу, а девица вела себя при этом не лучшим образом, но мать полагала, что монах вытаскивает колючку, и крикнула дочке: «Потерпи, дитя мое! Тебе лучше будет». Когда монах сделал свое дело, он спустился с лестницы, взял свой мешок — и давай Бог ноги. Мать едва успела сказать: «Покушайте сперва супу!» А монах в ответ: «Нет уж, нынче я пощусь». Ибо он знал, что здесь ему не поздоровится.

Когда мать вошла к дочери, она увидела, какую колючку вынул монах, схватила хорошее полено и вышла подождать, когда монах, обойдя деревню, снова пойдет мимо. Завидев его, она спрятала полено за спиной, в другую руку взяла сыр и крикнула: «Господин Тилман, подойдите, вот вам еще сыр». Но монах заметил подвох и сказал: «Нет, матушка, мне лишнего не надо. Не в моих правилах принимать подаяние дважды из одних дверей». Тогда крестьянка погрозила ему поленом и сказала: «Счастлив твой Бог, монах, что ты не

приблизился к моей двери. Уж я бы отблагодарила тебя за коллечку».

Монах дал деру и больше не приходил в деревню за сыром; он не сомневался: мамаша ему кое-что припомнит.

О БЕГЛОМ МОНАХЕ, КОТОРЫЙ БЫЛ ПОБЕЖДЕН БУКВОЙ

Один беглый монах увлекся достохвальным искусством книгопечатания, дал себе слово освоить его в четыре года и, пробыв недолго в обучении, совсем распоясался, вмешивался в любой разговор; что бы люди ни говорили, он перечил им, как будто был осведомленнее остальных подмастерьев, особенно в том, что касается Библии и Евангелия; всех и каждого норовил он подавить своими аргументами. А в печатнях так уж принято: один другого там поддразнивает, и в этой печатне был один наборщик, превеликий шутник и знаток всяких добрых замысловатых дурачеств; вот он и сказал однажды монаху: «Болтаешь ты много, куда больше других подмастерьев, а сам не так уж силен в Священном писании. Если ты не против, я хотел бы провести с тобой небольшой диспут в воскресенье, когда мы не работаем, но при условии, что ни у тебя, ни у меня не будет никакого оружия или щита, кроме буквы, а другие подмастерья пусть слушают и судят». Монаху это было по душе, и они условились о диспуте.

Когда настало воскресенье и они уселись, монах запасся Библией, Евангелием и кое-какими другими книжонками, надеясь по ходу дела сослаться на букву Ветхого и Нового завета, а забавник подмастерье притащил с собой мешок, в котором было пять-шесть фунтов букв, в печатнях именуемых «шрифт». Диспут начался, и монах задал своему сопернику много возвышенных широковещательных вопросов, весьма заковыристых, как ему представлялось, а наборщик с неизменной усмешкой в ответ ерничал, и монах понял, что над ним издеваются, и, так как у монахов в обычаях делать все, что вздумается, вскочил и вцепился наборщику в волосы. Но наборщик тоже не дремал. Он вытащил свой мешок с буквами и принялся лупить монаха по голове и по чреслам, словом, куда ни попадя, пока монах не за-

орал «караул» и подмастерья не пришли к нему на помощь.

Так что монаху пришлось претерпеть унижение, кроме побоев, а подмастерья признали, что наборщик взял верх и монах побежден буквой. С тех пор он поутихомирился, и, как только начинал забываться, подмастерья грозили ему шрифтом и говорили: «Хочешь опять попробовать на себе букву?»

22

О КРЕСТЬЯНИНЕ, КОТОРЫЙ СПАЛ НАЯВУ

Два крестьянина были добрыми соседями, и дома их стояли близко друг от друга; однажды утром, но отнюдь не спозаранку, один крестьянин подошел к окну другого и постучался пальцем. А другой пока еще валялся за печкой, разленился и не хотел вставать; услышав стук в окно, он откликнулся громким голосом, рывкнув: «Кто там?» Сосед у окна ответил: «Это я. Что вы делаете, сосед Конрад?» Мужик в постели ответил: «Я лежу и сплю. Что вам угодно, соседушка?» Сосед у окна молвил: «Коли вы не спите, я хотел попросить у вас вашу телегу; а коли спите, я приду, как только вы проснетесь».

Не так уж много встретишь крестьян таких простодушных, как этот, полагавший: кто лежит в постели, тот спит.

23

ОБ ОДНОМ ВЕНЕЦИАНСКОМ ПРОХОДИМЦЕ, КОТОРЫЙ ПРИТВОРИЛСЯ МЕРТВЫМ, ЧЕМ И ЗАПЛАТИЛ ЗА КВАРТИРУ

В Венеции, как и во многих других городах и весях, полагается сначала платить за квартиру, а уж потом за все остальное. Многие тамошние кавалеры или господа имеют обыкновение сдавать дома внаем, и частенько можно там встретить домовладельца из благородных, которому дома приносят столько дохода, что сам он живет припеваючи. Был один проходимец, сам в прошлом хозяин, только негодный, изрядно накуролесивший на своем веку, и жил он четвертый год в доме, ни

разу не заплатив за квартиру, а только улещивая домовладельца ласковыми словами да прошениями, пока тот не подал на него в суд и не потребовал заплатить деньги, грозя в противном случае тюрьмой.

Вот и подумал наш негодный проходимец, что дело хорошо не кончится; поэтому он дал указание своей жене, как вести себя, если хозяин вновь потребует плату. Настал день, когда это должно было случиться, и он с женой были уже начеку; когда они увидели, что приближается кавалер и вместе с ним судейские — а увидели они это издали, так как переулок был длинный, — и к тому времени, как судейские встали у дверей, чтобы должник не ускользнул, он со своей женой выкинул такую штуку: улегся в своей комнате спиной на полу, а жена укрыла его черным платком, на котором был белый крест, и поставила две зажженные свечи, одну у него в головах, другую в ногах, как будто он мертв и уже труп.

Когда домовладелец приблизился к двери и постучал в нее, а судейские притаились, чтобы, согласно приказу, ворваться, как только дверь откроется, схватить должника и препроводить его в тюрьму, то дверь открыла жена должника, и тогда господин так разгневался и так возжаждал поскорее дорваться до виновного, что не стал с ней долго рассусоливать, бросившись вверх по лестнице в сопровождении расторопных судейских. Жена между тем от него не отставала; с превеликими воплями, причитаниями и рыданьями распахнула она дверь в комнату, где супруг ее валялся на полу, а сама громко закричала: «O magnifica munsör, miserecordia!»¹ — и поведала кавалеру, будто несчастный помер от черной заразы, или от чумы. Когда господин услышал это (а они ничего так не страшились, как чумы), он от ужаса чуть не свалился с лестницы вместе с судейскими, лишь бы поскорее выбраться из зачумленного дома. Вернувшись восвояси, он взял свой реестр, или долговую книгу, где помечал все квартирные платежи, и в ужасе и в гневе не просто вычеркнул перышком, как имел обыкновение прежде, но, возненавидев самое имя должника, умершего от чумы, вырвал и сжег целый лист из долговой книги со всеми расчетами, касавшимися этого жильца.

¹ О благородный господин, сжальтесь! (искаж. *ит.*)

А проходимец и его жена не стали мешкать; они сняли другую комнату и поспешили покинуть дом, так что кавалер-домовладелец даже не знал, куда девалась вдова должника: он ведь думал, что муж ее похоронен. Проходимец отсиживался в укромном месте немало времени и, наконец, отважился снова высунуть нос. Однажды он встретил кавалера на площади Святого Марка. Увидев его, он мигом зажмурил правый глаз и продолжал идти своей дорогой. Кавалер остановился, посмотрел ему вслед и сказал себе: «*A la fe de diu* (то есть, по-нашему, «клянусь Богом истинным»), будь у него два глаза, я был бы готов присягнуть, что мой усопший должник восстал из мертвых». Встречая его неоднократно, кавалер начал наконец досадовать и все более удивлялся тому, как один человек может походить на другого.

Но однажды они снова встретились и почти столкнулись, так что проходимец позабыл зажмурить глаз. Тут кавалер не мог не узнать его, схватил его за шиворот и молвил: «Ах ты, мошенник, ты все еще шляешься, а я-то думал, ты очоурился». Домовладелец поволок должника к себе домой, вытащил долговую книгу и хотел убедиться, сколько денег тот ему должен. Не тут-то было. Он не мог ничего найти в книге и вспомнил про вырванный лист. Тогда кавалер спросил проходимца, как это он все устроил, и, выслушав его рассказ, как ни злился, не мог удержаться от смеха и со смеху простил ему весь долг. Кавалер подумал, что не много возьмешь там, где нет ничего, хотя проходимец после этого опять разбогател, а жил он и взаправду несколько лет тому назад.

Один добродушный парень отправился на войну в надежде разом разбогатеть, но война продолжалась недолго и, как говорят, истекла; ландскнехтов отпустили и, как это случается сплошь и рядом, отправили домой без особенных денег, и наш добряк был среди них. Так что ему оставалось по дороге домой разве что побираться. Шел он однажды мимо крестьянского дома, а сам хозяин сидел за столом и завтракал со своими

чадами и домочадцами. Бывший воин постучался в окно и попросил хоть пфенниг, чтобы было на что честь честью двинуться дальше. Крестьянин сказал: «Поистине, любезный друг, у меня не так много пфеннигов, чтобы раздавать их, деньги в моем доме недешевые. Однако заходи и, коли не побрезгуешь, позавтракай со мной: я чем богат, тем и рад. Я готов разделить с тобой мою бедность, посланную мне Господом». Наш воин был очень голоден, обрадовался еде, подсел к столу и съел всю бедность, ни с кем ее не деля.

Когда он поел и выпил целую корчагу молока (вина было в доме немного), то поблагодарил хозяина и пустился в путь. Идя по дороге, он вспомнил слова, которыми крестьянин пригласил его разделить с ним бедность, а бедность показалась ему такой аппетитной, что он усмехнулся про себя и сказал: «Боюсь, мне придется долго переваривать эту трапезу». Так что, когда потом его спрашивали, почему это он никак не разбогатеет, парень всегда отвечал, что пособил одному крестьянину съесть его бедность, а такое блюдо не скоро переваривается. Вот если бы оно переварилось, можно было бы и на богатство рассчитывать.

25

О ВОЗЧИКЕ, КОТОРЫЙ ПОЕХАЛ НЕ ПО ТОЙ ДОРОГЕ

Один хозяин (говорят, дело было в Эльзасе) взял в жены дочь другого хозяина, как он полагал, девушку добрую и красивую. Он сводил ее в церковь и хозяйствовал с ней месяца два или чуточку больше; тут у молодой пригожей жены живот начал расти и пухнуть, так как согрешила она, видать, задолго до этого. Добрый человек был весьма раздосадован тем, что прошло так мало времени; не так уж долго он жил с ней, и, судя по всем срокам, животу еще никак не полагалось вздуться.

Однажды, оставшись наедине с женой, муж сказал ей: «Эх, девонька, тут что-то не в порядке, слишком уж быстро у тебя вырос живот. Я полагаю, дело не без греха. Изволь мне сказать правду, как это вышло, и если это сделал не поп, не монах и не еврей, я прощу тебя, оставляю все как есть, и живи со мной честь честью. Если же ты будешь запираяться и не скажешь мне правды, я

прогону тебя и ославлю перед всем светом». Добрая молодая жена немного подумала и сказала: «Ах, любезный мой супруг, молю тебя, прости меня ради Господа. Я буду лучше прежнего угождать тебе весь век и скажу тебе чистую правду, уж ты поверь мне!» И она рассказала: «Это сделал один возчик, заночевавший в доме моего отца». Муж сказал: «Вот угораздил Господь этого возчика! Эх, возчик, возчик! У тебя такая широкая дорога, а ты заехал моей жене не скажу куда!» И примирился с тем, что было.

Так что он и она, ее отец и ее мать остались в чести и с честью; жена не была опозорена, и добрым людям заткнули рты. И другим не худо бы поступать так же, а то встречаются дураки, которые, вдоволь опозорив своих жен и загадив собственное гнездо, берут их потом обратно, чтобы вдвоем сесть в лужу.

26

О МОНАХЕ, КОТОРЫЙ МЕТИЛ В ЛЮТЕРАН ТУФЛЕЙ

В одном городе была обитель босоногих монахов, а среди них был один иеромонах, всегда поднимавший на кафедре превеликий вопль и способный навесить на каждого, что называется, ярлык; особенно злился он, когда не посещали его проповедь, и всех, кто пропускал ее, он готов был считать еретиками-лютеранами. А в городе жили два честных обывателя, пострадавших от несчастных случаев: один лишился глаза в школе фехтования, другому раздробило бедро разорвавшееся ружье, и он ходил на деревянной ноге.

Однажды сей монах снова напал на еретиков-лютеран и прямо-таки взбеленился, а как раз тогда в церковь пришли те двое, быть может, именно для того, чтобы послушать, как он беснуется. Монах заметил, что они направляются к церковным дверям, пуще прежнего распалился и сказал: «Любезные друзья, сами видите, как обстоит дело с еретиками-лютеранами; они обособляются и отделяются от святого Римского престола и от нашей матери, святой христианской Церкви, она же существо и тело святой христианской веры, а мы все ее члены. Так, если мы обособимся от ее тела и впадем в лютеранскую ересь, мы повреждаем все тело, и вот вам пример: когда у здорового человека разможено бедро,

не все ли тело его исковеркано? Или когда красавец лишается глаза, не весь ли его лик искажен? Посему, любезные друзья, избегайте лютеранской ереси! Мне ведомо, что кое-кто из ихних здесь присутствует, хотя и не хочет в этом повиниться». С этими словами он сорвал туфлю с ноги и воскликнул: «Будь что будет, в кого-нибудь из них да попаду!» А поскольку он мог попасть в каждого, то каждый и струхнул, и многие нагнулись, и в церкви послышалось хихиканье. Тогда монах сказал: «Ах, Боже милостивый! Я стращаю и увещаю вас день за днем, и все без толку; вижу, вижу, сколько здесь еретиков-лютеран!» Тогда все прихожане разошлись из церкви по домам, а монах все еще буйствовал и неистовствовал на кафедре.

27

О ТОРГОВЦЕ СЕЛЕДКАМИ

Молодой купец вез на продажу селедки из Брабанта в Швейцарию. То ли он не умел блюсти своей выгоды, то ли рынки были затоварены селедками, то ли молодой купчик уделял больше внимания красоткам, чем своему торгу, сказать не могу, однако в итоге его путешествие стало ему в изрядную сумму денег, а убыток — не лучший попутчик, вот он и плелся с неохотой в превеликой печали по направлению к дому, когда увидел при дороге худо сработанное, неуклюжее распятие. Купец остановился, постоял молча, всмотрелся в Господа Бога, узрел его нищету и увечья и, наконец, то ли по простоте душевной, то ли с горя, молвил: «Господи, если бы ты торговал селедками, ты не мог бы выглядеть хуже».

28

О ПРОСТОДУШНОМ КРЕСТЬЯНИНЕ

Один простодушный крестьянин зашел в церковь и, увидев резной образ Христа, весь расписанный кровоподтеками в память о бичевании, почувствовал превеликое сострадание к нашему Господу, прочитал «Отче наш» и молвил под конец: «Ах, Господи Христе, пусть это послужит тебе уроком! Не ходи ты больше к скверным, злым евреям!»

В одном швабском городе был один проходимец, потешник из потешников; вот он и взялся за чужой промысел — вздумал каждое утро продавать водку наряду с другой своей рухлядью, а лавка его стояла чуть ли не впритык к церковным дверям, и по утрам у этой лавки собиралась немалая толпа подмастерьев, мастеров и прочего пьющего народа, чтобы самим поболтать и послушать новых баек. Попы, входя в церковь и выходя оттуда, порою бывали осмеяны этим гуляющим людом; вот попы и добились, чтобы начальство запретило тому весельчаку продавать водку по воскресеньям.

Однако он недолго придерживался такого запрета и вскоре начал опять открывать свою лавчонку по воскресеньям; тогда городской фогт пригрозил ему, что конфискует водку вместе со стаканами. Когда упомянутый проходимец это услышал, он наполнил большущий стакан щёлоком, подмешал туда малость шафрана или чего другого, не знаю уже чего, только с виду жидкость не отличалась от водки, взял и выставил сей стакан на прилавок, о чем фогту немедля донесли его служители, с которыми фогт в немалом гневе бросился конфисковать водку. Увидев его издали, проходимец убрал прочие стаканы и блюда, и на виду остался только стакан самодельного пойла. Фогт подошел и обрушился на весельчака с гневными словами, а водочник знай себе придуривается, смотрите, мол, как я перепуган. Тем временем один служитель городского фогта схватил стакан и подумал, что это богатая добыча. Фогт со своей челядью вернулся домой, слуги притащили большое блюдо, вылили туда мнимую водку, посахарили и собрались отведать доброй жженки. Но когда фогт, как подобает господину, сделал первый глоток и его приспешники не отстали от него, один взглянул на другого, и последовали плевки да премногие проклятия; тогда и удосужились разглядеть, что в стакане, а там был старый щёлок. Фогт послал двух своих прислужников, чтобы они схватили мошенника, но тот скрылся.

На другой день фогт обвинил его перед городскими властями; за проходимцем послали и привели его под

конвоем. Когда он предстал перед господами, те сказали: «Ответь, мошенник, как смел ты предложить честному человеку вместо водки такой дикий напиток?» А проходимец молвил в ответ: «Милостивые господа, я не предлагал ему подобного напитка, он сам изъял его у меня силой. Если бы он спросил у меня доброй водки, я бы ему таковой и подал; ведь стакан-то, который он у меня изъял, заменял мне вывеску, мол, смотрите, добрые люди, здесь продается водка, а коли такой стакан разобьют, убыток не велик». И господа отпустили проходимца до следующей провинности; так попал впросак фогт вместе со своими присными, поддавшись чревоугодию.

30

О ДВУХ ЗЛЮЩИХ СОСЕДЯХ

Два соседа, вечно цапавшиеся между собой, пришли к бургомистру из-за какой-то мелочи, то ли из-за курицы, то ли из-за утки, и каждый из них завел такую громкую жалобу, что бургомистру заложило уши. Ему опротивела их болтовня, и он не стал с ними рассусоливать. Но один из них был такой сварливый завистник, какого редко встретишь. Он увидел, что бургомистр не налагает на его соседа никакого штрафа или пени, раскипятился так, что не находил слов от злости, только взял да и ляпнул: «Господин бургомистр, мне ведом еще один его порок, он перекрещенец». Другой сосед огрызнулся: «Милостивый господин, он лжет на свою же голову, он сам из таких и пытался меня обратить в свою веру». И присовокупил к этому несколько клятв, добавив: «Не было бы тут господина бургомистра, я бы тебе голову проломил». Бургомистр обрадовался возможности отделаться от обоих и сказал: «Убирайтесь подобру-поздорову, любезные друзья, и сами договаривайтесь между собой! По вашим клятвам и по вашему сварливому добрососедству можно убедиться, что вы оба не перекрещенцы. Если каждого из вас ударить по одной щеке, не думаю, что он подставит другую».

Мог ли господин поступить разумнее с двумя такими задирами; оставалось только отпустить их, чтобы они сами договаривались между собой.

Во Франкфурте на ярмарке встретились в гостинице два барышника. Оба они торговали лошадьми, давно познакомились и имели обыкновение обмениваться своим товаром или перепродавать его друг другу. Случилось так, что один из них пришел как-то в гостиницу прежде другого, и у него пала лошадь. Барышник не успел найти драча, или живодера, так что лошадь лежала в соседнем стойле, так сказать, падаль падалью.

Другой барышник вернулся в гостиницу вечером, когда уже садились ужинать, и у него не осталось времени навеститься в стойла, как заведено, чтобы взглянуть на лошадей; его тоже кликнули на ужин, а за столом он увидел первого барышника и, поздоровавшись, спросил: «Чем бы нам поменяться?» Другой ответил ему: «Я бы выменял плутню». Тот сказал: «Что ж, идет; моя плутня к твоим услугам». Надо вам сказать, что у него был конь, хромавший на все четыре ноги, одноглазый, паршивый, — словом, худшей плутни и вообразить невозможно. Вот его владелец и сказал: «Чья плутня хуже, тот выиграл; идет?» А за столом сидели другие добрые, честные купцы и возчики; они тоже вступили в беседу, и обмен был скреплен общим согласием: чья плутня хуже, тот выиграл, а проигравший оплачивает все, что съедено и выпито купцами и прочими сотрапезниками за столом.

Когда после ужина убрали стол, все они отправились в стойло посмотреть, кто выиграл. Один барышник увидел, что его конь валяется на соломе и протянул все четыре ноги, спина у него натерта и у него запал, словом, плутня по всем статьям; все присутствующие засвидетельствовали отменную плутню, и барышник возомнил, что выиграл. Но не тут-то было! Другой сказал: «Погодите! Пойдемте со мной, и я покажу вам, что такое настоящая плутня». И он повел их в соседнее стойло, где дохлая лошадь валялась уже четвертый день и начала смердеть. Когда добрые люди увидели это, а главное — унюхали, между ними поднялся превеликий смех, и они признали, что выиграл владелец дохлой лошади, так что застолье должен оплачивать другой.

О БЕДНЯГЕ, СДЕЛАВШЕМ ЧЕСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ГОСПОДАМ СУДЬЯМ ВО ИЗБЕЖАНИЕ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ

Один незадачливый губошлеп, как называют или обзывают подобных молодчиков, многократно попадал в тюрьму за мелкие кражи, но всегда ему удавалось выкрутиться, так что он выходил сухим из воды, только, наконец, он зарвался, и терпение властей лопнуло. Его снова схватили, и дела обернулись так дурно, что, согласно своду имперских законов, его приговорили к смертной казни через повешенье.

Когда господа довели до его сведения приговор, как полагается, дня за два или три до казни, чтобы он к ней приготовился, и когда он услышал, что его должны повесить, он повел себя так чудно и жутко, что господа диву дались. Не скупясь на слова, он опровергал приговор, уверял, что приговор неприемлем, так как слишком суров, а речи свои он подытожил так: «Я вашего приговора не приму; дай вам Бог делать что вам угодно, а я не подчинюсь. А не подчинюсь я только для того, чтобы вы, мои господа, убедились: не намереваюсь я предложить вам ничего нечестного; сделайте так, отрежьте мне оба уха, накажите меня розгами, и я вам еще приплачу десять гульденов. Разве это не почетное и не честное предложение?»

Такое честное предложение рассмешило господ, однако они передали его господам, которые повыше. А те посоветались и пошли навстречу честному предложению, сказав губошлепу: если он еще раз попадетя, то наверняка будет повешен, если не повалит виселицу. Однако тот больше не попадался.

О КУПЦЕ, КОТОРЫЙ ЗА ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ
НЕ ВИДАЛ АРШИНОВ ДЛИННЕЙ

В пору, когда блаженной памяти верный Франц фон Зиккинген воевал с Вормсом и потому плавать по Рейну стало опасно, некоторые купцы из Антверпена и Кельна решили отправить свои товары на Франкфуртскую ярмарку сухим путем и сами ехали той же дорогой, чтобы товары не остались без присмотра.

А были тогда невезучие молодчики, промышленявшие на большой дороге, когда представится случай (слава Богу, теперь такого уже не бывает), и они пронюхали про этих купцов, и повстречали их неподалеку от Франкфурта, и набросились на них, по своему обыкновению, с превеликим неистовством, так что одни убежали, а другие были пойманы и связаны. В их присутствии нападавшие взламывали возки, и что им нравилось, то они и брали. А когда они добрались до сукна, бархата, тафты, атласа и камчатой ткани, то разрывали добычу, мерили ткани копиями и делили между собой; среди купцов кое-кто плакал, а молодчики издевались над ними.

Наконец, очередь дошла до одного купца, и тот подумал: «Что тут поделаешь? Да ничего! Так пусть идет как идет по воле Божьей». А когда они меряли его шелка, сукна, бязь своими копиями, он стоял и смеялся так, что весь трясся, и разбойники удивились и спросили, почему он так смеется. Тогда он ответил: «Не могу удержаться от смеха; всю жизнь, сызмальства, занимаюсь торговлишкой, побывал на разных базарах и ярмарках в Германии, во Франции, даже в Париже, где аршины длинные, но никогда не встречались мне аршины длиннее ваших. Боюсь я, что, коли вы явитесь на рынок и будете отмерять товар так щедро, то быстро проторгуетесь». В ответ на такую забавную речь грабители волей-неволей рассмеялись, и один из них сказал: «Сдается мне, ты хороший парень». И они решили вернуть ему весь его товар, а сами убрались поскорее, ибо в таких делах мешкать негоже.

34

О ПОПЕ, ВЫЗВАВШЕМСЯ ПРИЧАЩАТЬ СВОИХ ПРИХОЖАН ТРОЙКИМ ОБРАЗОМ

Бедный невежественный поп нацелился на богатый, хороший приход, ибо он прослышал, что там можно разжиться; это-то его и привлекло; он не столько намеревался пасти своих овечек, сколько надеялся загрести побольше денег. Уж он и бегал и кланялся, пока крестьяне не пригласили его в воскресенье, чтобы договориться с ним и предоставить ему приход.

Когда настало воскресенье, поп предстал перед ста-

ростой и всем синклитом в присутствии управителя, и было определено, сколько следует ему получать: и жилье, и малая десятина, и некоторая доля плодов земных, ржи, пшеницы, ячменя, овса, вина, а также денег, чем поп был весьма доволен, но, когда все было согласовано и установлено, староста отвел попа в сторону и сказал ему вполголоса: «Любезный господин священник, поскольку вы до сих пор держались папства, надлежит вам знать, что у нас в деревне другой устав, ибо мы народ своеобычный. Посему извольте причащать нас двояким образом, сиречь хлебом и вином». Добрый священник испугался, не прогнали бы его, если он заартачится; потому-то он и смирился, сказав старосте: «Так я и буду делать с превеликой охотой. Чтобы вы убедились, как я к вам расположен, я готов причащать вас не то что двояким, а даже трояким образом, сиречь хлебом, вином да еще и сыром в придачу». Старосте это понравилось, и он сказал, что выяснит у крестьян, удовольствуются ли они этим.

35

ОБ ОДНОМ ФАКИНЕ, КОТОРЫЙ ПРИТВОРИЛСЯ НЕМЫМ,
ИЗБЕЖАВ ТЕМ САМЫМ
СТРОГОГО НАКАЗАНИЯ

В Венеции, где нет ни лошадей, ни телег, принято переносить разный скарб из дома в дом вручную. На всех площадях там встречаются бедные дюжие парни, именуемые факинами; среди них нередки силачи, способные перенести больше двух немецких центнеров зараз, и таскать им приходится разные диковины. Вот и перетаскивал такой бедняга факин разную утварь, а среди других предметов было не знаю что, то ли копье, то ли треножник, то ли коромысло, только в узких переулках кричал он, по обыкновению факинов: «Варда, варда». По-немецки это значит: «Дорогу!», или «Берегись!», или, как швабы кричат, «Поди, поди!». А поскольку этот добрый факин был весьма тяжело нагружен, то кричал он особенно часто и даже без умолку «Варда, варда», а что он мог еще кричать?

Но ему встретился высокомерный кавалер, который в своей спеси мнил, что факин должен уступить ему дорогу, и случилось так, что факин зацепил за рукав

этого господина упомянутой железкой. Знатный господин разозлился так, что велел немедленно посадить факина в тюрьму, а поскольку знатные люди там весьма могущественны, намеревался даже отправить его на виселицу не позже, чем завтра.

Но когда на другой день он подал жалобу коллегии или суду, там оказался некий стряпчий, который пожалел несчастного факина и попросил у господ разрешения защищать беднягу. Получив такое разрешение, он отвел факина в сторону на два слова и шепнул ему: «Когда ты предстанешь перед судом, притворись, будто не можешь говорить, и не давай выдавить из себя ни единого слова даже под угрозой побоев; остальное предоставь мне!»

Факин поступил как ему велели и, представ перед господами, молчал наперекор всему, прикидываясь не то немым, не то дурачком. Тогда защитник сказал: «Любезные господа, что прикажете мне с ним делать? Он не может говорить и не может дать показаний, чтобы я говорил в его защиту». Когда знатный господин услышал это, он вскричал в ярости: «Ах ты, негодяй, сейчас ты не можешь говорить, а не кричал ли ты вчера на улице, как полоумный: «Варда, варда!»?» Когда господа судьи это услышали, они сказали: «Если он кричал, то почему вы не уступили ему дорогу?»—и подняли кавалера на смех.

36

О ТОМ, КАК НЕКТО ПЕРЕХИТРИЛ ЗАЩИТНИКА ПО ЕГО ЖЕ НАУЩЕНИЮ

Некоего человека привлекли к суду по делу, которое, как он видел, может обойтись ему дорого. Он пожаловался защитнику, или стряпчему, а тот сказал: «Я научу тебя, как выпутаться из этого дела без малейших расходов и трат, дай только мне в награду за труды четыре гульдена». Ответчик воспрянул духом и обещал четыре гульдена в случае своего вызволения. А защитник посоветовал ему, когда он предстанет перед судом, что бы его ни спрашивали, как бы его, помилуй Бог, ни бранили, произносить в ответ одно только слово: «Бле!»

Когда они явились в суд и многие подали жалобу на ответчика, от него не могли добиться ни одного слова, кроме «бле». Тогда господа рассмеялись и спросили

защитника: «Что вы скажете в его защиту?» А защитник ответил: «Ничего не могу сказать; он дурачок, не мог мне дать никаких сведений, так что мне и опереться-то не на что. Да из него ничего и не выжмешь; остается только признать его дураком и отпустить». Господа посовещались и отпустили его.

Тогда защитник потребовал у него четыре гульдена, а тот ответил ему: «Бле!» Защитник настаивал: «Ты не смеешь мне отказывать! Где мои деньги?»—и подал на него в суд. Когда они оба предстали перед судом, ответчик повторял: «Бле!» Тогда господа сказали защитнику: «Какой спрос с дурака? Или вы не знаете, что он не умеет говорить?» Так получил защитник в награду вместо четырех гульденов слово «бле», и лукавство обернулось против самого лукавца.

37

ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА ГОВОРЯТ «БЕДНЫЙ ЧЕРТ!»,
И КАКОВА ЧЕРТОВА БЛАГОДАРНОСТЬ

Некто добрый и простодушный пришел однажды в церковь, где был Христов образ, умилительно писанный; добрый человек поставил ему свечку и помолился. Потом он обошел всю церковь, чтобы осмотреть ее, так как зашел туда впервые, и в темном углу увидел премерзейшую образину черта, писанного так, что богомолец поначалу испугался, а потом, не дав себе труда подумать, сказал: «Ах ты, бедный черт, каково тебе торчать тут, несчастному. Я хочу тебе тоже поставить свечку».

Немного времени спустя этому богомольцу привиделось во сне, будто в лесу ему встретился черт и сказал: «Дружище, ты мне только что поставил свечку, и, естественно, я тебя отблагодарю честь по чести. Пойдем со мной, я покажу тебе место, где зарыт богатый клад. Ты его выкопай и попользуйся им с моего согласия». Черт привел его к высокому дереву и говорит: «Ступай домой и принеси кирку, лопату да заступ, чтобы было чем копать». А доброму человеку почудилось во сне, будто он сказал: «Я же потом не найду этого дерева». На что черт ответил: «А ты навали под ним, вот и найдешь по этой примете». Человек послушался черта и думал, что навалил под деревом, но, проснувшись, увидел, что

загадил свою постель и лежит в дерьме; уж и влетело же ему от жены, которой пришлось стирать простыню. Тогда этот благочестивец молвил: «Такова чертова благодарность!» — и поведал жене, что ему попритчилось, а она подняла его на смех.

О ПРОСТАКЕ КРЕСТЬЯНИНЕ, КОТОРЫЙ ИСПОВЕДОВАЛСЯ,
НО НЕ УМЕЛ МОЛИТЬСЯ

Один простодушный крестьянин исповедовался священнику и покаялся во всех своих злоумышлениях: как, например, он, увидев у встречного две красных ленты на шляпе, сразу украсил свою шляпу тремя, на танцах норовил высмотреть девушку покраше, а когда ему это удалось, силился прыгнуть повыше; и когда перечислил он множество подобных грехов, священник сказал ему: «А молиться ты умеешь?» Крестьянин ответил: «Нет!» Священник сказал: «Так научись!» Крестьянин ответил: «Невмоготу мне, я пытался уже не раз». — «Ладно, — сказал священник, — налагаю на тебя епитимью: каждый день в течение целого года ты должен повторять: «Агнец Божий, смилуйся надо мной!» Заучи это хоть за год, а я потом выучу тебя другим молитвам». Крестьянин сказал: «Я постараюсь». И получил отпущение грехов.

Приступая к молитве во исполнение епитимьи, он до Иванова дня говорил: «Агнец Божий, смилуйся надо мной!», потом он говорил: «Божий барашек, смилуйся надо мной!» А по прошествии года осенью он говорил уже: «Божий баран, смилуйся надо мной!»

В следующем году на великий пост он снова пришел к своему священнику, и тот осведомился, выполнял ли он наложенную епитимью. Крестьянин поведал, как он менял обращение по прошествии времени. «Зачем ты так делал?» — спросил священник. А крестьянин сказал: «Да разве агнец не становится потом барашком и, наконец, бараном?» Тут священник рассмеялся и подумал: «Уж если ты до сих пор не выучился молиться, мне ли тебя учить!» И он разрешил крестьянину молиться, как тому заблагорассудится. Очевидно одно: крестьянин был благочестивее священника.

КАК ОДИН ЛАНДСКНЕХТ УПУСТИЛ КРАСИВУЮ ДЕВУШКУ
И ВЫНУЖДЕН БЫЛ НОЧЕВАТЬ ОКОЛО СВИНАРНИКА ИЗ-ЗА ТОГО,
ЧТО ХОРОШО ПРЫГАЛ

У благочестивых ландскнехтов, да простит им Бог, есть обычай в разных землях, а особенно в Швабии и в Шварцвальде, отправляться зимой на промысел, то есть выпрашивать у бедных крестьян харчи, хлеб, яйца, соль и сало, так что иной бедняк дает им волей-неволей требуемое, хотя они никого не принуждают, но просят с такими шутками и прибаутками, что попробуй не дай: боязно становится за сараи и хлевы. У таких ландскнехтов есть даже своя метка: где они заночуют, там они рисуют на двери ветвящийся бургундский крест; когда в дом нагрянет кто-нибудь из простецких благочестивых братьев и увидит метку на стене или на двери, он уже больше ничего не просит, только поворачивает с вежливым присловьем и добавляет: «Эх! Вижу, наши уже здесь побывали. Так что не обессудьте!» Если же кто-нибудь из них является на ночь глядя, то не иначе как сам папа даровал им такую вольность (по моему разумению), что не приходится им долго просить о ночлеге; хозяин сам уже ученый и предоставляет гостю ночлег согласно его привилегиям.

Случилось так, что один славный молоденький ландскнехт, еще недостаточно опытный, оголодал по бедности в Шварцвальде и вздумал поправить свои дела постоем. Зашел он во двор к богатому крестьянину и попросил того-сего. А хозяин хозяйствовал в лесу, вдали от людей, и по соседству с ним жила одна только вдова с красавицей дочкой, девицей благочестивой и добропорядочной; мать и дочь умели привечать подобных гостей. Крестьянин знал об этом от самих соседок, вот он и говорит ландскнехту: «Любезный воин, у меня слишком много чад и домочадцев; я не могу тебя приютить на этот раз. Вот тебе деньги на вино, довольствуйся пока этим, а на постой отправляйся в дом, что виднеется отсюда. Там тебя, без сомненья, обогреют и приютят, а коли хватит у тебя сноровки, ты, пожалуй, унаследуешь и дом и двор».

Добрый парень, еще не прошедший выучки у черта, поверил крестьянину на слово, пришел к вдове и попро-

сился на ночлег. Хорошая женщина согласилась при условии, что он будет есть свой собственный хлеб. «Да, — сказал ландскнехт, — на нынешнюю ночь моего хлеба хватит и мне, и вам обеим». Они сговорились и сели за стол. Дочь, выйдя к столу, взглянула на гостя довольно ласково. «Ах, — сказал он, — торговали бы здесь вином, я бы и винишко мог оплатить». А мать сказала: «Сынок, когда тебе охота платить за вино, у моего соседа на дворе предостаточно хорошего вина, были бы деньги; он тоже иногда пускает на ночь гостей, готовых платить; так что, если ты будешь так добр и купишь вина, мы с дочкой не прочь участвовать в расходах». Хороший братец Фейт подумал, что дело на мази, с готовностью развязал свою кошелек и едва-едва наскреб денежок на двойную порцию вина. Он сбегал за вином, старуха испекла пирожки; словом, они сидели и веселились.

Потом старуха решила, что время пришло, и сказала: «Любезный сынок, не скрою от тебя, мы с дочкой одни в этом доме, и у нас всего две кровати. А ты так щедр, что не хотелось бы тебя укладывать одного. Давай прыгнем по очереди: я, дочка и ты. Кто хуже всех прыгает, тот будет спать один». Хорошему молодцу понравилось такое предложение; он рассуждал так: как бы там ни было, молодая прыгает лучше старухи. Так что все согласились. Старуха положила мету далеко от дома; она прыгнула первая и совсем недалеко. Потом настал черед дочки, и она прыгнула лихо, так что ландскнехт обрадовался. Он подумал, что она приглашает его допрыгнуть до нее. Вот он и прыгнул на радостях, забыв свою бедность, и перепрыгнул через мету. Тем временем мать с дочерью заперли перед ним дверь, протянули ему копье через щель в окне и сказали: «Хо-хо-хо, ты прыгнул чересчур далеко». Так что бедняга зря старался и зря истратил деньги; чтобы не провести ночь под дождем, пришлось ему притулиться у свиного хлева.

Поутру он опять явился к тому крестьянину, что указал ему ночлег. Тот осведомился, как у него дела. Ландскнехт рассказал ему все по порядку. Тот приютит его, потом снарядил в дорогу и на прощание предостерег от прыжков, оставляющих цель далеко позади.

О ВОЗЧИКЕ, КОТОРЫЙ ОТКАЗАЛ СВЯЩЕННИКУ
В ПРОВОЗЕ СТА ЦАРЕЙ НЕБЕСНЫХ

Добрых, простодушных, благочестивых людей встретишь где угодно; только редко встретишь их среди возчиков, особенно таких, как этот. Случилось так, что возчик ехал порожняком и добрался до монастыря, стоявшего в поле; в этот монастырь ему надлежало доставить письма. Получив письма, настоятель велел возчику распрячь лошадей, поместить их в стойло и, пока они кормятся, поесть самому. Добрый возчик подчинился с благодарностью, позаботился о своих конях и, присоседившись к братии, сам воспрянул духом, уготившись на славу, так как полагал, что за угощение платить не придется; в монастырях так принято.

А в этом монастыре исстари было заведено снабжать все приходы в округе на шесть или восемь миль облатками с Христовым образом. Как раз в то время священник из деревни, расположенной в трех-четыре мили от монастыря, приобрел подобные облатки и, услышав, что возчик едет через его деревню, присоединился к нему и спросил, не подвезет ли он его, а уж за магарычом дело не станет. «С превеликой охотой, любезный батюшка, — ответил возчик, — а что еще надо везти?» — «Да пустяки, — ответил священник, — ничего, кроме двухсот царей небесных». — «Нет, такой груз не по мне: когда бы нужно было везти бочку или тюк, я бы слова не сказал». — «Что за притча, — сказал священник, — неужели тебе помешают цари небесные на возу?» — «Любезный господин, — ответил возчик, — будь то один царь небесный, ну, десяток — куда ни шло, я бы понатужился. Но как я размещу их двести на моем возу?» — «Нет, милейший возчик, — сказал священник, — тебе невдомек, о чем речь. Они же небольшие. Они все помещаются в маленькой жестянке у меня под мышкой». — «Что ж, — сказал возчик, — если это такие покладистые цари небесные, я готов подвезти вас». Они потрапезовали и поехали вместе.

А возчик был в изрядном подпитии; по дороге нужно было ему перевалить через холм; возчик и дал маху, не разглядев ухаба; вот воз и перевернулся. Священник очень рассердился и сказал: «Как это тебя угораздило опрокинуть пустой воз? Что бы ты натворил, кабы воз

был груженный?» — «Эх, — сказал возчик, — нешто он не груженный, когда на нем столько царей небесных, да еще такой большой, тяжелый, толстый поп? Ищите себе другую подводу! На мой воз вы больше не сядете». С этими словами он выправил воз и укатил, а священнику пришлось возвращаться пешком.

Священник тоже при этом не совсем прогадал, так как ничего худого с ним не приключилось и он отвел душу, обругав возчика и не заплатив ему. Таких неблагодарных людишек тоже везде предостаточно; довели их бережно хоть до Рима да ссади их малость небрежно — и не жди уже благодарности; все впустую: усилия, усердие, работа, затраты и все прежние благодеяния позабыты.

42

О ВЕЛИКОМ ХВАСТУНЕ, КАК ОН ВВАЛИЛСЯ В МЕРТВЕЦКУЮ, ИЛИ В ПОГРЕБАЛЬНИЦУ

И в наши дни встречаются такие заядлые хвастуны, или бахвалы; они пыжятся, будто готовы обрубить всем и каждому уши со злости, а сами, доведись им идти ночью через кладбище, норовят обойти его за четверть мили. Так вот и петушился некто, нося на шляпе страусовые перья, а сердце прикрывая заячьим мехом. Однажды он возвратился домой с потешной войнички. На людях он повадился рассказывать о жестоких ударах меча, которые он якобы нанес; послушать его — так он пролил целое море крови, а мне сдается, то была кровь кур, гусей и уток.

Сидел он однажды расфуфыренный в кабаке среди своих дружков и опять начал повествовать о своих подвигах; наконец, они раскусили его и принялись подзадоривать. Слово за слово упомянули о том, что нынче вечером преставилась одна старуха, а поскольку хоронить ее было поздно и дома не хотели оставлять на ночь мертвое тело, то и отнесли его на носилках в мертвецкую, отложив похороны до утра. А всем собутыльникам предстояло возвращаться из кабака через кладбище, и другой дороги не было; вот они и поддразнивали друг друга, страдая один другого мертвой старухой. Славный вояка и покоритель крепостей дорого бы дал за то, чтобы оказаться миль за десять; очень уж он

боялся мертвой старухи, которая при жизни едва-едва ковыляла, опираясь на палку, и не могла бы его пальцем тронуть. Другие собутыльники смекнули, каково ему, и чем дальше, тем больше изощрялись в запугивании, пока пот не прошиб доброго ландскнехта, не смеяшего показать этого, чтобы не осрамиться. Наконец, дело дошло до того, что принялись биться об заклад, у кого хватит духу первым без огня пройти по кладбищу и глянуть, горит ли в мертвецкой свеча или лампа. По существу, всех занимало одно: испытать, кто из них мужчина, а кто мокрая курица. Наконец, дошла очередь до нашего смельчака. Осердясь, он встал из-за стола, не слушая дальнейших устрашений, заплатил по счету, взял свой плащ и отправился домой.

А никакой другой дороги он не знал: или иди через кладбище, или перебирайся вброд через глубокий ручей. Вот и пошел он скрепя сердце с превеликим страхом и трепетом через кладбище. Приблизившись к мертвецкой, он закутал себе голову плащом и заткнул уши пальцами, как будто он мог услышать крик старухи, онемевшей еще при жизни. Наш вояка прибавил шагу, чтобы поскорее миновать кладбище. Но голова его была закутана плащом, и он ничего не видел, воображал, что удаляется от мертвецкой, а сам уперся прямо в нее, нечаянно ступил на лестницу и, беспомощный, загремел вниз по каменным ступеням. А в мертвецкой стояли козлы, вот он и свалился на них, сломав себе ногу; голову и лицо он расквасил уже на лестнице. Он жалобно завопил, но никто не пришел к нему на помощь, так как никто его не слышал. Тогда напал на него такой страх, такой ужас и такая жуть, что ему голос перехватило; он только вздыхал тяжело и всхлипывал. Его собутыльники упились влать и тоже пошли домой. Когда они проходили мимо мертвецкой, до них донеслись всхлипыванья бедняги, но они подумали, что старуха пришла в себя. И так как у них была свеча, они спустились в мертвецкую и нашли своего товарища, лежавшего на козлах со сломанной ногой. Они перенесли его в дом врача, и тот сделал ему перевязку. Тогда и рассказал он свою историю по порядку. И они посмеялись над великим ущербом, который он претерпел, и он убедился, что недаром говорят: нет хуже ущерба, чем позор.

КРЕСТЬЯНИН ПОПЫТАЛСЯ ОБМАНОМ ЗАПОЛУЧИТЬ ЛОШАДЬ ВОИНА,
ДЕЛО, ОДНАКО, ПОВЕРНУЛОСЬ ПРОТИВ НЕГО

Встречаются иногда пройдохи, способные при купле и продаже на любой обман и на любые козни ради выгоды, лишь бы кого-нибудь объегорить. Но даже крупный лис нередко наталкивается в своей норе на лиса еще крупнее. Так напоролся один маркграфский крестьянин на армейского коновала, который даже этого крестьянина умудрился обвести вокруг пальца. Сей ландскнехт, или армейский коновал, в пятницу заявился в деревню, где хозяйничал упомянутый крестьянин. А у ландскнехта был хорошенький коняга, на котором он и приехал. Оный коняга приглянулся крестьянину, вот он и осведомился у ландскнехта, не продажная ли сия животиная. «Нет, — отвечал ландскнехт, — это лошадь для моей особы, и я не уступлю ее даже за двойную плату». Они пошли вместе выпить, и крестьянин ни о чем другом не толковал, кроме как о лошади, упорно приставал к ландскнехту с просьбой уступить ему животины. Ландскнехт, наблюдая такое упорство, подумал, что крестьянина надо отвадить, и сказал: «Я же сразу вам ответил, что моя лошадь непродажная; вы все равно не заплатили бы мне столько, сколько я запрошу». — «Любезный воин, — возразил крестьянин, — неужели ты полагаешь, что я не в состоянии заплатить за конягу столько, сколько он стоил тебе? Ты только назови цену, попробуй, отважусь ли я купить его». — «Идет, — сказал ландскнехт, — если уж ты так настроен, знай, что я не возьму за него меньше пятидесяти крон». А конь-то стоил крон двадцать пять, крестьянин это и сам видел. Вот он и сказал ландскнехту: «Ладно, браток, я тоже не шучу; даю тебе за твою лошадь сорок пять крон, двадцать пять бери тут же, остальные двадцать получишь в день святого Никогда». А ландскнехт подумал: «Посмотрим, мужичок, кто кого обдурит!» — «Дружище, — сказал он, — я бы не возражал против такой выплаты, если бы знал такого святого. Есть ли он в календаре?» — «Разумеется есть, иначе он не был бы святым». — «Тогда я согласен, — сказал ландскнехт, — давай только заключим обоюдное соглашение». Крестьянин не перечил, и они выпили магарыч. Крестьянин хотел заплатить за вино. «Нет, — сказал

ландскнехт, — я только что получил двадцать пять крон, кому же платить за вино, как не мне». Крестьянину пришлось по нраву такая сделка; он думал, что добыл оленя, а ему не досталось даже дикого козла.

Ландскнехт взял двадцать пять крон вместе с подписанным обязательством и поехал своей дорогой. Но настал День Всех Святых, и не прошло восьми дней после него, как добрый ландскнехт вернулся за своими двадцатью пятью кронами. Он наведаясь в тот же трактир и послал за крестьянином, а также за всеми теми, кто присутствовал при заключении сделки. Увидев ландскнехта, крестьянин дружелюбно его приветствовал и осведомился, что заставило его воротиться. «Сами знаете, — сказал воин, — я вернулся получить мои денежки, согласно вашей расписке». — «Хо-хо, — ответил крестьянин, — срок-то еще не вышел и выйдет еще не скоро». На что ландскнехт возразил: «Любезный крестьянин, по моему разумению, дело обстоит не так. Когда мы заключали нашу сделку, я спросил тебя, вправду ли святой — святой Никогда, и ты признал его святым да еще сказал, что он есть и в годовом календаре. Так вот, я искал его в календаре и не нашел никакого святого Никогда. Однако восемь дней назад был День Всех Святых. Поскольку святой Никогда — тоже святой, я не придаю значения тому, что его нет в календаре; сколько святых причислены к святым в Нидерландах, в Италии да в других местах, а в наших календарях их в помине нет».

Когда они обменялись разнообразными многословными доводами, крестьянин обратился к управителю, чему ландскнехт был весьма рад, и они предстали перед государем, а также перед управителем со своими жалобами. Иск и ответ были заслушаны, и крестьянину велели удовлетворить ландскнехта, и к тому же государь приговорил его к денежной пене за мошенничество. Так лис был пойман лисом, что и справедливо.

В одном городе на Рейне жила весьма богатая, скупая старая вдова; много старых богатых вдовцов обхаживало ее в надежде на выгодную женитьбу, ее же, как

говорится, ни одно седло не устраивало. Ибо всем и каждому она отвечала, что желает сама распоряжаться своим именем и своим добром, не подчиняясь более никакому мужчине.

Так оно и продолжалось немало времени, пока в город не нагрянул один ландскнехт, суций красавчик, весельчак — словом, из молодчиков молодчик; он услышал толки про богатую вдову и вздумал попытать свое счастье. Он приделся, принарядился, зачастил к дому богатой старухи, подстерегал ее в церкви, на улице, заговаривал с ней весьма приветливо и пристойно. Добрая старушка, которой перевалило за шестьдесят, вообразила, что парень в нее втюрился, чем дальше, тем больше приглядывалась к нему, начала даже выказывать ему некоторое расположение. Наш славный повеса решил, что колокол уже наполовину отлит, купил хорошенькую фату и направил стопы туда, где, как он полагал, можно встретить вдову без провожатых. А на ловца и зверь бежит: вдовица тут как тут. «Милая, любезная госпожа, — начал он, — ваше задушевное добродетельное обхождение привлекло меня и подвигло на любовь к вам, и ежели я вам по сердцу, по нраву и по разуму, ежели моя молодость вам не противна, то сам я, право же, во всем городе не вижу другой особы, кроме вас, с которой я хотел бы зажить одним домом. Я просто не в силах скрыть от вас моих чувств, хотя мне ведомо, что вас мало трогает моя сердечная к вам приверженность, но во искупление моей дерзости, посягнувшей на ваше уединение столь нескромными словами, благоволите принять от меня сей маленький подарок вместе с просьбой о милостивом прощении». Сердце старой карги дрогнуло; да она уже и прежде успела втрескаться в юнца и теперь приняла его краснобайство за чистую монету. «Молодой человек, — отвечала она, — если ты говоришь искренне, я, пожалуй, не стану тратить времени на долгие раздумья, хотя, не скрою, за меня сватается немало пожилых, почтенных богатых мужчин, подходящих мне по возрасту. Но не поплачусь ли я, коли меня угораздит выйти за старика? Ночи напролет мы проваляемся рядышком, и некому будет пособить ни ему, ни мне в недуге и немощи. Вот и надумала я уже давно обзавестись ладным, честным дружкой, пусть не таким богатым, лишь бы он был ко мне расположен. А моих денег и моего имения ему хватит». Итак, без оби-

няков, короче говоря, дело сладилось: она дала ему слово.

Когда они повенчались и наш славный молодчик начал обосновываться и обживатьься, все шло сперва как нельзя лучше, но потом оказалось, что жена не очень-то склонна доверить ему наличные денежки и драгоценности. Он принялся обхаживать ее и лисить перед ней в надежде, что она ему все вверит и доверит, а сам день ото дня все хуже распускался, искал забав и развлечений среди своих сверстников. Он почти никогда не возвращался домой один, все, бывало, норовит привести с собой дружка, а то и двух; они засиживались за полночь, играли, кутили, пьянствовали. А стоило почтенной супруге сказать что-нибудь наперекор, ее поддразнивали, а то и попросту глумились над ней. Разумеется, это весьма удручало добрую женщину, тем более что она и пожаловаться не смела своим друзьям, так как не последовала их совету.

Чем же все это кончилось? Однажды муж вернулся домой с целой компанией пьянчуг. Жена заприметила их издали и вздумала пуститься на новую хитрость, чтобы хоть раз избавиться от подобных гостей. Она поспешно взяла платок, повязала себе голову и легла на скамейку. Муж со своей свитой ввалился в комнату и увидел, что жена лежит пластом; он приблизился и спросил: «Любезная моя хозяйюшка, что болит у тебя? Встряхнись, милочка, иди к нам, завей горе веревочкой!» — «Оставь меня в покое, — сказала она, — непостоянный ты человек! Это ли ты мне сулил и обещал?» — «Милая хозяйюшка, — отвечивал он, — чего тебе не хватает, ведать не ведаю. Если тебе мало служанок, найми еще одну! Не по вкусу тебе вино, так почни другую бочку или прикупи чего твоей душе угодно! Какого рожна тебе еще надо?» — «Как что мне надо? — сказала она, — мне надо, чтобы ты сидел дома да присматривал за хозяйством. А ты шляешься день и ночь со своими приятелями, от которых не научишься ничему путному, бросаешь меня, бедную, одну, и я лежу в скорбях и в недуге. Теперь, к примеру, голова у меня раскальвается, не знаю, куда деваться. Как ты оправдаешься в своем непостоянстве?» — «Что? — воскликнул он. — У меня такая справная старушка-женушка, и я позволю какой-то негодной голове допекать ее? Не

будет этого никогда!» С этими словами он сорвал платок у нее с головы и принялся дубасить обоими кулаками, приговаривая: «Что за начальство ты, голова, как смеешь ты донимать мою женушку, от которой я ничего не видал, кроме добра и почета! Да я размозжу тебя!» Добрая старушка не знала, что и подумать, ибо она убедилась, что побоям конца-краю нет. Вот она и улучила миг, чтобы хоть дух перевести. «Любезный супруг, — воскликнула она тогда, — не гневайся больше на мою голову. Она уже не болит». — «Вот что значит принять меры, — сказал он, — а теперь вставай, женушка, и наплюй на свою злодейку голову. Смею надеяться, она больше не будет тебе досаждать». Вот и пришлось доброй старушке срочно исцелиться от мнимой хвори, присоединиться к мужниным гостям и веселиться с ними хочешь не хочешь.

Когда она оставила свою воркотню и перестала докучать мужу, он тоже малость остепенился.

45

КАК ОДИН КОСАРЬ УВИДЕЛ ДВЕ ГОЛОВЫ В СВОЕЙ ПОСТЕЛИ, ВЕРНУВШИСЬ ПОУТРУ С ПОКОСА ЗА БРУСКОМ

Обычно толкуют, будто на мужчину дурь находит поутру, а на женщину — пополудни; это подтверждает и жена нашего косаря. Рассказывают об одном косаре, что он жил-поживал в деревне и у него была весьма пригожая жена. На нее скоро обратил внимание деревенский священник и стал выказывать косарю всяческую приязнь. Косарь добродушно принял это к сведению и не заподозрил ничего худого насчет священника и своей жены. Священник частенько звал косаря к себе в гости, осыпал его жену даяньями и подарками, так что им нельзя было не снюхаться. Как только косарь отправлялся утром на работу, добрый господин сменял его и помогал жене домовничать.

Случилось однажды утром косарю встать ранехонько; добрый человек не любил шутить, взял косу и поспешил на луг. А священник тоже не дремал; не успел косарь отлучиться, как священник, по своему обыкновению, прикорнул к его жене. Добрый косарь прошел ряда два, коса у него затупилась, он вспомнил про свой брусочек и пропустил домой. Подойдя к двери, косарь не

стал шуметь; он боялся разбудить любимую жену и проскользнул в комнату тихонько. Брусок висел на стене, косарь быстро нашел его и заторопился на покос, но, выходя из комнаты, глянул на свою кровать и увидел две головы, одна из которых была с гуменцем. Добрый человек опять-таки не заподозрил ничего худого, да и недосуг ему было, работа стояла, вот он и ушел не оглядываясь.

Как только косарь скрылся, священник вскочил в превеликом страхе, опасаясь, что косарь донесет на него управителю и тот накроет его. Однако женщина была хитрее; она успокоила священника и сказала, чтобы тот не суетился, дело будет в шляпе, это ее забота, и ему ничего не грозит. А добрый муж, усердствуя за работой, призадумался, откуда же у него в постели взялись две головы.

В обед жена приготовила ему лакомую закуску, взяла харчи, отправилась на покос и, приблизившись к мужу, весело сказала: «Доброго утречка обоим!» Муж осмотрелся, подумав, что на лугу появился еще кто-нибудь. Не увидев никого, он спросил: «Жена, кого ты имеешь в виду?» — «Ах, — воскликнула она, — ну что ты за человек! Как же ты не предупредил меня, что у тебя есть напарник? Я бы настряпала побольше; правда, я думаю, вам и так хватит». — «Что с тобой, жена? — удивился муж. — Или ты хлебнула лишнего спозаранку? Я же один-одинешенек на лугу, и нет со мной никого, кроме тебя». Хитрая бабенка подошла к мужу, протерла себе глаза и сказала: «Поистине нельзя верить глазам своим! Я бы побилась об заклад, поставив целую корову: только что вас было двое». — «Поистине, — ответил муж, — нечто подобное попритчилось мне нынче поутру. Видишь ли, я забыл нынче утром брусок, захожу в нашу комнату, беру его, и, поверишь ли, я побилась бы об заклад, что с тобой в нашей постели лежал священник». Жена рассмеялась от души и сказала: «Мой милый Ганс, теперь я убедилась, что верно говорят: на мужчин дурь находит поутру, а на женщин пополудни. Что за дурацкая болезнь! Невдогад мне, с чего это бывает, с перепоею или спросонья». Они посидели вместе, попили, поели, потешились, и добрый муж так и не размыкал своей дури.

КАК ТОЛСТЫЙ ПОП ВОЗНАМЕРИЛСЯ ДОСТИЧЬ КОРОЛЕВСТВА
И ВВАЛИЛСЯ В ВОЛЧЬЮ ЯМУ, ПЫТАЯСЬ ПОЙМАТЬ УТКУ

Есть в Лотарингии деревня; там жил толстый, неуклюжий поп, каковых немало встретишь в Лотарингии. У него была привычка бегать из деревни в деревню; как он почует хорошую трапезу, так и норовит урвать свою долю. Слышал я от надежных людей, что случилось ему служить мессу по два раза на дню: сперва в своем приходе, а потом в другой деревне, куда он опрометью бежал, услышав про хороший обед.

Случилось так, что в крещенский сочельник он припустился в другую деревню, где намеревался играть с крестьянами в короля, но задержался в своем Вихе, где тоже играл в короля, и потому припозднился. А неподалеку от деревни, куда он держал путь, крестьяне в тот самый день выкопали глубокую волчью яму и, как водится, забили в нее сенной шест с корзиной, где сидела утка, чтобы лисы или волки сбегались на ее кряканье и падали в яму. Приближаясь к деревне, добрый священник услышал в поле утиное кряканье и подумал про себя: «Эта утка ушла из деревни, ее мог бы поймать и слопать лис. Так не лучше ли мне поймать утку и свернуть ей шею; я припрячу ее, а после ужина по дороге домой прихвачу, и завтра на ужин у меня будет хорошее жаркое». С такими мыслями священник приближался к утке, и чем ближе он подходил к ней, тем громче она крякала. А яма была прикрыта разным хворостом и соломой, и немудрено, что священник видел лишь твердую почву у себя под ногами в поисках крякающей утки, опасаясь, как бы она не ускользнула. Поспешая к добыче, неуклюжий поп ввалился в волчью яму. Утка крякала еще громче, ее услышал голодный волк, прибежал на ее кряканье и тоже ввалился в яму к священнику. Волк уразумел, что он попался, и это его укротило; хищник не посягал на попа. Зато сам поп изрядно струхнул при виде волка и не чаял остаться в живых. Прошел какой-нибудь час, и прибежал лис в надежде урвать лакомый кусок; его постигла та же участь. Лис, однако, ввалившись в яму, взъялся на священника и принялся рвать его рясу. У священника душа ушла в пятки, он и на спасение-то больше не надеялся. А до деревни было рукой подать, и когда крестьяне закрича-

ли: «Король пьет!», добрый иерей совсем приуныл; он привык встречать ночь за пиршественным столом, а не в волчьей яме.

Утром крестьяне решили взглянуть, кого им Бог послал ночью; они пришли к яме с веревками и лестницами, с копьями и с дубинками, а в яме сидели втроем священник, волк и лис, чему крестьяне немало подивились. Поп весьма учтиво попросил их воздержаться пока что от расспросов и избавить его от великого страха и опасности, а уж потом он поведаст им все по порядку. Ему бросили веревку, он сам обвязался ею, и его вытащили. Тогда священник попросил крестьян ради всех святых пощадить волка и прикончить лиса, за что посулил им целый серебряник. Крестьяне осведомились, по какой причине он хочет купить волку жизнь, хотя нет в мире другого зверя, столь ненавистного остальным, как волк. А поп сказал: «О любезные друзья, добрый, честный волк всю ночь сидел со мной в яме, тихий и кроткий, не пытаюсь причинить мне какое-либо зло, а этот мерзкий, преступный лис, ввалившись в яму, сразу же начал на меня наскокивать, рвал мою рясу и пугал меня; вот почему я хотел бы, чтобы его казнили».

Крестьяне взяли у священника серебряник, однако убили и волка и лиса. Полагаю, если бы они смекнули, что священник намеревался украсть утку, они убили бы и его, как волка и лиса.

О НЕВЕЖЕСТВЕННОМ ПОПЕ, НЕ РАЗУМЕВШЕМ КАЛЕНДАРЯ

Я должен описать еще одного попа из Лотарингии, раз уж об этом зашла речь. Есть в Лотарингии местность, именуемая Лангенвазен; там в наши дни и проживал высокоученый поп, сведущий во всем, только невдомек ему было, когда суббота, а когда воскресенье. Ибо он не разумел календаря, так что он измыслил особую метку на каждый день. Поп был такой смысленый, что, глядя на других, наловчился делать метлы, лучше которых не сыскать. Вот он и надумал: каждый понедельник он делал метлу, во вторник другую, в среду, в четверг, в пятницу и в субботу делал еще по одной, и, когда набиралось шесть метел, он мог сообразить, что

завтра воскресенье. Вот поп и отправлялся в субботу вечером к своему пономарю и приказывал ему звонить поутру к мессе.

Жил в Лангенвазене один скверный крестьянин, который повадился приглядываться к попу, вот и застал он однажды попа за пересчитыванием метел; одну метлу называл он «понедельник», другую «вторник», третью «среда», четвертую «четверг», пятую «пятница», а потом говорил: «Завтра нужно напомнить церковному сторожу, чтобы звонил». Из этих слов крестьянин мог заключить, что все дни недели поп определяет только по метлам. В среду упомянутый крестьянин снова пришел к поповскому дому и не застал попа: тот ушел резать прутья для метел. В углу стояли три метлы; крестьянин поспешно взял одну и спрятал ее за старым ларем.

Вернувшись из лесу, добрый попик преусердно работал. В пятницу он принялся пересчитывать свои метлы и насчитал всего четыре. Он сказал себе: «Как же это я запутался в моих метлах. Я был готов побиться об заклад, что сегодня пятница, а оказывается, на дворе четверг». Так, встав поутру, он счел субботу пятницей, а воскресенье счел субботой.

Крестьянин, припрятавший метлу, все рассказал пономарю, и они начали звонить к мессе вовремя. Поп вообразил, что кто-нибудь помер, бросился в церковь и спросил, почему звонят. «Я звонил к мессе, — сказал пономарь, — ведь нынче воскресенье». — «Как это может быть? — спросил поп. — Сегодня суббота». И они начали переругиваться, пока поп не назвал пономаря лгуном. Пономарь, все узнавший от крестьянина, напустил на себя злость и сказал: «Господин священник, вы обозвали меня лгуном; уличите же меня во лжи, иначе я отправлюсь в Метц и пожалуюсь на вас епископу». Поп сказал: «Ах ты, плут, поди и приведи ко мне в дом кого-нибудь! Тогда будешь точно знать, какой нынче день».

Пономарь бросился к тому крестьянину, что осведомил его, и они пришли к попу в дом. Священник пересчитал свои метлы и досчитался только до пятницы; суббота еще не была изготовлена. «Глянь-ка, — сказал поп, — вот она, суббота, она-еще не связана». А пономарь сказал: «Какое мне дело до метел! Вы покажите мне календарь!» Поп ответил: «Мне некогда заглядывать в календари, я всю неделю занят работой». А пономарь пошарил там и сям, нашел метлу за ларем, выта-

шил ее и сказал: «Смотрите, господин священник, кто из нас обоих сказал правду. Что же мне остается, как не отправиться в Метц и пожаловаться на вас епископу, уж он сумеет преподать вам календарь». Как было не струхнуть доброму священнику? Он не только боялся потерять свой приход, теперь уже его страшила и тюрьма; поэтому он попросил прощения у пономаря, обещал подучить календарь и не считать больше дни по сделанным метлам. Крестьянин, припрятавший метлу, одобрил такое намерение, на этом они и помирились. Отслужив мессу, священник пригласил их в трактир и заплатил за них по счету. Таких олухов священников у нас в немецких землях нет, а кое-где они еще встречаются.

КАК НЕКТО ЛЕЧИЛ ЕВРЕЯ ОТ КАШЛЯ

Однажды крестьяне сидели в деревенском трактире, веселясь и благодушествуя. В это время приехал старый еврей, он слез с лошади, отвел ее в стойло, чтобы она малость поостыла, и сам пришел в беседку, чтобы прохладиться, ибо дело было жарким летом. Еврей потребовал воды за свои деньги. Крестьяне сказали: «Здесь не торгуют водой. Мы сами сидим без воды; все колодцы и ручьи пересохли; зато вина тебе продадут за деньги сколько хочешь». Еврей сказал, что его закон запрещает ему распивать вино с христианами, вот от пива он бы не отказался.

Наконец, хозяин принес ему кувшин воды, и еврей отпил довольно много по причине палящего зноя, но питье вызвало у него сильный кашель. Еврей кашлял долго, пока один крестьянин не сказал: «Слушай-ка, еврей, что у тебя за чертов кашель!» На что еврей ответил: «Я кашляю дождем». — «Как, — возмутился крестьянин, — ты можешь кашлять дождем и ты так долго не приезжал?» — «Да, — сказал еврей, — я могу и впрямь кашлять дождем, и такой дождь сидит во мне давно». Тогда взбеленился другой крестьянин, уже совершенно пьяный; он схватил еврея за шиворот и принялся таскать его по беседке, пиная ногами и приговаривая: «Ах ты, скверный еврейский пес, ты так долго держал в себе дождь и не выпускал его ни в какую; сколько же ты погубил вина, плодов и кормов; это все

уродилось бы, если бы ты извѣрг столь сильный дождь». Еврей завопил: «Караул, помогите! Я не это хотел сказать, вы меня не поняли. Позвольте, я все вам объясню!»

Другие сообразили, что шутка зашла чересчур далеко, и помирились с евреем. Еврей не стал ждать новых тумачков; он пожелал как следует умыться, и для него не пожалели щелока. Потом еврей сел на свою лошадь и поехал дальше своей дорогой. Словом, этот еврей поперхнулся дождем, как оденвальдская крестьянка снегом.

ПРОСТОВАТАЯ БАБЕНКА ПОВЕСТВУЕТ,
КАК ОНА ОСКОРОМИЛАСЬ В ПОСТ

Во многих местах полагается исповедовать простой народ великим постом, а именно на Страстной неделе; тогда, дескать, духовная жизнь хоть малость дает себя знать. А как минует Пасха, так духовной жизни в помине нет, ибо мы прогоняем Иуду за ограду, а сами ходим по церковным праздникам, и Закхею на сумрачной всенощной не слаще, чем Иуде; кричим, поем, хлещем розгами, а о страстях Господних мало думаем. О Закхее проповедуют во всех церквах, но никто не подражает его деяниям. Закхей влез на смоковницу, дабы лицезреть Господа, и когда Господь призвал его, он оставил все мирские вожделения, последовав за Господом. Мы же всё переиначиваем: чем больше мы внимаем Евангелию о Закхее, тем своевольнее отступаем от Господа и Его Слова и бежим Церкви чревоугодия ради. Так же и с исповедью. Каждый мнит, что главное — отвести людям глаза. Так вот и та добрая женщина: она пришла к духовному отцу и по простоте душевной выложила свои грехи. Наконец, когда она запнулась, тот принялся выспрашивать, но выспрашивал сущие пустяки. Так, он осведомился, ела ли она яйца и мясо великим постом. Крестьянка призналась: «Да, сударь, но не все время». Священник сказал: «Добрая женщина, вы совершили великий, тяжелый грех; вам подобало бы искупить его перед нашим святым отцом папой». — «Ах, сударь, — сказала она, — я не знала, что у святого отца можно купить яйца и мясо; я бы лучше платила

деньги ему, чем нашим мясникам; все равно мясо даром не дают, а тут еще выстаивай столько времени у прилавка».

Так она ответила, когда ее спросили, а какой толк в таких исповедях, предоставляя судить тому, кто более меня сведущ в подобных делах.

50

КАК ОДИН ГОСПОДИН ЗАПРЕТИЛ
СВОИМ КРЕСТЬЯНАМ СКВЕРНОСЛОВИТЬ

Жил-был в замке добрый, благочестивый, старый рыцарь, и ему принадлежала большущая деревня, населенная такими злыми, распущенными крестьянами, что он никак не мог с ними ближе сойтись; ни перед каким кошунством они не останавливались, ни во что не ставили заветы и заповеди. Богохульство было им особенно строго запрещено, однако, как говорится, горбатого могила исправит. Наконец, добрый господин пожалел их жен и детей, полагая, что отцы разорят их вчистую. Вот и издал он указ, установив за богохульство не только денежную пеню, но и телесное наказание. Прошло немного времени, и многие были уличены и крепко наказаны, кто тюрьмой, кто позорным столбом, кое-кому отрезали языки, а самых закоренелых даже казнили. Словом, дело дошло до того, что крестьяне почувствовали острастку, хоть это и было для них горше польни и хуже острого ножа. Тамошняя сволочь до того распустилась в своем беспутстве, что добром от них ничего нельзя было добиться; никто ничего не желал делать во имя Божие, шагу никто не мог ступить без непристойной клятвы.

Вот и пали крестьяне духом, собрались всей общиной, посоветались и надумали отправиться в замок, изложить господину свою нужду; сволочь есть сволочь, никак ее не обуздаешь, ежели не дозволить хоть какое-нибудь завалящее проклятие. С таким прошением староста и обратился к господину от имени всей общины. Господин выслушал жалобу и осведомился, какое проклятие им требуется. Староста ответил: «Милостивый господин, просим вашу добродетель дозволить нам выражение не слишком сильное, но и не слишком слабое, чтобы нашу сволочь в страхе держать». — «Лад-

но, — сказал господин, — если уж вашу сволочь просьбами не проймешь, обмозгуйте дело всем миром и выберите себе проклятие, лишь бы только не касалось оно страстей Господних».

Крестьяне собрались, посовещались, облюбовали чуму и снова отправились перед господские очи. Господин сказал: «Выбрали?» — «Да, — ответил староста, — милостивый господин, мы пришли к вам и просим: ради Бога даруйте нам чуму». — «Идет, — сказал господин, — и французскую болезнь в придачу!» Староста поблагодарил помещика от имени всей общины за щедрый дар, и они вернулись домой с превеликой радостью.

51

КАК СКУПЕРДЫЙ ПОП СДУРУ СТУКНУЛ КУЛАКАМИ
ПО КАФЕДРЕ И КРИКНУЛ: «ДЕНЬГИ НА БОЧКУ!
БАШМАКИ ПОРВАЛИСЬ!»

Есть в Эльзасе горная деревня, где служил поп, долговязый и тощий, как деревянное изваяние; этот поп отличался робостью; бывало, ни с какой кафедры не заставишь его проповедать Евангелие простому народу. Вот и завел поп такое обыкновение: если во время мессы приходится читать или петь Евангелие, он спускается к прихожанам и говорит по-немецки. А был в той деревушке кабатчик, или целовальник, завзятый шутник; он вечно приставал к попу, требуя читать Евангелие с кафедры, за что сулил ему целый гульден. Этим приставаниям не было конца, и бедняга священник совсем застеснялся.

В одно прекрасное воскресенье попу пришла охота заработать гульден, о чем он и предупредил целовальника, дабы тот потом не отнекивался. Целовальник пришел в церковь с хорошей компанией; они расположились как раз напротив кафедры, чтобы поп смутился и не отважился на нее взойти. Когда он пришел и увидел стоящих, душа ушла у него в пятки, однако он скрепя сердце взошел на кафедру и долго стоял там, онемев, поскольку целовальник со своей компанией не спускал с него глаз. Наконец он все-таки начал читать Евангелие и даже произнес коротенькую проповедь. Потом, прочитав покаяние и отпущение, он стукнул кулаками по кафедре и сказал: «Энгельхард, деньги на бочку!»

Башмаки порвались!» И каждый мог смекнуть, поднялся ли поп на кафедру ради заблудших овечек или ради гульдена.

Когда поп спустился с кафедры и закончил службу в церкви, целовальник пригласил его со всей честной компанией в кабак, и они порядком напоили попа. Когда он захмелел, его уговорили отдать гульден в уплату за пьянку; так что, ничего не имея до проповеди, он ничего не приобрел и после нее, разве только ушел пьянехонек.

КАК НЕКТО ПО ПЬЯНОМУ ДЕЛУ
НАХЛОБУЧИЛ НА СВОЕГО КУМА ШЛЯПУ С МОЧОЙ

На вечерних пьянках чудить не возбраняется, особенно когда осушен пятый кувшин и святой Гробриан уже не таится, дерет свои струны прямо у своего корыта, куда созывают свиней во все колокола; тогда уже каши маслом не испортишь: чем паскуднее, тем приятнее, чем пуще, тем слаще. Так оно и произошло на вечерней пьянке с двумя добрыми приятелями, которые были к тому же кумовьями и занимались одним ремеслом; с обоими, признаться, я водился и вожусь до сих пор.

Случилось однажды так, что хоронили собрата по цеху. Как только погребение состоялось, некоторые мастера уговорились отправиться в цеховую залу и как следует выпить, чтобы не поминать покойника лихом. Войдя в залу, они встретили своих, расселись и заказали обильное угощение. Словом, один из двух приятелей быстро набрался и не прочь был выйти из-за стола, чтобы отлить. Кум сидел с ним рядом, и, норовя протиснуться мимо него, наш пьянчужка не скрыл, в чем дело. А тот сказал: «Так вот из-за чего вы встаете? Возьмите мою шляпу и отлейте в нее!» Пьянчужка не заставил себя два раза просить, взял шляпу и помочился в нее под столом, так что шляпа наполнилась до половины, но никто ничего не заметил. Однако шляпа начала изрядно протекать, и добряк смутился, молвив своему куму: «Куда же теперь шляпу-то девать?» А куманек сказал: «Невдомек вам, что ли, где полагается быть шляпе?» Тот не заставил себя дважды просить, взял и надел шляпу

на своего кума, так что моча потекла по его волосам, по бороде, забрызгала его с головы до ног, и, прежде чем другие раскумекали, непоправимое произошло: он весь намок и омылся. Что было делать дальше? Не ругаться же! Как-никак сам предложил для этого свою шляпу. А вся компания так и покатила со смеху; напрасно они дергали друг друга за полы, все равно не могли утихомириться. Когда все прочухались от смеха, мир был восстановлен, и кумовья остались добрыми задушевными приятелями, иначе их изгнали бы из братства святого Гробиана.

53

СЛАВНЫЙ КУТИЛА СОЧИНАЕТ ПЕСЕНКУ,
ЗА ЧТО ФУТТЕРЫ ОПЛАЧИВАЮТ ЕГО СЧЕТ

Когда в 1530 году в Аугсбурге заседал рейхстаг, в забавную передрагу впутался придворный певец герцога Вильгельма Мюнхенского. То был знаменитый музыкант и композитор, а по имени звался Н. Грюненвальд. Он был знатный собутыльник, не довольствовался тем, что подавали на стол милостивого князя, его господина, а искал повсюду хорошую компанию себе под стать, и когда находил ее, пировал и пьянствовал без устали, нередко спускал все полученные подарки и наличные деньги, оплачивая выпивку и закуску. Однако не все коту масленица; кутила задолжал трактирщику восемь гульденов, а герцогу Мюнхенскому с другими князьями и представителями других городов пора было уезжать.

Хозяин пронюхал об этом и взял Грюненвальда в оборот, требуя долг. «Любезный хозяин, — сказал Грюненвальд, — ради хорошего дружелюбного общества, долго собиравшегося под вашим кровом, не настаивайте на сей раз, пока я не вернусь в Мюнхен. Сами видите, сейчас я в некотором замешательстве. Да и не так уж много я вам должен. Поверьте мне, я вам вышлю деньги со дня на день. Их у меня в Мюнхене достаточно, есть и кое-какие драгоценности, так что я расплачусь».

«Дай тебе Бог, — сказал трактирщик, — только мне от этого мало проку. Мне мои поставщики тоже не верят на слово и заставляют платить чистоганом за хлеб, вино, мясо, сало и другие припасы. Повсюду нужны

наличные; прихожу я на рынок, а рыбаки смотрят в оба, расплачусь ли я с ними наличными, возьму ли товар в кредит. Берешь в кредит — плати двойную цену. А ваш брат сидит себе за столом, и сколько вам ни подай, все мало, даже если у вас в кармане нет ни единого пфеннига. Так что слушай мой сказ: никаких поблажек тебе не будет. Заплатишь — все в порядке, а не заплатишь — придется мне обратиться к секретарю милостивого господина, князя Мюнхенского; уж он поможет мне получить мои денежки». Доброму Грюненвальду приставили пику к брюху, и он не знал, как ему от нее уклониться, ибо хозяин, этот чертов выгученик, поистине не давал ему спуска. Певец выложил все сладкие, гладкие слова, которые заучил и измыслил на своем веку, однако тщетно. Хозяин от своего отнюдь не отступился и сказал: «Хватит разглагольствовать; гладко отшлифуешь, скорее наточишь. Ты угощался день и ночь; я тебе подавал лучшее вино из моего погреба. Так что нечего увиливать. Если у тебя нет денег, оставь мне свой плащ, тогда я могу погодить некоторое время. Но если ты нарушишь срок, я продам твой плащ с аукциона. Надеюсь, теперь мы понимаем друг друга».

«Ладно, — сказал Грюненвальд, — постараюсь помочь делу». Он сел, достал свои письменные принадлежности, бумагу, перо, чернила и сочинил следующую песенку:

1

Готовый в путь пуститься
Сегодня поутру,
Хотел я расплатиться —
Ей-Богу, я не вру, —
За мною числится должок,
Но, милый мой хозяин,
Изволь продлить мне срок!

2

«С долгами, гость любезный,
Собьешься ты с пути.
Увертки бесполезны!

Сначала заплати,
А если мешкать недосуг,
Изволь мне плащ оставить,
И отправляйся, друг! »

3

«Мой кредитор не чуток, —
Я думал, трепещи. —
Мне, право, не до шуток!
Как быть мне без плаща?
Плащ могут в Аугсбурге продать,
И от насмешек всюду
Придется мне страдать».

4

«Хозяин, ради Бога,
Хоть малость погоди!
Я должен так немного.
Удача впереди
Меня, затравленного, ждет.
К тебе вернусь я скоро
И оплачу свой счет».

5

«Нет, гость мой драгоценный,
Изволь мне заплатить!
Ты человек степенный,
Я не люблю шутить!
Ты пей, пожалуйста, вино,
Тебя я не обижу,
А не платить грешно».

6

Хозяин рассердился
В ответ на песнь мою,
И сам я убедился:
Напрасно я пою!
Меня хозяин истязал,
Но Фуггер благородный
Мне помощь оказал.

«Ах, господин мой Фуггер,
 Я по уши в долгу;
 При этом я не флюгер,
 Вертеться не могу;
 Хозяин — лютый мой палач;
 Он плащ мой отнимает,
 И бесполезен плач».

Однако супостату
 Меня не заклевать.
 Внес добрый Фуггер плату!
 Теперь мне наплевать
 На вас, мой бывший кредитор!
 Я вырвался на волю,
 И сладок мне простор.

Сочинив такую песенку, Грюненвальд отправился ко двору Фуггеров и попросил доложить о себе господину. Представ перед ним, он учтиво поклонился, а потом сказал: «Милостивый господин, дошло до меня, что мой всемилостивейший повелитель князь намеревается отбыть отсюда и возвратиться в Мюнхен. А я не могу покинуть этого города, не простившись с вами. Я сочинил новую песенку, и если вам угодно ее послушать, я бы спел ее на прощание». Добрый господин, по натуре своей весьма общительный, сказал: «Мой милый Грюненвальд, с удовольствием послушаю. А кто же тебе будет подпевать? Зови своих присных!»

«Нет, милостивый господин, — ответил Грюненвальд, — сегодня мне придется петь одному; ни бас, ни дискант не помогут мне». — «Тогда пой», — сказал Фуггер. Славный Грюненвальд запел веселым голосом. Добрый господин сразу понял, каким недугом страдает певец, однако не поверил, что дела обстоят так худо, как поется в песне, и спешно послал за трактирщиком. Узнав правду, он заплатил трактирщику по счету, выкупил плащ Грюненвальда, да еще дал ему, не ску-

пясь, денег на пропитание; Грюненвальд взял их с благодарностью, а потом отбыл своей дорогой.

Этого Грюненвальда выручило его искусство; иначе певцу пришлось бы оставить плащ и путешествовать нагишом. Посему искусством негоже пренебрегать.

КАК ХОЗЯИН ГОСТИНИЦЫ В ИНГОЛЬШТАДТЕ ПОПЫТАЛСЯ ХИТРОСТЬЮ
ПРИСВОИТЬ ЗОЛОТУЮ ЦЕПЬ, ПРИНАДЛЕЖАВШУЮ МОЛОДОМУ
ДВОРЯНИНУ

Слышал я от одного доброго приятеля, а тот узнал из первых рук, как один молодой дворянин промотался, задолжав хозяину гостиницы; этот молодой дворянин жил только на широкую ногу, давал множество банкетов и устраивал пиры. А когда счет слишком возрос, добрый хозяин встревожился и начал прикидывать, как бы не остаться на бобах.

Случилось так, что за молодым дворянином послал его отец, рыцарь, и велел тому незамедлительно возвращаться. Тут и заскребли кошки на душе у хозяина; невдомек ему было, как поступить. Наконец, он подумал про себя: «Ладно, тут как ни кинь, все клин, испробуем другие способы, чтобы не положить зубы на полку». Он устроил хороший банкет и сказал дворянину: «Сударь, я вижу, вы намереваетесь отбыть. Давайте же мы с вами на прощание потрапезуем и повеселимся». Разумеется, молодой дворянин с превеликим удовольствием клюнул на это и сказал: «Да, господин хозяин, а в какое же время я могу пригласить моих милых друзей?» А хозяин в ответ: «К ужину, сударь; я постараюсь не ударить в грязь лицом, вы можете приводить ваших друзей: уж мы отведем душу». Итак, они договорились.

Хозяин приказал всем своим слугам не лениться во время застолья, подливать гостям почаще и побольше; распорядился он также принести из погреба самого лучшего, самого крепкого вина. Все совершилось, как он, хозяин, велел и предусмотрел. Как только гости сели за стол, им начали подносить в изобилии, пошло превеликое обжорство и пьянство; хозяин то и дело вставал из-за стола и опять садился, чтобы не навлечь на себя подозрений, к тому же он все время следил, чтобы молодой дворянин пил вволю. А у дворянина на шее висела

прекрасная золотая цепь ценою, по крайней мере, в триста гульденов. Когда хозяин заметил, что юнец пьян в стельку, он спросил: «Сударь, как вам не надоест таскать весь день на шее такую тяжесть?» Дворянин спросил: «Чего-чего?» А хозяин сказал: «Мне, знаете ли, невтерпеж обременять себя рубахой и камзолом, не говоря уже о шляпе на голове. Каково же волочить на себе весь день такую цепь!» — «А мне совсем не тяжело, — сказал юнец, — я бы не возражал, чтобы мне преподнесли еще одну такую, и тогда бы я не жаловался». На это хозяин сказал: «Мне любопытно, вынесу ли я такое бремя». Дворянин, недолго думая, надел хозяину цепь на шею, а пьянка шла своим чередом. Хозяин продолжал бегать взад и вперед, а потом под шумок удалился, лег спать, как будто ему все равно, кто заплатит по счету. Пьянка затянулась, многие уснули в той же комнате на скамьях; дворянин и думать забыл о своей цепочке.

Чуть свет мой добрый хозяин сел на коня и ускакал, не простившись с гостями. Дворянин встал несколько позже, собрался уезжать и осведомился, когда хозяин намерен встать и возвратить цепочку, а то уже пора в дорогу. На что конюх сказал ему, хозяин-де уехал рано утром, не иначе как в Эльзас за вином. Славного юнца такое известие не слишком порадовало; он подождал, пока встанет хозяйка, но она сообщила ему то же самое. Что оставалось делать? Отец велел возвращаться безотлагательно, у хозяйки ему ничего не удалось выведать касательно цепи; вот и уехал он, совсем пав духом.

Через некоторое время дворянин написал хозяину, требуя цепочку; хозяин в ответ потребовал денег. Они долго препирались в письмах, пока дворянин не выслал хозяину деньги, а тот не стал тогда задерживать и цепь.

Коли уж речь зашла о торгах, закладах и обменах, вынужден я поведать и ужасную, весьма жуткую историю, коей свидетелем был я сам, лично знавший обоих действующих лиц, жену и мужа. Надо вам сказать, что есть в Эльзасе город, именуемый Рейхенвейлер, и при-

надлежит он графу Йоргу фон Вюртемберг. В этом городе проживал один трактирщик, а тракти его назывался «К медведю». Трактирщик вступил однажды за столом в разговор с другим трактирщиком; один уверял другого, что другой богаче. Они и об заклад бились, и на обмен соглашались, пока не порешили так: каждый оставляет каждому свой дом и имущество, причем, выселяясь из своего прежнего дома, не смеет брать с собой ничего — ни наличных денег, ни столового серебра, ни домашней утвари, ни носильного платья, кроме разве того, что прикрывает наготу. На этом они и ударили по рукам. Настал час свидетелей, пивших магарыч, подтверждающий сделку, а на сей счет в Эльзасе особенно дурные обычаи. Когда совершаются такие постыдные сделки, там всегда найдешь беспутных свидетелей, готовых поддержать любое непотребство, лишь бы выпить магарыч и накачать свою утробу, а там хоть трава не расти. Так состоялся и этот злосчастный обмен.

Они определили время, когда каждый должен покинуть свой дом, оставить свое добро и переселиться в дом другого. Трактирщик, поменявшийся с рейхенвейлерским, происходил не из города, а из близлежащего местечка под названием Хунненвейер. Когда рейхенвейлерский трактирщик, вернувшись домой, известил свою жену об обмене, она очень опечалилась и умоляла мужа отказаться от сделки, уладить дело как-нибудь по-иному, ибо она твердо решила, что скорее умрет, чем расстанется со своим домом, скарбом и пожитками. Свара и перебранка между ними затянулись, ибо муж ее уперся на своем и не собирался отговаривать другого, да и тот настаивал на честном обмене и не намерен был уступать. А жена рейхенвейлерского трактирщика была тяжела, и скоро ей предстояло рожать.

Однажды муж с женой снова сильно поругались и поцапались, а постояльцев было в трактире немного, разве что несколько рабочих из Швабии и Франции, отправлявшихся на промысел в эльзасские горы; кроме них, в доме не было никого, лишь слуги со служанками. После ужина все отправились спать, а хозяин с хозяйкой все еще грызлись, так что домашние и ближайшие соседи слышали крик и некое буйство. Но поскольку все уже знали, что хозяин с хозяйкой не в ладу, каждый полагал, что он просто бьет ее. Только один, слушавший

всю ночь, как неистовствует хозяин, встал наконец, окликнул его и спросил: «Хозяин, что за безобразие всю ночь творится в доме? Режут вас, что ли?» А хозяин сказал в ответ: «Тебя-то кто трогает? Угомонись и ляг! Никто меня не режет. Просто я малость побил мою бабу». И слуга снова улегся в постель.

Поутру, когда все в доме встали, ни хозяин, ни хозяйка не вышли из своей комнаты, а за ними обоими такого до сих пор никогда не водилось. Когда комнату наконец отворили, то увидели, что жена лежит на кровати, вся израненная, и уже мертвая, а муж валялся в нескольких шагах, тоже мертвый, и в его теле торчал посеребренный нож. Люди, естественно, ужаснулись и поспешили поведать сию жуткую историю стражникам, а те всполошились и под горячую руку взяли всех, кто был тою ночью в доме, и, хотя они были невинны, на них напал превеликий страх. Когда мертвецов похоронили, из Кольмара прислали палача, поручив ему под пыткой допросить заключенных.

Однако палач, будучи сведущ в подобных делах, взвесив различные улики и подозрительные обстоятельства, посоветовал стражникам воздержаться от поспешных действий в отношении заключенных, ибо многое говорило за то, что сам хозяин убил свою жену и наложил руки на себя. Эти речи вразумили стражей порядка, вовлеченных в дело; они поразмыслили и сами начали считать убийцей хозяина, что явствовало из многих косвенных улик.

Выкопали мертвых из земли, и худшие подозрения подтвердило тело убийцы, не пощадившего собственной плоти и крови в материнском чреве законной супруги; его труп испускал столь гнусное зловоние, что слов нет, и палач переправил его туда, где самое место подобной мрази. Тело жены осталось в могиле. Господь да помилует ее душу и да ниспошлет раскаяние другому участнику обмена, нисколечко не замешанному в этих трех убийствах, но какой же грех зариться на чужое добро и прибегать к столь опасному обмену ради несправедливого приобретения!

Сию историю я изложил вкратце, дабы каждый довольствовался тем, что ниспослал ему Господь, и не выбрасывал своего достоинства на ветер, ибо это значило бы пренебрегать Божьими дарами. Давайте же впредь избегать сомнительных обменов и опасных сделок!

Два вора крали долгое время совместно и всегда делили добычу поровну, не чиня друг другу ни малейшей обиды. Однажды пришли они в маленький городок, где им не повезло. Вот они и решили наведаться в одну деревню и заняться своим ремеслом, чтобы поправить свои дела. Они осмотрелись, и один из них углядел целую кучу орехов на очаге дома, облюбовав его для ночного посещения. Другой нашел овчарню, где овцы и бараны были особенно жирны, и нашего вора подмывало украсть хоть одну; утром они намеревались продать орехи и барана в городке. Дело стало только за местом, где можно было бы спрятать наворованное ночью. Наконец, они выбрали для этой цели погребальницу, или склеп; там должен был ждать другого тот, кто придет с добычей первый.

А в деревне жил один очень богатый поп, который как раз тогда лежал в тяжелейшей подагре, и были у него два сильных молодых прислужника, ухаживавших за ним и переносивших его туда-сюда. Когда стемнело, оба вора пошли своей дорогой. Вор с орехами управился первым и притащил в погребальницу полный мешок. Уж не знаю, что помешало другому, только он никак не мог попасть в овчарню. Его напарник сидел на мертвых костях, грыз орехи от нечего делать и разбрасывал скорлупки по склепу. Случилось так, что у попа среди ночи погасла свеча. Поп рассердился на своих прислужников, которые заснули, не потрудившись зажечь лампу. Когда им не удалось высечь огня, поп велел одному из них сходить в погребальницу и там разжиться огоньком. Парнишка был легок на ногу, добежал до склепа и, спускаясь по ступенькам, услышал, как вор щелкает орехи, разбрасывая скорлупки, отчего служитель оторопел в ужасе. Он опрометью бросился домой, так и не добыв огня. Поп рвал и метал, но, когда прислужник поведал ему, в чем дело, поп отправил с ним в склеп другого прислужника. Приблизившись, оба они услышали, что делает вор на костях, и оба еле добежали до дому.

Огня они так и не принесли, и поп был вне себя; он велел своим служителям положить на носилки хорошие

мягкие подушки и доставить в погребальницу его самого. Прислужники выполнили приказ, они донесли его до погребальницы. Вор, сидевший на костях, решил, что пришел его напарник с бараном, и подал голос из погребальницы: «Давай! Давай! Я помогу тебе!» Прислужники подумали, что это дьявол, бросили попа — и давай Бог ноги. Думая, что товарищ его приволок барана, вор заерзал на мертвых костях и вполголоса спросил: «Он жирный?» Поп так струхнул, что забыл свою подагру и улепетывал как полоумный; вор бросился за ним, вообразив, что его товарищ не хочет делиться, и завопил: «А где моя доля?» — «Нет, нечистый дух, — откликнулся священник, — ты ничего не получишь!» — «А ты не получишь орехов». Тогда поп сказал: «Я готов отказаться от орехов на веки вечные». Утром он созвал крестьян и роздал им все орехи, которыми брал церковную десятину, и подагра у него прошла.

КАК ОДИН ФРАНК ЗАХВОРАЛ, ОСУШАЯ КУБОК

Один конюх, родом франк, повадился изо дня в день пить вино, не зная удержу, отчего на него напала претяжкая хворь, и он не чаял уже остаться в живых. Однако добрые друзья посоветовали ему не падать духом и обратиться к врачам, которые могут поднять его и со смертного одра. Добряк последовал их совету и позвал врача; тот сразу же пришел, чтобы осмотреть больного и назначить ему лечение.

Обследовав мочу и пощупав пульс, он по всем признакам определил, что франка свалили чрезмерные возлияния. Больной пожелал знать, что его подкосило. Врач был шутник и весельчак, он сказал: «Поистине, сынок, у твоей хвори одна причина, тебя уязвил кубок. Хочешь избавиться от своего недуга — разбей стаканы и кубки». — «Да, господин хороший, — ответил больной, — уж, пожалуйста, вылечите меня, постарайтесь, а я до конца дней моих буду избегать кубков и стаканов, а когда дорвусь до вина и хорошей компании, налакаюсь прямо из бутылки». В ответ на эту речь рассмеялись все присутствующие; врач тоже рассмеялся, простился и пошел домой.

Плыл однажды морем большой корабль, груженный купеческими товарами. Случилось так, что разыгралась непогода или великая буря, и каждый приготовился тонуть. На корабле был один грубый, неотесанный баварец; слыша со всех сторон, что предстоит утонуть и захлебнуться, он взял свой кожаный мешок, достал хороший ломоть хлеба, посыпал его солью и, как ни в чем не бывало, принялся за еду, пока другие молились, призывая Бога и святых.

Когда буря стихла и народ на корабле успокоился, баварца спросили, с чего это он так оголодал. Добрый баварец сказал в ответ: «Да я же слышал от вас всех, что мы потонем и захлебнемся, вот я и ел хлеб с солью, чтобы напоследок хоть хлебнуть со вкусом». Эти слова всех насмешили.

Во всем мире бедного человека ни во что не ставят, куда бы он ни пришел и куда бы ни направился, и никто никогда не слышал от бедняка, чтобы тот радовался своей бедности или утешался ею, но однажды нашелся бедняга, благословлявший ее и благодаривший Бога за свою бедность. А дело было так.

Когда француз с большим войском вторгся в Эльзас и миновал Цаберн, к упомянутому бедняку пришел богатый прелат и принялся плакаться, вовсю жалуясь на ненадежные времена: «Ах, мой Ценциус (так звался его друг-бедняк), как ты думаешь, чем кончится эта война? Я боюсь, француз допечет и разорит всех нас. Не знаю, как уладить мои дела. Мне бы выгадать хоть дней четырнадцать до его прихода». — «Хо, — сказал бедняк, — был бы я в вашей шкуре, я бы знал, что делать». — «Так посоветуй мне, милый Ценц! Как мне поступить?» А бедняк ответил ему с пристойной важностью. «Очень просто, — сказал он, — пойдите к старосте, попросите у него жезл, если вам не жалко, дайте два пфеннига рассыльному, и пусть он передаст французам,

чтобы тот отложил разграбление города на две недели в соответствии с нашим городским статутом».

Поп смекнул, что над ним издеваются, разозлился и сказал: «Да, тебе хорошо говорить, твое дело в шляпе, тебе нечего терять!» А тот отвечал: «Слава Господу! Теперь я вижу, что иногда и бедность — благо, и не нужно мне ничего сверх того, что я имею».

60

ШВАБ ЖАЛУЕТСЯ НА ТО, ЧТО ГОСПОДЬ БОГ
НЕ ПЛАКАЛ В ШВАБИИ, КАК В ИТАЛИИ

Добрый, благочестивый, простодушный шваб совершал паломничество в Рим. Добравшись до Италии, он остановился в гостинице, и хозяин принял его хорошо, так как у шваба водились деньги. Хозяин не пожалел для него своих припасов и подал наилучшие вина, имеющиеся в Италии, что шваб вполне оценил. Потому и спросил он, какой это напиток, а хозяин подумал, что встретил истинного знатока, и, будучи немцем по происхождению и завзятым шутником, сказал: «Дружище, напиток, о котором вы изволили осведомиться, не что иное, как слезы Господа нашего». А шваб воскликнул: «Сладчайший Господи, почему Ты не плакал у нас в Швабии?»

Таких добрых, простодушных людей в наши дни редко встретишь.

61

КАК НЕКИЙ КОННИК ЗАСНУЛ, ОТЪЕХАВ НА РУЖЕЙНЫЙ ВЫСТРЕЛ
ОТ КОЛЬМАРА, ВЕРНУЛСЯ СПРОСОНЬЯ В КОЛЬМАР
И ВООБРАЗИЛ, ЧТО ОН В ШЛЕТТШТАДТЕ

В Кольмаре была гостиница под названием «К дикарю», и ее хозяин праздновал свадьбу; все, кто приходил в гостиницу в эти дни, считались хозяйскими гостями и не платили по счету. Прискакал туда в это время один конник с Вюртембергского двора и так набрался, что, едва выехав за городские ворота, слез с коня, улегся и заснул. Конь взыграл без всадника и побежал в поле, где некий горожанин поймал его и отвел к воротам.

Когда добрый конник проспался и увидел, что коня нет, он схватился за голову и побежал к городским

воротам, расспрашивая о своей пропаже. Оказывается, конь был привязан у городских ворот, чему путешественник весьма обрадовался. Он сел на своего коня, решил, что он в Шлеттштадте, поскакал в город и, только ввалившись в ту же гостиницу «К дикарю», узнал, где он; ему пришлось заночевать там, так как время было уже позднее, и все подняли его на смех.

О КРЕСТЬЯНКЕ И О СЛАДКОМ МОЛОКЕ

В деревне жил богатый крестьянин, и у него было много батраков и батрачек. Настал День святого Мартина, и он подал своей челяди, как полагается, гуся, не покупившись к тому же на варево, на жаркое и на свинину. Не было недостатка и в добрых, крепких, новых винах; челядь могла отвести душу, беззаботно бражничая. Наконец, когда со стола убрали, крестьянка принесла внушительную миску доброго сладкого молока; его хлебали ложками, и оно пришлось всем по вкусу. Особенно усердствовала сама крестьянка, как будто боялась, что ей не хватит молока. Хозяин сказал: «Довольно, милая Грета, иначе тебе не поздоровится, когда ты ляжешь спать». Крестьянка не послушалась и налегла на молоко еще пуще.

Когда молотильщики опочили, одного из них среди ночи одолела жажда. А так как он, лежа в постели, громко шлепал губами, один его товарищ спросил, что это ему угомону нет, и наш молотильщик сослался на свою великую жажду. «Нишкни, — сказал другой, — я тебе помогу. Чулан с молочным скопом не заперт. Я схожу туда и принесу тебе добрую корчагу молока». Чулан был рядышком с гумном, а напротив находилась хозяйская горница, тоже не запертая. Молотильщик отправился в чулан и нашарил там молоко, сперва сам напился, потом взял полную миску и хотел отнести ее своему товарищу, чтобы тот утолил жажду, однако, выходя из чулана, не туда свернул. Он думал, что идет к своему товарищу, а попал в хозяйскую горницу.

Там лежала крестьянка, выставив гольгй зад; добрый молотильщик подумал, что его товарищ заснул, и поднес молоко к заду. В это время крестьянка испустила ветры, и молотильщик сказал: «Дурило, что ты дуешь

на холодное молоко? Знать, у тебя еще не выветрилось вино с вечера». Крестьянка еще раз выпустила ветры, и молотильщик, осердясь, хотел выплеснуть молоко в лицо своему товарищу, а вылил его на бабий зад. Крестьянка проснулась, не поняла, что ей попритчилось, и не удержалась от непотребства, разбудив хозяина, спросившего, что с ней. «Беда, — сказала крестьянка, — сама не знаю, только я лежу мокрехонька». А крестьянин молвил: «Не предупреждал ли я тебя вечером: знай меру, когда хлебаешь молоко! Вот и поделом тебе».

Молотильщик улизнул из горницы, раскумекав, какую сделал промашку, и воротился к своему товарищу. Тот уже сердился на него и спросил, где он так долго околачивался, жажду за это время можно было утолить раза три. «Дружище, — ответил молотильщик, — тебе невдомек, на что я нарвался. Выхожу я из чулана с молоком, а навстречу мне хозяйка; она не узнала меня, приняла за вора, и мне попало. Чтобы она не погналась за мною и не уличила меня да и тебя заодно, я выплеснул молоко ей в лицо. Вот почему я без молока».

Так молотильщик замарал хозяйскую постель и убедил товарища в своей правоте.

В Попенриде служил приходским священником один монах. У него был весьма грубый голос, и, когда он выходил на кафедру, непривычный служитель мог подумать, что монах рехнулся. Однажды он снова начал горланить, а в церкви была одна добрая старушка-вдова; она всплеснула руками и горько заплакала, что монах сразу же заметил.

Едва проповедь кончилась, монах спросил женщину, что ее так умилило. «Господин почтенный, — ответила она, — мой любезный супруг смекнул на смертном одре, что мне придется делить наследство с его родней; вот он и подарил мне заранее хорошенького ослика. Однако вскоре после кончины моего любимого мужа у меня и ослик помер. Когда вы сегодня утром закричали столь громогласно и сильно, вы мне напомнили моего милого ослика; у него был такой же голосок, как у вас».

Монах рассчитывал получить щедрое подношение от

старенькой матушки да и славу в придачу, а она возьми да и сравни его с ослом. Таков обычный удел тщеславия: кто алчет похвал, тот навлекает на себя насмешки.

О КРЕСТЬЯНИНЕ, КОТОРОМУ ВЫВЕРНУЛИ ЧЕЛЮСТЬ
БЕЗ ЕГО ВЕДОМА, ЧТОБЫ ПОТОМ ПОМОЧЬ ЕМУ

В одном эльзасском городе каждую неделю бывал базар, и однажды собрались там странствующие знахари, цирюльники и камнерезы. Был среди них мастер, который брался обучить одного городского недоросля ремеслу цирюльника; отец этого парня повел мастера в трактир, чтобы условиться с ним. А в трактире сидел один пьяный крестьянин; о чем бы ни зашла речь, он сдуру вмешивался, выставя себя более сведущим, нежели остальные. Доброго мастера это задевало, но он не подавал виду и продолжал столкываться с горожанином. Когда пьяный крестьянин уразумел, что народу не до него, он улегся на скамье между двумя столами и заснул без задних ног.

В это время стороны пришли к соглашению; мастер глянул за скамью и увидел пьяного крестьянина. Он обратился к другим и сказал: «Сейчас я так отделаю этого мужика, что родная жена не узнает его». Все, конечно, полюбопытствовали, как он успеет в этом, не изувечив пьянчугу. А цирюльник прикрыл спящего своим камзолом, нагнулся над крестьянином и в мгновение ока безболезненно вывернул ему челюсть, отчего крестьянин приобрел жуткое обличье; ни один человек не выглядел так безобразно. Все вокруг так и прыснуло со смеху, и в комнату наведалься хозяин взглянуть, отчего это всех разобрало. Ему указали на мужика, дрыхнувшего с разинутым ртом, и хозяин ужаснулся, не зная, что с гостем. Он поспешил к мужику, тряс его изо всех сил, пока тот не продрал глаза. Тогда хозяин спросил его, в чем беда. А крестьянин еще не уразумел, как его скорчило, попытался ответить, но не тут-то было, слова не лезли из глотки, и он мог только мычать. «Ах, Господи, — воскликнул хозяин, — что же такое попритчилось этому доброму человеку?» Тут крестьянин окончательно пробудился и заметил, что не может ни говорить, ни закрыть рта; хмель у него начал прохо-

дить от великого страха, он совсем протрезвел, но, как ни тужился со всякими ужимками, не мог произнести ни слова. Хозяин весьма пожалел мужика и осведомился, случалось ли с ним такое прежде. Крестьянин покачал головой, но не выдавил из себя ничего, кроме мычания. Наконец мастер, вывернувший ему челюсть, сказал: «Я бы помог ему в один миг, если бы был уверен, что он заплатит мне за мое искусство». Крестьянин простер к нему руки и закивал головою в знак того, что хорошо заплатит. Мастер потребовал гульден и велел выложить его заранее. Крестьянин схватил блюдо, выложил в него гульден и понес к столу с разинутым ртом, что вызвало новый взрыв смеха. Мастер снова накрыл его своим камзолом и в одно мгновение вправил челюсть. Тогда другие добрые господа начали толковать, что крестьянину следует сдача, ибо такое пустяковое дело не стоит целого гульдена. Наконец, порешили, что крестьянин получит два полновесных пфеннига сдачи, а третий пфенниг честная компания пропьет. Так был наказан болтливый бесстыдник мужик.

65

КАК ПУТНИКУ ПРОТИВ ЕГО ВОЛИ ВЫРВАЛИ ЗУБ,
КОГДА ОН ХОТЕЛ ПОЕСТЬ

Один швабский купец послал своего молодого приказчика в Италию по делам. Юнцу, однако же, не повезло, ибо он не разумел итальянского языка. Однажды он прибыл в город, где по этой причине не мог никого ни о чем расспросить. Приказчик сильно проголодался, а найти трактира нигде не мог. Вот и посчастливилось ему встретить немца; он распознал земляка по платью и приветствовал его по-немецки. Тот ответил ему довольно ласково. Приказчик попросил его указать какой-нибудь трактир. Добряк сделал это с охотой, посоветовав идти прямо по длинной улице, пока он не увидит расписную вывеску: туда-то и надлежит войти, ибо там хороший трактир.

А наш приказчик, идя вдоль по улице, углядел расписную вывеску цирюльни и, приняв цирюльню за обещанный трактир, ввалился туда. Как только он вошел, мастер со своими подручными встал и осведомился, желает ли он помыться или постричься. Они осведомля-

лись по-итальянски, что ему угодно, а он знай показывает рукой себе в рот, дескать, дайте поесть! Цирюльник подумал, что клиент страдает зубной болью, и решил вырвать ему зуб. Быстро пододвинули кресло, подложили подушку, усадили приказчика, и мастер подошел со своим инструментом, метя клиенту в рот. Когда мальи́й заметил это, он заартачился, но мастер велел своим подручным крепче держать больного, он-де страдает зубной болью. Те повалили беднягу, и зуб был вырван против его воли. Вот почему не во всякое заведение следует соваться.

66

О ЦИРЮЛЬНИКЕ, КОТОРЫЙ ПОДСЫПАЛ
СВОЕЙ ТЕТКЕ ГОРЧИЦЫ В КРОВЬ

У цирюльника была тетка, которая то и дело просила его пустить, или отворить, ей кровь, пока ему не надоели такие просьбы. Цирюльник долго не мог придумать, чем бы отвратить ее от кровопусканий, лишь бы она не докучала ему так часто. Однажды она снова явилась отворять кровь, да еще попросила своего племянника сберець сию жидкость,—любопытно, мол, какой цвет она приобретет.

Как только добрая женщина удалилась, цирюльник взял ложку горчицы, всыпал ее в кровь и хорошенько размешал, так что кровь приобрела на редкость отвратный цвет. Немного погодя добрая женщина опять пришла взглянуть на свою кровь. Цирюльник (или, как его иначе называют, парикмахер) впустил тетку. Женщина ужаснулась, увидев мерзкое месиво, и вообразила, что она при смерти. А парикмахер утешил ее, сказав: «Приободрись, милая тетушка, ты только что избавилась от нескольких опаснейших горячек сразу. Представляешь себе, какая страшная горячка разыгралась бы, останься в твоих жилах эта кровь?» Он уговорил ее, и добрая женщина поверила таким речам, лишь попросила покамест не выливать кровь, у нее есть кума, пусть посмотрит и подивится. Сказав такое, она побежала и собрала целую толпу баб, поведав им о своей крови и о том, как вредна горчица, отравляющая кровь, в чем она предложила своим товаркам удостовериться воочию, и по всему городу разнеслась громкая молва: в крови доброй женщины оказалась горчица.

Когда цирюльник решил, что трезвону было достаточно, он поведал некоторым мужчинам и женщинам, как все произошло и вышло, и они весьма потешались над этой историей. Наконец и до доброй женщины дошел слух, что над ней смеются. Такое поношение настолько восстановило ее супротив племянника, что она зареклась переступить порог его дома, а он был только рад этому, отделавшись от кровопусканий.

О ДОБРОМ СВЯЩЕННИКЕ,
ПЕРЕЖИВШЕМ ДИКОВИННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ НОЧЬЮ НА ВОДЕ

Один добрый, благочестивый, простодушный попик, никогда не знавший с нечистым, шел однажды полем. Он был завзятым домоседом и мало что знал о мирской жизни. Добряк забрел в дремучий лес, где его застигла ночь, и он никак не мог найти дороги. Вот и напал на попика превеликий страх, так что он совсем заплутался. Наконец, попик вышел к воде и увидел, что там люди. Тут у него на душе заскребли кошки, ибо он вообразил, что это убийцы, прячущиеся в лесу. Добрый попик, не мешкая, спрятался у воды в кустах, чтобы не попадаться на глаза людям, чьи голоса он слышал. Месяц светил ярко, так что было видно далеко, и наш попик увидел, как четверо плывут по воде в двух челноках; они забрасывали сети в заводь, у которой попик сидел в кустах. Когда они принялись вытягивать сети, в сетях оказалась большая коряга, что весьма их раздосадовало и разозлило, так что они не скупилась на страшные проклятия. Когда попик это услышал, у него душа ушла в пятки; он подумал, что вся земля провалится от таких кощунств, и диву давался, как она еще держится. Вытащив коряги из сетей, рыбаки вышли на берег в своих высоких сапогах, достали свои котомки и принялись беззастенчиво бражничать по своему обыкновению. Изрядно закусив и выпив, они снова сели в челноки и поплыли дальше в поисках пропитания. Все это добрый попик видел и слышал, однако невдомек ему было, что к чему. Он ждал дня в превеликой тревоге. Когда рассвело, попик выбрался из кустов и шел, пока не вышел из лесу. Тут он убедился, что пришел домой.

На следующее воскресенье, закончив проповедь и по обычаю приступая к молитве за все сословия, духовные и светские, попик произнес: «Любезная паства, помогите мне молить Бога за народ в высоких сапогах, плавающий ночью по воде, и да сохранит Господь их сети от коряг, иначе эти люди начнут так богохульствовать, что небо может рухнуть. Это дурной народ, скажу я вам; то, что добрые люди приберегают днем, они трескают по ночам. Благодарю Господа, который уберег меня от этих прожорливых негодяев».

Не знаю, байка это или правдивая история, но, к сожалению, у рыбаков (не у всех, разумеется) есть подобный дурной обычай, и, сдается мне, в других ремеслах не встречаются такие сорвиголовы, которые, работая в поте лица своего, так сквернословили бы и кощунствовали, что мудро, как это Бог не наказывает их на месте. Да будет милость Господня, дабы подобные богохульства среди этого и другого народа прекратились и они благословили бы Его святое имя. Помогай нам в этом Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой! Аминь.

〈Конец дорожной книжицы〉

„ОБЩЕСТВО В САДУ“

Новая, приятная, потешная книжица, озаглавленная «Общество в саду» и содержащая многие веселые беседы, шутки и прибаутки, а также другие забавные рассказы, истории и побасенки из тех, что время от времени уместны и желательны при увеселениях в прекрасных садах, у прохладных источников, на зеленых лугах, когда играет благородная музыка, во всяком хорошем обществе (дабы дружелюбно и благожелательно развлечь и приободрить пребывающих в тяжелой меланхолии). Всем тем, кто призван угождать подобному обществу, а также всем прочим, молодым и старым, на предмет занимательного и смешного чтения etc.

Новинки,
услышанные, собранные, записанные, а также сочиненные в этой книжице, предлагаются
ЯКОБОМ ФРЕЕМ,
городским писцом в Мауэрсмюнстере
<1557>

1

О НЕОТЕСАННОМ, ПРИДУРКОВАТОМ КРЕСТЬЯНИНЕ,
ВОЗНАМЕРИВШЕМСЯ ВЫСИДЕТЬ ГУСЯТ

В Геблингской долине жила весьма богатая вдова, и у нее был сын, отличавшийся неповоротливым, неотесанным умом; во всей долине не было другого такого дурня. Этот олух углядел однажды в Саарбрюккене дочь одного почтенного, благородного человека, девицу прекрасную, статную и благоразумную. Дурак сразу же втюрился в нее и попросил ее у своей матери себе в жены, а не то грозился разбить окна, сокрушить печи и поломать все лестницы в доме. Мать уже знала и видела

глупую голову своего сынка и опасалась, что, даже если посватать за него девицу и снабдить его к тому же изрядным имением, все равно от этого непутевого осла толку не будет. Но хотя девица происходила из хорошего рода, ее родители прозябали в бедности и не могли содержать свою дочь сообразно своему сословию, тем легче могло удалиться сватовство.

Мать опасалась, что девица не захочет выйти за превеликого круглого болвана, каким был ее сын, и посему всячески наставляла его в правилах вежества и хорошего обращения с невестой. И когда наш чурбан первый раз побеседовал с девицей, та преподнесла ему хорошенькие перчатки из тончайшей кожи. Тут пошел сильный дождь, а жених не снял перчаток; ему было все равно, промокнул они или нет. Да к тому же, проходя по мостику, он поскользнулся, шлепнулся в тинистую воду, измарался и вылез оттуда грязнее болота. Вернулся он весь перепачканный, и перчатки развалились, на что он и пожаловался матери. Добрая старушка выбрала его и сказала, мол, мог же он завернуть перчатки в мешковину и спрятать за пазуху.

Вскоре после этого славный обалдуй опять отправился к девице. Та осведомилась о перчатках, а он возьми да и выложи ей все начистоту. Девица засмеялась, убедившись на первый случай, что за мудрец перед ней, и подарила ему сокола. Парень взял его, собрался домой, вспомнил слова своей матери, придушил сокола, завернул в платок, спрятал за пазуху и, воротившись, хотел показать матери хорошенькую птицу, а вытащил дохлого сокола. Мать опять устроила ему головомойку, сказала, что птицу надо было нести в руке.

В третий раз этот обормот явился к девице. Она спросила, как поживает сокол, а женишок ляпнул ей напрямик, что от него осталось. Девица подумала: «Это же прямой дурак», раскумекала, что не в коня корм, и подарила ему борону, авось пригодится во время сева. А он вспомнил матушкино наставление и поволок борону домой на руках, дубина дубиной. Мать все равно не обрадовалась, сказала, что следовало запрячь в борону лошадь и та дотащила бы ее.

Наконец, девица убедилась, что миро и крещение орясине не впрок, коли нет ни смекалки, ни выучки, ни разума. Девица уже только о том и думала, как бы отделаться от дурака, дала ему добрый кусище сала и сама

спрятала ему за пазуху; дурак был рад-радехонек. Он заторопился домой и, боясь, как бы сало не выскользнуло из-за пазухи, вспомнил матушкино наставление, вытащил сало, привязал к конскому хвосту, сел в седло и поскакал восвояси. За конем погнались собаки, сорвали сало с хвоста и слопали его. Дурень вернулся, а салом и не пахнет.

Так мамаша снова увидела, какой смышленный у нее сынок, побоялась, как бы женитьба не разладилась, поехала к родителям девицы, чтобы точно установить день помолвки. Уезжая, она строго-настрого приказала сыну сидеть дома и вести себя потише, а то гусыня высиживает яйца.

Едва мать убралась со двора, сын мигом залез в погреб, налакался вина и потерял затычку от бочки; пока наш увалень искал его, все вино пролилось. Тогда молодчага взял мешок с мукой и засыпал вино, чтобы мать ничего не заметила, вернувшись. Потом он бросился в дом и начал буйствовать. А гусыня сидела на яйцах, испугалась и закричала: «Га, га, га!» Дурак струхнул, вообразив, что гусыня говорит: «Я все скажу»; он поопасился, как бы она не разболтала, что он натворил в погребе, схватил гусыню и оторвал ей голову. Тут он забеспокоился, не протухли бы яйца, тогда ему не поздоровится; подумал он, подумал и решил сам высидеть яйца; только ему показалось, что не годится сидеть на яйцах, если на тебе нет перьев, как на гусыне; вот он и спохватился, разделся догола, весь вымазался медом, который только что заготовила мамаша, разворошил постель и так вывалялся в перьях, что уподобился огородному пугалу; потом он сел на гусиные яйца и притих, чтобы не тревожить будущих гусят.

Пока забавник сидел на яйцах, мать вернулась и постучала в дверь. Простофиля сидел на яйцах и не отвечал. Она постучала снова, он закричал: «Га, га, га!», полагая, что, высиживая гусят (или дураков), не разумеет другого языка. Наконец, мать припугнула его; он встал с гнезда и открыл ей дверь. Увидев его, она подумала, что перед ней сам черт, и спросила, что стряслось. Он ей и выложил все по порядку. Мать ужаснулась его дурачеству; ведь невеста должна была прибыть с минуты на минуту; и она сказала своему отпрыску, что простит его, если он будет впредь вести себя благопри-

стойно; когда приедет невеста, встретит ее ласково, вежливо и прилежно вскидывая на нее глаза.

Дурак сказал: «Да», вознамерился все выполнить, смысл перья, приделся, пошел в хлев, выколол всем овцам глаза и спрятал их за пазухой. Когда невеста приехала, он вышел ей навстречу и принялся кидать ей в лицо овечьи глаза, полагая, что так и надо. Он запачкал доброй девице лицо, и та устыдилась такого дикого обхождения, увидела, что от дурака нечего ждать, кроме безобразия, и ни на что путное он не способен, уехала домой и дала ему от ворот поворот.

Дурак остался дураком и, пожалуй, до сих пор высиживает гусят. Я только боюсь, что из яиц вылупятся не гусята, а дурачата. Храни нас Бог!

2

О ПОЛЕВОМ СТОРОЖЕ, КОТОРЫЙ ПОВОЯЛСЯ ОДИН
ТОПАТЬ ПШЕНИЦУ, НО ЗАСТАВИЛ ТОПАТЬ ЕЕ ЧЕТВЕРЫХ

У дуроградских крестьян было распрекрасное пшеничное поле, и вот перед самой жатвой дюжина лошадей забрела в пшеницу и лакобилась в свое удовольствие. Полевой сторож увидел это, но не решился просто выгнать лошадей; он побоялся потоптать пшеницу и нанести ущерб урожаю. Сторож пошел и доложил обо всем обстоятельно управителю и всей общине. Им тоже невдомек было, как бы сторожу лошадей выгнать и пшеницу не потоптать. Совецались они часов шесть, а лошади в это время травили себе пшеницу, как ни в чем не бывало; наконец, все вместе додумались поместить полевого сторожа на переносной насест и дать ему в руки длиннущую хворостину, дабы четверо судейских отнесли его на насесте в поле к лошадям, а он бы выгнал их, не потоптав пшеницы. Так и сделали.

Как будто долгое совещание и подошвы четверых судейских, тащивших сторожа, пшенице не повредили, а один сторож, сразу выгнав лошадей, повредил бы.

ДРУЖОК В ДОРОЖКУ

Презабавная и потому не скучная книжица под названием «Дружок в дорожку», содержащая множество веселых, занятных и потешных историй, не в меньшей мере предназначенная для веселого чтения в саду, в трактире или же в сельской местности, пополненная новыми и в новом порядке расположенными рассказами,

писана

МАРТИНОМ МОНТАНОМ

из Страсбурга

<1557>

1

ПРО ТО, КАК ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ СОБЛАЗНИЛ ПАСТУШЬЮ ДОЧЬ,
ПООБЕЩАВ ЖЕНИТЬСЯ НА НЕЙ, ЕСЛИ ОНА СУМЕЕТ
В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ ДНЕЙ НИКОМУ НЕ СКАЗАТЬ О СЛУЧИВШЕМСЯ,
И ЖЕНИЛСЯ ЗАТЕМ НА ДРУГОЙ

Жил в одной деревне богатый мужик, и было у него много детей, и старший сын отличался на крестьянский лад красотой и осанкой. И был в той же деревне пастух, дочь которого, девицу на диво пригожую, заметил сын богача. Заприметил — и воспылал, и начал задумываться, как бы ему склонить ее на то дело, ради которого полагается сперва свести честную девицу под венец. И, не находя способов добиться желаемого, пребывал он в великом неудовольствии.

Но вот однажды пообещал он своей возлюбленной, питавшей к нему ничуть не меньшую любовь, жениться на ней, ежели она ему сначала уступит, а потом три дня об этом никому не расскажет. Хорошая девица, услышав, что сын богача хочет взять ее в жены, решила незамедлительно уступить его настояниям (выдерживать которые ей и без того приходилось с явной неохотой), взяв с

него клятву, что он сдержит слово. Добрый молодец легко согласился на это, так как был совершенно уверен, что держать язык за зубами его подруга не сможет. (Да и ведь как ведут себя обыкновенно молодые особы женского пола? Только встретятся, как давай спрашивать: «А когда ты в последний раз со своим виделась?» — «А ты со своим?» И пошло-поехало, пока всех тайн друг дружке не выболтают.)

И вот предались двое любовным утехам и не заметили, как ночь пролетела, и заснул бравый юноша только под утро, в тот час, когда пастух уже выгонял свое стадо, а честная девица, которой полагалось, как и всегда, помочь отцу в этом деле, пошла к матери и попросила на сей раз подменить ее, потому что, мол, у нее в постели спит после блаженных трудов сын Мейера, пообещавший на ней жениться, если она сумеет три дня держать язык за зубами. Добрый молодец меж тем проснулся, невольно подслушал семейную беседу и весьма ей обрадовался: «Выходит, мое обещание уже недействительно, слова она не сдержала, и я попользовался ее милостями задарма». Он притворялся спящим и дождался возвращения возлюбленной. А та, закончив разговор с матерью, тихо прокралась к нему и шмыгнула в постель, нимало не подозревая о том, что он все слышал. Юноша не подал виду, что уличил ее в болтливости; напротив, изобразив так, будто только что проснулся, он потянулся к подруге и возобновил ночные занятия и забавы. Закончив же их, встал, крадучись вышел из дому и направился к себе. Но и в ближайшие дни не забывал навестить пастушью дочь, причем к полному обоюдному удовольствию.

А как раз в ту пору уговорили наконец богатого мужика женить старшего сына. Тот и женился — да не на дочери пастуха, к которой перед тем частенько похаживал и всякий раз добивался своего (из-за чего он, собственно, и не хотел на ней жениться, основательно полагая, что, уступив ему, она точно так же сможет уступить и другому — и женитьба на ней окажется довольно дурацкой сделкой), а на другой девице из той же деревни.

В день венчанья, когда жених с невестой стояли на пороге церкви, ожидая, пока их пригласят туда, чтобы благословить, перед ними внезапно предстала дочь пастуха и потребовала, чтобы ее нареченный сдержал

обещание и женился на ней, а вовсе не на другой. И после долгих препирательств, взаимных попреков и обид, причем не только со стороны бывших любовников, но и их сородичей, уговорено было, что сын богача заплатит пастушьей дочери за потерянную честь отступное.

Но вот совершилось венчанье, отшумел брачный пир, затихли песни, отыграла музыка, были соблюдены все обычаи старины — и молодых отправили в спальню. И тут молодая жена спросила у мужа, что за скандал разразился утром у церкви и в чем его причина. Добрый молодец не утаил от нее ничего и поведал, как он обошелся с дочерью пастуха и — почему он обошелся с нею именно так. Молодая (да, видать, не больно-то умная) рассмеялась и ответила: «Вот ведь дуреха! язык за зубами держать не сумела. Подумай только! Батюшкин батрак ко мне два года хаживал, да не пропустил ни единой ночи, а я никому и словечком не обмолвилась. Вот тебе только первому и рассказываю».

Услышав такое, понял сын богача, что его надули и подсунули ему пирожок с дерьмом, но сдержался, промолчал и резонно подумал, что воздано ему было по справедливости. Не женившись на благочестивой девице, берегавшей свои милости только для него, он получил в жены ту, что была уже изрядно попользована другим.

2

ПРО ТО, КАК ЖЕНА ВИНОГРАДАРЯ СКАЗАЛАСЬ МУЖУ БОЛЬНОЙ И НЕ ЗАХОТЕЛА ДЕЛИТЬ С НИМ ТРАПЕЗУ

Жил в одном эльзасском городке бедный виноградарь, жена которого была необычайно хороша собой. И поскольку не было у него ничего, кроме добываемого ежедневным тяжким трудом, в поте лица своего, считала себя красавица обездоленной и заботилась лишь о сохранении собственной привлекательной наружности, что же касается до супруга, то было ей на него в высшей степени наплевать. И вела она себя так: стоило мужу с утра удалиться на виноградник, жена тут же собирала и съедала все лучшее, что удавалось найти в доме, а мужа потчевала кашей или какой-нибудь другой грубой пищей, сама же к подобным блюдам не притрагивалась,

придумывая всякие отговорки, сказывалась больной и тому подобное.

В конце концов добрый человек сообразил, что воздухом она питаться не может и телеса ее преобильные не вечным постом наращены, и решил разобраться в том, как же она исхитряется его обманывать. И вот встал он однажды утром и сказал, что идет работать и просит жену принести ему на виноградник еду, да выбрать при этом то, чего ей не жаль. А сам спрятался в чулане, из которого ему было видно, чем занимается на кухне жена.

В восьмом часу утра поднялась она из постели, прошла на кухню, развела огонь, поставила на него сковороду, распустила сало и, по своему ежеутреннему обыкновению, приготовила себе яичницу из двенадцати яиц. Потом взяла кувшинчик, пошла с ним в погреб, вооружилась там черпаком с ситечком и принялась черпать вино из большой бочки, которую муж держал открытой, — и черпала до тех пор, пока не налила кувшинчик до самого верху. А пока она эдак орудовала в погребе, муж проскочил на кухню, разбил над сковородой еще двенадцать яиц, так что их стало ровно двадцать четыре, и опять схоронился в чулане.

Женщина вернулась из погреба и приступила к трапезе. Съев половину яичницы, она сделала добрый глоток вина и опять приступила к еде. Съела еще пару яиц — а больше в нее уже не лезло. И, сильно удивившись этому, начала она разговаривать сама с собой: «Да уж не заболела ли я? Или, может, заболеваю? Обычно то я подметаю все дочиста!»

Подобные сетования изобличали ее еще сильнее, и виноградарь решил, что настало самое времечко поучить ее уму-разуму. Найдя в чулане передник жены, он надел его на себя, как рясу, взял здоровенную суковатую палку, вышел на кухню и, обратясь к жене, молвил: «Вижу я, милая женушка, ясно вижу, как тяжело ты больна, раз уж не в силах ты даже управиться со своею всегдашней порцией. Видно, пришла тебе пора помирать. А чтобы не умереть без покаяния, послан я тебе небесами и намереваюсь выслушать твою исповедь». И с этими словами стал он ее дубасить палкой да отдубасил так, что она и впрямь чуть не лишилась жизни. Рухнула поколоченная обжора наземь и лежала не шевелясь. А добрый человек пошел на свой виноградник. И воротился в положенный час домой, и пригото-

вил себе обед, и поел, потому что не собирался по милости жены оставаться голодным.

Жена затаила обиду на мужа и твердо вознамерилась посчитаться с ним за побои и оскорбления, только что ею перенесенные. Но решила не подавать виду и вела себя с ним как ни в чем не бывало.

Какое-то время спустя пришли к ней в гости несколько соседок, и все женщины пребывали в отличном настроении и предавались различным играм и забавам. И тут сообразила она, что пришла пора отомстить мужу, и воскликнула: «Давайте-ка сыграем в прятки!» (так это называется у них в Эльзасе). Муж согласился принять участие в игре, и она подговорила его спрятаться в мешке из-под муки. Благодушный супруг, не подозревая ничего дурного, залез в мешок, будучи уверен, что придумала она здорово и там его никто не станет искать. А жена тут же завязала мешок потуже, взяла хорошую палку и уработала мужа как следует, воздав ему тем самым за понесенное ею унижение по меньшей мере сполна.

Когда же она своей мезтью натешилась и малость опаматовалась, пришло ей в голову, что муж, выбравшись из мешка, ее, конечно, убьет. Поэтому она не освободила его, а поспешила к мировому судье, рассказала ему всю историю от начала до конца, свалив, естественно, всю вину на мужа, и попросила ради всего святого спасти ее от неминуемого наказания. Мировой судья — так она попросила — должен был призвать к себе ее мужа и потребовать отказа от дальнейших издевательств.

Мировой судья, человек умный и хитрый, немало посмеялся тому, что выслушал, и послал своих помощников за виноградарем. Те застали его по-прежнему в мешке, развязали, освободили и привели к судье. Увидав здесь же свою жену, несчастный обрушился на нее с обвинениями, она же, в свой черед, изворачивалась как могла. Вдоволь наслушавшись их препирательств, судья велел им замолчать и приказал, во-первых, жене обуздать свой норов, а, во-вторых, мужу не мстить ей за нанесенные побои ни кулаками, ни плеткою, ни пинками. Виноградарю пришлось дать соответствующее обещание, после чего супруги рука об руку отправились восвояси.

И муж, почитая себя униженным и обманутым, начал размышлять, как бы ему покарать негодницу и

вместе с тем не нарушить обещания, данного им судьбе. И вот однажды играл их сосед свадьбу, и в числе приглашенных оказались и виноградарь с женою. После обильной трапезы начались танцы. И когда все уже порядочно наплясались, решил виноградарь, что пришла пора поквитаться со злой женою, пригласил ее, закружил в танце и, кружа, подвел к ступенькам, ведущим в подвал соседнего дома. И около этих ступенек обхватил жену крепче и столкнул ее вниз. Жена полетела вверх тормашками и пала на земляном полу бездыханной. А супруг ее гордо удалился домой в полной уверенности, что никто его за содеянное не осудит.

Но вот женщина пришла в себя, встала и отправилась к мировому судье, чтобы рассказать ему, как с ней обошлись минувшей ночью. Судья в душе посмеялся и решил, что ей воздали по заслугам, но по виду отнесся к делу крайне серьезно, послал за мужем и грозно спросил у него, как это он посмел ослушаться приказания. Виноградарь, внимательно выслушав обвинительную речь и уловив в ней спасительный намек, ответил: «Господин судья, вы приказали мне не мстить жене ни кулаками, ни плеткою, ни пинками. Так я и поступил и простил ей все, что она со мной вытворила, и обращался с нею учтиво и ласково, и плясал с ней прошлой ночью на свадьбе, да вот беда — не смог удержать ее, она выскользнула у меня из рук и упала. Но что же мне было делать, если она такая толстая? И почему она сама не сумела устоять на ногах? Поэтому, господин судья, я полагаю, что не заслуживаю наказания: я ведь выполнил все, что вы мне велели, а та неприятность, что приключилась с моей женой, произошла по ее собственной вине».

Выслушав эту речь, судья понял, что виноградарь сумел выкрутиться, и это пришлось ему по сердцу (иначе он сам был бы не в силах отменить неизбежное наказание), и он оправдал хитреца. Жену это чрезвычайно разобидело, но делать было нечего, и она пошла домой рука об руку с мужем, и с этих пор они хорошо друг с дружкой ладили. Потому что красавица поняла: мужа ей не перехитрить, да и на благосклонность судьи рассчитывать больше нечего. И пришлось ей отныне угождать мужу во всем.

В городке под названием Романдия жил да был портной. Однажды во время работы положил он рядом с собою надкушенное яблоко, и, как это и бывает летней порой, сочный плод мигом обсели мухи. Портного это разозлило, он взял штуку материи и хлопнул по яблоку, убив разом семь мух. Увидев, что совершил такое, простодушный портняжка возгордился и в скором времени заказал и приобрел замечательной красоты кольчугу, на которой золотыми буквами было выведено: «Одним махом семерых побивахом». Облачившись в кольчугу, портняжка прохаживался по городским улицам, и всякий, увидев его, мог подумать, что он одним ударом убил семерых людей. Поэтому портняжка внушал прохожим немалый ужас.

А правил в том краю знаменитый и премудрый король. Расхрабренный портняжка решил нанести ему визит, пришел на королевский двор, но тут его внезапно сморило, он свалился на траву и заснул. Королевская челядь нашла его спящим в траве, подивилась богатой кольчуге, прочла на ней гордую надпись и принялась гадать, что нужно сему воинственному мужу при королевском дворе в мирные дни; все решили, что перед ними великий воин, да и вообще персона немаловажная. Господа советники, также поглядев на спящего, поспешили доложить его величеству, что появился человек, могущий, настань недобрый час, оказаться государству весьма полезным.

Король порадовался такому известию и послал за отважным рыцарем, а когда тот предстал пред королевские очи, спросил у него, хочет ли он поступить к нему на службу. За этим, ответил портняжка, он сюда и явился, и если его королевскому величеству угодно воспользоваться услугами скромного воина, ему стоит только всемилостивейше приказать. Король сказал, что за этим дело не станет, и назначил рыцарю на редкость богатое содержание.

Очень скоро появление подобного героя при королевском дворе привело тамошних рыцарей в прескверное настроение. Они думали и гадали, как бы им от него избавиться, но не решались вступить с ним в открытое столкновение, потому что убивший семерых одним уда-

ром был им явно не по зубам. Картина возможной и почти неизбежной схватки рисовалась им в самых безрадостных тонах, и наконец, посоветовавшись, решили они пойти к королю все вместе и попросить отпустить их на все четыре стороны. Король отпустил их без особых раздумий.

Отпустил — но тут же и опамятовался, и жаль ему стало, что лишился он всего своего воинства из-за одного-единственного рыцаря. С превеликим удовольствием спровадил бы он этого вояку куда подальше, но издавать подобное повеление трепетал, так как разъяренный и могущественный герой запросто мог бы в таком случае убить его, и перебить всех придворных, и захватить королевство. Думал он и гадал — и наконец, после долгих мучений, придумал, как ему избавиться от победоносного рыцаря (в котором ни он, ни кто бы то ни было другой не смогли распознать обыкновенного портняжку). Он призвал рыцаря, напомнил ему о былых подвигах, о которых-де он, король, столь наслышан, и поведал о двух великанах, живущих в лесной чаще и досаждающих всему королевству убийствами, разбоем и поджогами, — и великаны эти, что один, что другой, были так непомерно сильны, что ни оружие, ни хитрость в борьбе против них не помогали, и все, дерзнувшие вступить с ними в схватку, гибли. И вот ежели удастся благородному рыцарю умертвить их, то он получит в награду королевскую дочь и полкоролевства в придачу. Надлежит же ему выступить в поход против великанов в сопровождении и при поддержке ста других доблестных рыцарей.

Портняжка был не прочь стать королевским зятем, и отвечал он королю, что никаких других рыцарей ему в поддержку не надо, он-де и сам с этими великанами за милую душу справится. Он подошел к лесу, велел рыцарям дожидаться на опушке, а сам углубился в чащу, громогласно восклицая, что великаны, мол, от него куда-то попрятались. Но после изрядных поисков наконец увидел и великанов: они спали под сенью дерева, издавая такой могучий храп, что ветви окрестных дубов ходили ходуном. Без долгих размышлений портняжка набрал за пазуху камней, залез на дерево, под которым спали великаны, и начал будить камнями одного из них. Тот вскорости проснулся и в гневе набросился на другого, спрашивая его, какого черта тот кидается камнями.

Второй великан было удивился, но затем благодушно попросил у него прощения, и оба немедленно погрузились в сон. Но тут портняжка бросил камень во второго великана. Теперь разгневался уже он — и спросил у первого, какого черта тот сам кидается. Ссора их зашла довольно далеко, но в конце концов они успокоились, помирились и уснули. И тут портняжка преобильно кинул большим камнем в первого великана. Такого тот стерпеть уже не мог и ударил своего товарища (ибо полагал, что камнями кидается именно он), а это уже пришлось невтерпеж и тому: оба грозно и гулко поднялись с земли, вырвали с корнем по здоровенному дереву и обрушились друг на друга. Вскоре они сразили одного другого насмерть и рухнули бездыханными. По счастью, дерева, на котором сидел портняжка, они не тронули.

Увидев, что приключилось, портняжка возликовал и развеселился, как никогда в жизни. Он скоренько слез с дерева, нанес каждому из убитых уже великанов по удару мечом и вышел из лесу к ожидавшим его рыцарям. Рыцари спросили портняжку, не повстречались ли ему великаны. «Повстречались, — ответил портняжка, — я убил их обоих и бросил трупы под деревом». Рыцарям показалось невероятным, что можно сразить двух великанов, не получив при этом ни царапины; они помчались в чащу, чтобы полюбоваться на такое чудо, и убедились в том, что оно и в самом деле произошло.

Как ни велико было их изумление, еще сильнее оказался испытанный ими ужас: теперь-то уж они не сомневались, что, в случае какого-нибудь недоразумения меж портняжкой и ими, герой их непременно перебьет. Портняжка изъявил меж тем притязания на королевскую дочь и на полкоролевства в придачу. Король, убедившись в том, что великаны мертвы и, значит, ему предстоит отдать любимую дочь воинственному чужестранцу, горько раскаялся в своем легкомысленном обещании и стал думать, как бы ему уклониться от его исполнения, — но не теряя при этом ни достоинства, ни чести. И сказал он портняжке, что, перед тем как жениться на королевской дочери, надлежит тому избавить страну от другого бедствия — а именно от единорога, обитающего в той же чаще и наносящего неисчислимый урон и стадам и людям. При чем единорога следовало поймать живьем.

Портняжка согласился и на это, свил он петлю и вошел в чащу, оставив свиту, как и в прошлый раз, дожидаться на опушке. Он, мол, прекрасно справится и один. И принялся он разгуливать по лесу — и вдруг увидел, что прямо на него несется единорог и намерения чудовища весьма недвусмысленны. Портняжка, однако же, не оплошал: выждав, пока единорог не оказался в двух шагах перед ним, он отступил за могучее дерево, а разъяренное животное на полном скаку врезалось рогом в древесный ствол. Рог застрял намертво, и единорог тем самым оказался пойман.

Увидев это, портняжка выступил из-за дерева, накинул единорогу на шею заранее приготовленную петлю, привязал его к дереву, вернулся на опушку и возвестил рыцарям о своей победе. Поведал он о том же и королю, который опечалился сверх всякой меры и теперь уж и вовсе не мог ума приложить, что делать дальше, потому что портняжка требовал отдать ему королевскую дочь немедленно. Но король поставил ему еще одно условие: портняжка должен был поймать обитавшего в лесу злого вепря, а после этого сразу же будет сыграна свадьба. И отправил с ним в лес сотню верных охотников.

И вновь портняжка подошел к знакомому лесу и вновь велел своим спутникам дожидаться на опушке. Чему они в немалой мере обрадовались, так как с вепрем этим встречаться им уже доводилось, и встречи были не таковы, чтобы жаждать их повторения. Охотники поблагодарили поэтому портняжку как своего избавителя. А он вступил в чащу. И сразу же на него набросился вепрь с пеной у рта и с оскаленными клыками и попытался опрокинуть его наземь. По счастью, в лесу стояла старая часовенка, в которой давно уже не отправляли службу, и портняжка находился в эти мгновенья как раз подле нее. Он опрометью ринулся в часовенку, а свирепый вепрь — за ним. Портняжка пробежал по часовенке и выскочил наружу из окна, а вепрь забираться на окно не умеет. Портняжка подбежал к наружным дверям часовни, запер их и тем самым поймал вепря. После чего вышел из лесу и возвестил о своей победе.

Охотники поехали в лес, нашли вепря в часовне, воротились в полном изумлении во дворец и доложили королю об увиденном. Сладко ли было королю выслу-

шивать подобное известие или солоно — в том мог без особых усилий разобраться каждый: ибо женитьба портняжки на королевской дочери стала делом окончательно решенным. А ведь знай король, что не рыцарь перед ним, а простой портняжка, уготовил бы он ему, вне всякого сомнения, не родную дочь, а тугую петлю. Но и выдавать дочь за победоносного чужестранца было ему ненамного радостней. Портняжке же не было до королевских чувств никакого дела: он спал и видел себя мужем принцессы и зятем государя. Свадьбу сыграли без ликования, и портняжка стал венценосной особой.

Проведя уже несколько ночей в высочайшей опочивальне, портняжка однажды начал разговаривать во сне. И сказал он следующее: «Эй, парень, подавай сюда уют да брызгай на брюки, да поживей, не то я тебя сейчас линейкой по ушам огрею!» Молодая супруга все это слышала и поведала об услышанном королю, своему отцу, попросив его удалить от нее мужа, в котором она безошибочно распознала самого обыкновенного портняжку. У короля при таком известии сердце чуть не разорвалось, потому что он, как выяснилось, выдал единственную дочь и наследницу за портного. Он утешал несчастную как мог и пообещал на следующую ночь прислать к дверям опочивальни стражей, королевна же должна была отворить им, и тогда, по высочайшему повелению, стражи проникнут в опочивальню и убьют злодея. Это сильно пришлось по вкусу новобрачной.

Но был при дворе один оруженосец, хранивший верность новому господину, и он-то как раз и подслушал неволью королевские слова. И поспешил к молодому соправителю, и открыл ему, какая ужасная уготована тому участь, и, заклиная, попросил отнестись к предупреждению с чрезвычайной серьезностью. Портняжка поблагодарил его за преданность и добавил, что ничего не боится.

Когда настала ночь, портняжка лег с молодой женой в постель и притворился спящим. А королевна тихо встала, тайком отперла дверь и скользнула обратно в постель. И тут портняжка заговорил, делая вид, что разговаривает во сне и с самим собою, — но так громко, что его слышали и те, кто толпился за дверьми: «Эй, парень, подавай сюда уют да брызгай на брюки, да поживей, не то я тебя сейчас линейкой по ушам огрею! А ведь я

одним махом семерых побивахом, я убил двух великанов, я поймал единорога и свирепого вепря, так неужто ж мне каких-то подлых убийц бояться!»

Подлые убийцы, услышав такое, бросились прочь от дверей опочивальни — да так, словно за ними гналась тысяча чертей. Ни у кого из них не хватило духу напасть на портняжку. И он оставался на троне вплоть до мирной и блаженной кончины.

4

ПРОХИНДЕЙ ПО ИМЕНИ ДОШ НЕ ПЛАТИТ ЗА ВЫПИВКУ

В памяти многих еще остался хитрец, или же попросту прохиндей и мошенник, по имени Дош. О нем можно написать немало. Вот, например, явился он однажды в трактир в Диллингене и как следует выпил, а когда вечер подошел к концу и настало время платить, обратился к хозяйке и попросил ее подождать со счетом. «Нет уж, любезный Дош, — отвечала хозяйка, — ждать я не стану. Изволь-ка рассчитаться сразу!»

Ну вот, а поскольку денег у него не было или же не было желания уплатить, а хозяйка настаивала, Дош объявил, что идет до ветру, а сам вышел из трактира и быстро зашагал прочь. Хозяйка заметила это, выбежала на улицу вслед за ним и закричала: «Эй, Дош, подожди! Нужно сперва рассчитаться!» — «Нет уж, — ответил Дош, — ждать я не стану. Ты не стала ждать, и я не стану». — «Подожди», — продолжала кричать хозяйка. «Ты слышала, женщина, — отвечал Дош, — ты не захотела подождать, и я не хочу». И пошел, под хозяйкины крики, своей дорогой.

5

ПЕСЕНКА В УПЛАТУ ЗА ВЫПИВКУ

Однажды Дошу опять захотелось выпить, а денег у него не было, и он боялся, что хозяйку трактира будет ему на этот раз не провести. Поэтому он придумал кое-что похитрее, смело вошел в трактир и заказал выпивку. Да и выпил в свое удовольствие.

Когда же вечер подошел к концу, гости один за дру-

гим начали расплачиваться, и в конце концов черед дошел и до него. Дош извинился перед хозяйкой, заявив, что у него опять, к сожалению, нет денег. Трактирщицу это ни в малой мере не удовлетворило, и она строго потребовала уплаты долга. Тогда Дош сказал ей: «А что, хозяйюшка, ежели я тебе спою песенку и она придется тебе по вкусу, простишь ты мне тогда должок или нет?» — «Ну, если споешь такую, что понравится, тогда прощу», — ответила трактирщица. Про себя же подумала: «Долго же тебе придется петь, дружок, покуда мне понравится».

Пел он, пел, а ей не нравилось. Тогда Дош достал кошелек и пропел такие слова: «Пропедай, мой кошелечек, я сейчас отдам должочек». После чего спросил у хозяйки, понравилась ли ей его последняя песенка. «Да, — ответила хозяйка, — последняя мне понравилась». — «Ну вот и хорошо, — воскликнул Дош, — раз песенка понравилась, то и должок прощен», спрятал кошелек за пазуху и пошел домой в превосходном расположении духа.

Об этом самом Доше можно было бы понаписать и не такое, да только делать этого не стоит. Ведь если рассказ о его приключениях и похождениях достигнет слуха благородных барышень, щеки их зальются краской стыда, а очи гневом, и создателю этой книги ни пользы, ни чести такие рассказы не принесут. Поэтому молчок — и точка.

А живи такой не в лучшем смысле предприимчивый человек, как Дош, в наши дни, худо бы ему пришлось. Потому что люди стали горды, себялюбивы и высокомерны, а забавные приключения мошенников и проныр никому не по нутру, все любят рассказы о подвигах и приключениях, о войнах с царями, императорами, князьями и прочими вельможными господами, а рассказы о мошенниках они называют позором и пороком. Если же среди слушателей попадаются знатные и могущественные люди, они умеют заткнуть глотку рассказчику или же прищемить ему хвост — и норовят сделать это тайком, чтобы никто не заметил их подлости. Все это сильно походит на Гефестову наковальню, на которой сам дьявол кует отравленные смертельным ядом стрелы. И сами же пересказчики, когда говорят недоброе, уподобляются этим стрелам, сильные же мира сего прибегают в ответ к мечу, петле, казематам, дыбе и тому

подобному, на что они, впрочем, имеют полное право, ибо власть дана им от Бога. Но если хоть кто-нибудь из этих господ употребит свою власть во зло и обрушится на своих бедных, но благочестивых подданных с пытками и мученьями, высосет у них кровь из жил и костный мозг из остова, — Господу Богу такое придется не по вкусу. Сильно сомневаюсь, что Бог сможет стерпеть такое на протяжении долгого времени. Но и чересчур кротким правителю быть не следует: с неправыми должно сражаться отважно и твердо и истреблять их на корню, ибо так велено Господом.

6

ПРО ДОБРОГО МОЛОДЦА И КОРОЛЕВСКУЮ ДОЧЬ

Жил некогда могущественный король, имя которого мне неизвестно, и была у него одна-единственная дочь. И дочь его была так неопишимо красива, что все, кто видел ее, почитали, что на белом свете не сыщешь никого и ничего прекраснее. Поэтому отец никак не хотел выдавать ее замуж, какие бы замечательные люди ни добивались ее руки; ему нравилось постоянно держать ее подле себя, как благородное зеркало; более того, стоило ей ненадолго с ним разлучиться, королю становилось плохо.

Но случилось так, что у юной королевны начала расти бородавка. Это опечалило ее настолько, что она слегла в постель, стала худеть и чахнуть и выглядела так плохо, что всем казалось, что она вот-вот отдаст богу душу. Король, увидев, какая беда приключилась с его любимой дочерью, сам чуть не умер от горя; он не переставая спрашивал у нее, чего ей не хватает, да кто ее обидел, да не захотелось ли ей наконец выйти замуж, потому что в последнем случае он ее немедленно выдаст за кого угодно, лишь бы она встала с постели и пришла в доброе расположение духа. Но королевна не откликнулась и на это предложение, потому что считала его неприемлемым и боялась, что над нею будут смеяться. Она лишь просила отца не горевать так сильно.

А когда король понял, что ей становится все хуже и она угасает у него на глазах, он издал указ, согласно которому тот, кто сможет рассмешить королевскую дочь, получит ее в жены. И немало нашлось на это охот-

ников, они прибывали ко двору со всякими потешными игрушками и приспособлениям, шутили и острили напропалую, но все их усилия оставались бесплодными. И вот появился во дворце красивый юноша, переодетый в женское платье и обладающий всевозможными женскими умениями, как-то: прясть, шить, вязать и вышивать гладью, равно как и играть на арфе, скрипке, свирели и многих других изящных инструментах, а также и петь. Его привели в покои к королевне, и он сыграл ей на арфе. Королевскую дочь его музыка немного утешила, и она попросила юношу остаться с ней в спальне. Разумеется, она, как и все, принимала его за барышню. Красавчик принял приглашение и решил, что дела его идут на лад.

В скором времени новая фрейлина так полюбилась принцессе, что она пригласила ее не уходить и на ночь; когда же королевскую дочь начинала мучить бессонница, слух ее услаждали арфа и лютня. И все-таки принцесса ни разу не рассмеялась, как ни старался добрый молодец развеселить ее, а как именно он старался, сие мне неизвестно. И вот однажды, лежа подле принцессы, он спросил у нее, в чем причина ее неизбывной печали.

«Ах, — отвечала принцесса, — я никому на свете этого не открыла, даже отцу родному не открыла. Но от тебя, моя милая подружка, я ничего скрывать не стану. Узнай же, что несколько недель назад у меня на теле выскочила бородавка. И боюсь я, что она принесет мне беду, и вместе с тем понимаю, что это Господня кара, которой я, увы, более чем заслуживаю. Потому что отец мой не хотел выдавать меня замуж ни за кого, как бы достойны ни были люди, добивавшиеся моей руки; ему нравилось все время держать меня подле себя, как благородное зеркало. И я убеждена: потому-то Господь и наслал на меня эту кару. И хотя сейчас отец уже сам стремится выдать меня замуж, я ни за кого не пойду, потому что, найдя бородавку, любой человек начнет презирать меня и дурно со мной обращаться». И, вымолвив такое, принцесса жалобно заплакала.

Добрый молодец, продолжая выдавать себя за добрую девицу, принялся утешать королеву как умел и попросил у нее разрешения потрогать бородавку. Принцесса взяла его руку в свою и приложила к собственному телу. В душе добрый юноша не мог не рассмеяться, потому что столь большие волнения были вызваны

столь ничтожной причиной. Но, решил он, настало самое время признаться принцессе в том, что покуда было от нее сокрыто. Он сказал ей, что только глупец мог бы осудить или презреть ее по такому жалкому поводу, что бородавка ее ничуть не портит и что лишь человек, сам покрытый бородавками с головы до ног, мог бы посмеяться над этою, к тому же одной-единственной. И, чтобы окончательно убедить принцессу, взял ее руку в свою и предложил удостовериться в том, что его собственная бородавка куда больше принцессинной. И ему было что показать.

И тут принцесса расхохоталась, поняв, что перед ней мужчина. Ее изумило и позабавило то, что ему удалось так долго изображать из себя барышню у них при дворе и даже у нее в постели, — и от этого она принялась смеяться все пуще и пуще, и звук ее смеха достиг покоев, где ночевали фрейлины. Юноша же, не медля ни мгновенья, вскочил с постели, бросился к королю и торжественно объявил ему, что принцесса рассмеялась. Король не мог или не хотел нарушить данной им клятвы и выдал за доброго молодца свою дочь. Принцессе это пришлось по вкусу, и счастливая чета жила долго в полном согласии друг с дружкой.

7

ПРО ОБНАЖЕННУЮ В АУГСБУРГЕ

В Аугсбурге однажды устроили танцы, и собралось на них, по своему всегдашнему обыкновению, множество девиц. И не знаю, как оно там и почему получилось, только две из них чего-то промеж собой не поделили, повздорили да и разодрались в пух и прах, и все кругом то ли мирить их кинулись, то ли разнимать, то ли одной из сторон подсоблять, — только началась всеобщая и несусветная драка. Девицы же, зачинщицы беспорядков, обратились в бегство, вполне справедливо полагая, что в такой суматохе их и жизни запросто лишить могут. И спрятались в соседнем доме и никак не хотели выходить наружу, потому что драка кипела прямо у дверей. Поэтому к окнам второго этажа приставили лестницы, чтобы девицы могли выбраться наружу.

И одна из них так и решила поступить. Но не знаю

уж как, только недоглядела; платье ее зацепилось за гвоздь, и сама она, высунувшись из окна, повисла на этом гвозде совершенно обнаженной. Тут же собрались несметные толпы народу, всем охота была посмотреть на такое диво. Да и смеху, конечно, было порядочно. Так и провисела она на гвозде, пока не окончилась драка у входа. А потом какой-то добрый молодец взобрался по лестнице, освободил девицу, отцепив ее, и тайком отвел к ней домой.

Вот уж, побьюсь об заклад, готова она была сквозь землю провалиться или даже попасть туда, где раки зимуют, — только бы не висеть эдак при всем честном народе всем на посмеище. Поэтому, любезные девицы, будьте крайне осторожны.

8

ПРО ТО, КАК ГОСПОЖА АГНЕССА ВЕЛИТ ПРИВЕСТИ К СЕБЕ ДОБРОГО МОЛОДЦА, ПОЗАРЯСЬ НА ТО, ЧТО ОНА ПРИНИМАЕТ ЗА ЧУДО ПРИРОДЫ

Молодой человек, одетый хуже некуда, зашел на постоялый двор, на котором остановилась одна благородная вдова; а какие у нее там были дела, мне неизвестно. Вдова возлежала на скамье, поставленной прямо в харчевне, а молодой человек сел совсем неподалеку. Не знаю уж, что ему пришло на ум или еще куда-нибудь, только сердце у него, как говорится, в штаны ушло и забилося там так, что кое-что выскочило из прорехи наружу. Вдова обратила внимание на эту диковину даже раньше, чем сам юноша; он же, устыдясь, вернул беглеца на место. Но не тут-то было! Стоило ему заткнуть эту диковину в одну дыру, как срамное зрелище представало из другой. Вдове стало весело, и она решила, что такому товару грех зря пропадать.

И когда миновал вечер, и настала ночь, и все пошли спать, благородная вдова послала за юношей одну из своих служанок с наказом незамедлительно привести его к ней, так как ей, мол, надо с ним срочно кое-что обсудить. Добрый молодец порадовался такому предложению, потому как сено к лошади ходит далеко не каждый день, вскочил со своей лежанки и пошел в комнату к вдове. Дождавшись его, она велела всем прочим выйти, а юношу любезно попросила подсесть к ней на

ложе. Дорый молодец, отлично понимая, зачем его звали и что ему надобно делать, принялся забавляться с нею, чем доставил ей немалое удовольствие.

В ходе полуночной беседы вдова призналась юноше, что еще за ужином заметила у него одну диковину, а точней — две диковины, и осведомилась, знает ли он кого-нибудь еще, одаренного природою столь же щедро. «Нет, — ответил добрый молодец, — я один такой; это мне особенная Божья милость». Вдова поверила его словам, и тут же ей захотелось вслед за первой диковиной испытать и вторую. И добрый молодец, проскакавший на своем жеребце уже немало миль, вновь взнуздал его и поскакал навстречу рассвету.

Не знаю уж, какова была та скачка, но благородной вдове она настолько пришлась по вкусу, что ей не захотелось расставаться с наездником. И несколько недель она держала его у себя в стойле, купила ему новую сбрую и оставила бы навсегда при себе, будь такое ему по нраву или же по силам. Но еженощная неистовая скачка оказалась для юноши чересчур изнурительна, и держать его при себе против его воли было бы оскорбительно для достоинства дамы. Так или иначе, через несколько дней он попросил вольную и был с явной неохотой отпущен.

Дай вам бог, молодые люди, проводить ночи в нехудших занятиях, чем то, что описано выше. Аминь!

9

ПРО ДОЛГ ЗА ВЫПИВКУ СРОКОМ В СОРОК ТЫСЯЧ ЛЕТ

Два приятеля зашли в трактир, где им доводилось бывать и раньше, и принялись пить и веселиться. А когда подали счет, они сказали трактирщику следующее: «Господин трактирщик, вам, должно быть, известно, что мир наш, по рассказам, существует сорок тысяч лет. И после гибели нашего мира возникнет новый — и тоже на сорок тысяч лет, — и там мы все вновь окажемся и повстречаемся друг с дружкой. Ведь именно так заведено испокон веков. А поскольку у нас сейчас нет с собой потребной суммы, мы просим вас подождать до помянутого срока. Через сорок тысяч лет мы придем к вам вновь, как следует выпьем и заплатим по обоим счетам сразу — по сегодняшнему и по тогдаш-

нему. Поэтому запишите-ка наш сегодняшний долг и напомните нам о нем через сорок тысяч лет. А за нами дело не станет!»

Но и трактирщик был изрядным пройдохой, и такие шутки с ним не проходили. И на этот раз он тотчас же сообразил что к чему и ответил приятелям так: «Это верно, милостивые государи, что мир наш существует сорок тысяч лет, а еще через сорок тысяч лет возникнет вновь и мы там непременно повстречаемся. Но ведь так заведено испокон веков — и, значит, так бывало и раньше. И поскольку вы оба уже приходили сюда сорок тысяч лет назад, и тоже пили, и не уплатили по счету, то извольте-ка немедленно расплатиться и по сегодняшнему счету и по тогдашнему!» И поскольку денег они не платили, он сорвал с приятелей их кафтаны.

Что было делать добрым молодцам? Или платить по обоим счетам, или идти домой в одних рубахах. И пришлось им заплатить по двойному счету. После чего они отправились восвояси и зареклись впредь шутить с трактирщиками эдак. Не зря сказано: посеешь ветер — пожнешь бурю.

10

ПРО ЖЕНЩИНУ, ХОРОШО ОБРАЩАВШУЮСЯ СО СВОИМ МУЖЕМ

Одна женщина обращалась со своим мужем на редкость хорошо, говорила ему только лестные слова и утверждала, что без раздумий отдаст за него даже собственную жизнь.

И муж ее однажды задумался: «Как хорошо относится ко мне моя супруга! Если у меня какие-нибудь неприятности, она плачет; если случается что-нибудь удачное, она смеется, а сверх того, она утверждает, что и жизнь за меня отдать готова. Хорошо бы только узнать, искренне ли она все это делает». И взял он петуха, оципал его заживо, оставив перья только на голове и на хвосте — и петух стал выглядеть самым устрашающим образом. После этого муж лег в постель и притворился умирающим, а петуха пустил бегать по комнате.

Жена зашла в спальню, петуха сперва не заметила, а обратила внимание только на умирающего мужа и принялась его утешать, и плакать, и рыдать, и говорить, что готова отдать за него собственную жизнь. И, только

вымолвив последнее, увидела петуха — и ужасно перепугалась, решив, что это явилась за нею сама накликающая ею смерть. И стала показывать пальцем на мужа и кричать: «Да вот же он! да вот же он!» Этим она хотела подсказать смерти, чтобы та не ошиблась и не забрала ее самое.

Такой поступок жены раскрыл мужу глаза на ее подлинное к нему отношение, и понял он, что она лгала и притворялась и зря похвалялась перед ним своей преданностью, — и встал с постели, решив впредь ни единому ее слову не верить.

Шавки воют,
Бабы плачут —
Ничего их
Плач не значит.

Потому что верящий собачьему вою и женскому плачу, да еще, пожалуй, клятвенным заверениям уличных торговцев в том, что их товар выше всех похвал, не может считаться умным человеком. В особенности же это относится к тем, кто доверяет женщинам.

Nere, flere et nihil tacere
Tria sunt in muliere¹.

¹ Строить козни, плакать и не хранить секретов — // Вот три (свойства), присущие женщине (лат.).

ВТОРАЯ ЧАСТЬ "ОБЩЕСТВА В САДУ"

В этой книжице вы найдете немало изящных, веселых, забавных и уморительных историй, прочесть какие будет в равной мере занятно и на лугу и в гостиной

Писано и отдано в печать
МАРТИНОМ МОНТАНОМ
ок. 1560 года.

Печатано в Страсбурге
Паулем Мессершмидтом

1

ЛИС И БЕЛОЧКА ОБМАНЫВАЮТ ДРУГ ДРУЖКУ

Никогда не нужно верить лжецам, они вас непременно обманут! Об этом и наш рассказ.

Белочка прыгала с ветки на ветку, с дерева на дерево, а внизу стоял лис, и потешался над нею, и приговаривал: «Экую ты строишь из себя важную персону. А папаша был твой не таков, да и прыгал тоже не так. Он сперва зажмурился, а потом прыгал вслепую». — «Да и я так сумею», — ответила белочка. Зажмурилась, прыгнула — и конечно же промахнулась. Упала наземь, а лис тут же схватил ее и изготовился съесть.

Поняв, что попала впросак и что ждет ее теперь неминуемая гибель, белочка раскаялась в том, что поддалась на лисью хитрость, но тут ей и самой пришлось кое-что на ум, и она сказала: «Но и ты, почтенный лис, ведешь себя не так, как твой батюшка. Родитель твой, бывало, если ему доводилось кого-нибудь поймать, тут же приносил хвалу Господу, а ты хочешь съесть меня, не поблагодарив заранее небеса». — «Да

что там, — ответил лис, — раз отец мой так поступал, то и я от него не отстану». Отпустил белочку, сел на задние лапы и начал произносить благодарственную молитву. А белочка, пока он молился, опять взобралась на дерево и принялась смеяться над лисом, обзывая его простаком и тупицей. Обманутый лис и сам устыдился собственной глупости и поклялся себе в следующий раз, когда ему удастся кого-нибудь поймать, сперва съесть добычу, а потом уж благодарить за нее Творца.

Многие почитают себя большими хитрецами — а те, кто кажется им простодушным и глупым, их иной раз вокруг пальца обводят. Так было и с этим лисом. Поэтому каждый, кого пытаются обмануть, должен стремиться отвечать на обман и хитрость хитростью и обманом. Конечно, если у него такое получится.

2

ПРО ТО, КАК ЗАЯЦ ПРОГНАЛ ДЕВЯТЕРЫХ БАВАРЦЕВ

Баварцы — народ отчаянный и бесстрашный. Девятеро баварцев бегут сломя голову от одного-единственного зайца.

Жил-был однажды, а верней сказать, не жил и не был, а бегал по баварской земле один заяц, наносивший добрым людям, по их разумению, великий ущерб, и все ж таки у них не хватало духу выступить против него поодиночке или даже вдвоем, потому что казалось им, огромное отвратительное длинноухое чудовище их непременно сожрет. И вот собрались однажды девятеро баварцев, вооружились длинной пикой и, пугливо озираясь по сторонам, вышли в поле, по которому бегал заяц. И взяли пику в восемнадцать рук и выстроились в затылок друг дружке. А к тому времени заяц уже недурно изучил отважный нрав баварцев и убегать от них, понятно, не собирался: он сидел в траве и дерзко смотрел на приближающихся супостатов.

И вот стоят баварцы при оружии супротив бедного зайца, а подойти к нему страшно. Наконец тот, что стоял самым последним, заговорил: «Попался, ушастый! Сейчас тебе смерть придет!» А тот, что стоял первым, осерчал на товарища за такие слова и сказал: «Ах ты, собачий уд! Стой ты на моем месте, ты бы так не выражал-

ся!» Отпустил он пику и бросился бежать. Глядь, и все остальные за ним вдогонку пустились. А зайца пусть травит кто-нибудь другой.

Все в точности так и было, если кому-нибудь угодно в это поверить. А если нет, клятву на Библии я принести не стану.

3

ПОСТОЯЛЕЦ ПРОСИТ ТРАКТИРЩИКА НАРЕЗАТЬ МЯСО

Пришел в трактир посетитель самого изысканного вида. И хозяйка подала ему мясо — да только не филейную вырезку, а здоровенную кость. Увидев, что за кушанье ему предложено, гость засунул обе руки за пазуху, изобразив из себя паралитика или калеку, подозвал к себе трактирщика и попросил его нарезать мясо. Так, мол, я слаб, что мне самому с этим никак не справиться.

Трактирщик был рад услужить гостю, да только сразу же убедился в том, что на тарелке не мясо, а кость, и сказал: «Вот почему, сударь мой, вам с этим делом не справиться». И принес ему отменного жаркого и доброго вина и угостил за свой счет.

4

ПРО ТО, КАК НЕВЕСТА ПУСТИЛА ВЕТРЫ В ПОСТЕЛИ

Сыграли в одном доме свадьбу. А ночью легли молодые в постель и провели там уже изрядное время — и тут новобрачная (не в обиду ей будь сказано) пустила ветры, ах ты Господи, и сама же перепугалась. Надеясь, однако же, что муж, может быть, ничего не услышал, она приподняла одеяло и легонько помахала им, выпуская запах наружу, чтобы муж ничего не почувствовал.

А молодой супруг, только притворявшийся спящим, но прекрасно все слышавший, издал в ответ звук куда более мощный и длительный и сказал своей нежной жене: «Милая, если тебе нравится работать привратником, то выпусти из постели, пожалуйста, и его!» Добрая женщина чрезвычайно устыдилась и зареклась на будущее от подобной несдержанности.

Жил некогда изрядный хитрец, или же пройдоха, по имени Дош, о котором я уже немало понаписал в книжице под названием «Дружок в дорожку». И завел он приятеля себе под стать и сказал ему: «Я пойду с удочкой на рыбалку. А удить буду у водопоя, где мужики поят своих коней. Конюхи подойдут ко мне, а ты украдешь у них коня — и скачи домой».

Приятель послушался Доша и пошел к лошадям на водопой. А Дош, как сказано, пошел с удочкою туда же, да сел чуть в сторонке. Конюхи подошли к нему да и говорят: «Эй, любезный Дош, объясни-ка нам, что можно поймать на водопое?» — «Ну, если я ничего не поймаю, — ответил им Дош, — так, поди, кто-нибудь другой поймает». И потешал их шутками да прибаутками, пока его сообщник не управился со своим делом.

ПО МНЕНИЮ ГРАФИНИ, БЕДНЫМ ЛЮДЯМ, ЧТОБЫ НЕ УМЕРЕТЬ
С ГОЛОДУ, НУЖНО ЕСТЬ ХЛЕБ И СЫР

Случился в одном краю великий голод, съестное стало безбожно дорого, и добрые, но бедные люди начали умирать один за другим. И в беспомощном своем положении воззвали они к графине, правившей в тамошних местах. Выбрали старейших и послали их к повелительнице с просьбой о помощи.

И вот пришли они на графский двор, и рассказали, в какой нужде живет весь народ, и попросили смилостивиться над ним. А графиня и отвечает: «Что за бестолковые люди! Помирают, видите ли, с голоду! Да я бы, чем помирать, лучше бы хлеба с сыром поела!» Ибо полагала графиня, что такую пищей, как хлеб и сыр, простые люди брезгуют.

ПРО ТО, КАК ОТШЕЛЬНИК ПРЕДСТАВИЛ СЕБЕ, БУДТО
ОН ОБЗАВЕЛСЯ ЖЕНОЙ И ДЕТЬМИ

Добрый старый отшельник жил в лесу, но ежедневно ходил в город, и каждый раз ему дарили там меру меда. И весь свой мед он хранил в сосуде, подвешенном на веревке над кроватью.

И вот однажды лежал он в постели, не спал, играл своим старческим посохом и разговаривал сам с собою: «Я скопил уже много меду: никак не меньше пяти фунтов. Ежели за каждый фунт меду мне заплатят по гультену, то я его, пожалуй, продам. А на вырученные деньги куплю овец, и через год у них родятся ягнята. А потом я все стадо продам, и на вырученные деньги приманю красивую бабу, и начну коротать с ней времечко. И эта баба родит мне прекрасного сына. И сына я буду воспитывать в строгости и в уважении, а ежели он вырастет послушником, я его жестоко-прежесточно изобью. Вот так! вот так!» И с этими словами разбил посохом сосуд с медом. И мечты свои разбил тоже.

8

БОГАЧ ВЕЛИТ БЕДНЯКУ ВОРОВАТЬ И СТАНОВИТСЯ
ЖЕРТВОЮ ВОРОВСТВА

Задолжал один бедняк богачу и, по бедности своей, не смог расплатиться. И попросил он поэтому простить ему долг. А богач ответил: «Вот уж нет! Изволь заплатить. Ищи где хочешь». — «О Господи, — воскликнул бедняк, — да где ж мне найти? Просто ума не приложу». — «Да о чем разговор, — говорит богач, — укради где-нибудь, да и ладно!»

Услыхал бедняк такой совет, призадумался над ним и пошел домой. А ночью взял лестницу, приставил к амбару богача, которому был должен, и начал понемногу перетаскивать к себе зерно. И так продолжалось из ночи в ночь. Но однажды его поймали, связали и потащили к судье. Богач пожаловался, что его обкрадывают, а бедняк начал оправдываться тем, что сам богач подбил его на воровство, а он, дескать, не знал другого места, где можно стащить, кроме как этот самый амбар. Услыхав такое, господа судьи вынесли справедливое решение, согласно которому богач должен был собственноручно перетащить все украденное зерно из бедняцкого амбара в свой. Причем брать каждый раз понемножку, как поступал бедняк. А когда все зерно будет ссыпано обратно, богач и бедняк окажутся в расчете и ни о каком долге речь впредь не пойдет. Такое решение осчастливило бедняка, богач же был вынужден ему волей-неволей подчиниться. Так ему был преподан урок не подбивать никого на кражу.

МУЖИК ГОВОРИТ ЖЕНЕ, ЧТО ХЛЕБ, СМАЛЬЦ И САЛО
ДЛЯ НЕГО — СУЩАЯ ПОГИБЕЛЬ

У одного мужика была жена, кормившая его явно не лучшим образом. Куда больше ей нравилось угощать всяких лихих молодцов. И вот однажды пошел мужик в лес по дрова и вернулся домой поздним вечером страшно голодный. А жена его, и так-то стряпуха невеликая, припасла для него только кусок хлеба с салом. Мужик с удовольствием умял все до крошки, а после этого возьми да и скажи: «Ах, милая женушка, смотри не давай мне больше никогда ни хлеба, ни сала, ни смальца тоже не давай, потому что они для меня — сущая погибель».

«Ах ты Господи, — подумала неверная жена. — Да если бы ты и в самом деле помер, ужо мы с попом без опаски бы побаловались». И начала кормить мужа лучшим салом и смальцем и хлеба к нему давала вдоволь. И скоро мужик раздобрел и стал куда здоровее, чем раньше. Жена же, поняв, что хлеб с салом идут ему только впрок, перестала этак потчевать мужа и начала задумываться над тем, как бы ей с попом его иным способом перехитрить.

10

ПРО ТО, КАК ЖЕНУ НЕ ПУСКАЛИ НОЧЬЮ ДОМОЙ

Жил один богач в городе, название которого здесь нет нужды упоминать. И была у него замечательная красавица в женах, и он безумно ревновал ее и только и думал, как бы ему ее тайком извести, да только не находил к этому ни малейшего повода. Даже если бы, узнав о его тайных желаниях, спросили бы у него, чего ему так неймется, он не смог бы назвать какой-нибудь разумной причины. Лишь супруга его все понимала и очень от этого страдала — и далеко не сразу решила она подыскать себе любовника. А как решила — так тут же объявился некий достаточно красивый юноша, и принялась она жить с ним в свое удовольствие, чтобы слепая мужняя ревность не пропадала зря. А муж ее — и она об этом прекрасно знала — попивал, и она не только не осуждала его за это, но, напротив, всячески подбадривала и подзуживала. И когда он к ночи возвращался

домой уже изрядно пьяным, сама же наливала ему еще, чтобы он налакался как свинья. А после этого ложилась с ним в постель, дожидалась, пока он не заснет, и уходила к любовнику, а то, бывало, и пускала его к себе в дом.

Так продолжалось довольно долгое время, но вот наконец ее муж начал замечать что-то неладное: он пьет, жена призывает его пить еще больше, а сама между тем ни капли в рот не берет. И вот однажды воротился он домой совершенно трезвым, делая, однако, вид, что пьян даже сильнее, чем всегда. Жена тут же бросилась его угощать, но он отказался от выпивки, пролепетал, что с него на сегодня хватит и пусть-ка она лучше уложит его в постель. Жена с радостью повела его в постель. А когда решила, что он уже спит без задних ног, встала и отправилась к любовнику. Но как только муж понял, что его примерная женушка ушла из дому, он вскочил с постели и тщательно запер все двери, чтобы она не смогла вернуться без его ведома и таким образом выплыло бы наружу, во сколько она вернется домой.

Где-то после полуночи жена воротилась и хотела было прокрасться в дом. Ах ты Господи, все двери оказались заперты! Как тут было не испугаться госпоже Агнессе — все ее проделки выплыли на свет божий! Она принялась давить на дверь в надежде открыть ее, но та не поддавалась. Поэтому пришлось ей кликнуть мужа и попросить его отпереть. Она-де была в гостях у соседки и засиделась там за прялкой. «Любезная сударыня, — ответил ей муж, — мы с вами не знакомы. Поэтому ступайте своей дорогой! Ступайте туда, откуда вы пришли. Я никого не пущу ночью в дом, и уж тем более — неизвестную, ведь порядочные женщины в такой час по улице не шляются».

В таких объяснениях и препирательствах скоротали они примерно часок, и женщине все это порядочно надоело, и она в сердцах воскликнула: «Ладно, муженек, раз уж ты не хочешь мне отпереть — пеняй на себя! Знай, что я сейчас немедленно брошусь в колодец и утоплюсь. А все решат, что это ты, по своему обыкновению нализавшись, меня убил и утопил тело в колодце. Тебя арестуют и как злодея обезглавят — или же тебе придется, бросив все добро, удариться в бега». — «Милая женушка, — ответил муж, — утопись, сделай милость.

Тогда я завтра же с легкой душой женюсь снова. Уж ни слезинки по тебе не пролью, поверь! Иди же топись! Почему ты еще не утопилась? Почему не идешь топиться? Чего ждешь?»

И в таком примерно роде он разглагольствовал так долго, что женщина этого больше терпеть не могла. Она взяла большой камень, подошла к колодцу и воскликнула: «Господи, помилуй мою грешную душу! Прости меня, Господи!» И с этими словами бросила камень в глубину колодца — и поднялся такой шум и плеск, что муж конечно же поверил, будто в колодец бросилась его жена. Он страшно перепугался, выбежал из дому и помчался к колодцу, чтобы вытащить оттуда утопленную. А хитрая баба спряталась меж тем неподалеку от входа в дом и, как только муж выскочил наружу, скользнула вовнутрь, заперла за собою дверь и заставила одураченного супруга томиться на улице, да еще подбежала к окну, чтобы этим зрелищем насладиться.

Закончив безуспешные поиски тела госпожи Агнессы в колодце, муж ее пошел домой и с удивлением обнаружил, что дверь заперта. И так обошлась с ним его собственная жена в отместку за то, что он надумал сделать с нею! Он попросил ее отпереть. «Вот как, — отвечала ему госпожа Агнесса. — Еще чего захотел! Да ты, жалкий пьяный осел, попадешь ко мне в дом и в мои объятия не раньше, чем я объявлю и докажу всем твоим друзьям, кто ты на самом деле такой и в какой час ты по улице шляешься. Ах ты, негодяй, или я для тебя недостаточно хороша, чтобы исполнять со мной супружеский долг? Мне-то почему-то кажется, что все у меня на месте и ничуть не хуже, чем у других женщин. Совсем недавно зашла я на часок в мужской монастырь — и поверь, никто из монахов мною не побрезговал и никто не остался недоволен, только мне самой было как-то мало. А уж ты-то!»

Подобное признание привело ее мужа в такое бешенство, что он заорал на нее дурным голосом и принялся поносить ее так, что соседи повысыпали из домов с расспросами о том, что стряслось, да что за шум глубокой ночью, и почему он не идет домой, да в женину постельку. Плача, красавица отвечала им из окна: «Милые мои друзья и соседи! Этот жалкий, трусливый и злой человек является домой посреди ночи и совершенно пьяный. Долго терпела я и долго ему пеняла, но ничего не помо-

гало, — да он и в мыслях не держал перемениться и исправиться. Поэтому нынче ночью решила я обречь его на позор и не впустила в дом, чтобы он, оказавшись на улице, понял наконец, как он мерзок, и покончил со своим беспробудным пьянством». Добрый глупый обманутый муж хотел было в свою очередь рассказать, что же на самом деле произошло, но жена прервала его на полуслове, воскликнув: «Любезные друзья мои! сами удостоверьтесь, что он за негодяй! Да и кому другому пришло бы такое в голову! Представьте только себе, что я и в самом деле оказалась бы выброшена на улицу в столь поздний час. Да надо мною первый же прохожий надругался бы! А этот паскудник является за полночь от своей потаскушки и требует, чтобы я его впустила. А если б впустила — он бы меня, наверно, еще и прибил!»

Выслушав речь жены, соседи согласились, что она совершенно права, и принялись сами бранить ее доброго супруга на чем свет стоит. Молва полетела из уст в уста, из дома в дом и вскорости достигла слуха сородичей госпожи Агнессы. Они примчались на место происшествия, нашли богача на улице и исколошматили его так, что живого места на нем не осталось. После чего вошли в дом, забрали Агнессу со всем ее скарбом и увели с собой, а мужу пригрозили, если он не отвяжется, его прикончить. То-то было сраму, когда у него забрали красавицу жену да заставили его вдобавок самолично вести хозяйство. Пришлось ему собрать сородичей и друзей и послать их с депутацией к жене: пусть, мол, она только вернется, а ревновать он больше не станет. Жена поддалась на такие уговоры. И стали они жить да поживать, и продолжала она гулять, да только прекратил он ревновать, потому что ревность выходит себе дороже.

11

ПРО ТО, КАК ЗАХВАТИЛИ ГОРОД, ИЗ КОТОРОГО ЖЕНЩИНЫ ВЫНЕСЛИ МУЖЕЙ И ДЕТЕЙ

В исторической хронике читаем про то, как один город, названия которого я не запомнил, был после долгой осады взят штурмом. А предводитель воинства, захватившего город, был настолько разгневан долгим сопротивлением осажденных, что решил сжечь город дотла вместе со всеми его обитателями, разрешив только жен-

щинам спастись бегством, прихватив с собою все, что они смогут унести. Ах ты Господи, как жалко стало добрым женщинам лишаться мужей и детей, обреченных к тому же на ужасную смерть в огненных муках! Поэтому собрались они на совет и порешили, что каждая из них вынесет на себе из города мужа и детей. Так и сделали: каждая посадила мужа себе на загривок, взяла детей под мышку — и в столь горестном виде они покинули город. И далее в хронике повествуется о том, что, увидев подобное зрелище, вражеский полководец изумился и растрогался — и подарил жизнь всем горожанам, и даже отказался от намерения сжечь город.

Вот вам выдающийся пример человеческой и женской добродетели, проявленной женами по отношению к своим мужьям. А чего же они этим добились? А добились они этим не только того, что им всем сохранили жизнь, но и все их имущество осталось в целости и сохранности. Замечательный пример, из которого все женщины могут извлечь урок того, как вознаграждается супружеская верность.

12

В ОТВЕТ НА ВОПРОС О ТОМ, ПОЧЕМУ ВОЛКИ ЗАДИРАЮТ ОВЕЦ,
А ПОПЫ ГОНЯЮТСЯ ЗА ЮБКАМИ

Захворал один пастух, да так, что собрался помирать, и послал поэтому за священником, чтобы тот проводил его в последний путь как положено. Священник, придя к нему, первым делом осведомился, сделал ли пастух завещание и отписал ли он что-нибудь в пользу малоимущих и церкви. Больной ответил, что составил завещание на мужицкий и пастушеский лад, а именно — отписал своих овец волкам, свою жену — попу, а свою верхнюю одежду — деревьям из живой ограды. На вопрос священника, в чем смысл такого не по форме составленного и никуда не годного завещания, пастух ответил, что смысл его, во-первых, в том, что волки у него ни одной овцы задрать не смогли, пусть же теперь потешатся и сожрут их всех. Во-вторых, сказал он, как вы сами, господин священник, превосходно знаете, стоит мне уйти со стадом на луга, особенно — в ночное, как вы начинаете печься о моей женошке — и печетесь так заботливо, что даже не раз и не два ложились с нею

в постель, а что там у вас было, о том вам самому лучше знать. Поэтому я и отказал вам в завещании мою жену. А в-третьих, продолжил он, я распорядился повесить мою верхнюю одежду на деревья из живой ограды, потому что в их тени я частенько находил спасение от дневного зноя, а их, бедных, никто от него не защищал. Разумеется, после смерти пастуха никто и не вздумал выполнять такую дурацкую последнюю волю. Из чего следует, что овцы созданы не для того, чтобы их жрали волки, мужние жены — не для того, чтобы с ними спали попы, а верхняя одежда — не для того, чтобы развешивать ее на деревьях. И все эти запреты сохранили полную силу до наших дней, разве что попы и мужние жеңы их нарушают, да тут уж ничего не попишешь.

КНИЖИЦА ДЛЯ ОТДОХНОВЕНИЯ,

содержащая смешные, веселые и забавные басни и побасенки,
однако же подлинные, как сама правда, записанные и
расположенные таким образом, чтобы их удобно
было читать или слушать в часы отдохновения
и досуга

<Писано

МИХАЭЛЕМ ЛИНДЕНЕРОМ>

1558

1

О ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕРЕ И О НИЩЕМ СТУДЕНТЕ

Жил в одном знаменитом городе золотых дел мастер (в каком именно, я вам не скажу, не то может пострадать доброе имя одной славной женщины). А жена у него была молода и неописуемо хороша собой. Но не много приносила радости золотых дел мастеру красота его супруги, да и не много чести, потому что красавица питала куда более пылкие чувства к знакомым, а то и вовсе едва знакомым мужчинам, чем к собственному мужу и повелителю. Что, впрочем, среди особ прекрасного пола представляет собою скорее правило, нежели исключение. Ну, об этом я долго распространяться не буду, потому что предмет женской верности взрывоопасен для того, кто его касается. Золотых дел мастер многое подозревал, да и кое-что слышал, но достоверных доказательств супружеской измены получить никак не мог, чему, правда, тоже не стоит удивляться. Муж всегда узнает последним то, что давно уже знают все вокруг, да еще вдобавок со вкусом обсуждают такого свойства

сведения и передают друг дружке. И не раз задумывался золотых дел мастер над тем, как бы ему вывести красотку жену на чистую воду и уличить ее в порядочных плутнях. И вот однажды сидит он в своей мастерской, расположенной далеко от дома, и видит некоего школяра, или же студента, а тот просит подать ему Бога ради, чтобы он смог подкрепить силы и с честью продолжить странствия. Студент был строен и хорош собой, и золотых дел мастеру сразу же пришло в голову, что с его помощью можно, пожалуй, попробовать уличить жену в неверности, а затем уж и жестоко отомстить ей за это. И ответил он студенту так: «Нет у меня здесь в мастерской ни гроша, но если, добрый и милый юноша, ты последуешь моему совету, я укажу тебе место, где ты сможешь скоротать времечко и получить свое удовольствие с пригожей бабенкой, да еще и денег тебе за это отсыпят. Но смотри не проговорись, что действуешь по моей указке». Студент, которому сильно пришлось по вкусу предстоящая забава, пообещал золотых дел мастеру ни в коем случае не выдавать его. Пусть, мол, тот только покажет ему, куда идти. Показал ему золотых дел мастер дорогу к своему собственному дому и посоветовал: «Заходи смело, но обращайся с хозяйкой учтиво — и ты быстро добьешься того, за чем идешь. Только про меня ни слова!» И с этими словами простился с молодым человеком, вернулся в мастерскую и сел за работу. А голодный студент постучался в дверь указанного ему дома — и гляди-ка, ему сразу открыли. А как только жена золотых дел мастера увидала, как красив и статен посетитель, вспылала она, прямо с порога, к нему любовью и повела себя — и словами и делами — соответствующим образом, а именно как женщина, сгорающая от страсти. Ее волнение не укрылось от глаз студента, вспомнил он речи своего советчика, понял, что тот ему ничуть не соврал, — и как ему было при этом сообразить, что сам муж послал его к своей собственной жене? Ничуть он не оробел и не растерялся, выказал с предельным пылом подобающие знаки внимания и любви — и недолгое время спустя, подкрепив предварительно силы отменной едой и напитками, вознамерились они сличить возникшие у них к тому часу желания, и сличили, и нашли, что желания эти одинаковы, и слили оба желания воедино. А в разгар их обоюдной радости явился домой золотых дел мастер — вернулся

тайком, чтобы застать врасплох и положить конец тому занятию, ради которого он и послал школяра к своей жене. Придя, он забарабанил в дверь. Хозяйка дома сразу же сообразила, кто это, и сказала юноше: «Ах, любимый! мой муж вернулся. Что же нам делать? Ведь ежели он застанет нас вдвоем, да в таком виде, смерть придет и тебе и мне». Но тут же сама кое-что придумала и велела студенту вставать на подоконник — да не на окне, а за окном, там, где цветы, — и наказала ему ради собственного спасения стоять там не шелохнувшись и не издав не звука, пока муж будет в доме. Славный юноша поступил в точности так, как ему было сказано, а она спустилась по лестнице и отперла мужу. Золотых дел мастер сразу же кинулся наверх, в спальню, с криком, где прячется молодой человек, которого он видел, когда тот входил в дом незадолго перед тем. Жена перепугалась, но принялась все отрицать, и клясться, и божиться, что в доме никого нет, да кому здесь быть, да и зачем, раз хозяина нету дома. Супруг же ее, в полном сознании собственной правоты, не поддавался на уговоры и, в ответ на все клятвы и уверения, только бранился: «Так тебя перетак, есть тут мужик — и точка». И, приговаривая этак, обыскал и перевернул вверх дном весь дом, сунулся в каждую щель, даже в самую тесную, своротил с кровати одеяла и белье — и все без толку. Не нашел он студента нигде, потому что тот стоял за окном, а поискать там не хватило у ревнивца смекалки. Убедившись в том, что поиск не принес никаких результатов, золотых дел мастер оставил пустое занятие и пошел к себе в мастерскую. А хозяйка дома, желания которой были удовлетворены еще отнюдь не в полной мере, вновь возлегла со студентом и продолжила начатый разговор вплоть до окончательного исчерпания темы. После чего они встали и принялись лакомиться сладостями. Затем красавица дала возлюбленному денег и разрешила ему уйти, попросив при этом как можно скорее к ней воротиться. Студент, получивший сполна всего, в чем ему перед этим долго пришлось себе отказывать, вышел из дома в отличном настроении и поспешил в мастерскую к своему благодетелю. Золотых дел мастер, едва увидев юношу, осведомился, удалось ли тому добиться в указанном доме искомого, все ли было так, как он ему посулил, и поиграл ли он с пригожей бабенкой под одеялом. «Увы, — ответил школяр, — и так и

не так. Хозяйка дома встретила меня хорошо и радушно, угостила лучшими кушаньями, провела к себе в спальню — и вдруг, когда все у нас уже было сладилось, вернулся муж и забарабанил в дверь. Хорошо еще, что красавица не растерялась и велела мне спрятаться на подоконнике и переждать там, пока муж не уйдет. Так мы и сделали — потом уж завершили с любовью то, что начали до его внезапного возвращения. А затем она отпустила меня, и дала мне денег, и наказала поскорее навестить ее вновь, и я обещал, но, наверно, не смогу сдержать слова. Мне ведь жизнь дорога, а если муж вернется и еще раз застукает нас, он запросто может убить меня — и при этом без малейших сожалений. А когда убьет, все еще скажут, мол, поделом, — надо было держаться от этого дома подальше. Поэтому я и улицу-то эту теперь за версту обходить стану, а то как бы оно не вышло мне боком». Золотых дел мастер с ним не согласился и рассудил так: «Ну и дурак же ты, братец! Думаешь, она не исхитрится тебя спрятать? Один раз мужа объегорила, объегорит и в другой. Ступай-ка туда прямо сейчас, да ничего не бойся! Ничего худого тебе не будет!» Студент поддался на уговоры и отправился к жене мастера во второй раз — и она приняла его столь же ласково, как и прежде, и повела прямо в спальню. А когда студент уже собирался восвояси, золотых дел мастер опять вернулся домой — и вдобавок с той же байкой: где, мол, молодой человек, вошедший в дом? А жена, на сей раз спрятавшая любовника в чулане и забросавшая его всякой ветошью, снова стала все отрицать, убеждая мужа, ради его же собственного блага, оставить беспочвенную ревность и воротиться в мастерскую. Так он скрепя сердце и поступил. А жена тут же выпустила студента из чулана. И тот, на радостях, что опять удалось ускользнуть, направился сразу же к золотых дел мастеру и, не откладывая в долгий ящик, выложил ему все, что по милости того произошло и чуть было не произошло, и заявил, что отныне его туда никакими коврижками не заманишь, потому что он был буквально на волосок от неминуемой смерти. И не будь женщина так сообразительна и расторопна, его бы уже и в живых-то не было. Золотых дел мастер, упрямый как осел, что видно хотя бы из того, что он чуть ли не силком затащил юношу в постель к собственной жене, не пожелал смириться с поражением и на этот раз — и

вновь принялся убеждать счастливого любовника проведать возлюбленную, суля ему за это дорогой подарок и уверяя в том, что той, которая сумела провести мужа дважды, ничего не стоит обвести его вокруг пальца и в третий раз. А простодушный студент был не в силах отказать столь настойчивому просителю, и пришлось ему пообещать золотых дел мастеру, что он проведает его жену (не зная, что это его жена) и в третий, но зато уж в самый последний раз, потому что мужа он все-таки ужасно боится. И пошел он из мастерской прочь и опять постучался в знакомую дверь — и был принят женою мастера еще радушней, чем прежде. И занялся с нею тем, чем ему, да и не ему одному, уже доводилось с нею не раз заниматься. И едва они занятие свое завершили, как разъяренный супруг замолотил в дверь в третий раз и велел впустить его, а хозяйка, изобретательность которой была уже на исходе, страшно переполошилась и не могла ума приложить, что делать. Но, по счастью, стояло в спальне здоровенное корыто, или же лохань, в каких стирают белье. Хозяйка велела студенту лечь в лохань и забросала его сверху тряпьем и ветошью, под которыми ему разок уже доводилось скрываться в чулане. После чего она отперла мужу. Тот явился в дом в полном бешенстве и грозно закричал на нее, требуя немедленно выдать, где прячется студент, и грозя в противном случае спалить весь дом. А женщине жизнь ее милого возлюбленного была уже куда дороже, чем дом и все добро, — и гори оно ясным пламенем, как обещал распорядиться ее супруг, — лишь бы не расстался с жизнью ни в чем не повинный малый. И сказала она мужу так: «Раз уж ты, господин мой, решил спалить дом и все наше имущество, то помоги мне сначала вытащить на улицу это корыто, чтобы мы на голом месте хоть сами голыми не остались, в нем-то наше белье». Взяли муж с женой на плечи лохань и вынесли ее на улицу. Затем воротились в дом. А студент, поняв, что он уже на улице, выбрался из корыта и помчался к советчику в мастерскую. Хозяин же, грозивший поджогом только сгоряча, тоже направился в мастерскую. И встретились они со студентом, и выложил тот ему все как на духу. И как хозяин грозил спалить дом, и как помог он хозяйке вытащить лохань из дому. И, узнав все это, золотых дел мастер чуть не рехнулся от злости, но все же взял себя в руки, понял наконец, что жену ему вовеки не пе-

рехитрить, и сказал: «Милый юноша, женщина, с которою ты этак позабавился, — моя законная супруга, а муж, трижды возвращавшийся домой, чтобы тебя застукать с нею вдвоем, — это я. Но если б я тебя и нашел, то, поверь, не сделал бы тебе ничего дурного. Потому что затеял я все это лишь для того, чтобы выяснить, какие штуки вытворяет со мной жена. И поэтому, ради всего святого, помалкивай о том, что произошло, никому и никогда этого не рассказывай, а лучше всего — проваливай-ка из этого города подобру-поздорову, да прямо сейчас, а не то, смотри у меня, пожалеешь!» И добрый студент поспешил прочь из города и больше никогда там не показывался, потому что боялся еще раз попасться на глаза золотых дел мастеру. Ведь случись такое, тот из-за разделенной с ним любви своей собственной жены обойдется со студентом так, что жену ни одного доброго обывателя тот больше порадовать не сможет.

2

О ТОМ, КАК КУПЕЦ ОБОДРЯЛ СВОЮ ЖЕНУ ЗВОНОМ КОЛОКОЛЬЧИКА,
ПОКУДА ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ ЕЕ ПОЛЬЗОВАЛ

У одного купца была молодая и красивая жена. А у него и без того все из рук валилось. Не знаю, то ли он плохо потчевал свою жену в постели, то ли она была чересчур игривого нрава, — одним словом, супружескими милостями она не довольствовалась, искала утешения на стороне и охоча была до всего, что плохо лежит, да хорошо стоит. И занималась она подобными пакостями до тех пор, пока сам Господь Бог на небесах не захотел терпеть этого более и порешил вразумить ее простодушного супруга. А произошло это так. Пришел к ней однажды молодой купец, и наверняка с недвусмысленными намерениями, потому что был о ней изрядно наслышан. Поговорили о том о сем, и перешел он к той теме, или к тому делу, за которым и прибыл, — и препираться с нею ему не пришлось, потому что красотка, оказывается, готова была ему уступить свой товар, но не меньше чем за сорок гульденов. Тут уж и молодому человеку грех было отступаться от собственных намерений, не в деньгах счастье, хоть денег-то у него с собой как раз и не было. И пообещал он сорок гульденов, она же посулила ему сладкое свидание. И договорились так:

в ближайшую ночь молодой купец прокрадется в дом к старому и спрячется в укромном месте, а беспутная жена выскользнет тайком из супружеской постели и придет к нему, — а тут уж им ничто помешать не сможет. Подсказала такое решение она, но и ему пришлось оно по сердцу. И когда настала ночь, проник молодой развратник в дом и спрятался там, где никто не стал бы его искать. Вернулся и хозяин, поужинал с женою, и отправились они к себе в спальню. А примерно через полчаса решила молодая жена, что настало самое времечко держать слово и выполнить обещанное, и сказала мужу: «Милый мой муженек, не знаю, что со мною, да только все внутри у меня болит и горит. Так что, знаешь ли, придется мне, пожалуй, сходить в одно место, да не на одну минуточку. Только мне будет страшно одной. А чтобы не было так страшно, ты, пожалуйста, возьми колокольчик и звони не переставая — и пока я буду слышать звон, я ничего не испугаюсь». Славный купец, не заподозрив жену ни в чем дурном, взял колокольчик и принялся звонить в него. А жена пошла к любовнику, провела с ним изрядное время — и провела изрядно, взяла сорок гульденов, вернулась в спальню, шмыгнула в постель, заснула и проспала до утра. А молодой купец, получив то, за чем приходил, убрался восвояси. И вот сидит он с товарищами по ремеслу в трактире, едят, пьют, балагурят, а среди них и тот, с женой которого скоротал забавник часок-другой этой ночью, да только сам он с ним не знаком и ранее его никогда не видел. И начал он хвастаться: «Милые господа и друзья мои! Выпало на мою долю нынешней ночью такое приключение, каких у меня еще не было, да и навряд ли еще будут. Потому что провел я ночь с женой одного здешнего купца, а он, болван, названивал нам при этом в колокольчик. Названивал и названивал, пока мы с его женой не натешились до отвала». Купцы принялись хохотать во все горло и нахваливать молодца за удачу и смелость в столь диковинном предприятии. А добрый купец, женатый на ветреной красотке, живо сообразил, зачем выходила ночью жена да чем занималась, пока он ее подбадривал колокольчиком, но промолчал, посмеялся со всеми и не подал виду, что это дело его касается — и самым прямым образом. Но в конце трапезы пригласил он молодого купца к себе на чашу вина. Тот охотно согласился и пошел с ним, нимало

не подозревая, что это обманутый им муж. И лишь когда подошли к самому дому, понял молодой шалопай, что влип, хотел было повернуть обратно, да не таков был его спутник, чтобы дать ему спуску. Схватил он прелюбодея за ворот кафтана, затолкнул в дом и поволок вверх по лестнице — как раз туда, где находилась в эти часы обманщица. Разгневанный муж обратился к ней: «Женщина, куда ты девала сорок гульденов, которые уплатил тебе прошлой ночью этот юноша?» Ах ты Господи! Как тут было распутнице отпереться, когда свидетель и соучастник ее преступления стоял здесь же. И пришлось ей принести сорок гульденов и отдать их мужу. А тот взял деньги, пересчитал их и вернул молодому купцу все до копейки, копейку же отдал жене, сказав при этом: «Забирай свои сорок гульденов без копейки, а ты, шлюха, забирай копейку, потому что больше этого шлюхам не платят. А копейку ты заработала честно!» После чего велел молодому человеку убраться прочь. А оставшись наедине с женой, взялся пороть ее, да уходил так, что наверняка она больше не отважится выкидывать подобные штуки. Бог ведает, что женщинам следует платить именно так и ни в коем случае не иначе!

3

СТУДЕНТ ПРОСИТ МЕЛЬНИЧИХУ ДАТЬ ЕМУ ПРИЮТ И ВСТРЕЧАЕТ ОТКАЗ,
ТАК КАК ПРИЮТ УЖЕ ЗАНЯТ СВЯЩЕННИКОМ

Нищий студент самого изможденного вида явился однажды поздно вечером на мельницу и попросил мельничиху ради бога дать ему приют на ночь, потому что у него нет ни гроша и на постоялый двор его никто не пустит. А сам он так устал и измучен, что не в силах сделать больше ни шагу. Мельничиха, однако же, отказала бедному студеозусу в невинной просьбе, потому что уже приютила священника и теперь боялась, что, увидев, как она обихаживает священника, а тот — ее, студент позднее перескажет это мельнику, и тут все ее забавы выплывут на чистую воду. Понял бедный студент, что у мельничихи ему ничего не светит и ей на него в высшей степени наплевать, да и скользнул под навес над окнами, поближе к дому, решившись заночевать на сырой земле. И, лежа здесь, под окном, услышал он все, что

говорила мельничиха, да все, что говорил поп мельничихе, тоже услышал. А тут как раз воротился домой мельник, которого никто до самого утра не ждал. Мельничиха услышала стук копыт приближающейся лошади и скомандовала служанке: «Ну-ка живо все прячь! Рыбу — сюда, а жаркое — туда! А господинчика нашего священника я спрячу в углу, за бочкой. Пусть хозяин наш поест, попьет да отправится спать, а там уж мы продолжим то, что начали». Студент, напомним, слышал каждое слово и, разумеется, сообразил, что куда прячут.

Спешившись с коня, мельник увидел студента и спросил, что ему здесь нужно. Тот с готовностью отвечал, что он-де бедный студент, он просился у мельничихи переночевать, но напоролся на отказ и поэтому решил лечь поближе к дому под навес, чтобы не замерзнуть до смерти. Мельнику стало жаль юношу, он пригласил его к себе в дом, усадил за стол и принялся с ним бражничать. Выпили они уже порядочно, когда речь в застольной беседе зашла об искусстве и мельник спросил у студента, чему тот учится и понимает ли что-нибудь в искусстве черной магии. «Да, — ответил студент, — маг я и есть, я долго этому обучался и кое-чему научился. Вот, например, если вам угодно, я могу с помощью моих чар добыть для нас доброго вина и хорошей пищи». Мельник потребовал немедленно совершить обещанное и велел не откладывать это ни на мгновение. А студент, хорошенько запомнивший, что куда в доме припрятано, написал мелом на столешнице магические знаки и после этого приказал служанке: «Ступай, стряпуха, туда-то и туда-то! Там найдешь рыбу, жаркое, дичь и доброе вино — и все тащи сюда. Мы будем пировать!» И мельничиха и служанка конечно же сообразили, что студент просто подслушал их разговор, но не посмели сказать «нет» и раскрыть его хитрость из страха, что он в свою очередь разоблачит перед хозяином дома их собственный обман. Пришлось им принести все, что было велено принести. Мельник пришел в чрезвычайное изумление, поскольку, как ему показалось, получил полное подтверждение магического искусства студента, и даже не решился поначалу подобных даров отведать. И лишь когда студент призвал его быть посмелее да и сам попробовал и вина и закусок, мельник приступил к пиру и выпил столько вина, что

сам черт стал ему не страшен. И он попросил у студента, чтобы тот вызвал черта и велел ему появиться прямо здесь, в доме. Студент же, запомнивший, куда спрятался священник, ответил ему: «Извольте, сударь. Но в каком образе ему надлежит предстать перед вами?» — «Да в каком хочешь, — молвил мельник, — лишь бы не в очень страшном и не очень отвратительном». — «Ладно, — ответил школяр. — Тогда я заставлю его явиться в образе вашего приходского священника». И с этими словами подошел к бочке, за которой прятался священник, и сказал ему, чтобы тот смело выходил наружу, ничего худого ему не сделают, но если он посмеет уклониться, то сам об этом пожалеет и на всю жизнь свое ослушание запомнит. Несчастный припертый к стенке попик не посмел отказаться и вышел вместе со студентом на середину комнаты, все обитатели которой, начиная с мельника, приняли его за черта, сделал по помещению круг и вернулся в свой уголок за бочку, чтобы там дожидаться того часа, когда мельник наконец уснет. И когда он спрятался и, следовательно, покинул собравшихся, мельник воскликнул: «Черт меня побери! Никогда бы не подумал, что черт как две капли похож на нашего попа!» И, промолвив такое, отправился спать. А когда он заснул, поп, студент и мельничиха только и начали пировать по-настоящему. И в течение этой ночи и поп и студент получили от мельничихи все, что захотели.

4

ВОЗЧИК С ДОБРОЙ ДЕВКОЙ ПАДАЮТ С ТЕЛЕГИ В ОДНОЙ БОЧКЕ

Собрался как-то возчик, живший в Ульме, в вюртембергский край за вином. А по дороге повстречалась ему одна добрая женщина, или же, скажем, девка, и попросила его пустить ее на телегу и подвезти, а уж она его за это известным образом отблагодарит. Добрый возчик, которому катать девок за подобную плату было куда милее, чем порядочных людей за порядочные деньги, охотно согласился на такую сделку и усадил ее на телегу. И уж не знаю, долго ли ему пришлось ее упрасивать да уламывать, или же она особенно не ломалась, во всяком случае, уговорил он ее заняться тем, чем ему хотелось. Но не нашли они для такого занятия более подхо-

дящего места, чем стоявшая на телеге пустая бочка. Туда они вдвоем и шмыгнули. И начал возчик шутить с девкою, да начал шутить так грубо, что бочка свалилась с телеги и встала посреди дороги на попа, да притом вверх дном, так что парочка, наоборот, застряла в ней вниз головой, и было им оттуда без посторонней помощи никак не выбраться. А лошади с телегой поехали дальше, и не было им до хозяина ни малейшего дела. Но вот появился на дороге прохожий и заметил стоящую вверх дном бочку. Он подошел к ней, чтобы посмотреть, что это за диковина и почему она загораживает проезд. И, подойдя, нашел парочку в вышеуказанном беспомощном положении и подсобил обоим выбраться из бочки наружу. И возчик сразу же помчался догонять своих лошадей, а потом он продолжил свое путешествие. А куда направилась добрая девка, сие мне неизвестно. Но не попадись им прохожий, кто знает, каково бы им в бочке было. Поэтому поберегитесь забираться в пустые бочки!

5

МОНАСТЫРСКИЙ ПРИВРАТНИК ОБИЖАЕТ ПРИШЕДШУЮ ЗА ПОДАЯНИЕМ
ЖЕНЩИНУ В ДУПЛЕ СУХОГО ДЕРЕВА

Расскажу еще одну, почти такую же, как вышеизложенная, историю, или быль, чтобы никто не проявлял пагубной беспечности и не водил девок в тенечек на час или на денечек.

В одном монастыре был некогда привратник, или сторож, облеченный полномочиями раздавать бедным людям милостыню, как это принято во многих монастырях и замках и поныне, — а должности такие достаются, как правило, столь же грешным людям, как мы, — и поэтому они поддаются искушению так унижить и обобрать просящего подаяния несчастного человека, что страх берет каждого, кто увидит такую обитель, не говоря уж о тех, кто вынужден просить там бога ради. Насколько угодны подобные, а верней сказать, неподобные подаяния Господу, предоставляю я судить тем, кто истинно милосерден, ибо мне не след рассуждать об этом и тем паче спорить, да это и не входит в мои намерения, ибо и без того слишком хорошо всем известно.

Однажды в толпе просящих милостыню объявилась молодая, красивая, статная женщина, которая сразу

же — и очень — понравилась привратнику. И тут же задумал он от нее кое-чего добиться и велел ей обождать, пока разойдутся остальные, у него-де есть к ней отдельный разговор. Красавице не пришло в голову, что намерения монастырского сторожа могут оказаться настолько непотребными, и она терпеливо дождалась окончания раздачи. После чего состоялась у них беседа с глазу на глаз, и наговорил он ей вещей столь обольстительных и заманчивых, и наобещал того более, что решила она уступить его недвусмысленному настоянию. Но привратнику было некуда повести ее от стороннего глаза, не ведал он поблизости ни одного укромного местечка.

А неподалеку было сухое дерево, и в нем дупло, и никто туда никогда не ходил, и решил он повести подругу туда, и привел, и велел забраться в дупло, и следом забрался сам. И уж не знаю, что он там ей говорил да что обещал или что за милостыню ей подал, — но сделал он это так бесцеремонно, что крона сухого дерева заходила ходуном — и отломилась ветка, и упала в дупло, и пристукнула их таким образом, что пришлось бы им друг на дружке и помереть, если бы не приспела ничья помощь. Оказавшись вдвоем с женщиной в столь беспомощном положении, привратник начал кричать караул что есть мочи. Люди из монастыря прибежали на крик к сухому дереву и стали дивиться, что за призрак в нем завелся и что это он так вопит. Они раздвинули ветки, заглянули в дупло и увидели монастырского привратника верхом на женщине. Об этом они конечно же донесли настоятелю монастыря. Настоятель посадил привратника на несколько дней в темную, на хлеб и воду, а потом прогнал на все четыре стороны. И это было совершенно справедливо.

6

ПРО ЖЕНЩИНУ, КОТОРАЯ, ПОПЕРХНУВШИСЬ, ДОЛЖНА БЫЛА ЛЕЧЬ С ПОПОМ

Сельский священник повадился захаживать в дом к одному прихожанину. И вовсе не ради того, чтобы петь с его детками «Отче наш». Ему приглянулась хозяйская жена. И однажды, будучи точно уверен в том, что хозяйина нету дома, пришел он к ней, а она как раз ела

какую-то похлебку. Священник и говорит ей: «Смотри только не поперхнись да не пролей ни капли! А ежели прольешь или расплещешь, придется тебе со мною немедленно лечь». Женщина, услышав такое, сразу же поперхнулась и расплескала всю ложку на стол, чтобы священник смог привести свою угрозу в исполнение. А тут уж и он сообразил, что она не против, взял ее под руку да повел на лежанку, благо и лежанка стояла прямо здесь же. Что он с нею там, на лежанке, делал и вытворял, я не знаю, потому что при этом не присутствовал, — а присутствовал при этом мальши, хозяйский сын, который сидел за столом, ел похлебку и слышал все, что говорили друг другу священник и его мать, и видел все диковинные дела, которым они предавались на лежанке, но был он так мал и несмышлен, что не понимал, чем они занимаются, а только приговаривал и уговаривал сам себя есть осторожней, да не поперхнуться, да не разбрызгать ни капли, не то и ему придется ложиться со священником. А тут, откуда ни возьмись, подоспел и мужик, хозяин дома. Правда, жена заметила его еще издали и успела спрятать священника в печи. А сама села за стол и принялась, как ни в чем не бывало, есть похлебку. Муж вернулся голодный, тоже сразу же сел к столу и начал торопливо и жадно есть. Малолетнему сыну стало страшно за отца, и он сказал: «Милый батюшка, смотри не поперхнись да не пролей ни капли, не то придется тебе лечь со священником. Матушка вот пролила — и пришлось ей с ним лечь». Услышав такое, мужик спросил, а где священник. И сын ответил: прячется в печи. А мать, хорошо знавшая, с каким олухом царя небесного состоит в законном браке, тут же встряла: «Только, милый муженек, не сделай ему ничего дурного! Потому что священник — это человек Божий. И не смей пачкать руки его священной кровью. К тому же если ты его убьешь, то и тебя самого казнят — а по нраву ли тебе такое? Но если ты все-таки не хочешь оставить причиненное тебе зло неотмщенным, то вот что я тебе присоветую: проучи-ка ты этого попа как следует! Отними-ка у него шапчонку и пусть он убирается отсюда ко всем чертям с непокрытой головой! Ах, как все начнут над ним смеяться, когда ему придется убраться отсюда с непокрытой головой!» Дураку мужу подобный совет пришелся по сердцу: он подошел к печи и велел священнику вылезать. Священник, услышав-

ший и уразумевший все, что говорилось перед тем, бесстрашно вылез наружу. Мужик сорвал с него шапчонку да и говорит: «А теперь проваливай отсюда, сударик! Да запомни, что так будет со всяким из вашей породы, коли он позарится на жену ближнего!» И священник с непокрытой головой поспешил к дверям. А когда он очутился на пороге, жена сказала мужу: «Тут я еще одну пакость для него придумала. Брось-ка ты шапчонку ему вслед, чтобы люди это увидели, тогда они станут смеяться над ним еще пуще». Болвану и это понравилось, бросил он священнику шапчонку и почувствовал себя полностью удовлетворенным. И решил, что ущерб ему возмещен, и не пенял своей благоверной, независимо от того, поперхнулась она или нет, расплескала свою похлебку или же не расплескала.

7

ПИСАРЬ УГОВАРИВАЕТ ДОБРУЮ ДЕВИЦУ ЗАБРАТЬСЯ С НИМ
ВМЕСТЕ В ПУСТУЮ БОЧКУ, ДЕВИЦА ЖЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ ЮНОШЕЙ И,
ПОЛУЧИВ ЗАРАНЕЕ УГОВОРЕННУЮ МЗДУ, УБЕГАЕТ ОТ НЕГО И
ПРОПИВАЕТ ДЕНЬГИ СО СВОИМИ ПРИЯТЕЛЯМИ И СОБУТЫЛЬНИКАМИ

В Эльзасе, в городке Обер-Беркгейм, проживал некогда писарь, имя которого здесь лучше не упоминать, а человека веселей и забавней, чем он, я, признаться, в жизни своей не видывал. И хотя был он уже в весьма почтенном возрасте, проделки его и рассказы об этих проделках заставили бы расхохотаться каждого. Потому что за словом он в карман не лез, и дело у него спорилось, и все у него в руках горело. И вот однажды, хлебнув хорошего вина, сел он, по своему обыкновению, на лавку у собственных ворот, чтобы подышать свежим воздухом. И тут предстал перед ним один молодой проказник, решивший подшутить над канцеляристом, повадки и вкусы которого были ему хорошо известны, и вырядившийся с этой целью в женское платье. Дело происходило довольно поздним вечером, а старый блудодей был уже изрядно пьян, и конечно же он решил, что перед ним особа женского пола. И, недолго думая, окликнул эту особу да пригласил сесть с собой на лавку. И с места в галоп пустился с нею в беседу о таких вещах, при одном упоминании которых щеки порядочных девиц, да и дам тоже, наливаются краской. А юноша как раз на такие мысли его и наводил. Поэтому он изъявил

полное и немедленное согласие на все, что предложил ему старый греховодник, и парочка направилась к большой пустой бочке, лежавшей посредине улицы. Но прежде, чем залезть туда, молодой шалун спросил: «А что вы мне, господин писарь, за это дадите?» — «Хрен тебя подери, — отвечал ему развратник, — взгляни-ка сюда!» И с этими словами вытащил из кармана талер и протянул его юноше. Взяв талер, юноша сказал писарю: «Ладно, полезайте в бочку первым, а я — следом за вами». Старик, предвкушая удовольствие, с готовностью полез в бочку. А мошенник дождался, пока канцелярист оказался в бочке, и пошел прочь, к приятелям и собутыльникам, и они в ту ночь прогуляли и пропили талер, а старый нечестивец терпеливо дождался подружку, сидя в бочке. Наконец он сообразил, что девка его обманула, смывшись вместе с деньгами, вылез из бочки и пошел домой.

Об этом писаре много еще чего можно понаписать да нарасказать. Да ведь и мошенников вокруг немало, и каждый норовит отплатить тебе за все добро злом. Да уж, видно, такова жизнь, ведь чужим умом умен не будешь, а знать бы, где упадешь, так и соломки подстелить можно. Увы, увы, увы...

8

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ И ДОБРАЯ ДЕВИЦА ПЕРЕД ЦЕРКОВНЫМ СУДОМ

Перед церковным, или же священным, судом предстал юноша, обвиняемый одною доброю девицей в том, что он лишил ее чести. Однако же он всячески отпирался. И тут девица воскликнула: «А помнишь, как ты сказал: «Дело начато, бочка почата!» Все сразу же расхотались, и господа судьи присудили девице за потерянную честь изрядное возмещение.

9

ДОБРАЯ ДЕВИЦА ЖАЛУЕТСЯ НА ДОБРОГО МОЛОДЦА КОРОЛЕВЕ

Некая невинная девица, или же девственница (что-то больно много их в последнее время развелось), обратилась к королеве с жалобой на молодого человека, лишившего ее, по ее словам, девственности, или же

невинности, притом — против ее воли. Юноша отрицал вторую половину обвинения и уверял, что девица сама хотела того, что произошло, ничуть не меньше, чем он. Королева же, для которой истина и справедливость были дороже всего на свете, велела принести меч, вынула его из ножен и вручила девице. А сама взяла ножны и велела истице вложить в них меч. Но дело оказалось отнюдь не таким простым, потому что королева водила ножнами из стороны в сторону, и девице никак не удавалось попасть в них мечом. Отчаявшись, она сказала: «Ваше величество, мне его не засунуть». — «Вот именно, — отвечала королева, — и действуй ты точно так же, повстречавшись с этим добрым юношей, ему тоже было бы не засунуть, и невинность твоя осталась бы нетронута. Поэтому ступай прочь, дочь моя! Он ни в чем перед тобой не виновен».

Если бы подобная справедливость соблюдалась повсеместно, девицы остереглись бы по первому зову ложиться под каждого. Поскольку же этого, увы, не происходит, они ловят на свою удочку добропорядочных парней, уверяют, что те сами во всем виноваты, и склоняют их к законному браку. А уж что за образцовые супружества таким способом возникают, в том мы убеждаемся ежедневно. Поберегитесь этого, добрые люди, поберегитесь!

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ СБОРНИКА „КАТЦИПОРИ“,

содержащего новые байки, диковинные сказки,
неслыханные побасенки и убийственные остроты,
изрядно годные на закуску всем добрым бражникам

<МИХАЭЛЬ ЛИНДЕНЕР>

1558

1

ХИТРОУМНЫЙ ОТВЕТ ПИСАРЯ ПРИХОДСКОМУ СВЯЩЕННИКУ

Жил-был в Баварии один писарь, человек весьма набожный, а во всем, что касается мирских дел, — добропорядочный и честный. Вот только к еженедельной мессе он не ходил, появляясь в церкви лишь по десяти главным праздникам, как-то: Пасха, Троица, Рождество и т. д. А ежели на улице стояла плохая погода, он оставался дома и в эти дни и ничего не опускал в кружку для пожертвований. И это, понятно, было сильно не по душе приходскому священнику. А вдобавок ко всему завел писарь моду, уже в самой церкви, пока священник обходил паству и обрызгивал ее святой водой и все стояли обнажив голову и кланяясь ему, — так вот именно в эти мгновенья завел писарь моду нахлобучивать шапку еще плотнее. Священник и дьякон никак не могли примириться с этим, они говорили, что он подает дурной пример пастве и вводит ее во искушение. А писарь отвечал им на это так: «Мне, господин священник, запомнилась ваша проповедь, в которой вы поведали мне, что святая вода штука настолько чудотворная, что даже те капли, которые вы роняете над могилами, проникают в глубь земли на девять футов, проходят сквозь крышку гроба

и падают на мертвые тела. И вы сослались при этом на папу Каликста. Вот это-то мне и хочется проверить и доказать, по каковой причине я и не снимаю шапку в церкви, потому что если ваш рассказ правда, то вода и сквозь шапку мне на чело пробьется, раз уж она такая всепроникающая. Однако же этого еще ни разу не произошло, и думаю я поэтому, что правды в ваших словах немного». Священник пригрозил писарю, что он пожалуется на него церковному суду и тот объявит его веротступником. Писарь попросил какое-то время на размышление. Да только в тот же вечер священник опять напился и расшумелся. Писарь скрутил священника и бросил его в погреб, а затем спросил, сердится ли тот на него по-прежнему да не отказался ли от намерения примерно его наказать. Священник же, умоляя освободить его из заточения и никому не рассказывать о том, что произошло, тысячу раз поклялся ему именем Господа — хотя вполне хватило бы и сотни — не делать писарю ничего дурного. Так вот бывает: то из грязи во князи попадешь, а то и наоборот.

2

НЕСЛЫХАННОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО, СОВЕРШЕННОЕ НЕКИМ
ПРОХОДИМЦЕМ НА ЯРМАРКЕ В ГОРОДЕ ЛЕЙПЦИГЕ

В окрестностях Мейсена проживала одна незаурядная личность. Был этот человек мошенником и проходимцем, шлялся по ярмаркам и обманывал порядочных людей, но держался при этом так важно и обладал такой достойной наружностью, что мог обдурить даже многих купцов. И вот явился он однажды, в День святого Михаила, на ярмарку в Лейпциг, и увидели его купцы и принялись предупреждать и остерегать друг дружку, мол, с этим молодчиком нужно держать ухо востро. А один из них, хвастун и признанный умник, заявил: «Меня-то ему вокруг пальца не обвести, хоть ударься он тут перед нами в пляску святого Вита». Прослышал об этом мошенник и порешил про себя: «Ну погоди, голубчик. Будь ты хоть семи пядей во лбу, я тебе покажу, где раки зимуют». И пошел он к цирюльнику и велел постричь себе бороду. Цирюльник хорошо потрудился, получил хорошие чаевые, да подмастерья внакладе не остались, а мошенник и говорит на прощанье: «Любез-

ный мастер, мой слуга ужасно страдает от зубной боли. А вырвать зуб никак не решается — такой уж он у меня трусишка. Как прикажете поступить в подобном случае? А зуб у него болит, учтите, в верхнем ряду предпоследний слева. Вот у вас, я смотрю, двое подмастерьев, здоровенные парни, — а что, если они его схватят, да скрутят, да подержат? Неужели вы тогда не сможете выдрать ему зуб, да еще вдобавок точно зная, какой именно, даже если он забьется при этом, как в пляске святого Вита?» Брадобрей ответил: «А почему бы и нет? Конечно же выдеру». А мошенник ему: «Значит, договорились. И вот вам полталера в задаток, а когда справитесь с делом, получите еще целый талер в придачу». Цирюльник с подмастерьями обрадовались; вы, говорят, его только приведите, а мы уж не оплошаем. Мошенник отправился к хвастливому купцу, торговавшему на ярмарке атласом и шелком, и сторговал у него по штуке того и другого. Купец, будучи о нем предупрежден и наслышан, почуял подвох и спросил, есть ли у покупателя деньги. Мошенник ответил: «Конечно же, сударь мой, есть, что за покупка без денег — да только не при себе. Пошлите со мною вашего слугу, и я расплачусь честь по чести». Купец подозвал одного из своих приказчиков, выбрав самого дюжего, и велел ему отправиться вместе с покупателем, да шепнул при этом на ухо, чтобы тот глядел в оба. Мошенник привел приказчика в лавку к брадобрею и подмигнул хозяину. Цирюльник с подмастерьями накинулись на верзилу, скрутили его, повалили наземь и выдрали у него здоровый зуб. Мошенник же в это время с достоинством удалился, прихватив две штуки материи с собою, и купец не выручил за свой товар ни гроша.

3

ДЕШЕВЫЙ УЖИН ПУТНИКА В ОДНОМ ТРАКТИРЕ

В Пассау жил веселый, хотя и жадный трактирщик, и вытворял он всякие штуки, одна похлестче другой. И вот однажды пришел к нему в трактир человек с огромным носом, а трактирщик и говорит ему: «Слушай, земляк, сними-ка свой нос да повесь на вешалку, чтоб он не занимал чужого места!» Посетитель, будучи уверен, что своя рубашка ближе к телу, а свой нос — тем более,

возразил: «Нет уж, любезный хозяин, мы с носом решили не расставаться». — «Раз так, — расхохотался трактирщик, — то изволь и заплатишь за него отдельно». Посетитель расхохотался в свой черед и ответил: «Да ради Бога!» И в конце трапезы заплатил за себя отдельно и за свой нос отдельно, а потом, не сказав более ни слова, убрался восвояси, но в скором времени опять пожаловал в трактир. Хозяин узнал его, засмеялся и воскликнул: «Ну уж сегодня-то тебе придется его снять и повесить на вешалку!» — «Вот уж никогда, — отвечал посетитель, — и платить за него я сегодня не стану». Когда уселись ужинать, хозяин сказал всему застолью, кивнув на носатого: «За свой нос ему придется заплатить отдельно». А тому и горя было мало. Но вот принесли горячее, и посетитель сказал хозяину: «Послушайте, господин трактирщик, раз уж я заплатил за свой нос в прошлый раз и должен заплатить за него и в этот, то, черт меня побери, надо и накормить его как следует, а то он сегодня как-то пустоват». И с этими словами взял трех жареных кур и запихал себе в ноздри, да и две булки сунул туда же. А когда подали сыр, и очень хороший, он отрезал от него два ломтя и тоже засунул в нос. Трактирщику это пришлось сильно не по вкусу: ведь платили у него в трактире на шведский лад — за сам ужин, а не за то, что и сколько съешь. А посетитель, заметив хозяйское настроение, еще и подлил масла в огонь, добавив: «Недешева эта штука платить вдвойне. Но раз уж платишь, хочется наесться досыта».

4

СКВЕРНАЯ СДЕЛКА, НАВЯЗАННАЯ РЫЦАРЕМ МОНАХУ

Жил-был один рыцарь, человек редкостной и благородной души, испытавший за свою жизнь немало приключений и давший повод и начало еще большему их количеству. И пришел он однажды в монашескую обитель, а так как было время поста, то направился на исповедь. А монах, собиравшийся его исповедовать, оказался толст, как самая настоящая свинья. Рыцарь приветливо поздоровался с обжорой и спросил у него: «Монах, а почему у тебя такое здоровенное брюхо? Денег у меня, полагаю, не меньше, чем у тебя, и ем я ничуть не хуже, — а вот поди ж ты! Или так хороши и

обильны бывают подаяния, что тебя так разнесло? Да нет, едва ли. Сдается мне, монах, что ты забрюхател — и в животе у тебя сидит сам черт». Монах ответил: «Нет, сударь, упаси меня Бог! Все это — от Бога! Это его рук дело!» Рыцарь сказал: «Его рук дело или не его, только руки эти поработали на славу. — И продолжил: — Но я пришел к тебе не за этим. Выслушай меня, монах, и отпусти мне грехи! А если не отпустишь, я тут же, не сходя с места, проткну тебя мечом!» — «С удовольствием отпущу», — откликнулся монах, и рыцарь начал свой рассказ: «Был я разбойником, но разбойничал я далеко не всегда. Ел я и пил до отвала, но, случалось, и умирал от голода и жажды. Так на так и выходит. Я не пропускал ни одной юбки, но, бывало, подолгу не знал женщины. Так на так и выходит. Был завзятым грешником, но и молился Господу горячо. Так на так и выходит. Бывало мне жарко и бывало зябко. Так на так и выходит. И поэтому даруй мне утешение и отпусти мне прегрешения и прости мне мои дурные дела. А если не отпустишь, то я убью тебя на месте, клянусь святым крестом!» Монах струхнул настолько, что чуть не наложил в штаны, и поспешил ответить: «Сударь мой, я должен обсудить этот вопрос с настоятелем». И, воротясь, произнес приговор: «Мы даруем вам такое отпущение: мы служим Господу, а вы — дьяволу. Так на так и выходит».

5

ВЕЛИКАЯ ПОДЛОСТЬ, УЧИНЕННАЯ ОДНИМ МОЛОДЧИКОМ
ПЬЯНОМУ МУЖИКУ

Неподалеку от города, на расстоянии примерно выстрела из пицали, была деревня, и жил в ней один мужик. И отправился он однажды по каким-то делам в город, а там взял да и напился приятно охлажденным вином до положения риз. И вот когда мужик почувал, что лыка не вяжет, и на ногах еле держится, и всё перед ним как в тумане, решил он отправиться восвояси — и пошел, уже не больно соображая что к чему. Был он не только во хмелю, но и во злобе и поэтому взял в руку дубинку и принялся молотить ею куда ни попадя. За этим занятием застал его один добрый молодец, который и сам был не дурак выпить, и решил над ним подшутить. Забрался он на грушевое дерево и, когда

мужик появился поблизости, разговаривая, по обычаю пьяниц и простофиль, с самим собой и утверждая, наряду с прочим, что он-де мужик честный (ибо всяк сам себя, как известно, нахваливает), — молодчик закричал ему из ветвей: «Какой ты мужик! Не мужик ты, а му...!» Мужик озлился еще пуще и начал браниться, да только никак не мог взять в толк, откуда кричат. Решил уж он было пойти своей дорогой, но тут опять раздалось: «Му...! Не мужик, а му...! Эй, мужик, ты му...!» Мужик воротился, огляделся по сторонам и зашел в расположенную прямо под деревом кузницу, где работал честный кузнец с подмастерьями. Вошел — и выплеснул на них свою злобу. Те поняли, что мужик пьян, бить его не стали и дали ему добрый совет уюмониться. Но не тут-то было! Осерчали наконец и кузнецы — и изрядно мужика вздули. А причиною всему был парень, сидевший на грушевом дереве, да только никто про это не знал и никто его не видел. А когда драка закончилась и шум затих, парень слез с дерева, отер губы да и пошел своей дорогой, как человек, только что напившийся за чужой счет.

6

РЕШИТЕЛЬНАЯ ОТПОВЕДЬ,
ДАННАЯ ЧЕСТНЫМ СЛУГОЙ ОДНОМУ ДВОРЯНИНУ

Один дворянин пожаловал в имперский город и явился к одному хозяину постоялого двора, сказав, что так, мол, и так, лицо благородное и самых голубых кровей, но без гроша в кармане и все мое ношу с собой. Его приняли и обласкали — и созвали в его честь гостей, как это и заведено там, где ничего поумней выдумать не могут. Пригласили его и в другой дом, и вернулся он на свой постоялый двор пьяным в стельку, повел себя препаршиво да вдобавок принялся всех кругом поучать. Когда же один из хозяйских слуг повел его почивать, он харкал по дороге себе под ноги и пускал ветры, как бесстыжая корова. Слуга сказал: «Видать, вы большой любитель пения, жалко только, что у вас не бас, а то было бы еще веселее». А дворянин — и заметьте себе, благородного рода — почитал плевки и всякие неприличные звуки занятиями истинно и единственно аристократическими, равно как и мотовство, хвастовство, обжорство и пьянство, как это и принято ныне у нашего

дворянства. И когда гость улегся, принялся он распекать слугу: «Как смеешь ты, мужик, сопеть в моем присутствии? Я ведь дворянин, а ты дубина неотесанная, дурак набитый!» Слуга, бывший тоже изрядно под мухой, возразил: «Сударь мой, а не проспите ли вы трапезу?» Рыцарь в ответ харкнул, и плевок отлетел сажени на две с половиною. Слуга заметил: «Ловко, сударь мой, только смотрите не захлебнитесь!» — «А вот харкну-ка я тебе в рожу!» — «Нет уж, сударь мой, — ответил слуга, — такое мне не понравится. Но если вам так хочется угостить меня вашей слюной, то плюньте мне в задницу. Только не забудьте потом вылизать тарелку дочиста да и досуха». И с этими словами вышел вон.

7

НЕСЛЫХАННОЕ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО НАД СТРАНСТВУЮЩИМ МОНАХОМ,
УЧИНЕННОЕ ЮНОЙ ОСОВОЙ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Решила одна девица исповедаться в грехах — и выбрала в исповедники странствующего монаха из ордена босоногих, ведь они слынут среди своих собратьев самыми благочестивыми, что, правда, вовсе не соответствует действительности и видно хотя бы из рассказа одного такого шатуна и проповедника, повествующего о том, как он заморочил несчастную крестьянку и хитростью выманил у нее сыр и яйца. Вот примерно столь же святому отцу и поведала добрая девица о своих грехах и грешках. Когда же безбожный монах прижал ее покрепче, чтобы выведать все тайны, и спросил, не снилось ли ей чего нечестивого, поскольку подобные сновидения представляют собой ничуть не меньший грех, чем то, что свершается наяву, и должны быть упомянуты и подробно изложены на исповеди, девица ответила: «Да, господин мой, недавно мне приснилось такое, о чем стыдно даже поведать». Монах насел на нее еще круче и потребовал подробного рассказа, угрожая в противном случае отказать ей в отпущении. Девица поведала: «Господин мой, мне снилось, что один человек лег со мной и меня, с вашего соизволения, прижал». Монах отвечал: «Это, дочь моя, равносильно тому, как если бы он овладел тобою на самом деле, ты должна покаяться в совершенном прелюбодеянии». И велел ей пойти паломницей в Рим или по мень-

шей мере отправиться в ближайшее место, где продают индульгенции, чем немало напугал ее. Девица попросила монаха как следует помолиться за нее и подкрепила просьбу двумя гульденами, которые, правда, пока не отдала ему, а только показала. Монах был охоч до чужих денег и, увидев золото, тут же переменял свое решение: «Истинно, дочь моя, власть и право отпустить грехи дарованы нашему странствующему ордену ничуть не в меньшей степени, чем продавцу индульгенций или даже самому папе римскому, потому что у покровителя нашего святого Франциска было на теле пять ран — ровно столько же, сколько у Иисуса Христа. Но, дочь моя, по уставу мы не имеем права прикасаться к деньгам. Однако же, чтобы тебе не пришлось пускаться в такое далекое странствие, да если вдобавок вспомнить о разбое, царящем на большой дороге, я над тобою сжалюсь и дозволю тебе засунуть мне деньги вот сюда, в прореху». Ибо ряса его была порядочно изодрана и на левом рукаве имелась прореха. Монах был подслеповат, и девица изловчилась в последнее мгновение зажать деньги в кулаке, сделав, однако, вид, что засунула их в прореху. Монах отпустил ей грехи полностью и немедленно. Девица поблагодарила его и пошла своей дорогой. А стоило ей чуть отойти, францисканец полез за деньгами, не нашел их и понял, что его обманули. Он окликнул девицу, велел ей вернуться и сурово сказал: «Ты их на самом деле, дочь моя, не засунула». Девица не отпиралась: «Да, господин мой, на самом деле не засунула. Но ведь и юноша, приснившийся мне в соблазнительном виде, на самом деле тоже не засунул». И с этими словами — и с отпущением грехов — пошла прочь.

8

НЕОБЫЧАЙНАЯ ДОГАДКА НЕКОЕГО КРЕСТЬЯНИНА О ТОМ, ЧТО ГУСИ
РАЗГОВАРИВАЮТ ДРУГ С ДРУЖКОЙ НА СВОЕМ ЯЗЫКЕ

На графских землях, неподалеку от Кульмбаха, где возвышается знаменитый замок Блассенбург, была деревенька, и проживал в ней достопочтенный, многоопытный и богатый старец девяноста лет от роду. Жизнь свою он провел в трудах и тревогах и поездил по белому свету и вширь и вдоль. И вот однажды, на каком-то осеннем празднике, сидели мужики рядком и судачили

о том и о сем. И вдруг вышли цепочкой, один за другим, девять гусей, и каждый из них прокричал: «Га-га-га!» И тут же петух заорал: «Ку-ка-ре-ку!» И старец воскликнул: «О Господи! чудесны и неисповедимы дела твои, и не дано человеку понять птичий язык, хотя он, вне всякого сомнения, существует. Смотрите, как они сговорились и улетели!» Мужики стали смеяться над стариком: да где это слыхано, чтобы петухи да гуси понимали друг дружку. Старец же произнес: «Не только имуществом моим, цена которому по меньшей мере три тысячи гульденов, но животом и жизнью, которым и вовсе нет цены, готов я рискнуть, поспорив с вами о том, что я понял их переговоры». Мужики развеселились еще больше, потребовали у старца не отречься от своих слов и побились об заклад на бочку пива ценою примерно в семь флоринов, или же флорентийских золотых. Старик объяснил им так: «Га-га-га — означает, что они пошли клевать паданки, а ку-ка-ре-ку — что клевать им нужно под четвертым деревом». Пошли проверить — все и впрямь оказалось так, как он сказал: гуси обошли три дерева, хотя под ними точно так же лежали палые груши, и принялись клевать под четвертым. Вот что значит опыт прожитой жизни! И бочка пива досталась девяностолетнему старцу.

9

ИСПОВЕДЬ МАЛЕНЬКОЙ НЕСМЫШЛЕННОЙ ДЕВОЧКИ

В Баварии пришла на исповедь к одному священнику маленькая девочка лет семи или, самое большее, одиннадцати. А священник был стар и противен — и чересчур уж настойчиво пытался смутить ее, задавая ей все положенные по исповедальному канону вопросы. Извозил он ее в грязи и так и этак, а она возьми да и скажи: «А почему, добрый мой господин, вы спрашиваете меня о таких странных вещах? Или вам кажется, что я вела себя нечестиво или же вовсе непотребно? Но я для этого чересчур мала. Но я не утаю от вас того, что совершила на самом деле, потому что меня принудили и я не могла отказаться». Кособокий, скрючившийся от старости священник ответил: да, конечно, ей придется все рассказать, иначе он ничем не сможет ей помочь. А девочка спросила: «А кто же поможет тебе самому? Ты

ведь ничуть не лучше и не умнее прочих!» — «А вот это уж не твоя печаль, — воскликнул священник, — давай-ка живо исповедуйся!» И девочка начала так: «Добрый мой господин, сказать по правде, я самая настоящая лентяйка, и особенно не люблю пряхь, потому что занятия скучнее этого просто не придумаешь. А вот петь, плясать, играть, прыгать, скакать со скакалкой и бегать наперегонки я люблю — и так всегда и поступаю. А еще я очень непослушна, и когда мать велит мне сделать что-нибудь, я отвечаю ей: а пошла ты в задницу!» — «Ах, милая дочь моя, — перебил ее священник, — так нельзя поступать ни в коем случае, не то Бог нашьлет на тебя чуму и холеру!» — «Ну, это мы еще посмотрим, — отвечала девочка, — и все-то вы, попы, норовите сказать какое-нибудь говно». Священник в негодовании воскликнул, что пойдет к отцу девочки и серьезно о ней поговорит. «А вот этого вам делать ни за что не стоит, — ответила девочка. — Отец вас не больно-то жалует. Кстати, он велел вам кланяться и передать, что, коли он вас, старого паскудника, еще раз застукает у нас в хлеву с работницей, то мокрого места от вас не останется, потому что он вас, сивого мерина, отдубасит!» В ответ на что священник не смог произнести ни слова. И славная девчушка пошла домой, так и не поняв, отпустили ей грехи или же не отпустили.

10

СУРОВЫЙ ПРИГОВОР, ВЫНЕСЕННЫЙ СУДЬЯМИ ОДНОЙ ЗЛОЯЗЫКОЙ БАБЕ

Есть во Франконию один имперский город, называть я его не буду, потому что он известен всему миру, — а в деревнях вокруг него живут злющие мужики, буяны и горлопаны, и точно такие же, да еще, может, и покруче, бабы. И вот совет добропорядочных граждан издал указ, согласно которому брань и богохульство карались суровым денежным штрафом, причем брань из женских уст признавалась еще более серьезным проступком, чем брань из мужских, и наказывалась еще жесточе. И жила там сварливая, злая баба, ругательница, каких поискать, потому что выражалась она не просто, как солдат, а как вахмистр или даже фельдфебель. Конечно же после указа эту бабу немедленно потянули к ответу. И предстала она перед судьями, и объявили

они ей, что она не только нарушила вышеупомянутый указ, но и преступила заповедь Божью, осквернив свои уста непотребной бранью. Но на первый раз ее накажут всего лишь денежным штрафом. Баба повинилась перед судом, обещала больше так себя не вести и для убедительности добавила: «Да хрен вам всем в зубы, коли вы еще раз услышите, чтоб я ругалась!» Один из членов совета попытался усостыдить ее: «Любезная сударыня, опомнитесь! Вы ведь и сейчас, в присутствии господ судей, опять грязно выругались!» И штраф на нее наложили в двойном размере. Это не столько огорчило добрую женщину, сколько рассердило ее — и на обратном пути из суда она принялась поносить самое себя: «Ах ты, сука бессовестная! И кто тебя за язык тянул, поганку вонючую? Чтоб тебя, козу окаянную, черти задрали!» Эти слова услышал один из судейских писарей и, услышав, поспешил к господам судьям с доносом. Бабу с полдороги вернули в суд и оштрафовали в третий раз.

11

СТАРОЕ ДОВОЕ СНАДОБЬЕ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОГО МОЛОДОЙ
БРАДОБРЕЙ ВЫЛЕЧИЛ ДЕВКУ ИЗ ОБЕРХАУЗЕНА

У одной девки из деревни Оберхаузен был дурной прикус, и она натерпелась из-за этого немало. И боль и стыд. Много она выслушала добрых советов, много перепробовала всяческих примочек да лекарств, только ничто ей не помогло. Поэтому она собралась с духом и решила выдрать зубы — и кликнула за этим делом парня, служившего подмастерьем у цирюльника. А тот был птицей изрядного полета, да не какой-нибудь там вороной или дятлом-долбостуком, а самым настоящим стервятником и добычи своей никогда не упускал. И вот увидел он, что девка молода и, кабы не зубы, хороша собой, и решил, что не стоит ее уродовать. И зубов он ей рвать не стал, а сказал, что вылечит ее другим способом. Он-де приготовит некий порошок — и рано утром, пока она еще не позавтракала и пребывает поэтому в хорошем настроении (после еды у нее болели зубы), угостит ее этим снадобьем. И пришел он к ней ранним утречком и застал ее в одиночестве да в печали, потому что из-за дикой боли она всю ночь не сомкнула глаз. И говорит он

ей: «Тебя лечили сверху — и это ничуть не помогало. Поэтому я буду лечить тебя снизу». И велел девке лечь наземь, потому что снадобье полагалось втереть пальцем в пуп. Девка, понятно, послушалась. И приступил он к делу, пустив в ход одиннадцатый палец, тогда как у обыкновенного цирюльника их бывает ровно десять. Одиннадцатый же — примета настоящего мастера, и мудрено ли, что снадобье попало даже несколько ниже пупа! Приняв первую порцию лекарства, девка закричала: «Еще! хочу еще! хочу непременно еще! Да начни я принимать это снадобье пораньше, я бы уже давно вылечилась! Да мне уже и сейчас заметно полегчало!» Так порой случается оказать помощь ближнему, если сумеешь, какая помощь ему нужна. А стоячий корень от любой хвори хорош.

НОЧНАЯ КНИЖИЦА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

содержащая множество диковинных и забавных историй и рассказов о делишках и о делах, в шутку и всерьез, о счастье и несчастье, и предназначенная для чтения перед сном, после вечерней трапезы, или же в дороге, — для всех тех, кто охотно слушает и читает забавные повестушки, никогда ранее не издававшиеся, а сейчас

выпущенные в свет
ВАЛЕНТИНОМ ШУМАННОМ,
наборщиком из Лейпцига
<1559>

1

О ЖИТЕЛЯХ ДЕРЕВНИ ГАНСЛОЗЕН, ЧТО ОЗНАЧАЕТ ПИШИ ПРОПАЛО, РАСПОЛОЖЕННОЙ НА РАССТОЯНИИ В ОДНУ МИЛЮ ОТ ГЕППИНГЕНА, И ОБ ИХ ПРОСТОДУШИИ

Прослышал один мошенник и прохиндей о простодушии жителей деревни Ганслозен, что означает Пиши Пропало, и собрался в дорогу; взял он с собой кошку, а так как расстояние ему скоротать предстояло немалое, понес ее в руке. Увидел его один тамошний мужик и подбежал к соседу. «Эй, сосед, глянь-ка, что за диковинного зверя несет путник. Что бы это могло быть? Давай у него спросим». И обратились они к мошеннику с вопросом: «Послушай-ка, дорогой земляк, что за невиданного зверя ты несешь?» А тот им и отвечает: «Этот зверь называется мышья погибель». Услыхав такое, оба мужика очень обрадовались, потому что в деревне было полно мышей, которые жрали и портили зерно, ячмень, пшеницу, овес и всякое такое, а мышья погибели не было, да никто о ней и слыхом не слыхивал. И спросили они у мошенника, не продаст ли он им это

полезное животное. И мошенник сказал: «Отчего же!» И спросили они у него: «А за сколько?» И ответил он: «За двести гульденов». И они поспешили оповестить односельчан о том, что объявилась в окрестности мышья погибель и эту погибель можно приобрести. Все мужики тут же возликовали, решив, что с мышами теперь покончат навеки, поторговались с мошенником, сбили цену до ста гульденов и приобрели кошку. После столь выгодной сделки пройдоха, весьма довольный собой, пошел своей дорогой.

А мужики пустили мышью погибель бегать по полу, и повадка ее пришлась им по вкусу. Но тут кто-то, сообразив, воскликнул: «Ах ты черт побери, мы же забыли спросить, чем ее надо кормить, что она ест!» И послали вдогонку за мошенником, чтобы узнать ответ на этот вопрос. Гонцы припустили по дороге с криками: «Стой! стой!» Мошенник обернулся. «В чем дело?» — «Скажи-ка, дорогой, а что мышья погибель ест?» — «А все, что ей ни дашь», — ответил мошенник, и оба гонца испугались, решив, что мышья погибель ест и скот, и даже людей, и побежали сообщить ужасное известие остальным. Те тоже перепугались и запричитали: «Ах ты Господи, что же мы наделали! Если бы нам только удалось от этой проклятой мышью погибели избавиться, а что денежки наши плакали, так это полбеды». И опять послали гонцов, чтобы попросить мошенника забрать у них мышью погибель, хотя бы и даром. Но он ушел уже так далеко, что гонцы его не догнали и воротились обратно ни с чем.

На всех в деревне напал великий страх. Мужики рассудили так: «Когда мышья погибель сожрет всех мышей, она примется за скотину, а потом за наших жен и детей, а в конце концов и за нас самих». А один старик придумал вот что: «Чтобы избавиться от этого страшного зверя, нам надобно еще раз раскошелиться, чтобы возместить нашему доброму хозяину стоимость его дома, а сам дом — спалить дотла, и мышью погибель — сжечь заживо вместе с домом. И тогда мы избавимся от главной нашей печали и от страха за скотину, за жен и детей, да и за свою собственную шкуру». Этот совет пришелся всем по душе, они возместили стоимость дома, в котором разгуливала по полу кошка, и подожгли его. Когда же пламя уже порядочно разгорелось, кошка выпрыгнула из окна и кинулась к стоящим в сторонке

мужикам. А они, увидев, что мышья погибель к ним приближается, бросились врассыпную и стали швырять в нее камнями. Они были убеждены, что мышья погибель решила их сожрать, и поэтому бежали все дальше и дальше. А пламя меж тем пошло гулять по деревне, и вся она сгорела дотла. Так несчастные дураки решили выгадать грош, избавившись от мышей, пожирающих зерно, и приобрели мышью погибель, которая сожрала не только весь урожай, но и все дома со всем добром в придачу.

Подобных простаков теперь уже не найдешь, но и сейчас встречается немало людей, стремящихся выгадать грош, а в итоге теряющих гульден, а то и больше; таких людей и поныне полным-полно.

2

ИСТОРИЯ, МОРАЛЬ КОТОРОЙ ДОЛЖНЫ НАМОТАТЬ СЕБЕ НА УС И СТАР И МЛАД

Случилось мне в 1549 году заниматься одним делом на пару с человеком, имени которого я называть не стану, чтобы он не возгордился. И вот однажды работа у нас оказалась настолько срочной, что пришлось нам из-за нее встать с постели ровно в полночь. А напарник мой привык коротать ночи с прелестной молодой женошкой, и она, разумеется, предпочла бы, чтобы он остался поработать с нею. А вот этого-то он никак не мог взять в толк, полагая, что короткое время она без него превосходно сможет обойтись, раз уж ему предстоят такие тяжкие и срочные труды, — тем более что до сих пор она никогда не давала ему понять, что его присутствие или же отсутствие для нее так важно. Когда, однако же, мой добрый компаньон провел в наших ночных занятиях пять ночей подряд, жена его в пятницу утром оказалась или же сказалась больной. И, провожая его на работу, воскликнула: «Любезнейший Н.! Знал бы ты, как плохо мне было вчера весь день и сегодня всю ночь! Кажется, я и в самом деле заболела». Такие слова опечалили мужа, болезни он своей жене никак не желал, но поженились они еще совсем недавно, и он, полагая, что в медовый месяц достаточно поусердствовал, решил, что денек-другой, свободный от семейных радостей, ни ему, ни ей помешать не может.

На следующий день он вышел на работу с крайне унылым видом. «Что с тобой, — спросил я у него, — почему ты так печален? Тебе, наверно, не повезло с женою». — «Да нет, — ответил он, — с женою-то мне повезло, только сейчас она что-то прихворнула». — «Да брось ты, — сказал я ему, — стоит ли так расстраиваться. Женщины вечно хворают, но никогда не помирают». Но он мне не поверил и, кстати, оказался совершенно прав. Не зря же сам Господь Бог сказал в Книге Бытия наряду с прочим и такие слова: «Оставь отца своего и мать свою и прилепись к жене». А святой Павел добавил: «Любите, мужчины, жен ваших, как свое собственное тело!»

Вышеприведенные изречения пришли на ум и моему напарнику — и он, воротясь тою ночью домой, спросил у жены, все ли еще больной она себя чувствует. И она ответила: «Ну конечно же. Просто не пойму, что у меня с животом творится». И он спросил у нее: «А почему ты себе ничего не приготовишь поесть, почему не выпьешь доброго вина?» И она ответила: «Мне не хочется ни пить, ни есть». А он не смог распознать причину ее болезни, иначе бы он ее непременно вылечил. Так длилось до самого воскресного утра — а тогда он заговорил с ней в постели и спросил у нее, не захотелось ли ей поесть и попить, и добавил: «Может, тебе хочется курочку, или рябчика, или пару рябчиков, или же рыбки, или же фунт добрых раков, или зеленый салат, или еще чего-нибудь. А идти за покупками тебе не придется: я сам выйду и все куплю, благо, у меня сегодня свободного времени более чем достаточно. А если тебе не нравится привозное вино, то давай отправимся в деревню за домашним. Встань только с постели, приходи в доброе расположение духа!» Такие мужчины, как этот, мне нравятся; у меня есть знакомая, которая только и мечтает, чтобы ее муж именно так себя и вел, это ведь чисто по-христиански, — и мне даже не кажется, что подобное поведение предосудительно, если, конечно, оно соответствует твоей натуре. Но бедной новобрачной было не до еды и не до питья, голод, который она испытывала, можно было утолить только в постели, и только об этом она и думала, когда объявила мужу: «Да нет же, мне не хочется ни есть, ни пить», но позабыла или же не решилась добавить, чего же ей хочется. А он, уже в некотором раздражении, спросил: «Чего же ты хочешь? Ну, чего? Может, тебя,

извини за выражение, оприходовать?» И жена тихим голосом ответила: «Что ж, у каждого есть своя маленькая слабость». Мой добрый приятель поразмыслил над ее словами да и приступил к делу. А потом спрашивает: «Ну как, есть еще не захотела?» И жена отвечает: «Еще нет». Тогда он собрался с силами и уступил ее слабости еще разок. Жена тут же поправилась, встала с постели и пошла с мужем на рынок. Обрадованный ее исцелением, он купил пару цыплят, она собралась их пожарить да наказала ему раздобыть к обеду доброго вина. При встрече я спросил у него, как чувствует себя его жена, и он поведал мне всю эту историю от начала до конца, заставив меня от души надо всем этим посмеяться.

А смеяться тут, между прочим, нечему. Всякий, кто надумал жениться, должен сначала хорошенько поразмыслить да взвесить, удастся ли ему в достаточной мере удовлетворить естественные потребности жены, как, например, в еде, в питье и в обновлениях, но и о естественных потребностях, возникающих ночью, ему не след забывать. Если решишь жениться, а сам не сможешь выполнять разумные домашние обязанности, то, боюсь, доведется тебе худо есть и жестко спать, — если, конечно, не достанется тебе жена, которой придется не по вкусу исполнение супружеских обязанностей, — да ведь где таких жен нынче сыщешь! Потому что и пища и питье суть лошадки, везущие все к той же цели, — а если отправляться в поездку тебе неохота, жена твоя уж постарается подыскать себе наездника более удалого. И ему достанется все, что ты заработаешь честным трудом — и все твои труды, следовательно, пойдут прахом. Ежели ты беден, то прямая дорога тебе в приют для убогих. Вот с чем следует считаться, а не посчитаешься — оно выйдет тебе боком. А есть мужья, которые бы и рады, да только у них ничего путного не получается. Не скажу, что они ведут себя не по-христиански, но уж точно — не по-божески, потому что Бог сказал Ною (в Книге Бытия, на восьмой день): «Плодитесь и размножайтесь!» Поэтому не по-божески ведет себя тот, кто нарушает завет и тем не менее женится; он ввергает Господа во гнев, а себя — в позор и грех, вводит во искушение собственное тело и душу помыслами, а свою жену — делами. И хватит о том.

Жил в одном имперском городе пекарь, очень старательный, но крайне невезучий. Все у него валилось из рук, муку приходилось покупать втридорога, а хлеб отдавать за полцены, и стал ему белый свет не мил. Но вот однажды ночью пришла ему в голову одна достаточно хитроумная мысль, как это порою бывает с подобными неудачниками, и он сказал жене: «Милая моя женушка, ты сама видишь, как плохи у нас дела, хотя мы трудимся в поте лица своего, бьемся как рыбы об лед и при этом каждую копейку считаем и пересчитываем. А Бог нас все наказывает и наказывает!» Начал он с Бога, чтобы поскорей добраться до своей главной мысли. «И все же, если ты захочешь и сумеешь мне помочь, мы попробуем попытаться счастья еще разок». Жена ответила: «Милый мой пекарь, я с удовольствием помогу тебе, если ты задумал честное дело». И он сказал: «Ну а какое ж еще. Сходи-ка к мяснику и попроси у него телячьей крови. Я положу тебя на пол, измажу кровью, а после этого подниму такой шум, как будто начну разносить весь дом вдребезги. А ты, пожалуйста, при этом ори, как будто тебя режут. Да ори погромче! А когда на шум и крик сбегутся соседи, притворись, будто ты умерла, а я тут начну играть на скрипке — и ты от этого как бы воскреснешь. Вот так ты сможешь мне помочь». Жена согласилась, и муж принялся шуметь, словно разносил по щепке весь дом. Жена закричала что было мочи, завизжали и дети. Шум разнесся по всей округе, и соседи сбегались узнать, что, собственно говоря, происходит. Жена пекаря лежала на полу вся в крови и казалась мертвой, и все, увидев ее, изрядно перепугались. А по соседству жил один купец, и был он порядочной сволочью и к тому же большой мастак обводить всех вокруг пальца, — может быть, поэтому Бог и решил наказать его и привел с этой целью в дом к пекарю. Привел, а верней сказать, приволок, потому что купец явился сюда одним из первых и сразу же пристал к хозяину дома с обидными расспросами: «Эй, сосед, да ты никак жену зарезал?» И пекарь ответил: «А что ж мне было делать, коли она меня допекла! Меня и так судьба не больно-то, мягко говоря, жаловала, а тут еще

ее постоянные попреки да издевки. Правда, стоит мне заиграть на скрипке, как она тут же воскреснет. Так уж у нас в доме заведено». И с этими словами он снял со стены скрипку, сел за стол, словно все, что происходит в доме, его ничуть не касается, и заиграл, и замурлыкал песенку:

Если пожениться,
Значит, жить придется...

Собравшиеся немало подивились тому, что пекарь, убив жену, пребывает в спокойном и радостном настроении, и решили, что он рехнулся. По ходу песенки жена пекаря начала, однако же, слегка подпрыгивать ножкой, но он делал вид, что и это его не касается, играл себе да играл. И наконец женщина заговорила слабым и словно бы замогильным голосом, как будто она только что очнулась из мертвых: «Ах, милый мой муж, как смеешь ты убивать меня до смерти, а потом воскрешать игрой на скрипке, как смеешь ты обрекать меня на все новые и новые муки! Уж лучше убил бы ты меня окончательно, тогда бы я больше горя не знала». — «А скажи-ка лучше, — ответил ей муж, — почему ты на меня все время шипишь, почему ты ругаешься, почему не можешь держать язык за зубами?» В ответ на что женщина бессильно, в полуобмороке поднялась на ноги; соседи подхватили ее и уложили на кушетку, после чего разошлись по домам.

Купец, однако же, домой не спешил. Он замешкался в доме у пекаря, размышляя: «Что же это за скрипка такая, если она воскрешает мертвецов? Надумай пекарь ее продать, я бы уж не поскупился, потому что и у меня жена такова, что убить ее хочется каждую минуту. Вечно она норовит подать милостыню несчастным, вечно старается уговорить меня сбавить цену беднякам, вечно я на нее за это зол. А будь у меня эта скрипка, я бы ее убил, поторговал спокойно, по своему разумению, а потом опять оживил бы!» И, додумавши до этого места, он спросил у пекаря: «А что, сосед, жив ли еще скрипичных дел мастер, изготовивший эту скрипочку?» — «Не знаю, — ответил пекарь, — я привез ее из Неаполя». — «Неаполь далеко», — подумал купец, а вслух произнес: «А продай-ка ее мне, соседушка! Я хорошо за нее заплачу». Но пекарь ответил: «Нет, дорогой сосед,

этого я не сделаю, не то мне придется отсюда в скором времени бежать куда глаза глядят. Она меня уже не раз выручала». — «Соседушка, — принялся настаивать купец, — я заплачу тебе за нее триста гульденов наличными. На такие деньги ты сможешь закупить всякой всячины и станешь жить с женой в мире и согласии». Но тут жена пекаря вскочила с кушетки и закричала: «Нет, милый муж мой, ни за что на свете не продавай ее! Ты ведь все равно не удержишься, на что-нибудь ненароком осерчаешь — и что же получится? Тебе придется пускаться в бега, а меня — меня уже ничто не сможет воскресить. Что же станет тогда с нашими малышками?» — «Да уж соглашайся, милая, — сказал ей купец, — а я справлю тебе в придачу добрую шубу». И они с пекарем ударили по рукам. Купец обрадовался, выложил деньги, забрал скрипку и унес с собой.

А в скором времени собрался купец продать полный погреб зерна, да только заломил такую цену, что ни у кого из пекарей не хватило денег, и жена его начала торговаться с ними сама. Такое пришлось купцу не по душе, он дождался, пока пекари не убрались восвояси, и заорал на жену, угрожая ей: «Больше тебе такое не пройдет! В следующий раз я изобью тебя до смерти!» Ибо он был уверен в чудодейственных свойствах скрипки. Жена отвечала ему: «Дурак ты несчастный! Тебя с этой скрипкой хорошо надули!» Купец пришел в страшное бешенство, схватил жену за волосы и принялся таскать из комнаты в комнату. Она закричала дурным голосом, а он выхватил из-за пояса кинжал и нанес ей несколько смертельных ударов в голову, отчего несчастная женщина сразу же испустила дух. Купец же взялся за скрипку и начал играть на ней, полагая, что жена незамедлительно воскреснет. Играл он, играл, а она все не воскресает, и помянул он в сердцах святого Валентина, да только тот был здесь совершенно ни при чем. Играл, играл — а жена мертвехонька. Купец совсем взбесился, разломал скрипку и с обломками в руках побежал к соседу. «Слушай, пекарь, что за скрипку ты мне подсунул? Я убил жену, а воскресить не могу — и это ты во всем виноват». — «Да черт тебя побери, — ответил пекарь, — если не умеешь с ней обращаться, так отдавай обратно, мне она в самый раз пригодится. А деньги я тебе верну». А откуда купцу было взять скрипку? Он уже разломал ее на части. Пошел он домой, взял, что

смог унести, да и поминай как звали. А пекарь, коли не помер, до сих пор при деньгах.

Из этого рассказа надлежит юношеству извлечь следующий урок: если дела у вас идут плохо, это еще не повод отступаться от Господа Бога нашего. Напротив, надлежит молиться ему денно и ночью вместе с женой и детьми, прося у него помощи и заступничества в несчастиях наших. Ибо помощь Господня истинно благодатна и не похожа на то непотребство, которое учинил пекарь. И женам следует знать, что им надлежит помогать мужьям во всем, что не противно понятию о чести и в то же время способствует процветанию семейства. Помогать и против бесчестного купца, скупого и завистливого, который только и думает дни и ночи напролет, как бы ему поживиться за счет ближнего своего, как бы ему доставить бедным людям все новые и новые мучения да как бы ему сгрести все к себе да под себя. Хочу также пожелать всем скупердьям той же участи, которая выпала на долю римскому императору: черти в аду напоили его расплавленным золотом — и поят до сих пор, а ему все мало.

4

ИСТОРИЯ О МУЖИКЕ ПО ИМЕНИ ЕДИНОРЫК, И О ЕГО ОДНОСЕЛЬЧАНАХ,
И О ТОМ, КАК ОНИ ВСЕ УТОПИЛИ

В деревне, название которой мне не запомнилось, жил-был один мужик, сын которого вырос изрядным пакостником. И стоило его почтенному родителю отойти в лучший мир, как шутник этот закусил удила и с превеликой дерзостью принялся причинять соседям и односельчанам столько вреда, что и те в свою очередь решили отплатить ему тою же монетой, чтобы заставить забавника убраться из отчего дома на все четыре стороны. А звали этого парня Единорык — считай, почти единорог. И вот собрались мужики однажды и заделали Единорыку печь, чтобы он не мог испечь себе хлеба. И знали они при этом, что припас у него невелик и новой печи ему не поставит, а о том, чтобы испечь свой хлеб в чужой печи, и речи быть не могло, никто б ему такого не позволил, потому что задумали они всем миром его из деревни выжить.

И вспомнил Единорык старую добрую пословицу: «Денег нет — ступай в Аугсбург, там любую дрянь за

деньги принимают». А вспомнив, набрал красной глины из печи, налепил кружочков, собрал эти кружки в кожаный мешок и направился в Аугсбург. И попал он на постоялый двор, где всеми делами заправляла вдовая хозяйка на пару с единственной дочерью. Придя на постоялый двор, добрый Единорык обратился к хозяйке со следующими словами: «Любезная хозяйюшка! берегите этот мешок как зеницу ока. Потому что коли он пропадет или чего-нибудь из него пропадет, ждут меня большие неприятности и придется мне пускаться в бега». Трактирщица отвечала ему: «Ах, милый юноша, вам не о чем беспокоиться. Да будь ваш мешок набит чистым золотом, он здесь ни на пылинку легче не станет!» Ибо добропорядочные хозяйки всегда ведут себя честно и добропорядочно. Да только дочь трактирщицы была не такова, и, когда Единорык отправился спать, стала она гадать и думать: «Что же там в мешке такое, раз владелец о нем так тревожится и печется?» Пошла потихоньку да развязала мешок и нашла в нем глиняные кружки — и решила, что кружки эти из чистого золота. И поспешила к матери и сказала: «У этого парня в мешке и впрямь чистое золото!» Мать решила сама проверить дочкин рассказ. Проверила — и тоже приняла кружки за золотые и сказала так: «Слушай! я сейчас все золото к себе пересыплю, а мешок наполню медью. Он, поди, с утра ничего и не заметит». Думали дочка с матерью, что ждут их райские кущи, а очутились в геенне треклятущей. И когда Единорык наутро встал и потребовал свой мешок, они принесли ему мешок, набитый медными деньгами. Хитрец конечно же заметил, что содержимое мешка подменено, да только не подал виду, поблагодарил хозяйку за пристанище и пошел своей дорогой. И, чуть выйдя за ворота, развязал мешок и увидел, что тот набит деньгами.

Проделка удалась ему на славу, и, воротясь домой в отличном расположении духа, он сказал землякам: «Ах вы, пни горелые, решили, видите ли, мне печь заделать! Да только достал я из той печи полный мешок медных денег — и печку теперь могу поставить новую!» Мужики, раздосадовав, спросили у него, каким образом ему удалось обратить обыкновенную глину в медные деньги. «Да разве вы не знаете, — отвечал пройдоха, — что в Аугсбурге любую дрянь за деньги принимают!»

Мужики разошлись по домам, выгребли из печей всю глину, погрузили ее на громадный фургон и повезли в Аугсбург, намереваясь выручить кучу денег. Остановились они в Берлахе и начали тоговать, да только никто не подошел к ним спросить, чем они торгуют, не говоря уж о том, чтобы покупать. Ждали они до полудня и после полудня, но так ничего и не продали. Мужики, осерчав, отправились восвояси, и ехать им пришлось целую ночь, и мучили их при этом голод и жажда, да и лошади в пути разве что не сдохли.

Любви к Единорыку этот случай, понятно, им не прибавил. Напротив, стали они относиться к нему с еще большей ненавистью и подумывали даже, не убить ли им его, рассуждая при этом так: «Этот подлец нассал нам в глаза. Как можем мы ему такое спустить?» И порешили они для начала убить корову Единорыка, пасущуюся в общем стаде. Как порешили, так и сделали.

Когда добрый Единорык нашел свою корову зарезанной, он сразу же понял что к чему и, не ропща на судьбу, освежевал тушу, а шкуру повез на продажу в Аугсбург. И здесь его вновь ожидала удача. Когда он стоял в Берлахе со своим товаром, подошел к нему старый кожевник, или дубильщик, как их еще называют, и спросил, за сколько он эту шкуру продаст. Единорык запросил два гульдена, и сошлись они на двадцати пяти батценах. Но дубильщик собирался домой не сразу, у него были еще дела в городе, и он попросил торговца: «Послушай, мужик, а не сходишь ли ты на Миттелех да не спросишь ли там, где дом кожевника, — его тебе всякий покажет. А выглядит он так-то и так-то (и описал ему дом). Вот там-то меня и дожидайся, а я скоро вернусь и сполна с тобой рассчитаюсь». Добрый Единорык отправился туда и быстро нашел дом по описанию. А у старого дубильщика была красивая молодая жена, и, может быть, она была не вполне довольна своей судьбою. Увидев перед собой молодого и здорового мужика и очутившись с ним с глазу на глаз, она поспешила обратиться к нему то ли с просьбой, то ли с предложением, то ли с вопросом, сказав: «Мой дорогой мужичок, а не составит ли тебе труда помочь мне в одном дельце?» Единорык понял, что за дельце имеется в виду, согласился его исполнить и незамедлительно исполнил. А исполнив, сказал хозяйке дома: «Вот что, сударыня, сейчас сюда воротится ваш муж, и я поведаю ему всю

правду о том, как легкомысленна его жена и с какой готовностью она спешит спутаться с первым встречным». Красотка перепугалась и попросила: «Ах нет, ни в коем случае не делайте этого! Вы лишите меня доброго имени и ввергнете в великий позор перед всеми моими родственниками. А если вы обещаете молчать, я дам вам сотню гульденов, и к тому же впредь вы сможете приходить ко мне, когда вам заблагорассудится. Возьмите какую-нибудь кожу как предлог — и приходите в любое время. Я буду полностью в вашем распоряжении». Добрый Единорык взял сто гульденов и дождался хозяина, чтобы получить свои двадцать пять батценов и с него, а после этого пошел домой. А сколько — как вы считаете? — живет на свете горожанок, которые с превеликим удовольствием поступили бы точно так же, как жена кожевника, лишь бы их доброе имя не пострадало и приятное времяпрепровождение осталось бы под покровом тайны?

Воротясь домой, Единорык сказал землякам: «Опять вы, друзья мои, оплошали. Зарезали мою корову — ну и что? Я выручил за ее шкуру сотню гульденов». И показал им деньги. Мужики пришли в полное бешенство, поверили его словам, разошлись по домам, прирезали всех своих коров, освеживали туши, а шкуры порешили везти в Аугсбург на продажу. Пришли кожевники да начали спрашивать, почем товар. Один мужик говорит: «Сто гульденов шкура», — и другой то же самое, и третий — все словно сговорились. А кожевники им и отвечают: «То ли вы все сошли с ума, то ли нас почитаете за полных идиотов. Сто гульденов — цена совершенно неслыханная и невозможная». И стали они смеяться над мужиками да шуточки над ними шутить: один сто медных грошей за шкуру предложит, а другой и вовсе сто полушек. Мужикам это было страшно обидно, и они окончательно решили сжечь доброго Единорыка со свету за то, что он заставил их лишиться не только печей, но и коров.

И вломились они к нему в дом, намереваясь убить его на месте. А Единорыка там не было, и находилась в доме только его добрая старая матушка. И мужики, озверев, убили матушку и разошлись по домам.

Воротясь к себе, нашел Единорык бездыханное тело родимой матушки, уже и окоченелое, и конечно же понял, кто и за что ее убил. Взял он ее на руки и понес из

деревни прочь, на дорогу, и прислонил труп к придорожному кусту. А по дороге проезжал виноторговец, в фургоне у которого, запряженном четверкой добрых лошадей, был изрядный запас вина. А сам виноторговец ехал верхом на одной из своих лошадей. Завидев его издали, Единорык вынес материнское тело на дорогу, кое-как закрепил его стоймя, а сам притаился за кустом, пока виноторговец не успел его приметить, и стал ждать, что дальше будет. Подъехав поближе, купец увидел, что посреди дороги стоит женщина и вроде не собирается уступать ему пути. «Эй, женщина, — закричал он, — посторонись, не то перееду!» Но женщина не посторонилась и вела себя так, словно его слов даже и не слыжала. Хозяин фургона осерчал и, осерчав, крикнул: «Чтоб тебя черти в ад забрали, ты еще надо мной смеешься!» Хлестнул он лошадей, и переехал мертвую женщину, да и поехал было дальше. Но тут из-за куста выскочил Единорык и закричал на него: «Ах ты, негодяй! Ты задавил мою матушку! Насмерть задавил! Ну ничего, уж тебя самого за это на колесе задавят!» Виноторговец подумал, что влип в историю: его застигли на месте преступления, да и мужик-то в кустах наверняка не один. Поэтому он дал шпор той лошади, на которой сидел верхом, и стремительно умчался прочь, бросив фургон с вином посреди дороги. Увидев это, Единорык поднял с земли останки своей матушки и похоронил ее. А потом сел на одну из лошадей в упряжке и повез фургон с вином к себе в деревню. А там принялся издеваться над земляками: «Вот уж нынче вы оплошали так оплошали! Убили мою матушку! Ну и бестолочи! А я за это получил трех лошадей и фургон с вином».

Тут у мужиков и вовсе зашел ум за разум от ярости, схватили они Единорыка и, не зная, как от него избавиться, заперли до утра в темном чулане. И после долгих споров и препирательств порешили его утопить. Зашили Единорыка в мешок и потащили на мост, потому что деревня стояла на реке. И уж совсем было собрались сбросить его с моста в воду, как вдруг один старик возьми да и скажи: «Слушайте, мужики! Так дело не делается. Мы собираемся с утра пораньше совершить убийство, а сами даже к мессе не ходили! Давайте же сперва сходим в церковь да послушаем мессу, а Единорык тут пока пусть в мешке валяется».

А когда они удалились и Единорык понял, что никого из них поблизости не осталось, он принялся кричать: «Не стану учиться! Ни за что не стану учиться!» И, дорогие мои соотечественники, пути удачи воистину неисповедимы, и уж к кому приходит она, к тому приходит не раз и не два. И пойдя прахом весь мир или сойди с ума все подряд, удача от такого счастливирика все равно не отвернется, — и если он, например, начнет раскидывать золотые монеты из окна, то дождь золотых прольется на него через крышу. И напротив, если уж кому не везет, то ни Иисус Христос, ни святое крещение ему не помогут, и раздери он на себе все одежды да и обделайся, прошу прощения, вдобавок, — все это будет как мертвому припарки. И случилось так, что, пока добрый Единорык валялся в мешке на мосту, неподалеку проходил пастух со стадом свиней. Свинопас услышал крики Единорыка и немало удивился им, подумав, чему же это он не хочет учиться? И подошел поближе и спросил: «Чему это ты не станешь учиться?» И Единорык ответил: «Да понимаешь, отец захотел сделать из меня золотых дел мастера, а я на него учиться не стану». — «Ах, — вздохнул свинопас, — это же прекрасное ремесло, с каким удовольствием я изучал бы его!» И добрый Единорык отвечал ему: «Тогда, милый, залезай в мешок. Отец воротится и отнесет тебя в мешке золотых дел мастеру вместо меня». Простодушный пастух легко дал себя уговорить, развязал мешок и забрался внутрь. А Единорык выбрался наружу и погнал свиней вниз по реке. А мужики, воротясь из церкви, швырнули бедного пастуха в воду и утопили его.

А вечером Единорык вернулся в деревню и пригнал стадо свиней. Мужики приняли его возвращение за чудо и решили, что свиней этих он нашел на дне. И порешили, что и одному из них надо бы на пробу нырнуть в реку, чтобы выяснить, как там обстоит дело со свиньями. И если он там что-нибудь найдет, пусть вынырнет и помашет руками, — тогда они все прыгнут с моста в воду, и каждому достанется по целому стаду. Но когда мужик прыгнул в реку, он там, понятно, ничего, кроме воды, не нашел и вскорости начал тонуть. Вынырнул он разок и помахал руками, чтобы односельчане его вытащили. А те приняли его просьбу о помощи за условный знак о свиньях, прыгнули все разом с моста в реку, пошли ко дну и лишились жизни все до единого.

Не зря ведь говорится: не рой другому яму, сам в нее и попадешь. Но поразмыслите и над тем, как неисповедим и многотерпелив в своих деяниях наш Господь. Мужики полагали, что, выжив Единорыка из деревни, они тем самым избавятся и от всех забот, и знать не знали, что на этой дорожке суждено им всем расстаться с жизнью. Так устроен наш дурацкий мир и так размышляют дурацкие мудрецы его: стоит, мол, избавиться от того-то или от того-то, и дело будет сделано! И не задумываются они над тем, что Господь Бог замыслил все по-своему и сделает по-задуманному. Так вот, например, одна жена решила, что если она будет не переставая бранить мужа, то он начнет все делать так, как ей нравится, — а вышло-то все прямо наоборот! Но хватит о том. Вот вам лучше маленький стишок, и как раз про то же самое:

Мне никто не платит денег —
Я не льстец и не мошенник.
А подлец и интриган
Лезут ближнему в карман.

5

ИСТОРИЯ О ДВОРЯНИНЕ, НЕ ЖЕЛАВШЕМ ВЫДАТЬ СВОЮ ДОЧЬ
НИ ЗА КОГО, ЕЖЕЛИ ТОМУ НЕ УДАСТСЯ ВЫКОСИТЬ ЗА ДЕНЬ
ПОЛОСКУ ДЛИННЕЕ, ЧЕМ РУЧЕЙ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ПУСТИТЬ
КРАСАВИЦА

У одного дворянина, жившего неподалеку от Коверка, была на редкость красивая дочь, и руки ее конечно же помогались многие, но она не хотела выходить ни за кого, пока он не докажет ей свою силу, выкосив за день полоску луга длиннее, чем ручей, который она может выпустить из себя за раз. Ибо место, откуда она пускала ручеек, было у нее узкое и пружинистое — и ручей мог растечься на добрую милю, а то и дальше, как это и бывает порой в наши дни с иными девственницами, вышененазванное место у которых столь труднодостижимо, что туда, казалось бы, и щеточку для бровей не просунешь, тогда как на самом деле, взглянув туда же при свете дня, убеждаешься, что здесь спокойно пройдут рядышком две-три головы далеко не новорожденных деток. Я говорю, понятно, не об истинных девственницах, а только о мнимых. И вот приходил к ней посва-

таться иной юноша или же молодой мужчина во цвете сил, и косил по лугу целый день. А вечером появлялась на лугу в сопровождении отца красавица — и пускала струю не в пример длиннее, чем выкошенная полоса. Поэтому она ни за кого и не выходила.

Но тут объявился один искатель самых диковинных приключений, знавший толк и в приручении девиц, и отправился он к ней и к ее отцу и сказал, что готов попытать счастья. Его отвели на луг, расположенный по дороге в Бамберг. Добрый малый пришел туда не с пустыми руками: он прихватил с собою бутылку вина, хороший кус жаркого, пирог и каравай хлеба. Приступив к работе, он первым делом выкосил четырехугольную площадку, пометил каждый угол опознавательным знаком, а именно бутылкой, жарким, караваем и пирогом, а сам разделся догола и остался в чем мать родила. А в обеденное время пришла погулять на лугу красотка, руки которой он добивался, увидела обнаженного косца, со всеми его причиндалами, начавшими при ее появлении резко увеличиваться, — и обмерла от удивления. Поглядела на него, поглядела, да и спросила: «Эй, приятель, что это у тебя за штука такая? Или, может, зверюшка?» — «Нет, милая барышня, — ответил косец, — это не зверюшка, это мой указательный палец». — «Какой странный указательный палец! — воскликнула девица. — Я такого еще никогда не видела. А на что же он, интересно, указывает?» Косец повернулся лицом к углу, где стояла бутылка, и произнес: «Он указывает, где можно найти бутылку вина». Барышня кинулась в указанном направлении и действительно нашла там бутылку. Отведав вина, она признала: «Экий славный пальчик!» А косец в это время повернулся в другую сторону, и красавица спросила у него: «Милый друг мой, а на что он указывает сейчас?» — «А сейчас он указывает, где можно найти пирог». И она поспешила в тот угол, нашла пирог и принялась смеяться. И точно таким же образом обстояло дело и в третьем углу, и в четвертом. «Вот уж палец так палец, помилуй меня, Господи, — сказала барышня и, обратясь к косцу, продолжила: — И все ж таки это зверюшка, а не палец. Вот ведь у нее, я вижу, есть рот. А любопытно, что такая зверюшка ест?» — «Милая барышня, — мгновенно ответил шельмец, — она не ест ничего, кроме сахара с вашего живота!» И предложил ей лечь на траву, и насыпал ей на жи-

вот горсть сахарного песку, и принялся елозить по сладкой поверхности «указательным пальцем», девица же полагала, что происходит кормление пальца. А «палец» собирал сахар все ниже и ниже и наконец очутился там, куда и стремился. Барышня вскрикнула: «Ай, а там-то что ему нужно?» — «Милая барышня, — отвечал наглец, — туда сахарку немного завалилось, вот он его и достает». — «Раз так, — сказала красавица, — пускай наестся вволю. У моего отца целый фургон сахару, я ему его весь скормлю». Наевшись досыта и до отвалу, «палец» и сам добрый молодец вылезли наружу. Косец оделся и вроде бы решил опять приняться за косьбу, а барышня пошла домой. Но ближе к ночи воротилась вместе с отцом на луг, чтобы посмотреть, много ли выкошено, и отец нашел, что выкошено немного. «Ну-ка, дочка, — сказал он, — это тебе раз плюнуть, принимайся-ка за дело!» Дочь и принялась, да только невзначай набрызгала себе на туфли. Добрый молодец, заметив это, расхохотался и сказал дворянину: «Вот, сударь, извольте отдать за меня вашу дочку». Тот рассердился, но отступить от данного им слова не мог.

Так простой мужик породнился с дворянином. Правда, сейчас знать настолько захудала и обнищала, что портняжки и мясники становятся дворянами один за другим. Причем мясникам даже проще: у них есть уже и лошади и собаки, а портняжкам еще приходится эту тварью обзаводиться.

Какой искатель приключений
Боится стиснутых коленей?
Река в июле льдом застынет,
Коль он шутя их не раздвинет.

Жил в Лейпциге богатый купец, и была у него красавица жена. И завела она интрижку с одним студентом. Стоило купцу куда-нибудь отправиться по делам, — а ведь купцы часто разъезжают по делам, и поездки их длительны и небезопасны, — как она посылала за своим

возлюбленным и наказывала ему тотчас же к ней явиться. И была у этого купца сорока, причем необычайно болтливая. И только она оставалась со своим хозяином наедине, как немедленно принималась докладывать ему, чем занималась госпожа в его отсутствие и какие пакости вытворяла. И так она разбалтывала все купцу после каждой его поездки. Поэтому и молодой женушке жилось отнюдь не сладко, шли у нее с мужем вечные скандалы и ссоры, и мечтала она только о том, как бы эту проклятую сороку умертвить. И вот однажды уехал купец в очередной раз по своим делам, а жена его послала за возлюбленным и предалась с ним их всегдашнему занятию. А сорока возьми да и скажи: «Сударыня, как только ваш муж вернется, я ему обо всем подробнее доложу». Женщину подобная угроза крайне встревожила, и надумали они вдвоем со служанкой вот что: притащили в комнату бочку с водой и накидали туда камней. И принялась служанка молотить кулаками по бочке, а хозяйка начала разбрызгивать воду и швыряться мелкими камнями и песком. И устроили они таким образом самый настоящий град.

Когда через несколько дней купец воротился домой, сорока сразу же выложила ему все насчет хозяйки и ее возлюбленного. Купец ей, как всегда, поверил и принялся стыдить жену, да и поколотил ее тоже. «Как ты можешь верить этой бессовестной птице, — закричала красавица. — Это все враки, бесстыдные враки. Скажи-ка ты, болтунья несчастная, что это был за день, когда я, видите ли, изменяла мужу?» Сорока ответила: «Сама знаешь. В ту ненастную ночь, когда ударил град». — «Ну вот, муженек, послушай, как она врет! Никакого ненастья тут в твое отсутствие не было и града тоже не было. Если не веришь, спроси у соседей!» Купец расспросил соседей, и все подтвердили ему, что никакого ненастья не было. Купец пришел в бешенство и, воротясь домой, свернул своей верной сороке шею. Так, полагал он, надлежало покарать ее за ложь. А на самом деле перехитрила его не сорока, а супруга, которая с этих пор получила возможность предаваться своим забавам совершенно беспрепятственно.

А теперь мне хочется спросить у каждого из вас: верите ли вы во все, что говорят вам жены? И сам же ответчу: верить им не надо, потому что женщины умеют

притворно смеяться и плакать и любая хитрость им по плечу; они строят из себя святую простоту, а сами злей и изобретательней иного беса. А стоит появиться в доме слуге или же служанке, которые будут верны своему господину и станут служить ему и печься о его чести и благе, идя при этом против воли хозяйки дома, тут-то их и начнут так или этак выживать и подсиживать, чтобы творить свои пакости и подлости беспрепятственно. Правда, порой случается и так, что на место прогнанного слуги заступает другой, еще более настырный, и глазастый, и болтливей любой сороки. И тогда уж правда начинает колотить глаза во всю мочь. И поэтому главе каждого дома, будь он хозяином или же хозяйкой, надобно, нанимая прислугу, проверить и испытать ее на верность, чтобы впредь уже не поддаваться искушению прогнать и расчитать неугодного человека в ответ на какой-либо оговор или же прямую клевету. А услышав слова правды, не стоит впадать в ярость и сворачивать доносчику шею, как обошелся купец со своей сорокой. Ведь если бы не поверил он словам жены, да и соседям тоже (потому что и соседи могут стать лжесвидетелями, хотя эти-то как раз ими не были, но ведь всегда сыщутся люди, готовые за деньги оговорить кого угодно), он бы и сороке шею не свернул. Да и впадать в такой гнев в любом случае не надо — а если уж разгневаешься, то ничего в этом состоянии не предпринимай: жди, пока гнев уляжется и осядет, и только потом начинай действовать по своему разумению о справедливости.

7

ИСТОРИЯ ПРО МЕЛЬНИКА И ЕГО ЖЕНУ И ПРО ТО, КАК ОНИ ДРУГ ДРУЖКЕ
ИСПОВЕДОВАЛИСЬ

В Базеле жил богатый мельник, у которого была очень красивая жена. Он, однако же, предпочитал любви пьянство, и ночью от него поэтому не было ни соку, ни проку. И пришлось мельничихе самой подыскивать себе утешителя, да, как вы скоро поймете, далеко не одного.

И вот однажды, во дни великого поста, когда каждый, как это заведено у католиков, стремится выказать собственную — подлинную или мнимую — благочестивость, и даже те женщины, на которых, как говорит-

ся, пробу ставить некуда, и развратники и выжиги, каких поискать, не совершившие за целый год ни одного мало-мальски доброго дела, хотят причаститься крови и плоти Христовой и полагают себя вполне этого достойными — пусть назавтра все пойдет своим чередом и улучшения человеческой породы будет ровно столько же, как если бы не на крестном ходе они побывали, а провели ночь со свиньями; вот в такие-то дни мельник с женой решили исправиться, да только то отпущение, которое они получили, пришлось мне не по вкусу. Мельник сказал жене: «Милая моя, пора нам становиться людьми благочестивыми. Давай для начала исповедуемся друг дружке в былых грехах, отпустим их один другому и будем впредь жить честно». Жене такая придумка понравилась, потому что ей хотелось выведать все, что было у мельника на уме.

Мельник уселся, жена встала перед ним на колени и начала свой рассказ: «Милый муж мой, я признаюсь тебе во всех своих прегрешениях и надеюсь, ты не станешь мстить мне за то, что тебе доведется услышать. Ибо ночами я только тебя и жажду, — а ты? Как ведешь себя ты? Если бы ноги твои были таковы, как кое-что иное, ты прослыл бы хромым калекой, а то и вовсе безногим. И если бы прыть твоих ног уподобилась прыти и желаниям твоих чресл, ты вообще бы не сделал ни шагу. И поэтому я признаюсь тебе, хотя мне и очень стыдно: я уносила из дома деньги — и медяки, и серебро, и даже, случалось, золото — и отдавала нашему доброму священнику. Потому что он меня долго и сладостно утешал. И школьный учитель тоже. И еще трое твоих батраков — чтобы не назвать тех, имени которых упоминать я не смею. Вот в этом-то я и хочу перед тобой покаяться». И, выдохнув напоследок: «Любимый мой», — женщина закончила исповедь и кротко застыла в ожидании мужнего суда. Услышав подобный рассказ, мельник поскреб затылок и ответил: «А знаешь, если бы мне про тебя такое рассказал кто-нибудь другой, я бы побожился, что он лжет и что ты так поступать не можешь». Мельничиха возразила ему: «Но это суцая правда, и отсюда, дорогой муженек, давай и начинать». Мельник сперва было осерчал, но потом взял себя в руки, подумав: «Я же сам в этом виноват. И если я ее побью, то навлеку на себя Божью кару». А вслух вымолвил: «Ладно, отпускаю тебе твои грехи,

но и ты на меня, когда я поведаю тебе о своих, не гневайся». И с тем женщина получила полное отпущение грехов.

А мельник встал перед ней на колени и в свой черед произнес: «Эх, милая моя женушка, и я попрошу тебя не мстить мне за то, что тебе доведется услышать. Я не утаю от тебя ни одного из моих прегрешений». И жена ответила: «Говори же! да смотри ничего не скрывай!» И мельник продолжил: «Узнай же, любимая жена моя, что я не даю женщинам прохода, ни молодым, ни старым, — и даже сегодня, пока ты ходила к мессе, спознался с нашей служанкой, о чем сейчас искренне сожалею. А со служанкой соседа я занимаюсь такими делами постоянно — на мельнице, на мешках с мукой, — и только всякий раз мне боязно, что ты можешь внезапно прийти и нас застукать». И на этом он завершил свою исповедь. Мельничиха, в отличие от мужа, не сумела совладать с собой, она посмотрела на мужа с нескрываемой злобой, а затем сбила его наземь хорошим ударом и стала топтать ногами. Он же взмолился к ней: «Прекрати, дорогая женушка, кара, наложенная тобою, чересчур сурова!» А мельничиха выдрала у него обеими руками по пучку волос и завопила: «Вот тебе твои шалости, старый козел, вот тебе твои шалости!» И мельник воззвал к ней вновь: «Ты же сама занималась тем же самым, почему ж ты не хочешь простить меня, почему ты мне мстишь?» Но мельничиха рассвирепела еще сильнее: «Мне-то пришлось заниматься такими делами по твоей милости! Потому что ты был пьян день и ночь и обращался со мною как с деревянной колодой! И как возместишь ты мне все, чего я от тебя недополучила? Я все время была согласна и готова, а ты меня сам даже ни разу не попросил! Поэтому я назначаю тебе в знак покаяния носить шутовской колпак!» И действительно, заказала шутовской колпак и заставила мужа носить его. Ну, не всегда, но время от времени.

Эта история, когда я ее впервые услышал, изрядно меня позабавила, и я подумал: «Раз так, то я-то уж поберегусь исповедоваться перед собственной женой, а то как бы не пришлось мне носить шутовской колпак. А поскольку я частенько бываю пьян и болтаю во хмелю много лишнего, то дурацкий колпак может превратиться в здорovenную дурацкую корону, и придется мне

эту корону носить на голове не снимая. Но покуда точно то, что я рожден девятнадцатого декабря, точно и то, что ночью я кое на что горазд». Поберегитесь, однако же, добрые мужья. Тот из вас, кому придет в голову исповедаться перед собственной женой, пусть вспомнит для начала нижеследующий стишок:

Говори не все, что знаешь,
Иначе дурака сваляешь.
Тебя за честность не похвалят,
А шутовской колпак напялят!

НОЧНОЙ ДОЗОР

Ночным дозором называется сия занятая книжица, содержащая немало историй и стихотворений, призванных служить к вящей пользе находящимся в ночном дозоре офицерам и унтер-офицерам, а также и прочим господам, одолеваемым в ночную пору дремотой или же печальными мыслями, множество шванков для

которой собрал и сочинил

БЕРНГАРД ГЕРЦОГ

в Магдебурге у печатника Иоганна Франка

1

О ВДОВУШКЕ И О ТОМ,
КАК ОНА ПОВЕДАЛА СТУДЕНТУ О СВОИХ ЧУВСТВАХ

Одного пригожего, однако же весьма скромного и простодушного, да вдобавок еще не женатого молодого человека родом из Рейнской земли, послали родители учиться в Австрию, в город Вену. С особым же тщанием следовало ему слушать одного тамошнего доктора и профессора очень почтенного возраста и руководствоваться его советами во всех своих делах. И хотя юноша был замечательно хорош собою, изводил он молодую красоту, как, впрочем, и надлежало бы поступать всем студентам, за книгой, а вовсе не за каким-нибудь веселым времяпрепровождением. Короче говоря, он предался наукам с таким пылом, что на приятное знакомство с красотками не оставалось у него ни времени, ни желания. Но проживала там же, поблизости, молодая, красивая и статная вдовушка, потерявшая мужа за несколько месяцев до того, но охоты к супружеским занятиям и забавам от этого ничуть не утратившая. К студенту же она воспылала особой любовью, да и без похоти дело не обошлось; она буквально не давала ему

проходу и всячески намекала на то, что не прочь с ним спознаться. А скромник наш и простак никак не мог сообразить что к чему.

Поняла бабенка, что задача перед ней непростая, и принялась голову ломать над тем, как бы его все-таки соблазнить, и сил на такие размышления и приуготовления не жалела. И прознала она наконец, что честному и благонравному молодцу надлежит руководствоваться советами старого учителя, и тут же отправилась к профессору и заявила ему, что, мол, студент ей проходу не дает, пристаёт к ней и так и этак, чтобы ее, несчастную вдовицу, соблазнить и лишить доброго имени. И изложила старику нижайшую просьбу окоротить парня и заставить его вести себя прилично, потому что ежели такое будет продолжаться и впредь, придется ей обратиться за помощью и защитой к родне. Добрый и богобоязненный старый господин дружески попросил ее с выполнением этой угрозы повременить; он-де преподаст юноше хороший урок и, вне всякого сомнения, отучит его соблазнять честных женщин. Бабенка убралась восвояси в полной уверенности, что дело ее выгорело.

Когда же добропорядочный и прилежный юноша, ни о чем таком, разумеется, не подозревавший и не помышлявший, пришел из университета домой, после наполненного единственно учеными штудиями напряженного дня, старый профессор призвал его к себе, изложил со всеми подробностями то, что услышал от вдовушки, и без обиняков заявил, что, буде молодой человек не покончит раз и навсегда с подобными непотребствами, придется ему, профессору, сообщить об этом его родителям. Бедный студент начисто все отрицал и клялся, что он ни в чем таком не повинен. Профессор не поверил ему, но, прочитав хорошую проповедь, отпустил до поры до времени с миром.

Когда вдовушка сообразила, что проделка ее не принесла ей желаемого результата, она вновь отправилась к профессору, расписала ему все еще жалобней, сказав, в частности, что студент тискает ее где ни попадя и сил на сопротивление у нее уже почти не остается, и попросила старца с еще большею настоятельностью усоветить своего подопечного, потому что иначе ей уж непременно придется обратиться за помощью к родственникам, чего ей, однако, делать крайне не хочется.

Раскрыла она кошелек, достала оттуда двойной дукат и дала его господину профессору с просьбой вручить монету юноше — с тем, чтобы тот пришел наконец в себя и оставил ее в покое, а если и это не поможет делу, тогда, мол, придется ей, пожалуй, обратиться за помощью не только к родственникам, но и к судье, а заодно и к университетскому ректору.

Добрый и богобоязненный старый господин был обеспокоен ее жалобами еще сильнее, чем в первый раз. Он послал за студентом, решив показать ему где раки зимуют. А юноша вновь принялся настаивать на своей невинности и попросил устроить ему с клеветницей встречу. Профессору такая просьба показалась разумной, и он послал за веселою вдовушкой, а та, принарядившись и нарумянившись, поспешила к воспитателю, будучи на этот раз совершенно уверена, что все пойдет как по писаному.

Профессор повторил ее слова о непотребном поведении студента, рассказал и о категорическом отрицании тем своей вины и заявил, что хочет выслушать их обоих вместе и сразу. Бабенка подумала: «Мне бы этого студентика только заполучить, а там уж я на него управу быстро найду». Однако же заговорила, чуть не плача, о том, как трудно ей сдерживать его натиск, о том, как он, пройдоха, ни на минуту не оставляет ее в покое и подбивает заняться с ним всякими пакостями, и терпеть подобное впредь она не намерена, и придется ей обратиться за помощью и заступничеством к родственникам, чего она до сих пор не сделала единственно потому, что не хотела давать пищу слухам. К тому же ей ясно, что родичи, прослышав о подобных делах, не остановятся и перед человекоубийством, — и хотя бы из простой благодарности за спасенную жизнь студенту следовало бы избавить ее от дальнейших посягательств и поползновений. А он, мерзавец, и в ус не дуя, явился прошлой ночью, часиков этак в десять, к ее дому, взобрался сперва на здоровенную кучу щебня, лежащую у ворот, а оттуда — и на дерево, растущее прямо у нее под окном, и скользнул в окно, открытое по случаю теплой погоды, да и давай принуждать ее уступить его намерениям. Когда же она кликнула соседей на выручку (что столь же вероятно, как если бы завопила «караул» мышь, угодившая в корзину с сыром), юноша тем же способом, что и пришел, покинул помещение и благопо-

лучно скрылся. И вот этого-то она уже никак не хочет и не может терпеть и вынуждена сообщить о насилии старшим в семье, а те уж как-нибудь ее в беде не оставят. Добрый молодец отпирался как умел и, пожалуй, только сейчас понял, в какой переплет поневоле угодил. А старьй книгочей, ничего не сообразив, отпустил их обоих, хотя и прочитал перед этим юноше нешуточную мораль.

Будучи обвинен столь облыжно, добрый студент почувствовал настоятельную необходимость во всем как следует разобраться. Он направился к дому вдовы, нашел там все так, как она и описала, отчего только укрепился в подозрении, что над ним изрядно подшутили. На следующую ночь он залез на дерево, растущее под окном у вдовы, и забрался в спальню. Дерево при этом изрядно скрипнуло, но не сломалось. Вдовушка, однако же, не кликнула на выручку ни соседей, ни родственников, не пожаловалась ни судье, ни старому профессору, да и вообще жалоб от нее было больше не слышать.

2

О ТОМ, КАК ПАПА РИМСКИЙ НАЛОЖИЛ ПОКАЯНИЕ НА ЛАНДСКНЕХТА
И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Один вояка отправился в Рим и пошел на исповедь к римскому папе. Он поведал владыке о своих грехах, каковых накопилось немало, и попросил отпущения и покаяния с тем, чтобы не попасть за эти грехи в ад. Папа повелел ему в течение двух лет не пить вина, не есть мяса, не спать на перине и не прикасаться к женщинам. А через два года ему следовало явиться в Рим снова. Ландскнехт поклялся папе впредь так и поступать и начал соблюдать обет, чревычайно для него нелегкий. Пошел он странствовать по свету, и странствовал долго, и истратил все свои деньги, да и одежда на нем обтрепалась и прохудилась.

И оказался он однажды неподалеку от женского монастыря. Монастырь стоял у дороги, окруженный чудесным садом, и в саду росло красивое грушевое дерево. Добрый молодец, сильно изголодавшись, забрался на дерево и начал есть груши. И вышло так, что как раз в эту пору прогуливалась в саду, по своему обыкнове-

нию, настоятельница тихой женской обители. Она конечно же увидела вора и потребовала у него ответа на вопрос, по какому праву или с чьего разрешения он взобрался на дерево. Добрый молодец объяснил свое поведение единственно муками голода. Надеты же были на нем дырявые штаны — и картина, открывшаяся снизу, показалась аббатисе в равной мере внушительной и заманчивой. «Грех этаким пренебречь», — подумала монахиня и пригласила вора в келью, а там выставила перед ним на стол вино и мясо. Он же наотрез отказался от угощения, поведав, что действует согласно повелению и запрету самого папы римского. Настоятельница возразила ему, заметив, что из любого положения можно найти выход, и выставила на стол рябчиков и мальвазию. При этом она уверила ландскнехта, что рябчиков нельзя назвать мясом, а мальвазию — вином. Когда же настала ночь, монахиня предложила доброму молодцу разделить с нею ложе. Но и от этого он отказался, поведав, что спать на перине ему также запрещено. Аббатиса возразила, сказав, что перина набита пером (это видно уже из ее названия), а ее девический матрац — легчайшим пухом, и воин согласился с ее доводами. И тут захотела радушная хозяйка со своим гостем совокупиться. Но и это запретил ему папа римский, ответил ей вояка. Нельзя ему прикасаться к женщинам. К женщинам нельзя, согласилась настоятельница, а к монахиням можно, потому что монахини не женщины, а сестры Господа Бога нашего. И провел ландскнехт в женском монастыре на правах, коли можно так выразиться, отца настоятеля как раз два года. Вел он себя там, вне всякого сомнения, хорошо и делал то, чего от него требовали, потому что иначе бы его в монастыре столько не продержали.

И вот в назначенный срок явился он в Рим и потребовал отпущения грехов, так как епитимья была уже позади. Папа призвал его на исповедь и первым делом спросил, пил ли он вино. Нет, ответил ландскнехт, потому что все это время он провел в монастыре, а там употребляют только мальвазию. Спросил папа, ел ли он мясо. Нет, ответил ландскнехт, только рябчиков и другую птицу, а ведь это не мясо. А не спал ли он на перине? Нет, потому что перину набивают пером, а он спал на матраце, набитом легчайшим пухом. Все эти грехи отпустил ему папа и спросил под конец, не спал ли

кающийся грешник с женщинами. С женщинами не спал, ответил солдат, только с одной аббатисой и множеством монахинь. Папа римский впал, услышав такое, в великий гнев и наложил на греховодника вместо отпущения грехов полную анафему, потому что монахини суть сестры Господа Бога нашего. «Раз так, — ответил ландскнехт, — то я прихожусь Господу нашему свояком, и мы уж с ним сами по-родственному разберемся, а отпущения вашего мне не надо». И возвратился в обитель к ожидавшим его монахиням.

ОТВРАТИ ПЕЧАЛЬ

Сия книга состоит из пятисот пятидесяти благородных, благопристойных, веселых и разоблачительных рассказов и притч старых и новых писателей, среди коих и фацетии прославленного ученого поэта Генриха Бебеля, увенчанного венком, а также некоторые новые правдивые истории из жизни всех сословий, к каждой из коих присовокуплена для ясности особая мораль. Нигде прежде не выходила в свет. Записана и составлена ГАНСОМ ВИЛЬГЕЛЬМОМ КИРХГОФОМ
<1563—1603>

1

ПРО ТО, КАК ПРОГНАЛИ СТАРОСТУ

Истинно и доподлинно говорю вам, частично и на основании собственного опыта, что, встретив лицо, облеченное властью, мужики наши снимают перед ним шапку и не просто так, а главным образом по трем причинам. Во-первых, они боятся того, что служитель, которому они выкажут неуважение, обойдась без подобающего приветствия, их за это как следует прищучит. Во-вторых, им стыдно того, что их могут счесть нерасторопными и неуклюжими. В-третьих же, и это самое главное, они надеются на то, что снятие шапки в знак почтения принесет им со стороны человека, которому столь явно польстили, несомненную выгоду, так что поведение их откровенно своекорыстно. Ах ты Господи, если бы только всем это было бы настолько же ясно, как мне самому! Поэтому вникните хорошенечко в нашу

историю! В некоем глухом местечке один добрый и справедливый человек был на протяжении многих лет сельским старостой, а затем его неизвестно почему сместили и прогнали. Вскорости после вынужденной отставки довелось ему отправиться пешком к реке — довольно широкой и вдобавок к тому вышедшей из берегов чуть ли не около самого моста. Пока бывший староста, озираясь по сторонам, раздумывал, как бы ему перебраться на другой берег, попался ему на глаза мужик, косивший траву. Мужик не слышал еще о его смещении и обратился к бывшему старосте так: «Господин староста, ежели вам угодно попасть на другой берег, так я вас от всей души перенесу на своем горбу». Старосте подобное предложение пришлось кстати, и, согласившись, он сел на мужика верхом. А когда они очутились уже посередине реки, решил он своего перевозчика приободрить и вымолвил: «Милый мой! Ты мне оказываешь великую услугу! И ежели случится так, — а так оно, несомненно, и случится, — что меня снова сделают старостой, я уж постараюсь тебя как следует отблагодарить». Мужик спросил: «А что, вы больше не староста?» — «Нет». — «Тогда какого же черта я тебя, подлеца, на себе тащу! А ну пошел к такой-то матери!» И с этими словами скинул старосту в воду да и пошел прочь. А добрый человек был одет тяжело и богато — и поэтому чуть не утонул и добрался до берега лишь с великим трудом. Вот потому-то и говорят: мужику мил тот поп, что не стращает с амвона, тот староста, что не велит работать, тот сборщик, что не собирает налога, да тот солдат, что никого не грабит. А если не соблюдаешь подобных правил, то, значит, ведешь себя крайне неосмотрительно и должности своей скоро лишишься — а уж тогда мужики и продавать тебе не захотят ничего, что прежде приносили и норовили отдать даром.

Едва опасность миновала,
Как страха прежнего не стало.
Того, кто прежде был в чести,
Отныне просто не снести.
Лишь новой власти скажем: «Здрасьте!»
Власть хороша, пока у власти.

Одному благородному разбойнику, или же рыцарственному злодею, стало однажды страшно того, что он за свою жизнь успел содеять. И поспешил он в церковь, желая исповедаться в своих грехах, и принялся там разгуливать, вертя в руке золотой гульден. Приметил это один попик, которому золотой отнюдь не помешал бы, и подумал: «Как бы мне этот гульден заполучить, пока его кто-нибудь другой у меня с крючка не снял! Сколько месс приходится отгнусавить, пока не заработаешь этакое сокровище». И, подумав так, он подошел к рыцарю и после положенного обмена приветствиями сказал ему: «Милостивый государь, вижу, что есть у вас кое-что, вас безмерно обременяющее, и коли вам желательно исповедаться и облегчить этим душу, то я в полном вашем распоряжении». Рыцарь сказал: «Изволь». Однако же, прослушав исповедь, попик спросил у него, чувствует ли он полное раскаянье в содеянных грехах и не угодно ли ему, ведая о том, как слаба человеческая натура, дать себе и Богу зарок впредь не грешить ни разу. «Нет, не угодно», — резко бросил рыцарь: такого зарока он дать не может, да к тому же и не хочет. А раз так, то отпустить ему грехи было никак нельзя, и попику пришлось обойтись без сверкнувшего ему было гульдена. Но и другой священник, ничуть не менее алчный, чем первый, обратился к рыцарю примерно с таким же предложением и позволил тому исповедаться в своих грехах. Когда же дело дошло до обещания впредь не грешить и оно натолкнулось на точно такой же отказ, священник подумал: «Не отпущу ему грехи, так и гульден пиши пропало. А сколько всяких вкусных вещей можно закупить на гульден!» Поэтому пустился он на хитрость, даровав рыцарю отпущение грехов следующим образом, причем — по-латыни, чтобы тот не понял смысла его слов: «Да простит тебя Господь Бог наш Иисус Христос, и да отпустит тебе грехи, во что я, однако, не верю, и да призовет тебя к себе на небо, что, однако же, совершенно исключено!» Так священник получил гульден, а рыцарь — отпущение, и оба они остались довольны друг другом. А кто из них кажется тебе, мой читатель, человеком более бесчестным? Оба хороши, как сказала бы какая-нибудь стерва, с которой

всякому приходится держать ухо востро. Да и где только не встретишь сегодня таких богобоязненных рыцарей: прежде чем откусать в страстную пятницу яичко или не дай бог мяса, они отымут у честного купца лошадей с фургоном да и вытрясут из его карманов все до последнего гроша.

Сходив во храм за отпущеньем,
Вновь предаваться прегрешеньям —
Как подтираться черепком
Или огонь гасить мешком.

3

ПРО ТО, КАК ЛИС ПОХВАЛЯЛСЯ, БУДТО ОН НЕ ЕСТ КУР

Нижеприводимую потешную историю, повествующую о том, как дурные дела приняли дурной оборот для того, кто на них пустился, рассказал нам 7 июня 1558 года достопочтенный Рейнгарт Шенк, он же Лис, бывший в ту пору старшим советником городской управы в городе Рейнфельсе. Очень старый многоопытный Лис возлежал однажды утром на Страстной неделе у себя в норе и предавался размышлениям о том, сколько он на протяжении своей жизни принес вреда крестьянам, передувив в несметных количествах принадлежащих им гусей, уток и кур, — и, соответственно, сколь сильно он нагрешил и какой Господней кары за это заслуживает. А поскольку люди как раз в ту пору начали всерьез беспокоиться о своей душе, исповедаюсь и каюсь в содеянном, решил и Лис повести себя соответствующим образом. Он отправился в ближайшую деревню и застал тамошнего священника за прогулкой в саду. Лис подошел к нему, поздоровался и рассказал о своих затруднениях, не утаив и намерения впредь исправиться. Священник, пекшийся о собственных курах ничуть не меньше, чем любой другой деревенский житель, был рассказом Лиса в высшей степени обрадован и утешен. Он отечески ободрил собеседника и уверил его в том, что Бог смилостивится над ним и не покарает его жестоко, если тот конечно же сперва глубоко раскается и исповедуется в своих грехах. Они уселись рядом под деревом — и Лис исповедался настолько обстоятельно, что пересказывать здесь содержание его

исповеди нет ни малейшей нужды, потому что каждый прекрасно понимает, как именно грешат подобные твари. По завершении исповеди священник изрек: «Возлюбленный сын мой, жизнь свою ты провел самым ужасным, жестоким и убийственным образом, и поэтому тебе сейчас самое время начать ее заново. И поскольку обыкновенного покаяния для тебя слишком мало, раз уж грехи твои настолько тяжелы, надлежит тебе, дабы заслужить прощение, провести остаток дней в строгости и в святости, в молитве и в посте, ежедневно по четыре раза произнося вслух весь молитвослов — и прежде всего решительно покончив с употреблением птичьего мяса, как-то: курятины, гусятины, утятин и прочей убоины, тогда как есть мышей и падаль тебе не возбраняется». И хотя означенные условия показались Лису трудновыполнимыми, он твердо пообещал их придерживаться. После чего получил от священника отпущение грехов и убрался восвояси. Некоторое время добрый Рейнгарт и впрямь придерживался праведного образа жизни, но затем у него начало сильно ныть в животе и горчить во рту. Ведь он прекрасно помнил, что курятина куда вкусней и полезительней, чем мышатина, да и священник, надо признать, со своей епитимьей несколько переборщил. Пару дней в неделю обходиться без мясной пищи было бы куда ни шло, но не всю же неделю! Не одну неделю за другой! К тому же крестьяне по природе своей зловредны и заслуживают того, чтобы их время от времени наказывали. Укрепившись в подобных мыслях, Лис решил сделать себе определенную поблажку — но только такую, за которую никто не смог бы упрекнуть его в непослушании. Поэтому, хорошенько поразмыслив, он сшил себе длиннополый серый кафтан, какие носят тамошние жители, завел огромного формата молитвенник, представился старым и больным и повадился молиться вслух у деревенских плетней — так, чтобы его видели и слышали и мужики и куры. К тому же он взялся отгонять от деревни собственных сородичей и собратьев по лисьему племени, которым случалось наведываться туда по обычной надобности, — и отгонял он их пламенной проповедью на тему о том, какой великий грех душить кур. По два раза в день он удалялся в близлежащий лесок, затем возвращался в деревню и молился с прежним пылом. Подобное поведение Лиса заставило глупых и

несчастливых кур проникнуться к нему доверием и внушить такое же доверие к нему гусям и прочей домашней птице. Они заключили с Лисом великий мир, и он зачастую журил их за недостойное поведение и поучал, как исправиться; исправление же состояло в том, чтобы не докучать более своим хозяевам, поднимая переполох во дворе, в курятнике и в доме, не искать того, что им не положено, а довольствоваться исключительно тем, что им насыплют в кормушку, равно как и тем, что они сами найдут в навозе. Яйца же надлежало им класть не где ни попадя и тем паче не в соседских дворах, а единственно в особо устроенные для этого гнезда. Точно так же следовало им всячески жиреть и тучнеть, не отходить далеко от курятника, не изменять дворовому петуху и так далее. Куры били себя лапками в грудь, каялись в прегрешениях и просили Лиса как истинного праведника продолжать поучать их и не оставлять своей заботой и впредь. «Каяться и исповедоваться, — отвечал он им, — вот лучший способ искупить былую вину». Куры вопрошали далее, где бы он посоветовал им заняться этими нелегкими трудами. А он отвечал: «Если вы не подыщете себе чего-нибудь получше, я бы посоветовал вам, поодиночке или по две, ежедневно удаляться со мной в лесочек, где у меня оборудована молельня, да и вообще святое место, — и каяться там». Такое предложение пришлось курам по душе, а самому Лису тем паче. День или два он наводил тень на плетень, а затем предстал перед курами в еще более жалком состоянии, чем прежде, и уверил их, будто их товарки, которым уже довелось удалиться с ним в лесочек, каясь и мучаясь, отдали Богу душу прямо на месте и оттуда же были взяты на небеса. С помощью этого подлого приема продувная бестия извела, заманив к себе в лесок, столько кур, что вроде бы кое-что начали замечать и крестьяне. Да и священник, претерпев немалый урон, в конце концов пошел поискать своих кур в окрестном лесочке. Пошел — и застучал обращенного им в святость греховодника за весьма малопочтенным занятием: тот как раз налагал покаяние на очередную курицу, лишив ее уже головы и крылышка. «Так-то, — вскричал священник, — так-то ты, праведник, выполняешь данный тобою обет? Если бы я отпустил тебе в тот раз грехи тем же способом, как ты — моим курам, то курятник мой не опустел бы настолько!» А лукавый схимник ответил

ему на это: «Что ж это вы, сударь мой, так меня позорите? И притом понапрасну: я прекрасно обхожусь, как и обещал, без курятины, да вот никак не могу отвыкнуть от вкуса куриных перьев во рту».

Таковы же и мы, люди, начиная с прародителя нашего, грешника Адама. И бежим, казалось бы, грехов, и стараемся их не совершать, а сами и зрением, и слухом, и речами нашими ищем услад и удовольствий. И никто из нас не виновен в этом менее, чем все остальные. Но в первую очередь повествует эта история о старых греховодниках, развратниках и прелюбодеях, которые из-за преклонного возраста своего не в силах уже насладиться по-людски, о потаскунах и потаскухах, красота и доблесть которых остались в прошлом или уже не могут обеспечить им успеха в том, к чему они по-прежнему стремятся, в частности же — и из-за страха осрамиться, а все же и они находят радость в своем отвратительном состоянии и извлекают выгоду из него, сводничают, заводят притоны и пускают к себе всех без различия, лишь бы — с определенной целью, а самим им достается не мясо, а только вкус перьев во рту. Те, кому нечем похвастать в постели, тем сильнее бахвалятся постельными подвигами на рынке.

Природе нашей невдомек,
Что жить безгрешно учит Бог.
У всех одна и та же цель.
Кобель и в старости — кобель.
И старый Лис, хоть он облез,
Хитрее юношей-повес.

4

ПРО ТО, КАК РЫЦАРЬ РЕШИЛ ПОДШУТИТЬ НАД КУПЦОМ

Поэт Бебель, из книги которого взяты и переложены на немецкий язык многие из наших историй, пишет, что он сам был свидетелем того, что произошло в одном кабаке (и о чем мы расскажем ниже), в котором предавались не только беспробудному пьянству, что нынче стало свинским обыкновением и у нас, но и потешали и развлекали друг друга всевозможными забавными разговорами, шутками и проделками. И вот после долгих бесед, в которых на свой лад блеснул умом каждый,

взялся один рыцарь насмешничать над сидевшим там же купцом, и издевался он над ним в следующих выражениях: «Вне всякого сомнения, худо приходится вам, купчишкам, вынужденным разъезжать по разным странам и возвращаться домой ой как нескоро. А худо потому, что случается вам оставлять дома, в больших городах, ваших молодых и красивых жен, а уж в городах-то полно добрых да статных молодцев, порою — и благородного происхождения, — вот потому-то у горожан и бывают такие красивые дети, ведь похожи они не на главу семейства, а на какого-нибудь прохожего да проезжего. А у нас, рыцарей, таких забот нет: даже когда нам случается быть в отъезде, супруги наши пребывают в замках да во дворцах — и, следовательно, вдали от подобных искушений или же соблазнов». — «Позвольте ли вы, сударь, — сказал купец, — подшутив надо мною таким образом, выслушать и мои возражения». — «А почему бы и нет?» — ответил рыцарь. «Так вот, — произнес купец, — если уж в наше отсутствие наши жены (говорить обо всех не стану и за каждую тоже не поручусь) предаются любви с красавцами, то у нас, по крайней мере, рождаются красивые дети. А вы, в замках ваших, предоставляете кошке сторожить сыр — и жен ваших в отсутствие мужа развлекают и утешают шуты, повара и конюхи, — поэтому-то на свете так много глупых, уродливых и даже темнокожих дворян. Вот ведь и пословица гласит: «Где благородство, там и уродство». Так что шутка вышла боком самому шутнику.

В глухом лесу начнешь кричать —
Возьметса эхо отвечать.
Не безобиден даже вздор.
Состришь — сострят тебе в отпор.
Способных разобидеть слов
Не слышишь лишь от молчунов.

5

ПОЧЕМУ ЛАНДСКНЕХТЫ СЛЫВУТ БОЖЬИМИ ЛЮДЬМИ

Разве все, кому в удел достаются честь и доброе имя, получают их по заслугам? Жизнь и труды человеческие свидетельствуют об обратном. В особенности касается

это потаскух и потаскунов, которым удастся прослыть людьми добропорядочными, а то и прославиться, не прилагая к этому никаких усилий, скорее направляя свои помыслы совсем в другую сторону. Точно так же и всяк считает иногда ландскнехтов людьми праведными, даже Божьими, тогда как на самом деле их следовало бы поносить на чем свет стоит (речь у нас не идет о справедливых и праведных воителях, носящих это имя с честью). Что же касается прозвища «Божьи люди», или даже «Божьи солдаты», то о его происхождении повествует такой шванк. Одна достойная и почтенного возраста женщина побывала в городе на рынке и приняла там молодого вина больше, чем ей следовало. Ближе к вечеру, когда она решила все же попробовать добраться до дому, в родную деревню, вино ударило ей в голову с такой силою, что частично вышло изо рта, отчего ей стало совсем худо и она свалилась с дороги в глубокую яму, из которой уже никак не могла выбраться без посторонней помощи. А по дороге проходил живший в городе ландскнехт. Он уже давно заметил женщину, заметил также, как ей плохо, потому что шла она шатаясь да и перегаром от нее несло изрядно. А тут она завопила, моля о помощи. И добрый молодец ей помог. После чего женщина горячо поблагодарила его, а поскольку она, как уже было сказано, мало что соображала, то она спросила у него, кто он такой. «Ландскнехт», — ответил ландскнехт. «Ах ты, ландскнехтик мой славный, — сказала пьяная баба. — Божий ты человек, вот ты кто. И пусть Христос не оставит своего человека и наградит его». Итак, прозвание «Божий человек» применительно к ландскнехтам изобретено старой, пьяной и ничего не соображающей бабой.

Чужую славу получать —
Как непосеянное жать.
Коли не судят по делам,
Любая слава только срам.
А дело доброе порой
Вознаграждается с лихвой.

Басня

В одном большом сражении перебили уйму народа, и среди них — немалое количество наемных солдат, или же ландскнехтов. И вот эти ландскнехты, как сражавшиеся, так и павшие плечом к плечу, под одним знаменем, не захотели разлучаться и после смерти: в полном боевом порядке, при оружии и с полковыми знаками, как живые, замаршировали они по направлению к геенне огненной. Но черти, увидев их, а в особенности их боевые отличия и знамена, сильно перепугались, потому что решили (поскольку Господа Бога нашего Иисуса Христа изображают с красным победным знаменем, поднятым в то мгновенье, когда он спускается в преисподнюю, чтобы уничтожить ее), что сейчас их из ада изгонят и уничтожат. Посему они закрыли и замуровали, насколько им это в чудовищной спешке удалось, все входы в ад, задвинули засовы, подперли ворота столбами и всем прочим, на это пригодным, а также вооружились чем ни попадя и изготовились отражать грядущий штурм. Добрые солдаты, ни о чем таком не подозревая, подошли вплотную и решили было встать здесь на зимние квартиры, потому что, слышали они, холодно в аду не бывает. А встретили их злобными проклятьями, угрозами и всевозможными метательными предметами. В довершение же всего Страж Адских Врат обратился к ним с такой речью: «Наше общее мнение вкратце таково: валите-ка отсюда прочь, поворачивайте направо и пробуйте пристроиться в раю, потому что мы вас сюда не пустим и обитать у нас не позволим». И указал им рукой заданное направление. Ропща, сердая и бранясь, извечные враги рода куриного и мужичьего снялись с места и направились быстрым шагом на небеса. Прибыв туда, постучались и потребовали, чтобы их впустили. Святой Петр поглядел на них, живенько узнал этих птиц по полету, да и по оперенью тоже, и сурово промолвил: «Кто оказался настолько бесстыден, что осмелился показать вам дорогу сюда? Ну-ка проваливайте отсюда, да поживей, ноги в руки, одна нога здесь, а другая там. Потому что как были вы при жизни убийцами и кровососами да появлялись повсюду, где пахло

жареным, так и по смерти не положен вам наш вечный покой». Услыхав подобные слова, один из ландскнехтов разъярился настолько, что вздумал возразить апостолу Божьему, говоря ему: «Да куда же нам, наконец, деваться, если сюда нас не пускают, а из преисподней уже прогнали?» Но святой Петр стоял на своем: «Вы что, оглохли? Катитесь отсюда, пока вас взашей не вытолкали! Проваливайте, изверги и насильники!» Но, услышав и эту отповедь, вспылчивый ландскнехт, о котором шла речь выше, осерчал еще сильнее и заорал что есть мочи: «Подобает ли свирепому волчищу, пожирающему без разбора коров, телят и овец, именовать разбойником жалкого лиса лишь потому, что тот, случается (да и приходится), душит иногда кур? Или ты, лысый чурбан, позабыл о своих собственных прегрешениях? Позабыл, как солгал своему Учителю и Спасителю и как от Него отрекся? Отрекся не один раз, а трижды! А ведь никого из нас ни в чем подобном нельзя упрекнуть». — «Ну ладно, ладно, — ответил святой Петр, которому стало очень стыдно, в особенности же из-за того, что такие обвинения могли донестись и до слуха других обитателей рая, — милости прошу к нам в рай, возлюбленные чада Господни, и прошу вас не держать на меня зла из-за опрометчивых слов. Никогда впредь я не буду обращаться с бедными грешниками столь жестокосердно». Так что раз уж они все туда попали, любой может с ними там свидеться.

Узнать захочешь, в чем ты лих, —
Так оскорби двоих-троих.
Пусть двое робко промолчат,
Но третий отомстит стократ.
Поэтому куда добрей
Суди о каждом из людей.

7

ПРО ОДНОГО УЧЕНОГО И ПРО ЕГО ПОДБИТЫЙ МЕХОМ КАФТАН

Один весьма ученый человек, к тому же поэт, книги которого и сегодня во множестве предлагаются на продажу, проживал в городе Эрфурте. И пошел он однажды на рынок в роскошном кафтане на меху, да и в остальном был одет соответственно, — и тут же со всех

голов слетели шапки и береты, как будто их сдул мощный порыв ветра, потому что каждый спешил выказать ему свое почтение. И в тот же день случилось ему по делам побывать на рынке еще раз, но теперь уже в весьма скромном одеянии — в довольно убогом кафтане, в старых панталонах и в поношенном берете. А люди на рынке были те же самые, что и с утра. И узнали они его или нет, никому не известно, — только на этот раз шляпу снимать не стал никто. Да, честно говоря, никто до нее и не дотронулся. Ученый быстро сообразил, что знаки почтения выказывали не ему, а его наряду. Он вернулся домой, вынул из комода злополучный кафтан, когда-то пошитый им к собственной свадьбе, водрузил его на палку и обратился к нему с нижеследующей речью: «Выходит, что ты лучше меня и что люди уважают тебя больше, чем меня. Неужели ты думаешь, что мне это по вкусу?»

И, вымолвив это, разрезал кафтан (чтобы такое безобразие никогда больше не повторилось) на мелкие кусочки.

Иного лишь за то и чтут,
Что он гуляет там и тут,
В шелка и в бархат разодет.
А нету их — и чести нет.
Иной мудрец одет скромней,
Чем сто разряженных свиней,
Смотри же кланяйся ему
Не по одежде — по уму.

8

О ПРЕЗРЕНИИ К БЕДНЫМ ДРУЗЬЯМ

Сын одного бюргера долгое время обучался в итальянских землях и стал поэтому на редкость образованным человеком. Лишь одному он забыл научиться: а именно тому, что необходимо обуздывать свое высокомерие. Когда он в конце концов воротился на родину и его друзья и близкие, один за другим, начали наносить ему визиты, чтобы помочь освоиться дома, проявления его благодарности оказались в высшей степени странными. Ибо богачей, ученых и прочих людей, знакомство и дружбу с которыми он почитал для себя лестными, сей муж принимал и привечал с почтением и гостеприим-

ством, что же касается людей бедных и малых, то он говорил им всегда, что лучше шли бы они по своим делам. Спросили его как-то, почему он ведет себя со скромным людом столь неподобающе, и он ответил: «Возвышенному уму возбраняется предаваться иным размышлениям, кроме как о высоких же предметах, а эти людишки только и твердят о сохе, да о плуге, да о навозе, — так что, получается, либо им, либо нам придется погружаться в молчание и пропускать слова собеседника мимо ушей, чтобы не обременять себя ненужными сведениями и беречь силы для собственных трудов».

Тому, кто знатен и богат,
Его достоинства вредят.
Мудрец смеется над глупцом,
Богач скучает с бедняком,
Красавец юноша хулит
Калеку за невзрачный вид.
Хвалы достоин только тот,
Кто ровню в каждом признает.

9

ПРО ТО, КАК АДВОКАТ СТАЛ МОНАХОМ

Одному стряпчему, или же ходатаю — да такому, что он выигрывал все дела, за которые брался, и умел посрамить каждого, кто не принимал его сторону или тем паче поддерживал противоположную, — случилось, уж я не знаю как, раскаяться в том, что ведет он столь скверную жизнь. Он отправился в монастырь и принял монашество. Аббат был новоиспеченному брату крайне рад, потому что обитель увязла в нескольких неотложных и непростых тяжбах, — и, едва приняв его в орден, предложил адвокату заняться решением спорных вопросов. Но стряпчий, в мирской своей карьере победоносный, в делах церковных начал терпеть одно поражение за другим. Поэтому настоятель призвал его к себе с такой суровостью, как будто монах был уличен в малом прилежании или вовсе в непотребстве, и пригрозил прогнать его из монастыря. Адвокат же оправдался так: «Я стараюсь изо всех сил, но у меня ничего не выходит; вот если бы я начал лгать, как доводилось мне прежде, тогда бы я выиграл все ваши дела».

Где правда в пленницах у лжи,
Там слова правды не скажи!
Где хитрость и обман в цене,
Там правда вечно в стороне!
Где правит толстая мощна,
Там правде жалкая цена.
Где ложь над правдой верх берет,
Несправедливость там цветет.
А если лжешь без угрызений,
То ты в судейском деле гений.

10

ПРО НАСТОЯТЕЛЯ СОБОРА В МАГДЕБУРГЕ

Эту историю я собственными ушами слышал от моего покойного родителя. Когда богатому настоятелю собора в Магдебурге пришла пора отправляться к праотцам, собрались у его смертного ложа все, кто в силах был ходить, а кто не в силах — тех принесли на руках. Несчастный дурачок, а может, и шут, обитавший в доме у священника, увидев такие хлопоты, воскликнул: «Да раз так, то и мне кое-что причитается, я ведь служил моему господину дольше, чем кто бы то ни было другой». И с этими словами достал он из-под лавки пару стоптанных домашних туфель и пошел прочь. А у дверей добавил: «Это моя законная доля, а ежели я кого этим нагрел, так это его печаль, а вовсе не моя».

Вот человек в предсмертной муке,
А кто-то потирает руки.
В наследство всякий взять готов
Хоть пару старых башмаков.
Врагов уж лучше одарить,
Чем денег у друзей просить.

11

ПРО ТО, КАК ВЛАДЕЛЕЦ ПОМОГ СЖЕЧЬ СВОЙ ФУРГОН

Нескольких горожан поставили сторожить хлебные амбары в Касселе. А так как дело было холодной ночью, они развели большой костер и натаскали в него дров

откуда смогли. В полночь один из них шутливо обратился к товарищам: «Костер скоро погаснет, а до утра еще далеко. Но случилось мне заметить тут неподалеку один фургон, его бы нам на всю ночь хватило. Да вот беда: деревяшки спалишь, а обода и прочие железяки девать некуда. Нельзя же, чтобы они зазря пропали!» А владелец как раз этого фургона, не подозревая, понятно, что речь зашла именно о его имуществе, подхватил уже всерьез: «Да дело же проще некуда! Давайте этот фургон сюда! А железяки я себе возьму. Да выставлю вам зато в придачу два ведра пива (что стоит примерно талер), ежели вы откажетесь от своей законной доли. Так что давайте-ка его живо сюда». Прикатили они фургон, разрубили и принялись кидать доску за доской в огонь, а когда уже разгорелось хорошее пламя, владелец фургона, смеясь от всей души, заявил: «Не позавидуешь хозяину этого фургона, когда он завтра утром возьмется искать его и не сможет найти. И поделом ему — надо было свое добро получше сторожить. Такое случается только с раззявами». А как раз об эту пору ободы и прочие железяки уже были сложены в кучу, и сторожа потребовали у того, кто таким добром не побрезговал, выдать им всем деньги хотя бы на одно ведро пива — и немедля. С утра же он, подхватив свое приобретение, собрался восвояси. И вдруг обнаружил пропажу фургона. Слишком поздно сообразил он, как ловко обвели его вокруг пальца, и понял, что, роя яму другому, угодил в нее сам. Поэтому, когда сторожа потребовали у него денег на второе ведро пива, он принялся бранить их на чем свет стоит и угрожать донести властям о злой проделке, чтобы им самим пришлось платить ему за фургон. Но это было бы для него больно жирно: он ведь и так, сжегши собственный фургон, погрелся по дешевке, да еще и повеселился от души. Поэтому и насмешки толстокожих грубиянов сторожей показались ему чересчур тонкими.

Кто, видя, как приносят вред,
Считает: пострадал сосед,
Ему ж достанется барыш, —
Того иным не удивишь,
Как самого его надув,
Раздев при этом и разув.

В окрестностях города Касселя простым смертным было под страхом серьезного наказания запрещено ловить зайцев, и поэтому длинноухие животные чувствовали себя в саду и в огороде как у себя дома и истребляли чудовищные количества капусты. Много лет назад, рассказывают, прогуливался один достопочтенный горожанин, живший возле Нойштадтских ворот, по собственному огороду и, увидев одного такого удачливого разбойника, не удержался и запустил в него камнем. Бросок выдался меткий, заяц свалился замертво. Горожанин поднял его, спрятал под плащом и направился в Кассель, рассуждая при этом следующим образом: «Вот и мне пришел черед полакомиться жарким. Но было бы нечестно предаваться столь сладостному занятию в одиночку, следует поделиться с родственниками и свойственниками». Вскоре, однако же, он сообразил, что жаркого из зайца получится совсем немного и придется ему, чтобы не осрамиться перед гостями, присовокупить к угощению мясные и рыбные блюда, а также выставить каждому из приглашенных по меньшей мере бутылку вина. Но расходы на дополнительное угощение, как бы велики они ни были, — это еще далеко не самое страшное: молва об умерщвлении зайца наверняка достигла бы слуха властей (а какая молва не достигает их слуха?) — и пришлось бы ему, бедняге, выплачивать весьма значительную пеню. Додумавшись до этого, поднялся горожанин на мост через Фульдю и обратился к очнувшемуся уже зайцу со следующими словами: «Как прикинешь, какие расходы и прочие неприятности ты мне сулишь, так и решишь, что лучше бы ты мне вовсе не попадался. Пошел ты к черту!» И швырнул его в Фульдю, позволив тем самым спастись.

Мысль о расходах и расплате
Приходит к нам обычно кстати.

ПРО ТО, КАК ОДНАЖДЫ УДАЧНО ПОШУТИЛИ

Один человек был весьма искушен в арифметике и, чрезвычайно гордясь этим, постоянно приставал к остальным со всевозможными задачками. Наконец он нарвался на хорошо подготовленного противника, и тот сказал ему так: «Вы мне задали немало сложных задач. Позвольте же и мне, в свой черед, задать вам одну — и очень простую. Но как, интересно, вы ее решите?» И вслед за тем привел условия своей задачи: «Вы пригнали пять ослов в конюшню, рассчитанную на шесть животных. Как сделать так, чтобы ни одно стойло не пустовало?» И когда арифметик после долгих раздумий так и не смог найти никакого ответа, шутник пояснил: «Все так просто. В пять стойл вы ставите ослов — вот вам уже пять, а в шестое становитесь сами. Вот и выходит шесть ослов в шести стойлах».

Насмешник, будешь в свой черед
И ты мишенью для острот.

ПРО ТО, КАК ТКАЧИ ЕХАЛИ ИЗ ФРАНКФУРТА

По два раза в год ткачи и прочие жители Касселя ездят во Франкфурт на ярмарку. И вот однажды напислись они там хорошенько, поехали восвояси да и завернули ненароком в деревеньку по названию Эрлебах. А там попалась им на глаза одна девочка. Увидев знакомых людей, она испугалась и плача побежала домой. А один из ткачей решил еще припугнуть ее, погнался за нею следом и заорал: «Сейчас я тебя съем!» А у дома гуляла еще одна девочка с малюткой сестренкой на руках. И она тоже перепугалась и сказала: «Оставь мою подружку в покое. Вот у меня на руках крикунья, да к тому же вся мокрая, ее и ешь». Можно ли было подшутить над незадачливым шутником удачней?

Когда ты попусту грозишься,
Ужель отпора не боишься?

ПРО ТО, КАК ЧЕЛОВЕК ПОПРОСИЛ ПОМОЧЬ ОТНЕСТИ ЕГО ЖЕНУ
НА КЛАДБИЩЕ

В Мурау, в верхней Штейермарке, у одного человека умерла жена. Он отправился к соседу и попросил его: «Любезный мой сосед и добрый друг! Господь Бог призвал к себе мою жену, а мне надлежит похоронить ее по христианскому обычаю. Поэтому я попрошу вас доставить мне такое удовольствие и помочь отнести ее на кладбище. А я в свой черед, разумеется, не откажу в подобной услуге и вам». Эти слова услышала жена того, к кому обратились с такой просьбой, и она тут же встряла в беседу, сказав: «Он-то вам поможет, но не вздумайте оказывать подобную услугу и ему, ведь для начала мне придется помереть».

Худого в мыслях не имея,
Ты скажешь глупость тем вернее.

ПРО ТО, КАК МЕЛЬНИК ПРЕВРАТИЛСЯ В ПЕКАРЯ

В дверь к пекарю постучался нищий, бывший когда-то мельником, и попросил подаяния Христа ради, а также из-за бывшего родства их ремесел. Пекарь спросил, о каком таком ремесле он говорит. Нищий ответил, что был некогда мельником. Пекарь спросил далее, много ли мужиков мололо свой хлеб на мельнице у его незваного гостя. «Семеро», — ответил несчастный мельник. «Что я слышу! — воскликнул пекарь. — Их было целых семеро, а тебе приходится просить подаяния? Да ты просто позоришь всю братию мельников, позоришь свое ремесло! Я ведь тоже когда-то был мельником, и мужиков ко мне на мельницу наезжало не семь, а целых сорок и даже сверх того, но, поверь, я бы скорей пустил их всех по миру, чем довел бы самого себя до нищенства! Так бы и тебе поступить — тогда бы ты нынче не ходил с протянутой рукой!» А сколько всего, друг мой читатель, у этого мельника, то бишь пекаря, было учеников — если уж не признанных

докторов в деле обирания ближнего, то хотя бы бакалавров? А?

Тот, кто вводит других в расходы
Умел еще в молодые годы,
Грехом не почитает грех
И чтит единственно успех,
Всегда грабастая у всех.

17

ПРО ТО, КАК ДВОЕ ВОРОВ ПОПАЛИ В КАТАЛАЖКУ

На ярмарке в одном городе поймали молодого оборванца на мелкой краже — и поймали с поличным, как раз когда он стянул уже несколько ножей, вилки и всякой всячины и намеревался к тому же срезать у купца кошелек. Поймали — и посадили в каталажку. Белый свет стал ему не мил, принялся он плакать, и стонать, и биться в судорогах. И не переставал при этом дивиться на своего сокамерника — такого же вора, как он, но пребывавшего в добром здравии и отменном расположении духа. И вот спросил бодрый вор у унылого: «В чем это ты так провинился, что никак успокоиться не можешь? Эдак, пожалуй, тебе отсюда живым не выйти». А унылый ответил: «Все, что мне, несчастному, удалось стащить, стоит не больше девяти, а то и вовсе восьми гульденов, а предстоит мне за это умереть, и, считаю, совершенно зазря. А ты, слышал я, спер больше сотни талеров — как же не страшишься ты неминуемой смерти, почему веселишься?» — «Потому и веселюсь, — ответил крупный вор мелкому, — да и тебе лучше было бы последовать моему примеру. Я спер больше сотни талеров, а ровно половину отдал здешнему старосте. Он уж позаботится, чтобы меня освободили».

Суд над воришкой будет скор.
На волю выйдет крупный вор.

Однако все же на волю выйдет не каждый, потому не стоит воровским ремеслом пробавляться.

Одну за другой мы поведали вам несколько историй про воров и душегубов, но, наряду с оными, есть на земле и племя разбойников, Господу Богу нашему наименее угодное и наиболее отвратительное — и промолчать о таком было бы крайне несообразно нашему замыслу.

Вышеназванных разбойников не сыщешь нынче в глухой чаще, в горах или на большой дороге. Настоящие разбойники обитают теперь в городах и деревнях, главным образом — в веселых и недурно оборудованных заведениях. Можно повстречать их и в общественных местах — например, на ярмарке или на городской площади. Настоящие разбойники не носят нынче панцирей и кольчуг, не пугают встречных мечами и копьями и не озираются алчным оком по сторонам: они ведут себя добропорядочно, сдержанно и достойно: большинство из них разодето в дорогие кафтаны, в меховые шубы и шапки. А также в золото, в серебро, в бархат и в шелка. Теперь им уже не дают, как в былые времена, худых прозвищ, а обращаются к ним с упоминанием звания и титула, ими благоприобретенных. Это ли не лишнее доказательство тому, что гнев Божий больше никого не страшит!

Для того чтобы показать, насколько не подобает таким чиновным разбойникам, канцелярским вора́м и прочим кровососам какое бы то ни было человеческое имя, я позволю себе сравнить их с бросающимся на беззащитную жертву волком и доказать, что они куда злее и беспощаднее.

Серого волка, которому сама природа позволяет изредка, то ли в зимнюю пору, то ли по причине чудовищного голода, задрать иную овечку, телку или же гуся, взимая тем самым как бы положенную ему десятину и никогда не держась за остатки добычи, — так вот, этого-то серого волка люди ненавидят с такой силой, что брезгают даже упоминать его имя. Более того, когда они застают волка за каким-нибудь совершенно невинным занятием (скажем, когда он лакомится вонючей падалью), вся деревня мгновенно пустеет: мужики, кто с ружьем, кто с копьем, кто с дубьем, а следом

за ними и собаки с победосносным криком и лаем обрушиваются на несчастного и торопятся умертвить его.

А что касается вышеупомянутых жирных и смрадных слугителей Золотого тельца, поступающих, в отличие от волка, вовсе не в согласии с законами природы, не говоря уж о законе Божьем, повелевающем возлюбить ближнего, как самого себя, — что касается их, то они строят козни и обирают людей, отнимая у них не только наличные деньги вплоть до последнего гроша, но высасывают, выжимают и выдавливают у обыкновенных смертных все соки и мозг — так что у тех, несчастных, не остается ни сорочки в комод, ни колоска в поле, ни кочана капусты в огороде, которыми эти ненасытные объедалы, опивалы и обиралы погнушались бы. Да и нет у них, в отличие от того же волка, наготове оправдания подобному поведению, если не считать сатанинской и неутолимой алчности, и отбирают они у людей последнее, когда своего добра им уже давно девать некуда.

Продолжим наше сравнение. Старая пословица гласит: волк волчиной и в лютую стужу побрезгует. А взглянув на этих архиразбойников, убеждаешься, что и в этом отношении они нарушают все законы божеские и природные: отец ополчается на сына, сын — на отца, брат — на сестру, родичи и свойственники — друг на друга, не говоря уж о такой малости, как дружеская верность, нарушаемая ими ежечасно, — короче, никто из членов этого ордена не может чувствовать себя в компании с собратьями хотя бы в относительной безопасности.

Мы охотно допускаем и прекрасно понимаем, что волк, выходя из лесу и озираясь в поисках добычи, желает найти ее в целостности и сохранности: так, чтобы на лугах паслось множество коров, быков и овец, деревенские дворы кишели бы гусями, курами и утками и т. д., и он не стремится взять больше, нежели сумеет унести. А кто осмелится опровергнуть мнение, согласно которому архиразбойники канцелярской, мытарской и соглядатайской масти только того и жаждут, только о том и думают и днем и ночью, чтобы никому другому, кроме них самих, ни крошки не перепало бы; чтобы зерно наше, вино и прочие припасы сгнили или прокисли, чтобы поля наши были побиты градом, — и чтобы

лишь они сами кутили и пировали? И не только на нас, обыкновенных смертных, обрушивается их бесчеловечный и кровоалчный гнев, но и друг с дружкой обходятся они с не меньшею беспощадностью, стремясь, чтобы равные оказались бы им не равными и, следовательно, вынуждены были обратиться к ним же за подаванием, в котором им, разумеется, с превеликой охотой будет отказано. Волк — он хоть и жрет, но лишь затем, чтобы набить себе брюхо. А когда нажрется до отвала, лежит в логове, дремлет и оставляет на это время прочих зверей в покое. И его вовсе не сердит то обстоятельство, что луга щедро кормят травую его завтрашнюю добычу. А нашим доморощенным неутомимым волкам, сиречь оборотням, и ночью неймется, они разбойничают круглыми сутками и отнюдь не довольствуются тем, что могут осилить и сожрать по воле Господней, ибо завидующие глаза охватывают взором куда больше, чем может вместить пусть и исполинское брюхо.

Любому из нас, а прежде всего — пастухам и скотоводам, ведомо, что волк, сльвуший убийцей и хищником, расправляется со своей жертвой единственно собственными силами — с помощью клыков и когтей, — и мужик, вооруженный орясиной, да пара овчарок могут дать ему неплохой отпор. А надо ли напоминать вам обо всех подлых приемах, предательских ухватках, казначейских хитростях и судейских уловках, на которые так щедры и изобретательны архиразбойники? Научившись кое-как оказывать сопротивление козням вседневным и обыкновенным, мы постоянно становимся жертвою гнусностей, ими только что изобретенных. Волк никогда не покушается на жизнь волка или любого другого хищника, вышедшего на тропу разбоя. А погляди-ка на этих гордящихся своею якобы честью разбойников! Врата их совести пошире, чем ворота лошадиного загона, и нет такой мерзости, которая не нашла бы дорогу им прямо в душу. Вот ловят они и казнят, например, какого-нибудь жалкого воришку или мелкого разбойничка, за всю свою жизнь укравшего или присвоившего меньше, чем любой из них — за год, да с каким удовольствием они это делают! А доводилось ли вам когда-нибудь слышать про то, что волк прикапливает остатки добычи и отдает их другому волку или еще кому-нибудь из зверей в долг — с тем, чтобы те вернули одолженное в двойном размере? А современные

ученики разбойничьего искусства, раздобыв по милости Божьей гульден, или пять, или десять, или сколько угодно еще, не находят себе покоя, пока не всучат добытое под чудовищный процент нуждающимся, пока не пустят их в рост и в дело, дабы возвратить вдвойне. Оглядишься по сторонам, и увидишь, что несть им числа.

И наконец даже от волка, людям в немалой степени досаждающего, бывает и определенный прок: из когтей и клыков кое-что идет на медицинское снадобье, из шкуры шьются шубы и шапки. А жир хитрых городских лис никому не в радость, кроме разве что сатаны, уверенно забирающего себе их души — потому что с покаянием они, по алчности своей, всегда запаздывают, — да еще наследников. В особенности тем, кого они при жизни больше всего терзали и мучили, не достается по их кончине ни гроша, ни полушки.

И все это, сколь бы постыдно оно само по себе ни было, еще далеко не столь постыдно, как повсеместный обычай воспевать с поистине детским простодушием подвиги архиразбойников, всячески их извиняя и приукрашивая. Рассказывают о них, будто в притязаниях своих они скромны, пекутся о малых сих, в особенности о стариках, и служат добрым примером молодому поколению. На самом же деле они готовы по камешку и по щепке разнести и сожрать дом вдовицы, не побрезговав и сиротской плотью, и в этом отношении — да и не только в этом — в тысячу раз злее и подлее, нежели евреи, которым закон их Бога как-никак позволяет заниматься ростовщичеством и обирать всех, кто не придерживается их веры. А архиразбойники-то все до единого христиане! Поэтому остается только воззвать к господу нашему Иисусу Христу, моля его даровать им да и нам тоже свою милость — при том, конечно, условии, что и они и мы найдем в себе силы ступить на тропу праведной жизни. Аминь.

У всех пороков есть свой срок.
А срок прошел — исчез порок.
Одна лишь алчность — вот уж точно —
И бесконечна и бессрочна.
Вот деньги в рост идут, а честь?
Да нет ее, коль деньги есть.

Один мужик, большой болтун да и попросту болван, только и делал, что похвалялся красотой и благообразием своей молодой жены. Добавлял он также, что любит ее с такой силою, что даже мысль о том, будто кто-то другой посмеет к ней притронуться, представляется ему совершенно невыносимой. И вот однажды шел он с супругою по лесу и повстречался с каким-то всадником — то ли рыцарем, то ли разбойником. Тому немедленно захотелось овладеть красавицей, пусть и силой. И как захотел, так и сделал. А перед тем расстелил на земле свой плащ, поставил на него коня и велел мужику: «Держи его под уздцы, да смотри, чтобы он не сошел с плаща ни на пядь, не то я тебе башку оторву». Когда разбойник, добившись своего, умчался прочь, молодая принялась бранить своего благоверного за трусость и малодушие и упрекать его в том, что у него недостало мужества оказать насильнику сопротивление. «Да что ты говоришь! — обиделся мужик. — Ты на меня сущую напраслину возводишь! Разве ты не слыхала, как он приказал мне не отпускать коня с плаща ни на пядь? Так вот, я послушался этого приказа добрую сотню раз, я коня еще и подталкивал, — и, сопротивляясь таким образом, плащ ему порядочно испоганил».

Один одноглазый приглядел себе красивую невесту. И почему-то решил, что раз уж она хороша собой, то непременно должна быть и благо нравна и, уж понятно, целомудренна. Однако же все оказалось прямо наоборот. Да была она к тому же на редкость сварлива, — и, услышав от нее в одной ссоре немало бранных и обидных слов, кривой осерчал, обругал ее в свой черед и вдобавок попрекнул тем, что не сберегла она до свадьбы своего девичьего достояния. «Да как ты смеешь попрекать меня этим! — воскликнула она. — Мало ли чего у меня недостает! У тебя вот недостает глаза — а я ничего об этом не говорю!» — «Да как ты можешь сравни-

вать, — совсем рассердившись, ответил муж. — Этого мне стыдиться нечего, потому что глаз я потерял в жаркой сече со злыми врагами и чести своей поэтому не уронил». — «Так и я, выходит, не уронила, — отвечала ему жена, — потому что невинность потеряла в жаркой сече с возлюбленными друзьями».

Что в злате главное? — Звенит! —
А в нареченной? — Внешний вид! —
Монеты проверяй на вес ты
И выбирай с умом невесту.

21

ПОЧЕМУ ПАПА РИМСКИЙ, ВСТУПАЯ НА ПАПСКИЙ ПРЕСТОЛ,
МЕНЯЕТ ДАННОЕ ЕМУ ПРИ КРЕЩЕНИИ ИМЯ

Изо всех мошеннических и жульнических проделок, словно нарочно изобретенных для того, чтобы дьяволу было сподручней золотить миру его воловьи рога, вытекают, со всей неизбежностью, и последующие мошенничества — так, словно одна обезьяна, уцепившись за хвост другой, взбирается вверх на дерево. Когда во храм Божий заместником Христовым на земле был призван папа Сергий (и уже не первый на папском престоле носивший это имя), — а произошло это печальное недоразумение в лето Господне восемьсот сорок шестое, — Сергием он оказался единственно потому, что решил взять себе новое имя из-за крайнего неблагозвучия того, что было дано ему при крещении, равно как и несоответствия прежнего имени его новому святейшему сану. Нарекли же его, искупав в купели, именем *Os porci*, что означает Поросянок, и с той поры, а может быть — и в силу такого примера, возник у римских пап (за крайне немногими исключениями) обычай, взойдя на папский престол, брать себе новое имя. Но, пожалуй, главная причина перемены имени состоит в том, что крещение налагает на окрещенного определенные обязательства по отношению к Господу нашему Иисусу Христу, — а христианское имя об этих обязательствах постоянно напоминает. Тогда как папы, взойдя на престол, желают от него отречься и над ним возвыситься — и вынуждены поэтому отныне зваться как-то иначе.

Тому, кто изменяет имя,
Пусть будет стыдно пред родными,
Они свершают тяжкий грех,
Ни в чем не ведая помех,
И все такие злодеяния
Заслуживают наказания.

ПРО ПАПУ ПО ИМЕНИ АГНЕССА

Женщина по имени Агнесса, переодевшись в мужское платье и переняв мужские повадки, бежала во дни своей юности из Англии и вдвоем с любовником отправилась в Афины, чтобы изучить там греческий язык и греческую премудрость. После того как ей удалось, наряду с другими науками, превосходно изучить и христианское богословие, она, по-прежнему вдвоем с сожителем, поехала в Рим — и прослыла там, благодаря своей учености и остроумию, высокообразованным и боговдохновенным мужем (ибо все женские качества она сумела подавить в себе окончательно, по крайней мере — внешне). А после блаженной кончины папы Льва Четвертого, воследовавшей в лето от нашего окончательного спасения восемьсот пятьдесят восьмое, она была единогласно избрана новым папой. И лишь когда она просидела на папском престоле целых два года, начали понемногу просачиваться слухи о чудовищном мошенничестве, ибо папа римский не только понес от вышеупомянутого любовника, но и, с великими воплями, разрешился от бремени в разгар крестного хода, как раз между Священным холмом и церковью святого Клементия. Родами папа и умер — и был вместе со своим выблядком похоронен.

Мог ли Господь Бог преподать папистам урок более очевидный своего презрения к ним, мог ли заклеить их стыдом и позором сильнее, нежели допустив избрание в папы римские особы женского пола? Но католикам хоть плюй в глаза, им все божья роса; для глухих две обедни не служат лишь потому, что и двух им мало; короче говоря: живости ума у них не больше, чем живости тела у египетской мумии.

Но чтобы не торчало, как бельмо в глазу, напоминание от тогдашнем позоре, папы римские, эти якобы

пастыри рода человеческого, и по сей день, в ходе шествий и процессий, старательно и стыдливо избегают некоторых улочек. А чтобы не допустить повторения эдакой срамотищи, изобрели еще и такой обряд: новоизбранный папа — по свидетельству очень и очень многих — должен опуститься в соборе святого Петра на особый стул с дыркой посередине и дать тамошнему дяко-ну, потрогав, убедиться в наличии у него мужского естества.

Где филин есть, там и сова.
Что ж до различья естества,
То так устроил сатана,
Что разница не всем видна.

23

ПРО ТО, КАК ЕПИСКОПА МАЙНЦСКОГО СЪЕЛИ МЫШИ

В окрестностях Бингена на Рейне до сих пор еще можно увидеть высокую башню, именуемую Мышиной. Названием же своим она, как рассказывают, обязана такой истории: во времена великого императора Оттона, а именно в лето Господне шестьсот четырнадцатое, сидел в Майнце епископом человек по имени Гатто. И случилась при нем великая засуха, и начался голод, и бедные люди принялись просить подавания. И собрал Гатто большую толпу народа в своем амбаре — и сжег их там заживо. И объяснил свое злодеяние так: «Бедные люди все равно что мыши. Жрут хлеб, а проку от них никакого». Господь Бог наш, однако же, не оставил негодного епископа безнаказанным и повелел мышам в несметных количествах врываться к нему в дом, не давать ему ни минуты покоя и угрожать ему тем, что они собираются съесть его живьем. В великом страхе бежал Гатто в вышеназванную башню, желая схорониться там от напасти, но не ушел от Божьего гнева: мыши, переплыв Рейн, ворвались к нему в башню, загрызли его и съели.

Чем ты всеильней и всевластней,
Тем и вина твоя ужасней.
Злодея Гатто смерть нашла
В отместку за его дела.

ПРО ТО, ЧТО ЗА ТВАРЬ ТАКАЯ МОНАХ И ОТКУДА ОНА ВЗЯЛАСЬ

Поскольку сатана во всем подражает Господу нашему, а верней сказать, передразнивает Его, подменяя доброе злым, решил и он, в свой черед, создать человека. Взял поэтому кучу грязи, наляпал ее на камень, да только не узнал или же позабыл заветное слово, при помощи которого Бог сотворил человека, и вместо «Встань» сказал «Дрянь», — и вследствие этого появилась на свет страннейшая личность, большерукая и большеногая, с широкой спиной и отвислым брюхом, с жирными плечами и с бычьей шеей. А шею эту венчала на шутовской лад пробритая голова с ненасытным губастым ртом, надутыми лиловыми щеками и вытаращенными глазами. Увидев это омерзительное чудище, горе творец впал в великий гнев и воскликнул: «Да пропади ты пропадом, дрянь ты эдакая, бесплодная моя работенка!» И все же черт попытался было пристроить уродца к какому-нибудь путному занятию, а то и ремеслу, — но и здесь все его усилия пошли прахом: ублюдок оказался решительно ни на что не годен. Раз не годен, то и кормить его незачем, решил сатана. Взял он кусок грубой серой ткани, проделал посредине дыру и нахлобучил этот наряд на шею своему исчадию. Подпоясал его затем веревкой, водрузил на плечи нищую суму двойного по сравнению с обыкновенным размера да и прогнал прочь, велев самому заботиться о собственном пропитании. Когда ублюдок пришел за подающим в соседнюю деревню, и стар и мал бросились от него врассыпную куда глаза глядят, потому что сия нелепая фигура их не только изумляла и потешала, но и изрядно пугала. И хотя с тех пор люди к нему помаленьку попривыкли, никто из них так и не смог выяснить его имени. Да такого у него на самом деле и не было — вплоть до самого недавнего времени. А вот в наши дни припожаловал он в одну деревню в обеденный час, да как раз когда с пастбища гнали стадо, — и деревенский бык грозно замычал на него, причем с такой злостью, что и бычья глотка на этом надорвалась и издала в конце концов жалкий хрип. На слух это было так: «Мму... ммо... монх... мму... ммо... монх...» И детишки тут же подхватили: «Монах! Монах! Наш бык его знает! Это монах!

Бык назвал его монахом!» И с тех пор люди кличут его монахом.

К этой истории предки наши присовокупили и стихок, из которого видно да и слышно тоже, сильно ли пришлась им по вкусу монашеская братия и бессовестная, бесстыдная жизнь, которую она ведет.

Не зря же папство связано с монашеством столь тесными узами, ведь и само оно обращено противу Господа нашего и его Слова. Значит, и монахи были и остаются исчадиями Сатаны.

Что такое монах?

Вот ответ:

Человеку он вечно во вред.

Мастер строить гнусные ковы.

Охотник отпирать чужие засовы.

Покровитель блуда.

Осквернитель чуда.

Грешник Христов.

Угодник для жен и вдов.

Святотатец, вор, подлец

И бессовестнейший лжец.

25

ЕЩЕ О МОНАХАХ

Нескольким молодым монахам, только что посвященным в послушники, задали однажды вопрос, не доводилось ли им еще затаскивать хорошеньких девиц к себе в кельи. «Да как же можно! — всерьез ответили добропорядочные юноши. — Эдакое нам разрешат не раньше, чем мы станем священниками и аббатами». Вот каковы нравы у них в монастыре и вот с каким бесстыдством они обнаружили! Будь эти юноши праведными монахами, им надлежало бы и вести себя, и помышлять куда благопристойней. Да только не зря же сказано:

Монашек чист, пока он в хоре

Стоит, воздевши очи горе,

Или над Библией сидит.

А в бане — от него разит

Козлом и всяким прочим гадом,

Так что никто не сядет рядом.

В Урбино проживал один лекарь, в равной мере и с одинаковым усердием занимавшийся и лечением ран (резаных, колотых и стреляных), и очищением кошельков своих пациентов. И звали его мастером Серафином. И пришел к нему мужик, которому выбили глаз, и спросил, как этому горю помочь. И хотя мастер сразу же заметил и понял, что несчастному ничем уже не поможешь и не след тратить на это дело силы и знания, он тем не менее принялся утешать больного, стремясь оставить его не только без глаза, но и без денег. Серафин обещал мужику вылечить его за пять или шесть дней, потребовав за то изрядную сумму, причем половину ее — в задаток, остальное же — по частям ежедневно, в течение всего лечения. Когда мужик отдал лекарю все свое добро, а обещанное облегчение все не наступало и наступить вроде бы не собиралось, он наконец возроптал и заявил врачевателю, что ему ничуть не становится лучше и, более того, ему сейчас уже кажется, что никакого глаза у него никогда и не было. Поняв, что дальше обводить мужика вокруг пальца не удастся, мастер Серафин промолвил: «Терпение, братец, терпение. Ты потерял глаз — и тут уж, как говорится, любая медицина бессильна. Но мы с Божьей помощью боремся за то, чтобы ты не потерял и второго». Подобное увещание сильно огорчило несчастного, он принялся плакать и стенать, а затем заговорил следующим образом: «Мастер, вы хитростью и со злым умыслом выманили у меня все мои деньги, и я пойду искать на вас управу к нашему герцогу». Эта угроза рассердила Серафина да и встревожила тоже, и, чтобы выбраться из неприятности, он сказал: «А что ж ты думаешь, мне следовало даром терпеть тебя в моем доме? И тратить на тебя время? И выносить твой мерзкий вид, и перевязывать твои смрадные раны? Или ты думаешь, что я зря спас твой второй глаз? Или ты полагаешь — а, видать по всему, это так, иначе ты не бранил бы меня, — что Господу Богу нашему понравилось бы, если бы у тебя остались в целости и сохранности оба глаза, словно у какого-нибудь князя, или барона, или честного бюргера? Тогда ты сильно ошибаешься, поэтому проваливай-ка отсюда, да поживей!» Ярость лекаря настолько напугала бедного мужи-

ка, что он почел за благо ретироваться подобру-поздорову и так и не обратился к герцогу с жалобой на врача-вателя.

Роптать — вот доля бедняка,
Но слез цена невысока.
Одним мошенникам почет.
Одним мошенникам доход.
А врач — мошенник, да такой,
Что ходит с полною мошной
И ждет, чтоб отощал больной.

27

О ПЛОТНИКЕ И НОЖОВЩИКЕ

Плотник Йост Хан был человеком на редкость раздражительным. И вот работал он однажды со своими подмастерьями на одного заказчика в Касселе, и притащили они в переулок здоровенную балку, пядей сорока, а то и пятидесяти, закрепили ее на месте и приготовились с утра над ней работать. А всю ночь лил дождь, и с утра на улице была страшная грязища. И ножовщик Йост Фрайберг, здоровенный и тучный детина, которому случилось с утра пройти по переулку, взгромоздился на балку грязными сапожищами и протопал по ней из конца в конец, порядочно ее при этом перепачкав. Йост Хан, конечно же, сразу пришел в бешенство, с топором в руке подступился к ножовщику и заявил ему: «Знаешь что, дружище Йост! Не будь мы с тобой в таких добрых отношениях, я бы этого тебе ни в жизнь не спустил! Мало, что ли, тебе было места и рядом с балкой». — «Ну-ну, — ответил ножовщик, — стоит ли нам с тобой из-за таких пустяков ссориться? А ежели я сгоряча поступил неправильно, так это дело поправимое». И с этими словами опять поднялся на балку, прошагал по ней из конца в конец в обратном направлении, сошел наземь и вернулся к тому месту, где поджидал его плотник, уже по мостовой.

И нечего было Йосту Хану возразить ему на это. Его вокруг пальца обвели, но сделали все в точности как он велел.

Когда задуманное зло
Добро в итоге принесло,
То всем, считайте, повезло.

Поучительная история

В одном из отдаленнейших и ничтожнейших городов в местности Дельфинат обитала некогда замечательно красивая юная девица, внешность которой будила во многих нечистые помыслы, да только никому она не уступала и уступать не собиралась — то ли страшась неминуемого бесчестья, то ли тяжелой отцовской руки. А между тем случилось так, что наслал Господь на те края страшную болезнь, не пощадив ни местечка, где жила красавица, ни ее самое. И отправилась она к старой сводне (а кормящихся этим ремеслом в Дельфинате немало) и сказала ей примерно следующее: «Дорогая моя тетушка! не могу не пожаловаться вам на то, что и я заболела этой опасной болезнью. В особенности же мне становится жалко и стыдно, как только вспомню, скольким красивым и благовоспитанным молодым людям, влюблявшимся в меня и выказывавшим мне знаки всяческого почтения, я, по неразумию своему, отказала, меж тем как нынче придется мне в юном и цветущем возрасте умереть, с ними не повидавшись и не дав им своего согласия».

Старуха сразу же смекнула, как эти жалобы понимать и чего именно хочет юная красавица; ответ же ее был таков: пусть только несчастная назовет ей имя или же имена ею отвергнутых, а о том, как их разыскать, она уж позаботится; и после того, как имя было названо, спустя совсем недолгое время, предстал перед больною девицей красивый и статный молодой купец. И хотя старуха не скрыла от него ни причины свиданья, ни болезни девицы, красота и обаяние больной покорили его настолько, что предался он долгожданному любовным утехам со всем пылом и без малейшего страха перед опасностью заразиться. После того как молодой купец удалился, любовный пламень, сжигавший несчастное создание, еще не погас — и девица призвала к себе еще одного воздыхателя, а затем, после его ухода, и третьего; причем все трое обнимали и ласкали ее прелестное молодое тело не только с рвением, но и с превеликим тщанием, не упуская буквально ни местечка, как это сыздавна принято при подобных свиданиях и счи-

тается во время оных допустимым и человечным; и, рассказывают (да так оно скорее всего и было), что, оставшись после вышеописанного времяпрепровождения наедине сама с собой, девица начала сильно потеть, чумные бубоны, знаменовавшие ее болезнь, полопались один за другим и исчезли — и она окончательно выздоровела. Что же касается ее возлюбленных, то все трое пали жертвой чумы в течение нескольких дней.

Блудницы дольше всех живут.
Мы с вами наблюдали тут,
Как от болезни лечит блуд.
И все же мы сей курс леченья
Вменим красотке в прегрешенье,
Которая, тройным грехом
Простясь не с жизнью, а с дружкой,
Греха не видит вовсе в том.

Некоторое время назад проживал в Пикардии, в одном хорошо известном городе, чрезвычайно богатый купец, ведший торговлю по всей Франции, в том числе, разумеется, и в Париже. И вот однажды, собираясь, по купеческому обыкновению своему, в дальнюю дорогу, обратился он к своей юной красотке жене с тщательными наставлениями о том, как ей надлежит в его отсутствие управляться с делами, а главное, как себя вести. Прежде всего заповедал он ей избегать шумного общества и не пускаться ни с кем ни в какие пересуды, чтобы в свою очередь не стать предметом таковых, как это зачастую бывает с молодыми особами. Одним словом, велел ей не бесчестить доброго имени. И был у него сыночек лет четырех, но куда бойчей и шустрей, чем прочие мальчишки в таком возрасте. Отец любил сына и сейчас, перед отъездом, оставшись с ним наедине и взяв малыша на руки, с нежностью произнес: «Ну, сыночек, а что привезти тебе из Парижа?» — «Ах, папочка, да уж привези непременно что-нибудь получше!» — «Так и сделаю, — пообещал купец, — но и ты, милый, сделай то, что я тебе велю. Пока меня не будет, смотри хоро-

шенько по сторонам да запоминай, кто к твоей матери ходит и о чем они разговаривают. А когда я вернусь, ты мне все это потихоньку доложишь, а матери мы и говорить-то ничего об этом не будем». После чего простился с молодой женой, как это принято промежду супругами, и поехал своей дорогой. А женушка, оставшись одна, тут же послала за попиком, давним своим любовником, и принялся он ее, как умел, утешать, присутствием несмышленишка нисколько не тяготясь. Но неверная жена преотлично понимала, что муж оставил в доме доглядчика, и даже догадывалась, кого именно. Поэтому она сказала сыну следующее: «Знаешь, сыночек, когда папочка вернется и спросит у тебя, кто в его отсутствие спал в моей постели, ответь ему, пожалуйста, что никого там не было! Только Господь Бог и родной сыночек, а больше никого. Понял? И за это я подарю тебе кое-что хорошее да и кое-чего вкусенького добавлю. Ну а если не послушаешься, тогда я тебя как следует выпорю». И малыш пообещал ей поступить как велено.

Едва только купец, воротясь, переступил порог собственного дома, сын бросился к нему и, по ребячьему правилу, первым делом спросил, что ему привезли. «Да уж кое-что хорошее, — ответил отец. — Но скажи мне сначала, кто приходил к нам в дом, пока меня не было, и кто оставался спать с твоей мамочкой». — «Никто! — ответил мальчик. — Только Господь Бог и я!» Подобная весть привела купца в отменное расположение духа. Он обнял и от души приласкал молодую супругу, поскольку, как он решил, она придерживалась его наставлений строго и целомудренно.

Ну а что было дальше? Купец пригласил попика к себе домой на завтрак, привел его, усадил за стол и велел сыну поздороваться со священником за руку. Что тот и проделал, при этом ласково улыбаясь. «А знаешь ли ты, кто это? — спросил купец. — Ты знаешь этого господина?» — «А как же! — откликнулся сын. — Это же наш Господь Бог. Это он спал с мамочкой, пока ты был в отъезде!»

Неверная жена, понятно, сильно перепугалась, но решила не подавать виду, что поймана с поличным, и с притворным смехом воскликнула: «Ай, да не слушайте вы этого дурачка! Как-то ночью ему приснился наш священник в образе Господа Бога, и он тотчас же рас-

сказал мне об этом. А сейчас увидел священника и решил, что это и есть Господь Бог». Такой ответ до некоторой степени утешил и успокоил купца, хотя досады и подозрений до конца не развеял.

Не делай никому дурного!
А сделал — никому ни слова!
Но даже если ты — молчок,
Тогда дитя и дурачок
Расскажут всем про твой грешок.

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ КНИГИ

Перевод
Н. МОСКАЛЕВОЙ, В. РОЗАНОВА и
И. РОЗАНОВА, Р. ФРЕНКЕЛЬ

ФОРТУНАТ

Как юноша по имени Фортунат, родом из королевства Кипр, впал в чужих краях в нищету и бедность и как повстречала опечаленного Фортуната в дремучем лесу Дева счастья и дала ему кошель, в котором никогда не переводились деньги, и с означенным кошельком пересек он вслед за тем многие земли и королевства и побывал даже у короля Солтана в Алькеире, тот пригласил его в гости и показал ему всю свою роскошь, драгоценности и сокровища, а под конец — старую вытертую шляпу, прозывавшуюся чудо-шляпой; ту шляпу Фортунат у него похитил, возвратился с ней домой, в землю Кипр, женился там и по своей кончине оставил двух сыновей, нареченных Ампедо и Андолозием, кои унаследовали от отца и кошель и шляпу; о том, что Фортунат, а впоследствии оба его упомянутых сына через те два чудесных сокровища испытали и познали, претерпев наслаждения и радость, нужду и печаль до самой их кончины; весьма увлекательно читается; а также о том, что всегда следует выбирать разум и мудрость, предпочитая их всем сокровищам на свете.

Земля, именуемая Кипром, есть остров и королевство, лежащее в море против восхода солнца. Земля эта изобильна, весела и благодатна, она родит всяческие изысканные фрукты, о чем хорошо знают все, кто совершил паломничество в святую землю Иерусалим, достиг королевства Кипр и побывал там. Есть на острове великолепный город, именующийся Фамагостой, жил в нем почтенный горожанин старинного рода, родители оставили ему великое богатство и немалые поместья, но, владея большим богатством и состоянием, притом будучи юных лет и вдобавок беззаботного нрава,

презрел он то, как его родители в свое время сберегали и умножали свое достояние. И помыслами своими он всецело устремился лишь к минутным почестям, увеселениям и плотским наслаждениям. Он вел роскошный образ жизни, сражался в состязаниях и турнирах, бывал при дворе короля и совершал прочие подобные дела, из-за чего лишился великого богатства, и друзья его явственно увидали, что тратит он более, нежели позволяют доходы, и задумали дать ему жену, не отвлечет ли она его от подобного, и изложили ему свой замысел. Юноше затея пришлось по душе, он обещал последовать их совету, и, когда он на то согласился, друзья его взялись подыскивать ему супругу.

В городе, прозывавшемся Никозией, столице Кипра, где обыкновенно кипрские короли держали двор, жил некий почтенный горожанин. У него была красивая дочь по имени Грациана. Ее и обручили с юношей, не допытываясь о том, что он за человек, а положившись на славу, ходившую о его великом богатстве и состоянии. Девицу торжественно ввели к нему в дом и устроили там пышную свадьбу, как повсеместно вошло в обычай у людей богатых, каковые в таких случаях и выказывают свое богатство и роскошь и похваляются ими.

Когда же свадебные торжества завершились и все угомонилось, означенный горожанин, прозывавшийся Теодором, взял девицу и зажил с ней в радости и добродетели. Его друзья и друзья его невесты были очень этим довольны, полагая, что свершили благое дело, с женской помощью обуздав Теодора, имевшего доселе столь распущенный нрав. Но им было невдомек, что изначально заложенное в природе человеческой не поддается изменению. А меж тем Грациана понесла сына. Не прошло и года со свадьбы, как она родила, что вновь обрадовало друзей с обеих сторон. Младенца окрестили и нарекли Фортунатом. Теодор, казалось, также испытывал от этого великое удовольствие. Однако он вновь взялся за старое, бился на турнирах и в поединках, обзавелся множеством слуг и превосходными жеребцами, ускакал ко двору короля, оставив жену и дитя, и не спрашивал, каково им приходится. Сегодня он продаст доходное поместье, завтра заложит недвижимость. Прodelьвал он это так часто и так долго, покуда не осталось у него более ничего, что можно

было продать или заложить, и тут он впал в нищету, и понапрасну растратил свою молодость, и обеднял до того, что не мог более держать ни слугу, ни служанку, а его добродетельной жене Грациане пришлось самой варить и стирать, как простой служанке.

Как-то раз сели они за стол и собрались обедать, жить хотелось бы им лучше, чем жили они теперь. Сын сел супротив отца, и тот печально глянул на сына и тяжело вздохнул. Это не укрылось от юноши, которому было в ту пору лет восемнадцать, и умел он разве что начертать и прочесть свое имя. Но зато он был сведущ в соколиной охоте и вообще в звероловстве, за коими и проводил свой досуг. Заговорил он и сказал: «Любезный мой батюшка, что удручает тебя и вызывает твою печаль? Я вижу, когда ты смотришь на меня, твой взгляд омрачается. Прошу тебя, любезный батюшка, ответь, чем я разгневал тебя? Может, ты недоволен жизнью, которую я веду? Скажи мне, ибо я хочу во всем тебе повиноваться».

Отец заговорил и сказал: «О возлюбленный мой сын, в том, что меня удручает, нет твоей вины. Кого мне винить, если горести и нужда, которые я испытываю, моих собственных рук дело. Я попусту растратил все, что столь заботливо сберегли для меня родители. Мне по совести подобало и надлежало поступить так же, умножив наше прежнее достояние и возвысив наш род, но, к несчастью, я этого не сделал. И когда я вспоминаю о великих почестях и богатстве, окружавших меня, и, глядя на тебя, понимаю, что не в силах помочь тебе ни словом, ни делом, это так тяжело печалит и удручает меня, что я ни днем, ни ночью не нахожу себе покоя. Другая причина в том, что меня отвергли все те, с которыми я по своей слабости делился богатством и для которых я теперь «нежеланный гость». Так с печалью в сердце сетовал он на свою нужду.

КАК ФОРТУНАТ ВОПРЕКИ ВОЛЕ ОТЦА И МАТЕРИ ПОКИНУЛ
С ГРАФОМ ФЛАНДРСКИМ ЗЕМЛЮ КИПР

Сын, удрученный бедами отца, заговорил и сказал так: «Любезный отец, оставь свою печаль и не заботься обо мне более. Я молод, силен и крепок, я отправлюсь в чужие края и наймусь в услужение. На свете еще много

счастья, я уповаю на Господа, что и мне перепадет его малая толика. Наш король — милостивый господин, пойдя к нему на службу, он не оставит ни тебя, ни матушку до самой вашей кончины. И не стыдись этого, ибо тебя принуждает к тому бедность. А обо мне не тревожься, ты и матушка довольно сделали для меня. Я благодарен вам за то, что вы взрастили меня, и всю жизнь должен молиться за вас Богу».

И с тем встал и пошел прочь из дома, взяв имевшегося у него сокола, и пришел на берег моря и задумался, что ему свершить, дабы не возвращаться более домой и не быть отцу в тягость. Меж тем как он разгуливал взад и вперед по берегу, в гавани пристала галера, а была она венецианской, и паломники ходили на ней морем в Иерусалим. На галере был граф Фландрский, у которого в пути умерло двое слуг, и когда граф уладил все свои дела с королем, а вдобавок хозяин галеры приуготовился выйти в море, подали сигнал, что пора подняться на судно и отплыть. Тут прибыл граф, а с ним много других знатных господ, дабы взойти на галеру и не опоздать к отплытию. Опечаленный Фортунат, увидев это, подумал: «О, стать бы мне слугой этого господина и уехать с ним так далеко, чтобы никогда более не видеть Кипра». И решил, спрошу его, не требуется ли ему слуга. Приблизился к графу, снял с головы берет и изящно поклонился. Граф увидел при этом, что юноша отнюдь не крестьянский сын. Фортунат сказал: «Милостивый господин, слышал я, будто ваша светлость лишилась двух слуг? Не надобны ли вашей светлости другие?» В ответ граф спросил: «Что ты умеешь делать?»

Фортунат ответил: «Я могу охотиться, травить зверя и сведущ во всем, что касается звероловства. Вдобавок я могу заменить крепкого слугу, случись в том нужда». Тут граф сказал: «Ты мне вроде годишься. Но я из дальних земель, боюсь, ты не захочешь уехать так далеко отсюда». — «О милостивый господин, — ответил ему Фортунат, — так далеко, как мне хотелось бы, вам не уехать. Желал бы я, чтобы это было в четыре раза дальше». Граф спросил: «Какое жалованье положить тебе?» Фортунат ответил: «Милостивый господин, за жалованьем я не гонюсь, когда заслужу, тогда и заплатите». Графу его речи пришлись по душе, и он сказал: «Что ж, галера отплывает, готов ли ты отправиться в путь?» — «Да, господин», — ответил Фортунат. И подбросил в воз-

дух сокола, сидевшего у него на руке, и сокол улетел, а Фортунат без дозволения отца и матери и без их благословения слугой графа поднялся вместе с ним на галеру и отплыл с Кипра, не имея ни гроша в кармане, и в скором времени они благополучно достигли Венеции.

И когда прибыли они в Венецию, у графа, видевшего все венецианские красоты, не было большого желания задерживаться надолго. Всеми помыслами он вновь устремился к своим землям, к своим верным друзьям. Имел он также намерение, если даст ему Господь благополучно возвратиться из святой земли Иерусалим, взять себе в супруги молодую и весьма красивую дочь герцога Клевского. Обо всем этом уже договорились, но отложили дело до возвращения графа. Тем сильнее хотелось ему поскорее вернуться в свои земли, и он велел купить себе коня и вооружился. Он купил также в Венеции роскошное бархатное платье, золотые украшения и все прочее, что надобно для пышной свадьбы, и хотя слуг у графа было много, никто из них, кроме Фортуната, не владел итальянским, к тому же Фортунат весьма ловко торговался. Это доставляло графу большое удовольствие, и он полюбил его. Фортунат заметил это и чем дальше, тем усерднее старался служить господину. Он всегда последним уходил от графа вечером и первым приходил утром. Граф это заметил.

И когда купили для графа большое число коней, меж которых попало несколько недужных, как обыкновенно бывает, если в конюшне их сразу множество, то всех недужных по приказанию графа выбраковали, и он поделил их меж своих кнехтов, а Фортунату отдал одного из лучших. Это раздосадовало прочих слуг, и они тотчас вспыхнули к нему ненавистью и говорили друг другу: «Подумать только! Не черт ли с итальяшкой околпачили нас?»

Все полагали, поскольку Фортунат разумел по-итальянски, что он итальянец, хотя был он родом с Кипра и был истинным греком из почтенной семьи. Кнехты тем не менее позволяли ему скакать рядом с графом, и никто не осмеливался ни оклеветать, ни опорочить его в глазах господина. И граф, исполненный радости, возвратился домой и с великими почестями был встречен всеми своими подданными, ибо они от души любили его. Он был благочестивым господином, который также печется о своем народе. А когда граф

вернулся, явились к нему соседи и добрые друзья, сердечно приветствовали его и воздали хвалу господину, что столь благополучно завершил он свое путешествие, и повели с ним речь о помолвке, о которой говорили прежде. Граф обрадовался, он просил и желал, чтобы это дело уладили, как вскоре и произошло, и с ним была обручена дочь герцога Клевского. Тут устроили роскошную и пышную свадьбу, о которой многое можно было бы написать, ибо собралось на нее множество князей и господ. Они бились на турнирах и в поединках, соревновались в быстрых скачках и иных рыцарских состязаниях на глазах у прекрасных и знатных дам, что прибыли туда вместе с князьями и господами, и также у тех, что проживали там прежде.

Князья и господа взяли с собой на свадьбу множество кнехтов и слуг, но меж ними не нашлось такого, кто своим нравом и услужливостью полюбился бы дамам и господам более Фортуната. И спросили графа, откуда взялся у него слуга, столь сведущий в придворных обычаях? Он поведал им, что Фортунат пристал к нему на обратном пути из Иерусалима, и рассказал, какой он отменный стрелок: ни птицам в небе, ни зверям в лесу — никому нет от него пощады, к тому же он превосходный слуга и всякого почитает таковым, каков тот есть. Благодаря похвале графа князья, господа и благородные дамы преподнесли ему множество даров.

КАК ФОРТУНАТ ВО ФЛАНДРИИ НА СВАДЬБЕ СВОЕГО
ГОСПОДИНА ОДОЛЕЛ ВСЕХ ПРОЧИХ В ТУРНИРАХ И
ПОЕДИНКАХ И ЗАВОЕВАЛ ОБЕ НАГРАДЫ

Когда же князья и господа натешились состязаниями, то, вняв совету герцога Клевского и графа, зятя его, решили назначить для господских слуг, прибывших на свадьбу, две драгоценности, за которые те должны были сражаться, поделившись на четыре партии; двум из них предстояло сразиться в один день, а двум прочим — на следующий, и каждый из тех, кто окажется лучшим, получит по награде стоимостью в сто крон.

Все господские кнехты обрадовались, всяк крепко надеялся одолеть прочих, и желавших померяться друг с другом силами было такое множество, что набралось их числом до восьмидесяти, так что они должны были

сражаться, разбившись по двадцати. Одним из них по воле и с согласия своего господина был Фортунат. И когда они бились в первый день, то приз завоевал один из слуг герцога Брабантского. А когда сражались на другой день вновь, двадцать против двадцати, то награда досталась Фортунату. Как услышали о том кнхты, которые сражались, а также прочие, не сражавшиеся в турнире, зато числом намного их превосходившие, то все они вместе чрезмерно раздосадовались, что Фортунат завоевал один из призов. И все просили Тимотея, слугу герцога Брабантского, также завоевавшего одну из наград, чтобы он вызвался сразиться против итальянца и поставил свой приз против его. Все сообща и каждый особо требовали от него этого, и Тимотей не посмел отклонить просьбу, с которой обратилось к нему такое число добрых друзей, и известил Фортуната, что ставит свой приз против его и вызывает его померяться силами перед дамами и девицами, и кто из них победит другого, тому и достанутся обе награды.

Едва Фортунат услышал об этом, как, недолго думая, принял вызов, хотя прежде не был опытным воином. Весть о том, что Фортунат и Тимотей желают сразиться друг против друга за свои призы, дошла до господ. Они одобрили поединок. И оба его участника тотчас вооружились, и выехали в поле, и отважно помчались друг на друга, и каждый старался одолеть другого, но в четвертый раз Фортунат пронзил Тимотея, всадив в него копье на всю его длину, и тем добыл обе награды стоимостью в двести полновесных крон.

Однако тут поднялась против него жгучая ненависть и зависть, более всего — меж слуг графа Фландрского. Граф же был весьма доволен тем, что один из его слуг завоевал оба приза, и помышлял, что все приближенные также этому рады, а те предпочли бы, чтобы награды увез с собой чужеземец. Граф не догадывался о злобе, которую его слуги питали к Фортунату, ибо никто из них не осмеливался открыть графу на нее глаза.

Был меж ними один хитрый старик по имени Руперт, который сказал, что, будь у него двадцать крон, он довел бы итальянца до того, что тот сам поспешил бы убраться прочь, не простившись ни с господином, ни с кем иным, и он-де берется повернуть это дело так, что никому не поставят этого в вину. Тут все сказали ему: «О

любезный Руперт, если ты мог это сделать, то отчего доселе валял дурака?» Руперт ответил: «Я не могу это свершить, не имея денег», — и еще сказал: «Пусть каждый из вас даст мне по полкроны, и если я не выдворю его отсюда, то каждому верну по кроне». Все согласились, и у кого не было наличных, тому одолжили другие, и они собрали пятнадцать крон и отдали их Руперту.

Он же сказал: «Теперь в мои дела не суйтесь и во всем ведите себя как прежде». И, взявшись за дело, Руперт подружился с Фортунатом, любезничал с ним и рассказывал ему старые истории, приключившиеся некогда в их землях, как один господин отнимал у другого его земли, и упрочил Фортуната в мыслях, что господин к нему милостив и у него он может оставаться всю жизнь, а потому ему следует знать о прежних делах. Руперт открыл ему также многие свои тайные дела и повел его к красивым женщинам, до каких сам был великий охотник.

И когда они пришли туда, Руперт велел принести вина и прочих добрых напитков, ибо хорошо разбирался в том, что подают в придворных трактирах, и принялся нахваливать Фортуната, как он богат и благороден и как все хотят быть его друзьями, чему тот охотно внимал. И когда возвратились они из трактира домой, Фортунат взялся за кошель, собираясь уплатить свою долю потраченных денег, но Руперт не взял у него ни кроны и сказал, что он милее ему, нежели любой из его братьев, и чем он сам владеет, того и ему желает, и наговорил немало подобных льстивых слов. Руперт хорошо знал, что итальянец неохотно расстается с деньгами, и подумал, что нет лучше способа вкрасться к кому-нибудь в доверие, нежели заплатить за него деньги. И они проделывали это весьма часто и долго, покуда Руперт не остался без гроша в кармане.

Между тем прочим слугам графа стало известно, что Руперт с Фортунатом зачастили в трактир и наслаждаются там жизнью. Тут они стали говорить друг другу: «Неужто Руперт и вправду помышляет выдворить отсюда Фортуната таким образом? Да будь итальянец по ту сторону кипрского моря и узнай там о подобной жизни, он тотчас бы задумался, как бы ему сюда перебраться. Воистину Руперт и не помышляет исполнить то, что обещал. Пусть вернет нам тридцать крон, и чтоб ему пусто было!» Эти их речи дошли до Руперта.

Тот посмеялся над приятелями и сказал: «Ничто другое, кроме ваших денег, не приведет меня в хорошее настроение». Все же когда они растранижирили все деньги, то однажды поздно вечером, когда граф с графиней удалились на покой и в слугах не было нужды, Руперт пришел к Фортунату в его комнату и сказал: «Господин канцлер, мой добрый друг и благодетель, поведал мне сейчас некую тайну, и, хотя он наистрожайше запретил рассказывать это, если мне дорога его милость, я все же не могу и не хочу скрывать от тебя, моего верного друга и доброжелателя, эти вещи, ибо они касаются и тебя. Дело обстоит так. Наш господин граф, как тебе хорошо известно, взял знатную и красивую супругу, к тому же в дамских покоях обретается множество прекрасных дам и девиц. Вот и запала графу в голову фантазия, и утрастился он за супругу и иных, обретающихся при ней особ женского пола, и за молодых камердинеров, им прислуживающих, хотя и лелеет надежду, что слуги его благонравны и ни за что на свете не учинят бесчестья. Но не оставляют его помыслы о том, какая это слепая штука — любовь — и как тяжело ее потушить, когда она вспыхнет и разгорится. Ибо двух влюбленных, хранящих друг другу верность, ничто, кроме смерти, не разлучит.

И дабы это предотвратить, посоветовали ему нечто, совпавшее с его собственными помыслами. Он вознамерился поутру скакать в Лауфен, превеликий город, в котором есть епископат и университет, сиречь высшая школа, где он должен уладить великую тяжбу против некоего графа из-за земли и подданных. Он прибудет на суд со всяческой пышностью и возьмет с собой всех своих слуг, ибо ему доподлинно известно, что граф Сан-Поль, его ответчик, также прибудет с роскошной свитой. И, находясь в том городе, условится он о том, чтобы оскопили четверых камердинеров, прислуживающих дамам, хотя бы они того или нет, ибо как раз в Лауфене есть весьма искусный в том ремесле мастер. Граф замыслил свершить все так, чтобы они не узнали о том друг от друга, и решил, что когда он возвратится к своему двору, то известит мастера, чтобы тот нанял трех либо четырех дюжих кнехтов, а также снял четыре крестьянских дома в глуши, тогда он пришлет к нему четверых своих слуг, всякий день по одному, и даст слуге коня якобы для того, чтобы отвести его жене мастера.

Мастер должен каждого из них поутру встретить, схватить, силой завести в дом и обрезать каждому член либо оба яичка, дабы было то понятнее, и исполнить все добросовестно, без единой оплошности, приложив всяческое усердие, дабы слуги полностью излечились. А также никому о том не говорить, чтобы слуги не известили друг друга. И как только все закончится, граф возьмет их обратно, определит в дамские покои и велит, как и прежде, прислуживать дамам. И, поведав о том своей супруге, прикажет хранить все в секрете, зная наверняка, что графиня непременно откроет тайну старшей камеристке, следом эта молва пойдет от одного к другому, покуда о том не узнают все. Таким образом замыслил граф преградить любви доступ в женские покои. Ибо ему доподлинно известно, что ни одна женщина на свете не полюбит обрезанного или оскопленного мужчину, так как это совершенно противно ее естеству».

И когда Фортунат услышал сказанное Рупертом, он сей же миг ужаснулся и спросил, не ведает ли тот выхода из города, и просил его указать ему таковой, ибо намерен бежать прочь, не дожидаясь, покамест граф осуществит свой умысел. «И отдай он мне все свое богатство и сделай меня королем Англии, я бы не остался служить ему ни единого дня. Поэтому, любезный Руперт, посоветуй мне, как отсюда выбраться». Руперт ответил: «Видишь ли, любезный Фортунат, городские ворота заперты, и до завтрашнего утра никто не сможет ни войти, ни выйти отсюда. Но как только зазвонят к заутрене, отопрут ворота, прозывающиеся Порта-да-Ваха, — они служат для выгона коров и открываются ранее всех. Однако, любезный Фортунат, кабы этот умысел касался меня, а не тебя, я бы не слишком противился ему, ведь ты проживешь всю свою жизнь истинным господином, и я желал бы, чтобы выбрали меня, я не стану долго размышлять и отдамся им в руки». Фортунат ответил: «Да сотворит Господь так, чтобы это приключилось с тем, кто этого желает. А я не хочу о том помышлять, и, если бы мне предоставили выбор — оскопиться и стать через то королем Франции либо неоскопленным всю жизнь просить подавания, — мне не понадобилось бы ни совета, ни времени на раздумье. Уж лучше лишиться крова над головой, под которым я проводил ранее свои ночи».

Тут Руперт сказал: «Мне жаль, что я открыл тебе эту тайну, ибо по всему видно, что ты замыслил бежать прочь, хотя я лелеял надежду, что мы будем жить как братья и сообща коротать наш досуг. Но раз уж ты вздумал бежать, дай мне знать письмом, где обретешь пристанище. И когда наш господин обеспечит дамские покои оскопленными слугами, я изведу тебя, и ты вернешься сюда, хотя и не сомневаюсь, что ты всюду сыщешь себе милостивого господина». Фортунат поспешно возразил ему: «Не пиши и не жди меня, покуда я жив, ноги моей не будет при дворе графа. И прошу тебя, не говори никому, что я ускакал прочь, прежде чем я не пробуду в отлучке трех дней». Руперт на это ответил Фортунату: «Твоя осторожность похвальна». И тут простился с ним, прикинулся грустным, будто донельзя огорчен, и сказал: «Пусть милость Господа, чистое сердце непорочной Девы Марии и благословение всех Господних святых направляют тебя и сопутствуют тебе во всех делах и хранят от всех сердечных мук». На этом он с ним расстался. О, что за великодушные слова исторглись из лживого сердца! О Иуда, сколь велико число твоих наследников! Таким образом Руперт расстался с Фортунатом.

Было это около полуночи, когда обыкновенно все спят. Но Фортунат и не помышлял о сне: его томил всякий минувший час, ибо он страшился, что граф дознается о его намерении бежать и его схватят, и, снедаемый страхом и нетерпением, он ждал, покуда не забрезжит рассвет. Тут он вскочил на коня, надел сапоги и прицепил шпоры, взял сокола и пса, будто собрался на охоту, и спешно поскакал прочь, и так торопился, что, выпави у него глаз, он не остановился бы поднять его. И когда проскакал он с такой поспешностью миль десять, то купил себе другого коня и, вскочив в седло, что было духу помчался далее, а графских коня, пса и сокола — все это он отослал графу, чтобы у того не было причины снаряжать за ним погоню.

Графу стало известно, что Фортунат, не испросив позволения, ускакал прочь, хотя он не выказывал ему своего неудовольствия и к тому же не уплатил жалованья. Граф впал в недоуменье, допросил слуг, всех

сообща и каждого особо, не ведают ли кто, что явилось причиной бегства. Они все сказали, что того не ведают, и поклялись, что не учиняли ему никакого зла. Тогда граф самолично отправился к супруге на дамскую половину и спросил ее и всех прочих дам, не учинил ли кто Фортунату обиды и не известно ли, отчего он бежал прочь не простившись. Графиня и все прочие ответствовали, что им о том неведомо и они не повинны в том ни словом, ни делом, ибо, покидая их вечером, он был весел и рассказывал им о своей земле, во что там облачаются женщины и о всяких тамошних нравах и обычаях. «И излагал он это столь ужасной немецкой речью, что мы не удержались от смеха. Увидав, что мы смеемся, он тоже расхохотался и так, не закрывая рта, ушел прочь». Граф сказал: «Если я ныне не дознаюсь, отчего Фортунат бежал прочь, то узнаю это впоследствии. И право, если я узнаю, что причиной этому был один из моих слуг, он будет мною наказан, ибо без причины Фортунат не бежал бы отсюда. Мне ведомо, что ему причитаются пятьсот крон за то время, что он тут пробыл, ведь я помышлял, что он никогда отсюда не уедет. Но я думаю, что он не намерен возвращаться, ибо все драгоценности, каковые у него имелись, он взял с собой».

Когда Руперт уразумел, сколь велико огорчение его господина, объял его смертельный ужас, и устрасился он, что кто-либо из друзей проболтается, что это он его выжил, и он обратился ко всем ним сообща и к каждому особо, просив нигде никому не говорить, кто подговорил Фортуната бежать. Они послушно поклялись ему в том, но все же их одолевало любопытство, какой хитростью Руперт вынудил Фортуната бежать столь поспешно, не простившись, будто он свершил нечто достойное хулы. И был меж ними один, более всех пристававший к Руперту, и надоедавший ему расспросами, и желавший узнать, как он избавился от Фортуната. И поскольку Руперт никак не мог от этих расспросов отвертеться, он сказал, что Фортунат поведал ему о жизни своего отца, как тот впал в бедность и поступил на службу к королю Кипра. «И я сказал ему, что к королю Англии мчится верхом посол, дабы известить его о кончине короля Кипра, ибо они от рождения были друзьями, и означенный посол поведал мне, что король Кипра, пребывая еще в добром здравии, возвел Теодора, отца Фортуната, в графское достоинство и пожаловал ему земли некоего

графа, по имени Ансельмо фон Тераццо, который умер, не оставив наследников. Теодор был первым, кто обратился к своему господину с просьбой о ленном владении, отошедшем в казну, и король тотчас пожаловал Теодору и наследникам его графство, удостоверив это по всем правилам грамотой и печатью. Когда я поведал Фортунату о том, он не вполне поверил моим речам и заметил лишь: «Мне весьма хотелось бы, чтобы моему отцу хорошо жилось». Все же по этой-то причине он и ускакал прочь». Кнехты графа, услышав сказанное, говорили друг другу: «Ну и глупец этот Фортунат! Уж коли привалило ему такое счастье, надо было сообщить о том нашему господину, он бы снарядил его со всяческими почестями и послал с ним троих либо четверых из нас и всю жизнь был бы к нему милостив, вот как надлежало ему сделать».

КАК ФОРТУНАТ ПРИБЫЛ В ЛОНДОН

А теперь оставим графа с его слугами, не подозревающего о том, как Руперт отделался от любопытных ложью, и послушаем, что приключилось с Фортунатом далее. Купив другого коня и отослав прежнего господину, он все же опасался, что по пятам за ним следует погоня. Если ранее он спешил, то теперь он мчался что было мочи, покуда не прибыл в Кале, там он взошел на судно и перебрался в Англию, поскольку страх, овладевший им, был так силен, что по эту сторону моря он не полагал себя в безопасности. Он вновь повеселел, прибыв в столицу Англии, прозывавшуюся Лондоном, куда со всего света съезжались купцы и где они вели свои дела.

Тут с Кипра пришла галера, груженная дорогим товаром, а с ней много купцов. Меж ними было двое юношей, имевших на Кипре богатых родителей, какие послали их с галерой в Лондон, поручив им множество товару. Те же никогда прежде не покидали пределов Кипра и не очень-то знали, как себя вести и держать в чужих землях, и что они слыхали от своих отцов, давших им добрые наставления, тому они и следовали. И когда галеру с купеческим добром разгрузили и уплатили королю пошлину, чтобы всякий мог покупать и продавать, юноши также взялись торговать и выручили за товар немалые наличные деньги, чему донельзя

обрадовались, ибо внове им было держать в руках наличность.

К ним и подошел Фортунат, и, встретившись друг с другом на чужбине, преисполнились они радости, стали добрыми друзьями, и тотчас сыскалась шайка никчемных мошенников, с коими повели они знакомство. Те сумели завлечь приятелей красивыми женщинами, игрой и беспечной жизнью, при этом сами жили, ни в чем себе не отказывая, принимали от друзей подарки, пока тем было что дарить. Таким образом они проводили свою жизнь в увеселениях и удовольствиях, и если один обзаводился прелестной любовницей, другой старался превзойти его в том и найти еще прекраснее и платил ей столько, сколько та желала. Так развлекались они около полугода. Меж тем настало время, когда их наличные деньги оказались на исходе. Хотя у одного и оставалось более, нежели у другого.

КАК ФОРТУНАТ УТОДИЛ В ДУРНОЕ ОБЩЕСТВО,
РАСТРАНЖИРИЛ С МОШЕННИКАМИ И ПОТАСКУШКАМИ ВСЕ
СВОИ ДЕНЬГИ И ПРЕТЕРПЕЛ ВПОСЛЕДСТВИИ ЖЕСТОКУЮ НУЖДУ

Фортунат, имевший менее всех, первым также и выдохся. Он лишился всех своих ценностей и всего прочего. Равным образом и его друзья все, что они выручили в Лондоне, спустили потаскушкам, а потаскушки делились с мошенниками, да столь часто и столь долго, покуда ни у Фортуната, ни у его друзей не осталось ни гроша в кармане. Тут они возомнили, что любовницы вновь примут их и будут с ними, как и прежде, веселы и щедры, как делали они сами. Однако ничего из того не вышло, потаскушки захлопнули пред ними двери и стали потешаться над ними из окон, выкрикивая: «Коли есть у вас деньги, пожалуйте к нам. А коли кошельки ваши пусты, то ступайте на галеру и возвращайтесь туда, откуда прибыли». Их дружки, те, что до сих пор таскались за ними по пятам и величали их молодыми господами, посмеялись над ними, и один вопрошал юношу, потратившего на любовницу свыше тысячи крон: «Какой из тебя господин, на что ты годен, если нет у тебя более денег?» Другой плут вопрошал того же: «Господин сыскался! Ты возомнил, что за две тысячи крон тебя всегда примут тут?» Третий сказал Фортунату: «Ну и глупец же ты! Не имея более денег,

кроме пятисот крон, ты не вложил их в товары, а спустил распутным девкам! Сверши ты это, всякая из крон принесла бы тебе прибыль в штоттер». Штоттер стоимостью равен двум бёмишам.

Меж тем кипрские купцы завершили и куплю и продажу, и хозяин галеры собрался в путь, и каждому надлежало погрузить на галеру то, что у него было, ибо в условленный день он намеревался отплыть прочь. Тут оба молодых купца подсчитали на постоялом дворе и нашли, что выручили немало наличных денег, на какие по наказу отцов вновь должны были закупить товар, но денег не было, они растаяли, подобно сахару в воде, и, будь их больше, все сгнуло бы туда же. Они взошли на галеру и поплыли домой без товаров. И как они были встречены своими отцами, я не берусь описать, но думаю, что встретили их без особой радости, ибо они не привезли домой хорошего счета.

Когда Фортунат остался в одиночестве и без гроша за душой, он подумал: «Будь у меня две или три кроны, я бы отправился во Францию и нанялся там в услужение к кому-нибудь». И он вновь пошел к своей любовнице и просил ее одолжить ему две-три кроны, он будто бы собрался во Фландрию, к дяде, у которого есть четыреста крон. Он возьмет их, и тогда они вновь предадутся увеселениям. «Если ты знаешь, как получить эти деньги, то можешь, пожалуйста, сделать это, но только не за мой счет», — ответствовала она. Тут Фортунат уразумел, что здесь ему не видать ни кроны. И пришло ему в голову: если бы мне вернуть свои деньги, я бы никогда не стал тратиться на нее, и он сказал: «Дорогая крошка, пошли-ка за вином! Давай хотя бы выпьем друг с другом!» Та приказала своей служанке: «Ступай, принеси пинту пива и напои этого осла!» Такова была благодарность, каковую он заслужил от нее.

Когда Фортунат остался в одиночестве, решил он в душе: «Я должен служить до тех пор, покуда не заработаю две или три кроны». И утром он пошел на площадь, именуемую Ломбардской улицей, где собирается множество всяческого люда, и стал всюду спрашивать, не нужен ли кому слуга. Случилось там быть некоему богатому купцу из Флоренции, державшему многочисленную челядь, к помощи каковой он прибегал в своем ремесле и торговле. Он нанял Фортуната, который всем подходил ему, и обязался ежемесячно платить ему по

две кроны, и отправился с ним домой. Тут Фортунат сразу стал служить за столом, причем хозяин дома, звавшийся Иеронимом Роберти, заметил, что тот прежде служил у знатных господ. И стал поручать ему отвозить товар и грузить на суда, а когда суда приходили, разгружать их, ибо суда не могли подойти к городу ближе, чем на двадцать миль; все же из города можно добраться до моря судоходной рекой, означенная река именуется Тинисом. И что хозяин ему приказал, то он с усердием исполнял.

Но замешался, однако, в те дела некий флорентинец, сын богатого человека, каковому отец поручил много добра и послал с ним в Пругк, во Фландрию, он же в краткий срок также пустил его добро по ветру. Но не удовольствовался этим, а взял еще и вексель на отцовское имя, а тому написал, будто собирается выслать ему множество товару, от продажи коего выручит он немалую прибыль, чему добросердечный отец поверил, уплатил за сына и с нетерпением ожидал товары, которые сын должен был послать ему. Долго пришлось ему ждать, мошенник всецело погубил и себя и отца, как еще многие сыновья обходятся с отцами, которые чересчур доверяют им и слишком на них полагаются. И когда негодяй, звавшийся Андреаном, всего лишился и потерял доверие купцов, а также потаскушек и плутов, так что никто более не желал ни одалживать ему, ни давать, ни покрывать его, то вздумал он отправиться во Флоренцию, найти там какую-нибудь престарелую вдову и за ее счет обогатиться. И по пути домой он очутился в некоем городе во Франции, прозывавшемся Тор в Торенсе, а там держали в темнице богатого дворянина из Лондона, что в Англии. Он услышал о том от хозяина и сказал: «Любезный хозяин, нельзя ли мне пройти к пленнику?» Хозяин ответил: «Я охотно проведу вас к нему. Но на нем столь тяжкие оковы, что он исторгнет у вас жалость».

КАК НЕКИЙ ФЛОРЕНТИНЕЦ, ПО ИМЕНИ АНДРЕАН,
ПРЕЗЛОСТНЫЙ МОШЕННИК, ПРОНИК К БОГАТОМУ
АНГЛИЧАНИНУ, ДАБЫ ПОГОВОРИТЬ С НИМ

Андреан хорошо изъяснялся по-английски. Пленник спросил его, откуда он, Андреан отвечал ему и сказал: «Я — флорентинец и направляюсь во Флоренцию».

Пленник спросил его: «Не знаешь ли ты в Лондоне Иеронима Роберти?» Он ответил: «Разумеется, я превосходно знаю его, он — мой добрый друг». Пленник просил: «Любезный Андреан, отложи свое путешествие во Флоренцию, поезжай в Лондон к Иерониму Роберти и скажи ему, чтобы он помог мне выбраться из темницы. Он знает меня и знает, каким состоянием я владею. Я ездил по поручению короля, и друзья мои решили, что королю и надлежит освободить меня отсюда, однако тот не пожелал этого сделать, сказав, что платил мне большое жалованье и выдавал ежедневно по четыре кроны на пару коней, отчего же я тогда не поскакал в объезд, через что и стал добычей врагов? Другая причина в том, что королю накладно выкупать пленника, ибо если пленника отпускают за тысячу крон, то королю подобает уплатить за него десять тысяч. Поэтому они и не выкупают меня. И, продлись это еще немного, я вконец лишусь здоровья, ибо ты сам превосходно видишь, как отощали мои ляжки. Проси Иеронима Роберти помочь мне выйти на волю. Они назначили за меня выкуп в две тысячи крон. Но поскольку я всеми забыт и брошен, полагаю, что они возьмут дешевле, особливо видя, что выкупают меня чужие люди. Надеюсь, что не более чем за тысячу крон меня выпустят отсюда. Так и передай Иерониму и скажи при этом, что деньги, кои он потратит на меня, окупятся ему трижды. И потому, любезный Андреан, поспеши и употреби в этом деле старание, я же обещаю и клянусь, что дам тебе за то пятьсот крон и к тому же найду доходное место. Скажи также моим друзьям, что ты побывал у меня, и проси их поручиться за меня Иерониму Роберти». Андреан ответил пленнику, что употребит все свое старание, и с тем отправился в Лондон и довел порученное ему дело до сведения Иеронима Роберти. Тому оно пришлось по нраву, будь он, конечно, уверен, что за одну крону выручит три. Об Андреане же Иероним Роберти прекрасно знал, что тот — мошенник и негодяй, но тем не менее он сказал ему: «Пойди к его друзьям и ко двору короля! Если ты добьешься того, что мне за него поручатся, я ссужу эти деньги».

Андреан справился о друзьях пленника и поведал им, как обстоят его дела и в каких тяжких оковах он томится. Но их это мало тронуло, и они посоветовали ему пойти к королю либо к его советникам и изложить

там свое дело, что он и вознамерился совершить. Но когда он явился ко двору, то не тотчас пробился со своим делом и услышал шедшие там толки про то, что король Англии отдал свою сестру в супруги герцогу Бургонскому и ему осталось еще послать герцогу драгоценности, но едва ли ему легко исполнить это, так как речь идет об очень дорогих драгоценностях. И король поручил их некоему достойному дворянину, что также жил в Лондоне и имел там жену и детей.

Когда Андреан услышал при дворе о том, что столь роскошные драгоценности доверены дворянину, он подружился с ним и сказал ему, что слышал, будто король желает переслать с ним драгоценные украшения герцогу Бургонскому. И он любезно просит, если это возможно, показать их ему, ибо он также ювелир (сиречь тот, кто украшения изготавливает). Он услышал во Флоренции, что король-де спрашивал о наилучших драгоценностях, и заехал в эту даль в надежде, что король купит и у него несколько вещей, и он доньше на это надеется. Дворянин ответил: «Тогда обождите меня, покуда я не управлюсь с делами, мы пойдем ко мне, и я покажу их вам». Когда он уладил свои дела, то поехал с ним домой, время было после полудня, и он сказал: «Прежде мы откушаем, дабы жена моя не рассердилась». Они откушали вместе, и он принял гостя с большим радушием, и долгое время они провели за столом, как то в привычке у англичан, сидящих за столом часа по два, а когда у них гости, то и подавно. Отобедав, преисполнились они довольства, и дворянин отвел его в свою спальню и открыл шкаф искусной работы, вынув оттуда деревянную шкатулку с драгоценностями и позволив Андреану хорошенько разглядеть их. Было там пять вещей, стоивших свыше шестидесяти тысяч крон. И чем дольше ими любовались, тем больше они нравились. Андреан похвалил их и сказал: «Есть у меня несколько вещей, если их оправить, они, пожалуй, посрамят королевские». Дворянин с охотой внимал ему, думая: «Коли у него и впрямь есть драгоценные украшения, то наш король купит еще несколько вещей». И с тем они вновь отправились ко двору. Тут Андреан сказал: «Если вы соизволите завтра отобедать со мной в доме Иеронима Роберти, я также покажу вам свои драгоценности». Дворянину это пришлось по душе.

Тут Андреан пошел к Иерониму Роберти и сказал ему: «Я отыскал при дворе короля человека, который, я надеюсь, поможет мне добиться от королевской казны, чтобы она представила вам надежное поручительство и чтобы мы выкупили пленника». Иероним Роберти обрадовался, и тут Андреан добавил: «Завтра приготовьте обед получше, я приведу его откусать с нами». Так и случилось. И назавтра к обеду Андреан привел этого мужа, но, прежде чем сесть за стол, он предупредил Иеронима, что о пленнике не следует много говорить, ибо все должно произойти в тайне. Они обедали, веселились и долго сидели за столом. А когда обед завершился, Иероним Роберти удалился в свою контору.

Тут Андреан сказал дворянину: «Поднимемся в мои покои, я также покажу вам мои драгоценности». И пошли они вдвоем в ту комнату, что располагалась наверху, над залой, в коей они обедали. И когда поднялись они туда, Андреан сделал вид, будто открывает большой ларь, и, схватив нож, вонзил его в дворянина так, что тот рухнул наземь, и перерезал ему горло, снял золотой перстень, какой тот носил на большом пальце и на каком была с роскошью выгравирована его печать, сорвал с пояса ключи и, поспешив в дом дворянина, к его жене, сказал ей: «Госпожа, меня прислал к вам ваш супруг, вы должны послать ему драгоценности, которые он показывал мне вчера, и с тем он посылает вам в доказательство этот перстень и ключи к шкатулке, в коей хранятся драгоценности». Женщина поверила его речам и открыла сундук, но драгоценностей там не нашлось. Ключа было три, они обшарили все закоулки, но ничего не нашли. Женщина вернула ему перстень и ключи и сказала: «Ступайте и скажите моему мужу, что мы ничего не нашли, пусть сам придет и отыщет, где они».

Андреан ужаснулся, что, совершив такое злодеяние, остался без сокровищ, ибо намеревался тотчас бежать с ними прочь. Но пока он находился в доме дворянина, кровь из его комнаты просочилась сквозь потолок в залу. Хозяин увидел это и, ошеломленный, сей же миг кликнул слуг и спросил: «Откуда взялась кровь?» Они кинулись узнать. И тут увидели, что дворянин лежит бездыханный. Они смертельно испугались и от великого ужаса не ведали, что им делать.

И когда они стояли так, негодай со свирепым видом примчался обратно. Они закричали на него: «О злодей, что ты натворил, за что ты убил дворянина?» Он ответил: «Этот мерзавец покусился на мою жизнь, ибо возомнил найти у меня драгоценности. По мне лучше, что я убил его, чем он меня. Поэтому умолкните и не подымайте крика, я брошу тело в отхожую яму и тотчас ускачу прочь отсюда. А если кто о нем спросит, то скажите: отобедав, они вместе покинули дом, с той поры никто из нас их более не видал». В точности так злодей Андреан и поступил: бросил дворянина в выгребную яму и мчался днем и ночью, куда не выбрался за пределы той земли, и нигде не смел остановиться. Он страшился, что снарядят за ним погоню и постигнет его кара за великое злодеяние, и поспешил в Венецию, и нанялся гребцом на галеру, и отплыл в Александрию, и едва он прибыл туда, как тотчас же отрекся от святой христианской веры. Негодая жилось там привольно, он пребывал в уверенности, что злодеяние, свершенное им, останется безнаказанным. Умертви он хоть сто христиан, его там никто не покарал бы.

Когда это дело приключилось, Фортуната не было в Лондоне, он отправился по приказанию своего господина в некий город, прозывавшийся Сандувик, где грузил товары Иеронима Роберти на судно. И когда он возвратился в Лондон, добросовестно исполнив дело, ему порученное, и прибыл в дом своего господина, то встретили и приветствовали его не так радушно, как прежде, и вдобавок показалось ему, что господин, друзья его, слуги и служанки не так веселы, как он их оставил, что его также глубоко опечалило. Он спросил домоправительницу, что приключилось в его отсутствие, отчего все домочадцы столь удручены. Старая, верная домоправительница и экономка, коей господин весьма дорожил, ответствовала ему: «Не предавайся унынию, Фортунат, нашему господину пришло письмо из Флоренции, что умер его вернейший друг, оттого он так и сокрушается. Хозяин не был ему близким родственником и поэтому не носит по нему траур. Но для него было бы лучше, если бы умер его брат, а не этот любимый друг». Форту-

нат удовольствовался этим, и не стал более расспрашивать, и также предался унынию.

И когда дворянин не пришел домой ночевать и не известил о том свою жену, она подивилась, но промолчала, но когда он не явился и утром, женщина отправила своего близкого родственника ко двору короля осведомиться о муже, не послал ли его король с поручением и где он теперь находится. Когда советники короля услышали, что справляются о дворянине, они удивились, отчего он не явился ко двору. Эта весть достигла короля, и он повелел: «Ступайте тотчас к нему домой и удостоверьтесь, не похитил ли он сокровища». Ибо пришло королю на ум, что тот бежал, похитив драгоценности, и, хотя король почитал его человеком честным, тем не менее он заподозрил, что великое богатство сделало его мошенником. И выплыло это наружу, и всяк вопрошал другого, не ведает ли тот, куда подевался дворянин, однако никто о нем ничего не мог сказать. Король с великой поспешностью послал к нему домой, к жене, дабы допросили и разузнали, где драгоценности, и, хотя он благоволил к тому дворянину, все же велел дознаться прежде о драгоценностях, а потом о достойном муже, ибо воистину говорят, где речь заходит о деньгах, там всякая любовь кончается.

И когда женщину спросили, где ее муж и где драгоценности, она ответствовала: «Сегодня третий день, как я его не видела». — «Но что он сказал, когда поутру уходил из дому?» Женщина сказала: «Он собирался обедать вместе с флорентинцем и прислал некоего с печатью и ключами, дабы я послала ему драгоценности. Он будто пребывает в доме Иеронима Роберти, где имеется много роскошных драгоценностей, и они пожелали сравнить их друг с другом. И тогда я отвела его в нашу опочивальню и открыла сундук, к которому он принес ключи. Однако драгоценностей мы не нашли, и юноша удалился без них и весьма неохотно, умоляя меня поискать еще. Но мы так ничего и не нашли». Спросили они, нет ли у ее супруга какого особого тайника. Она сказала, что другого нет, ибо все, что было у мужа ценного — письма и печать, клал он в этот ларец. «Тут прежде стояла и шкатулка с драгоценностями, но их более здесь нет, если бы они были тут, я бы отослала их ему».

Когда посланные королем услышали это, они взломали все сундуки, перерыли все лари и шкатулки. Но

драгоценностей не нашли, и женщину повергло в ужас, что в ее доме учинили насилие. Однако и посланники короля ужаснулись, что не нашли ни дворянина, ни сокровищ. Об этом доложили королю. Король огорчился скорее из-за пропажи драгоценностей, чем из-за денег, которые они стоили, ибо купить им подобные не было возможности, даже имея денег в избытке. Ни король, ни его советники не ведали, как им в том деле поступить, и тут им посоветовали схватить Иеронима Роберти и всех его домочадцев, чтобы они дали показания о дворянине. Случилось это на пятый день, как дворянина убили. Тут подручные судьи дождались, чтобы они сели за обед, ворвались в дом Иеронима Роберти и застали там всех их вместе; двух господ, двух писцов, повара, конюшого, двух служанок и Фортуната, числом девять человек. Всех их препроводили в темницу и каждого в отдельности допросили, куда подевались двое мужей. Все показали одинаково, что, отобедав, они ушли прочь, после чего никто их более не видел и ничего о них не слышал. Но подручные судьи этим не удовлетвоались. Они взяли у господ и у всех прочих ключи, и пошли в дом, и обыскали конюшню, погреба, склады, в коих хранились товары, и повсюду искали, не зарыли ли они где-нибудь дворянина. Однако ничего не нашли.

КАК ИЕРОНИМ РОБЕРТИ И ВСЕ ЕГО ДОМОЧАДЦЫ БЫЛИ СХВАЧЕНЫ
И БЕЗ ВИНЫ КАЗНЕНЫ, СПАССЯ ЛИШЬ ФОРТУНАТ

И когда они уже собирались идти прочь, оказался там некто, державший в руках большой зажженный светильник или факел, с каким он обыскал все темные закоулки, но не нашел ни дворянина, ни чего другого. Тогда он зацепил в конюшне пук сухой соломы, и поджег его, и бросил в выгребную яму, и следом глянул вниз, и увидел торчащие наружу ляжки дворянина. Он завопил: «Убийство! Убийство! Дворянин здесь, в выгребной яме!» И выгребную яму порушили и извлекли оттуда дворянина. И прямо так, грязного, с перерезанным горлом, как он был, положили на улице, перед домом Иеронима Роберти, дурно пахнущего и в нечистотах.

И когда англичане увидели злодейское убийство, поднялся столь великий крик против флорентинцев и вообще ломбардцев, что те принуждены были попря-

таться и накрепко запереться, не то простолюдины, увидав их на улице, забили бы их насмерть. Они оставили мертвеца, дурно пахнущего, три дня лежать прямо на улице, к страданиям и вящему стыду ломбардцев. Весть об этом тотчас достигла короля и судьи. Тут было повелено учинить допрос с пристрастием, истязать и мучить их, дабы вызнать тем истинную причину случившегося с дворянином, и пытаться всякого порозня, а показания тотчас записывать, особливо же надлежало допытываться о сокровищах. Палач пришел и первым делом взялся за господина, пытал его на дыбе и жесточайше истязал, дабы тот поведал, кто убил дворянина, почему они его убили и где драгоценности короля.

Добросердечный Иероним по великой неистовости и жестокости учиненных ему пыток тотчас догадался, что они узнали об убийстве, содеянном в его доме без его ведома, о каковом он горько сожалел. И когда он постиг, что молчанием делу не помочь, то сказал и поведал, как все случилось и как Андреан упросил его приготовить хороший обед, намереваясь привести к нему дворянина, каковой поможет ему выкупить почтенного мужа, томящегося в плену во Франции, в Торе, что в Тюрени, «что я и совершил на благо моему милостивому господину королю и на пользу всему его королевству, ни о чем более не помышляя. Когда трапеза подошла к концу, я упустил их из виду, сидел в конторе и писал, а закончив писать, вышел и тут увидел, что из комнаты для гостей в столовую стекает кровь, я смертельно испугался и послал слуг взглянуть, что бы это могло быть. Они поведали мне о представшем им зрелище. Но как дело до этого дошло, я не ведаю. Тем временем примчался злодей Андреан, коего я призвал к ответу за убийство. Он отвечивал, будто тот пожелал его убить, но Господь всемогущий ниспослал ему удачу, и он опередил его, и схватил труп, и бросил его в выгребную яму, и тотчас бежал прочь. Куда он устремился, сие мне неведомо».

Все прочие показали так же, как и он, как их ни истязали и ни мучили, кроме Фортуната, не сознававшегося ни в чем, сколько его ни били, ибо его не было в доме, когда это дело приключилось, и к тому же он пребывал в неведении о нем. И когда не смогли они ни узнать от них ничего, ни выпытать, куда подевались драгоценности, король впал во гнев, и повелел всех казнить, приковав к виселице железной цепью, дабы никто

не смог их снять и дабы сами они не свалились оттуда наземь, и повелел возвести для них новую виселицу меж городом и Вестминстером, прекрасным замком, внутри коего возвышаются королевская ратуша и большая красивая церковь, ибо меж городом и замком было оживленнее, нежели обыкновенно в самом городе. В означенное место и был доставлен Иероним Роберти со всеми его домочадцами. И начали с двух служанок, закопали их заживо пред виселицей, после чего взялись за господина, как наиважнейшего меж ними. Когда Фортунат увидал, куда все клонится, он, не полагая о себе ничего иного, как только то, что его казнят, подумал: «О Господи, если бы я остался у своего господина, благочестивого графа, и дал себя оскопить, то не очутился бы в беде и опасности». И когда дошла очередь до повара, тот, будучи англичанином, закричал громким голосом во всеуслышанье, что Фортунату ничего не ведомо о тех делах. Хотя судья знал, что Фортунат неповинен, все же он намеревался предать его смерти, ибо рассудил: отпусти он его на волю, его все равно забьют насмерть. Но весьма многие сказали судье, что его не следует казнить, ибо он не флорентинец и к тому же неповинен. И наконец, судья сказал Фортунату: «А ну, живее убирайся прочь отсюда, не то уличные девки избьют тебя до смерти». И приставил к нему двух слуг, доставивших его к реке, и так двигался он посуху и по морю, покуда не выбрался из пределов той земли.

И когда Иероним со своими домочадцами был казнен, король позволил простому люду учинить разграбление в доме Иеронима, однако пред тем советники короля вывезли оттуда все лучшее. Иероним лишился великого богатства. Было его, а стало другого: не пред кем было отчитываться. Когда прочие флорентинцы и ломбардцы услышали о том, что учинили грабеж, объял их смертельный ужас за свою жизнь и свое богатство, и послали они королю великие деньги, дабы он выдал им охранную грамоту, ведь они-то неповинны. И король, подвигнутый добросердечием, выдал им охранную грамоту, что они могут разъезжать, продавать и покупать, как и прежде.

Кто-то, быть может, подивится, отчего столь позорно казнили благородного Иеронима Роберти и всех его домочадцев, ибо и он, и все его слуги были неповинны и весьма скорбели о приключившемся. Дивиться тому,

однако, не следует, все имеет свою причину, и происходит сие согласно императорскому праву, по коему никто не смеет умолчать об убийстве. Кто умолчит об убийстве либо поможет утаить его и не донесет о нем, едва только сможет, сам почитается убийцей, будто свершил он злодеяние своею собственной рукой. По этой-то причине и лишились благородный Иероним и его домочадцы и своей жизни, и брэнного богатства.

КАК БЫЛИ НАЙДЕНЫ И ВОЗВРАЩЕНЫ КОРОЛЮ ЕГО ДРАГОЦЕННОСТИ

После того как это приключилось, короля долго не покидало желание узнать, где его драгоценности и нельзя ли ему заполучить их обратно, он также отдал бы великое богатство за то, чтобы узнать, как дело приняло такой оборот, и велел объявить: тому, кто принесет ему доподлинное известие, куда подевались драгоценности, дадут тысячу нобелей; тут написали ко многим королевским дворам, князьям и господам, а также в богатые и могущественные города, не появлялся ли кто, желающий означенные драгоценности продать. И хотя никто о них не слышал, любопытство разгорелось все же великое, ибо получить деньги всяк был не прочь.

Так обстояло дело до тех пор, покуда жена дворянина не справила тридцать дней, и вскоре после того скорбь ее день ото дня пошла на убыль, и она стала звать в гости подруг и соседок; и была меж ними одна, также овдовевшая в недавнем времени, она сказала: «Последуйте моему совету, я научу вас, как скорее забыть о смерти мужа. Переставьте свою кровать в другую комнату. Если же вы не можете сделать этого, поставьте ее хотя бы в другой угол спальни и ночью, отходя ко сну, думайте о красивом юном друге, коего вы хотели бы взять в мужья, и с досадой повторяйте: мертвые к мертвым, живые к живым. Так делала я, когда умер мой муж». Женщина сказала: «О любезная подруга, я так горячо любила мужа, что вряд ли скоро забуду его».

Все же эти слова запали ей в голову, и едва женщины покинули ее дом, как она тотчас взялась убирать свою опочивальню и выносить оттуда лари и сундуки мужа и на место их расставлять свои и передвинула мужнину кровать с ее места на другое. Но когда кровать отодви-

нули, то под ней, в углублении, под одной из ее ножек, оказалась шкатулка с драгоценностями. Увидав шкатулку, женщина тотчас узнала ее, и спрятала, и велела обставить свою опочивальню так, как она замыслила, и вслед за тем послала за своим близким родственником, и поведала тому, как безо всяких усилий отыскала драгоценности, и, не переставь она кровати, они бы еще долго пролежали в том месте, ибо там их никто не искал. И она просила у своего родственника совета, как ей поступить с драгоценностями. Когда родственник услышал, что драгоценности отыскались, он обрадовался и сказал женщине: «Коли вам нужен мой совет, я посоветую то, что представляется мне наилучшим, и совет мой таков: немедленно возьмите драгоценности, я пойду с вами, и мы потребуем впустить нас к королю, и передадим драгоценности ему в его собственные руки, и поведаем ему истинную правду о том, как вы нашли их, и скажем, что отдаемся на его милость в том, какое он пожалует нам вознаграждение. Можно было бы и утаить драгоценности от короля, чтобы получить от него затем большие деньги за их находку, либо послать их в чужие земли и продать, однако по всем землям далеко разошлось, что драгоценности эти утеряны королем, и коль скоро это выйдет наружу, все имевшие с ними дело лишатся жизни и имущества, а драгоценности будут так и так возвращены королю».

Этот совет пришелся женщине по душе. Облачившись в красивое платье, вполне, однако, приличествующее вдове, оплакивающей мужа, она прибыла со своим родственником во дворец и просила, чтобы ее допустили к королю. Об этом известили короля, который повелел, чтобы ее пустили в тронный зал, и когда она предстала пред королем, то пала на колени, воздала ему почести и сказала: «Милостивый господин король! Я, ваша бедная служанка, прибегаю к вашему королевскому величеству и сообщаю, что я нашла сегодня драгоценности, которые вы держали в моем доме и благосклонно доверили моему мужу передать герцогине Бургонской, моей милостивой госпоже. Я передвигала в опочивальне кровать и под одной из ее ножек увидела шкатулку, и, найдя ее, я тотчас поспешила передать ее вам, в ваши собственные руки». И с этими словами вручила ему шкатулку.

Король открыл шкатулку, увидел драгоценности,

которым и полагалось там быть, и преисполнился радости оттого, что они попали туда, куда должны были попасть. Король был доволен, что женщина выказала столько усердия и никому не доверила драгоценности и вручила их ему, и подумал, что следовало бы вознаградить и утешить женщину в ее горестях, ибо ее благочестивый супруг по милости этих драгоценностей лишился жизни. Он призвал молодого дворянина из числа своих слуг, красивой наружности и стройного сложения, и сказал ему: «Я обращаюсь к тебе с просьбой, в которой ты не должен отказать мне». Юноша ответил: «Милостивый король, вам подобает не просить, а повелевать, я подчинюсь вашей воле». И король велел призвать священника, и тут же в его присутствии сочетал юношу браком со вдовой, и богато одарил их. И зажили они друг с другом в радости, женщина пошла к своей подруге и от души поблагодарила ее за совет передвинуть кровать, который та дала ей, и сказала: «Не последуй я вашему совету, ни наш милостивый господин король не получил бы своих драгоценностей, ни я молодого и красивого супруга. Воистину говорят, следуй совету мудрых людей».

**КАК ФОРТУНАТ ЗАПЛУТАЛ В ЛЕСУ И ЗАНОЧЕВАЛ В НЕМ И ИСПЫТАЛ
ВЕЛИКУЮ ОПАСНОСТЬ И СТРАХ ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ**

Итак, вы слышали уже о том, как Фортунат покинул Лондон и какую опасность и страх он претерпел. А теперь послушайте, что с ним приключилось далее. Когда денег у него более не осталось, поспешил он выбраться из Англии и добрался до Пикардии, там хотел он было наняться в слуги, но не смог отыскать себе господина. Двинулся он далее и пришел в землю Британия, могущественную страну, где много высоких гор и диких лесов. И, вздумав пересечь эту землю, вступил Фортунат в обширный и дикий лес, подобный Богемскому либо Тюрингскому лесу, и когда углубился он в чащу, то заблудился, проплутал целый день и не смог оттуда выйти. Когда стемнело, набрел он на старую хижину, в которой тому назад много лет варили стекло.

Тут он обрадовался, возомнив, что встретит там людей, но хижина была пуста. Все же он провел в заброшенной лачуге ночь, изнемогая от голода и тревоги, вну-

шаемой ему дикими зверьми, жившими в лесу, и с великим нетерпением ожидал рассвета, уповая, что господь выведет его из лесу и не даст умереть голодной смертью. И едва забрезжил рассвет, как он поднялся и вновь торопливо пошел по лесу. И хотя надлежало ему идти поперек, он шел вдоль, и чем дальше он шел, тем тяжелее было ему выбраться из лесу, так что и другой день истек в великих и тяжких мучениях. А когда стемнело, он изнемог и выбился из сил, ибо два дня у него не было ни крошки во рту. И случайно он набрел на родник, с великим наслаждением утолил жажду, и это придало ему сил. А когда он присел у ручья, ярко засветила луна, и тут раздался в лесу страшный треск, и услышал он, как рычат медведи, и подумал, что не стоит ему надолго тут задерживаться, но и бежать не было проку, ибо дикие звери вмиг настигли бы его, и пришлось ему в голову, что лучше всего влезть на дерево. Он вскарабкался вблизи ручья на высокое дерево, на котором было много сучьев, и смотрел на то, как дикие звери всяческого рода приходили на водопой, дрались и кусались, вели друг с другом свирепые игры. Но среди них оказался медведь, еще наполовину детеныш, он учуял Фортуната и полез вверх по стволу.

Фортунат испугался и стал карабкаться по стволу выше и выше, а медведь следовал за ним по пятам. Когда, однако, взбираться было уже некуда, Фортунат распростерся на суку, и выхватил свой кинжал, и вонзил его в голову медведя, и нанес ему многочисленные раны. Медведь рассвирепел и, оторвав передние лапы от дерева, потянулся к Фортунату, но, лишившись опоры, кувырнулся через голову, и грохнулся с дерева наземь, и наделал столь великого шума и столь сильно ударился о землю, что по лесу далеко разнеслось эхо. И когда прочие дикие звери услышали столь сильный грохот, они кинулись бежать в разные стороны. Все они умчались прочь, кроме упавшего наземь медведя, лежавшего под деревом и столь сильно зашибшегося, что не мог он двинуться с места, хотя и не испустил еще духа.

Меж тем Фортунат сидел на дереве и не смел спуститься вниз, но тут стало его клонить ко сну, он испугался, что уснет, свалится с дерева вниз и покалечится либо вообще убьется до смерти. И с замирающим сердцем он спустился вниз, выхватил кинжал и вонзил его в медведя, приложился губами к его ранам и стал выса-

сывать из него теплую кровь, что его несколько ободрило, и подумалось ему: «Будь у меня сейчас огонь, я бы вволю насытился». Однако он столь нуждался в отдыхе, что лег подле убитого медведя и уснул крепким сном. Когда же он проснулся и открыл глаза, то увидел, что светает, и узрел стоящее пред ним юное создание женского рода.

КАК ДЕВА ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА СЧАСТЬЯ ПОДАРИЛА ФОРТУНАТУ КОШЕЛЬ, В КОТОРОМ НИКОГДА НЕ ПЕРЕВОДИЛИСЬ ДЕНЬГИ

Он горячо возблагодарил Господа Бога и сказал: «О Боже всемогущий, благодарю и хвалю тебя, что пред смертью я все же сподобился увидеть человека». И сказал: «О любезная дама или девица, не ведаю, кто вы, заклинаю вас честью Господа Бога, помогите мне выбраться из лесу, ибо сегодня уже третий день, как я плутаю по чаще, не съев ни крошки». И поведал ей о том, что у него приключилось с медведем. Тут она спросила его: «Откуда ты?» Фортунат отвечал: «С Кипра». — «Чего же ты ищешь здесь?» — удивилась она. В ответ он сказал ей: «Бедность принуждает меня бродить здесь и искать, не осчастливит ли меня Господь и не надоумит ли, как раздобыть себе хлеба насущного». Сказала она: «Не пугайся, Фортунат, я Дева Повелительница счастья, и при особом стечении на небе звезд и планет дано мне повелевать шестью сокровищами, коими я могу награждать — одним, двумя либо всеми вместе, сообразно часу времени и совпадению планет. Сокровища эти — мудрость, богатство, сила, здоровье, красота и долголетие. Выбирай себе одно из шести и не медли, ибо время награждать счастьем вскоре истекает». Недолго думая, он сказал: «Тогда я выбираю богатство. Пусть у меня всегда будет в избытке денег». Она тотчас вынула кошель и протянула его Фортунату со словами: «Возьми этот кошель, и всякий раз, опустив в него руку, в какой бы земле ты ни жил и где бы ни очутился, найдешь в нем десять золотых монет в денежном исчислении той земли. Кошель сохранит это свойство до самой твоей смерти, а также до кончины твоих ближайших наследников, но не дольше. Кошель не утеряет своей силы и добродетели, даже если окажется в чужих руках. Поэтому дорожи им и береги его!»

Фортунату, как ни терзал его голод, кошель придал

надежды, а также силы, и он сказал: «О добродетельная девица, в благодарность за вашу щедрость мне, справедливости ради, также подобает свершить нечто в вашу честь, не забывая доброты, которую вы выказали мне».

Девица заговорила и весьма благосклонно сказала Фортунату: «Раз ты так хочешь отплатить мне за доброту, которую я выказала тебе ныне, то я повелеваю тебе в продолжение всей твоей жизни исполнять в сей день три вещи. Первая: в этот день ты не должен отдыхать, а также не должен заключать брачного союза или расторгать его. И ежегодно, в какой бы земле ты ни был, найди бедняка, имеющего дочь на выданье, и по своей охоте выдай ее замуж и вызволь из нищеты, пристойно одень, одари и облагодетельствуй девицу, ее мать и отца четырьмястами золотых, имеющими хождение в той земле. Ежегодно доставляй радость какой-либо бедной девице в благодарность за радость, которую я ныне доставила тебе».

Фортунат ответил ей, сказав: «О добродетельнейшая девица, верьте и нисколько не сомневайтесь, я буду честно и преданно исполнять ваш наказ, ибо он запал мне в душу и запечатлелся там неизгладимой заповедью». Все же Фортуната не покидала забота, как ему выбраться из лесу, и он сказал: «О прелестная девица, теперь помоги мне выбраться из чащи». Девица ответила: «Заблудившись в лесу, ты счел это своей бедой, а она обернулась твоим счастьем». И сказала: «Ступай за мной». И наикратчайшим путем вывела его к проезжей дороге и сказала ему: «Ступай этим путем все время прямо, не оборачивайся и не смотри, куда я пойду. И если ты сделаешь так, то вскоре выберешься из лесу».

И Фортунат последовал совету девицы, и заспешил как только мог через лес, и вышел из лесу. И увидел пред собой большой дом, это был постоянный двор, где обыкновенно подкреплялись пищей люди, желавшие пешком или на коне пересечь лес. Фортунат, приблизившись к постоянному двору, сел наземь, вынул из-за пазухи дареный кошель и решил удостовериться, верно ли то, что было ему сказано, а заодно чтобы взять оттуда денег, ибо у него не было более ни гроша, и запустил в кошель руку, и вынул оттуда десять крон. Можете мне поверить, сколь великую радость испытал он, когда увидел их, и, исполненный великой радости, пошел на постоянный двор, и сказал хозяину, дабы он

накормил его, ибо он донельзя голоден, и дабы он подал ему наилучшие блюда, за что ему сполна заплатят. Хозяину это пришлось по нраву, он честно подал все лучшее, что у него только было, Фортунат насытился и утолил свой голод, и пробыл у него ночь и утро другого дня, и всецело воспрянул от голода, каковой претерпел, и заплатил хозяину, сколько тот пожелал, и пустился странствовать далее. В двух милях от леса был небольшой город и замок, где обитал некий граф, прозывавшийся Лесным графом. Герцог Британский пожаловал ему суверенное право охранять тот лес. Фортунат пошел к хозяину лучшего постоялого двора, и попросил сослужить ему службу, и спросил его, не ведает ли он, где купить доброго коня. Тот сказал: «Да, вчера прибыл сюда чужеземный купец с пятнадцатью отменными скакунами, он спешит на свадьбу, что устраивает герцог Британский с дочерью короля Арагонии. Есть у него меж пятнадцати коней три, за коих наш граф дает триста крон, а барышник просит триста двадцать, не сошлись они на двадцати кронах».

Фортунат украдкой зашел в одну из комнат, и отсчитал из кошелька шестьсот крон, и вновь опустил их в кошель, и пошел к хозяину, и сказал: «Где тот конский барышник? Если его жеребцы и впрямь столь хороши, я хотел бы увидеть их». Хозяин отвечал: «Я опасюсь, он не покажет вам их. Наш господин граф вряд ли согласится, чтобы он показал их вам». Фортунат сказал: «Если кони мне понравятся, я скорее решусь купить их, нежели граф».

Хозяину показалось смешным, что Фортунат прикидывается богачом, а не имеет приличного платья и ходит пешком. Все же он отвел Фортуната к лошадиному барышнику и столь долго уламывал его, что он показал ему коней и опробовал их. Все они Фортунату очень понравились, но он пожелал купить тех трех, которых присмотрел себе граф. Превосходно зная, что спор вышел из-за двадцати крон, он тотчас вынул и вручил барышнику триста двадцать крон, и приказал отвести коней к себе на постоянный двор, и послал за шорником, и велел тому изготовить богатое седло и роскошную сбрую, и просил хозяина подыскать ему двух крепких слуг, каковым положит он хорошее жалованье.

Но в то время как Фортунат улаживал таким образом свои дела, графу стало известно, что жеребцы, кото-

рых он выбрал, проданы, отчего граф впал в великую досаду и в душе разозлился, ибо кони ему весьма нравились и он не хотел упускать их из-за двадцати крон, собираясь на свадьбу и желая покрасоваться там верхом. В гневе он послал к владельцу постоялого двора слугу и велел спросить, что за человек увел у него коней из-под носа. Хозяин отвечал, что гость ему неизвестен, что пришел он в город пешком, в бедном платье и пообещал хорошо заплатить, если он ему добросовестно послужит. И добавил: «Он пришелся мне по нраву тем, что заранее заплатил за свой обед». Слуга графа разгневался на хозяина за то, что он отвел Фортуната к барышнику. Но тот сказал: «Я сделал то, что всякому почтенному хозяину подобает сделать для своего гостя, ибо хозяин должен с учтивостью принимать постояльцев. Он просил меня пойти с ним, мне и в голову не приходило, что он в силах уплатить хотя бы за осла».

КАК ФОРТУНАТ ПЕРЕХВАТИЛ У ЛЕСНОГО ГРАФА ИЗ-ПОД
НОСА ОТМЕННЫХ КОНЕЙ, ЗА ЧТО БЫЛ СХВАЧЕН И
ПРЕТЕРПЕЛ ВЕЛИКУЮ БЕДУ И НАПАСТЬ

Слуга возвратился к графу и поведал ему, что он услышал. Когда граф уразумел, что Фортунат низкого рода, то, движимый гневом, сказал: «Ступайте и схватите этого человека, ибо деньги он украл, ограбив либо даже убив кого-то». Фортуната схватили, бросили в мрачную темницу и пытали, откуда он прибыл. Фортунат отвечал, что он родом с Кипра, из города, прозывающегося Фамагустой. Тогда они спросили его, кто его отец. Он сказал: «Обедневший дворянин». Граф был рад, что он из столь дальних земель, и спросил его, откуда у него наличные деньги, да еще в таком числе. Фортунат ответил, что деньги его и он надеется, что не обязан говорить, где он раздобыл их, но если сыщется человек, обвиняющий его в том, что он учинил тому насилие либо обман, он готов предстать на суд его милости. Граф сказал: «Твое тявканье тебе не поможет. Ты признаешься, откуда у тебя деньги?» И велел отвести его туда, где пытаются злоумышленников, и подвесить. Когда Фортунат увидел, как с ним обходятся, он пришел в ужас, однако в душе решил, что скорее умрет, чем поведает о свойствах кошелька, и, провисев несколько времени с привязанным к нему тяжким грузом, просил,

чтобы его сняли, тогда он откроет то, о чем у него допытываются.

И когда они спустили его наземь, граф сказал: «Ну, живо отвечай, откуда у тебя столько полновесных крон?» Он заговорил и поведал, как заблудился в лесу и три дня изнемогал от голода. «Но тут Господь сжалился надо мной, и я вышел на опушку леса и нашел кошель, в коем было шестьсот десять крон». Граф спросил: «Где кошель, в коем были кроны?» — «Когда я сосчитал деньги, то переложил их в мой кошель, а пустой бросил в реку, что течет возле леса». Граф сказал: «Ах, злодей, ты хочешь лишить меня моего имущества? Знай, и твоя жизнь, и твое добро перешли в мое владение, ибо все, что есть в лесу, принадлежит мне и суть мое достояние». Фортунат ответил: «Милостивый господин, я и не подозревал о таком вашем праве и потому воздал хвалу Всевышнему и счел кошель Божьим даром». Граф сказал: «Какое мне дело, что ты ничего не знал. Разве неведомо тебе — кто не знает, тот должен спросить. И довольно, готовься к тому, что ныне я лишу тебя всего твоего добра, а завтра — жизни». Фортунат в душе подумал: «О, несчастный я человек, когда я мог выбрать одну из шести добродетелей, отчего я не предпочел богатству мудрость, тогда я не очутился бы сейчас в великой беде и опасности». И принес в душе великие клятвы и сказал графу: «О милостивый господин, не оставьте меня, несчастного, своим состраданием! К чему вам моя жизнь? Возьмите свое добро, найденное мною, и не губите меня, я же буду преданно молиться за вас Господу Богу до конца дней моих».

Графу не хотелось оставлять его в живых, опасался он, что Фортунат опорочит его в глазах благочестивых князей и господ, если пойдет и обвинит его в таком насилии. Но все же был он настолько подвигнут милосердием, что оставил ему жизнь, и рано поутру, покуда не рассвело, велел он вывести его за городские стены и поклясться там, что до конца дней своих он не ступит на землю графа, что тот и свершил, втайне радуясь тому, что так отделался, ибо, знай граф истинную правду, не выбраться бы ему из замка. Слуги просили графа дать Фортунату крону на пропитание. Но граф не пожелал этого делать, сказав: «Прежде чем найти деньги, он жил подаянием, пусть займется этим вновь». И бесчестно отнял у Фортуната и коней и деньги; на свете еще много

подобных ему, которые лишают людей их добра, не имея на то никаких прав. Прозывался Лесной граф графом Артельхином, Лесным графом Нундрагона.

Итак, когда Фортунат очутился на воле, он не посмел притронуться к своему кошельку, чтобы взять оттуда денег и потратить их, и два дня пути прошел прося милостыню, ибо опасался: если увидят у него деньги, то вновь схватят его. Все же он добрался до Нанта, столицы Британии, что лежит у моря и есть морская гавань.

КАК ФОРТУНАТ ПРИБЫЛ В НАНТ, ЧТО В БРИТАНИИ, ЧТОБЫ
ПОЛЮБОВАТЬСЯ ПРИДВОРНЫМИ ОБЫЧАЯМИ

Там собралось великое число князей и господ, все они ожидали королеву. Они только и делали, что состязались на турнирах, танцевали и вкушали всяческую радость и удовольствия. На это он охотно взирал и думал: «Я владею такой уймой наличных денег, как все они сообща, те, что здесь обретаются, но не могу распорядиться ими по своей воле. Я превосходно постиг, что у них и земли и подданные, чего они пожелают, то их подданные и исполнят. Предприми я нечто, это не всякому может прийти по вкусу, а у меня нет никого, кто защитил бы меня». И потому он сказал сам себе: «Не следует тебе тут ни прикидываться знатным господином, ни роскошествовать». Запало ему в душу, как Лесной граф беспричинно обошелся с ним и истязал его. Тем не менее купил он двух крепких коней и нанял слугу, сам богато оделся и одел своего слугу, и велел также красиво убрать коней, и поскакал на лучший постоялый двор, какой только имелся в Нанте, намереваясь полюбоваться свадебными торжествами и дожидаться завершения празднества, ибо превосходно видел, что торжество предстоит роскошное и что прибыло верхом великое множество князей и господ. Мне нужды нет описывать, какое тому сопутствовало великолепие. Превосходно известно, что когда простые горожане справляют свадьбу, то неведомо им, сколь разумны должны быть траты. Некоторые лишаются всего, о чем впоследствии скорбят.

Однако же свадьба герцога была великолепна, она длилась шесть недель и три дня, и началась свадьба, когда прибыла королева. Можете представить, с какими

почестями ее встречали, прибыла она морем, сопровождаемая великим множеством судов, приветствовавших ее в море с великим торжеством. Но с еще большими почестями и великолепием встретил королеву ее господин и супруг, а равно и прочие господа и князья, когда она ступила на сушу.

Фортунат видел все это, и пришлось это ему по вкусу, он только и делал, что ходил или скакал по двору. Но, отправляясь на торжества, он не оставлял ничего на постоялом дворе. Это не понравилось хозяину, ибо тот не знал его и опасался, что он ускачет прочь, не уплатив, как зачастую случалось прежде и еще случается на подобных свадьбах. Поэтому он сказал Фортунату так: «Дорогой друг, я вас не знаю, окажите любезность и уплатите мне вперед за все дни». В ответ Фортунат рассмеялся и сказал: «Любезный хозяин, я не собираюсь бежать, не расплатившись!» И вынул из кошелька сотню добрых крон и отдал их хозяину со словами: «Возьмите деньги, и, если покажется вам, что я либо те, что приходят со мной, потратили более, нежели эта сумма, я заплачу вам более. И вам не нужно предъявлять мне на это счета». Хозяин обрадовался, с радостью взял деньги и стал выказывать Фортунату немалые почести. Когда тот встречался ему, он снимал пред ним шапку, отвел ему за столом место подле знатных господ, а также более достойную комнату, нежели та, в коей Фортунат пребывал ранее.

И когда Фортунат обедал с прочими господами и знатными рыцарями, приходили к господскому столу всяческие рассказчики и шпильманы, чтобы развлечь господ да и подзаработать денег. И пришел однажды некий почтенный старец, и посетовал господам на свою бедность, и сказал, будто он дворянин, родом из Ибернии, и семь лет странствует по свету, пересек две империи и двадцать христианских королевств, более чего и нет в христианском мире, и обеднял в такой мере, что просит господ ссудить ему денег, дабы мог он возвратиться в свои земли.

И сидел за столом некий граф, он спросил его: «А как же прозываются все эти королевства?» Почтенный старец перечислил все их одно за другим и сказал: «Не все эти земли королевства, там правят также три или четыре герцога, не считая князей и господ, светских и духовных, что имеют земли и подданных, и во всех этих

землях я побывал. И во всякой земле, где говорят на своем особом языке, я обучился столь многому, что по мере надобности могу изъясняться с их жителями. Будучи у них при дворе, я записал также, как всякий король именуется и как далеко от одного королевства до другого». Граф сказал: «Мне хотелось бы побывать с вами во всех тех местах, но с таким расчетом, чтобы вновь оказаться здесь, и я полагаю, что тому, кто пожелает увидеть все эти земли, понадобятся крепкое здоровье и большое состояние».

Почтенный старец отвечал графу: «Да, господин, он познает добро и зло, не раз обретет убогий ночлег и претерпит великое унижение». Граф подарил старцу четыре кроны и сказал, коли ему угодно, он может остаться тут, ибо, покуда длится празднество, он будет платить за него. Тот горячо поблагодарил графа и отвечал, что его влечет домой, к друзьям, ибо он долго пробыл в отлучке, и благодарил графа за дар, что тот преподнес ему. Меж тем Фортунат, внимая речам почтенного мужа, раздумывал про себя: «Согласись этот человек сопровождать меня через означенные земли, я бы богато одарил его». И как только трапеза завершилась, он послал за ним в его опочивальню и спросил, как звать его по имени. Тот отвечал: «Люпольд». Фортунат сказал: «Я слышал, какое дальнейшее путешествие ты предпринял и при скольких королевских дворах побывал. Я молод и желал бы в молодые годы, покуда есть силы, пуститься странствовать, и, если ты согласишься стать моим проводником, я дам тебе крепкого жеребца и найму собственного слугу, буду почитать тебя как родного брата и назначу хорошее жалованье, какое пожелаешь». Люпольд отвечал: «Я бы, пожалуй, мог пойти на то, чтобы меня содержали с честью, да вдобавок хорошо платили. Но я стар, и у меня жена и дети, они не имеют обо мне вестей, и природная любовь побуждает меня возвратиться к ним и испустить дух подле них». Фортунат сказал: «Люпольд, если ты согласишься исполнить мою волю, я отправлюсь с тобой в Ибернию и щедро одарю твоих жену и детей, коли те еще здравствуют, а когда путешествие придет к концу и мы, с Божьей помощью, прибудем в Фамагусту, что на Кипре, я дам тебе собственный дом и обеспечу слугой и служанкой, если ты захочешь окончить свою жизнь подле меня».

Люпольд подумал: «Молодой человек обещает многое. Будь я уверен в успехе, как было бы хорошо, если бы мне на старости лет выпало на долю такое счастье». И хотя он сомневался в том, что Фортунату по силам будут расходы, ибо превосходно знал, во что обойдется эта затея, но сказал: «Я подчиняюсь вашей воле, но лишь с тем условием, что вы в полной мере сдержите свое обещание, а также если вы в силах исполнить его. Не стоит и помышлять о нем, если у вас нет большой суммы денег наличными или если вы не сможете достать их, ибо без денег осуществить это невозможно». Фортунат ответствовал Люпольду: «Не тревожься, я во всякой земле сумею раздобыть вдоволь денег, поэтому обещаю не покидать меня и завершить путешествие до конца». Люпольд сказал: «Тогда поклянитесь также исполнить все, что вы сулили и обещали мне». Тут они поклялись друг другу в верности и обязались не покидать друг друга ни в какой опасности.

И когда они о том договорились, Фортунат вынул из кошелька двести крон, отдал их Люпольду и сказал: «Пойди и купи двух крепких коней и не скупись, найми себе слугу, а если он не подойдет тебе, возьми другого, и когда ты истратишь все деньги, я дам тебе еще и не оставляю тебя в нужде». Люпольду это пришлось по душе, подумал он, что начало положено вроде бы доброе, и снарядился в путь по своему усмотрению, равно как и Фортунат. И взял он с собой не более двух слуг, а также отрока, так что стало их шестеро, и пришли они к единому суждению о том, коим образом странствовать им через земли и королевства.

И вознамерились поначалу осмотреть Римскую империю и наикратчайшим путем поскакали в Нюрнберг, а оттуда в Верд, Аугсбург, Нерлинген, Ульм, Констанц, Базель, Страсбург, Майнц, Кельн, об этом многое можно написать, ибо в немецких землях превыше сотни городов и все они подвластны императору. Тут, пожалуй, заметите вы, что тому, кто захочет осмотреть все эти города, понадобится чересчур много времени. Но они заворачивали лишь в именитые, а также в те, где есть епископаты, и любовались всеми вещами, о каких

Фортунат весьма подробно записывал. Наикратчайшим путем от Нюрнберга до Кельна не более шестидесяти миль, всяк может проскакать их за восемь дней. У них же ушло на то четверть года, ибо добирались они от одного города до другого кружным путем, таким же образом поступали они и в иных королевствах, в одном менее, в другом более, сообразно тому, сколь велики были королевства.

Вслед за тем двинулись они в Пругк, что во Фландрии, это пятьдесят миль, а из Пругка в Лондон, столицу английского короля, до коей дня четыре пути, земля та — остров, и путь к нему лежит по морю. А из Лондона двинулись они в Одвюрк, столицу Шотландии, и до нее девять дней пути, и, когда прибыли туда, осталось им еще шесть дней пути до Ибернии, до города, откуда Люпольд был родом, и пожелал он, чтобы господин его, Фортунат, отправился туда вместе с ним, на что тот дал ему свое согласие, и поскакали они в Ибернию, и прибыли в город, прозывающийся Вальдриком, где жил Люпольд. Он застал свою супругу и детей, как оставил их, лишь один из сыновей взял жену, а дочь — та взяла мужа. Все они обрадовались его возвращению. Но, Боже мой, как бедны они были! Фортунат тотчас приметил это и дал Люпольду сто нобелей, чтобы он разумно и ладно обустроил все дела, тогда он придет и повеселится вместе с ними.

Люпольд обставил все с роскошью, и созвал своих детей, невестку, зятя и всех своих добрых друзей, и устроил пышное празднество, так что всякий в городе получил удовольствие. Фортунат веселился вместе с ними, а когда он пресытился угощениями, то позвал Люпольда и сказал ему: «Простись с женой и детьми и возьми три кошелька, в каждом из них по 500 нобелей (нобель стоимостью превышает три с половиной рейнских гульдена), один отдай жене, другой сыну, а оставшийся — дочери как отступное, дабы было им на что жить». Люпольд обрадовался и благодарил его за щедрость. Поверьте, что жена и дети также обрадовались деньгам и благодаря этому охотнее отпустили его из дому.

Меж тем стало Фортунату известно, что до города, в котором находится чистилище святого Патриция, что также лежит в Ибернии, скакать всего два дня. И сказал он: «Отсюда не более двух дней пути, поскачем туда».

Фортунат лишь тогда убедился в чудесной силе кошелька, когда извлек оттуда великую уйму денег, а кошель все же не истощался. Исполненные радости, поскакали они в город Вернике, где был большой монастырь, а при нем и аббатство. В церкви того аббатства позади святого алтаря Господня была дверь, что вела в мрачную пещеру, именовавшуюся чистилищем святого Патриция, и без позволения аббата туда никого не пускали. Но Люпольд пошел к аббату и испросил позволения, какое и было им даровано. Аббат при этом осведомился, из каких земель его господин. Люпольд отвечал, что Фортунат с Кипра. Аббат, приняв в рассуждение, что паломник прибыл из дальних земель, позвал его сообща с друзьями в гости, что Фортунат почел за великую честь. Собираясь на пиршество, он купил бочонок наилучшего вина, какое только смог найти, и преподнес его в дар аббату, поскольку вино в тех местах стоит весьма дорого. Аббат принял это с великой благодарностью, ибо в монастыре употребляли мало вина и расходовали его лишь на богослужения.

И когда они откушали, Фортунат обратился к аббату и спросил: «Милостивый господин, если вам угодно, я желал бы знать, почему эту пещеру именуют чистилищем святого Патриция?» Аббат отвечал: «Я поведаю вам вот что. Тому назад многие сотни лет на месте, где ныне высятся монастырь и город, была дикая пустыня. Неподалеку отсюда жил аббат, по имени Патриций, он был человеком весьма благочестивым и удалялся в пустыню, дабы сотворить молитву и покаяться в грехах. Однажды нашел он эту длинную и глубокую пещеру. Патриций забрел столь далеко, что не мог найти обратной дороги. Тогда пал он на колени и воззвал к Господу с молитвой, дабы, коли это угодно его Божественной воле, помог он ему выбраться из пещеры. Меж тем как аббат со всяческим усердием молил Господа, послышался жалобный вой, будто рыдало великое множество грешников, этот вой поверг Патриция в ужас. Однако Господь сотворил так, что он выбрался из пещеры, и вознес молитву всевышнему, и возвратился в свой монастырь. И когда требовалось ему совершить покаяние, он удалялся в ту пещеру. И у входа в нее он воздвиг часовню, и обрели там люди благочестивые прибежище — сей монастырь, а со временем был тут построен город».

Фортунат спросил аббата: «Паломники, приходящие сюда, каковым вы даете позволение спуститься в пещеру, — что рассказывают они, выходя обратно»? Аббат отвечал: «Я не допытывался у них о том и не приказывал допытываться. Говорят они, будто слышали жалобные вопли. Но обыкновенно они не видят и не слышат ничего, что бы их устрасило». Фортунат сказал: «Я прибыл сюда издалека, как же мне не побывать в пещере? Я не двинусь отсюда прочь, покуда не увижу чистилища». Аббат отвечал: «Будь по-вашему, однако не заходите чересчур далеко, в пещере много боковых ходов, и можно легко заблудиться, на моей памяти не раз приключалось так, что люди находились лишь на четвертый день». Фортунат спросил Люпольда, не желает ли он пойти вместе с ним. Люпольд отвечал: «Разумеется, я пойду с вами и всегда буду сопутствовать вам, покуда Господь дарует мне жизнь». Это Фортунату весьма понравилось.

КАК ФОРТУНАТ И ЕГО СЛУГА ЛЮПОЛЬД
СПУСКАЛИСЬ В ПЕЩЕРУ ПАТРИЦИЯ

И рано поутру оба они исповедались и причастились. Пещера эта освящена святым Патрицием, и тот, кто проведет в ней ночь, получит отпущение всех своих грехов. Поэтому люди, которые собрались туда, должны исповедаться. Стало быть, открыли им пещерный ход, что находится в монастыре позади алтаря Господня. Влезают внутрь пещеры, как в погреб, и, как человек спустится в лаз, монахи благословят его и запирут за ним дверь и не открывают ее до следующего утра, до того часа, как туда вошли.

И когда пробрались они в пещеру и спустились глубоко вниз, то очутились на ровной площадке, тут взяли они за руки, чтобы не потерять друг друга, и так двинулись во мрак и положили себе дойти до конца пещеры, а оттуда повернуть вспять. И, пройдя долгое время, увидели они, что им предстоит весьма крутой спуск, посоветовались и решили возвратиться ко входу в пещеру. Однако они не смогли добраться до него, и долго плутали, покуда не выбились из сил, и опустились наземь, и стали ждать, чтобы их окликнули у входа, тогда, услышав крик, они двинутся на него и таким образом

выйдут из пещеры. Объял их ужас оттого, что не ведали они, как долго находятся там.

И поутру, когда настал час отпереть ход, их окликнули, но они были так далеко, что не услышали зова. Дверь вновь заперли, а те двое принялись блуждать взад и вперед и не ведали более, как им выбраться из беды. Терзаемые сильным голодом, они впали в отчаяние и испугались, что лишатся жизни. Тут Фортунат взмолился: «О Боже всемогущий, приди нам на помощь, ибо здесь не властны ни золото, ни серебро». И в отчаянии опустили они наземь и ничего не видели и не слышали. И когда настало третье утро, монахи вновь пришли ко входу в пещеру, и отперли дверь, и окликнули их, но никто им не отозвался. Они вновь заперли дверь, и пошли к аббату, и поведали ему о несчастье, особенно сокрушаясь о Фортунате, преподнесшем им столь доброе вино. Тут сбежались слуги и подняли крик о своих господах. Однако аббат знал некоего старца, много лет тому назад измерявшего пещеру длинными шнурами, и послал за ним, и сказал, дабы поразмыслил он, не возьмется ли он вывести паломников из пещеры. Слуги обещали ему дать за то сто нобелей. Старец ответил: «Если они еще живы, я выведу их». И, вооружившись своим инструментом, влез внутрь пещеры.

Кто-нибудь, быть может, спросит, отчего не ходят в пещеру с факелами либо светильниками? Да будет ему известно, что подземелье это не терпит света ни в одном из своих закоулков. И старец размотал свое приспособление и исследовал один за другим ходы пещеры, куда не отыскал пропавших. Тут они обрадовались, ибо вконец изнемогли и лишились последних сил. Он велел им уцепиться за него, подобно слепцам, цепляющимся за зрячего, и пошел вдоль шнура. Таким образом, с помощью Господа и того старца, вышли они на свет Божий. Аббат обрадовался этому, ибо не хотелось ему, чтобы они сгнули, он страшился, что паломники перестанут посещать эти места, из-за чего отпадет надобность и в нем, и в Божьей обители.

Слуги поведали Фортунату, что обещали дать старцу сто нобелей, если он отыщет их. Фортунат уплатил ему наличными, прибавив сверх того, и горячо благодарил его, и велел с роскошью убрать постоянный двор, и позвал к себе аббата и всех братьев, и воздал хвалу Господу, что вновь спасся от страшной беды. И пожерт-

вовал аббату и монастырской братии сто нобелей, дабы они молились за него Господу. С тем они простились с аббатом, и приступили к осуществлению своего замысла, и для начала повернули вспять, и ближайшим путем поскакали в Кале, ибо Иберния земля столь дикая, что далее оттуда дороги нет. И поскакали в Сан-Йобст, что в Пикардии, а следом в Париж, сиречь столицу Франции, что в пятидесяти милях от Кале. От Парижа до Бианы, лежащей на море, 75 миль. От Бианы до Памплиона, столицы королей наваррских, 25 миль. По левую руку от Памплиона, в 30 милях от него, лежит Сарагоса, столица королевства Арагон. Оттуда до Бурга и святого Сант-Якоба, что в городе, прозывающемся Компостелом, 52 мили. От Сант-Якоба до Финис-Терра, что означает «К мрачной звезде», 14 миль. От Сант-Якоба до Лиссабона, столицы королевства португальского, девяносто миль. От Лиссабона до великого города Сибиллы 52 мили, а оттуда до моря десять миль. От Сибиллы до Гранады, языческого королевства, 35 миль. От Гранады до Кордобы, большого города, и обратно от Кордобы до Бургеса 12 миль. От Бургеса до Сарагосы 50 миль. От Сарагосы до Барселоны 48 миль, город тот — столица Каталонии. В семи милях от Барселоны стоит на высокой горе, прозывающейся Монсерратом, монастырь. Там милостиво является верующим пресвятая дева Мария, случались там и случаются великие и чудесные знамения, о коих можно было бы многое повествовать.

Из Барселоны двинулись они в Долозу, что в Лангедоке, где покоятся четыре апостола, и на все снизошла великая благодать. Из Долозы в Парпиан, столицу Розолиона, до коего восемнадцать миль. От Парпиана до Монпелье 25 миль. От Монпелье до Авиньона 20 миль, это весьма большой город, принадлежит папе, и воздвигнуты там наипрекраснейшие дворец и замок, какие только есть в мире. Есть подалее Авиньона еще город, прозывающийся Марсилией, это морская гавань, и живет там король. В четырех милях от того города является христианам святая Мария Магдалина. Неподалеку оттуда лежит еще один город, по прозванию Экс, город сей — столица Прованса. От Авиньона до Женевы пятьдесят миль. От Женевы до Генуи шестьдесят миль. От Рима до Неаполя, столицы короля Неаполитанского, двадцать миль. От Неаполя морем до Палермо, столицы

королевства Цецилии, 70 миль. От Цецилии обратно до Рима 100 миль, а от Рима до Венеции 70 миль. На пути из Венеции в Иерусалим первым лежит Рагус, от него до Корфана 60 миль, от Корфана до Родоса 70 миль. От Родоса через Никозию, столицу кипрского королевства, до святой земли в Яффе 60 миль. От Яффы до Иерусалима 8 миль, от Иерусалима до горы святой Катерины 14 дней пути. От земли святой Катерины через пустыни до Аль-Кеира, столицы султана Алькеирского, 6 дней пути. Оттуда до Александрии плыть рекой Нилом четыре дня.

КАК ФОРТУНАТ ВОЗВРАТИЛСЯ В ВЕНЕЦИЮ, ОТТУДА
ДВИНУЛСЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ, ДАБЫ УВИДЕТЬ
КОРОНОВАНИЕ МОЛОДОГО ИМПЕРАТОРА

И тут добрались они наконец до Венеции, выбрав верный путь, дабы объехать все королевства. Но когда они расположились в Венеции на отдых, то прослышали там, что есть у императора Константинополя сын. Император замыслил его короновать, ибо был весьма преклонных лет и желал, дабы сын взял на себя кормило власти еще при его жизни. О том венецианцы получили надежные сведения и снарядили галеру и почетное посольство со многими роскошными дарами, кои полагали преподнести новому императору. Тут Фортунат пошел и подрядился со своими слугами на галеру и отплыл с венецианцами в Константинополь, превеликий город. Но съехалась туда такая уйма чужеземцев, что невозможно было найти себе пристанище. Венецианцам отвели отдельный дом. Они не допустили к себе никого из чужеземцев, Фортунат со слугами долго искал прибежище и все же под конец нашел хозяина, каковой оказался вором. Стали они к нему на постой и все дни напролет разгуливали по городу и любовались празднеством и великой роскошью, выставленной напоказ, которую описать понадобилось бы чересчур много времени. Я же намерен поведать вам, что приключилось далее с Фортунатом.

Фортунат каждый день ходил любоваться торжествами. Свои комнаты, те, что им отвели, они запирали, полагая, что тем достаточно надежно о себе позаботились. Но у хозяина был потайной ход в комнаты Фортуната, там стояла подле деревянной стены большая кро-

вать, из этой стены хозяин с легкостью вынимал и вставлял доску так, что никто этого не замечал, означенным способом он входил и выходил. В то время как гости любовались празднеством, он обшарил все их мешки и узлы, но не нашел там наличных денег, что его удивило, и решил он, они носят деньги с собой зашитыми в куртки.

И когда они простоловались у хозяина несколько дней, то пожелали расплатиться с ним, и он тотчас понял, в чьей власти деньги, подметив, как Фортунат вынул под столом деньги и вручил Люпольду, каковой и уплатил хозяину. Фортунат наказал Люпольду, дабы тот ни с кем из хозяев не торговался. Люпольд таким же образом обошелся и с этим хозяином, и тому это пришлось по вкусу. Однако он не удовольствовался этим, а пожелал заполучить все, в придачу к деньгам и кошель.

Меж тем близился день, когда Фортунат поклялся выдать некую бедную девицу замуж и одарить молодых четырьмястами золотых в денежном исчислении той земли. И спросил он хозяина, нет ли у него на примете какого-нибудь благочестивого бедняка, имеющего на выданье дочь, который по своей бедности не может выдать ее замуж, и сказал, чтобы он прислал отца к нему, тогда он обеспечит его дочь приданым. Хозяин ответил: «Отчего нет, есть, и не один. Утром я приведу к вам некоего благочестивого мужа, он прихватит с собой и дочь». Фортунату это весьма понравилось.

Но что замыслил хозяин? «Я должен украсть их деньги еще нынешней ночью, покуда они есть у них; если я промешкаю, они их растратят».

И ночью, когда все они крепко спали, он пробрался сквозь лаз в стене и ощупал все их платье, думая, что найдет в их куртках приметное утолщение с гульденами. Ничего, однако, не нашедши, он срезал кошель Люпольда, где было дукатов пятьдесят, а также срезал кошель Фортуната. Но, схватив Фортунатов кошель и ощупав его снаружи — а там ничего не было, — он зашвырнул его под кровать, и подкрался к трем слугам, и срезал у всех них кошельки, где нашел немного денег, и распахнул настежь двери и окна, будто вор забрался к ним из переулка.

И когда Люпольд, проснувшись, увидел окна и двери распахнутыми, взялся он бранить слуг, отчего те столь

неосторожно выходили и учинили беспокойство своим господам. Слуги крепко спали и в испуге проснулись. Каждый сказал, что не делал этого. Люпольд испугался и схватился за кошель, но тот был срезан, а на поясе болтались его обрезки. Он позвал Фортуната и сказал: «Господин, ваша комната раскрыта настежь, и ваши деньги, что еще были у меня, украдены». Слуги услышали об этом. То же самое приключилось и с ними. Фортунат тотчас схватил куртку, поверх которой носил он счастливый кошель, и увидал, что тот также срезан.

Можно себе представить, в какой ужас он пришел, у него помутилось в голове, и он замертво распростерся ниц. Люпольд и кнехты ужаснулись, и стало им жаль своего господина. Хотя и не ведали они о том великом убытке, который был нанесен ему. И принялись освежать и растирать его, покуда не привели в чувство. Меж тем как пребывали они в страхе и отчаянии, явился их хозяин и, прикинувшись удивленным, спросил, каково им живется.

Они поведали хозяину, что у них украли все их деньги. Хозяин сказал: «Что вы за люди, разве нет у вас в опочивальне крепкого засова, отчего же вы не позаботились о себе?»

Они ответили: «Мы заперли и окна и двери, а утром нашли их распахнутыми». Хозяин сказал: «Вам нужно доглядывать, чтобы вы сами не крали друг у друга. Здесь полно чужого народа, и мне не дано знать, что у всякого на уме». Меж тем как они столь горько сокрушались, хозяин у Фортуната спросил: «А много ли было денег, тех, что у вас украли?» Он отвечивал: «Деньги были невелики». — «Стоит ли тогда из-за них сокрушаться? Вы намеревались выдать вскоре замуж бедную девицу, лучше сберегите эти деньги и живите на них». Фортунат в великом изнеможении ответил ему: «Мне жаль более кошелька, нежели украденных у меня денег. Ибо в нем лежал небольшой вексель, который никому не принесет и пфеннига». Хозяин хотя и был злодеем, но все же, когда он увидел, что Фортунат столь горько сокрушается, его души коснулось милосердие, и он сказал: «Поищем, быть может, кошель найдется, ибо какой кому прок в чужом кошельке». И велел слугам искать. Тут один из слуг полез под кровать, и нашел кошель, и воскликнул: «Здесь валяется пустой кошель». И принес

его господину, спросил, тот ли это кошель. Фортунат отвечал: «Дай я взгляну, тот ли это, что у меня срезали». Кошель был его, но Фортунат страшился, что он потерял свою чудесную силу из-за того, что его отрезали, и не посмел запустить в него руку на глазах у всех, ибо не желал, чтобы кто-нибудь узнал о свойствах кошелька. Он опасался, что лишится из-за него жизни.

Фортунат вновь улегся в постель, ибо было видно, сколь он слаб, а под покрывалом раскрыл кошель, запустил туда руку и нашел, что тот, как и прежде, исполнен своей силы, чему он донельзя обрадовался.

Тем не менее его ужас был столь велик, что он не смог скоро войти в свои краски и в свою силу и пробыл весь день в бездействии. Люпольд, желая его утешить, сказал: «О господин, не сокрушайтесь столь горько, у нас есть еще отменные жеребцы, золотые кольца, серебряные цепочки и прочие драгоценности, и, хотя карманы наши пусты, мы, с Божьей помощью, так или иначе поможем вам возвратиться домой. Я объехал многие королевства, не имея ни гроша за душой». Люпольд думал, что Фортунат владеет дома немалым богатством и когда возвратится в свое отечество, то никакие убытки не будут ему страшны.

Фортунат, пребывая в совершенном изнеможении, заговорил и сказал: «Кто лишается своего добра, тот лишается и рассудка. Мне следовало выбрать мудрость вместо богатства, силы, здоровья, красоты и долголетия, ибо мудрость ни у кого не украсть». И на этом он смолк. Люпольд не понял его речей, ибо не знал, что Фортунат некогда мог выбрать одну из всех тех добродетелей. И не стал более расспрашивать его, возомнив, что тот сам не ведает, что в беспамятстве говорит. И заставили его принять пищу, и пришел он в себя, и обрел свои истинные краски, и вновь исполнился радости.

Однако пред тем, как наступить ночи, он велел слугам купить светильники и не гасить их до рассвета, и каждый взял с собой обнаженный меч, чтобы их более не обокрали, как то уже приключилось.

Фортунат вновь накрепко пришил отрезанные клочки к кошельку и до конца своих дней не носил его более поверх куртки, но всегда пекся о нем столь рачительно, что никто более не смог его украсть. Поутру он

встал рано, вместе со слугами, и пошел в церковь святой Софии, где есть весьма красивая часовня, освященная в честь пресвятой Девы Богородицы. Там он дал священнику два гульдена, чтобы свершили они благодарственную мессу во славу пресвятой Богородицы и хвалебный гимн «Te deum laudamus». И когда месса и гимн были исполнены, он пошел со слугами на площадь, где располагались менялы и торговцы, и, остановившись там, велел слугам возвратиться домой, приготовить обед и позаботиться о конях, а Люпольду дал денег и сказал: «Пойди и купи пять новых крепких кошельков, я же отправлюсь к своему меняле и принесу денег, меня мало радует то, что у нас нет ни гроша». Люпольд сделал все, что ему было велено, и принес пять порожних кошельков, и Фортунат тотчас положил в один кошель сто дукатов и дал его Люпольду, чтобы он расплачивался и делал припасы и никому не чинил никакой нужды, когда же Люпольд все потратит, он даст ему еще. Каждому слуге Фортунат вручил новый кошель и вдобавок десять дукатов и сказал им, чтобы они развеселились, ибо их одолевали заботы, чтобы он не понес никакого убытка, как приключилось с ним накануне. Слуги от души поблагодарили его и сказали, что заботы они с охотой претерпят.

Фортунат опустил четыреста гульденов в пятый кошель, послал за хозяином и сказал: «Как я прежде уговорился с вами, если некий благочестивый муж имеет дочь на выданье, я дам его дочери приданое». Хозяин ответил: «Как не знать, знаю, и не одного. Я приведу сюда одного, а с ним и его дочь, дабы вы увидели и узнали ее». Это пришлось Фортунату по душе. Хозяин пошел к некоему богомольному человеку и сказал, что у него остановился богатый постоялец, чтобы он взял свою дочь и шел с ним, ибо он крепко надеется, что дела его поправятся.

КАК ФОРТУНАТ ВЫДАЛ ЗАМУЖ ДОЧЬ НЕКОЕГО БЕДНЯКА
И ДАЛ ЕЙ В ПРИДАНОЕ ЧЕТЫРЕСТА ГУЛЬДЕНОВ

Отцом девицы был столяр, человек набожный и суровый. Он сказал: «Я никуда не поведу свою дочь. Может, он хочет обесславить ее и купить ей разве что юбку. Этим не поможешь ни дочери, ни мне. Скажи ему,

коли он желает совершить для нее доброе дело, пусть сам придет к нам». Его речи повергли хозяина в досаду, и он пересказал их Фортунату, понадеявшись, что он также раздосадуется. Но Фортунату это пришлось по нраву, и он попросил: «Отведи меня к тому человеку». И взял с собой Люпольда, и пошел в дом к тому человеку, и сказал: «Я слышал, будто у тебя дочь на выданье. Вели же ей прийти сюда, а с ней и ее матери». Тот спросил: «Что вам от нее угодно?» — «Вели ей прийти, ибо это ее счастье». Столяр позвал мать и дочь. Обе пришли, сгорая от стыда, ибо платье на обеих было изношенным, дочь стала позади матери, дабы тем меньше бросался в глаза ее ветхий наряд. Фортунат сказал: «Девушка, выйди вперед». Она оказалась красивой и стройной. Он спросил отца, сколько дочери лет. Они ответили: «Двадцать лет». Он удивился: «Что ж вы позволили ей так состариться и не выдали замуж?» Мать, не дожидаясь ответа отца, сказала: «Она вполне созрела еще шесть лет назад. Но у нас не было ничего, что мы могли бы дать ей в приданое». Фортунат спросил: «Если я дам ей достойное приданое, найдете ли вы ей мужа?» Мать ответила: «Я знаю много таких, у нашего соседа есть сын, он по душе ей. Имей она что-то, он охотно возьмет ее». Фортунат обратился к девушке и спросил: «По нраву ли тебе соседский сын?» Дочь ответствовала: «Я не хочу своевольничать, на кого укажут мне отец и мать, того и возьму в мужья. Пусть я умру девицей, но ни за кого не пойду по своей воле». Мать, не в силах более молчать, сказала: «Господин, она лжет, я знаю, что она ему по душе и что он люб ей». Фортунат послал хозяина за юношей, и когда тот предстал пред ним, то весьма ему понравился. Он взял кошель, куда загодя опустил чetyреста дукатов, вытряс их на стол и сказал юноше (также лет 20 от роду): «Желаешь ли ты взять в жены эту девушку? Тогда я дам вам эти деньги в приданое». Юноша отвечал: «Если это не шутка, так по мне дело решенное». Мать поспешно сказала: «Что касается моей дочери, так тоже решено». И послал он за священником, и велел на глазах у отца и матери сочетать их обоим браком, дабы доподлинно знать, что супружество заключено, и дал им принесенные с собой наличные деньги и десять дукатов отцу невесты, чтобы тот оделся сам и одел жену, и дал им еще десять дукатов, чтобы они устроили свадьбу. Все они от души радовались, и благо-

дарили Фортуната, и преданно восхваляли Господа, говоря: «Этого человека ниспослал нам Господь».

И когда супружество было заключено, они возвратились на постоянный двор. Люпольда взяло удивление, что его господин был столь щедр и столь легко расстался с большими деньгами, хотя накануне так убивался из-за малой их толики, что была у него украдена. Хозяин сильно раздосадовался, что не нашел кошель с четырьмястами дукатов, хотя и обшарил всю их поклажу, и злился в душе, думая, коли он может отдать столько, то не попытаться ли мне еще раз опустошить их карманы. Но хозяин знал, что ночью они зажигают большие светильники, особо для них изготовленные. И когда они вновь отправились на празднество, устроенное императором, хозяин прокрался в их комнаты, и просверлил дыры в свечах, и налил туда воды, и заделал их, и подстроил со свечами все так, что, погорев часа два, они сами собой угаснут. Меж тем пришло время, когда торжества в Константинополе пошли на убыль. Хозяин рассудил, Фортунат вряд ли задержится в городе дольше и ему нет проку медлить, и задумал этой же ночью, дождавшись, когда погаснет свет, вновь обобрать своих постояльцев, и напоил их на ночь лучшим вином, какое только смог раздобыть, и сам также веселился с ними, — он надеялся, что они уснут мертвым сном, как обыкновенно и случается, ибо люди после щедрых возлияний скоро засыпают и крепко спят. Когда они отходили ко сну и зажгли ночные светильники, то всяк положил с собою рядом обнаженный меч, думая уснуть без забот, что они и сделали.

КАК ХОЗЯИН ФОРТУНАТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ ПРОВРАЛСЯ
НОЧЬЮ В ИХ ПОКОЙ, ДАБЫ УЧИНИТЬ КРАЖУ, А ЛЮПОЛЬД
ЗАКОЛОЛ ЕГО НАСМЕРТЬ

Хозяин, однако, не спал, а помышлял осуществить свой замысел, и едва он увидел, что свет потух, как вновь проскользнул сквозь лаз в стене, подкрался к Люпольду и принялся шарить у него в изголовье. Но Люпольд не спал, и лежал у него поверх одеяла остро отточенный кинжал, к тому же обнаженный, он поспешно схватил его и вонзил в вора. Вор согнулся по пояс, и Люпольд нанес ему столь жестокую рану в шею,

что он не мог ни охнуть ни вздохнуть и повалился замертво.

Люпольд в сильном гневе кликнул кнехтов и спросил: «Зачем вы потушили светильники?» Отвечали они все вместе и каждый порознь, что светильников не тушили. Люпольд сказал: «Пусть кто-нибудь быстро пойдет и зажжет свечи, прочие станьте у двери с обнаженными мечами и никого не выпускайте. В наших покоях вор». Один из слуг сей же миг кинулся и принес свечу и сказал: «Заприте хорошенько двери, чтобы вор не ускользнул от нас». И стали они искать вора и вскоре оказались у того места, где спал Люпольд. Тут они нашли хозяина дома, лежащего бездыханным, с зияющей на шее раной. Когда Фортунат услышал об этом, можете себе представить, он испугался так сильно, как никогда в жизни, но сказал: «О Господи, чтобы я когда-нибудь еще раз собрался в Константинополь! Лишиться всем нам имущества — невелика потеря, но теперь мы лишимся и имущества и жизни. О Боже всемогущий, приди нам, несчастным, на помощь, ибо никто другой не сможет и не захочет нам помочь. Мы — чужеземцы, даже если мы представим дело в истинном свете, никто нам не поверит. Если мы предложим тогда большие деньги, рассудят те, прежде пусть они поплатятся жизнью, ибо, взяв их деньги, мы разбогатеем, но ведь эти деньги все равно достанутся нам».

Господин и слуги стояли и взирали на бездыханное тело и от страха и отчаяния содрогались так, что никто из них не мог вымолвить ни слова, и сильнее всех Фортунат, ибо он-то знал, что однажды приключилось с ним в Лондоне, когда в некоем доме убили дворянина, чему он не был свидетелем, никоим образом не был в том повинен и о чем пребывал в совершенном неведении. Фортунат сказал Люпольду: «О, горе, какое ты учинил нам зло, насмерть поразив хозяина! Если бы ты смертельно ранил его, а не заколол насмерть, то мы с помощью Господа и наличных денег спасли бы наши жизни!» Люпольд ответил: «Это приключилось ночью, и я не видел, в кого попал. Я метил в вора, рывшегося у меня в изголовье и накануне обокравшего нас. Его я и поразил, и будь на то Божья воля, чтобы мы знали, в чьем обличье вор будет заколот насмерть, мы не опасались бы ни за свою жизнь, ни за добро». Фортунат сказал: «О, никогда нам не добиться, чтобы хозяина при-

знали воров. Друзья его воспрепятствуют этому, и не помогут нам ни слова, ни деньги».

Фортунат в страхе подумал: «Будь у меня верный друг, я бы осмелился доверить ему кошель и открыть его силу! И когда мы были бы схвачены, то поведали бы, как обернулось дело. У нас нашли бы малую толику денег, но тут явился бы верный друг и предложил бы за нас судье большие деньги, и я не сомневаюсь, судья взял бы четыре-пять тысяч дукатов и оставил бы нас в живых». Но покуда размышлял он о том, пришло ему далее в голову: «Кому я дам кошель, тому он станет так мил, что он не вернет его мне и преподнесет судье богатый дар, дабы тот не медлил и скорее колесовал нас, чтобы злодейское убийство не осталось неотомщенным, и скажет, стыд и позор, если пойдет молва, что постояльцы убили хозяина, а их не колесовали». И решил в душе, что не следует того делать — расставаться с кошельком, но в отчаянии воззвал к Господу искренне и от всего сердца.

Когда Люпольд увидел, что и господин и слуги столь сильно удручены и напуганы, сказал он: «Что вы так сокрушаетесь? Печаль тут не помощник. Содеянного не воротить, и вора нам никогда не воскресить. Надобно нам пораскинуть умом, как из сего дела выпутаться». Фортунат сказал, что он не видит никакого выхода, в душе сожалея лишь о том, что не предпочел мудрость богатству, хотя и мог свершить это, и сказал Люпольду, что если он знает, как помочь горю, пусть сделает это, ибо он превосходно видит, сколь сильна в том нужда. Люпольд ответил: «Тогда вверьтесь мне и делайте то, что я прикажу, в этом случае я, с Божьей помощью, выведу вас отсюда живыми и невредимыми безо всяческих препятствий». Они обрадовались его утешительным речам.

КАК ЛЮПОЛЬД БРОСИЛ НОЧЬЮ МЕРТВОЕ ТЕЛО В
КОЛОДЕЦ И СПАСЛИСЬ ОНИ БЕГСТВОМ ОТТУДА

Люпольд сказал: «Ну-ка, замолкните все, не говорите ни слова и укройте свет!» И он взвалил тело хозяйина себе на спину и снес его вниз к конюшне постоянного двора. Там был глубокий колодец. В него Люпольд и бросил труп хозяина головой вниз, воды было так мно-

го, что никто его не мог увидеть. Приключилось это около полуночи, так что никто ничего не увидел и не услышал. С тем он возвратился к Фортунату и сказал: «Я избавил вас от вора таким образом, что еще долгое время не дознаются, куда он подевался. Я всецело уверен, что он никому не сказал о том, что направится сюда, чтобы обокрасть нас, стало быть, никто не знает, что погибель ему учинили мы. А посему возрадуйтесь!»

И сказал слугам: «Пойдите к коням, седлайте их, и следом запевайте песни, и болтайте о прекрасных женщинах, и глядите, чтобы ни у кого не вырвалось ни единого печального жеста. Так же поступим и мы. И едва начнет светать, как мы двинемся в путь и проскачем шесть часов кряду, и тогда, заколи мы и старого и молодого императоров Константинополя, мы выберемся отсюда».

Фортунат с охотой внял его речам и повеселел более, нежели помышлял. И когда кнехты развеселились и оседлали коней, то созвали они слуг и служанок хозяйина и послали за мальвазией, что слыла там доброй, всяк напился допьяна, и Фортунат оставил слугам по дукату, а также и служанкам по одному, и все сошло превосходно. Люпольд сказал: «Я надеюсь, спустя месяц мы возвратимся сюда вновь, вот тогда мы повеселимся как следует».

Фортунат сказал слугам и служанкам: «Кланяйтесь от нас хозяину и хозяйке и передайте, я хотел было послать им в постель мальвазию, но рассудил, что покой им желаннее». И с такими шутивными намеками вскочили они на коней и что было сил поскакали прочь, в Турцию. Страшились они, не снарядят ли за ними погоню, но никто не скакал им вслед. А о том, что приключилось далее с хозяином, они не спрашивали.

И прибыли, стало быть, в землю турецкого императора, в город, прозывающийся Карофой. В городе турецкий император посадил наместника, коему было велено давать купцам-христианам или паломникам, что скажут к нему либо просто через его земли, охранную грамоту. Люпольд хорошо знал о том, и как скоро он туда прибыл, то пошел к наместнику и сказал, что их пятеро паломников и надобна им охранная грамота и толмач, что поскачет с ними. Тот сказал: «Я дам вам

охранную грамоту. Но каждый из вас заплатит мне четыре дуката, вдобавок вы будете давать слуге всякий день по дукату и обеспечите ему пропитание». Люпольд для виду поторговался и, не тратя слов понапрасну, уплатил ему деньги. Наместник дал ему загодя исполненную грамоту и послал его к некоему сведущему мужу, чего, как полагал он, для них вполне достаточно, и с тем они поскакали через Турцию.

Когда Фортунат увидал, что ему нечего более опасаться, и ужас, который он испытал в Константинополе, также оставил его, он исполнился веселья и принялся балагурить со слугами, и так поскакали они ко двору турецкого императора, дивясь на несметное богатство и великое число подданных, коих собрал тот, выступая в поход. Взяло Фортуната удивление, что человек единолично может собрать такое скопище народа, а также что меж его слуг столь много христиан, отрекшихся от веры, что ему донельзя не понравилось. Пробыв недолго при дворе императора, двинулись они через Валахию, через малые и великие города, где главенствует Траколе Вайда, и прибыли в королевство Боссен, что в милях 160 отсюда. Из Боссена направился он в королевство Кроацию, до коего 60 миль. От Кроации до королевства Далмации 30 миль. От Далмации до Офена, столицы венгерского королевства, 60 миль. От Офена до Гракка, столицы короля польского, 100 миль. От Гракка до Копенгагена, столицы королевства Дании, около 200 миль. От Копенгагена до Стаксхалина, столицы королевства шведского, миль 80. От Стаксхалина до Пергона, что в королевстве Норвегия, 70 миль. Из Норвегии через Швецию и Данию 200 миль до Праги, столицы королевства Богемская земля.

А когда странствовал он через все эти земли и королевства, то наблюдал и тотчас замечал их обычаи и привычки и их веру, завел себе книжицу, куда вписывал всех королей и герцогов, графов, свободные земли и владения оных, а также кто там князья веры, епископы, аббаты, прелаты, и про людей и земли, кои он пересек, и увидал, что у всякого есть и какво всякому живется, употребив великое старание, с помощью и советами Люпольда, ибо тот ранее побывал во всех этих землях. Он добился также дружбы королей, и драгоценностями, коими те награждают, он дорожил не по причине их стоимости, но потому, что всех их он добыл и

заслужил сам, своею собственной персоной, всех их он привез домой и читил, подобно фамильным сокровищам.

Когда он выехал из Праги, то двинулся сперва через герцогство Саксонское и через земли франков. Всякий, кому случалось странствовать, возможно, подумает, что, будь известно о столь изобильном Фортунатовом кошельке, понадобилась бы ему крепкая охрана, особливо в тех землях, где множество обедневших рыцарей и разбойников с большой дороги. Но Господь даровал ему удачу, так что он их пересек, вслед за чем поскакал он в Аугсбург, откуда сообщая с некими купцами, коим выказывал он отменные любезности и оплачивал все счета, в краткий срок достиг Венеции.

КАК ФОРТУНАТ ВОЗВРАТИЛСЯ НА КИПР, ВЕСЬМА
РАЗУМНО УЛАДИЛ СВОИ ДЕЛА И ПОСТРОИЛ
ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ДВОРЕЦ

И когда он прибыл в Венецию, то обрадовался и подумал: «Здесь много богатых людей, здесь ты также можешь не скрывать, что у тебя водятся деньги». И спросил про великолепные драгоценности, и все они были ему показаны; многие из них ему понравились. Когда ему предлагали что-нибудь из них купить, он не уходил с пустыми руками, благодаря этому венецианцы выручили немалую и приметную сумму наличными, за что он был высоко и глубоко почитаем. Он превосходно помнил, что, уезжая из Фамагусты, оставил немного домашней утвари — платья и прочего, и что покинул он отца своего Теодора и свою мать Грациану в горькой нищете. Он приказал пошить себе красивое, богатое платье и накупил множество домашней утвари, и в чем есть нужда в домашнем обиходе, то купил он в двойном числе и нанял для себя и своего добра галеру, отправился на Кипр и достиг Фамагусты.

И пробыл он в отлучке добрых пятнадцать лет. Когда он возвратился в город, ему тотчас же сказали, что его отца и матери нет в живых, о чем он горько пожалел. Тут он снял в аренду дом, велел снести туда свое добро, нанял еще слуг и служанок и весьма разумно повел хозяйство, и всякий с большим уважением принимал его и относился к нему. Но многие диви-

лись, откуда у него столь великое богатство, ведь народ большей частью знал, что уезжал он оттуда жалким нищим. И, вновь обосновавшись в Фамагусте, пошел он и купил отцовский дом и в придачу к тому множество иных домов, и старые велел снести, и построил на том месте великолепный дворец. Ему довелось повидать многие чудесные постройки, поэтому возведенный им дворец имел прекрасный облик. Подле дворца он воздвиг весьма красивую церковь, и вокруг церкви возвел и соорудил тринадцать домов, и основал там приход, и двенадцать капелланов должны были там беспрерывно петь и читать, и вдобавок купил процентные бумаги, доходные места и ренту, с тем расчетом, чтобы кафедральный пастор ежегодно получал триста дукатов. Если бы кто-нибудь из капелланов умер, то они должны были избрать из своего числа другого, а если бы умер пастор, то папа прислал бы им нового. Он украсил церковь со всевозможной роскошью, и купил ценные бумаги и ренту, чтобы церковные доходы вечно множились, и соорудил в церкви две прекрасные усыпальницы, вырыл прах отца и матери оттуда, где они были погребены, и захоронил в одной из усыпальниц, другая же пустовала в ожидании его самого и его наследников.

А когда дворец и церковь были окончательно построены в том виде, как он пожелал, это доставило ему великое удовольствие, и он подумал: такой дворец должно украшать благородное создание, и вознамерился взять себе супругу. И когда разнеслась весть о том, что он желает взять себе супругу, то всяк обрадовался. Было много их, богатых и бедных, знатных и простолюдинов, имевших красивых дочерей, они справили им платья и драгоценности, всяк как можно лучше, и каждый помышлял про себя: как знать, быть может, Господь пошлет моей дочери счастье скорее, нежели другой, ибо многие видели, что там налицо несметное богатство, и каждый охотно отдал бы туда свою дочь. Благодаря этому многие девицы были одеты в красивое платье, иначе пришлось бы им еще долго обходиться без таких нарядов.

А меж тем как столько народу вело приготовления, жил неподалеку от Фамагусты некий граф, у него было трое дочерей, превосходивших своей красотой прочих девиц. Король и посоветовал графу просватать одну из

дочерей за Фортуната, и, если это тому угодно, он сам обо всем договорится. Граф не был слишком могущественным, однако он сказал: «Господин король, если Фортунат выберет одну из моих дочерей, советуете ли вы мне дать свое согласие? Он не владеет ни землей, ни подданными, у него было как будто много наличных денег или тому подобного, но вы превосходно знаете, что он много денег употребил на возведение дворца, от которого нет никакого проку, так же он может лишиться и остального и окажется в нищете, как оказался его отец, ибо большая наличность скоро расходуется попусту». Король сказал: «Я слышал от людей, видевших его дворец, что у него так много великолепных сокровищ, на которые можно было бы купить графство, но, несмотря на это, ни одно из этих сокровищ он не продает. Я также наслышан о том, сколько он объехал земель и королевств, поэтому я думаю, что он из тех людей, которые, не будучи уверены в благополучном завершении своих дел, не выстроят ни роскошного дворца, ни столь великолепной церкви, каковую Фортунат с такими почестями одарил на вечные времена богатыми процентными бумагами. И мой тебе совет, если будет ему угодно, отдай за него одну из твоих дочерей, и если тебе это по душе, я приложу к тому свое усердие в надежде, что это свершится, ибо Фортунат мне по нраву, и я желал бы, чтобы у него была знатная супруга, а не крестьянка, и меня досадовало бы, если бы простолюдинка владела дворцом и жила в нем».

И когда граф уразумел, что королю деяния Фортуната столь милы, заговорил он и сказал: «Милостивый король, из ваших речей я понял и постиг, что вам доставит удовольствие, если я выдам за Фортуната одну из моих дочерей. И наши жизни, и добро — все это в вашей полной власти». Когда король услышал это, он сказал графу, прозывавшемуся Нимианом: «Пришли своих дочерей к моей супруге, королеве, я велю их одеть и надеюсь, что какая-нибудь из них приглянется Фортунату. Но выбор я оставляю за ним, пусть возьмет ту, которую захочет. Тогда ради тебя я устрою свадьбу так, чтобы тебе не было нужды тратиться на нее. И если потребуется дать приданое, я сделаю это сам, поскольку ты отдал в полную мою власть и ваши жизни, и ваше добро».

Граф Нимиан поблагодарил его королевскую ми-

лость и сказал, он-де готов исполнить, что его королевская милость ни прикажут, и, простясь с королем, поскакал домой, к своей супруге, и поведал ей обо всех тех делах, которые приключились меж ним и королем. Графине все это пришлось по душе, кроме того лишь, что сочла она Фортуната недостаточно знатным, а также того, что ему отдано право выбирать, ибо одна из трех была ей особенно мила. Граф спросил ее, какая именно. Но она никоим образом не пожелала сказать ему этого. Все же она исполнила его волю и собрала дочерей ко двору, приставила к ним воспитательницу, слугу и служанку, как это и подобает высокородной знати.

И прибыли они ко двору короля. Там все три и те, кто с ними явился, были любезно и учтиво встречены королем и королевой, их обучили придворным манерам и иным вещам, знать которые подобает девицам знатного рода. Они и прежде в изрядной мере были обучены этому, вдобавок они были весьма хороши собой и день ото дня все более расцветали. И когда король счел, что настал благоприятный час, он направил к Фортунату почетных послов, дабы тот прибыл в Фамагусту. Не сказали ему, зачем за ним посылают. Но он знал, что его король — милостивый господин, и спешно снарядился, и, исполненный радости, поскакал к королю, и был весьма любезно принят. И сказал ему король: «Фортунат, ты — мой вассал, и я льщу себя надеждой, что ты последуешь совету, который я дам тебе, ибо я желаю тебе добра. Я слыхал, будто ты выстроил великолепный дворец и церковь, а теперь хочешь взять себе супругу. Опасаюсь я, ты выберешь такую, которая может мне не понравиться, и положил я дать тебе супругу знатнейшего рода, благодаря чему тебя и твоих наследников будут высоко чтить».

Фортунат сказал: «Милостивый король, воистину так, я хочу взять супругу. Но теперь, видя, что ваша королевская милость столь снисходительны ко мне, столь милостиво и благосклонно желают обо мне позаботиться, я не стану более ни выведывать, ни расспрашивать о ком-либо, ибо всецело доверяюсь вам и полагаюсь на вашу королевскую милость».

И король, получив согласие Фортуната и графа Нимиана и имея в своем распоряжении девиц, подумал про себя: «Это супружество мне удастся заключить».

И сказал Фортунату: «Есть у меня на примете три красивые девицы, и все три по отцу и матери графского рода, старшей восемнадцать лет, прозывается она Гемианой, средней — семнадцать лет, ее имя — Марзепия, а третьей — тринадцать лет, и зовется она Кассандрой. Я хочу, чтобы из этих трех девиц ты и выбрал себе супругу. Ты можешь также выбирать, как тебе увидеть их — порознь или всех вместе». Фортунат, недолго размышляя, ответил: «О милостивый король! Раз вы представляете мне такое право, я желаю видеть их вместе, друг подле друга, и слышать речи каждой». Король сказал Фортунату: «Да будет так, как ты желаешь». И послал известить королеву, чтобы она красиво убрала дамские покои, а также и девиц, ибо он вскоре придет туда и приведет с собой гостя. Королева исполнила это, и исполнила с усердием, ибо знала, с какой целью это делается.

И, сочтя, что час настал, взял король одного лишь Фортуната и хотел было идти с ним. Но Фортунат сказал: «Милостивый король, если вам угодно, позвольте моему старому слуге пойти со мной». Король дал свое согласие, и взяли они с собой Люпольда, мужа преклонных лет, и пришли в дамские покои. Тут королева встала, а равным образом и все ее девицы, и встретили они короля, а также и его гостей с великими почестями. Король опустил в кресло, и стал Фортунат подле короля.

КАК КОРОЛЬ ПРЕДСТАВИЛ ФОРТУНАТУ ТРЕХ ЗНАТНЫХ
ДЕВИЦ, ВЕСЬМА КРАСИВЫХ СОБОЮ И ПРИХОДЯЩИХСЯ
ДРУГ ДРУГУ СЕСТРАМИ, ИЗ КОИХ ТОТ МЛАДШУЮ,
ПО ИМЕНИ КАССАНДРА, ВЗЯЛ В ЖЕНЫ

И сказал король: «Пусть три девицы — Гемиана, Марзепия и Кассандра — приблизятся ко мне». Они тотчас встали и двинулись через зал. Но прежде чем приблизиться к королю, они трижды присели в изящном реверансе и преклонили пред королем колена, как и подобало им от рождения. Король повелел им встать, что они и сделали, он обратился к ним и спросил старшую девицу, Гемиану: «Скажи мне, где тебе более нравится, у королевы или у графа Нимиана, твоего отца, и графини, твоей матери?» Она сказала королю: «Милостивый король, мне не подобает отвечать на ваш вопрос.

Если бы мне надлежало выбрать одно из двух, я не стала бы своевольничать, а повиновалась бы тому, что приказали бы ваша королевская милость и мой отец». Тут он сказал другой: «Марзепия, скажи мне правду! Кого из двух ты любишь сильнее, графа, твоего господина и отца, или графиню, твою матушку?» Девушка ответствовала, сказав: «О милостивый король, не к лицу мне отвечать на такой вопрос, ибо я всей душой люблю их обоих. Если бы одного я любила горячее другого, я бы сожалела о том и таила бы это в своей душе. Но если бы уста выдали мою тайну, это повергло бы меня в великий стыд, ибо они оба заботятся обо мне со всяческой преданностью».

Тут спросил он третью, и самую младшую: «Кассандра, ответствуй мне, если бы сейчас во дворце веселились и танцевали князья, благородные господа, множество знатных девиц и дам, и граф и графиня, твои отец и мать, присутствовали бы тут, и один из них приказал бы: «Дочь, пойдите танцевать». А другой воспретил бы: «Не ходите». Которому из приказаний ты бы повиновалась?»

«Всемиловитейший король, — ответила Кассандра, — вы видите и понимаете, что я весьма юных лет. А мудрость не приходит прежде времени, и ваш высокий королевский ум может вполне постичь и уяснить желания юных лет, и посему не след мне отвечать на ваш вопрос, ведь если я предпочту одно другому, то в любом случае кого-то разгневаю, чего мне вовсе не хотелось бы делать». Король сказал: «Но если все же следует выбрать одно?» Сказала Кассандра: «Тогда прежде, чем дать ответ, я желаю размышлять о том год и день и получить совет мудрых людей». Тут король оставил Кассандру и более не вопрошал ее. Простившись с королевой и прочими, находившимися в дамских покоях, король отправился на свою половину, а Фортунат и Люпольд последовали за ним, и, когда они очутились в покоях короля, сказал король Фортунату: «Ты пожелал увидеть трех девиц и услышать их речи. Но я свершил для тебя более, нежели ты просил. Ты видел их, как они стоят, ходят, долго и вволю беседуют. Теперь подумай, какую из них ты возьмешь в законные супруги?»

Фортунат ответил: «Милостивый король, все три мне весьма нравятся, и я не ведаю, которую из них предпочту, и прошу вашу королевскую милость пожаловать

мне немного времени, дабы я мог поразмыслить над этим с моим старым слугой Люпольдом». На это король сказал: «Я позволю тебе удалиться». И они пошли вдвоем в укромное место, и Фортунат сказал Люпольду: «Ты видел и слышал трех девиц так же хорошо, как и я. И тебе превосходно известно: если сам не можешь разумно уладить свои дела, то проси совета. Вот я и прошу тебя дать мне в этом деле верный совет, как будто речь идет о твоей собственной душе».

Люпольд донельзя испугался, что его столь вознесли, и сказал: «Господин, не пристало мне советовать в подобных делах, ибо часто бывает так, что кому-то весьма нравится вещь, которая не по вкусу даже его собственному брату. Так, один охотно ест мясо, другой предпочитает рыбу. Поэтому вам никто не сможет дать совета в этом деле, кроме вас самих, ибо вы — тот, кому нести сию ношу». Фортунат сказал: «Все это мне превосходно известно, что я беру жену себе, а не кому иному. Но я желаю, дабы ты открыл мне тайники своей души, ибо ты познал стольких людей. Не заметил ли ты печати верности или коварства в их облике и наружности?»

Люпольду не хотелось давать в этом деле совета, он опасался, коли укажет не на ту девицу, что приглянулась Фортунату, то лишится через это его благосклонности, и заговорил и сказал: «Господин, все три девицы мне весьма понравились, я со всяческим старанием разглядывал их одну вслед за другой, и по их облику мне кажется, что они либо родные сестры, либо кузины. Я также не приметил коварства в их наружности». Фортунат спросил: «Все же которую из них ты посоветуешь мне взять?» Люпольд ответствовал: «Я не хочу давать совета первым, но и вам также не след первым называть ту, которая вам нравится, ибо будет досадно, если она не понравится мне». И сказал: «Возьмем мел, и вы напишете ее имя на столе в вашем углу, а я напишу в другом». Фортунату это пришлось по душе, и каждый начертал свое суждение, и когда они написали его и всяк прочел написанное другим, то вышло, что оба они написали: Кассандра. Фортунат обрадовался, что Люпольду приглянулась та же девица, что понравилась и ему, но еще больше радовался Люпольд, оттого что Господь надоумил его указать на девицу, приглянувшуюся его господину более прочих.

И когда они наконец обрели в этом деле единодушные, Фортунат возвратился к королю и сказал: «Милостивый король! Я недостойн выбора, которого ваша королевская милость удостоила меня. Я ничем не заслужил его, но с величайшей признательностью и неизменной преданностью постараюсь оправдать эту честь. Соболаговолите отдать мне Кассандру». — «Да будет так», — сказал король и известил королеву, чтобы она явилась к нему и привела с собой Кассандру, что и случилось.

Вскоре прибыла королева в сопровождении Кассандры. Тут послали за капелланом, дабы сочетать их браком. Это повергло Кассандру в досаду, ибо выдали ее замуж без ведома ее отца и матери, которые не могли при сем быть. Но король остался непреклонен, и сочетали их браком. И когда брачный союз меж ними был заключен, явились прочие дамы, девицы и сестры невесты и пожелали новобрачной счастья. Обе сестры горько расплакались. Фортунат спросил, отчего они так плачут. Тут ему сказали, что девицы — кровные сестры невесты по отцу и по матери. Он подошел к ним, утешил их и сказал: «Не печальтесь, за всю вашу досаду вы будете вознаграждены». И тотчас послал в Фамагусту за драгоценностями, которые привез с собой из Венеции, и две лучшие из них преподнес королю и королеве, затем подарил драгоценности невесте и ее сестрам и с великой роскошью одарил всех дам и девиц, находившихся в женских покоях королевы, что они с большой благодарностью приняли.

И послал король за графом Нимианом и за графиней. Когда Фортунат услышал о том, он поспешил к Люпольду и дал ему тысячу дукатов наличными, чтобы он высыпал их графине в ее подол и сказал ей: эти деньги ей дарит зять, — чтобы она прибыла на свадьбу исполненная радости. Графиня же гневалась, что Фортунат выбрал младшую дочь, ее любимицу. Но когда Люпольд высыпал ей в подол тысячу дукатов, она сменила гнев на милость и тотчас с честью снарядилась вместе с графом, взяла с собой богато одетую челядь, кареты и все, что приличествует людям знатного рода, и прибыла к королю.

Тут графскую чету встретили с почестями, и постоянный двор, где они остановились, был убран с роскошью и уставлен всяческими блюдами и напитками,

какие только могут понадобиться, отчего граф Нимиан сказал супруге: «Жена, нам часто приходилось бывать тут, но такой чести нам никогда не выказывалось. То ли король к нам милостив, то ли у нас могущественный зять благодаря нашей дочери Кассандре, но нам следует восхвалить Господа, возблагодарить его и восславить, что он ниспослал нам такую милость».

И когда они прибыли, сказал король Фортунату: «Я велю устроить свадьбу и желаю, чтобы свадьба состоялась тут». Фортунат ответил: «Милостивый король, позвольте мне устроить свадьбу в Фамагусте, в моем новом доме, он покуда не освящен, и стены его не видели веселья». Король сказал: «Я оттого желал свершить это, чтобы менее вышло затрат для графа Нимиана и для тебя». Фортунат отвечал: «Я не раскаиваюсь в затратах и не сожалею о них и прошу ваше королевское величество, дабы вы своею собственной персоной соблаговолили пожаловать в Фамагусту вместе с королевой и всеми вашими придворными. Может, я и не смогу оказать вам и тем, кто прибудет с вами, подобающих почестей, но вы ни в чем не претерпите нужды, как бы мала она ни была».

КАК КОРОЛЬ С КОРОЛЕВОЙ УПОМЯНУТОО ДЕВИЦУ
ПО ИМЕНИ КАССАНДРА ВВЕЛИ В ДОМ К ФОРТУНАТУ
И КАК С ВЕЛИКОЙ ПЫШНОСТЬЮ ПРАЗДНОВАЛАСЬ БОГАТАЯ СВАДЬБА

Когда король услышал, что Фортунат так кичится своим богатством, подумал он: хотелось бы мне все же взглянуть, как он живет, — и он дал ему свое согласие: «Да будет так, скачи туда и готовься, мы с королевой доставим тебе твою супругу, тестя и тещу и придворных». Фортунат обрадовался этому, и благодарил короля, и сказал: «Не медлите долго, через три дня все будет готово». И спешно ускакал в Фамагусту посмотреть, чего ему недостает или что на исходе. Все это он приказал купить.

Ну, а король часто наезжал в Фамагусту, так что не было ему внове явиться туда, и прибыл король с большим числом слуг и был с радостью, как и подобает, встречен своими подданными. И началось там шумное веселье с танцами, пением, слушанием прекрасной струнной музыки. Как скоро кончалось одно, затева-

лось другое. Длилось это всю ночь напролет, и была девица Кассандра введена к Фортунату в его новом роскошном дворце, располагавшем ко всяческим удовольствиям. Кто входил туда, тот диву давался прекрасному убранству. И хотя мать невесты видела, что все обставлено с роскошью, ей, однако, было досадно, что у него нет ни собственных земель, ни подданных, и она сказала о том своему господину, графу Нимиану. Граф ответил: «Не горюй, я надеюсь, он достойно обеспечит нашу дочь».

И рано поутру явились король, его тесть и теща и потребовали утреннего дара для новобрачной. Фортунат сказал: «У меня нет ни земель, ни подданных, я дам ей пять тысяч дукатов наличными, на которые можно купить ей замок либо город, они будут ее обеспечением». Король сказал: «Я знаю, как это дело уладить. Тут находится граф фон Лигорно, он бедствует и нуждается в наличных деньгах. В трех милях отсюда у графа имеются замок и город, прозываемые Лархонубе, означает то же, что и «К радуге». Их мы и выкупим у него, и землю, и подданных, и все владение».

И послали за графом и выкупили у него город и замок за семь тысяч дукатов. Фортунат дал Люпольду ключ от шкатулки, стоявшей у него в опочивальне, тот уплатил за них наличными, и сделка была заключена, вручена купчая, и граф фон Лигорно пред лицом короля отрекся от своих прав в пользу Кассандры, обязуясь никогда более не претендовать ни на означенный замок, ни на город. Тут пошло о сделке множество толков. Некто говорил, что уплачено было десять тысяч дукатов, другой уверял: «Имей я столько наличных денег, никогда бы не потратил их на это». И лишь когда это случилось, мать невесты повеселела и принялась облачаться в церковь. А церковь, построенная Фортунатом вблизи дворца, была убрана с великолепием.

И когда обряд завершился, король, жених и невеста и всяк, сообразно со своим званием, пошли во дворец на пиршество, приготовленное с такой роскошью, что о нем можно было бы многое поведать, ибо каждый, верно, примечал: где денег в избытке и нет нужды опасаться, что придет им конец, там можно всю насладиться роскошью и богатством, как то происходило на свадьбе, ибо там ни на что не скупилась.

И когда все развеселились, Фортунат подумал, что бы такое измыслить, чтобы король и королева не скучали, и учредил для состязаний в качестве призов три драгоценности. Первая была стоимостью в шестьсот дукатов. За нее господа, рыцари и все дворяне должны были состязаться три дня. Кто одолеет всех других и прославится, тот эту драгоценность и получит. Еще он выделил драгоценность стоимостью в четыреста дукатов. За нее должны были биться горожане со своими товарищами также три дня, и кто окажется лучшим, тот означенную драгоценность и получит. Еще назначил он драгоценность в двести дукатов. За нее должны были померяться силами все дюжие кнехты, принадлежали они приехавшим господам или были из города, также три дня, и кто выйдет победителем, тому и достанется награда. Можете себе представить, какие тут разгорелись страсти, ибо в душе всяк был не прочь одолеть других ради славы меж прекрасных дам и девиц, присутствовавших на свадьбе, а также ради сокровища и добычи. И там то сражались часа два-три, то танцевали, то вкушали угощения. Подобной жизнью и увеселениями наслаждались четырнадцать дней, тут король не пожелал долее остаться, и, когда он двинулся в обратный путь, многие поскакали с ним.

Фортунат был бы рад, останься гости и дольше, а особливо он был рад видеть тестя и тещу, но они не пожелали этого, ибо видели большие расходы, которые он нес, и опасались, что он впадет через это в нищету. И когда король поскакал прочь, то Фортунат также двинулся в путь и проводил короля далеко за пределы города, приблизился к королю и поблагодарил его, что он не пренебрег им и соизволил прибыть на его свадьбу. И учтивейше простился с королем и королевой, графом Нимианом и графиней, своим тестем и тещей, и со всеми придворными, поблагодарил всех, что они почтили своим присутствием его торжество, и поскакал назад, к своей прекрасной Кассандре. А когда весь пришлый люд удалился прочь, он начал свадьбу заново и тогда созвал лишь горожан и горожанок и устроил для них веселое празднество. Так провел он восемь дней, благо-

даря чему снискал великую милость и благосклонность всего города Фамагосты.

И когда означенному празднеству и благоденствию также настал конец, он пожелал вкусить спокойствия и сказал Люпольду: «Верный друг, открой мне, чего ты хочешь. Я предлагаю тебе на выбор три вещи. Выбери из них ту, что захочешь, она будет исполнена. Если ты пожелаешь отправиться домой, то я приставлю к тебе четырех слуг, которые с почестями доставят тебя домой, в Ибернию, и позабочусь о том, чтобы ты до конца своих дней жил в достатке. Быть может, ты хочешь остаться тут, в Фамагусте, тогда я куплю тебе собственный дом и в придачу дам столько, чтобы ты смог держать трех слуг и двух служанок, они будут ухаживать за тобой, чтобы ты ни в чем не терпел нужды. А может, ты желаешь остаться со мной, в моем дворце, где о тебе будут заботиться так же хорошо, как обо мне самом? Что ты выберешь, то и будет тебе пожаловано и добросовестно исполнено».

Люпольд поблагодарил его за великую честь, за выбор, коего он удостоен, и сказал, что он не заслужил ни от Господа, ни от Фортуната, дабы ему на склоне лет выпало на долю столько почестей и благ. «Мне нет проку возвращаться домой, — решил он, — я стар и слаб и в пути могу умереть. Но и случись мне добраться до дому, я все равно умру, так как Иберния — суровая и жестокая земля, где не произрастает ни винограда, ни прочих благородных фруктов, к коим я отныне стал привычен. Я не могу также поселиться у вас. Я стар и безобразен, у вас же прелестная супруга, много красивых служанок и красивых слуг, они все могут доставить вам множество развлечений, для коих я не гожусь, ибо старцам не всегда по нраву деяния молодых. Хоть я и не сомневаюсь в вашем великодушии и доброте, но избираю и предпочитаю, коли вам угодно, дабы вы предоставили мне собственный дом, где я мог бы окончить свои дни. Однако я прошу и желаю, чтобы вы не обделяли меня ни вашей любовью, ни советами, покуда Господь дарует нам жизнь». И Фортунат держал с ним совет до самой его кончины и купил ему собственный дом, дал слугу и служанку и вдобавок посылал всякий месяц 100 дукатов. Люпольд радовался, что ему не требовалось более исполнять службу, но ложился он и вставал, ел и пил так рано или так поздно, как ему хоте-

лось, и дела его были улажены. Тем не менее он шел всякое утро в церковь, в которую ходил и Фортунат, и ревностно молился Господу, благодаря этому Фортунат неизменно ощущал его преданность. И, прожив в такой чести полгода, Люпольд занемог, и поразил его смертельный недуг. Тут позвали многих врачей, но никто не сумел ему помочь, и добрый Люпольд скончался. Это повергло Фортуната в великую печаль, и он похоронил его с большими почестями в своей церкви.

КАК РОДИЛСЯ У ФОРТУНАТА СЫН, НАРЕЧЕННЫЙ АМПЕДО,
А ВСЛЕД ЗА ЭМ СЫН, НАРЕЧЕННЫЙ АНДОЛОЗИЕМ

И когда Фортунат и его супруга Кассандра бок о бок и душа в душу зажили в великой радости, имея вдоволь всего того, что надобно в жизни, и ни в чем не терпя нужды, просили они смиренно Господа, дабы тот соблаговолил послать им наследников, ибо Фортунат превосходно знал, что кошель лишится своей силы, если он не обретет законных, плоть от плоти, наследников. Однако Кассандре он не открыл этого, но дал ей понять, как хотелось бы ему иметь от нее наследников. И Господь, внимающий молитвам всех страждущих, внял и им, и женщина понесла и родила сына, чему Фортунат и многие вместе с ним были рады, его окрестили и нарекли Ампедо. Вскоре после того Кассандра вновь затяжелела и родила другого сына, также с радостью окрещенного и нареченного Андолозием; таким образом, Фортунат обрел двух здоровых и прелестных мальчиков, коих он и его возлюбленная Кассандра растили с великим попечением и любовью, однако Андолозий всегда был более дерзок, чем Ампедо, что впоследствии в полной мере и проявилось.

И хотя Фортунату хотелось иметь от Кассандры еще наследников, она не смогла более родить, что ее донельзя огорчало, ибо ей хотелось также иметь одну или двух дочерей.

И когда Фортунат пробыл подле Кассандры двенадцать лет и уверился, что больше наследников у него никоим образом не появится, стало ему в тягость житие в Фамагусте, хотя он и развлекался всячески верховными прогулками, отменными жеребцами, звероловством, соколиной охотой, гоном и травлей. Тут ему

пришло в голову, что он пересек все королевства, какие ни есть в христианском мире, и устремились его помыслы к тому, чтобы пред смертью объехать также земли сарацинские, язычество, земли пресвитера Иоанна, сиречь Индии, все три — великую, среднюю и малую, и заговорил и сказал Кассандре, своей жене: «Есть у меня к тебе просьба, я желаю пуститься в странствие. И прошу тебя соблагovolить и дать мне на то свое согласие». Она спросила мужа, в какие земли влекут его помыслы? Заговорил он и поведал ей о своем намерении и о том, что не сможет уложиться с путешествиями в три года. Кассандра ужаснулась, но тут решила, что он вздумал пошутить, и ответила: «Куда вы собрались, где вы найдете более радостей, удовольствий и лучшее пристанище, как не здесь, подле жены и детей? Но, конечно, если вам тут не нравится, вы можете отправиться путешествовать». Фортунат сказал: «Я отправляюсь странствовать не для того, чтобы добыть богатство, и не наслаждений и удовольствий ради. Я повидал половину мира и желаю увидеть также его оставшуюся часть, и пусть это будет стоить мне жизни, но я не откажусь от своего замысла. Поэтому дай мне свое согласие, ибо никто в мире не помешает этому, разве что Господь Бог да смерть».

Лишь когда Кассандра постигла, что намерение его серьезно, она донельзя испугалась и принялась умолять его оставить свою затею, ибо он раскается в ней, ведь все те земли, которые он прежде объехал, лежали в христианском мире, он был молод и крепок и в силах многое снести, что ныне более невозможно, ибо старость не способна на то, что в молодости дается без труда. «Вдобавок вы привычны к спокойной жизни. Что вы возмнили о себе, намереваясь странствовать среди коварных сарацинов? Ведь вы каждодневно слышите о том, что сарацины не хранят никому из христиан ни верности, ни преданности, напротив, они от природы склонны к тому, чтобы лишить христианина жизни и имущества, как только представится им подходящий случай». И весьма ласково заключила его в объятия и сказала: «О любезный Фортунат, о возлюбленный и верный супруг, о ты, услада моего сердца, кому я предана и душой и телом, заклинаю вас честью Господа и девою Марией, пожалейте меня, несчастную женщину, и ваших любимых детей, и выкиньте задуманное путешествие из

души и сердца, и останьтесь тут, подле нас, и если я вас чем-то прогневала либо свершила нечто такое, что было вам неуютно, нужно только сказать мне об этом, это тотчас же прекратится и никогда впредь не повторится». И горько заплакала она и огорчилась чрезмерно.

Фортунат сказал: «О возлюбленная супруга, не сокрушайся столь горько. Время пройдет быстро, и тогда я с радостью возвращусь домой и обещаю тебе ныне, что, возвратившись, никогда более не расстанусь с тобой до самой нашей кончины». Кассандра возразила: «Если бы я была уверена, что вы возвратитесь, я бы с радостью ждала вас, и я бы не терзалась столь тяжело, если бы вы отправились куда-нибудь в иные края, а не к коварным и алчущим христианской крови язычникам». Фортунат сказал: «От путешествия меня никто не отвратит, кроме Господа Бога и смерти. Но, уезжая отсюда, я оставлю тебе столько наличности, чтобы и ты и дети, случись мне не вернуться домой, всю жизнь прожили в довольстве». Когда Кассандра уразумела и постигла, что просьбы тут бессильны, она заговорила и сказала: «О возлюбленный супруг, раз по-иному быть не может и вы непременно уедете столь далеко от нас, да будет так, однако возвращайтесь сюда как можно скорее и не гоните прочь из вашего сердца верность и любовь, которые донныне выказывали нам. Мы же денно и ночью будем молиться за вас Господу, чтобы он ниспослал вам здоровье, хорошую погоду, согласие и благоволение всех тех, в чьих руках и власти вы окажетесь». Фортунат отвечивал: «Дай Бог, чтобы вы молились обо мне, я уповаю на Господа, что тогда возвращусь сюда раньше, чем положил себе. Я надеюсь, что с Божьей помощью завершу свое путешествие весьма скоро и благополучно».

КАК ФОРТУНАТ ВНОВЬ ПОКИНУЛ КИПР, ЧТОБЫ ПОВИДАТЬ
ЕЩЕ БОЛЕЕ ЗЕМЕЛЬ И КОРОЛЕВСТВ, И ПРИВЫЛ В АЛЕКСАНДРИЮ

Фортунат приказал весьма спешно соорудить себе большую галеру, обладающую совершенными мореходными качествами. Покуда галеру мастерили, он собрал также купцов и послал их, чтобы накупили они всяческого товара, того самого, в котором, как он хорошо знал,

нуждаются в сарацинских землях. И ломал Фортунат голову над тем, что привезти в дар Солтану, ибо было ему ведомо, что нации, прибывающие в Александрию, все сообща и каждая порознь привозят весьма роскошные дары, особливо же венецианцы и флорентинцы дарят Солтану затканного золотом платья из всевозможных сортов шелка в таком числе, какое ему угодно.

И Фортунат спешно послал за многими золотых дел мастерами и велел им смастерить из серебра и золота роскошнейший буфет со всевозможной домашней утварью, как-то: кубками, бокалами, графинами, блюдами, тарелками, подносами, вертелом, жаровней, крюком для котла и всем, что только требуется королю в его обиходе. И позолотили иные вещи изнутри, прочие снаружи, как это им лучше годилось. И когда галера была готова, он велел нагрузить ее, и собрался, простился с супругой и чадами, и с Божьим именем на устах взошел на галеру, и отбыл в Александрию.

И когда он пришел в Александрию, то бытовал там со старины обычай: навстречу судну, приближающемуся к городу, высылают в открытое море небольшое суденышко и спрашивают, откуда судно идет, что они везут и каков их промысел. Те отвечают, означенную весть передают королю. А когда судно зайдет в гавань, никому не дозволяется ступить на сушу, покуда не пришлют им охранную грамоту. Так и ему была послана и вручена надежная охранная грамота. Он сошел со своими купцами на берег, и тут сарацины пожелали узнать, кто хозяин галеры. Он отвечал им, что прозывают его Фортунатом из Фамагосты на Кипре и что он единственный хозяин галеры. И пожелал Фортунат, чтобы его препроводили к королю, так как он привез ему дары. Слуги короля Солтана с усердием помогли ему в этом, ибо он пришел не с пустыми руками. При дворах всяческих господ еще происходит так — кто несет, того скоро впустят, но тот, кто желает получить, должен долго ожидать за дверью.

И когда Фортунат прибыл в королевский дворец, он велел накрыть большой красивый стол и расставить на нем сокровища, каковые с виду были весьма роскошны и красивы, и послал за Солтаном. Когда Солтан увидел сокровища, он подивился их числу и красоте, и возмнил, что Фортунат привез их сюда для того, чтобы про-

дать, и приказал спросить его, во сколько он оценивает свою утварь. Фортунат спросил Солтана, вполне ли понравились ему сокровища. Тот отвечивал: «Целиком и полностью». Фортунат, услышав, что сокровища Солтану понравились, обрадовался и просил его не пренебречь ими и принять их от него в дар. Солтан, услышав это, удивился, что купец единолично преподнес ему столь драгоценный дар. Оценив утварь в пять тысяч дукатов, он рассудил, что это, пожалуй, чрезмерно даже для больших городских общин, таких как Венеция, Флоренция и Генуя. Все же он принял этот дар, но подумалось ему: чересчур это дорого, не вознаградить ли мне его за подарок, и повелел он дать Фортунату сто каргов перцу, стоивших столько же, сколько и сокровища, которые тот преподнес ему.

Когда венецианцы, флорентинцы и генуэзцы — владельцы складов, располагавшихся в ту пору в Александрии, — услышали, что король преподнес Фортунату, каковой отродясь тут не бывал, столь роскошный дар, взяла их досада на Фортуната. Король никогда не одаривал ни многим, ни малым ни городов, ни их подданных, хотя они единожды либо дважды в год преподносили ему великие дары и, постоянно находясь в его землях, приносили ему и всему его государству великую пользу. Вдобавок Фортунат всем им чересчур дорого обходился. Чем бы он ни торговал, он и его купцы продавали все товары, какие привезли с собой, дешевле, а покупали все дороже. Это составило для них немалый урон, и нанес он им великие убытки, и они страшились еще больших потерь, каковые могли проистечь от товаров и пряностей, что Фортунат грузил в Александрии и намеревался везти обратно, в христианские земли.

И держали они днем и ночью совет, не придумают ли они какую-нибудь несправедливость или обиду, которую учинит он королю либо его заместникам, с тем чтобы не обходились с ним столь любезно и радушно. И преподнесли Адмиральдо, наипервейшему в государстве вслед за королем, немалые дары, чтобы он не выказывал ни Фортунату, ни слугам его милости, но обвинил его и слуг во многих произведенных злодействах — побоищах, грабежах, обсчитыванье и тому подобном бесчестье, на что итальянцы — великие мастера и к чему они склонны от природы, когда могут не опасаться наказания Адмиральдо.

Фортунату, однако, стало известно о том, что они возненавидели его и вознамерились таким образом отравить ему пребывание в тех землях, дабы не было у него более желания отправляться туда. Но что свершил Фортунат? Когда четыре нации, сиречь: венецианцы, флорентинцы, генуэзцы и каталонцы — сложились вместе и преподнесли Адмиральдо десять дукатов, то Фортунат единолично подарил ему втрое больше. Для Адмиральдо это обернулось доходной забавой. Он взимал деньги с обеих сторон и для тех делал то же, что и прежде, и лишь для Фортуната поверх обыкновенного, что тому было мило и надобно, ибо желал, дабы тот чаще и дольше бывал в Александрии.

И когда Фортунат пробыл в Александрии некоторое время, держась весьма достойно, король позвал его в гости, а с ним некоторых купцов с его галеры и с великолепием принял их, ибо таков обычай, что Солтан единожды зовет хозяина всякой галеры в гости, если путь того пролегает через его земли. Адмиральдо также приглашал Фортуната, и чаще, нежели велит обычай, и выказывал ему почести, намного превосходящие те, каковыми удостаивал хозяев иных галер. Вот тут-то четыре нации раздосадовались и вознегодовали, видя, что их дары пропали втуне.

И тут пришло галере время отплыть из Александрии, ибо обычай таков, что всякое судно, приходящее в Александрию с купеческим товаром, не может оставаться там более шести недель, успели они купить и продать или нет, о чем Фортунат превосходно знал. Они также полностью приготовились к этому, и Фортунат назначил вместо себя другого и приказал ему, чтобы он с прочими купцами и всем товаром шел с божьей помощью на галере в Каталонию, Португалию, Испанию, Англию, Фландрию и чтобы они там покупали и продавали, из одних земель перебирались в другие и умножали свою прибыль, что, как он надеялся, было им по силам, ибо товар они везли с собою немалый. Вдобавок Фортунат с усердием наказал старшине не забыть и спустя два года возвратиться на галере в Александрию, никоим образом не откладывая этого, ибо он намерен два года странствовать по чужим землям и проложить свой путь так, чтобы к означенному сроку возвратиться в Александрию. И коли об эту пору они не найдут его там, то пусть не почитают его более в живых и пусть

старшина отведет галеру с товаром его супруге Кассандре и сыновьям его в Фамагосту, что тот и обещал ему, и двинулись они своим путем, и что с ними далее приключилось, о том долго рассказывать.

КАК ФОРТУНАТ ДОСТИГ ИНДИИ И ОБЪЕХАЛ МНОГИЕ ЧУЖИЕ ЗЕМЛИ,
А ПОД КОНЕЦ ВОЗВРАТИЛСЯ В АЛЬКЕИР

Когда Фортунат остался в одиночестве, он повел дружбу с Адмиральдо и упросил его раздобыть ему у Солтана охранную грамоту через его владения, толмача и рекомендательные письма к князьям и господам, чьи земли он желал повидать, как-то: земли персидского императора, великого хана Катая, пресвитера Иоанна и прочие страны, прилегающие к их владениям и окружающие оные. Адмиральдо добился от короля Солтана, чтобы тот выдал Фортунату превосходные и весомые письма, а также приставил к нему многоопытных людей, знавших все ходы и выходы и чужеземную речь. Все это, однако, за счет Фортуната, чему он был рад и не помышлял о другом, ибо не испытывал нужды в деньгах. Он снарядился в дорогу с теми, кого к нему приставили. Если они советовали ему, что эта вещь необходима либо она пригодится в пути, он покупал ее, платя за все наличными. И с кем он имел дело, полюбили его из-за того, что он со всяким обходился по чести. Кому он мог заплатить один гульден, тому давал он два. И двинулись они, стало быть, в путь.

Сперва он прибыл в земли императора Персии и объехал их. Вслед за тем двинулся он в земли великого хана Катая, а следом через пустыни в Индию — земли пресвитера Иоанна. Тот владеет тремя землями, и все три прозываются Индией: первая — великая Индия, в коей чрезмерная жара, другая — средняя Индия, та прохладнее и жара в ней не столь сильна, третья прозывается малой Индией, такие там холода, что и зимой и летом вода к ночи замерзает, и эти три Индии столь велики, обширны и просторны, что во власти пресвитера Иоанна и острова и суша, подвластны ему 72 короля, и всякий владеет обширными землями и подданными, могущественными городами и замками. Величину и непомерную широту трех Индий невозможно описать. Были найдены их описания, в которых говорится, что

они превосходили своей величиной земли персидского императора, великого хана Катая, Солтана и турецкого императора вместе взятых, а ведь это четыре могущественных государя, чьи владения больше, нежели у всех князей христианской церкви, у папы и у всех духовных прелатов, и в придачу у всех королей и мирских князей.

Какие чудеса, приключения и обычаи повелись в тех землях, о том можно было бы написать особую и немалую книгу. Кто, однако, пожелает о том узнать, пусть прочтет книгу Иоганна из Монтевиллы и еще другие книги тех, кто все эти земли прошел и о каждой земле написал, что там за обычаи и вера и каково всякому живется. Кто-нибудь, быть может, подивится, почему, коли есть столь великие земли, купцы из немецких земель не ходят туда за сокровищами их властителей, а также за изысканными фруктами и огромными богатствами. Но все это бросается на полпути, ибо эти земли чересчур далеки от нас. Во-вторых, путь туда весьма опасен из-за гор и пустынь, из-за грабителей и разбойников. В-третьих, никто не желает рисковать своей жизнью и учинять себе столь великие невзгоды. В-четвертых, этому препятствует также то, что не у всякого вволю денег, как у Фортуната, хотя я и верю, нашелся бы такой гордец, какой, имей он Фортунатов кошель, не сидел бы дома, а пустился странствовать из одной земли в другую до тех пор, покуда из одной части света не очутился бы в противоположной. Некие, быть может, подивятся, отчего те, из Индии и из прочих земель, не бывают в наших краях. Причина такова: они слышали рассказы о том, что наши земли неприветливы из-за холодов, а также не рождаются в них изысканные фрукты. Они опасаются тотчас же умереть, вдобавок они рассудили, что их сочтут глупцами, если они из благодатных земель отправятся в скудные и поменяют добро на зло. Дело еще в том, что им ведомо, какие страшные опасности подстерегают их в пути.

И когда Фортунат в полной мере объехал те земли, он все же не удовольствовался этим, а пожелал также отправиться туда, где растет перец, и преподнес пресвитеру Иоанну в дар роскошнейшие драгоценности, бывшие в тех землях редкостью. Он одарил также его камердинеров и просил их оказать ему помощь людьми и письмами, дабы он смог достичь страны Лумбета, земли, где произрастает перец. И желание его удовлетво-

рили и доставили к морю, через которое надобно переправиться прежде, чем попадешь в Лумбет. Его перевезли, и он прибыл туда, где произрастает перец. Растет он в диких зарослях, именуемых Тобар, к тому же нигде в целом мире не растет более перца, как только там.

И когда Фортунат все это увидел, он не пожелал отправиться далее, вспомнил о своей возлюбленной супруге Кассандре и о двух своих сыновьях и всей душой потянулся домой. Он повернул вспять, и направился домой, и проскакал на обратном пути через многие земли, какие прежде не проезжал. Сперва через пустыни он добрался до горы святой Катерины, что в горах Синайских, оттуда пустынями достиг Иерусалима, дабы поклониться святым местам, и, хотя он все объехал, у него осталось все же полных два месяца до срока, назначенного для прихода галеры, и он надумал скакать тем временем в Алькеир, поблагодарить короля Солтана за его толмача и рекомендательные грамоты, которые пришли ему весьма кстати. И возвратился в Алькеир, откуда и выступал в путешествие. Но Солтан прежде него другим путем ускакал в Александрию. Фортунат также поспешил туда и вновь явился к своему доброму другу Адмиральдо. Тот обрадовался и оказал ему великие почести, ибо слышал, как он, подобно истинному рыцарю, отважился пересечь и объехать столь дальние земли. Но когда Фортунат вновь пробыл в Александрии восемь дней, имея в своем распоряжении многих диковинных зверей и прочее тому подобное, напала на него тоска по дому. Тем временем пришла в Александрию его добрая галера, которой, как и прежде, выдали охранную грамоту. И хотя Фортуната с ними не было, они выручили все же большую прибыль и привели галеру доверху груженной столь дорогим и богатым товаром, что он втрое превосходил тот, который Фортунат послал с ними. Он этому весьма обрадовался, а особливо тому, что нашел всех своих слуг бодрыми и здоровыми. Они к тому же привезли ему письма от его возлюбленной супруги Кассандры, что пребывает она в добром здравии, равно как и его сыновья.

И Фортунат сказал некоему из своих купцов, чтобы они поторопились с куплей и продажей, ибо ему не терпится возвратиться домой, как те и поступили. Они распродали свой товар дешевле, а кто продает по сходной цене, тому святой Николай помогает, а тот, кто покупает

товар, как он ему предлагается, тоже скоро оборачивается. И если прочие галеры и суда простаивали в Александрии по шести недель, покуда их разгрузят, покуда все купят и продадут, то они управились со своими делами в три недели, ибо знали о желании своего господина. Король Солтан узнал о том, что они так спешат, и не пожелал, чтобы Фортунат уехал прочь, не отобедав с ним, и пригласил его вечером пред тем, как тому утром отбыть. Фортунат не мог отказать ему в этом. Он велел всем взойти на галеру и вывести ее в открытое море и сказал, что явится к ним сразу после пиршества и чтобы они были готовы тотчас поднять паруса, как они и сделали. Тем временем Адмиральдо заехал за Фортунатом, и они вместе поскакали во дворец и замок, стоявший на возвышенности, откуда был виден город и простиравшееся за ним широкое море.

И когда они явились ко двору, король весьма любезно встретил его, Адмиральдо был его приближенным, и король спросил Фортуната о том, что приключилось с ним в чужих землях, и Фортунат обо всем ему поведал и с усердием благодарил короля за рекомендательные письма. Фортунат сказал ему, что благодаря его письмам он был с почестями принят всеми государями и все прочие господа неизменно оказывали ему покровительство, и, не будь их у него, навряд ли завершил бы он свое путешествие. Солтану это пришлось по душе. Но я добавлю, что Фортунатов кошелек был ничем не хуже королевских писем. Покуда они беседовали, накрыли богатый стол, ведь всем известно, могущественные властители всюду живут в роскоши, а тем паче Солтан, у кого одних лишь мамелюков, сиречь наемников, прислуживающих ему за столом, полторы тысячи.

КАК ФОРТУНАТ БЫЛ ПРИГЛАШЕН КОРОЛЕМ СОЛТАНОМ В ГОСТИ,
КАК ВЫЛИ ОКАЗАНЫ ЕМУ ВЕЛИКИЕ ПОЧЕСТИ И КАК ОН ОДАРИЛ
МАМЕЛЮКОВ СОЛТАНА

И когда они отужинали, и мамелюки, то есть христиане, отрекшиеся от веры, числом около тысячи двухсот, все еще оставались в зале, ожидая приказаний, Фортунат сказал королю Солтану, коли ему угодно, он даст каждому мамелюку по десять дулей, всякий из которых стоит три четверти рейнского гульдена. Солтан ответил, что дозволяет свершить это.

Тут Фортунат велел всем мамелюкам поочередно подойти к нему, ибо он желает всех их наградить, и приказал явиться также повару и хранителю погребов. И, держа кошель раскрытым, чтобы можно было с легкостью запускать и вынимать руку, спрятал его под столом, чтобы никто не догадался, что кошель чудесный, ибо даже в ста кошельках не могло поместиться и половины тех денег, какие он так быстро раздал им.

И когда он оделил всех и никого более там не осталось, взяло Солтана удивление, как он смог принести с собой столько тяжелого золота, и решил он, что Фортунат выказал ему большую честь, столь богато одарив его мамелюков. И сказал: «Вы — благородный человек, и мне надлежит отплатить вам тем же. Ступайте за мной, я покажу вам свои сокровища». И он повел Фортуната в высокую башню, сплошь сложенную из камня, со многими нишами. В одной нише было множество серебряных изделий и высились кучи серебряных монет, подобно тому как насыпают рожь и овес. Затем Солтан подвел его к другой нише, она была полна драгоценными золотыми изделиями. Стояли там огромные сундуки, доверху наполненные золотыми монетами, гульденами, потом король показал Фортунату еще одну нишу, где были сундуки, ломившиеся от изысканных драгоценностей и великолепных убранств, в которые король облачался, когда желал предстать пред своими подданными во всем своем королевском величии, они были усеяны драгоценными камнями — рубинами, бриллиантами, сапфирами, изумрудами, превосходными жемчугами, и всему тому не было числа. И еще стояли там два особенных золотых светильника, украшенных двумя огромными карбункулами, столь красивыми, что ночью казалось, будто горят свечи. Фортунат от души подивился этому. Он и не помышлял, что король может владеть такими прекрасными и роскошными драгоценностями, в таком непомерном числе, и похвалил королю его сокровища. И когда король услышал, что они так пришлись ему по душе, он сказал: «У меня в опочивальне есть одно сокровище, которое мне дороже всего того, что вы здесь видели». Фортунат спросил его: «Что же это такое, что оно столь драгоценно?» — «Я покажу тебе это», — сказал Солтан и повел его в свою опочивальню, просторный, светлый и прекрасный покой, все окна которого выходили на широкое

море. И Солтан, склонившись над ларцем, вынул оттуда невзрачную на вид потертую фетровую шляпу, подобные ей носят обыкновенно монахи, бродяжничая по свету, и сказал Фортунату: «Эта шляпа мне милее всех тех сокровищ, которые вы видели. Причина этого вот в чем: хотя она сама по себе и не сокровище, но зато с ее помощью их можно раздобыть. Не в силах она добыть лишь себе подобной шляпы». Фортунат сказал: «О все-милостивейший король, с позволения вашего королевского величества, я все же хотел бы знать, что может сделать эта шляпа либо каким она обладает свойством, раз вы ее столь дорого цените?» Король ответил: «Я открою тебе это. Она дорого обошлась мне, дороже, чем стоит сейчас твоя доверху нагруженная галера. Свойство ее таково: надев ее, ты окажешься там, где пожелаешь. Это меня всячески развлекает, больше, чем мои сокровища. Я посылаю слуг на охоту, и, если мне хочется быть с ними, я надеваю шляпу и задумываю перенестись к ним и тотчас оказываюсь подле них. Мне стоит только захотеть, как я оказываюсь в лесу рядом со зверем и гоню его охотникам в руки. Когда я веду войну и мои наемники находятся на поле битвы, я, если захочу, могу очутиться с ними. И стоит мне захотеть, как я вновь здесь, в моем дворце, куда все мои сокровища не в силах меня перенести». Фортунат спросил: «Жив ли еще мастер, изготовивший ее?» Король ответил: «Сие мне неизвестно. Это был некто из Спарги, из города Аламанелия, там и поныне есть высшая школа великого искусства нигромантии, где ей обучают. Жил там ученый и много сведущий в искусстве нигромантии доктор, коему я дал много добра и богато одарил его и с великими почестями отослал домой. Жив ли он еще, мне это неизвестно». Фортунат подумал: «О, если бы эта шляпа стала моей, она так подходит к моему кошельку!»

КАК ВЕЛИКИЙ СОЛТАН ПОКАЗАЛ ФОРТУНАТУ СВОИ ДРАГОЦЕННЫЕ
СОКРОВИЩА, В ИХ ЧИСЛЕ И ЧУДЕСНУЮ ШЛЯПУ, КАКОВУЮ ФОРТУНАТ
У НЕГО ПОХИТИЛ

И с тем сказал королю: «Я полагаю, что шляпа, обладающая такой великой силой, чересчур тяжела и давит на того, кто ее наденет». Король ответил: «Она не тяжелее любой другой». И велел ему снять берет, и собствен-

норучно водрузил шляпу ему на голову, и спросил: «Не правда ли, она не тяжелее любой другой?» Тот сказал: «Воистину так, я и не помышлял, что она столь легка, а вы столь глупы, что наденете ее мне на голову». И тотчас пожелал очутиться на своей галере, со своими слугами, где в сей же миг и оказался. И едва он очутился на галере, как приказал ставить паруса, и, поскольку дул крепкий ночной ветер, они весьма быстро поплыли прочь.

Когда король Солтан уразумел, что Фортунат похитил у него его любимейшее сокровище, он застыл у окна, глядя вслед галере, уплывающей прочь, и не ведал, как ему поступить, и приказал всем своим слугам броситься в погоню за Фортунатом и доставить его пленным, дабы он поплатился жизнью за то, что обманул и обокрал его. Они бросились в погоню за ним. Но, прежде чем они снарядились, галера ушла столь далеко, что никто ее не мог увидеть. Ибо в море никого не настичь по следам. В самом дремучем на свете лесу легче отыскать кого-то, чем в широком море. И когда они прошли вслед за галерой несколько дней и не догнали ее, охватил их страх, что им встретятся каталонские морские разбойники. Не будучи вооружены для схватки, они предпочли не дразнить гусей, и повернули вспять, и поведали Солтану, что не смогли догнать галеру. Тут Солтан донельзя огорчился. Когда же венецианцы, флорентинцы и генуэзцы услышали о том, что Фортунат бежал с его любимейшим сокровищем прочь, они до смерти обрадовались и рассуждали меж собой: «По справедливости досталось королю и Адмиральдо, они не ведали, какую еще честь выказать Фортунату. Он по заслугам отблагодарил их. Зато теперь мы можем не тревожиться, что он вновь явится сюда и учинит нам куплей и продажей такие же великие убытки, как учинил прежде».

Меж тем Солтан, лишившись сокровища, горячо желал вернуть его обратно, и не ведал, как ему к этому подступиться, и подумал: «Я не могу послать к нему Адмиральдо либо кого-либо из моих князей, они неуютны христианам. К тому же по пути их могут захватить в плен». И он задумал послать к Фортунату на Кипр высокое посольство и просил о том старшину христиан, каковой был у них в Александрии, ибо всякая нация имела там консула, а те избирали из своего

числа старшину, которому все они подчинялись. Солтан послал за ним и просил его сослужить ему службу и отправиться по его поручению. Он поведал ему о причине, из-за чего это надобно. Старшина дал ему свое согласие, сказал, что готов ехать по его поручению туда, куда король пожелает. И король спешно повелел предоставить в его распоряжение судно и набрать на него мореходов-христиан и повелел идти в Фамагусту к Фортунату и сказать тому, чтобы он вернул ему обратно его шляпу. Он показал ему шляпу, доверяясь ему, и с благодарностью примет ее обратно. Солтан велел вдобавок, если Фортунат согласится это исполнить, пообещать ему великое богатство и поручиться за него. Если Фортунат вернет его сокровище, он пришлет ему его галеру, доверху груженную благородными пряностями. Но если он не вернет шляпу, старшина должен подать на него жалобу королю Кипра, его господину, и просить короля заставить Фортуната возратить сокровище, которое тот столь бесчестно у него похитил. Старшина был венецианцем и прозывался Мархоландо. Он обещал Солтану постараться и добросовестно исполнить его поручение. За это Солтан дал ему много добра, богато снарядил его и обещал щедро вознаградить, если он привезет ему обратно его сокровище.

Солтан так убивался из-за шляпы, что не находил себе покоя, отчего все его мамелюки были в печали. Сперва все они, получив от Фортуната деньги, восхваляли его, но, когда он обманул их господина и короля, они сказали, что он — величайший злодей на свете. Всяк говорил, попадись ему Фортунат, он съел бы сырым его сердце, и все они пребывали в ярости.

Мархоландо отплыл на Кипр и прибыл в гавань Фамагосты, но Фортунат пришел туда десятью днями ранее его. Можете себе представить, с каким радушием и пышностью был встречен Фортунат своей возлюбленной супругой Кассандрой, а также каким великим счастьем исполнился он, вновь торжественно возвратившись домой. Весь город радовался вместе с ним, ибо в городе было много жителей, имевших множество друзей меж теми, что пристали к берегу вместе с Фортунатом и выручили немалую прибыль. А где всего вдоволь, там более причин веселиться и наслаждаться жизнью, как все они в городе и сделали. И когда Мархоландо пристал на своей галере к берегу, он очень удивился, что в городе

царит такое веселье. И когда Фортунат узнал, что в Фамагосту прибыло из Александрии посольство короля Солтана, он тотчас уразумел, из-за чего он к нему прибыл, и велел снять для него лучший постоянный двор, и отвести его туда, и принести то, что может понадобиться, и еды и напитков, за все это заплатил Фортунат. И когда Мархоландо пробыл в Фамагосте дня три, он известил Фортуната, что имеет к нему одно поручение, и Фортунат милостиво согласился его выслушать, и он пришел в его прекрасный дворец и сказал:

КАК СОЛТАН ПОСЛАЛ К ФОРТУНАТУ НА КИПР ЗА ШЛЯПОЙ ПОСЛА, НО ТОТ НИ С ЧЕМ ДОЛЖЕН БЫЛ УЕХАТЬ ПРОЧЬ

«Король Солтан Вавилонский, повелитель Алькеира и Александрии, шлет тебе, Фортунат, через меня, Мархоландо, свой привет. Окажи такую любезность, и позволь мне быть вестником добра, и отошли ему со мной его сокровище». Фортунат ответил так: «Меня удивляет, что король Солтан был настолько неразумен, что поведал мне, каким свойством обладает шляпа, и сам надел ее мне на голову. Из-за этого я испытал великий страх и ужас, которые, покуда я жив, не смогу и не захочу забыть. Моя галера стояла в открытом море, я пожелал очутиться там. И если бы я промахнулся мимо галеры, то лишился бы жизни, которая мне дороже всего королевства Солтана. По этой причине я не намерен расставаться с сокровищем до самой своей смерти».

Когда Мархоландо выслушал речи Фортуната, он подумал про себя, что изменит его намерения и переименует его помыслы, пообещав ему богатства, заговорил и сказал так: «Фортунат, соблаговолите внять моему совету, что вам в этом сокровище? Я доставлю вам взамен то, что и вам, и детям вашим принесет намного больше добра и пользы, чем жалкая шляпа. Да будь у меня целый мешок шляп, каждая из которых имела бы свойство, подобное вашей, я бы отдал их за треть того, что вы получите взамен нее. Итак, позвольте мне стать вестником добра, я обещаю и клянусь, что тогда король Солтан нагрузит вашу галеру отменными пряностями, как-то: перцем, имбирем, гвоздикой, мускатным орехом и корицей и многими другими, их цена составит сто

тысяч дукатов. Вдобавок вы можете держать шляпу у себя, покуда не получите удовлетворения и вознаграждения и покуда галеру с товаром не передадут в руки, кои вы сочтете надежными. Если вам угодно, я сам пойду на вашей галере за товаром в Александрию и приведу ее сюда нагруженной. Убедившись, что я вернулся обратно и привез то, что обещал, вы возвратите мне сокровище моего милостивого повелителя, короля Солтана. Мне также превосходно известно, что нигде в целом мире вы не получите за эту шляпу и трети того, что дает взамен нее король Солтан, ведь если бы прежде она не побывала у него в руках, он не испытывал бы в ней сейчас такой нужды».

Когда Мархоландо выговорился, Фортунат сказал Мархоландо: «Не стану расточать слов понапрасну и скажу, мне хотелось бы сохранить вашу дружбу и дружбу короля Солтана, однако никто не уговорит меня выпустить шляпу из рук. У меня есть в придачу к шляпе еще одно сокровище, коим я весьма дорожу, они останутся у меня, покуда я жив». Мархоландо спросил, нельзя ли все же еще потолковать о том. Фортунат ответил, что тут больше не о чем ни толковать, ни помышлять, а если он хочет нечто предпринять, то может сделать это.

Мархоландо не захотел уехать оттуда, не завершив прежде то, что приказал ему король Солтан, и поскакал к королю Кипра, повелителю Фортуната, и принес ему на Фортуната жалобу, и просил короля, чтобы он приказал возвратить либо отослать сокровище, поскольку Фортунат присвоил его бесчестным путем. А если этого не случится, опасается он, что тогда разразится великая война. Они долгое время жили в мире и были добрыми соседями, и было бы хорошо сохранить дружбу, так как война принесет великие убытки и немалый урон. Король должен остерегаться этого, да будут на то его воля и желание, ибо всякому государю, покуда это возможно, следует содержать свое королевство и подданных в мире. Король ответил Мархоландо и сказал: «В моем королевстве мне подвластны и князья и господа, как я велю им, так они и поступят. Если королю Солтану есть в чем обвинить Фортуната, пусть он сделает это, тогда я позволю ему начать против него тяжбу, так будет гораздо лучше и справедливее».

Мархоландо, услышав, что его господину и королю

предлагают вести судебную тяжбу, всецело постиг и уразумел, что в христианском мире мавр немного может отнять у христианина, и в душе подумал, что ему незачем более оставаться там, и возвратился в Фамагосту на свою галеру, и велел снарядить ее, и собрался прочь.

Но Фортунат был столь любезен, что пригласил его в гости, и с великой роскошью принял его, и одарил также многими дарами и ценными сокровищами, и велел вдоволь снабдить его галеру наилучшими кушаньями и напитками, и сказал: «Я не держу на тебя зла за то, что ты исполнил поручение Солтана. Но я надеюсь также, что и ты не стал мне врагом из-за того, что я не возвращаю его шляпы. Я думаю, что мавры не любят христиан и не желают им добра. И по правде говоря, если бы король Солтан завладел шляпой, принадлежащей мне, он нипочем бы не вернул ее обратно. Его придворные отсоветовали бы ему возвращать шляпу, равным образом и мне никто не посоветует отослать ее назад».

Мархоландо благодарил его за честь и дары, преподнесенные ему, и сказал, он хорошо видит, что ему ничего не добиться ни лестью, ни дарами. Он поведает Солтану, что поступил в этом деле так, как счел наилучшим, и с тем двинулся в путь, не исполнив того, ради чего был послан, и Фортунат отпустил его, не спросив, разгневал он короля Солтана или нет, так как более в его земли не собирался.

И когда Фортунат объехал все эти земли, получив от того немалое удовольствие, он зажил в богатстве. Он вывел в свет обоих своих сыновей, содержал их с великими почестями и роскошью и нанял им слуг, обучивших их рыцарским состязаниям, сиречь поединкам, турнирам, быстрым скачкам и прочему, что к тому относится. Они много упражнялись в этом. Младший сын был весьма склонен к этим делам и выказал немалую отвагу, поэтому Фортунат учредил много призов для того, чтобы в Фамагосте происходили рыцарские турниры. Младший сын неизменно побеждал всех других и завоевывал призы, и каждый говорил, что Андолий делает честь всей земле, и Фортунату это доставляло большую радость.

И жили они в большой радости, ибо Фортунату множество развлечений доставляла его шляпа, соколиная

охота, а также его сын Андолозий и возлюбленная супруга Кассандра. И когда они прожили несколько лет во всяческих удовольствиях, ни на что не жалуясь, то постиг прекрасную Кассандру тяжкий и смертельный недуг, и никто из врачей не смог и не сумел ей помочь, — хотя не жалели на это ни денег, ни добра, все же должна она была умереть. Недолго мешкая, испустила она дух. Тут Фортунат велел схоронить ее с великими почестями, подобающими королеве. Она была мила ему при жизни, но и после ее смерти он выказал любовь к ней, свершив для нее много доброго. Все его мужество покинуло его, и не было для него более ни в чем радости, хотя его добрые друзья и товарищи, желая ободрить его, пришли к нему и просили, дабы он поскакал с ними на прогулку, охотиться, травить зверя, как он делал ранее. Ничего такого он не делал, он сидел в затворничестве и скорбел о своей возлюбленной супруге. И, пребывая в одиночестве, он спорил с самим собой: «О Фортунат, что толку в том, что у тебя в избытке денег и что ты утаил от Солтана его наилучшее сокровище, объехал все империи, а ныне не ведаешь, в какой час придет смерть и унесет тебя так же, как унесла она твою возлюбленную супругу, вовсе о ней не помышлявшую! О ты, ужасная смерть, жестокая и безжалостная, не умилоствить тебя и не спасут от тебя ни дары, ни смелость! Молодым и старым, богатым и бедным, красивым и безобразным не схорониться от тебя ни в высоких замках, ни в горах, ни в глубоких долинах!»

И лежал так, размышляя о неизбежности смерти и неведении часа ее прихода. И покуда он столь жестоко страдал, никто не сумел и не смог отвлечь его от тех фантазий, и впал он также в жестокий недуг, чахотку, каковую именуют *ethica*, и день ото дня спадал с тела. Когда он ощутил, что означенная хворь у него день ото дня усиливается, он разослал во все концы за наилучшими врачами, какие только сыщутся, дал им и обещал великое богатство, чтобы они помогли ему. Но они не смогли утешить его и исцелить, хотя и совершили все наилучшее, что было в их силах, чтобы продлить ему жизнь, и употребили в том свое усердие, взяли за это немалые деньги. Фортунат, однако, не испытал облегчения, он хорошо видел, что смерть его близка и ему не избежать ее.

И когда настал его смертный час, то, лежа в постели, послал он за обоими своими сыновьями, Ампедо и Андо-лозием, заговорил и сказал: «Видите, любезные сыны, матушка ваша, с таким прилежанием взрастившая вас, опочила. Настало время и мне проститься с этим миром, не откладывая надолго, и я хочу наказать вам, как вести себя после моей кончины, чтобы наслаждаться почестями и богатством, как наслаждался я до самой своей смерти». И поведал сынам, что у него есть два сокровища — кошель и шляпа. Он открыл им, каким свойством обладает кошель до конца их дней, но не дольше, а также какое свойство имеет шляпа и сколько добра давал взамен нее Солтан. Фортунат наказал им не делить сокровища меж собой, никому не говорить о кошельке и беречь его как зеницу ока. Если они возьмут себе жен, которых будут горячо любить, то и им пусть не говорят про кошель. Ибо едва о том прознает один человек, как следом узнают многие. «И если это станет известно, вас будут осаждать и днем и ночью, так часто и так долго, покуда не лишат вас жизни. И знайте, я владел кошельком шестьдесят лет, но ни разу никому не сказал о нем, и вы ныне первые, кто слышит об этом из моих уст. Будьте осторожны: если вы лишитесь его, вам не вернуть его назад. Было бы весьма жаль из великого богатства очутиться в нищете. Еще одно я наказываю вам, любезные сыны. В честь девицы, подарившей мне счастливый кошель, отныне и ежегодно вы должны праздновать первый день июня и в этот день не вершить брачных дел, будь то заключение супружества или расторжение оного. Вы должны также подарить бедной девице, которую отец и мать не могут выдать замуж, четыреста золотых в денежном исчислении той земли, где кто-либо из вас окажется с кошельком. Я делал это. Покуда кошель был у меня, я всегда исполнял клятву». После этих слов он добавил немного, был приведен ко всем причастиям и испустил дух. Тут сыновья с большими почестями схоронили его в прекрасной церкви, которую Фортунат выстроил сам. Там состоялось много богослужений с мессами, раздачей милостыни, и умри сам король, то и ему не выказали бы больших почестей.

Теперь же послушайте, что через те сокровища приключилось далее с Ампедо и Андолозием, обоими сыновьями Фортуната. Когда их господин и отец скончался, они носили целый год траур, а по прошествии года устроили пышные поминки, как и подобало. И поскольку Андолозий целый год бездействовал и не мог ни состязаться в поединках, ни исполнять иных придворных обычаев, он налег на книги своего отца, прочел их и постиг, какое множество христианских королевств тот объехал и как много пересек земель, принадлежащих маврам. Это показалось ему заманчивым и доставило такое удовольствие, что он также всерьез вознамерился пуститься странствовать. Заговорил он и сказал своему брату Ампедо: «Любезный брат, как жить нам далее? Давай отправимся странствовать и добьемся славы, что и сделал наш отец. Если ты не читал, какие дальние земли он объехал, так прочти о том».

Ампедо весьма добродушно ответил брату, сказав: «Кто хочет странствовать, тот пускай странствует. Меня это вовсе не прельщает, ведь я легко могу очутиться там, где мне не будет так же привольно, как тут. Я хочу остаться здесь, в Фамагосте, и окончить свою жизнь в этом прекрасном дворце». Андолозий сказал: «Если твои намерения и помыслы таковы, давай поделим наши сокровища». Ампедо ответил и сказал: «Неужто ты хочешь преступить завет отца? Разве ты не знаешь, сколь серьезным было его последнее желание, чтобы мы не делили сокровища меж собой?» Андолозий возразил: «Мне нет дела до его речей, он мертв, а я жив, и я желаю их поделить». Ампедо сказал: «Тогда возьми шляпу и отправляйся куда хочешь». Андолозий ответил: «Возьми ее сам и оставайся тут!» И не могли прийти в том деле к согласию, ибо всяк из них желал оставить кошель себе.

И сказал Андолозий: «Любезный брат, я знаю, как нам это дело уладить. По совету отца мы никого не позовем на наш дележ. Поступим так — наполним гильденами из кошелька два сундука. Возьми их себе и оставься, тебе не потратить их до самой твоей кончины. Оставь себе также шляпу, с ее помощью ты можешь всячески развлекаться, а мне отдай кошель, я отправлюсь странствовать и добывать славу и шесть лет пробуду в отлучке, а возвратившись сюда вновь, отдам тебе

кошель также на шесть лет, и тогда мы будем сообща владеть и пользоваться им». Ампедо, будучи человеком добросердечным, позволил всему случиться так, как замыслил его брат.

КАК АНДОЛОЗИЙ, ВЗЯВ КОШЕЛЬ, ПОКИНУЛ ФАМАГОСТУ
И БЛАГОПОЛУЧНО ПРИБЫЛ КО ДВОРУ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ

Когда Андолозий услышал, что брат уступает ему кошель и позволяет взять его с собой, он всем сердцем обрадовался и повеселел, обзавелся добрыми слугами и крепкими конями, велел снарядить себе повозку, на какой должны были всюду следовать за ним его доспехи и то, что употребляется в придворном обиходе. Он простился с братом и, сопровождаемый сорока красавцами, восседавшими на прекрасных конях и одетыми от первого до последнего в богатое платье одного цвета, выехал из Фамагосты. Вначале он прибыл ко двору французского короля и повел дружбу со знатью, с графами и баронами. Он был богат и весьма охотно позволял себя обирать, отчего многие держались с ним очень благосклонно, он служил также королю, как будто был у него на службе. И когда он там находился, случилось так, что устроили состязания, скачки, борьбу и прыжки. Он превзошел в этом всех других, и пошла о нем слава, что он во всем сильнее прочих. А после состязаний обыкновенно весело танцевали со знатными дамами, в этом он также весьма преуспевал, и дамы отдавали ему первый танец. Они спросили, как его звать и откуда он. Тут он поведал им, он — знатного рода и именуется Андолозием из Фамагосты, что на Кипре. И благородные дамы вызывали его на то, чтобы он любезничал с ними. Ему это также нравилось и было по вкусу. Король пригласил его в гости.

Так как он пришелся им по нраву и знати его компания и общество были приятны, он позвал благородных господ со всеми их женами в гости и дал им роскошный обед, чем донельзя угодил знатым дамам. Лишь тогда они поверили, что он знатного рода. Меж тем как они развлекались, находился при дворе короля дворянин, жена которого была воплощением самой красоты, своею прелестью она намного превосходила других дам. Супруг означенной дамы был товарищем Андолозия в

состязаниях, и разумели они друг друга лучше, нежели прочие.

Андолозий воспылал к означенной даме чрезмерной страстью, и начал всерьез ее домогаться, и обещал дать ей тысячу крон, если она переспит с ним ночь. Дама подумала, что можно быстро заработать тысячу крон, но, отличаясь благонаравием, она не пожелала сделать этого и сказала о том мужу. Муж ответил: «О женщина, тысяча крон нам бы не помешала, мы бы нашли ей употребление. Однако делать этого не следует, ибо честь превыше всяческого богатства». И сказал ей: «Как тебе это понравится, у нас красивая и статная соседка, она — привлекательная конкубина и за деньги никому не отказывает в обладании своим телом. Расскажи ей, с каким делом к тебе обратились, но скажи, что твой супруг строго блюдет свою честь, и ты не смеешь пойти на это, ибо страшишься лишиться жизни».

Дама исполнила наставление мужа и сказала соседке: «Если ты решишься взяться за одно дело, я устрою так, что ты в моем доме и в моей постели переспышь, будто это я, с дворянином, доблестным воином, который сейчас находится здесь. Он обещает дать мне тысячу крон, если я проведу с ним ночь. Если ты сделаешь это, я дам тебе сто крон».

Добрая девица отвечала: «Мне это не суть важно, с подобным воином я готова спать и даром. Но боюсь, что, если исполню вашу просьбу, вы не дадите мне ста крон, а расплатитесь со мной в лучшем случае одной-двумя кронами, поскольку с девицами такого нрава не церемонятся». Дама сказала: «Я дам тебе сто крон загодя, прежде чем ты заслужишь их». Девице это понравилось, и она сказала, чтобы дама все устроила, тогда она исполнит ее желание, употребив в том деле немалое усердие. Дама поведала своему мужу, как уговорила соседку исполнить ее волю. Это супругу весьма понравилось. Андолозий вновь явился к даме и стал усердно домогаться ее, как и поступают любовники, и вновь сказал про тысячу крон. Дама ответила ему: «Если ваше намерение серьезно, приходите завтра к ночи и принесите с собою деньги, мой муж ускачет завтра на службу к королю». Андолозий донельзя обрадовался этому, ибо нима-ло не дорожил деньгами, которые должен был принести. На другой день, к ночи, он пришел один, крадучись проскользнул мимо слуг и принес с собой тысячу крон.

КАК АНДОЛОЗИЙ ДОМОГАЛСЯ ЛЮБВИ ЗНАТНОЙ ДАМЫ И ПОДАРИЛ ЕЙ
ТЫСЯЧУ КРОН, ОНА ОБМАНУЛА ЕГО И ПОЛОЖИЛА ЕМУ В ПОСТЕЛЬ
ВМЕСТО СЕБЯ ДРУГУЮ

Дама ожидала Андолозия и приняла его, а в придачу и кошелек с тысячью крон. Она не стала их пересчитывать, решив по их тяжести, что это воистину так, и отвела его в свою опочивальню, и сказала, чтобы он лег в постель и лежал тихо, она же сейчас придет. И спешно послала за соседкой, которой дала сто крон наличными. Добросердечная девица старательно подготовилась, дочиста вымыла и надушила благовониями руки, а также свершила все иные приготовления, ибо превосходно знала, что в подобных делах требуется. И когда они лежали в постели, наслаждаясь любовью, Андолозий думал, что возлежит он не иначе как с женой своего товарища по состязаниям. Однако покладистая девица, уразумев, что она так понравилась Андолозию и он воистину принял ее за другую, рассудила, что несправедливо, если дама получит девятьсот крон, а она не более ста, взяла и рассказала Андолозию, как супруга приятеля обманула его и наняла ее спать с ним вместо себя, за что дала ей сто крон.

Когда Андолозий услышал о том, как коварно его обманули, он встал, дал девице еще сто крон, пошел к себе на постоялый двор, разбудил всех своих слуг и велел им собраться, ибо он намерен седлать коня и скакать прочь. Ему не было жаль потраченных денег, но он предвидел, что слухи о том, как две бабы обвели его вокруг пальца, пойдут по всему городу и он станет всеобщим посмешищем. Дав себе зарок остерегаться впредь хитрых и коварных женщин, он в досаде устремился прочь, не благословясь и ни с кем не просясь.

И хотя удалился он от Парижа на один день пути, дело все еще удручало его, и он направил одного из своих слуг к той, с которой спал, и послал ей еще двести крон, и наказал подать жалобу на супругу дворянина королю либо его судейской палате, именуемой парламентом, и обвинить даму в том, что она присвоила себе деньги числом девятьсот крон, кои ей вовсе не принадлежат, а она и есть та самая, кому деньги причитаются, ибо они — плата за ее труд. Услужливая девица просила слугу передать Андолозию, что она постарается и

выполнит это дело. И две женщины накинулись друг на друга так, что предстали пред судом и потеряли, верно, столько же, сколько приобрели, и даже сверх того. Тяжба их была доходной игрой для адвокатов и прочих писцов и прокураторов, ибо большая часть тех денег перепала им.

И когда Андолозий покинул короля Франции и его двор, он подумал: хорошо еще, что коварные бабы не выманили у меня кошель, и выбросил это дело из ума, и для начала приободрился духом и развеселился, и разом домчался до двора короля Арагонии. Долго рассказывать, как отличился он при дворе каждого короля в рыцарских состязаниях, во всяческой учтивости, а особливо в великой роскоши, с которой он содержал свой дом.

И поскакал к королю Наверрен, к королю Кастилии, Португалии, а следом к королю Испании, который был весьма могущественным королем и держал большой двор. Он также вел непрестанную войну против короля Гренады, с коей соприкасались его владения, и против короля, располагавшегося по ту сторону моря и прозывавшегося королем Дамази из Барбарии, оба они были мавританскими государями. И когда Андолозий прибыл туда, ему сразу же понравился народ, а также его обычай, ибо испанцы донельзя горды, хотя они черные либо коричневые люди. Он взял и оделся сам, а также одел всех своих слуг по обычаям их земли, и велел подобно им убрать коней, и подружился со знатью, и добился того, что был принят на службу к королю, сражался, и гарцевал, и бился во всех рыцарских состязаниях. Вдобавок он дарил драгоценности, и приглашал знатных дам, и задавал им роскошные пиршества, а когда король выступил против своих врагов, он нанял в придачу к своим слугам еще сто наемников, и все за свой собственный счет. И служил королю столь усердно, что тот полюбил его. Во всех ратных битвах Андолозий был впереди, во главе войска. Он совершил множество подвигов, за что король посвятил его в рыцари.

При дворе короля находился некий престарелых лет граф, у которого была единственная дочь. Король пожелал, чтобы Андолозий взял графскую дочь в супруги, тогда он произведет его в графы вместо того старца. Но Андолозий не пожелал сделать этого, ибо

дочь графа была дурнушкой и не нравилась ему. Андолезий вовсе не гнался ни за графским титулом, ни за богатством, он сам был богат и достаточно имел в своем кошельке.

Он пробыл у короля несколько лет, и ему наскучило там, в особенности потому, что он не видел при дворе короля девицу, которая настолько понравилась бы ему, что он взял бы ее в жены либо полюбил. Тут он испросил у короля позволения удалиться, которое было милостиво ему дано. Король подарил ему свои почетные регалии и сказал, что он может возвратиться, как только захочет, он всегда найдет в нем милостивого господина.

Итак, Андолезий нанял крепкое судно и уговорился с его владельцем, что тот доставит его вместе со слугами и всем его добром в Англию, за что он ему хорошо заплатит. И простился с теми, с которыми делил свой досуг. Многие при дворе короля были донельзя рады, что он уехал прочь, так как не могли более видеть роскошную жизнь, которую он вел. Но многие, те, что были его друзьями, также и опечалились.

И ускакал он оттуда и вполне благополучно достиг Англии и великого города Лондона, где в ту пору король держал двор. Он снял там большой красивый дом, велел купить для него в изобилии все, что может понадобиться в обиходе, и зажил точно герцог, приглашал придворных короля в гости и одаривал их. Они были к нему благосклонны, сражались с ним, состязались в верховой езде, бились на турнирах. И какие бы рыцарские подвиги ни надлежало свершить, он неизменно превосходил в этом всех иных, так что дамы и мужи, знать и простолюдины всегда присуждали приз ему. Сами король и королева также видели, как он храбр, его деяния пришлись им по душе, и они повелели спросить его, не желает ли он пойти к ним на службу. На это Андолезий ответил: да, он хотел бы служить им верой и правдой. А когда он поступил на придворную службу, случилось так, что король Англии выступил в поход против короля шоттов. Тут Андолезий выступил с ним против короля шоттов, вооружив на свой счет множество воинов, и свершил столь доблестные рыцарские подвиги, что восхваляли его более всех прочих, хотя воистину нет на свете народа более гордого и высокомерного, никому, кроме себя самого, не желающего и не

воздающего почестей. Однако Андолозия они хвалили за отменную доблесть, которую он выказал в битвах. Хотя и говорили при этом, им всегда было жаль, что он не англичанин, ибо мнили, что нет на свете народа лучше, чем они сами.

КАК АНДОЛОЗИЙ ПОКИНУЛ ФРАНЦИЮ, ПРИВЫЛ К КОРОЛЮ АНГЛИИ И
БЫЛ РАДУШНО ТАМ ПРИНЯТ

И когда война была выиграна и все разъехались по домам, Андолозий также возвратился в Лондон и был радушно встречен королем. И по прошествии нескольких дней, когда конное войско отчасти также ускакало прочь, король пригласил Андолозия в гости и усадил его за свой стол, где не было никого, кроме короля и королевы и их единственной дочери, красавицы, прелестнее которой не сыскать в целом свете, столь белой и нежной, что уподобляли ее прекрасной Амалии, которая некогда также была королевой Англии. Означенная прелестная девица звалась Агриппиной, усадили ее за стол против Андолозия. И когда Андолозий увидал ее, подумал он, будь она ангелом, ниспосланным на землю Господом, то и тогда она не имела бы более прекрасного обличья, и воспламенился к ней пылкой любовью. Его сердце объяло такое сладострастие, что он не мог ни есть, ни пить. Он то краснел, то бледнел, как обыкновенно случается с истинно любящими сердцами, и, когда король заговаривал с ним о чем-то, он отвечал ему невпопад. Старая королева заметила это и уразумела, что поразил его ангел любви.

Агриппина окидывала его порой взглядом, еще сильнее распалывшим его любовь, и он вообразил, что в душе она питает к нему такое же чувство, как и он к ней, но она была от этого далека. Наконец пиршество завершилось. А покуда вкушали яства, то, как обыкновенно случается за господскими столами, звучала веселая струнная музыка и всяческие занятные речения, коих Андолозий не удостоил вниманием, ибо Агриппина всецело завладела его помыслами. Словом, возвратился он домой, отягощенный любовью более верблюда, на котором перевозят перец из Индии в Алькеир и которого тогда тяжко нагружают. Возвратившись домой и оставшись в одиночестве, он размышлял: «О, если бы по воле

Господа я был отпрыском королевской четы, я служил бы королю столь преданно, что завоевал бы его доверие и он отдал бы прекрасную Агриппину мне в супруги. Ибо чего мне еще желать, как не красивую жену? И пусть я не столь знатен, но я не отступлюсь и добьюсь ее благосклонности и любви. Будь что будет!»

И стал яростно сражаться в поединках и биться в прочих рыцарских состязаниях, ибо хорошо знал, что королева и ее дочь любят рыцарскими турнирами. Он всеми силами старался прославиться, и для этого пригласил на трапезу королеву, ее дочь и всех знатных дам, которые были при дворе короля, и задал им столь роскошное пиршество, что о нем рассказывали чудеса. Королю рассказали о том, что он устроил роскошный пир и вдобавок подарил королеве изящную драгоценность, равно как и юной королеве Агриппине, служанкам королевы и ее камеристкам. Он преподнес всем им богатые дары, чтобы тем лучше его принимали, когда он являлся ко двору. Так и было. Когда он приходил, его допускали к королеве и прекрасной Агриппине, это весьма радовало его. Раз, когда он явился ко двору на обед, король сказал ему: «Королева и прочие поведали мне, какой роскошный пир ты задал им. Отчего ты не пригласил на него меня?»

Андолозий ответил: «О милостивейший король, если ваше королевское величество окажет мне, своему слуге, такую честь, это будет для меня великой радостью!» Король сказал: «Так пригласи меня, я пожалую к тебе утром и приведу с собой добрый десяток придворных».

Андолозий весьма обрадовался этому, поспешил домой и дал своим слугам вдоволь денег, чтобы они пошли и купили, что увидят доброго. И приказал также повару, чтобы он постарался и приготовил наивкуснейший обед, какой когда-либо готовил, чтобы он также ни на что не поспешил и из-за денег не упустил ничего из виду. Словом, было приготовлено великолепное и обильное пиршество, а когда все было готово, прибыл король с графами и господами, и состоялся богатый пир с превосходными напитками и всяческими яствами, чему король и прочие, прибывшие с ним, подивились.

Король подумал, этот Андолозий хотя и не владеет ни землями, ни подданными, но денег ни на что не жале-

ет. Я должен ему доказать, что он не так могуществен, как возомнил о себе. И вскоре после того, однажды утром, король известил Андолозия, что желает отобедать с ним. Андолозий обрадовался и послал слуг купить, что они увидят доброго, как и случилось. Но король под страхом смерти приказал, чтобы никто не смел продать ему ни дров, ни каких-либо деревянных поделок, ни судна деревянного, ни прочего тому подобного.

И когда его слуги все купили и собрались парить и жарить, то оказалось, что у них нет дров. Андолозий послал купить дом, судно, изгородь, что попадется, на чем можно было бы приготовить блюда, но куда посланные ни приходили, всюду им ничего не захотели продать. Когда Андолозий услышал о том, он тотчас понял, что это приказ короля, и спешно послал к венецианцам, имевшим в Лондоне склады, и велел скупить у них гвоздику, мускат, сандал и корицу, все это ссыпали в очаг и зажгли, и на том сварили и приготовили угощение, как будто это были обыкновенные дрова.

Когда настало время обеда, король подумал, обед вряд ли готов. Тем не менее он вскочил на коня, взял господ, сопровождавших его ранее, и поскакали они к Андолозию. И когда они приблизились к его дому, навстречу им повеяло столь изысканным и тонким ароматом, что взяло их удивление. И чем ближе они подъезжали, тем крепче становился благовонный запах. И король велел спросить, готовы ли кушанья и напитки. Сказали ему «да» и поведали, как варили и жарили на благородных пряностях, это показалось королю удивительным. И если Андолозий прежде всецело угодил королю, то на этот раз он угодил ему и придворным его и того более. Когда же пир завершился, прибыли слуги короля и кнехты других господ с пятьюстами коней, чтобы проводить короля во дворец. Когда они прибыли, Андолозий сказал королю: «Милостивый король, если вам угодно, я желал бы дать вашим слугам, всякому из них, по десять крон». Король ответил: «Если ты желаешь раздать деньги, я позволяю тебе сделать это». И Андолозий созвал слуг в некий зал, стал в дверях и всякому поочередно дал по десять крон. Слуги были этому весьма рады и начали всюду превозносить Андолозия. И когда все это закончилось, король поскакал домой, во дворец.

Возвратившись во дворец, король не переставал дивиться, откуда у Андолозия столь неисчислимо и непомерное богатство. Он подумал, что так роскошествовать не под силу королю, владеющему землями и подданными. И меж тем как пребывал он в удивлении, к нему явилась королева. Король рассказал ей, что Андолозий задал ему роскошный пир, приготовленный вместо дров на благородных пряностях, и что его слугам и всем прочим он дал по десять крон. И его удивляет, откуда у него столько денег, ибо он ни на что не скупится и чем далее, тем более роскошествует. Королева сказала: «Никто другой не выведает это скорее и лучше, чем Агриппина. Он страстно влюблен в нее, и я полагаю, если она спросит его, он ей все откроет». Король сказал: «Если бы только узнать об этом. Я думаю, он черпает их из колодца. Знай я источник, откуда черпают деньги, я бы сам занялся этим». Королева ответила: «Я попробую, не смогу ли я о том узнать».

КАК МОЛОДАЯ КОРОЛЕВА АГРИППИНА, ПРИКИНУВШИСЬ ВЛЮБЛЕННОЙ, ВЫМОЛИЛА У АНДОЛОЗИЯ КОШЕЛЬ

И когда королева возвратилась в дамские покои, она позвала к себе Агриппину и поведала ей наедине, какую роскошную жизнь ведет Андолозий. «Это удивляет короля, а также и меня, ведь он не имеет ни земель, ни подданных, откуда у него великое богатство? Он страстно влюблен в тебя. Это заметно по всем его поступкам. Когда он вновь явится сюда, я позволю тебе дольше говорить с ним. Может быть, тебе удастся выведать, откуда у него столь непомерное богатство». — «Я попытаюсь», — сказала Агриппина.

И когда Андолозий явился ко двору, его приняли весьма любезно и допустили в дамские покои, отчего он испытал великую радость. И подстроили так, что он смог побеседовать с прекрасной Агриппиной наедине. Заговорила Агриппина и сказала: «Андолозий, вас хвалят за то, что вы дали королю столь роскошный обед и вдобавок столь щедро одарили его слуг. Скажите мне, вы не опасаетесь, что у вас не останется денег?» Он ответил: «Милостивая госпожа, покуда я жив, у меня всегда будут деньги». Агриппина сказала: «Тогда хорошенько помолитесь за своего отца, оставившего вам столько».

Андолозий ответствовал: «Я так же богат, как и мой отец, он никогда не был богаче, чем я сейчас. Однако им владело некое пристрастие, его радовали лишь путешествия по чужим землям, а меня ничто так не радует, как прекрасные дамы и девицы, у которых я могу добиться любви и милости». Агриппина сказала: «Вот теперь мне ясно, вы бываете при дворе короля, потому что здесь прекрасные дамы и девицы. Вы еще не увидели никого, кто понравился бы вам?» Андолозий ответил: «Я служил при дворах многих королей и повидал многих прекрасных дам и девиц. Но вы намного превосходите всех их красотой, любезным обхождением и отменными манерами. Мое сердце пылает страстью к вам, я не могу терпеть и должен признаться, что люблю вас страстной и невыразимой любовью. Мой род не столь знатен, и я превосходно понимаю, что не вправе требовать от вас взаимности. Однако любовь не ведает преград. Я не в силах противиться жестокой страсти, обуревающей меня, и прошу вашей любви. Не отказывайте мне, и о чем бы вы меня тогда ни просили, я все исполню ради вас». Агриппина, недолго размышляя, как ответить на его любовь, сказала: «Андолозий, открой мне истину, я хочу знать правду, уразуметь и постичь, откуда у тебя столько наличных денег и такое богатство. И если ты сделаешь это безо всяческого обману и хитрости, я также исполню твое желание». Андолозий, услышав ее речи, обрадовался и, ничего не подозревая, с радостным сердцем отвечал: «Возлюбленная Агриппина, я открою вам то, что вы хотите знать, с преданностью и без утайки. Но все же поклянитесь мне в верности!» Она сказала: «О, мой возлюбленный Андолозий, не сомневайся ни в моей любви, ни в моем обещании. Все, что обещают тебе мои уста, исполнится на деле».

В ответ на добрые слова Андолозий сказал прелестной девице: «Подымите край вашего платья». И вынул счастливый кошель, показал его Агриппине и сказал: «Покуда я владею этим кошельком, у меня всегда будет вдоволь денег». И отсчитал ей в подол юбки тысячу крон и сказал: «Я дарю их вам. Если вы хотите получить больше, я дам вам больше. Верите ли вы, что я поведал вам истинную правду?» Она ответила: «Я вижу и разумею, что это правда, и ваша роскошь меня более не удивляет». Он просил: «Теперь удовлетворите меня, как я удовлетворил вас». Она ответила: «Я и собираюсь это

сделать, мой возлюбленный Андолозий. Королева нынешней ночью возлежит с королем, я устрою с моей камеристкой так, чтобы вы легли со мной, без ее помощи мне не обойтись. А вы преподнесите ей богатый дар, чтобы все осталось в тайне». Он дал ей согласие прийти к ночи, что и сделал.

Но едва Андолозий удалился прочь, как Агриппина с тысячью крон в подоле поспешила к королеве и с великой радостью поведала ей, что она узнала, откуда берутся у Андолозия деньги, а также о том, что она обещала ему и как позвала его провести с ней эту ночь. Королеве это понравилось, ибо она была женщина хитрая. Она спросила Агриппину: «Ты в точности помнишь, каков тот кошель с виду, а также каковы его цвет и величина?» Та ответила: «Да». И королева спешно послала за кожевенником и велела ему шить кошель по образцу и подобию кошелька Андолозия, сделать его мягким, будто он давно в употреблении. Вдобавок королева спешно призвала своего доктора, сведущего в искусстве врачевания, и приказала ему составить крепкий напиток, именующийся мандолисом. Этот напиток таков, что человек, едва испив его, засыпает мертвым сном и спит семь либо восемь часов кряду. И когда напиток был приготовлен, они отнесли его в спальню Агриппины и наказали старшей камеристке, когда к ночи явится Андолозий, любезно встретить его, и провести в опочивальню Агриппины, и обещать, что тотчас прийдет Агриппину к нему. А когда они встретятся, принести им множество сахарных конфет и подождать, покуда Агриппина не предложит ему выпить. Услыхав это, она должна тотчас вылить напиток в кубок Андолозия. И как дело замыслили, так оно и случилось.

Андолозий в великой тайне явился, и его провели в покои Агриппины. Та вышла и села подле него, и они весьма любезно беседовали друг с другом. Тут внесли множество конфет и подали им напитки. Агриппина подняла кубок и сказала Андолозию: «Я поднимаю кубок в вашу честь». (Что в обычаях этой земли.) Он поднял кубок и выпил, чтобы угодить ей. Так она поднимала кубок в его честь раз за разом, покуда он не испил напиток до дна. И едва Андолозий осушил его, как сник, повалился и заснул так крепко, что не ощущал более, как с ним обращаются. Агриппина, увидав это, тотчас

склонилась над ним, рывком раскрыла его куртку, сорвала счастливый кошель и пришла на его место другой. О Андолозий, сколь неравной была эта замена!

Рано утром Агриппина отнесла кошель королеве, и та проверила, не лишился ли он своей силы, попав к ней в руки, и отсчитала оттуда много гульденов. Им не было числа. Королева, набрав полный подол гульденов, пошла к королю и рассказала ему, как они поступили с Андолозием. Король просил королеву, чтобы она уговорила Агриппину отдать кошель ему, иначе она потеряет его. Королева исполнила его просьбу. Но Агриппина не пожелала этого сделать. Тогда королева просила отдать кошель ей. Но Агриппина не захотела исполнить и этого, сказав, что ради него рисковала жизнью, ведь, проснись он, когда она таким образом обрабатывала его, «он убил бы меня насмерть, и поделом».

Когда Андолозий выспался и проснулся, он огляделся вокруг и не увидел никого, кроме старой камеристки. Он спросил ее, куда подевалась Агриппина. Камеристка ответила: «Она только что встала, моя милостивая госпожа королева прислала за ней. Господин мой, как же крепко вы спали. Я долго будила вас, чтобы вы насладились и развлеклись с Агриппиной, но не смогла добудиться. Воистину вы спали так крепко, что, не ощути я выпускаемого вами дыхания, я бы подумала, что вы мертвы». Андолозий, услышав, что он проспал любовь прекрасной Агриппины, начал браниться и проклинать себя страшнейшими проклятиями, какие только мог измыслить. Старая камеристка, желая утихомирить его, сказала: «Господин, не убивайтесь так жестоко! Чего не случилось ныне, то может случиться потом». Андолозий ответил: «Накажи тебя Господь, старая ты карга, почему ты не разбудила меня? Никогда в своей жизни я не спал так крепко. Ко мне стоило лишь прикоснуться, как я просыпался». Она в ответ горячо поклялась, что будила его, и ласково утешала его, ибо накануне вечером он преподнес ей двести крон, и любезными речами выпроводила его из спальни Агриппины и из королевского дворца.

Андолозий возвратился домой, к своим слугам, опечаленный как никогда раньше. Его огорчало, что он проспал заутреню, но он не ведал того, что проспал свое счастье и благополучие.

И когда король узнал, что кошель у Агриппины, он подумал, быть может, у Андолозия есть еще один кошель с такими же свойствами, ибо если второго такого у него нет, то он, право, глупец, что не позаботился о кошельке лучше и позволил женщине украсть его. Король дорого оценил кошель и решил: «Отныне мне нет нужды тратить деньги, я могу не давать дочери приданого, она с честью позаботится о себе сама». И подумал: «Как мне узнать, есть ли у Андолозия еще один такой кошель или нет?» И известил его о том, что завтра он поскачет на верховую прогулку и хочет, чтобы он сопровождал его. Однако прежде он желал бы откушать с ним. Когда Андолозий услышал о том, отвечал он королю, ему нужно не просить его, а повелевать им во всем, как своим слугою, ибо он неизменно готов повиноваться ему. И сообщили о том королю. Тот подумал, у него, вне сомнения, есть еще такой же кошель.

Когда Андолозий услышал, что король вновь желает откушать с ним, он позвал одного из слуг, которому всегда давал по триста — четыреста крон, чтобы он снабжал хозяйство всем, в чем была нужда, и сказал ему, чтобы он приготовил роскошное угощение, ибо король вновь соизволит обедать с ним. Слуга его ответил: «Господин, я думаю, мне не хватит денег, ибо это дорого стоит». Андолозий, будучи в дурном расположении духа, распахнул куртку и вынул счастливый кошель, намереваясь дать слуге четыреста крон. Когда он, по своему обыкновению, запустил в кошель руку, то ничего там не нашел.

Он взглянул вверх, перевел взгляд с одной стены на другую, вывернул кошель наизнанку, но денег там более не было. Тут до него дошло, что Агриппина обманула его. Можете себе представить, в какую он впал досаду! Тотчас исполнился он страха и опасения, вспомнив о наставлениях, которые его отец Фортунат так заботливо дал ему и брату на смертном одре, до самой своей кончины никому не говорить о кошельке. Ибо если о нем узнает хоть один человек, они лишатся его. Так, к несчастью, и случилось. Он подумал, что король в насмешку известил его о том, что вновь желает откушать с ним. Ему также пришло в голову, что кошель

нельзя потребовать назад и от короля ничего не добиться, кроме позора, стыда и издевательств. Терзаясь душевными муками, он решил; не остается ему ничего другого, как возвратиться к брату, «для которого я буду нежеланным гостем, ибо явлюсь без кошелька».

И, придя к такому решению, он созвал всех своих слуг и сказал: «Скоро уже десять лет, как вы служите мне, я с честью содержал вас и ни в чем не позволял нуждаться. Вдобавок я никому из вас не должен. Всем вам уплатили вперед. Теперь настал час, когда я не могу более держать слуг и быть господином ни вам, ни прочим, как было доньше. У каждого из вас есть конь и крепкие доспехи, осталась еще лишь малость, которой я могу поделиться с вами». И сказал своему казначею: «Ну-ка, сосчитай, сколько у тебя еще денег наличными?» Казначей насчитал сто шестьдесят крон. Слуг было всего сорок, каждому из них он дал по две кроны и сказал: «Пару крон, коня и доспехи я оставляю каждому из вас в собственность и освобождаю вас от всех клятв, которые вы мне дали. Мы в расчете, и отныне пусть каждый сам позаботится о себе, сообразно с тем, что почитает наилучшим. Я не могу оставаться здесь дольше, да и денег у меня более нет, кроме тех, которыми я поделился с вами».

И когда он кончил свою речь, слуги донельзя испугались и устали друг на друга, немало удивившись тому, что столь роскошная жизнь и столь великолепное бытие так легко, в одну ночь, переменились. Тут один из слуг встал и сказал: «Верный, любезный господин, не учинил ли вам кто-нибудь зла? Скажите нам, кто он, он умрет от наших рук, даже если это сам король и всех нас лишат жизни». Андолозий ответил: «Никому не нужно сражаться из-за меня». Они сказали: «Мы не расстанемся с вами, продадим коней, доспехи и все, что у нас есть, но не покинем вас». Андолозий ответил: «Благодарю вас всех, дорогие и благонравные слуги, за любезность. Если счастье вновь улыбнется мне, я отплачу вам за доброту. Но как я сказал, так и поступите, а мне тотчас оседлайте коня; я не желаю, чтобы кто-либо из вас ехал либо шел за мной». Слуги опечалились, им было донельзя жаль своего благородного господина, так часто приободрявшего их. Жалуясь один другому, с глазами, полными слез, они подвели ему коня.

Тут он поочередно простился с каждым из них, вско-

чил в седло и ближайшим известным ему путем поскакал в Фамагосту, к своему брату Ампедо. Он подъехал к прекрасному дворцу и постучал, его тотчас впустили. Когда Ампедо узнал, что прибыл его брат Андолозий, он весьма обрадовался и подумал, что теперь он также насладится кошельком и отныне может более не скупиться, как поступал десять лет, и пошел брату навстречу, и принял его с великой радостью, спросил его, отчего он прибыл один и где он оставил своих слуг. Тот ответил: «Я всех их отпустил, и слава богу, что я возвратился домой!» Ампедо спросил: «Любезный брат, что все-таки случилось с тобой? Расскажи об этом, ибо мне не по душе, что ты прибыл в одиночку». Тот сказал: «Давай прежде откушаем». Завершив трапезу, они пошли вместе в некий покой. Тут Андолозий смиренным голосом, сопровождая рассказ печальными жестами, поведал: «О возлюбленный брат, мне жаль, но я должен сообщить тебе ужасную весть о великом зле, учиненном мною. Я лишился нашего счастливого кошелька. Господь знает, я скорблю о нем всем сердцем, но ничем не могу помочь горю».

Ампедо ужаснулся до глубины души, чуть было не свалился в беспамятстве и с великой горечью спросил: «У тебя отняли его силой или ты потерял его?» Он ответил ему и сказал: «Я преступил завет, который дал нам отец, прощаясь с этим миром, и поведал о кошельке человеку, которого полюбил. И едва я открыл ему тайну, как он украл у меня кошель. Такого я от него не ждал». Ампедо сказал: «Если бы мы исполнили завет отца, то не растеряли бы сокровища! У тебя было единственное желание — изведать чужие земли. Видишь, как далеко ты преуспел в этом и насколько они раскрылись пред тобою?»

Андолозий сказал: «О возлюбленный брат, горе мое велико, я опасюсь лишиться в скором времени жизни, ее утрата меня весьма мало огорчит».

КАК АНДОЛОЗИЙ ВОЗВРАТИЛСЯ ДОМОЙ, НА КИПР,
ПОЗАЙМСТВОВАЛ У СВОЕГО БРАТА ЧУДЕСНУЮ
ШЛЯПУ И С ЕЕ ПОМОЩЬЮ ОЧУТИЛСЯ В АНГЛИИ

Ампедо, услышав эти слова, заговорил, желая его утешить, и сказал: «Возлюбленный брат, не принимай беды так близко к сердцу. У нас осталось два сундука,

полные дукатов. У нас есть шляпа, мы напишем королю Солтану, он даст нам взамен нее великие богатства. И хотя теперь нет у нас кошелек, все же мы достаточно обеспечены до конца своих дней и можем провести их в благополучии. Ибо о вещах, которые не вернуть назад, не следует горевать». Андолозий ответил: «С нажитым добром тяжело расставаться, и я хотел бы, чтобы ты дал мне шляпу, я надеюсь, что тогда с ее помощью вновь добуду наш кошелек». Ампедо сказал: «Говорят, кто теряет добро, тот теряет и рассудок. Это хорошо видно по тебе: лишив нас богатства, ты захотел также лишиться нас и шляпы. Воистину не будет ни моей воли, ни желания на то, чтобы ты увез шляпу прочь. Я позволяю тебе лишь развлекаться ею».

И когда Андолозий понял, что брат не позволит ему увезти шляпу, он подумал: в таком случае я обойдусь и без его позволения. И сказал Ампедо, своему брату: «Итак, мой возлюбленный и верный брат, раз я содеял зло, то отныне буду жить по твоей воле». И послал слуг в лес, чтобы они устроили охоту, якобы тогда он к ним присоединится. Когда те ускакали, Андолозий сказал: «Возлюбленный брат, одолжи мне шляпу, я собрался в лес». Брат послушался и принес ему шляпу. Андолозий, едва заполучив ее, забыл про лес, и предоставил охотникам заниматься своим делом, и с помощью шляпы перенесся в Геную, и спросил о наилучших и самых дорогих драгоценностях, которые там были, и велел доставить их ему на постоялый двор. И когда ему принесли множество драгоценностей, он стал упорно торговаться из-за них, и сложил их в носовой платок, словно желая проверить, насколько они тяжелы, и, не заплатив, умчался оттуда прочь. И подобно тому, как в Генуе, поступил он также во Флоренции и в Венеции, собрав таким образом наилучшие и самые дорогие драгоценности, имевшиеся в трех городах.

Раздобыв драгоценности, он направился в Лондон, лежащий в Англии. Он превосходно знал, каким путем молодая королева Агриппина ходит в церковь, снял на означенном пути лавку и разложил в ней свои драгоценности. А когда Агриппина шествовала в церковь, ее сопровождало спереди и сзади множество слуг и служанок, а также старая камеристка, опоившая его усыпляющим напитком. Андолозий прекрасно узнал их всех; но они не могли узнать его, содействовало этому то, что

он поверх своего носа приладил фальшивый, столь искусно сделанный, что никто не мог его узнать. И когда Агриппина шествовала мимо, он схватил два чудесных кольца и преподнес их двум старым камеристкам, которые, как он хорошо знал, никогда не оставляли Агриппину, и просил их совета, и умолял, чтобы они выказали ему милость и уговорили королеву позвать его к себе во дворец. Тогда он принесет с собой такие роскошные драгоценности, равных которым они никогда не видели. Они обещали ему исполнить это. Когда Агриппина возвратилась из церкви домой, они показали ей два чудесных кольца и сказали, что кольца подарил им купец, стоявший пред церковью. Он просил их устроить так, чтобы за ним прислали из дворца, ибо у него есть великолепные драгоценности. Королева ответила: «Я вполне верю тому, что его драгоценности прекрасны, раз он подарил вам обеим столь роскошные кольца. Так пошлите за ним и велите ему прийти, ибо я желаю видеть эти драгоценности».

И когда за купцом послали, он долго не мешкал и был препровожден во дворец, в зал пред покоями Агриппины. Там он разложил свои драгоценности, которые весьма понравились Агриппине. Она стала выбирать те, что понравились ей более всего. Меж ними были сокровища стоимостью в тысячу крон и много дороже. Но она не предложила за них и половину цены. Купец сказал: «Милостивая королева, я слышал, будто вы — самая богатая королева на свете, поэтому я и выискивал прекраснейшие украшения, какие только можно найти, чтобы доставить их вашей королевской милости. Но вы даете мне за них чересчур мало. Они обошлись мне, разумеется, дороже. Не заставляйте меня терять время понапрасну. Я долго добирался до вас с великими заботами, дабы не быть из-за этих драгоценностей убитым». И сказал: «Милостивая королева, сложите вместе то, что вам по душе, на что я смогу или пожелаю скинуть цену, я скину». Тут она выбрала те, которые понравились ей более всего, большие и малые, добрый десяток штук. Купец сосчитал их все поочередно и нашел, что цена им пять тысяч крон, но она не пожелала платить за них столько. Купец подумал про себя: «Не драться же мне с ней, пусть только принесет кошель». Сошлись они все же на четырех тысячах крон. С тем королева сложила драгоценности в подол и пошла в свою опочи-

вальню за ларцем, в котором лежал счастливый кошель. Она старательно укрепила его у себя на поясе и так вышла обратно, намереваясь расплатиться с купцом.

КАК АНДОЛОЗИЙ УМЧАЛ КОРОЛЕВУ АГРИППИНУ ВМЕСТЕ
С КОШЕЛЬКОМ В ДИКИЙ ЛЕС В ИБЕРНИИ

Тут купец исхитрился, встал вблизи ее и, когда она принялась считать, обнял ее, крепко прижал к себе и пожелал перенестись с ней в дикий лес, где не было бы человеческого жилья. Едва он пожелал этого, как в сей же миг они перенеслись по воздуху на пустынный остров, граничащий с Ибернией, и опустились вместе под деревом, в изобилии усыпанным яблоками. И королева, сидя под деревом и держа драгоценности, которые она купила, в своем подоле, а счастливый кошель на поясе, глянула поверх себя и увидала висящие над ней чудесные яблоки. Тут она сказала купцу: «Ах, Боже, ответь мне, где мы и как мы очутились здесь? Я так ослабла, дай мне одно из этих яблок, чтобы я немного пришла в себя». И не догадалась, что пред ней Андолозий. Когда он услышал, что ей так хочется яблока, то взял поспешно драгоценности, которые у него еще оставались, сложил их ей в подол, снял с себя чудесную шляпу и надел ей на голову, чтобы она не помешала ему влезть на дерево.

И вскарабкался на дерево, и принялся высматривать яблоко получше. Тем временем Агриппина сидела под деревом, не соображая ни где она, ни что с ней приключилось. Тут она заговорила и сказала: «Ах, если бы Господь сотворил так, чтобы я вновь очутилась у себя в опочивальне!» Едва она произнесла эти слова, как тотчас перенеслась по воздуху и безо всякого урона очутилась у себя в опочивальне. Король и королева, а также все их придворные от души обрадовались и спросили, где она была? Агриппина ответила, сие ей неизвестно. Или где купец, похитивший ее? Она сказала: «Я оставила его на дереве, и не спрашивайте меня более, мне нужно отдохнуть, я всецело лишилась и сил и рассудка».

Теперь послушайте, что приключилось с Андолозием.

Сидя на дереве, он увидел, как Агриппина унеслась прочь с кошельком, со шляпой и вдобавок со всеми теми

драгоценностями, которые он раздобыл в трех великих и могущественных городах. Можете себе представить, он ужаснулся превыше всяческой меры, тотчас слез с дерева, окинул его взором и сказал: «Будь проклято это дерево, и плоды, что оно родит, и тот, кто взрастил тебя здесь, и час, когда я здесь оказался». Он осмотрелся вокруг, не ведая, где он и куда ему направиться, чтобы выйти к людям, и принялся клясться и браниться, и сказал: «Будь проклят час, когда я появился на свет, и дни и часы, что я прожил. О ужасная смерть, отчего ты не задушила меня прежде, чем я познал этот страх и отчаяние? Будь проклят день и час, когда я впервые увидел Агриппину! О всемогущий Боже, сколь велики чудеса, творимые тобой, сколь многолика природа, если под столь прелестным женским обликом скрывается столь лживое и коварное сердце! Кабы я смог пронзить взглядом твое лживое сердце, дивясь твоей прекрасной и совершенной наружности, я не испытал бы ныне страха и отчаяния».

И, блуждая так взад и вперед, в злобе изрек: «Кабы дал Господь очутиться со мной в пустыне моему брату, я бы задушил его и повесился сам. А когда бы мы умерли, кошель лишился бы своей силы, и старая королева, исчадие ада, и Агриппина, коварное сердце, не смогли бы более наслаждаться драгоценным сокровищем». А покуда блуждал он взад и вперед, настала ночь и стемнело, ничего более не было видно, он улегся наземь под деревом и немного отдохнул.

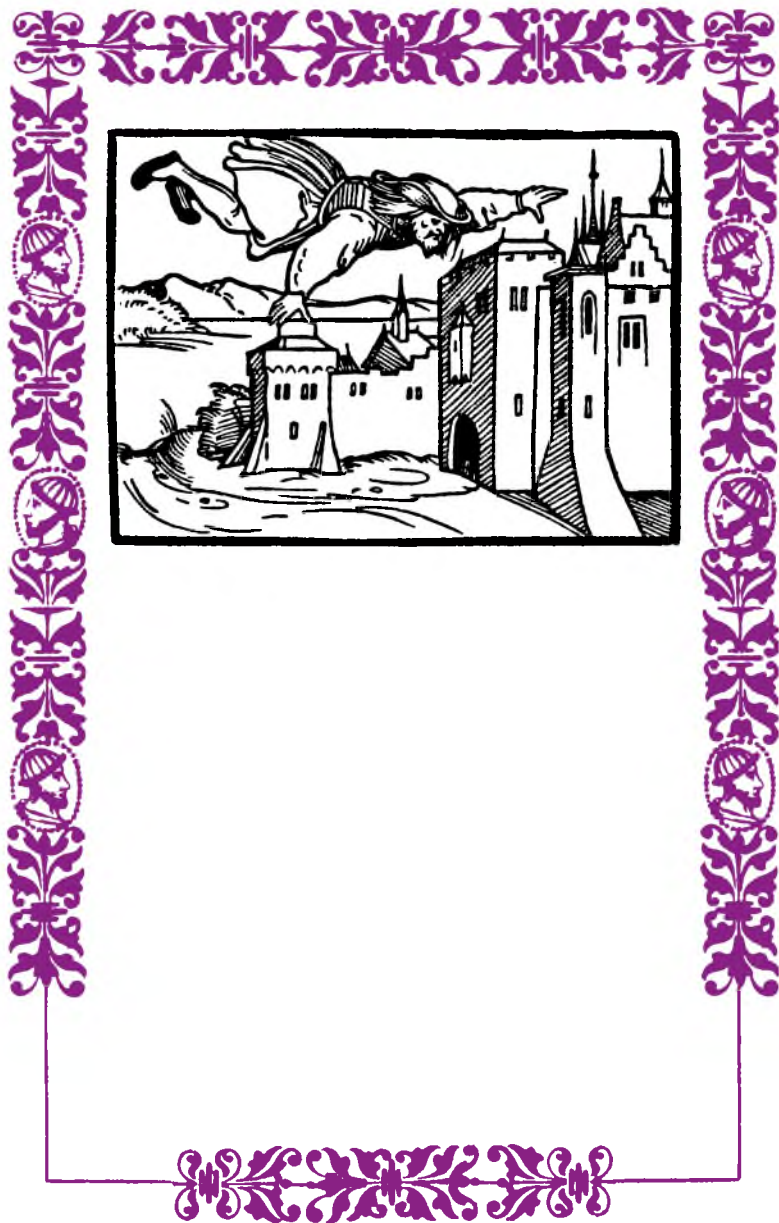
Однако спать он не мог из-за страха, владевшего им. Он возомнил не что иное, как то, что умрет он в этой чаще и преставится без всяческого отпущения грехов, ибо хорошо видел, что там и в помине нет следов, указывающих, что в давние времена тут пролегал путь. И лежал так, впав в отчаяние и думая, что лучше умереть, чем жить далее.

Настал день, он поднялся и волей-неволей побрел дальше. Однако он никого не увидел и не услышал и набрел на дерево, усыпанное чудесными красными яблоками. Его терзал сильный и жестокий голод, и, движимый им, он метнул в дерево камень, два яблока упали наземь, и он съел их на ходу. Когда он съел яблоки, выросли у него на голове длинные рога, подобные козлиным. Ощупав их руками, а также увидав по своей тени, какие у него рога, он принялся бегать и биться

рогами о деревья, желая сбросить их. Однако все было тщетно, и бегал он с рогами на голове и роптал: «О, бедный и несчастный я человек, о, несчастный я и страждущий человек, как случилось, что на свете такое множество людей, а здесь нет никого, кто помог бы мне выйти к людям». И громко возопил: «О Боже всемогущий, о ты, Пресвятая Дева Мария, придите мне на помощь в этой моей великой беде».

КАК АНДОЛОЗИЙ ЛИШИЛСЯ КОШЕЛЬКА И ШЛЯПЫ, А ТАКЖЕ ВЫРОСЛА У НЕГО НА ГОЛОВЕ ПАРА ОГРОМНЫХ И БЕЗОБРАЗНЫХ РОГОВ, ПРЕТЕРПЕЛ ОН ВЕЛИКИЕ МУЧЕНИЯ, И КАК ПРИШЕЛ ЕМУ НА ПОМОЩЬ ОТШЕЛЬНИК И ОН ВНОВЬ ИЗБАВИЛСЯ ОТ РОГОВ

И когда возопил он столь жалобно, услышал это некий отшельник, или затворник, который прожил в чаще добрых 30 лет и не единого разу не увидел человека. Он пришел на крик, и вышел к Андолозию, и сказал: «О несчастный ты человек, кто звал тебя сюда и что ты ищешь в этой чаще?» Он ответил: «Возлюбленный брат, я сожалею, что очутился здесь, со мной приключилось несчастье». И заговорил, желая о многом поведать отшельнику, но тот не захотел его выслушать и сказал: «За тридцать лет я не слышал и не видал никого из смертных. Мне не хотелось бы, чтобы и ты оставался тут». Андолозий спросил: «Любезный брат, я весьма голоден, нет ли у вас какой пищи?» Отшельник привел его в свою хижину, где не было ни хлеба, ни вина, и не имел он ничего, кроме овощей и воды. Это служило ему пищей. Он превосходно понимал, что Андолозию этим не насытятся, и сказал ему: «Я укажу тебе путь туда, где ты найдешь вдоволь еды и питья». Андолозий спросил: «Любезный брат, как мне быть с рогами, которые я ношу? Ведь меня могут принять за морское чудище». Отшельник отвел его поодаль от хижины, сорвал с другого дерева два яблока и сказал: «Любезный сын, возьми и съешь это». Едва Андолозий съел яблоки, как рога у него полностью исчезли. Увидав это, он спросил отшельника, как могло случиться, что он столь быстро приобрел рога и столь же быстро от них избавился. Отшельник сказал: «Творец, создавший и небо, и землю, и все, что на ней ни есть, сотворил и создал это дерево и наделил его свойством родить такие плоды, вдобавок дерева, подобного этому, нет во всем свете,

единственно в этой чаше». Андолозий сказал: «О возлюбленный брат, позвольте мне сорвать несколько таких яблок и взять их с собой».

Отшельник ответил: «Возлюбленный сын, возьми сколько тебе надобно и не спрашивай у меня позволения, они не мои. У меня нет ничего своего, кроме несчастной души. Я желал бы вновь вручить ее Творцу, наделившему меня ею, ибо я вдосталь повоевал в этом мире. По тебе видно, что твои разум и душа чрезмерно отягощены вещами суетными и тленными. Гони их прочь и обратись душой к Господу, утрата невелика, ибо это самое малое удовольствие из тех, такие есть в этой суетной и быстротечной жизни».

Эти речи не тронули души Андолозия; помышляя лишь о своих великих убытках, он набрал немного тех яблок, от которых рога растут, а также несколько яблок, которые вновь избавляют от рогов, и просил отшельника во имя Господа указать ему путь, которым он смог бы выйти туда, где найдет пропитание, ибо за два дня ничего не съел, кроме четырех яблок. «И найди я в чаше вдоволь груш и яблок, я не осмелился бы отве-дать этих плодов». Отшельник вывел его на дорогу и сказал: «Так вот, ступай этой дорогой, никуда не сворачивая, и ты выйдешь к широкой реке, это залив Испанского моря, и если, когда ты придешь туда, вода стоит высоко, то обожди, не ходи далее, ибо это прилив, но настанет отлив, а как скоро он настанет, подымайся и поспеши к высокой башне, она будет тебе хорошо видна издалека, и долго не мешкай, чтобы прилив не захватил тебя, иначе тебя унесет потоком. А когда выйдешь к морю, найдешь неподалеку оттуда зажиточную деревню, там есть хлеб, мясо и прочая телесная пища». Андолозий горячо и старательно благодарил отшельника, и простился с ним, и сделал так, как тот наказал ему, и, переждав прилив, благополучно добрался до башни и до деревни. Там он ел и пил, подкрепляя свои телесные силы, ведь был он слаб и изнурен.

А когда он пришел в себя, то спросил, как попасть ему ближайшим путем в Лондон, что в Англии. Поведали ему, сколь долог путь туда, ведь он покуда в Ибернии. Ему надлежит пересечь королевство Шотландию, лишь тогда начнется Англия, Лондон же лежит в середине ее. Когда Андолозий услышал, что Лондон столь далеко, он раздосадовался, ибо полагал, что находится

не иначе как в десяти милях от Лондона. Вдобавок ему было жаль яблок, которые он нес, он страшился, что, если пробудет долго в пути, яблоки испортятся либо сгниют. И когда люди заметили, как сильно ему хочется попасть в Лондон, они указали ему на большой город неподалеку оттуда, который лежал у моря и был морской гаванью, куда приходили суда из Англии, Фландрии и Шотландии. Там он и найдет судно, которое доставит его в Лондон. Он быстро собрался и пришел в город, на какой ему указали, и нашел там, к своему счастью, судно, пришедшее из Лондона. Он взошел на него, и поплыл, и благополучно, целым и невредимым, добрался туда.

И как только он прибыл в Лондон, то велел заклеить себе глаз и нацепил на голову искусно сделанные фальшивые волосы, благодаря чему стал неузнаваемым, и, взяв столик, он сел перед церковью, превосходно зная, что Агриппина, молодая королева, пойдет туда. Разложил яблоки на красивом белом платке и закричал: «Яблоки из Дамаска!» И когда его спрашивали, сколько стоит одно яблоко, он отвечал: «Три кроны». Тут всякий уходил прочь. И было ему досадно, что всяк хотел их купить. Меж тем прибыла королева, а с ней и камеристка. Тут он вновь заорал: «Яблоки из Дамаска!» Королева спросила: «Почем ты продаешь одно?» Он ответил: «По три кроны». Она спросила: «Что в них особенного, что ты столь дорого продаешь их?» Он ответил: «Эти яблоки сообщают человеку красоту, а также острый ум». Когда молодая королева Агриппина услышала это, она приказала своей камеристке купить пару яблок, что та и сделала. Андоложий вновь сложил свой скарб, ибо никто более не пожелал купить у него яблок.

И когда королева возвратилась домой, она, недолго мешкая, съела оба яблока, и едва она съела их, как у нее тотчас с нестерпимой головной болью выросла пара огромных рогов, так что она принуждена была лечь в постель. Однако, когда рога достигли полной величины и головная боль утихла, она встала, подошла к зеркалу, имевшемуся у нее в спальне, и тут увидела, что заполучила пару безобразных и длинных рогов. Она тотчас схватилась за них обеими руками, понадеявшись сорвать их с головы, однако этого не случилось. Тут она позвала двух знатных девиц. Когда они увидели королеву в подобном обличье, то донельзя ужаснулись, и

осенили себя крестным знамением, и многократно перекрестили ее, точно явился им злой дух. Королева столь сильно испугалась, что лишилась речи. Сказали они: «О милостивейшая королева, что случилось, почему ваша высокородная персона обрела столь безобразное обличье?» Она ответила им, что не ведает того. «Я полагаю, это Божья кара либо это передалось мне с яблоками из Дамаска, проданными коварным торгошом. Нука, постарайтесь и помогите мне избавиться от рогов». Девицы с силой потянули за рога. Но те не шелохнулись. Тогда они принесли веревку, и привязали ее к рогам, и подвесили Агриппину к балке, и повисли у нее на стопах, понадеявшись сорвать рога с ее головы. Она терпеливо снесла все, но чем дальше, тем горше сокрушалась, видя, что рога крепко держатся и никакое усилие не помогает. «О, несчастное я создание, — сказала она, — что проку в том, что я — королевская дочь, богаче всех девиц на свете и красотой прославилась более других женщин, ведь ныне я выгляжу подобно неразумной твари! О, зачем я только родилась на свет! Если мне не помогут избавиться от уродства, я утоплюсь в Динисе (это большая судоходная река, текущая мимо дворца), ибо не желаю, чтобы меня видели такой». Некая из старших камеристок принялась утешать Агриппину и сказала: «Милостивая королева, нет нужды так отчаиваться. Во-первых, как рога появились, так они могут вновь исчезнуть. Дайте также обет принести большие жертвоприношения Пресвятой Богородице Вестминстерской, творящей великие и чудесные знамения, и святому Томасу Кандельбергскому. Они помолются за вас Господу, чтобы к вам возвратилось ваше прежнее обличье. Вдобавок в Лондоне много искусных и высокоученых лекарей, и вполне может статься, что они знают либо отыщут в книгах, по какой причине вырастают подобные рога и каким способом можно от них избавиться». Эти речи пришлись Агриппине по душе, и она сказала: «Итак, никому о том ни слова, а если кто меня спросит, скажите, что я нездорова и никого не допускаю к себе». И приказала изготовить из золота драгоценные жертвоприношения и отослала их, как и обещала. А старуха, ее камеристка, расспросила также врачей, поведав им, что у некоей особы, ее родственницы, выросла пара рогов, можно ли от них излечиться или нет. Когда лекари услышали о том, что у человека выросла пара

рогов, взяло их удивление и всяк с большим любопытством пожелал этого человека увидеть. Камеристка сказала: «Эту особу видеть нельзя, от вас требуется лишь помочь ей, и кто сумеет это сделать, будет сполна вознагражден». Не нашлось меж ними такого храбреца, который взялся бы излечить от рогов. Еще никогда они о том не слыхали, не читали и подобного не видали. И когда врачеватели напрочь отвергли просьбу служанки, она пришла в досаду, ибо ей хотелось возвратиться с добрыми вестями.

КАК АНДОЛОЗИЙ ПРИКИНУЛСЯ ВРАЧОМ, ОТЧАСТИ ВЫЛЕЧИЛ
КОРОЛЕВУ ОТ РОГОВ, БЛАГОДАРЯ ЭТОМУ ВНОВЬ РАЗДОВЫЛ
КОШЕЛЬ И ШЛЯПУ

Вконец отчаявшись найти врача, она повернула ко дворцу, собираясь возвратиться домой. Тут Андолозий, облачившийся, подобно лекарю, в высокий красный берет и пунцовую шарлаховую мантию, приладивший себе огромный нос, вымазавшийся несколькими красками, так что никто из хорошо знавших его прежде не узнал бы его ныне, заговорил с ней и сказал: «Любезная хозяйка, я проследил, как вы заходили в дом трех докторов, сведущих в искусстве врачевания, вы получили от них годный вам совет? Не гневайтесь на мои расспросы, я также доктор медицины. И если вас гложет забота, соблаговолите открыть мне ее. Недуг должен быть никому неведом либо велик, чтобы я с Божьей помощью не сумел изгнать его и исцелить от него человека».

Гофмейстерша решила, что доктора ниспослал ей Господь, и ответила ему, сказав, что с некоей именитой персоной приключился странный недуг, и у нее на голове выросли два большие рога, подобные козлиным, и означенную персону это столь жестоко удручает, что о том невозможно сказать. «И если вы сможете помочь этой особе, то получите большое вознаграждение, ибо она не терпит недостатка ни в деньгах, ни в добре». Андолозий, на сей раз прикинувшийся доктором и врачевателем, снисходительно рассмеялся и сказал: «Это дело мне известно, я владею искусством совершенно безболезненно удалять рога, но исцеление стоит немалых денег, ибо в том деле употребляются весьма дорогостоящие снадобья. Мне известна также причина, из-за чего подобные рога вырастают».

Она спросила: «Досточтимый доктор, отчего появляются эти удивительные наросты?» Доктор Огромный Нос ответил старой камеристке: «Это приключается тогда, когда один человек, учинив другому страшное вероломство, чрезмерно обрадуется содеянному злу и не посмеет свою радость выказать открыто. Тогда она прорывается наружу несколькими путями, и если у человека это выходит наружу, ему сильно повезло, ибо если они извергаются иначе, то человек испускает дух. Так, некоторые люди умирают, хотя ничем и не страдали, и никому не ведомо, отчего он умер. А кто одного из них разрежет, тот найдет лежащие внутри него рога, которые не смогли найти верного выхода и насквозь пронзили сердце либо другой орган, отчего человек и преставился. Не прошло еще и двух лет, как я посетил двор испанского короля, там у некоего могущественного графа была дочь чрезвычайно нежного телосложения. У нее выросли на голове два огромных рога, от которых я совершенно избавил ее, хотя все прочие врачи отказались излечить ее».

И когда гофмейстерша выслушала рассказ доктора, она спросила, где его дом, ибо вскоре она придет к нему. Он сказал: «Я покуда не снял дома. Я прибыл сюда лишь три дня тому назад и остановился на постоялом дворе «К лебедю». Там вы можете спросить обо мне, прозывают меня Доктор Огромный Нос, и, хотя у меня есть и свое собственное имя, но больше я известен там под этим прозвищем».

Гофмейстерша с великой и неопишуемой радостью поспешила к опечаленной королеве и сказала: «Милостивая королева, воспряньте духом и приободритесь, ваши дела вскоре уладятся». И поведала ей, как три лекаря отпустили ее, ничем не утешив, но вслед за тем она отыскала доктора, вселившего в нее надежду. И поведала королеве обо всех тех вещах, о которых сказал ей врачеватель, и о том, что он поможет ей так же, как помог одной графине. «Вдобавок он открыл мне, что служит причиной вырастания подобных рогов, в чем я ему всецело верю». Меж тем королева в горькой печали лежала в постели и столь глубоко стыдилась своего обличья, что сама себя не могла видеть и не желала, чтобы ее видели служанки. И она сказала гофмейстерше: «Почему ты не привела доктора с собой, разве ты не знаешь, как я жажду избавиться от рогов? Ступай тот-

час обратно и приведи его, скажи ему, чтобы он взял с собой все, что в таких делах употребляется, и не скупился. И отнеси ему тогда столько, сколько он пожелает».

Гофмейстерша переделалась в чужое платье, пошла туда, где отыскивала доктора, дала ему сто крон и сказала: «Итак, собирайтесь. К особе, к которой я поведу вас, вы должны прийти ночью и никому о том не говорить, ибо ее собственные отец и мать ничего не знают». Доктор ответил: «Не тревожьтесь. Я сохраню все в тайне и пойду с вами. Но прежде я должен сходить в аптеку и купить все, что потребуется. Итак, или же дожидайтесь меня здесь, или возвращайтесь сюда спустя два часа». Она сказала, что подождет его, ибо не смела явиться во дворец одна. Доктор, на физиономии какого красовался огромный и безобразный нос, пошел в аптеку и купил немного слабительного. Смесью слабительного и сахара он заполнил половину яблока, изготовив лакомство, весьма приятное на вкус, купил также в склянке малую толику мази, и взял крепкого мускуса, и возвратился обратно к гофмейстерше. Та провела его ночью к королеве, лежавшей на ложе за пологом.

Она встретила его смиренно, точно вконец лишившись сил. Доктор сказал: «Милостивейшая госпожа, приободритесь. С помощью Господа и моего искусства дела ваши вскоре поправятся. Я лучше смогу помочь вам, если вы встанете и позволите мне осмотреть и ощупать ваши рога». Агриппина глубоко стыдилась того, что ей придется показать рога, но все же она села на ложе. Доктор без робости ощупал рога и сказал: «Для каждого из рогов потребуется меховой мешочек из обезьяньей кожи, вдобавок теплый, когда я разотру рога, их нужно будет держать в тепле».

Гофмейстерша быстро устроила так, чтобы при дворе умертвили старую обезьяну, содрали и принесли шкуру и по наказу врачевателя изготовили пару мешочков. Он взял и обильно натер рога Агриппины обезьяньим жиром, это наилучшее средство при подобном изъёне. Растерев рога, он натянул поверх них меховые мешочки и сказал: «Милостивая госпожа, то, что я сейчас предпринял с рогами, размягчит их и изгонит через опорожнение. Для этого я принес с собой пилюлю, вы проглотите ее и следом поспите, а проснувшись, вы убедитесь, что дело подвинулось к лучшему».

Агриппина поступила как недужная, жаждущая исцеления, а то, что дал ей врачеватель, было половиной яблока, изгонявшего рога. Когда она съела его и уснула, слабительное взыграло в ее теле и побудило ее опорожниться, а когда она возвратилась на свое ложе, врачеватель сказал: «Поглядим, не принесло ли снадобье облегчения». И оцупал меховые мешочки вверху. Тут рога на четверть исчезли. Но Агриппине они были столь ненавистны, что она не смела коснуться их. Однако, когда ей сказали, насколько они уменьшились, она дотронулась до них и тотчас убедилась, что рога стали тоньше и короче. Она весьма обрадовалась этому и просила доктора постараться и далее. Он сказал: «Сегодня ночью я приду опять и вновь принесу все, что требуется». Пошел в аптеку и опять просил наполнить половину яблока, придав ей иной вкус, и ночью его вновь провели к королеве. Он прикинулся, будто ему невдомек, где он находится, и сделал то же, что и ранее, натер ей рога и велел уменьшить мешочки, чтобы они плотно прилегали к рогам, и дал ей пилюлю. И когда она поспала и вновь опорожнилась, они осмотрели рога, те стали намного короче и наполовину исчезли. И если прежде она была рада, то теперь она обрадовалась еще более и просила доктора не отступаться и потрудиться в этом деле, ибо она сполна вознаградит его за его труды. Он сказал, что потрудится, не щадя своих сил, и на третью ночь сделал то же, что и в две предшествующие. И, сидя подле нее, размышлял он про себя: «Чем она может вознаградить меня? Возможно, она даст мне две или три тысячи крон, для любого доктора это была бы немалая награда, но все это не сравнить с тем, что она получила от меня. И прежде чем совершенно удалить рога, я побеседую с ней и объявлю ей свое решение. Быть может, она не пожелает исполнить его, полагая, что я так или иначе избавлю ее от рогов. Тогда я приготовлю ей пилюлю, от которой ее рога вновь обретут прежнюю длину. А затем поеду во Фландрию и извещу ее, что если она желает избавиться от рогов, пусть явится ко мне и привезет с собой то, что я потребую. Когда она проснется, я скажу: «Милостивая госпожа, как вы видите, ваши дела намного улучшились. Но

теперь настал черед свершить наисложнейшее и искуснейшее — удалить рога из черепной коробки, тут употребляются особенно ценные и тонкие снадобья, стоящие к тому же немалых денег, и хотя это вас раздосадует, но я вынужден оставить дело так, как оно есть. Поскольку я — доктор врачевания, вы, быть может, мыслите расплатиться со мной небольшими деньгами. Мне хотелось бы знать это. Да будет вам известно, что я также доктор нигромантии, сиречь черной магии, я заклинал злого духа и просил дать мне совет, что потребовать от вас в награду. Он открыл мне, что у вас есть два сокровища — кошель и шляпа, одно из них мне и следует просить. Полагает он, вы отдадите мне шляпу и сверх того будете ежегодно платить столько, чтобы я мог жить подобно знатному господину».

Он сидел и раздумывал о том, как ему поступить, меж тем вошла гофмейстерша со светильником и пожелала взглянуть, что делает королева. Но та еще спала. Доктор снял свой берет, он упал наземь, и когда он наклонился, чтобы поднять его, то увидел валявшуюся на полу под кроватью чудесную шляпу, которую никто не удостоивал внимания, ибо никто не ведал о ее чудесном свойстве. Королева также не знала, что возвратилась домой из лесу действием этой шляпы. Уж поверьте, знай она о могуществе шляпы, она подыскала бы ей иное место. Доктор послал гофмейстершу за склянкой, в которой было целительное снадобье. Покуда та ходила за склянкой, он быстро поднял шляпу, с величайшей поспешностью и радостью спрятал ее у себя под мантией и подумал: «Вернуть бы мне еще и кошель!»

Меж тем королева проснулась и уже привсталала. Доктор стянул с ее рогов мешочки. Рога почти вовсе исчезли, чему королева донельзя обрадовалась. Гофмейстерша сказала: «Осталось потрудиться еще ночь. Тогда вы полностью излечитесь, и мы избавимся от безобразного доктора с ужасным носом, он один вселяет отвращение ко всем мужчинам». Доктор, замысливший сказать Агриппине, что он доктор дважды, оставил свой умысел, так как шляпа была у него, и сказал: «Милостивейшая госпожа, вы превосходно видите, насколько улучшились ваши дела. Теперь черед за наитруднейшим — предстоит удалить рога из черепа. Тут не обойтись без тончайших снадобий, и если они не сыщутся здесь, я либо должен ехать за ними сам, либо послать

другого доктора, который поймет дело, если я наставлю его. На это уйдет немало денег. Мне бы хотелось знать, что вы соблаговолите дать мне в награду, когда совершенно избавитесь от рогов и голова ваша станет такой же гладкой, как и прежде». Королева сказала: «Я нахожу, что вы многоопытны и искусны в своем ремесле. Прошу вас, помогите мне и не скупитесь на деньги». Доктор ответил: «Вы велите мне не скупиться, но я вынужден скупиться, ибо у меня их нет».

КАК АНДОЛОЗИЙ ПОХИТИЛ КОРОЛЕВУ АГРИППИНУ ВМЕСТЕ С КОШЕЛЬКОМ В ДРУГОЙ РАЗ

Агриппина была скупа, хотя владела кошельком, истощить который не было возможности. В раздумье она склонилась над ларцем, стоящим подле ее ложа, где хранились любимейшие ее сокровища, а меж ними и прикрепленный к добротному поясу кошель. Она опоясалась им и подошла к столу, стоявшему возле красивого окна, и начала отсчитывать деньги. И когда насчитала она крон триста, доктор пошарил у себя под мантией, будто нащупывая кошель, чтобы переложить туда деньги, и сделал вид, будто берет деньги, выхватил свою шляпу, сбросил берет, надел шляпу, и схватил королеву, и пожелал очутиться в диком, дремучем лесу, где не было бы людей. И как он того пожелал, так оно тотчас действием шляпы и случилось.

Когда Агриппину похитили, старая гофмейстерша бросилась к ее матери, королеве, и поведала ей о том, что Агриппина вновь похищена, а также о том, что случилось у нее с рогами и с доктором и как она сообщала с доктором унеслась прочь.

Королеву, ее мать, это повергло в ужас, но она подумала, как скоро дочь вернулась в прошлый раз, так, должно быть, произойдет и на сей раз. К тому же она взяла с собой кошель, у нее вдоволь денег, она может многим хорошо заплатить, чтобы ей помогли возвратиться домой. Но когда они прождали день и ночь и Агриппина не возвратилась, то королева, будучи матерью, всей душой обеспокоилась, что лишится своей красивой дочери, и с удрученным сердцем пошла к своему господину, королю, и поведала обо всем, что с ней приключилось и как доктор и врачеватель ее похи-

тил. Король сказал: «О, это мудрый доктор, он способен на большее, нежели прочие доктора. Это не кто иной, как Андолозий, которого вы столь коварно обманули. Я полагаю, тот, кто наделил его таким сокровищем, наделил его также и мудростью, чтобы он мог вернуть себе кошель, если лишится его. Судьбе угодно, чтобы кошель принадлежал ему, и никому более. Если бы судьбе было угодно, подобным кошельком владел бы я или кто другой. В Англии много мужей, но лишь один из них король, это я, так суждено мне Богом и судьбой. И так же предначертано Андолозию одному владеть кошельком. Лишь бы к нам возвратилась наша дочь!»

Королева сказала: «Милостивый государь, будьте столь милосердны и разошлите указ, не сможет ли кто разведать, где она находится, дабы не постигли ее бедность и нищета». Король ответил: «Я не разошлю такого указа, мы навлечем на себя позор тем, что плохо заботились о ней».

Когда же Андолозий очутился наедине с Агриппиной в дикой и пустынной чаще, где людей не было и в помине, он грубо скинул с себя наземь докторскую мантию, сорвал с лица огромный и безобразный нос и в ярости шагнул навстречу прекрасной Агриппине. Она тотчас уразумела, что пред нею Андолозий, и ужаснулась всем сердцем так, что не могла сказать ни слова, ибо он закатил глаза на лоб и скрипел зубами, решившись немедленно ее убить. Он схватил нож и срезал пояс с ее тела. Ему так не терпелось, что он сорвал кошель с пояса и дерзко зашвырнул пояс далеко в сторону, распахнул свою куртку и прикрепил кошель на то место, где всегда его носил. Несчастливая Агриппина, сидевшая там, все это видела, и от страха и ужаса, в кои она была повергнута, ее прекрасное тело содрогалось, подобно осиновой листве под налетевшим ветром.

Андолозий, обуруемый страшным гневом, заговорил и сказал: «О лживая и коварная баба, отныне ты в моих руках, сейчас я отплачу тебе такой же верностью, какую ты выказала мне, украв счастливый кошель и укрепив вместо него дрянной. На, полюбуйся, он вновь обрел свое прежнее место. Теперь зови на помощь и совет свою мать и старую гофмейстершу и вели подать тебе добрый напиток, которым ты опоила меня. И если даже оба чудовища окажутся рядом с тобой, все их искусство не поможет им вновь выманить у меня

кошель. О Агриппина, как ты могла затаить в сердце столь ужасное коварство, тогда как я был столь верен тебе. Я отдал в твою власть сердце, душу, тело и добро. Я постоянно сражался, скакал и бился во всяческих рыцарских состязаниях в твою честь. Как ты могла низвергнуть в горькую нищету столь доблестного рыцаря и не испытать ко мне ни капли милосердия? А король и королева дурачили меня и разыгрывали надо мною карнавальные шутки, это еще живо в моей памяти, ибо через зло, учиненное мне тобой, я впал в отчаяние и повесился бы, кабы Мария, мать Божья, в своем милосердии не пришла мне на помощь в том злом искушении. Я с верностью буду служить ей до самой кончины. И уступи я искушению, ты послужила бы причиной того, что я лишился и души, и тела, и чести, и достоинства, и имущества. И хотя чудесный кошель был в твоей власти и тебе было доподлинно известно, что я остался ни с чем, распустил всех своих слуг и в одиночку ускакал прочь, ты даже не соизволила послать мне денег на пропитание, дабы я несколько пристойнее возвратился домой, к друзьям. Суди сама: не справедливо ли отплатить тебе таким же милосердием, какое ты выказала мне?»

Агриппина, объятая всяческими страхами, не ведала, что ей ответить, она вперила свой взгляд в небо и с сердцем, исполненным ужасом, повела свою речь и сказала: «О добродетельный и праведный рыцарь Андоложий, я сознаю, что учинила вам великое тяжкое бесчестье, но прошу вас, примите в рассуждение слабость, неразумие и легкомыслие, от природы более свойственные женщинам, и молодым и старым, нежели мужскому роду, и не обращайтесь эти вещи мне во зло, и утихомирьте ваш гнев против меня, несчастной девицы. Отплатите добром за зло, как всецело и подобает праведному и благородному рыцарю!» Он ответил ей и сказал: «Лишения, страдания и позор, выпавшие мне от вас, еще столь удручают мое сердце, что я не могу отпустить вас безнаказанно».

Она заговорила и сказала: «О Андоложий, хорошо поразмыслите, какую хулу возведут на вас, если вы, пребывая в лесу наедине с несчастной дамой, расправитесь с ней, как с пленницей. Воистину, если пойдет о вас такая слава, это покроет позором вашу рыцарскую честь». Андоложий ответил: «Так и быть, я не поддамся

гневу и клянусь тебе рыцарской верностью, что не надругаюсь ни над твоей честью, ни над телом. Но у тебя еще осталась моя отметина, в память обо мне ты будешь носить ее до гробовой доски». Агриппина испытывала столь великий страх и опасения за свою жизнь, что совершенно забыла о рогах, еще торчавших у нее на голове. Но когда Андолозий поручился за ее жизнь и честь, она тем быстрее пришла в себя, заговорила и сказала: «О, если бы Богу было угодно, чтобы я избавилась от рогов и очутилась во дворце отца!» Когда Андолозий услышал, что она начала высказывать желания, он тотчас подскочил и схватил шляпу, лежащую неподалеку от нее. Если бы Агриппина надела шляпу, она бы вновь очутилась дома. Он взял шляпу и крепко привязал ее к своему поясу. При этом Агриппина поняла, что шляпа дорога ему превыше меры и что благодаря этой шляпе она была дважды похищена. Она разозлилась про себя и подумала: «Оба сокровища были в твоей власти, и ты не смогла их сберечь». Но не посмела показать Андолозию свой гнев, заговорила и смиренно просила его избавить ее от рогов и вновь доставить домой, к отцу. Он сказал: «Дело сделано, носить тебе рога до конца твоих дней. Но я охотно доставлю тебя так близко к отцовскому дворцу, что ты сможешь его увидеть, однако я туда более не пойду!» Она просила его в другой раз и в третий. Но все было тщетно.

КАК АНДОЛОЗИЙ ОТДАЛ МОЛОДУЮ КОРОЛЕВУ В ЖЕНСКИЙ
МОНАСТЫРЬ В ИБЕРНИИ, ПРЕПОРУЧИВ ЕЕ АББАТИСЕ ОНОГО

Когда Агриппина увидела и постигла, что ни одна просьба более не поможет, она сказала: «Если я обречена носить рога и быть столь безобразной, я не желаю возвращаться в Англию и не хочу, чтобы меня видели люди, которые меня знают, ни отец, ни мать, ни кто-либо другой. Отвези меня в чужие земли, где меня никто не узнает». Андолозий спросил: «Где тебе будет лучше, чем у отца и матери, короля и королевы?» Но она не пожелала этого и сказала: «Отдай меня в монастырь, чтобы я могла затвориться от мира сего». Он спросил: «Воистину ли ты желаешь этого и серьезны ли твои намерения?» Она ответила: «Да».

Тут он собрался и доставил ее в Ибернию, на самый

край земли, что неподалеку от чистилища святого Патриция. Там в поле, вдали от людей, возвышался большой и красивый женский монастырь, в который никого, кроме знатных дам, не принимали. Там он оставил ее сидящей в одиночестве в поле, пошел в монастырь, к аббатисе, и сказал ей, что привез с собой благочестивую и знатную девицу, красивую и здоровую, лишь на голове у нее произошло нечто, чего она стыдится, и поэтому не желает оставаться с друзьями, а жаждет уединиться в таком месте, где ее никто не знает. «И если вы примете эту девицу, я заплачу за ее содержание втрое больше». Аббатиса ответила: «Желающая поступить в монастырь должна внести двести крон, ибо я для каждой из них держу служанку и предоставляю им все, чего они ни пожелают. И раз вы желаете уплатить за нее втрое больше, то ведите ее сюда». Андолозий пошел и привел Агриппину к аббатисе. Она встретила Агриппину, и та приветствовала ее весьма учтивым и изящным поклоном, и аббатиса тотчас увидела, что девица знатного рода, она приглянулась ей также своей наружностью, аббатиса пожалела, что прелестная девица носит на голове проклятые рога, и спросила: «Агриппина, желаешь ли ты, чтобы этот монастырь стал твоей обителью?» Та с великим смирением ответила: «Да, милостивая госпожа аббатиса». Она сказала: «Тогда ты должна повиноваться мне, ходить к мессам и во всякое время в хор и обучиться тому, чего не умеешь. Наш орден не слишком строг: кто желает перейти в иной монастырь либо взять супруга, может это сделать. Но деньги, которые даются за вступление, сколько ни уплачено, никому не возвращаются назад». Агриппина ответила: «Милостивая госпожа, какими бы ни были обычаи, а также давнее происхождение вашего почтенного монастыря, я не буду ни нарушать, ни изменять их».

И Андолозий уплатил аббатисе шестьсот крон и просил ее взять Агриппину на свое попечение, что она и обещала сделать, радуясь тому, что получила так много денег наличными. На этом Андолозий простился с аббатисой, которая от рождения была графиней. Она сказала Агриппине: «Пойди, проводи своего друга». И с тем он пошел прочь, и когда они подошли к воротам, он сказал ей: «Ну, Агриппина, благослови тебя Господь и дай тебе Бог долго пребывать во здравии и обрести в этом

монастыре вечную радость!» Она ответила: «Аминь. Да будет так!» И жалобно расплакалась и взмолилась: «О добродетельный, праведный рыцарь, вы испытали на мне, несчастной девице, вашу волю и непреклонность. Но год долог, и в нем много дней, и часы не равнозначны один другому, я всецело уповаю на Господа, настанет еще счастливый час, когда ваше благородное сердце обратится к доброте, а ваши душа и разум исполнятся сострадания. Вспомните тогда обо мне, несчастной пленнице, томящейся в глуши, и поделитесь со мной милосердием и исцелите меня, ибо я не могу служить ни Господу, ни миру, столь ненавистны мне рога».

Эти речи тронули сердце Андолозия, но он ничего не сказал ей, кроме как: «Да свершится Божья воля!» И с тем пошел своей дорогой. Удрученная Агриппина затворила ворота и пошла к аббатисе, та дала ей в служанки девицу и отвела келью, где она пребывала в одиночестве и с усердием, как только могла, молилась Господу, хотя душа ее витала далеко от молитв.

Когда Андолозий расстался с Агриппиной, он воспрянул духом, надел свою шляпу и пустился странствовать из одной земли в другую, покуда не очутился в Пругке, что во Фландрии, где можно всячески развлечься красивыми женщинами и прочими тому подобными вещами, и посмеялся над отчаянием, которое испытал прежде, и вновь по всей чести вооружился, и купил сорок превосходных коней, и нанял вдобавок много добрых слуг, одел всех их в платье одного цвета, и снова начал сражаться и биться в рыцарских состязаниях, и объехал Германию, любясь прекрасными городами, лежащими в Римской империи. Оттуда он поскакал в Венецию, Флоренцию и Геную и послал за купцами, у которых скупил драгоценности, и уплатил всем ими наличными, после чего погрузился с лошадьми и слугами на судно и с радостью отправился домой, в Фамагусту, к своему брату.

Брат сердечно встретил его, обрадованный тем, что он прибыл с таким великолепием, и, когда они откушали, взял Ампедо своего брата Андолозия, отвел в некий покой и спросил, что с ним приключилось. Тут он обо всем рассказал ему, как в придачу к кошельку лишился и шляпы. Но Ампедо так сильно испугался, услышав, что в придачу к кошельку была утеряна и шляпа, что свалился в беспамятстве наземь и не дал ему досказать

до конца. Андолозий растер своего брата и, когда тот вновь пришел в себя, поведал, как однажды, лишившись всего, он хитростью заполучил все назад. «Поэтому не печалься так». И снял с пояса кошель, вынул из дорожной сумы шляпу, положил оба сокровища перед Ампедо и сказал: «Любезный брат, возьми оба сокровища и благоденствуй, услаждайся ими, как пожелаешь, я всей душой даю тебе на это согласие и ни в чем не стану перечить». Ампедо ответил: «Кошель мне даром не нужен, ибо кто им владеет, тот вынужден во всякое время терпеть страх и опасение, я прочел о том, какой страх и какие заботы испытал наш блаженной памяти отец».

Когда Андолозий услышал эти слова, он весьма обрадовался и в душе подумал, если брат возьмет кошель, то не пройдет много времени, как я вновь должен буду просить у него кошель. Теперь же он мой. Андолозий не осмелился поведать брату, как купил роскошные драгоценности и не уплатил за них и как он, враз лишившись всего— кошелька, шляпы и драгоценностей, оставшись ни с чем, да к тому же в чаще, где не было ни еды, ни питья, хотел удушить его и повеситься сам. Подумал он, не скажу я ему о том, он перепугается до смерти либо упадет в опасный недуг.

И повел веселую жизнь, наслаждаясь поединками, скачками, устраивая так, чтобы все танцевали и веселились. И вышло через Божью милость и его благородство, что удостоился он великих похвал, и всяк его чтил, и весь народ просил его никогда не покидать их. Проведя некоторое время в Фамагосте, он взял свои доспехи и поскакал к королю, что в добрых двадцати милях от Фамагосты, к королевскому двору, чтобы там развлечься. И когда он туда прибыл, король и его слуги весьма радушно встретили его, король спросил его, где он так долго пропадал. Андолозий поведал ему обо всех королевствах, которые объехал.

Король беседовал с ним дольше, чем с любым другим, потому что Андолозий был его подданным, а также потому, что отец его, Фортунат, души в нем не чаял. И спросил его король, не был ли он недавно в Англии. Он ответил: «Да, милостивый король!» Спросил тот: «У короля Англии прекрасная дочь, единственное дитя, прозывающаяся Агриппина. Я хотел взять ее в супруги моему сыну. Но до меня дошла весть, будто девица

исчезла. Скажи, ты ничего не слыхал о ней, отыскалась она или все еще нет?»

«Милостивый господин, об этом я могу вашей милости доподлинно поведать. Воистину так, у него чудесная дочь, вдобавок она весьма хороша собой, и некими ухищрениями нигромантии она очутилась в Ибернии. Там, в женском монастыре, где нет никого, кроме благородных и знатных дам, я беседовал с ней не так давно». Король спросил: «Есть ли надежда, что она вновь возвратится к отцу? Я стар и желал бы позаботиться о сыне и королевстве до своей кончины».

КАК КОРОЛЕВСКИЕ ПОСЛЫ СТАРАНИЯМИ АНДОЛОЗИЯ ПРИВЫЛИ
С КИПРА В АНглию, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ ПРЕКРАСНУЮ ДЕВИЦУ

«Милостивый господин король, ради вас и вашего сына, всецело достойного всяческих почестей, я употреблю в этом деле старание и вскоре с Божьей помощью возвращу девицу во дворец ее отца». Король просил его сделать это, не жалея денег, ибо он воздаст ему и слугам его всяческими благами. Андолозий сказал: «Милостивый король, снарядите высокое посольство и отошлите его четырнадцатью днями позже меня, и тогда они найдут молодую королеву в Лондоне, во дворце ее отца. И если он обещал вам Агриппину, то с честью прийдет ее вам». Король спросил: «Андолозий, мой добрый друг, устрой дело так, чтобы не вышло никакой оплошности, ибо я направлю туда весьма знатных и высоких послов, чтобы они не попусту явились туда». Он ответил: «Не тревожьтесь, но велите изобразить сына на полотне и пошлите портрет с послами, королю и королеве это доставит радость, и тем сильнее будет их желание выдать свою прелестную дочь за столь красивого юношу». И когда молодой король услышал, что Андолозия посылают за его супругой, он подошел к нему и весьма усердно просил его взяться за дело всерьез, чтобы оно уладилось и чтобы они не получили отказа, ибо он весьма наслышан о красоте и совершенствах, которыми обладает Агриппина.

Андолозий обещал ему приложить всяческое старание, и простился с ним, и поскакал со своими слугами обратно в Фамагусту, и просил своего брата вновь одол-

жить ему шляпу, обещая вскоре возвратиться. Ампедо согласился и опять позволил ему взять шляпу. Андолозий наказал своему казначею не чинить слугам нужды, чтобы они были веселы, ибо вскоре он возвратится к ним, и, взяв шляпу, двинулся из одной земли в другую, и пожелал оказаться в чаще, где росли яблоки, от которых вырастают и вновь исчезают рога. В сей же миг он очутился там, и когда он подошел к деревьям, они были усыпаны отменными плодами, он не ведал, от каких яблок рога вырастают, а от каких исчезают. И с великой неохотой пришел к решению съесть одно. Иначе он не мог поступить. Если бы он не принес с собой яблока, то не смог бы излечить Агриппину от рогов. Поразмыслив, он наконец сорвал одно яблоко и съел его. Тут вырос у него рог, следом он съел другое, тут рог вновь исчез. И он взял несколько таких яблок, и с ними устремился прочь оттуда, и прибыл в Ибернию, к монастырю, и постучался. Его вскоре впустили, он пошел к аббатису и спросил Агриппину, сказав, что желает поговорить с ней.

Аббатиса послала за Агриппиной, и сделала это с великой охотой, ибо тут же узнала Андолозия. Агриппина встретила его настороженно, не зная, зачем он прибыл к ней, и испугалась из-за его появления. Андолозий сказал: «Милостивая госпожа, позвольте Агриппине несколько времени побеседовать со мною наедине». Та охотно позволила ей это, он удалился с Агриппиной в укромное место и спросил ее: «Агриппина, рога ненавистны тебе так же, как и тогда, когда я расстался с тобой?» Она ответила: «Да, и чем далее, тем более». Он спросил ее: «Будь ты всецело свободна, куда бы устремились твои помыслы?» Она сказала: «Куда же еще мне устремиться, как не в Лондон, к возлюбленному господину моему, королю, и к королеве, моим отцу и матери?» Андолозий сказал: «Агриппина, Господь внял твоей молитве, то, чего ты желаешь, сбудется». И тотчас дал ей съесть половину яблока и следом велел ей ненадолго прилечь и вновь подняться, и тут она совершенно исцелилась от рогов.

Служанка, которая была к ней приставлена, расчесала и красиво убрала ее волосы, в чем понимала толк. Агриппина, красиво и мило убранная, предстала пред аббатисой, и когда аббатиса увидела Агриппину, то созвала из келий всех женщин, обитавших в монастыре,

чтобы они полюбовались Агриппиной, так похорошевшей за такое краткое время. Все женщины удивились этому, а особенно тому, что она в столь краткий срок исцелилась от рогов. Андолозий сказал: «Не удивляйтесь этому так сильно! Все в Божьей власти, для Господа нет невозможного. Видите, кому Господь желает блага, против того никто не устоит. Агриппина — королева, отпрыск королевской четы, и я вновь вручу ее отцу и матери. Не пройдет и месяца, как ее выдадут замуж за молодого короля и прекраснейшего из юношей, что ныне здравствуют на свете». Эти речи запали Агриппине в голову.

Андолозий уплатил аббатисе сто крон. Он оставил деньги ей и прочим дамам в счет выкупа и поблагодарил их за то, что они с такой честью содержали Агриппину. Равным образом и Агриппина поблагодарила их весьма учтиво. И простились они и пошли из монастыря. Когда он вышел в поле, то надел на себя шляпу и перенес королеву в Лондон, ко дворцу короля, и вновь устремился в путь, ибо дворец, в котором ему учинили столь великое коварство, повергал его в ужас, и вновь отправился в Фамагосту, к брату и слугам.

КАК ПРЕКРАСНАЯ АГРИППИНА ПО СОВЕТУ АНДОЛОЗИЯ БЫЛА ВЫДАНА
ЗАМУЖ ЗА МОЛОДОГО КОРОЛЯ КИПРА

Когда Агриппина возвратилась домой и об этом стало известно королю и королеве, они обрадовались, как и все их придворные, и в честь того, что отыскалась пропавшая дочь, устроили там великое торжество. Они нарядили Агриппину со всяческой роскошью и великолепием. Меж тем как предавались они всевозможному веселью, дошла до короля весть, что с многочисленной свитой прибыли послы короля Кипра, посланные для того, чтобы просить его выдать Агриппину, молодую королеву, замуж за их юного наследника, о чем и сообщили королю.

И когда послы прибыли в Лондон, их весьма любезно приняли и сняли для них постоялый двор, где было все, что им требовалось. После того, как они провели там четыре дня, король послал за ними. Они явились, весьма изысканно одетые в богатое платье, всяк сообразно своему званию. В их числе были два графа,

один герцог и множество рыцарей и слуг, и повели они речь о свадьбе. Когда королева услышала, что держат совет о свадьбе Агриппины, стало ей весьма тягостно выдавать замуж свою любимую и красивую дочь в столь отдаленные земли, да еще за того, о котором не ведали, кривой он или хромой, зрячий или слепой. И когда она пожаловалась на это, ее речи дошли до ушей тех, что с Кипра. Они явились к королю и просили его послать за супругой. И когда она пришла, они вынули изображение своего юного короля и показали его. Когда все увидали, что его облик столь прекрасен, король спросил, так ли это. Тут послы поклялись королю и королеве, что он гораздо краше и весьма строен и высок ростом, к тому же не старше 24 лет. Это им понравилось. Королева взяла портрет молодого короля, и отнесла его Агриппине, и сказала ей, что ее хотят выдать замуж за юного короля, который стократ прелестнее и краше того, чей облик зрит она на портрете. Она слыхала об этом прежде от Андология, и доверилась она портрету и дала свое согласие. Что король и королева решат, тому она и подчинится.

Когда король и королева услышали волю Агриппины, они продолжили разговор с теми, что с Кипра, и свадьба была вконец решена. Король повелел обеспечить многие суда надежными людьми, провиантом и всем прочим, что необходимо, и сообразно со своей честью дал молодой королеве приданое — роскошное платье и драгоценности, как и подобает могущественному государю. Он послал туда с королевой множество верных и знатных людей, а особенно графиню, супруг которой был морским разбойником, а также много благородных и знатных дам.

И устроил король великий праздник для своей дочери и того народа, которому предстояло двинуться с ней в путь. И когда суда были полностью оснащены и все добро погружено, благородная девица простилась со своим отцом, королем, и со своей матерью, королевой, и сказала: «Милостивый король и милостивая королева, да хранят вас во веки веков Господь всемогущий из своего небесного царствия и мать его, Пресвятая Дева Мария, да ниспошлют они вам здоровье и долголетие». И преклонила пред отцом колена и, тяжело вздыхая, со слезами на глазах сказала: «Прощу вас благословить меня, ибо ныне я расстаюсь с вами и знаю, что никогда

более не увижу ни вас, ни мою матушку». Король ответил: «Агриппина, возлюбленная дочь моя, да хранит тебя от всех душевных горестей благословение отца и сына и святого духа, извечной троицы, да ниспошлют они тебе и всем тем, кто возжелает тебе добра, мир, здоровье, долголетие, и изобилие всяческих плодов, и благорасположение всех и вся!» Королева, ее мать, не добавила ничего более, кроме того, что сказала: «Да будет так. Аминь!»

Агриппина поднялась с колен и направилась к морю, к своему судну, а за ней двинулись слуги, которые плыли вместе с ней, и сверх того последовала за ней несметная толпа народа, проводившая ее вплоть до судна, и многие жалели, что прекрасная королева растается с ними и они никогда более ее не увидят.

Когда Агриппина и те, кто ей сопутствовал, взшли на судно, матросы подняли паруса и во имя Господа отплыли, и Господь ниспослал им хорошую погоду, так что все шло у них весьма удачно, ибо тот, кто хочет из Англии попасть на Кипр, должен плыть Испанским морем, которое для мореходов изо всех прочих морей, пожалуй, наиопаснейшее.

Но они, с Божьей помощью, благополучно пристали к берегам Кипра, где к тому же ожидали их прибытия. Агриппина, прелестная юная королева, и все ее слуги бодрыми и здоровыми достигли Кипра. Король Кипра созвал и собрал вместе герцогиню, четырех графинь и многих знатных дам и столь же знатных мужей, которые с великими почестями встретили королеву. Гостей ожидали изысканные кушанья и напитки, каждому воздали сполна, и чужеземцам и соотечественникам, и стар и млад радовался, что к их молодому королю прибыла столь красивая супруга. Было там наготове множество коней, карет и повозок, и всяк с честью снаряжился, и прибыли они в Медузу, где король держал двор. Зная об их прибытии, он собрал благороднейших и знатнейших дам и мужей всего королевства, и как ни великолепно встретили их в Фамагосте, в Медузе их приняли вдесятеро почетнее и роскошнее. Невозможно описать то, как старая королева выехала молодой навстречу с пышным двором, одетым в богатое платье. Так встретили они королеву Агриппину.

Следом прискакал молодой король с великолепными слугами. Все они с головы до пят были облачены в

доспехи и блистали подобно зеркалам на солнце. Они также приветствовали королеву. И когда приветствовал ее молодой король, Агрипшина, едва увидав его, по портрету, который ей показывали, поняла, что пред нею ее будущий супруг, молодой король. Она благодарила его изящными поклонами, веселой улыбкой и учтивыми речами. И с великой радостью они поскакали к королевскому дворцу, убранному с роскошью и великолепием. И началось веселое празднество. Все князья и господа, подвластные королю Кипра, прискакали на свадьбу. Все они привезли королю богатые дары, всяк по мере сил и возможностей, и свадьба началась.

Она длилась шесть недель и три дня, и всякому воздали сполна. Можно было бы многое рассказать о том, какими великолепными были шествия в церковь и многие другие вещи, приключившиеся там, и о том, что всяк подарил королеве. Андолозий послал в Кандию за судном с мальвазией и мускателем, которое он, наравне с другими дарами, преподнес на свадьбу, осушили его, будто это гелденвейнское из Кельхейма, ибо было его вволю. Покуда длилась свадьба и долгое время спустя там ни в чем не испытывали нужды.

КАК АНДОЛОЗИЙ НЕИЗМЕННО ПОБЕЖДАЛ ВСЕХ В СОСТЯЗАНИЯХ
И СКАЧКАХ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ СНИСКАЛ ВЕЛИКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
ДАМ, НО И ВЕЛИКУЮ ЗАВИСТЬ НЕКОТОРЫХ ГОСПОД

И покуда длилась свадьба, князья и господа только и делали, что скакали и состязались, бились на турнирах и развлекались. В первый день свадьбы бились король и герцоги, на другой день — графы, бароны и рыцари, на третий — кнехты и слуги знатных князей и господ. И всякую ночь награждали призом того, кто днем победил всех других в состязаниях. Это происходило ночью. Во время танцев королева возлагала на победителя красивый венок, отчего всякий, с кем это случалось, был донельзя счастлив. И всяк старался прославиться и получить награду из рук прекрасной королевы Агрипины.

Андолозий также бился в состязаниях, когда сражались графы, бароны и рыцари, он всегда выезжал в поле вооруженный богаче и лучше любого другого, лишь королю он не смел уподобиться, и неизменно брал

верх во всех рыцарских состязаниях, устраивавшихся там. За это дамы и господа часто удостаивали его славы. Однажды графы, бароны и рыцари, а в их числе и Андолозий, вновь сражались в турнире, и если прежде он свершил немало рыцарских подвигов, то напоследок он сражался что было сил. Когда настала ночь, вновь должны были вручить приз, который по праву принадлежал Андолозию. Но вышло так, что гостеприимства ради его присудили графу Теодору Английскому, прибывшему с королевой из Англии. Андолозий несколько не дорожил призом и уступил ему эту честь.

Но весь народ сообща сказал: графу Теодору присудили приз, который следовало бы отдать Андолозию. Это дошло до графа Теодора, и он втайне воспылал к Андолозию жгучей ненавистью и не ведал, как учинить ему бесчестье, позор и убытки, ибо к этому склонялись его разум, помыслы и душа. Он был чужеземцем на земле Кипр и не имел ни поместий, ни замков, ни подданных. Но на королевской свадьбе оказался другой граф и вдобавок морской разбойник, по имени граф фон Лимози, имевший на небольшом острове неподалеку оттуда замок. Его общества граф Теодор и стал домогаться.

Как говорится, рыбака рыбака видит издалека, так случилось и на сей раз. Один мерзавец нашел другого, и, когда они подружились, граф Теодор взял и сказал своему другу, графу фон Лимози, как тут некто по имени Андолозий, не будучи знатного рода, так роскошествует и выказывает такую чрезмерную гордыню, что это его досадует. И хотя он не владеет ни землей, ни подданными, его принимают с великими почестями и предпочитают графам и иным господам знатного рода. И спросил, не оскорблен ли он этим также. Граф фон Лимози ответил: «Да, я и прочие знатные господа также досадуем на это. Король столь благоволит к нему, что ссужает и дарит ему все, чего он ни пожелает. Король возбудил большое недовольство своих дворян тем, что отдает ему предпочтение».

Граф Теодор сказал: «Я удивляюсь, что вы и прочие, вам подобные, терпите это и не велите его убить. Кабы я мог его похитить, он не стоял бы поперек дороги ни графам, ни придворным короля». Словом, они прекрасно поняли друг друга и заключили меж собой уговор. Когда свадьба придет к концу, Андолозий поскачет

назад, в Фамагосту, тут они схватят его, заколют его слуг, и перевезут его из королевских земель на остров Лимози, где у графа был весьма крепкий замок, и там станут его бить и истязать, пока он не даст им вдоволь денег, чтобы они могли, подобно ему, жить в роскоши. И последовали они уговору, который заключили меж собой.

КАК АНДОЛОЗИЙ ПОСКАКАЛ ДОМОЙ, В ФАМАГОСТУ, БЫЛ ВЗЯТ В ПЛЕН
ДВУМЯ ГРАФАМИ, А СЛУГИ ЕГО БЫЛИ ЗАКОЛОТЫ

Андолозий, пребывающий о тех вещах в совершенном неведении, поскакал вслед за тем, как свадьба миновала, в Фамагосту. Тут два графа наняли слуг, и схватили Андолозия, и закололи всех его слуг, и отвезли его в замок на остров Лимози. Там его надежно стерегли, чтобы он никогда не выбрался оттуда. Тогда он предложил тем, которые его стерегли, великое богатство, если они помогут ему выбраться из темницы. Они не поверили ему, решив, что, выйдя оттуда, он ничего им не даст. Но и Андолозий не посмел показать им кошель, он опасался, что они отнимут кошель, а ему не помогут, и пребывал в великом страхе.

И дошла до короля весть, что все слуги Андолозия заколоты и никто не знает, взят он в плен, жив или мертв. Не ведали они также, кто это сделал, и решили, что это дело рук турецких всадников, предпринявших набег, ибо земли турок граничили с владениями кипрского короля. А два графа, совершившие это, вновь прискакали ко двору и держались тихо, будто ничего о том не ведали.

О том, что Андолозий исчез, дали знать его брату, Ампедо. Он спешно прислал к королю послов и просил помочь ему отыскать брата. Король сказал, что ему весьма жаль, но он не ведает, где его брат, Андолозий, жив он или мертв, но он постарается узнать и не пожалеет никаких денег, чтобы выкупить его, даже если это будет стоить ему половины королевства. Это послание короля они доставили Ампедо.

Когда Ампедо выслушал его, пришло ему в голову, что он лишился брата из-за кошелька, которым тот владел, и его будут бить и истязать, покуда он не расскажет о шляпе. Воистину этому никогда не бывать! И в

гневе и досаде он схватил драгоценную шляпу, и изрубил ее в мелкие клочки, и бросил их в огонь, и ждал подле, покуда они не обратились в пепел, чтобы никто более не смог и не пожелал ею тешиться. По дороге к королю он держал постоянных гонцов, но сколько их ни прибыло, ни один из них не принес доброй вести, что узнали, куда его брат подевался. И оттого взяла его такая досада и охватили такие душевные муки, что он впал в смертельный недуг, и никто из врачей не смог исцелить его, и он умер, и не помогли ему ни роскошный дворец, ни наличное золото.

И когда по прошествии нескольких дней два графа услышали, что король столь скорбит о своем благородном рыцаре Андолозии, они сделали вид, будто также донельзя огорчены. Король повелел объявить: любому, кто принесет ему доподлинное известие о том, куда подевался Андолозий, он даст тысячу дукатов наличными, будь тот живой или мертвый. Тут стали усердно о нем разузнавать. Но никто ничего не смог разведать. А кто об этом знал и в том помогал, не смел ничего сказать, ибо опасался лишиться через это жизни.

Меж тем граф фон Лимози простился с королем, и отправился в свои владения, и прибыл в замок, где Андолозий томился в заточении. Он сидел в глубоком подземелье, вдобавок руки и ноги его были закованы в колодки. Увидав графа, Андолозий обрадовался и возмнил, что упросит графа выпустить его на волю. И принялся его молить, чтобы он смилостивился над ним и освободил его из темницы, прикинувшись, что не ведает, чей он пленник и почему с ним столь сурово обходятся. Если он учинил кому-нибудь несправедливость, то готов возместить урон, а также служить и душой и телом.

Граф сказал: «Андолозий, тебя не для того привезли сюда, чтобы вновь отпустить. Ты — мой пленник, и ты скажешь мне, откуда у тебя столько денег, что ты тратишь их круглый год. И не медли, или я так избью тебя, что ты будешь рад, что сказал мне это». Когда Андолозий услышал его слова, он донельзя испугался, и потерял всякую надежду, и не ведал, что ему ответить, и сказал лишь следующее: «В Фамагосте, в моем доме, есть потайная яма, которую показал мне отец, когда собрался умирать». И сколько бы денег оттуда он ни черпал, им нет конца. И если граф доставит его пленным в Фамагосту, то он покажет ему эту яму. Но граф не

пожелал этим удовольствоваться, и высвободил Андология из колодок, и начал его бить, учинил ему великие мучения, тот долго сносил их, упорно держась того, что сказал изначально. Однако муки и истязания, которым подверг его граф, были столь тяжки, что он из-за боли не смог дольше терпеть и открыл ему, что у него за кошель.

И когда граф о том услышал, он тотчас взял у него кошель, и испытал его, и нашел, что он прав, и приказал вновь посадить несчастного Андология в колодки, и препоручил его тому, на кого всецело полагался.

И граф послал денег тому, кому был должен, и со всеми расквитался, и обеспечил всем свой замок, и исполненный радости возвратился ко двору короля, к своему другу, графу Теодору, также с радостью встретившему его. Они, как и прежде, долго беседовали друг с другом. И он поведал графу Теодору, как обошелся с Андологием, как жестокими истязаниями и пытками отнял у него кошель и в каком суровом плену содержит его. Тут граф Теодор сказал: «Это мне не под душе. Было бы лучше, если бы он умер. Я слышал при дворе короля, что он — доктор нигромантии и может летать по воздуху. А вдруг он выберется из темницы и услышат от него, как мы обошлись с ним. Тогда король либо лишит нас своей милости, либо велит казнить». Граф фон Лимози сказал: «Он столь крепко закован, что не учинит нам никакого зла».

С тем они объединились и взяли из кошелька столько денег, сколько хотели, и всякий желал оставить кошель в своем распоряжении. Сошлись они на том, что один из них будет распоряжаться кошельком полгода, а затем на следующие полгода передаст другому, а тот, у кого будет кошель, не даст другому испытывать нужду в деньгах. Граф фон Лимози был старшим, и первый полгода кошельком должен был владеть он.

Отныне у двух графов имелось в избытке денег, но они не осмеливались ни тратить их, ни чрезмерно роскошествовать, чтобы не навлечь на себя подозрений. И хотя они жили припеваючи, все же граф Теодор опасался, что они могут лишиться кошелька, и его неотступно тяготила мысль, что было бы лучше, если бы Андологий умер. Он также задумал бежать с кошельком, когда тот окажется в его власти, так далеко, чтобы ни король, ни граф фон Лимози не смогли до него добраться. Это и

побудило его просить графа фон Лимози дать ему одного из своих слуг, который отправился бы с ним на остров, а также написать, чтобы его впустили в темницу к Андолозию. И как он пожелал, так граф фон Лимози и сделал, дав ему вдоволь денег, слугу и письмо.

КАК АНДОЛОЗИЙ БЫЛ ЛИШЕН СВОЕГО КОШЕЛЬКА И В ТЕМНИЦЕ УБИТ, А БРАТ ЕГО, АМПЕДО, ИЗРУБИЛ ЧУДЕСНУЮ ШЛЯПУ И С ГОРЯ УМЕР

Итак, граф Теодор простился с королем и королевой и сказал, что желает осмотреть эти земли. Это было ему дозволено, и он отправился на остров Лимози, и прибыл туда, и был проведен в замок, в темницу, где томился в плену Андолозий. Когда он вошел к нему, несчастный и безутешный Андолозий, чьи руки и ноги в колодке к тому часу наполовину истлели, почувствовал утешение и возомнил, что граф фон Лимози прислал к нему графа Теодора, чтобы тот выпустил его, и пришло ему на ум, раз кошель у них, им нечего более взять у меня.

Тут, однако, граф Теодор начинает и говорит: «Скажи, Андолозий, нет ли у тебя еще такого кошелька, какой ты дал моему другу. Дай мне тоже такой». Он ответил: «Милостивый граф, у меня нет такого более. Если бы у меня был такой кошель, я бы вам не отказал». Граф спросил. «Говорят, будто ты — доктор нигромантии и можешь летать по воздуху и заклинать черта. Почему ты не заклинаешь его теперь, чтобы он помог тебе выбраться отсюда?» Он ответил: «О милостивый граф, я не умею этого и никогда не умел, я наслаждался лишь кошельком, который ныне у вас. Пред господом и миром я отдаю его вам и вашему другу, и обещаю никогда не предъявлять вам претензий, и умоляю вас честью Господа и Пресвятой Девы Марии помочь мне, бедному и несчастному человеку, выбраться из этой суровой темницы, дабы не сгинул я тут столь жалким образом без покаяния и святого причастия». Граф сказал: «Ныне ты печешься о спасении души, почему ты не сделал этого, когда похвалялся пред королем и королевой своей роскошью, чрезмерной гордыней и чванством и покрывал всех нас бесчестьем? Где же прекрасные дамы, которым ты так преданно служил? Все они награждали тебя призами, к ним и взывай теперь о помощи. Но я хорошо вижу, что ты желаешь выбраться из темницы. Не томись ожиданием, вскоре я

помогу тебе выйти отсюда». И отвел кнехта, который стерег Андолозия, в укромное место и предложил ему пятьсот дукатов наличными, чтобы он задушил его. Стражник не пожелал этого сделать и сказал: «Он человек благочестивый и донельзя слаб, вскоре он умрет собственной смертью, я не возьму греха на душу». Граф сказал: «Тогда дай мне веревку, я сам удушю его и не уйду отсюда, покуда он не испустит дух». Кнехт не пожелал сделать этого и принести ему веревку. Тогда граф Теодор снял с себя пояс, опоясывавший его, и обвил поясом шею несчастного Андолозия, руки и ноги которого были закованы в колодку и который не мог шевельнуться. И рукоятью своего кинжала граф закрутил пояс до упора и таким способом задушил благочестивого Андолозия, и дал кнехту денег, чтобы они убрали тело прочь, и, не медля более в замке, ехал и скакал до тех пор, пока не возвратился на Кипр, ко двору короля.

Там его хорошо приняли. Он подошел к своему другу, графу фон Лимози, который приветствовал его и спросил, что с ним приключилось и как ему понравились остров и королевство. Он ответил, они мне очень понравились. И втайне граф фон Лимози спросил его, как обстоит дело с Андолозием. С радостью он поведал: «Дело обстоит так, что он более не нанесет нам убытка. Я умертвил его своими собственными руками. Мне не было покоя, пока я не был уверен, что он мертв, теперь я это знаю наверняка». Граф Теодор возомнил, что сделал хорошее дело. Ах, Боже, не ведал он, что принес себе зло. Прошло три дня, в течение которых они не брались за кошель, чтобы взять оттуда денег.

А по истечении трех дней довершилось первое полугодие, и кошель должен был перейти к графу Теодору также на полгода. Он с радостью пошел к своему другу, графу фон Лимози, и сказал, чтобы тот принес кошель и взял оттуда денег, которых ему хватило бы на некоторое время, а кошель отдал ему, ибо настал его черед распорядиться им. Граф не возражал и сказал, что охотно сделает это, и добавил: «Когда я беру кошель в руки, мне становится жаль Андолозия. Я не хотел, чтобы ты убивал его, он и без того умер бы вскоре сам». Граф Теодор ответил: «Мертвец не наделает шума».

И пошли вместе в некий покой, где в сундуке хранился кошель, он вынул его и положил на стол, стоявший в этом покое. Граф Теодор взял кошель в руки и

хотел, как прежде, отсчитать оттуда денег, однако кошель был пуст. Они не ведали, что кошель потерял свою силу и свойства, как только оба брата, Ампедо и Андолозий, умерли. Тут и силе кошелька настал конец. Знай они это, содержали бы они Андолозия с великими почестями и делали бы ему добро, чтобы он дольше прожил, либо по меньшей мере наполнили бы золотом один-два сундука и благодаря этому до конца своих дней жили бы в богатстве.

Не добыв из кошелька денег, они взглянули друг на друга. Граф Теодор в свирепом гневе воскликнул: «О ты, коварный граф, ты, значит, захотел обмануть меня и подсунуть мне другой, скудный кошель вместо столь совершенного! Не надейся, что я стану терпеть это. Не мешкай и живо носи чудесный кошель!» Граф фон Лимози ответил ему и сказал, что это тот самый кошель, который он взял у Андолозия, и иного у него нет. И как случилось, что он более не таков, как прежде, ему неизвестно. Но граф Теодор не удовольствовался этим, и чем далее, тем более свирепел, и сказал, что он задумал учинить ему злодейство, но ничего из этого не выйдет, и обнажил меч. Видя это, граф фон Лимози также схватился за меч, и они с яростью набросились друг на друга, и каждый из них желал зарубить другого насмерть, и наделали такого шума, что в покой ворвались кнехты. Тут они увидали, что их господа сражаются друг против друга, встряли меж ними и разняли их. Но покуда их разнимали, граф Теодор смертельно ранил графа фон Лимози. Его слуги увидали это и схватили графа Теодора. И дошла до короля, до двора его весть, как два графа, которых прежде было не разлить водой, рассорились меж собой. Король повелел спешно доставить обоих господ во дворец под стражей, чтобы допросить их о причине распри. И когда взялись исполнить повеление короля и доставить ему графов, то раненого фон Лимози никоим образом привести не смогли и доставили во дворец лишь графа Теодора.

КАК ДВА ГРАФА РАССОРИЛИСЬ МЕЖ СОБОЙ ИЗ-ЗА КОШЕЛЬКА
И БЛАГОДАРЯ ЭТОМУ СТАЛО ИЗВЕСТНО ОБ УБИЙСТВЕ, ПОЭТОМУ ОБА
ОНИ БЫЛИ КАЗНЕНЫ

Тут король вскоре узнал, что единственная причина разгоревшейся злобы — кошель Андолозия, и тотчас

повелел привести палача, и, запасясь свидетелями, допросить графа Теодора далее, и весьма тщательно дознаться у него обо всех тех делах, которые он сотворил. И пытали его и с великой жестокостью били, так что он волей-неволей поведал им, как в темнице своими собственными руками удавил Андолозия, и обо всем деле с начала и до конца.

Когда король услышал, как они обошлись с благородным Андолозием, он всем сердцем опечалился и разгневался на убийц и злодеев и, недолго думая, вынес приговор и повеление: обоих их колесовать и, если граф фон Лимози столь недужен, принести его на место казни, если он мертв, мертвым его и колесовать. И как гласил приговор, так с обоими графами-убийцами и поступили, предав их обоих казни, их настигло заслуженное возмездие: убив благочестивого Андолозия, они по праву заслужили смерть.

И когда убийцы милостью кошелька, которым и наслаждались-то они лишь краткий миг, были колесованы и убиты, король немедленно послал слуг на остров Лимози и повелел занять замок, город, и деревни, и весь остров целиком, особливо же замок, в котором томился в плену добросердечный Андолозий. Король повелел схватить там женщин и мужей, всех, кто ведал об убийстве, был в нем повинен и умолчал о том, и приказал казнить их пред замком безо всяческого милосердия. Он узнал также, что труп Андолозия они бросили в ров с водой вблизи замка. Он повелел извлечь его оттуда, и с великими почестями и горящими факелами доставить в Фамагосту, и захоронить в том чудесном соборе, который заложил и выстроил его отец, а также устроить по нему пышную мессу, поминовение на седьмой день и на тридцатый так, как подобало бы некоему из могущественнейшего и высочайшего рода его королевства. И были на его поминовении старый и молодой король, а также старая королева и молодая королева Агриппина, которая на сей раз сожалела о верном Андолозии.

И вследствие того, что оба они, Ампедо и Андолозий, не оставили после себя наследников, король взял роскошный дворец себе и нашел там великое богатство и роскошь — домашним убранством, драгоценностями и наличными. В этом дворце поселился молодой король, который жил в Фамагосте вплоть до кончины своего отца.

История эта весьма поучительна: кабы молодой пожелал и потребовал в лесу от Девы счастья мудрость вместо чудесного кошелька, ему воздалось бы за нее сторицей, ибо это сокровище никто не смог бы у него похитить. Благодаря мудрости и разуму он раздобыл бы также брэнное богатство, достойное пропитание и немалые поместья. Но поскольку в юности, гонясь за весельем и наслаждениями, он превыше всего любил и ставил мирское богатство и роскошь, то уготовил он себе самому и сыновьям своим страдания и язвительную горечь, и, хотя краткий миг жилось им сладко и припеваючи, возымело это все же такой конец, о каком вы тут услышали. Без сомненья, еще многие предпочли бы подобный кошель всяческой мудрости. Но каждый, кому предоставится такой выбор, должен, не раздумывая долго, последовать разуму, а не своей дерзкой и прихотливой душе и выбрать мудрость, а не богатство, как и совершил Соломон, благодаря чему он стал богатым королем на свете. Но должно полагать, Дева счастья, предоставляющая такой выбор и подарившая Фортунаму кошель, изгнана из наших земель, и в этом мире ее более не найти.

ШИЛЬДБЮРГЕРЫ

Удивительные, причудливые, неслыханные и доселе не описанные
похождения и деяния вышеназванных жителей Шильды из
Миснопотамии, что позади Утопии
(1598)

Удивительное дело, как это столь славные подвиги шильдбюргеров оказались по сию пору неописанными! А ведь из-за каких пустяков люди аршинные грамоты строчат! По правде говоря, сам я не могу отрицать, что здесь впору на несправедливость сетовать. Но что делать? И кого в том винить? Уж конечно не самих жителей Шильды — велики были их дела и не о письме заботы. Не стали они подвиги свои на бумаге славить, а прибегли для этого к более мудреным знакам и отпечатали их на сырой еще глине могильных памятников. Кстати сказать, это тоже свидетельствует об их необычайной прозорливости, ибо, дай они глине затвердеть, им пришлось бы ковырять в ней не деликатными своими перстами, а костылем ночного сторожа (а костыль этот, как всем известно, снабжен острым железным наконечником и весит три пуда шесть фунтов и двадцать два золотника) или другим каким остроконечным орудием — к примеру, навозными вилами. А ведь была у них не *plumbum ingenium* — свинцовая башка, но столь доброй памятью они были наделены, что тот, кто услышал нечто от своих внуков, мог спустя несколько сотен лет слово в слово все пересказать своим дедам и прадедам, как если бы знал это еще до сотворения мира. Впрочем, дела свои шильдбюргеры окружили такой глубокой тайной, что ни один человек в мире не смог бы про них проведать, не приснись они одному повелителю *ex terra incognita*, сиречь из никому не ведомой державы, а

у повелителя этого тоже, как говорится, была ума палата. Пробудившись, он тотчас призвал к себе трех самых мудрых своих и благородных советников, из коих один был точильщик, другой — трубочист, а третий — соломорез, и повелел им сей же час, прямо на Рождество Христово, отправиться в землю позади Утопии и до тех пор не устраивать привала, покуда не доберутся они до страны, где отыщут троих таких же умников, как они сами. И три вышеупомянутых посла, не теряя времени даром, взвалили себе на плечи каждый свой инструмент, и пустились в путь-дорожку, и после долгих странствий добрались до Калекута. Когда же входили они в город, тамошний городской голова, коего звали Свиногон Лёбель, как раз направлялся со своими советниками в ратушу. Но поскольку не все советники в назначенный час явились, рассерчал тот городской голова сверх всякой меры, схватил свиной рожок, каким обычно сгонял свиней, приложил его к своему благородному рту и затрубил с такою силой, что от натуги аж почернел. Тут городские советники сломя голову примчались. Понравилась городскому голове этакая прыть, и промолвил он важно: «Вот ведь как вас, больших господ, сзывать приходится, эх вы, чурбаны!» Об ту пору гнал мимо ратуши его помощник стадо свиней, а господу заседать еще не начали. И стали свиньи тереться — бока чесать — о столбы и подпорки. И весь дом стал сотрясаться и ходить ходуном, так что городской голова, опасаясь, как бы дом не рухнул, тут же на месте издал указ поставить на каждом углу по советнику, дабы те отгоняли свиней; ну, а поскольку дубинок у них с собой не было, стали они махать на свиней шляпами, чтобы ратуша, Боже упаси, не рухнула.

Когда эта опасность миновала, поспешили советники наверх. Тут надобно заметить, что у ратуши не было лестницы, и потому слуга городского головы спускал сверху доску на веревках и при помощи хитроумно прилаженных блоков поднимал господ советников одного за другим наверх. Трое послов иноземных от изумления рты разинули и восхитились тем, как тут все разумно устроено. И пришли они к заключению, что, пожалуй, и впрямь нашли себе подобных, но прежде, чем к городскому голове с приветственной речью обратиться, порешили поднабраться еще мудрости и пошли на погост поглядеть могильные памятники. Когда же увидели,

какие затейливые знаки выдавлены на каждом, призадумались они, что же это значит. Поскольку ума им было не занимать, в конце концов они смекнули, что знаки эти передавали потомкам — чем погребенный был при жизни славен и знаменит. К примеру, вилы на могильнике говорили, что усопший знал толк в навозе; а прописное «С» означало, что покойник был мастер выгрести свинарник, и так далее и тому подобное. После чего поспешили послы к ратуше и попросили у городского головы аудиенции, которая была им милостиво предоставлена. Взгромоздились они один за другим на доску, и слуга вытянул их наверх. Теперь надо было одному из них слово молвить, и после долгих препирательств, кому говорить первому, выбор пал на точильщика, и он повел такую речь:

«Мы — трое послов; я — мастер точить ножи, ножицы и топоры на точильном колесе; товарищ мой, тот, что сзади выпрямлен, а спереди согнут, — искусный соломорез, а третий — умелый и бесстрашный трубочист. Прибыли мы к вам из дальних стран, господин Свиногон, несравненный мастер дуть в свиной рожок и без усталости размахивать бичом от восхода и до заката среди своих свинодрыг». Посол намеревался продолжить речь, но точильное колесо, прилаженное за плечами, его перевесило, и он внезапно свалился вниз на мостовую. Стукнулся он так сильно, что вмиг позабыл, о чем говорил, когда же немного опамятовался, горожане попросили его свою речь закончить. Он же не мог и рта раскрыть, так как при падении вывихнул себе ребро, и тут стали они думать да гадать, как бы ему помочь. Надумали снова поднять его на доске наверх и опять сбросить: авось ребро станет на место. Так и случилось. Тут горожане потребовали, чтобы он продолжил свое так славно начатое приветствие, но точильщик ответил: «Да я с перепугу все слова растерял». Услыхав это, бросились они, словно полоумные, по домам, и в скором времени вернулись — кто с лопатой, кто с киркой, кто с ломом — и давай раскапывать мостовую на месте, где чужеземный посол свою речь растерял. Долго копали, долго искали, но ни одного словечка не нашли, хотя вырыли довольно глубокою яму. Очень они огорчились, стали совет держать и смекнули, что недурно бы приспособить эту яму под колодец. Но не знали они, какой ему быть глубины, а потому перекинули через яму бал-

ку, один из них ухватился за нее руками и повис; за его ноги уцепился второй, за того — третий и так далее. В конце концов верхнему пришлось тяжеленько, и он крикнул тем, кто за него схватился: «Эй, милые соседи, держись крепче — мне на руки поплевать надо». Но только руку отпустил, как вся ватага рухнула на дно, один на другого. Что тут было делать? Всякий может ошибиться. Наконец, задумались горожане, куда им девать выкопанную землю, и после долгих словопрений один нашел выход: надо выкопать рядом другую яму и свалить туда землю из первой. Переглянулись они, покумекали, и еще один изрек: «А куда мы денем землю из второй ямы?» Тут первый воскликнул: «Дурачье вы, дурачье! Вторую-то яму надо выкопать поглубже, чтобы в нее вся земля — из первой и из второй — вошла». И когда три посла это услышали, покраснели они от стыда за свое скудоумие — и давай Бог ноги! Сметнулись, что против такого народа им и соваться нечего. Вернулись они к своему королю и всё ему доложили, что они в Калекуте слышали, видели и до чего дошли своим умом. И просили соизволения отправиться туда на свой страх и риск еще разок и разузнать обо всем побольше. Когда же опять они вернутся, глядишь, и они тоже наберутся мудрости, которую не грех будет перед всем светом обнаружить.

Кто я? Что я? Все эти байки
Я расскажу вам без утайки.
Я Ганс Большой, не лыком шит,
Хоть мой башмак из лыка свит.
Мешок большой тащу я с поля,
Но мыслей у меня поболе.
Слышь, хмелем мой мешок набит,
Но котелок еще варит.

Глава первая

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ, В КОГО УРОДИЛИСЬ И КАК ПОЛУЧИЛИ СВОЕ ИМЯ
ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ИЗ МИСНОПОТАМИИ

Старые люди много-много сотен лет тому назад сочинили этот прекрасный стишок, который и в наши дни не потерял своей правдивости и потому заслуживает внимания:

Родители, коль вы благодетели,
Будут и детки ваши исправны.
Коли присущи вам добродетели,
Будут и детки — добру радетели.
От яблони близко яблоко падает.
Послушное чадо матушку радует.
От справной коровы — добрый телок.
В отца уродился добрый сынок.
Орел к небесам взмывает без страха,
Но робко в землю вжимается птаха.
Усвой же урок мой, коль не забудешь:
Мыться не станешь — чистым не будешь.

Все это можно с полным правом сказать о шильдбюргерах (что проживают за Калекутом, в могущественном королевстве Миснопотамии), к чести и славе оных, ибо они также следовали по стопам своих достопочтенных предков и были в том тверды, и ничто не могло их с пути свернуть, покуда не сделала этого великая нужда, коей хочешь не хочешь, а поклонисься и коя знать не знает никакого закона и не помышляет об общем благе, о сохранении и процветании родного отечества, — так вот, такая нужда заставила свернуть их с верного пути и вступить на другую дорожку, о чем вы вскорости непременно услышите. И на их поучительном примере надобно нам усвоить, как надлежит следовать своим честным родителям в добрых нравах и делах, и тогда из беды проистечет для всех большая польза.

Ну так вот, ежели верить слухам, которые ходят о них по всем землям (а что еще остается делать, коли нет более людей, которые все это смогли бы доподлинно записать, ведь все бумаги, вкуче с родовыми книгами и летописями, сгорели дотла во время ужасного пожара, когда город Шильда вместе со всем, что в нем находилось, стал добычей пламени, о чем в свое время и в своем месте мы доложим со всей обстоятельностью), — так вот, говорю я вам, ежели верить слухам — а последние не всегда лживы и вздорны, но в иных есть немалая толика правды, — первые шильдбюргеры были родом из Греции и происходили не от кого иного, как от одного из семи мудрецов. Тому подтверждением служат их благородные повадки и высокая мудрость; да и название Миснопотамия тоже греческое, и корень сего слова означает «болтун», каковы многие греки, хотя и не все).

Но который именно из великих греческих мудрецов был праотцем шильдбюргеров, этого, как ни прискорбно, установить нельзя, подобно тому как еврею неведомо, из какого колена Израилева он происходит.

Тут уместно заметить, что древние греки частенько бывали неблагодарными и платили злом за добро, кое оказывали им мудрые сыны их отечества, и подчас весьма сурово расправлялись с ними: кого казнили, как, например, Мильтиада, Фокиона и прочих; кого изгоняли, как Ликурга, Тезея, Солона, Аристиды, Фемистокла и многих других, и должны они были влачить свои дни и кончать свою жизнь на чужбине. Вот одному из таких мудрецов, без сомнения не худшему, пришлось поселиться в упомянутых краях вместе с женой и детьми, и дети после его смерти возвратиться в Грецию не пожелали.

На примере этих детей оправдалось то, о чем гласит изречение:

Каков ствол, таковы и ветки,
Каковы родители, таковы и детки, —

ибо пошли они в своих отцов мудростью, и потому, обжегшись на молоке, дули на воду, и не захотели возвратиться к неблагодарным грекам, по чьей милости стали чужеземцами. Посоветовались они и решили пустить корни в этой стране, построили себе дома, стали пасти скот, пахать землю и взяли за правило как можно меньше мешаться в чужие дела.

Глава вторая

О ВЕЛИКОЙ МУДРОСТИ И ВЫСОКОМ РАЗУМЕ ШИЛЬДБЮРГЕРОВ И О ТОМ, КАК ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ МНОГОКРАТНО ПРИЗЫВАЛИ ИХ НА СОВЕТ КНЯЗЬЯ И ВЛАДЕТЕЛЬНЫЕ ОСОБЫ, ОТЛУЧАЯ ОТ ДОМА, ОТЧЕГО ВСЕ ДЕЛА ИХ ПРИШЛИ В УПАДОК

Как уже было сказано, первый житель Шильды был человек такой мудрый и рассудительный, что и детям своим не позволял резвиться на воле как глупым телятам и не отдавал их, подобно многим, на попечение матушки, отчего, как известно, получают маменькины сынки. Нет, это был превосходный отец, он сам учил и наставлял своих отпрысков и сумел внушить им все свои добрые правила.

Итак, прилежный отец смог передать детям все свое глубокомыслие и рассудительность в добавление к тем талантам, коими одарила их мать-природа, а они в свою очередь оказались весьма прилежными учениками, доведя начатое до совершенства, когда учить и учиться (только тогда толк выйдет, ежели одно с другим сочетается) означает возводить здание на фундаменте, заложенном природой. И потому, скажу я вам, дети того первого были щедро наделены всяческими добродетелями, преимущественно мудростью. В целом свете (а ведь свет в ту пору был столь велик и обширен, что ни один человек не знал, где он кончается, хотя ненасытные испанцы и прочие уже столько денег потратили, чтоб тот его конец отыскать) — в целом свете, повторяю, не было в те времена людей, которые могли бы умом сравниться с шильдбургерами. Ведь умные люди тогда попадались редко, и если какой встречался, был он большой диковиной. Не то что ныне, когда чуть ли не каждый, особенно глупец, объявляет себя мудрецом и требует, чтобы все вокруг его за такового почитали.

Молва о превеликом разуме и высокой мудрости шильдбургеров разнеслась вскоре по окрестным городам и весям и проникла даже в самые отдаленные земли. Проведали о том князья и владетельные особы, такой яркий свет мудрости не скрыть, он пробивается и далеко посылает свои лучи.

Вот и вышло, что императоры, короли, князья и рыцари в дажных странах, ежели в чем теперь сомнения имели, слали своих послов к шильдбургерам за советом и помощью. А уж советом те завсегда помочь могли, мудрости у них на то с избытком хватало. Никогда не случалось, чтобы советы их пропадали втуне, хотя и не всегда они достигали цели, что бывает порой, даже если люди полны намерений самых благих. Оттого прославились шильдбургеры на весь белый свет, и каждый возносил им хвалу.

За те советы щедро их при случае одаривали — золотом, серебром, дорогими каменьями и прочими ценными предметами и сокровищами; ибо мудрость тогда ценилась гораздо дороже, чем в наши дни, когда дураков повсюду полным-полно, при иных дворах они за трапезой восседают, а умников ценят мало, а то и совсем презирают и прочь гонят. Но умные и рассудительные люди не очень от того горюют, ибо так уж повелось на

свете, что мудрость не оплатить ни золотом, ни добром каким, но все она на свете превосходит и затмевает, как ясное солнце затмевает своими лучами свет прочих звезд. Ибо сказано:

Что мудреца превыше? — он
Всем лучшим в мире наделен.
Пускай король тем недоволен,
Богат, свободен он и волен.

Однако, по прошествии некоторого времени, князьям и прочим вельможам наскучило слать послов, и они почли за лучшее всегда иметь при дворе жителя города Шильды, чтобы в случае надобности спрашивать у него совета и из многоумных его речей, как из неиссякаемого родника, черпать премудрости. Ведь ничто так не возвышает владетельных особ, какие бы драгоценные камни ни украшали их чело, как светлый и ясный ум, ибо это есть высший дар человека, о коем так усердно молил бога царь Соломон; и приобрести мудрость можно не иначе и лишь в том случае, когда примешь во внимание, что только

Ежели в дом человека возьмешь,
Узнаешь, дурен он или хорош, —

и людей, что наделены столь высоким и светлым даром, надобно иметь поблизости от себя, внимать их мудрым речам, запоминать их и обращать себе на пользу. Ибо верна присказка: «Около чего потрешься, того и наберешься», а посему кто с умным да добрым компанию будет водить, тот и сам поумнеет и подобреет. Но не увлеклись ли мы рассуждениями о пользе премудрости?

Итак, по вышеописанным причинам шильдбюргеров одного за другим отзывали в чужеземные страны, где была в них срочная нужда. И поскольку было их не так уж много, вскоре дело дошло до того, что совсем их в родном городе не осталось. И пришлось женам заступить на место своих мужей и заменять их во всяких работах — и в поле пахать, и за скотиной смотреть, что они поначалу делали с превеликой охотой — каждой хотелось покомандовать.

Нечто подобное и в наши дни случается, от труда женского прок невелик, ибо как ни хлопочут они, как ни

надрываются, а за мужчинами им не угнаться. Вот и в Шильде так же было. Но это только тогда бывает, когда женщины берутся за мужское дело; обычно-то труд женский и мужской совсем разные, так что мужчины всем скопом не смогли бы произвести на свет одного-единственного малюго дитяти, они ведь вообразили бы, что его надо высиживать, как некий человек, который считал, что, сидючи на головке сыра, он высидит теленка. И потому надобно много женщин иметь, ежели хочешь, к примеру, покорить силой такие города, как окруженная крепкими стенами Вена в Австрии (сохрани ее Господь на благо всех христиан!), или же славный повсюду город Страсбург.

Из-за недостаточной обработки оскудела земля Шильды, ибо уже не ступал по ней хозяйский сапог, который, как известно, лучше всех землю унавоживает. Отоцала и скотина — ведь жиреет она только под хозяйским глазом. И инструмент стал не тот — никто его больше не точил, не правил. Батраки и служанки совсем обленились и перестали работать, вообразив, что коли хозяева их находятя невесть где, а без хозяев никак нельзя, то они отныне сами себе господа и хозяева. И чему тут удивляться, ведь сказано же:

Хозяйский шаг — и все цветет,
И добрый скот дает приплод.
Хозяйский глаз в одно мгновенье
Приводит слуг в повиновенье.
Но коль хозяин прочь глядит,
Все принимает жалкий вид.

Одним словом, пока благочестивые шильдбюргеры старались всем услужить и все дела, кои в том нуждались, поправить, не ради корысти, а ради всеобщей пользы, потерпели они оттого много вреда и урона, уподобившись тем, кто драчунов разнять желает и сам больше всех тумачов получает. Ибо недаром сказано:

Дерутся меж собою —
Не суйся, не мири!
Болванов было двое,
Теперь их станет три.

КАК ЖЕНЫ ШИЛЬДБЮРГЕРОВЫ ПОРЕШИЛИ ЗАПОЛУЧИТЬ ОБРАТНО СВОИХ МУЖЕЙ И ОТПРАВИЛИ ИМ ПОСЛАНИЕ

Вот ведь какая притча: ни жена без мужа, ни муж без жены хозяйствовать не могут, от такого разделения только вред да сумятица. Коли нет хозяина в доме, то нет и умения, а где нет умения, там и порядка нет — ломают кто во что горазд, никто друг друга не слушает; ну а там, где один другого не слушает, вряд ли что путное получится. В любой работе надо, чтобы один другому руку подавал, как мы это и видим во всех ремеслах и промыслах. Если же нет хозяйки в доме, то и вовсе порядка не ищи, а коли в доме порядка нет, то не будет его и во всем хозяйстве, одним словом: если на кухне крыша прохудилась, жди потопа во всем доме. Я уж не говорю о воспитании детей и прочих вещах. Истинно говорится:

Что хуже, по словам молвы?
Жена без мужа, тело без головы?
Иль муж без жены, голова без тела?
И то и другое — скверное дело.

Потому-то муж с женою никак друг без дружки обойтись не могут, так уж на свете повелось, что один к другой тянется и ее к себе в дом приводит, но бывает меж ними и разлад, и тогда муж жену из дома гонит, а иной раз жена мужу войну объявляет. Почему так дело обстоит, а не иначе, легко понять из дальнейшего. Видя, какой ущерб городу причиняет отсутствие мужей, собралась однажды женская община Шильды, за мужей все дела вершившая (спрашивается, могло быть иначе?), и стала совет держать: как бы ради всеобщей пользы — ведь добро их истоцилось и ремесла пришли в упадок — спасти родной город. Долго они судили и рядили, а все к одному приходят: мужей надобно домой возвращать.

Перво-наперво порешили они письмо мужьям написать и разослать его во все концы, где, как они знали, их мужья обретаются. В письме этом они всем и каждому сообщали следующее:

«Мы, женщины города Шильды, низко кланяемся дорогим мужьям нашим, всем купно и каждому в особицу, и спешим их уведомить: поскольку (слава Господу!) отмечен наш род превыше всех прочих мудростью и разумом, так что князья и государи в самых дальних странах возжелали не только слушать умные речи ваши, но и во всех делах с вами советоваться, — отозвали они вас всех к себе, оторвав от родного дома, от хозяйства, от жен ваших и родимых детушек. Чтобы того скорее достигнуть, господа на подачки да обещания ух как тороваты, а вы, на корысть польстившись, и дорогу домой забыли. Заделались вы истинными чужаками и проводите дни ваши вдали от нас и от ваших любимых чад, от всего, что было вам прежде любо и дорого; а хозяйство наше оттого в упадок пришло, поля не родят, скотина дичает, слуги распустились, дети малые, коих мы, матери, порой чрезмерно любим и нежим, растут неслухами. Не говоря уж о другой беде, которая из вашего отсутствия проистекает и о которой вы сами могли бы в великой вашей прозорливости догадаться, а именно что оскудел и скоро совсем прервется наш род шильдбургеров, который сохранялся и множилась столь долгие годы. Вот по этой и по всем прочим причинам мы исполняем свой долг и бьем вам челом, чтоб вернулись вы поскорее каждый в свой дом и хозяйство ваше на ноги поставили.

И еще вот над чем поразмыслите: бросили вы нас, бедных жен ваших, на произвол судьбы, а ведь мы с вами клятву давали верность друг дружке блюсти, но вон сколько лет прошло — а вас все нет и нет, как будто ничто нас не сроднило и не носили мы под сердцем вашу плоть и кровь. Ведь природа даже зверю неразумному внушить умеет, что не следует ему от стаи отбиваться, так неужели пример этот вас в краску стыда не вгоняет: насколько же больше подобает разумному созданию, особливо человеку мудростью наделенному, со спутницей своей не расставаться и везде и всюду опорой ей быть. Сколь противно здравому смыслу и природе, когда человек с самим собою расстаётся: как же можете вы с нами, с коими есть вы единая плоть, так надолго расставаться? Вспомните о детях, которых вместе мы

зачали, они уже спрашивают: кто же отцы наши? Как вы мыслите, поблагодарят ли они вас, когда вырастут да узнают, что оставили вы их без помощи, на верную гибель? Не думаете ли вы, что через то иссякнут в них заложенные природой добрые к вам чувства?

Воистину счастье изменчиво и ненадежно, быстро оно проходит. Разве не слышали вы старый стишок:

И любовь, и роз цветенье,
И господ благоволение,
И удача средь игры —
Все проходит до поры.

И еще дозвольте словечко молвить: ведь милость-то господская что погода апрельская. Видно, запомнили, как охотник с беззубой собакой поступает: в награду за верную службу на первом суку ее вешает. Насколько похвальней, да и самим вам не без пользы будет, жить в своем дому, занимаясь ремеслом, в покое, в мире и в благословении, наслаждаться плодами трудов своих и радоваться женам да детишкам, друзьям да приятелям, не заботясь о том, что кто-нибудь вас свободы лишит может, а ведь свобода дороже серебра и злата! А ближнему помогать — это вы и тут можете: кому ваш совет надобен, тот вас и сам найдет. Ежели вы, мужья наши, обо всем поразмыслите, о чем мы вам написали и о чем умолчали, то себе то же самое скажете, только у вас получится складнее. Засим кончаем мы это письмо в надежде, что не зря к совести вашей взывали и что вы немедля в путь-дорогу отправитесь и домой воротитесь, ибо не захотите же вы обнаружить в родимых гнездах чужих птенцов, кои будут насвистывать: здесь вам от ворот поворот. Так мы вас от беды предостерегаем. Писано сие в городе Шильде и печатью вашей же, что вас ждет не дождется, скреплено, года и дня такого-то и т. д.».

Глава пятая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПИСЬМА ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ
И КАК ВСТРЕТИЛИ ИХ ВЕРНЫЕ ЖЕНЫ

Получили шильдбюргеры на чужбине это послание, и сердце у них дрогнуло, поняли они, что жены правильно им все отписали и что давно пора им возвра-

щаться в родной город. А посему испросили они у своих господ отпуск для поправления домашних дел. Просьбе этой господа вняли и шильдбюргеров отпустили, хоть и без всякого удовольствия — кому охота лишиться мудрых советчиков. Пришлось жителям Шильды поклясться, что, коли в них будет нужда, они опять пред светлые очи явятся. И вот, после столь долгого отсутствия, шильдбюргеры со славой и великими дарами вернулись домой; но ведь мудрый человек всех наград и всякой чести дороже, хоть ты его позолоти.

Возвратившись, нашли они у себя дома во всех делах такое расстройство, что поначалу, несмотря на весь свой ум, ничего понять не могли. Но в конце концов все же уразумели, что город сотни лет строится, а чтобы разрушить его, и одного дня довольно.

А жены хоть и рады были возвращению долгожданных своих мужей, но встретили их по-разному, как были они по натуре и комплекции друг от дружки отличны. Одни встретили их с любезностью и лаской, как то и надлежит природе женской и благонаравию под стать. Другие же им в лицо грубые и оскорбительные слова бросали и такими проклятиями их приветствовали, что, пожалуй, лучше было бы этим мужьям и на чужбине остаться. Такая повадка и по сей день кое у кого в ходу, но мальй прок от этого жены имеют — лишь тумачи да недовольных мужей.

Как бы там ни было, все они были возвращению мужей рады, праздничные пиры устраивали и возвратившихся мужей своих окружили заботой. Но такова уж женская натура: коли начнут браниться, так не легко перестать, и долго они еще мужей своих попреками осыпали и им объясняли, что не дело это — столько времени оставаться на чужой стороне, ведь и поля, и скот, и прислуга, и хозяйство пришли оттого в упадок, но надобно мужьям все упущенное наверстать и каждому своим делом заняться. На что мужья им свое согласие дали и честью и верностью в том поклялись.

Стали тут шильдбюргеры судить да рядить, как им дело повернуть, чтобы князя и вельможи не мучили их больше и от дома не отрывали. Очень хотелось им мирную свою жизнь от господских посягательств уберечь. Но поскольку время было позднее, а дело важное и требовало длительного раздумья, то порешили шильдбюрг-

геры еще раз собраться и к окончательному решению прийти.

После чего, вволю речами мудрыми, что меда слаще, насладившись и кушаний добрых, что злата и серебра дороже, в меру отведав (ибо мудрецы, в отличие от дурней, не обжираются и не упиваются сверх всякой меры), пошли жители Шильды по домам, и кто не хотел долее бодрствовать, завалился в свои перины, которые были честь по чести приготовлены и вилами взбиты.

Глава шестая

КАК МУДРЫЕ ШИЛЬДБЮРГЕРЫ СОВЕТ ДЕРЖАЛИ И ПОРЕШИЛИ ОТ СВОЕГО
ВЕЛИКОГО УМА ГЛУПОСТЬЮ СПАСАТЬСЯ

На другой день собрались жители Шильды под большой липой на базарной площади. В летнее время они всегда здесь устраивали сходки; зимою ратушей им служил трактир, а председательским местом была скамейка у печки. И когда городской голова со своими советниками умом пораскинули, то быстро разрешили все спорные и запутанные дела, которые в их отсутствие обнаружались (ибо людям умным и рассудительным не требуется столь много времени на раздумье, как некоторым теперешним судьям).

После того как все дела рассудили, приступили они к главному: как им быть и что делать, чтобы их больше из Шильды не отзывали, но могли бы они со своими домо-чадцами пребывать и всем домом править. Первым делом взвесили они все «за» и «против»: причиненный их отсутствием великий вред и ту пользу, что была от иноземных князей, — и стало им яснее ясного, что польза далеко не покрывает урона. Вот тогда и был учинен среди жителей поголовный опрос: как им впредь поступать? Послушали бы вы, какие тут мудрые речи зазвучали, сколь высокоумными были советы и до чего складно люди говорили. Одни считали, что на князей и вельмож надо просто рукой махнуть. Другие же говорили, что отказывать им не след, а надобно всякий раз давать такие дурные советы, чтобы те князя сами Шильду и ее обитателей в покое оставили. Иные советовали по-иному и еще кое-что предлагали ко всеобщему благу; но поскольку каждый дудел в свою дуду и одно с

другим не согласовалось, так ни к чему они окончательно и не пришли.

Под конец вышел вперед старый горожанин и повел такую речь: «А я, к примеру, так считаю: поелику нас, шильдбюргеров, отрывали от домашнего очага из-за нашей мудрости и ясного ума, чтобы пользоваться нашими советами, а нам оттого проку мало, сало само собой в кухне не растет, — надобно, по моему разумению, спастись глупостью и шутовством. Тогда нас впредь никто трогать не будет и никуда не отзовет. Посему всем нам надлежит, от мала до велика, самым что ни на есть нешуточным и затейливым образом валять дурака, и какая бы глупость кому на ум ни взбрела, тотчас он должен ее сотворить. А уж мудрость наша здесь весьма на пользу будет, ведь когда надо изобразить глупца, к примеру, в комедиях, на такие роли недаром берут самого умного да сметливого. Ибо немалое это искусство — разыгрывать из себя дурака или шута. Бывает, возьмется за такое дело человек бестолковый, и вместо смеха получают одни слезы. А и того хуже: надумает иной человек разыграть глупца — и сам взаправду в оного превратится, на всю жизнь дураком останется: и будет он дурак, пока не свистнет рак, соловьем не залется кукушка и солью не выстрелит пушка. Но нам-то, шильдбюргерам, надеюсь, это не грозит, а все непременно на пользу пойдет». Такие мысли были высказаны старым шильдбюргером в долгой и красивой речи, кою приводить здесь полностью смысла не имеет.

С превеликим усердием обсудили шильдбюргеры предложение и совет старца. Предмет сей показался им столь важным, что решили они никоим образом не спешить и горячку не пороть. Ведь

Поспешишь — людей насмешишь
И много хуже дело решишь.
В спешке любое дело погубишь:
Тише едешь — дальше будешь.

Поскольку же не хотели, чтобы что-либо бестолковое из их решения проистекло, постановили они еще раз хорошенько все обмозговать, а уж потом к делу приступить.

Затем вся община разошлась по домам, обязав друг друга обдумать, с чего начать и за какой кончик шутовского колпака прежде всего ухватиться.

Втайне-то кое у кого из них на душе кошки скребли: как это так, на склоне дней своих, после стольких лет мудрствования — и вдруг превратиться в глупцов. Ведь глупцы сами свою глупость с трудом переносят и терпеть не могут, когда другие им глупость в глаза тычут.

Но поскольку речь шла об общем благе, за которое каждый и жизнь свою с превеликой охотой бы отдал, порешили они в конце концов с мудростью распространиться и стать отпетыми дураками. На этом кончается та часть нашей истории, в коей повествуется о великом уме шильдбюргеров, и речь далее пойдет о том, как шильдбюргеры глупостью спасались.

Вы, люди добрые, сходитесь
И на места свои садитесь!
Вам шутки Шильды покажу,
Их смысл любому подскажу,
Пусть всяк их примет по уму
И по сословию своему
И по своим обычьям судит,
Да только пусть не обессудит:
Коль сути дела не поймет,
Пусть сам шильдбюргером слывет.

Глава седьмая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ РЕШИЛИ ПОСТРОИТЬ НОВУЮ РАТУШУ
И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Прошло несколько дней, и вновь собралась вся община Шильды: надо было им посоветаться, как положить начало своему шутковству, дабы весть о нем сразу разнеслась по всему свету. После долгих словопрений они порешили: так как отныне вся жизнь в Шильде потечет по новому руслу, следует прежде всего общими силами и на общинные средства возвести новую ратушу, коя глупость бы их терпела (ибо, судя по всему, были они уже тогда изрядными дураками).

Сама по себе эта затея была не столь уж глупа и сумасбродна, но нельзя же было шильдбюргерам с первого же раза вывалить целый мешок глупостей: люди бы тут сразу догадались, что все это они понарошку делают. И вот, памятуя об этом, ибо они и всегда были смекалисты, жители Шильды сговорились пона-

чалу попридержать свое шутовство, а по прошествии времени, когда представится случай, развернуться вовсю.

Кстати сказать, задумав начать дело с постройки новой ратуши, шильдбюргеры взяли пример со своего приходского попа, который был в службе столь усерден: едва заслышится звон, а уж тут он — и молитвенником по амвону колотит. Когда шильдбюргеры его только нанимали, он первым делом потребовал: пусть построят в церкви, прежде чем он начнет проповедовать, новый амвон из самого крепкого дуба, да еще сверху железом обошьют, чтобы мог тот амвон выдержать все его крепкие словечки в адрес прихожан, ибо по этой части поп зарок себе не давал.

Много радовались шильдбюргеры своему мудрому решению и тут же со всем пылом взялись за работу. Ибо могло показаться, что выйдет в результате их трудов нечто толковое, а не так получится, как сказал поэт:

Parturiunt montes nascetur ridiculus mus¹.

Что это значит, передается в таком стишке:

Раз горы стали бушевать,
Как будто собрались рожать.
Тут люди все запричитали:
«Совсем мы, бедные, пропали.
То, что от гор произойдет,
Нас под собою погребет».
Но в мире воцарилась тишь —
И родилась смешная мышь.

Когда, как говорится, час пробил, решение было принято, обязанности все распределились и обговорено было, что для той работы потребуется, оказалось, что не хватает им только скрипача или дудочника, дабы мог он своею славной игрой бревна и камни приманивать, так чтобы они сами собой двигались и на свое место в нужном порядке укладывались. Приходилось же нам читать в старых книгах про Орфея: дескать, когда он пел и играл на арфе, то сбегались и слетались его послушать не только птицы и дикие звери, но и деревья к

¹ Рождают горы, а родится смешная мышь (лат.).

нему приближались, и целые леса, и даже горы (было это, верно, в ту пору, когда горы еще могли говорить и двигаться), даже потоки мог он останавливать, и они тоже наслаждались его пением. Известно также про Амфиона, который сладкими звуками арфы сдвигал камни, так что они ложились друг на друга, и сами собой вырастали стены славного города Фивы, что в Беотии, и было в тех стенах до сотни врат и, без сомнения, еще больше башен.

Такое пение пришлось бы кстати шильдбюргерам при постройке ратуши, ибо оно сберегло бы им много труда и усилий, не говоря уж о денежных расходах. Но поскольку такого певца они поблизости не нашли, то решили все вместе без промедления за работу приняться, и всячески друг другу пособлять, и от затеи своей не отступаться до тех пор, пока не возведут ратушу до самого конька.

Глава восьмая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ВАЛИЛИ И ОЧИЩАЛИ БРЕВНА ДЛЯ РАТУШИ
И С БОЛЬШОЙ НАТУГОЙ СНЕСЛИ ИХ С ГОРЫ,
ЧТОБЫ ПОТОМ СНОВА ЗАТАЩИТЬ НАВЕРХ

Шильдбюргеры были тогда еще не совсем глупцами (ибо их разум должен был угаснуть не вдруг, а исподволь, как угасает свеча) и знали, что сначала надобно запастись бревнами, камнем, известью и песком — всем, что потребно для доброй постройки. Поэтому отправились они всем скопом в долину, что за горой, и принялись, согласно указаниям городского головы, деревья валить. А когда стволы были очищены от веток и от коры и получились хорошие бревна, размечтались шильдбюргеры: был бы у них такой самострел, чтобы заложить в него бревно и пальнуть им до самой базарной площади! От многих тяжких трудов это бы их избавило. Но, как говорится,

Если бы да кабы
Да во рту росли грибы,
То был бы не рот,
А целый огород.
Только все же без труда
Не вытащишь и рыбку из пруда.

Потому пришлось нашим шильдбюргерам, поплевав на ладони, взяться за переноску бревен на собственном горбу — сперва на вершину горы, а затем вниз по склону. Немало они попотели, пока не перетаскали наверх все бревна до единого, кроме самого последнего.

Наконец взялись они и за это последнее: поднимали его и поджимали, поворачивали и перекашивали, подталкивали и перекачивали и с великим усилием достигли верха горы; отдышались, вытерли пот и начали спуск по другому склону.

Но тут, не знаю, как уж это случилось, то ли они недоглядели, то ли веревка перетерлась, а только бревно выскользнуло у них из рук и само, без всякой подмоги, запрыгало по склону, докатилось до места и легло рядышком с остальными. Этакая сообразительность — и у кого же, у неотесанного бревна! — поразила шильдбюргеров прямо-таки как громом.

— Ну и чудачки же мы все, — сказал один шильдбюргер, — ну и дураки же мы набитые и трижды ослы, что кругляки на своем горбу с горы стаскивали. Ведь никто не смекнул, что с горы-то они сами покатятся. А мы-то крихтели, мы-то сопели. Должны же мы, глупцы, из этого случая урок извлечь.

Тут вышел вперед другой шильдбюргер и повел такую речь:

— Велика наша беда, братья, но можно горю помочь скорее, чем слепой котенок глаз приоткроет. Коли уж хватило у нас силенок бревна вниз снести, так неужто не сможем их обратно поднять? Итак, кто со мной согласен, должен начать свое дурачество: мы взвалим бревна себе на плечи и снова все до одного втащим на гору, а оттуда запустим вниз самоходом. И полюбуемся, как они ловко под горку покатятся. Вот и награда нам будет за труды наши праведные!

Такой совет пришелся по душе всем жителям Шильды, и решили они тотчас натянуть свои дурацкие колпаки, только каждый стыдился перед другим, что не он это придумал. Но очень уж они радовались, что положат своему шутовству столь достойное начало и выдержат первое испытание.

Подставили они свои горбы и с превеликим трудом поперли весь груз обратно. И если перед тем они изрядно попотели, то теперь и вовсе потом изошли, ибо крепко уже потрудились и крепко приустиали, так что

делали всё теперь через силу. Куда больше им хотелось в трактир пойти, чем снова бревна таскать. Но, так или иначе, все стволы опять подняли, кроме того последнего, который уронили и он сам вниз скатился. Отдышались шильдбюргеры и стали спускать бревна вниз, одно за другим, а сами стояли наверху и любовались, как хорошо те катятся да подскакивают. И были шильдбюргеры очень горды, что столь славно порадели за общее дело и дурость их испытание выдержала. И потому сочли, что не грех им теперь и в трактире посидеть, выпить да закусить да немалую дыру в своем общинном кошельке проделать.

Коль общую казну мы тратим,
Общине мы трудом заплатим.
Никто убытка не несет,
И всякий радостно живет.
Но коли деньги тратить смеем,
А умножать их не умеем,
Так будет повесть коротка,
Пойдет хозяйство с молотка.

Глава девятая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ СТРОИЛИ НОВУЮ РАТУШУ И ПОЗАБЫЛИ ПРОДЕЛАТЬ ОКНА

Доставили шильдбюргеры бревна на место, обтесали их, камень, песок, известь и все прочее раздобыли и с таким жаром принялись за постройку, что всяк, на них глядячи, подумал бы: нешуточное они дело затеяли. Прошло всего три дня, как они порешили дурью маяться, а уж вознеслись все три капитальные стены (шутовства ради строили они свою ратушу о трех углах), и положены были балки, и вся постройка была почитай что готова. С одной стороны оставили они широкий проем для входа, чтобы заносить туда общинное сено, которое они обычно сообща пропивали. Городскому голове, хотя никто об этом заранее и не подумал, пришлось это также кстати: ежели не было бы такого входа, как бы он со своими советниками в дом попадал, разве что через крышу, но это, хоть и соответствовало бы их шутовскому обычаю, было бы крайне неудобно, можно штаны порвать, да и шею свернуть немудрено, в случае ежели они вниз попададут (что вполне вероятно, когда

вечерний хмель у них недостаточно еще из голов повыветрился). Затем они принялись за крышу, которая должна была лежать на трех углах, укрепили стропила и, довольные достигнутым, всем скопом отправились в тот гостеприимный дом, где хозяин протягивает руку, увенчанную венком, и стрижет своих гостей без ножниц. И закончили трудовой день превеликим пьянством, опять же за общинный счет, посчитав, что время терпит, и намереваясь продолжить дело на следующий день: «Наливай, хозяин! Шильдбюргер пьет! Шильдбюргер пьет!»

На другой день, как только ударил колокол (без этого никому не дозволялось здесь приступать к делу), сошлись все у ратуши, взобрались на стропила и начали класть кровлю. Встали они цепочкой — кто на самом верху, кто на лестнице, а кто на земле, — и тянулась эта цепочка до кучи черепицы, откуда до ратуши камнем добросить можно. Таким образом, переходя из рук в руки, каждая черепица у всех шильдбюргеров в руках побывала и попадала в конце концов к тому, кто крышу клал. Похоже это было на цепочку муравьев, когда они летом свои запасы на зиму в муравейник затаскивают.

Но поскольку от работы и кони дохнут, распорядились отцы города, чтобы в назначенный час снова колокол ударил, дескать, кончай работу и беги в трактир! Когда первый, стоявший у кучи, услышал удар колокола, он вмиг выпустил черепицу из рук и помчался напрямиком к трактиру: не побежишь — не победишь! Следом за ним побросали черепицу и остальные, от первого до самого последнего, что наверху крышу клал, и помчались они друг за другом в питейное заведение, как гуси-гуменники, которые больше всего боятся, что им воды в поилке не достанется. Вот и вышло, что тот, кто последним стал в цепочку, первым прибежал в трактир и занял лучшее место, самое дальнее от входа, обеспечив себе последнее место на работе. Так же поступили и плотники: кто топором размахнулся и тут колокол услышал, ударять топором уж не стал — вскинул его на плечо, и давай бог ноги: не добежишь — не выпьешь! Почему они все так с работы торопились? Чтобы пораньше ее снова начать? Или чтобы подольше за столом посидеть? Последнее более вероятно.

Наконец, завершив дело большое, все шильдбюргеры отправились к ратуше, чтобы освятить ее во славу

stultorum, сиречь дураков, и затем от имени всех дураков, глупцов, шутов испробовать, каково в ней вершить шутовские дела. Вошли они чин чином — ессе, vide, смотри, раскрой гляделки! О, немочь злая! — в ратуше тьма кромешная, хоть глаза выколи, один другого едва слышит со страху. Стали они дивиться да прикидывать, по какой причине в ратуше темно, уж не допустили ли они какой ошибки при постройке, отчего свет загражден и никак внутрь проникнуть не может.

Двинулись они к дверям и вышли на волю, поглядеть, какой изъян снаружи обнаружится, и видят: три стены стоят на месте целехоньки, крыша аккуратно настелена, на улице солнышко сияет и никаких огрехов не видно. Снова вошли в ратушу, но там уж точно ничего не увидели, за недочетом света. Ну что тут долго толковать? Не открылась им причина такой тьмы, сколько они свои глупые головы ни ломали. Потому объял их великий страх, и стали они созывать для решения этого дела общую сходку.

Глава десятая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ СВЕТ В РАТУШУ НОСИЛИ

Когда настал день, назначенный для общей сходки, собрались все жители Шильды, сколько их было, ни один не остался дома, ведь дело это всех равно касалось. Каждый захватил с собой зажженную лучину, и когда уселись, к шапкам лучины прикрепили, чтобы в темноте разглядеть соседа и чтобы городской голова не перепутал имена и звания присутствующих. Все тут были по очереди опрошены, как следует поступить, и мнения разошлись, что всегда бывает при обсуждении мудреных вопросов.

И когда уже совсем казалось, будто остается только сломать стены и при новом возведении их быть повнимательнее и поаккуратнее, встал некий шильдбюргер, который прежде слыл за первого мудреца, и сказал: в прежние времена, когда он еще не отказался от мудрости, слышал он, что на примере других многому можно научиться. Ведь недаром баснописец Эзоп свои уроки представлял в виде коротких историй, или басен. А посему желает он рассказать одну такую историю, что приключилась с сыном брата дедушки его прабабушки.

— Сын брата дедушки моей прабабушки, — так

начал он, — а звали его Утис, услышал как-то, что его знакомый сказал: «До чего же вкусны куропатки!» — «А ты едал их, — спросил он того знакомого, — откуда ты о том знаешь?» — «Нет, не едал, — ответил знакомый, — но один приятель мне рассказывал лет пятьдесят тому назад, что была у него бабка, так вот ее дед видел в свои юные годы, как один дворянин ту куропатку уписывал».

От таких речей у сына брата дедушки моей прабабушки слюнки потекли, и захотелось ему поскорее съесть чего-нибудь вкусенького. Он возьми да скажи своей жене, — а звали ее Удена, — чтобы та испекла ему пирог — куропаток ему, мол, не достать, а вкуснее пирога он ничего не знает. Однако жена его, знавшая лучше него, что есть и чего нет в горшке для масла, ответила, не может она испечь пирог, и попросила мужа потерпеть до лучших времен. Но какой прок был сыну брата дедушки моей прабабушки от такой речей, пирога он не получил и аппетита не утолил, такой сухой, неподслащенный и неподмасленный ответ пришелся ему не по вкусу, и он еще раз подступил к жене с просьбой испечь пирог, даже если нет ни масла, ни смальца, — хоть на воде.

«Ничего не выйдет, добрый мой Утис, — ответила госпожа Удена. — Я и сама бы не прочь отведать пирога, но на воде пирог не получится». — «Да ведь ты не попыталась! — молвил сын брата дедушки моей прабабушки. — Сперва попробуй, а потом говори!» Одним словом, чтобы отвязаться, пришлось госпоже Удене замесить тесто для пирога, затем она поставила сковородку с водой и стала сверху лить жиденькое тесто. Разумеется, пирожка не получилось, вышла одна кашлица. Жена обозлилась, что дрова, мука и все ее труды пропали зря. А муж все стоял с тарелкой и ждал, когда ему — с пылу с жару — подадут пирог, но так и не дождался.

«Что я говорила! — набросилась на него жена. — Тебе бы только на своем настоять, а сам ты ничего не смыслишь!»

«Замолчи, Удена! — сказал жене сын покойного брата дедушки моей прабабушки. — Нечего тебе жалеть, что ты попробовала испечь пирог на воде. Пробовать следует до тех пор, покуда не выйдет. В этот раз не вышло — в другой получится. Какое же это искусство, ежели бы пирог сразу взял да испекся?»

«Еще бы! — ответила жена. — Тогда бы я каждый день пироги пекла да ела».

— Вот и вся история, — закончил свой рассказ бывший первый мудрец города Шильды. — А теперь попытаемся приложить ее к нашему делу. Попытка не пытка! Кто знает, быть может, свет и само солнышко можно носить в мешках, к примеру, как воду в ведрах. Ведь никто же из нас никогда этого не пробовал. Так что ежели мое предложение вам по нраву, давайте приступим. Выгорит дело — вся выгода на нашей стороне, и мы завоюем себе великую славу. Не выгорит — опять же не беда, все шутовскому нашему замыслу пойдет впрок.

Предложение его так понравилось всем шильдбюргерам, что они тут же порешили его испытать. После полудня, когда солнце пекло особенно жарко, собрались они все перед ратушей — кто с мешком, кто с ведром, кто с корзинкой — лучи света в них ловить и в дом носить. Некоторые притащили еще и пики, лопаты, вилы, совки и прочий инструмент, чтобы уж точно не допустить никакой промашки.

Как только колокол один час пробил, взялись шильдбюргеры за работу и просто чудеса творили. Одни раскрывали длинные мешки, наполняли их доверху солнечными лучами, быстро веревку затягивали и неслись во всю прыть в ратушу, чтобы свет там вытряхнуть — при этом уверяли себя, будто мешок со светом тяжелей нести стало. Другие ловили свет кастрюлями, горшками и прочим. Кто загонял его вилами в кузовок, кто — лопатой; иные из-под земли его выкапывали. А один шильдбюргер приволок мышеловку — чтобы сразу весь ясный день в нее залучить, прихлопнуть и в ратушу доставить. Короче, каждый творил то, что ему его дурная голова подсказывала.

Так трудились они в поте лица, покуда солнце на небе стояло, и совсем замаялись от жары да от беготни в ратушу и обратно. Однако проку от трудов их было ровно столько, сколько от усилий древних гигантов, кои, сказывают, горы громоздили друг на дружку и небесный свод хотели на землю обрушить. Под конец шильдбюргеры сказали: «А какое великое дело мы бы сотворили, ежели бы наша попытка удалась». И тут работу все побросали и поспешили в трактир, ибо сочли, что выпивку на общинные деньги уж непременно своими трудами заслужили.

КАК ЗАЕЗЖИЙ МОЛОДЕЦ ШИЛЬДБЮРGERAM СОВЕТ ДАЛ, КАКИМ СПОСОБОМ СВЕТ В РАТУШУ ДОСТАВИТЬ

В ту пору, когда у шильдбюргеров означенная работа по переноске света кипела, проходил через город путник. Он остановился и так долго на них глазел, разинув рот от удивления, что его самого впору было принять за шильдбюргера. Но сколько он ни таращил глаза, все же никак не мог понять, что они там творят. Решил он любопытства ради остановиться в этом городе на ночь и вечером в трактире спросил оказавшихся там шильдбюргеров, чего это они на солнцепеке так надрывались и что за работу производили. Те рассказали ему про свою беду и про то, как они маются, чтобы доставить дневной свет в новую ратушу.

Бродяга был парень тертый, прошел огонь, воду и медные трубы, в кармане у него была большая дыра, и он сразу же смекнул, что тут можно кое-чем пожить. Для начала он спросил шильдбюргеров, удалось ли им доставить таким способом свет в ратушу. «Да хоть бы вот столечко!» — ему отвечают. «Все потому, — сказал им заезжий человек, — что не с того конца вы за дело взялись, а я вам могу пособить». Тут шильдбюргеры обрадовались, словно франкфуртские евреи, которым вещицы ягоды продали, и посулили ему большую награду от всех жителей, коли он им добрый совет даст. Вот он и пообещал горожанам помочь на следующее утро. Тогда пожелали они ему доброго отдыха и велели хозяину хорошенько его угостить, а все, что он выпьет и съест, записать на общинный счет. А заезжему молодцу лишь бы погулять на даровщину.

Едва утречком ласковое солнышко подарило городу ясный и светлый день, шильдбюргеры повели своего новоявленного помощника к ратуше. Тот оглядел постройку сверху, снизу, потом спереди и сзади, снаружи и изнутри и глубоко задумался. Должно быть, совет держал с той шельмой, что у таких молодцов за пазухой сидит. Затем велел шильдбюргерам взобраться на крышу и снять одну-другую черепицу, что те и сделали. «Вот вы свет в ратушу и заполучили, пользуйтесь им сколько угодно, — сказал бродяга. — А случись он вам в тягость, вы его снова легко изгнать можете».

Но шильдбюргеры не вникли в смысл его слов: мол,

ежели дыры в крыше прикрыть, опять в ратуше темно станет. Оставили они все как есть, отпустили молодца с честью, а в доме своем общинном целое лето заседали. Ловкий плут поступил как и всякий другой на его месте: деньги принял, долго не пересчитывая, и отправился дальше, правда, частенько оглядывался, нет ли за ним погони. По сей день никто в Шильде не знает, кто он был и откуда, больше шильдбюргеры его никогда не видали.

Глава двенадцатая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ДОГАДАЛИСЬ, ПОЧЕМУ У НИХ В РАТУШЕ ТЕМНО, И ЧТО ОНИ ПОСЛЕ ЭТОГО СДЕЛАЛИ

Долго жители Шильды не могли нарадоваться на свою новую ратушу, заседали в ней с утра до ночи, рассуждали о всяких важных вещах: об общем благе, об отечестве и о том, как дела в нем поправить. Им повезло, что почитай все лето дождей не было. Но вот лето красное миновало, солнышко стало частенько лицо свое серыми тучками закрывать, приближалась зима холодная и немилостивая, и все чаще в ратуше шутовской стало накрапывать. Не понравилось это шильдбюргерам, приходилось им теперь покрасневшие свои носы под колпаки прятать. Посему они решили, что, поскольку человек в широкополой шляпе (наподобие тех, что обыкновенно привозят молодые щеголи из заморских краев, когда так далеко заедут, что уж колоколов родных не слышат, и так долго отсутствуют, что материнский язык позабывают, дорогу к отцовскому дому не находят и старую кошку не узнают), — так вот, поскольку человек в широкополой шляпе дождя не боится, то и они под крышей, как под такой шляпой, и от дождя и от снега будут защищены. Поэтому заделали они поскорее общими силами дыры на крыше, рассудив, что раз летом грелись на солнышке, подобно пастуху на луговой травке, как им сама матушка лень велела, то зиму проведут в комнате у печки, следя, чтобы руки-ноги у них не отмерзли.

Итак, починили они крышу и отправились в ратушу, а там — что бы вы думали? — такая же тьма, как прежде, будто и не побывал у них заезжий искусник, научивший их, как свет в дом заполучить. Тут поняли они, как ловко обвели их вокруг пальца. Но сделанного

назад не воротишь. Поздно кошель завязывать, когда денежки уплыли, или хлев запирать, когда корову со двора свели. И вот сидели шильдбюргеры в своей темной ратуше с лучинами на головах (в обращении с ними они тем временем весьма искусны стали) и в узком кругу спешно держали совет, который весьма затянулся.

Наконец пришла очередь говорить одному шильдбюргеру, который никогда не считал себя за последнего дурака, — по имени мы его называть не станем; встал он и сказал, что лучше всего будет поступить так, как советует его кум. С разрешения высокого собрания он тут же пошел за тем кумом к выходу, может, откашляться ему захотелось, ведь на мужиков иной раз такой кашель нападает, что рядом с ними сидеть невозможно — все равно как ручью в гору течь. Покамест он ощупью пробирался вдоль стены к выходу (лучина-то на голове у него давно погасла), заметил он в одном месте полоску света — должно быть, здесь стену плохо замуровали, — и даже свою пышную бороду кое-как разглядеть смог. Тут он глубоко вздохнул, вспомнив о своей былой мудрости, от коей они все отказались, снова пробрался на место и молвил: «Соседушки мои дорогие, дозволейте мне слово сказать». А когда ему разрешили, продолжил: «Спрашиваю я вас, не двойные ли мы и не тройные ли набитые дураки? А говорю я это вот по какой причине. Оказывается (ежели обратиться к отброшенной и презренной нами мудрости), что, коли заведется у кого дурная привычка и вытеснит то, что ему досталось от природы, то, как ни странно, делается она *consuetudo altera naturae*, сиречь вторая натура. Так и мы усвоили дурацкий нрав, хотя по природе своей были люди с умом и соображали, что к чему. И вот приняли мы шутовские привычки, и они пришлись нам так по нутру, что с успехом изгоняют обычаи исконные. От природы люди вполне разумные, мы теперь от природы же сделались дураками и шутами гороховыми и с шутовством своим и дурачеством ни за какие блага не желаем расстаться. Сколько страху с ратушей натерпелись, какие убытки понесли, каким позором себя покрыли, и вот сидим в потемках, и никто из нас не догадался, что мы окна-то, через которые свет в дом проникает, сделать забыли. Очень уж у нас грубо получается, нельзя себя так сразу на потеху вы-

ставлять, тут любой догадается, будь он хоть набитый дурак».

Речь эта нагнала на шильдбюргеров большого страху, почудилось им, будто всех их крепко поколотили, и они сразу как воды в рот набрали. Поглядели друг на друга, и каждый соседа своего застыдился (ежели только тот за спиной не сидел): как же это они так оплошали, и вовсе разум потеряли, и дураками быть не сумели. А потому сразу, без всяких заседаний и проволочек, они сообща принялись проламывать стены ратуши в разных местах, и не нашлось тут ни одного, кто отказался бы от отдельного для себя оконца, о коем он мог бы сказать: «Вот мое оконце, только в нем и солнце, вот моя дыра, ломись в нее с утра; а коль не веришь, потяни себя за нос, чтоб побольше рос». Прости меня повар: масляен ком, да прошел кувырком! Так что ратуша оказалась вскоре совсем готовой, недоставало только внутреннего устройства, о чем речь впереди пойдет.

Глава тринадцатая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПАЛАТЫ В РАТУШЕ ГОТОВИЛИ И ПРО ПЕЧЬ ПОЗАБЫЛИ

После того как избавились шильдбюргеры от одной заботы, прорубив окна, и каждый имел теперь свое оконце, принялись они изнутри ратушу отделять и отдельные палаты выгораживать. Среди прочих выделили они три особые палаты: одну — для потения, вторую — для корпения, а третью — для разумения, — кои должно было отделать прежде всех прочих, дабы не было у шильдбюргеров никаких помех, когда они о важных делах между собой совещаться станут. Вскоре треугольная ратуша была всем шутам на славу обустроена и вновь освящена.

Тем временем холода наступили, и когда пришла пора на совет путь держать (куда сзывал шильдбюргеров коровий пастух в свой рог), то каждый захватил с собой полено, чтобы протопить печь и не обременять общую казну расходами на дрова, — но только, глядь, про печь-то они позабыли и даже никакого места для нее не оставили. От этого все они сильно переполошились и так заговорили: «Ослы мы, ослы! неужто никогда мы свою ратушу не наладим? Как же соберемся

мы теперь возле печки? Видать, дурака учить — что мертвого лечить. Да и в какое место нам эту печь теперь ставить?»

Стали они о том думать и советоваться и много разных мнений выслушали. Одни говорили, нужно печку за дверью ставить, там она никому мешать не будет. Но другим это не понравилось: ведь городскому голове положено возле самой печки сидеть, а так он окажется за дверью — это же курам на смех! Под конец, после того как долго они промеж себя спорили и все возможные места обсудили, посоветовал кто-то поставить печь снаружи под окошком и городского голову снаружи и посадить, и добавил: ведь коли городской голова ближе всех к печке должен сидеть, чтобы его мудрость не замерзла, так ему, по крайней мере, все видно будет, сможет вместе со всеми и голоса пересчитать. Совет этот шильдбюргерам пришелся по душе, они даже в ладоши захлопали. Но был там один человек поперечный, которому вечно все было «не так», дурак среди них наипервейший от большой смекалки, коей он был начинен, как осел преважный. И он сказал: «Вы говорите «так», а я говорю «не так». Умолчу уж о том, что в этом случае лестницу к печке придется выводить: а сделать это непросто. Но еще важнее, куда жар от печки пойдет: надобно ему идти в наши палаты и их согреть, а пойдет он на улицу, улицу же, сколько ни топи, все равно не натопишь».

«Все тебе не так, хоть кол на голове теши, с позволения сказать», — сказал другой шильдбюргер этому поперечному дураку, — ведь и в кухне, с позволения сказать, жар в трубу выходит, но и внутри его довольно остается. А посему ни о чем не беспокойся, сделаю я так, чтобы жар все же к нам шел. Есть у меня дома, с позволения сказать, старая рыболовная сеть, хочу я ее общине безвозмездно предоставить, чтобы всяк меня добрым словом поминал, и мы ее перед печной дверцей повесим, чтобы жар, с позволения сказать, уловлять и через окошко к нам направлять. Вот все тепло к нам в палаты и пойдет, будет у нас дымно, да сытно, сиди да, с позволения сказать, калачи пеки».

За такой разумный совет и помощь безвозмездную шильдбюргеры горячо его поблагодарили и пообещали, что ему и его потомкам всегда будет у печки второе место предоставлено. Так дело и порешили, печь сна-

ружи поставили, и отныне ратуша была полностью готова и дураками заполнена. Как я боялся, что и меня туда заседать возьмут и шутовскую должность мне определят, но один шильдбюргер сказал другому: «Где уж ему соваться? Он до нашего еще не допер».

Глава четырнадцатая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПАШНЮ СОЛЮ ЗАСЕЯЛИ, ЧТОБЫ ОНА РОСЛА И УРОЖАЙ ДАВАЛА, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

После того как шильдбюргеры свою ратушу достроили и дураками заполнили, стали они в ней что ни день совет держать, и всякие дела обсуждать, да решать, как городской управе положено, и относились ко всему с превеликой серьезностью и тщанием. Как-то раз задумались они о провианте, как бы им запасы сделать да кое-что впрок отложить, на случай если цены поднимутся, а то ведь, не ровен час, к перекупщикам, ростовщикам-кровососам в лапы и попадешь. Думали они обо всем, как разумным управителям подобает, кои о подчиненных своих печься обязаны: как бы все заранее припасти и никто бы ни в чем недостатка не знал, и чтобы те кровососы, что и без того готовы у бедняков всю кровь, как пиявки, высосать, все мясо обглодать и голые косточки оставить, успеха бы в своем подлом деле не знали.

Особенно пеклись шильдбюргеры о соли (а в те времена из-за военных действий и междоусобиц всяких свободная продажа ее прекратилась и была в ней великая нужда). Долго они совещались, нельзя ли, мол, все так повернуть, чтобы в Шильде своя соль была — ведь на кухне без соли все одно что на пашне без навозу! Много способов они предлагали и со всех сторон обсуждали, но в конце концов восторжествовала такая догадка: ведь крупинка соли как две капли воды похожа на крупинку сахара, а сахар-то в поле растет. Стало быть, и соль должна в поле расти, ежели ее зернышки посеять; верно, и телята вырастут, ежели сыр в землю закопать, и — куры, ежели засеять яички, так что самое лучшее — выделить из общинных земель большой клин, вспахать его хорошенько и отборонить, а затем посеять на нем с Господнего благословения соль (которой, кстати сказать, в Шильде было куда меньше,

чем дураков). Так они получают свою соль, и не придется им никому в ножки кланяться.

Как решили, так и сделали, поле то перепахали, хорошенько взборонили и, как им шутовская их мудрость подсказывала, густо засеяли солью — в надежде, что Господь благословит их труды — ведь сеяли они с его именем — и пошлет им богатый урожай, коим не грех и поживиться, ведь то добрая пожива, не то что у тех перекупщиков-кровососов. А чтобы поле получше уберечь, они на каждом из его четырех углов (в отличие от ратуши, поле их было четырехугольным) поставили по сторожу — птиц отгонять, ежели птицы начнут посеянную соль склевывать.

Не прошло много времени, как поле буйно зазеленело, и шильдбюргеры всем скопом выходили любоваться, как притко соль растет. Некоторые говорили, что они даже слышат, как она растет, ведь был же некто, кто мог слышать, как трава в поле растет. И чем выше поднимались зеленыя, тем пышней расцветали надежды шильдбюргеров, каждый из них в ту пору спал и видел, как он эту самую соль четвериками загребать будет.

Очень они беспокоились, как бы им понадежнее уберечь свое соляное поле, которое не грех было бы и увеличить во много раз, и вспомнили тут, что не только птицы могут повредить урожаю, но и всякие другие твари, как-то: лошади, коровы, овцы и особенно распроклятые козы — великие охотники соль лизать. Пришлось им в придачу к четверым сторожам поставить еще одного — верховного стража, коему было строгонастроено приказано: если забредет на пашню ненароком корова, коза, лошадь или овца, то должен он ее отгонять всеми возможными способами: толчками, тычками, тумаками, ударами палки и громкими проклятиями, что он и поклялся в точности выполнять, а как он свою клятву сдержал, о том речь впереди пойдет.

Глава пятнадцатая

КАК НА СОЛЯНОЕ ПОЛЕ СКОТ ЗАБРЕЛ И ВЕРХОВНЫЙ СТРАЖ ЕГО ОТТУДА ПРОГОНЯЛ

Клянусь святым Витом, в толк никак не возьму, как это верховный страж — остолоп этакий! — проглядел и на соляное поле забрело целое неразумное стадо. Боль-

шой урон оно полю нанесло, много всего затоптало да опустошило, так что жаль было доброй соли, которая тут погибла, а особливо той, что еще должна была тут вырасти. Верховный страж вмиг вспомнил, что ему было приказано и что он выполнить поклялся; увидел он, как поле повытоптано и какой урон нанесен, так что гнать скотину уже смысла не было, и крепко струхнул, и задумался вот о чем: ежели сейчас уже бестолковая скотина столько всего сожрала, то сколько она еще погубит, когда поле колоситься начнет.

Посему поспешил он в город в большой тревоге — частью из-за себя, что он клятву свою не выполнил, частью из-за нанесенного Шильде урона — и доложил все по форме, как есть, городскому голове и славным шильдбюргерам. Те тоже не знали, как делу пособить, и созвали срочную общую сходку, и каждый должен был высказаться, как тут быть: чтобы соли еще больше не погибло и чтобы верховному стражу, который в столь опасном положении дров не наломал и ничего на свой страх и риск не предпринял, все же поспособствовать от скота избавиться. Ибо дуделками да пищалками тут делу не помочь, скотина все-таки, а не птица какая, и остальным стражам ничего насчет этого приказано не было.

Долго они судили да рядили, и так и этак дело поворачивали, налицо и наизнанку смотрели, с той и с другой стороны, сверху и снизу, пока у них голова кругом не пошла и не решили они назначить четырех судей, ибо судей неразумная скотина, пожалуй, пуще всех испугается. Судьи должны были пойти на соляное поле, посадить там главного стража на носилки, дать ему в руки длинный кнут и таскать его рысью по полю вдоль и поперек, покуда он своим кнутом всю проклятущую нашкодившую скотину прочь не прогонит. Сам же главный страж ни в коем случае по полю ходить не должен, чтобы посеву большего вреда не нанести и тем самым клятвы не нарушить. Верховный страж столь милостивому решению очень обрадовался, тут же на носилки взобрался и на них расселся, точно папа римский, коему он себя в мыслях своих уподобил. Судьи же его до тех пор по полю таскали, пока он всю проклятущую скотину не прогнал. Будь я сам таким верховным стражем, я бы согласился, чтобы меня хоть целый год по два раза на дню так на носилках таскали.

Само собой разумеется, четверо судей, что верховного стража по полю носили, никакого урона подрастающей соли не причинили, ибо были они непрременные члены суда и своими слоновьими ножищами деликатно ступать умели и об общей пользе так радели, что никакого вреда принести не могли.

Глава шестнадцатая

КАК ПОД ГОРОДОМ ШИЛЬДОЙ СОЛЬ В ПОЛЕ ВЫРОСЛА И ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПЫТАЛИСЬ ЕЕ ЖАТЬ

Поле под Шильдой сперва зазеленело, потом зацвело, а в конце концов то, что шильдбюргеры принимали за соль, поспело, и походило это более всего на бурьян, чертополох и другую сорную траву, о коей говорят, что все ей нипочем, даже если на нее огненный дождь прольется. Как-то один шильдбюргер поспешил на то соляное поле по нужде, ибо — под воздействием своей прежней мудрости, что не так-то легко подавить, ведь она, как старая ива, гнется, но не ломается, — рассудил, что ничего зря пропадать не должно, все должно послужить общей пользе. Когда он так рассудил, то счел, что тем самым свой долг перед общиной выполнит, как всякому доброму бюргеру полагается и как, например, поступил тот, кто общине старый рыбачий невод, хоть и весь драный, безвозмездно подарил и большую благодарность сограждан заслужил, ибо шильдбюргеры, не всю свою мудрость еще полностью растерявшие, ценили добрую волю, сердце и душу дарящего выше, чем истинную ценность его дара.

Потому так спешил тот благочестивый шильдбюргер, словно на крыльях летел, пока на поле не попал, куда добирался. Там он присел посреди травы, как то у мужиков в обычае, особенно в пору, когда вишня уже поспела и на землю попадала.

Когда он дела свои справил, сорвал он пук благородной соляной травы (считая, что и более того заслужил), для того чтобы кое-что подтереть и нос прочистить. И оказалась она столь терпкой, что он от боли сразу же взвыл, трава та на язык ему попала и так обожгла, что он стал взад-вперед по полю бегать словно полоумный и орать во всю глотку: «Ну и сильна! Ну и сильна!»

Но потом опомнился и решил, что трава от соли так сильна и жгуча, ведь бывает же, что горчица глаза ест, и тотчас надумал общине это доложить. Припустился он во всю прыть, чтобы никто его не опередил, прямо в город Шильду (надобно сказать, что лишь с тех пор, как заделались жители Шильды шутами да дураками, стали они свою Шильду городом называть, а кто ее по-старому называл деревней, того тотчас в колодезь кидали, если он не предпочитал в бутылку углубиться) и, добравшись до Шильды, стал бить в большой колокол, чтобы все на площадь собрались и радостную весть услышали: соль в поле уже поспела и такой острой оказалась, что язык обжигает, из чего следует, что хорошо удалась.

Словами его вдохновленные, шильдбюргеры всем скопом в поле отправились, где тот вестник все, что с ним было, рассказал и показал, и они все сами на себе попробовали, городской голова прежде всех остальных, за ним выборные советники, а под конец все прочие. Когда они все это проделали, то очень обрадовались и каждый себя уже могущественным соляным владыкой считал.

Вот и пришло время для жатвы и сбора урожая, чтобы соль попусту не выветрилась да не опала, и шильдбюргеры вооружились всем, что считали для той работы необходимым. Одни взяли серпы, чтобы соляную траву жать; другие приехали с телегами, запряженными лошадьми, чтобы погрузить ее и в город везти, словно коноплю, а некоторые и цепи с собой захватили, чтобы соль вымолачивать.

Соль та оказалась до того крепка, что, когда они попытались ее жать, она им руки обожгла да ободрала до самых локтей. Надо было бы надеть рукавицы, но шильдбюргеры побоялись, как бы их на смех не подняли — на дворе-то лето стояло. Нашлись умники, что предложили соль косою косить, как траву — на сено, другие этого не советовали, так как семена могут осыпаться. Третьи же подсказали: хорошо бы соль стрелами сбивать, — но это дело не пошло, потому как не было среди шильдбюргеров метких стрелков, а со стороны приглашать они никого не пожелали, испугались, как бы чужеземцы их секрет возделывания соли не похитили. Короче говоря, так ничего они и не достигли. Пришлось им оставить соль в поле необранной до той

поры, покуда какая-нибудь удачная мысль в голову не придет. И ежели до этой затеи у них было мало соли, то теперь ее осталось всего ничего: что в пищу не употребили, то на поле просыпали. Очень они оттого страдали, что соль у них совсем истощилась: ни в еде ее не стало, ни в шутках, которые сделались совсем пресными, ибо еще прежде, отказавшись от мудрости, шильдбюргеры чрезмерно себе тем насолили.

Можно было бы им посоветовать сушить на печке прошлогодний снег и употреблять вместо соли; так один мудрец в древности делал, но сильно своим искусством злоупотреблял, а потому плохо кончил. Но что говорить? Никто из шильдбюргеров не мог догадаться, почему их соль оказалась такой кусачей. То ли поле они неправильно возделали, то ли навоза переложили или недоложили — другой раз, решили они, нужно будет делать получше, да непременно все примечать и записывать. Я-то знал, что трава, которая шильдбюргерам так руки пожгла, — это просто крапива; но говорить им о том не стал, чтобы их шутовству тем не повредить и чтобы они награду за то получили, как мы за свое получим. К тому же в шутовской моей голове бродила еще и другая мысль: не любим мы — и шильдбюргеры тут не исключение, — чтобы нам наши ошибки и недостатки под нос совали и на нашу глупость указывали. Известно, не дело осла другого осла длинноухим ругать!

Глава семнадцатая

КАК ИМПЕРАТОР УТОПИИ ВОЗВЕСТИЛ ШИЛЬДБЮРГЕРАМ О СВОЕМ ПРЕДСТОЯЩЕМ ПРИВЬГТИИ И КАК ОНИ В СПЕШКЕ ГОРОДСКОГО ГОЛОВУ ВЫБИРАЛИ

Покуда весть о былой мудрости шильдбюргеров разнеслась по всему белу свету, прошло немало времени. Зато слух об их шутовстве и глупости разлетелся куда быстрее, и очень скоро на земле не оказалось никого, кто бы не прослышал об их проделках. По правде говоря, в том нет ничего удивительного: ведь с тех пор, как мы, люди, лишились мудрости, превратились в шутов да глупцов, да еще по своей охоте, мы чаще слушаем о всяких глупостях и шутовских проделках, а мудрость нас интересует мало. Так оно и с шильдбюргерами случилось. Чтобы люди прослышали об их уме и мудрости,

понадобилось много лет, а молва об их глупости проне-слась, словно молния, еще прежде, чем они стали насто-ящими глупцами.

Как-то раз император Утопии, коего некоторые счита-ют всего только королем, прибыл по своим делам в соседний с Шильдой город, и местные жители стали рас-сказывать ему о диковинных шутовских проделках жителей Шильды. Император очень удивился, ибо в прежние времена сам не раз прибегал к мудрым советам шильдбюргеров. Ну, а так как ему все равно надо было ждать, покуда в тот город съедутся все его вассалы, он решил сам поехать в Шильду и на месте удостовериться, так ли все обстоит, как ему рассказывали, или это про-сто пустая болтовня и досужие выдумки. Он поступил, как один хороший подмастерье, который тоже сам все хотел узнать и во всем убедиться. Однажды, заручив-шись обещанием, что жена его будет держать язык за зубами, тот подмастерье шепнул ей по секрету, что их сосед снес яйцо. Не прошло и получаса, как жена рас-сказала об этом своей подруге, тоже, разумеется, по секрету, но яиц стало уже два. Та, по страшному секре-ту, рассказала это третьей подруге, которая, в свою оче-редь, добавила еще одно яйцо; дальше — больше: когда наступила ночь, сосед того подмастерья снес уже дюжину яиц.

Умудренный опытом, император сперва отправил в Шильду послов с известием о своем скором прибытии, чтобы оно не застигло шильдбюргеров врасплох. При этом он велел им передать, (должно быть, хотел про-верить, подлинны ли они дураки или только прики-дываются), что он не только подтверждает давние права и вольности города Шильды, но готов предоста-вить им еще больше свобод и милостей, ежели горожа-не на его приветственную речь, с которой он первый к ним обратится, ответят присказкой, да непременно в римфу. Пусть они покамест об этом поразмыслят, а его, когда он прибудет, встретят полуверхом-полу-пешком.

У бедняг шильдбюргеров от такого известия поджилки затряслись, перепугались они пуще кошки, приметившей живодера, или барашка, который встре-тил скорняка. Ибо хотя они были рода мужицкого и слыли людьми простыми и недалекими, боялись они, что император их уловку разгадает (ведь известно,

император видит дальше, чем простые смертные, подобно тому как у больших господ руки длиннее: как бы далеко ты ни был, обязательно тебя сцапают). И кто его знает, может, император разгневается и не только лишит шильдбюргеров прежних милостей, но еще и заставит их сбросить шутовские колпаки, вновь стать мудрецами и начать все сначала.

А причина такого беспокойства у них была: шуточное ли дело — по собственной воле стать шутами, отказавшись умом служить общему благу, то есть безо всякого соизволения начать валять дурака! Спокойнее подождать, пока ты в самом деле не поглупеешь или ближние твои тебя дураком не сделают, не пробуравят, не обточат, стружку с тебя не снимут, в десяти водах не прополощут, после чего ты без всякой робости можешь дураком называться, и пусть всяк тебя тем именем бранит, даже еще больший дурак.

В таком страхе шильдбюргеры сразу вспомнили о своей былой прозорливости и очень скоро нашли выход из беды. Прежде всего навели они порядок в хлеву и на кухне с превеликим усердием, чтобы ничего им не забыть и принять императора самым достойным образом.

Но даже стадо свиней немислимо без пастуха, как тело без головы, а они, к своему несчастью, оказались в ту пору без городского головы, ибо прежний их голова, при котором они шутовством заниматься начали, M.O.R.U.S. по кличке (не будь и ты таким!), до того лихо дурака из себя разыгрывал, что для такой службы более не годился. Поневоле обратившись к бывшему разуму, они поняли, что им такого городского голову надо выбрать, чтобы все к нему слетались, как мошки к очищенному яблоку. Собрались они на сходку и стали думать, кого бы им, не возбуждая раздоров, городским головой сделать; ведь как обычно бывает, когда должность или дворянство раздают, каждый хочет оказаться первым и лучшим.

Чтобы избежать такого неприятного положения, было, после общего опроса, решено: раз императору придется ответить присказкой, да еще в рифму, пусть тот, кто на следующий день лучшую присказку скажет, и будет городским головой. Должны были все хорошенько голову поломать, затем всю ночь проспять, а к утру что-нибудь придумать. Разошлись шильдбюргеры

по домам и всю ночь мозги себе терзали, ибо не было среди них ни одного, кто не мечтал бы стать городским головою. Так они все ночные часы и промаялись, слова подбирали, их на части раздирали, склоняли и спрягали, а к утру едва знали, откуда у них голова растет.

Среди тех, кто так мучился, был один славный человек, свинопас. Хоть он и начальствовал уже над одной общиной, то бишь стадом свиней, он не прочь был подняться выше и сменить приход на аббатство. Поэтому он уже примерял к себе означенную должность и одолевали его тревожные мысли, так что ночь он провел беспокойно, ворочался с боку на бок и жену свою за такие места хватал, что мне о том и упоминать не следует. А жена была женщина очень хозяйственная и от своего бывшего ума припасла кое-что на черный день (женщины нередко на кухне бережливы бывают, чтобы и в черный день было чем полакомиться). Сразу же она заметила, что муженек ее чем-то встревожен, и спросила, что с ним стряслось: не может ли она ему помочь или совет дать. Сначала он отвечать не захотел, потому что посчитал нечестным женину подсказку использовать. Но когда она от него отвернулась (такова женская хитрость, все женщины непременно узнать желают, что говорится и что делается), пришлось ему, чтобы ее смягчить, все рассказать насчет выборов городского головы; конечно, с условием, что она никогда никому не откроет, что ему совет давала.

Узнав, что мужа заботит, жена свинопаса более всего на свете захотела стать женой городского головы. И скоро придумала, как тому делу помочь. «Дорогой муженек, — сказала она свинопасу, — не мучай себя понапрасну, а лучше ответь: что ты мне подаришь, если я тебе такую складную присказку подкажу, что ты станешь городским головой?» — «Если ты так сделаешь, — ответил свинопас, — я куплю тебе новую красивую шубу». Жена, которая в мыслях уже видела себя супругой городского головы, была этим ответом донельзя довольна и стала свинопасу на ухо стишок нашептывать:

— Вот все говорят, государи мои,
Что нет скотины грязнее свиньи.
А я скажу, государи мои,
Что нет скотины вкуснее свиньи.

Этот стишок она прошептала ему ровно девяносто девять раз, и он столько же раз повторил его за ней, пока окончательно его не проглотил, то бишь запомнил. А до того он его жевал и жевал, как сынишка его жуёт заданный урок, и едва дождался утра, так ему не терпелось побыстрее пойти в ратушу. То же самое творилось и с другими шильдбюргерами, у всех головы от усердного сочинительства распухли, и каждый уже считал себя городским головою.

Тем временем рассвело, пора было идти на выборы, и каких только чудесных, благозвучных присказок они там не услышали! Просто диву даешься, откуда вдруг все такими искусниками стали: не иначе как к прежней мудрости обратились и из нее все это извлекли.

Мне только жалеть приходится, что не все их рифмованные присказки известны и на бумагу записаны. Потому следует утешаться лишь несколькими, кои в памяти до сих пор сохранились.

Четвертый по счету шильдбюргер (присказки трех первых для нас навсегда потеряны) выступил вперед и, отдав поклон, произнес:

— Хотя я есть простой мужик,
А присказки сказывать тоже... умею.

— А лучше ты ничего не мог придумать? — закричал на него пятый шильдбюргер. — Проваливай, я хочу быть городским головой! Vide¹.

Я пикой своей хорошо владею,
Хоть больше мотыгой работать... привык.

— И только-то? — спросил седьмой, поскольку про шестого в итальянской рукописи никаких сведений нет. — Ну, ты истинный городской голова. Только я тебя переплуну. Audi².

Гансом с детства звали меня,
Но в обиду не дам я... своих детей.

— Как он рвется стать городским головой, — сказал восьмой, — но ему до этого далеко. Пожалуй, я им стану. Audi, conveni³.

¹ Гляди (лат.).

² Слушай (лат.).

³ Слушай, соглашайся (лат.).

Говорят, голова у меня дурна,
Неправда, я шельма, каких... мало.

— Пожалуй, этот тоже на должность не тянет, — сказал десятый. — Но послушайте лучше меня:

Зовусь я Гансик Брадобрей,
Стоит мой домик... на горе.

— Ты, верно, станешь головой! — сказал одиннадцатый. — Только почему мы, мужики, пики наши задом наперед носим. Попробую-ка я:

Чего мне долго рифмовать,
Пойду я лучше... закусить.

— Никто меня пока не превзошел, — заявил тринадцатый, — сейчас я скажу:

Кто рифмовать не научился,
Того повесить я был бы... рад.

— Долой такие присказки! — воскликнул четырнадцатый. — Поспорим, что я стану городским головой.

Хочу я быть городским головой,
Поэтому я сюда к вам... явился.

Много еще других присказок было произнесено, но в рукописи, мышами изглоданной, их уж не прочесть. Известно, что пока те, коих я назвал, и многие другие свои присказки выкладывали, бедный свинопас стоял поодаль ни жив ни мертв. Он боялся, как бы кто его стишок не сказал и его не обошел. И когда кто-нибудь случайно произносил одно-единственное словечко из его стишка, он пугался до смерти, и душа его уходила в пятки. Тут дошла очередь до него, он выступил вперед и сказал присказку своей жены, которую повторил до того чуть ли не тысячу раз, хотя получилось у него немножко не то:

— Вот все говорят, государи мои,
Что нет скотины вкуснее свиньи,
А я скажу, государи мои,
Что нет умнее моей жены.

Услыхав такое, советники воскликнули:

— Это уже на что-то похоже! А ведь у него и впрямь складно получилось!

Тотчас приступили к голосованию и, разумеется, выбрали городским головой свинопаса. Ибо все шильдбюргеры сочли, что этот уж сумеет ответить императору в рифму и поддержать компанию. Кроме того, он все же был должностным лицом, а не простым мужиком, как остальные.

Свинопас наш был оказанной ему честью чрезвычайно доволен, потому что долго об этом мечтал и его желание сбылось. Он понял, сколь отличаются друг от друга счастье и несчастье: как день от ночи, ибо прошлой ночью он был еще свинопасом, а теперь стал полновластным правителем города Шильды.

Глава восемнадцатая

КАК ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА ХОДИЛ В БАНЮ И КАК ОН СЕБЯ ПРИ ЭТОМ ВЕЛ

Должность городского головы так вскружила нашему свинопасу голову, что он непрерывно упивался своей победой и каждые десять минут говорил жене: «Женушка, а ведь у меня получилось». И вот пожелал он, как ему теперь подобало, смыть с себя свиную грязь, пыль и прочие нечистоты, чтобы одеждой, речами, жестами и т. д. соответствовать своему новому достоинству. И потому решил в субботу отправиться в соседний город в баню. По дороге встретил своего знакомца, с которым прежде свиней вместе пас, а тот, не ведая о его избрании, возьми да обратись к нему запросто на «ты». Тут городской голова его на место поставил, сказав: «Ты не должен нам более тыкать, мы не те, что были прежде! Мы теперь — господин городской голова Шильды». — «Черт побери! — сказал его прежний знакомец. — Я же об этом ничего не знал. Господин городской голова, уж простите мне мою дерзость. Желаю счастья вашим подданным». — «Благодарствую, — ответил на это городской голова. — Невоспитанный, однако, народ живет по соседству с городом Шильдой. Другие правители, наши предшественники, разрешали им жить как они хотят, оттого они взяли себе много воли. Теперь-то мы ими займемся, все силы этому отдадим, ночей спать не будем, от забот не отдохнем, наведем здесь порядок, не будь мы господин городской голова».

Итак, господин городской голова продолжал свой

путь и пришел в баню. Там он повел себя очень достойно, сидел, погруженный в серьезные мысли, считал что-то на пальцах, говорил сам с собою, а более ни с кем, так что те, которые его прежде знали, подивились такой перемене и решили, что одолела его меланхолия, ведь они не знали, что его выбрали городским головой и эта честь доставляла ему столько хлопот. Между тем он обратился к своему соседу по лавке и спросил: та ли эта лавка, на которой сидят обычно благородные господа. Сосед ответил коротко: «Та самая». — «Надо же, как я угадал! — сказал городской голова. — Верно, скамья сама почуяла, что я и есть городской голова Шильды».

И когда он так сидел и исправно потел, подошел к нему банщик и говорит: «Любезный друг, ежели вы голову уже помыли и вас растерли, то так и скажите; а ежели нет, я сейчас щелок принесу и вас хорошенько поскребу». Городской голова, который потел, погружившись в глубокую задумчивость, ответил ему на это так: «Любезный банщик, сам не знаю, мылся я уже или не мылся. У таких людей, как мы, столько забот об общем благе, о правосудии и обо всем прочем, что мы таких мелочей просто не замечаем. А я к тому же должен еще думать, как мне ответить императору в рифму. Пойми меня правильно, я ведь как-никак городской голова Шильды». Такая речь, произнесенная очень серьезно, всех, кто был в бане, чрезвычайно насмешила, и принялись они хохотать, как самые настоящие дураки. Однако оставим пока городского голову в покое, пусть он еще попотееет.

Глава девятнадцатая

КАК ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА ПОКУПАЛ ЖЕНЕ НОВУЮ ШУБУ И КАКИЕ В ТОМ БЫЛИ ПОМЕХИ

Благородная госпожа, супруга городского головы, не забывала время от времени напоминать ему про обещанную шубу. И было это справедливо, особенно ежели учесть, кем они оба были и кем стали: ведь столько лет он вынужден был пасти свиней, а ей все эти годы пришлось быть женой свинопаса. Так что он, который столь сильно пекся о справедливости, непременно должен был выполнить свое обещание и купить жене заслуженную ею шубу.

Поэтому, когда случилось ему, вступив в должность, вновь отправиться по важным делам в соседний город — уже после того, как он побывал там в бане, — госпожа его не позабыла в очередной раз напомнить о шубе, которую он обещал ей за то, что она помогла ему стать городским головой. Отсюда следует, что уж лучше женам сразу обещанное купить, чем вечно слушать их попреки и напоминанья; ибо память у них хо-хо-хорошая, как сказал один шильдбюргер, который желал быть писцом, но не умел ни читать, ни писать, ни говорить без заиканья. Но извините меня за задержку, любезные шильдбюргеры, просто я по-по-поперхнулся.

Когда городской голова пришел в город, он сразу же у ворот обратился с вопросом к стражнику, где тут живет меховщик. Стражник показал ему дом меховщика, но наш городской голова от него не отстал и задал следующий вопрос: тот ли это меховщик, у которого покупают шубы господа городские головы, ведь он как-никак недавно назначенный городской голова Шильды. Тогда стражник решил, что у гостя, пожалуй, не все дома, может, он на мельницу ненароком забрел и его мегиком по голове стукнули — в пору, как говорится, за подмогой бежать и караул кричать. Показал он ему дорогу к бочару, что жил на другом конце города и был большой шутник: у него, дескать, спроси про шубу, что покупают господа городские головы.

Наш городской голова пошел, куда ему было указано, и спросил про шубу, что подходит для городского головы. Бочар сразу смекнул, что перед ним за птица, и сказал: очень-де ему жаль, что не может он его милости помочь в этом деле, но вчера был базарный день, и он все такие шубы распродал. Посоветовал он ему пойти на другой конец города в дом каретника: у того он найдет шубу, какую ему надо.

Пришел наш господин к каретнику и спросил, не продаст ли тот хорошую шубу, он ведь как-никак городской голова Шильды. Каретник, тоже изрядный насмешник, послал его к столяру, столяр — к шпорному мастеру, шпорный мастер — к шорнику, шорник — к органисту, органист — к студенту, студент — к одному домоседу, домосед — к переплетчику, переплетчик — к рыбаку, рыбак — к старой карге, старая карга — к подмастерью печатника, тот — к книготорговцу, перед

лавкой которого можно часто найти шильдбюргеров, а книготорговец направил его к пирожнику: у того, дескать, шубы какие душе угодно.

Когда господин городской голова пришел к пирожнику и спросил про шубу, тот ему ответил: сейчас у него шуб нет, но ежели гость чуток подождет, он ему от того теста, что для пряников намешано, кусок отрежет и шубу скоренько испечет. В случае ежели та шуба благородной госпоже не понравится, они могут ею за завтраком лакомиться — каждое утречко по кусочку. Господин городской голова его поблагодарил и сказал, что очень уж много времени он на беготню потратил, ждатель ему недосуг: ему пора домой возвращаться и службу свою исполнять, он ведь как-никак городской голова Шильды. Пирожник подбрее остальных был и подумал, что довольно уже городской голова набегался, пора его пожалеть, и указал он ему дорогу к скорняку, где он наверняка шубу найдет какую пожелает.

Скорняк его перво-наперво спросил, какую ему надобно шубу: какой ширины да какой длины? Городской голова ответил: «Ежели шуба мне придется впору, то будет хороша и моей жене, госпоже городской голове. Ведь моя шляпа ей вполне по размеру, а ее шляпа — мне; потому и шубу надо тоже по моей мерке покупать». И купил городской голова роскошную шубу, в которой его супруге было бы не зазорно и в самом большом городе показаться.

Когда пришел городской голова домой, жена его очень обрадовалась шубе (кто знает, обрадовалась ли она так же самому городскому голове). Она ее сразу же надела и давай туда-сюда вертеться, чтобы на нее поглядели — и справа, и слева, и спереди, и сзади, и сверху, и снизу. Затем проверила шубу снаружи, поглядела с изнанки. И после того, как она натешилась и шубу со всех сторон осмотрела, попросил ее господин городской голова испечь ему за труды пирог, он-де поставит от себя еще колбасы и вина. Жена на то согласилась.

Но поскольку вознамерилась она испечь ему ржаные колобки, которые пекла еще в бытность его свинопасом, он указал ей строго: «За кого ты меня принимаешь? Что я тебе, свинопас? Забыла, что ли, что я не любитель колобков, я как-никак городской голова Шильды?»

Испекла она ему тогда благородный пирог, сиречь штрудель: они его вместе едали, за обе щеки уплетали и добрым вином запивали.

Жена городского головы была выпить не дура, да супруга своего немножко побаивалась, потому надумала она такую хитрость. «Ты не поверишь, — сказала она ему, — как я рада этой шубе». — «А это правда?» — стал допытываться муж. «Истинная правда, — отвечала жена. — Пусть я этим вином поперхнусь, ежели я солгала». И она сделала добрый глоток вина. Немного погодя она сказала: «А батрак нашего соседа ночевал у служанки». — «Неужели? — спросил муж. — Да как же это возможно?» — «Возможно, — сказала жена. — Пусть я этим вином поперхнусь, ежели я солгала». С этими словами она сделала второй добрый глоток. Еще немного погодя она сказала: «А наша Грета подралась с соседской дочкой». — «Да ну! — сказал городской голова. — Что ты говоришь?» — «Это так, — подтвердила ему жена. — Ежели я солгала, пусть это вино в яд превратится». И она снова отхлебнула из бутылки, да так изрядно, что у нее слезы на глаза навернулись. Эту уловку она повторяла много раз, пока бутылка не опустела. Ежели бы я при том был, я бы с ними ел да пил, и ты бы, дурень, уж верно, не сплеховал, за обе щеки уплетал и выгоды своей не забывал.

Глава двадцатая

КАК ЖЕНА ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ В НОВОЙ ШУБЕ ПРОПОВЕДЬ СЛУШАТЬ ХОДИЛА И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Всю следующую ночь жена городского головы с боку на бок переворачивалась и тяжкую думу думала, куда бы ей в новой шубе выйти, чтобы перед шильдбюргерами покрасоваться, мужа честь не уронить и выглядеть так, как это госпоже городской голове пристало. Таков уж женский нрав, что они только и думают, как бы принарядиться, да нарумяниться, да всякими благовоньями умастить, да талию покрепче стянуть, а все другие места распушить и т. д., чтобы честь мужа поддержать (что за честь!), благоволение его снискать и на всякие мысли его навести. Когда она так ворочалась и господина городского голову ненароком локотком в

бок толкнула (а ему тоже его дурацкое нутро всю ночь покоя не давало), он проснулся и спрашивает: «Ты с кем лежишь?» Она сделала вид, что спит, ничего не ответила, как собака, которую хозяин спрашивает, а та говорить не может. Подождал он полчасика и снова тот же вопрос задал. Так как сам он полным титулом ее не назвал, подумала она, не грех глазок прикрыть, как один нищий делал, который глаз прикрывал и сразу же за слепого сходил.

Ответила она сонным голосом: «С тобой». Господин городской голова, который почетного титула своего не услышал, рассерчал маленько, что она так запросто к нему обращается, снова толкнул ее и спрашивает: «Милостивая государыня, госпожа городская голова, с кем ваша милость лежит?» Жена, раздосадованная его вопросами, поскольку полна она была мыслями о шубе, отвечает ему гневно: «Что ты все спрашиваешь и меня будишь? А лежу я с дураком набитым!» — «Э, нет, жена, — разозлился городской голова, — не надо говорить, что ты с дураком набитым лежишь, ибо тот, с кем ты лежишь, как-никак городской голова Шильды». Из того ответа поняла госпожа, что его милость супруг сильно на нее разгневался, повернулась к нему, сладко зевнула и сделала вид, что только сей момент ото сна пробудилась. «Что тут стряслось?» — спросила она мужа. А затем за окном светать начало, свинья к ним прибежала и за ухо их кусала.

Госпожа городская голова никак утра не могла дожждаться, не терпелось ей выйти на люди в новой шубе. Потому она очень обрадовалась, когда солнышко выглянуло и день наступил. Встала она раненько и давай красоту наводить, пудриться да румяниться, ведь день был воскресный и все шильдбюргеры в церковь пойдут, вот и случай сразу перед всеми в новой шубе показаться, а не бегать из дома в дом да из хлева в хлев, что слишком много времени займет, а ведь надо покрасоваться и передо мной, и перед тобой.

Этими мыслями была она так занята, что даже колокольный звон не услышала, которым на проповедь созывали. И когда наконец была совсем готова и супруга, который зеркало перед нею держал, в сотый раз спросила, так ли она сзади и спереди выглядит, как госпоже городской голове пристало, а он в сотый раз «да» ей ответил, то вышла она из дома и напрямиком

направилась в церковь. И гордо так по улице выступала, словно коза, на которую новую веревку повязали.

И уж не знаю, чья в том вина: то ли госпожа городская голова слишком долго собиралась, то ли служба больно рано зазвонил, или, что более вероятно, господин священник накануне в трактире допоздна засиделся и к проповеди кое-как подготовился, так что вышла она очень короткая. Так или иначе, когда она в своей новой шубе в церковь вошла, проповедь в аккурат закончилась и все шильдбюргеры со скамей повставали. Госпожа этого не поняла и себя уговорила, что это они в ее честь встали, ведь муженек-то ее как-никак городской голова, а она — госпожа городская голова, да еще в новой шубе, и, верно, шуба ее соседям очень понравилась. И заговорила она кротко и учтиво (а речь свою заранее, еще дома, приготовила): «Любезные соседусики, я ведь не забыла еще те дни, когда сама была такой же бедной, как вы, и такой же оборванкой ходила. Поэтому садитесь снова каждая на свое место». При этом она благосклонно во все стороны кивала.

Следом за ней в церковь вошел сам господин городской голова, который припозднился, потому что бороду свою долго расчесывал. Увидев, что собаки вокруг церкви гоняют и непотребно себя ведут, он серьезно, со всем усердием шильдбюргерам на то указал: «Собаки должны порядок блюсти, так же как и все мои подданные, и я этого добьюсь, не будь я ваш городской голова».

Проповедь была в тот день очень короткая, по известной вам причине, ибо поп говорил только о четырех вещах. Первую, говорил он, я знаю, а вы не знаете; вторую, говорил, вы знаете, а я не знаю; третью мы все не знаем, а четвертую мы все знаем слишком даже хорошо. Штаны у меня продрались — это я знаю; но длинная ряса их закрывает — поэтому вы о том не знаете, если я сам вам не скажу. Только вы знаете, подарите ли вы мне новые штаны, а я не знаю. Я должен вам сказать, что из святого Евангелия сегодня читать полагается, но я этого не знаю — черт меня подери! — а вы уж тем более не знаете. Но где находится наш трактир, отлично знаем и я и вы. Поэтому пусть каждый возьмет свою палку и мы все вместе туда отправимся, а за столом будем совет держать, как нам императора лучше встретить.

КАК ИМПЕРАТОР ЕХАЛ В ШИЛЬДУ И ПО ДОРОГЕ УВИДЕЛ
ШИЛЬДБЮРГЕРА, КОТОРЫЙ ЕЛ ХЛЕБ С СЫРОМ,
И КАК ЕГО ВСТРЕТИЛИ ЖИТЕЛИ ШИЛЬДЫ

Когда император ехал из Миснопотамии в Шильду и был уже совсем близко от цели, увидел он на поле пастуха, который стоял, опершись на посох, а в руке держал ломоть грубого черного хлеба, испеченного пополам с мякиной. Император сказал: «Очень уж у тебя грубый черный хлеб». — «Да, — ответил шильдбюргер, — но мне он по вкусу». — «Как можешь ты есть такой хлеб, — удивился император, — и почему ты от этого не умираешь?» — «А потому, — объяснил пастух, — что я ем его с сыром», — и он показал на сыр, который держал в другой руке. Император вылез из кареты и пошел поучиться, как это можно сделать вкусным простой черный хлеб.

Вы, любезные господа, уже слышали от меня о том, как император посылал послов в Шильду и велел передать шильдбюргерам, что они должны ответить на его приветственное слово присказкой, да непременно в рифму, а встретить его полуверхом-полупешком; тогда он не только подтвердит их старые привилегии, но дарует им еще больше прав и свобод. Все это члены общины обсуждали за вином в трактире, куда, как вы уже слышали, поп повел их после проповеди, и думали они да гадали, как им императорскую волю исполнить.

Перво-наперво решили они эту задачу разделить на две половинки и каждую рассмотреть отдельно, ибо кто умеет все разделить и разграничить, тот все правильно и решает. Потому намерены они были сначала поговорить о том, как ответить императору присказкой да в рифму, а потом уж — каким образом встретить его полуверхом-полупешком.

По первой половине приняли они такое решение. Городской голова должен был непременно опередить императора и заговорить первым, сказав: «Добро пожаловать, господин император, милости просим в город Шильду!» На это император вынужден будет ответить не иначе как: «Благодарствуйте, мудрые шильдбюргеры». И если все получится, как они задумали, городской голова быстро скажет в рифму:

А самый мудрый из нас —
Это наш свинопас!

Так они исполняют первую половину задачи, которую задал им император. Что касается второй половины, то тут мнения относительно того, что означает встретить императора полуверхом-полупешком, разошлись. Некоторые предлагали разделить на два равных отряда: первый выедет верхом, а второй пойдет пешком, и каждый всадник будет ехать шагом рядом с пешеходом. Другим казалось, что надо сделать так: пусть каждый горожанин возьмет коня и одну ногу вставит в стремя, а другой будет скакать по земле — это и означает полуверхом-полупешком. Но третьи предложили вот что: надо встретить императора на палочках-коняшках, ведь говорят: на палочке скакать — наполовину шагать. К тому же палочки-коняшки у всех наготове, уход за ними несложный да скорый, и на землю они седока не сбросят.

Такое предложение пришлось всем шильдбюргерам по нраву, и издан был указ, чтобы каждый приготовил себе такого коняшку, что и было исполнено. Не оказалось в Шильде бедняка, у которого не было бы в доме деревянной лошадки — белой, буланой, вороной, в яблоках или пегой. С большой охотой шильдбюргеры на них скакали и их объезжали.

А когда настал назначенный день и вдали показался император со своей свитой, шильдбюргеры на палочках-коняшках поскакали ему навстречу во весь опор. Только вот с городским головой случилась оказия (оттого, верно, что выкушал он вечером кислое молоко), и пришлось ему с коняшки слезть, от всех отстать и спешно укрыться за навозной кучей.

Между тем император подъезжал все ближе, и пора было уже городскому голове шляпу снимать, а он не может, руки у него заняты. Что тут делать? Сунул он шляпу в зубы, одной рукой штаны придерживает, другой императорскому величеству приветственно машет, а сам кричит:

— Милости просим, император Шильда!
Добро пожаловать к нам за стол!

Император сразу сообразил, что это за птица перед ним, понял он, что шильдбюргеры шуты гороховые и

глупцы изрядные и не зря о них всякие слухи распускают. Он протянул городской голове руку и молвил:

— Благодарствуйте, мудрые шильдбюргеры!

Вот тут-то и надо было ответить в рифму, как было ранее решено на совете. А городской голова, чтобы slučajем не оговориться, стоит и молчит. Тут другой шильдбюргер, видя, что голова со страху язык проглотил, выскочил вперед и брякнул:

— А самый первый шут у нас —
Это городской голова!

А ведь, чтобы получилось в рифму, нужно было сказать:

А самый мудрый из нас —
Это наш свинопас!

Шильдбюргер же решил: что «свинопас», что «шут» — все одно, а городской голова у них и впрямь первый шут, он же бывший свинопас и дурак набитый. Хоть это и не в рифму, но зато правдиво, а потому складно.

Так шильдбюргеры императора встретили. Они скакали впереди его свиты на своих коняшках до самой Шильды, где все они приветствовали его еще раз. Ибо городской голова спешил там со своей лошади, забрался на другую навозную кучу и еще раз приветственно протянул руку императору. Император спросил его: «С чего это ты, чудака, забрался на навозную кучу?» — «Ах, ваше величайшество, — ответил городской голова, — я, остолоп этакий, на земле перед вами стоять не достоин, вот я на навоз и взлетел».

Государь таким ответом удовлетворился, и направились они всем скопом к императорской резиденции, то есть к ратуше. А чтобы его величеству в пути не скучно было, они потешали его всякими историями, которые с ними приключались, а император с благосклонностью им внимал. Пока трапеза готовилась, рассказали они ему, как соль на поле посеяли, и просили, чтобы император за ними привилегию на такой способ добычи соли закрепил, дабы никто другой им не воспользовался. Император милостиво дал согласие на их просьбу, поскольку она была умерена и благоразумна, и заверил, что если будет нужда, они могут рассчитывать на дальнейшую его благосклонность.

Глава двадцать вторая
КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ИМПЕРАТОРУ ГОРШОК
С ГОРЧИЦЕЙ ПОДАРИЛИ

Стали тут шильдбюргеры думать, как им императора уважить и что ему в дар преподнести, чтобы не хуже людей в его глазах выглядеть. Они рассудили про себя, что ежели подарить что-нибудь из золота и серебра, это им слишком дорого станет, а у императора серебряных и золотых вещей и так хоть отбавляй. Из съестного что-нибудь подарить, — к примеру, зелень, морковь, сало, бобы и прочее, — тоже не годится, император в этом не нуждается, он их гость, да и всюду он гость, куда бы ни прибыл, и все обязаны ставить ему угощение. Наконец сошлись на том, чтобы подарить императору большой горшок с горчицей: он, мол, много путешествует, обедает за чужим столом, вот у него и будет всегда при себе приправа.

Заварили свежую горчицу в новом обливном горшке, двое мальчишек притащили тот горшок на доске прямо к императору, а городской голова стал держать перед ним речь: «Ваше горчичество! Нижайше просим принять в дар от жителей Шильды... императора... в этом новом горшке!» Государь-император, услышав такую достойную речь, прыснул со смеху и шляпу снял, чтобы поблагодарить. Но городской голова его перебил и закричал: «Надень шляпу-то, ваше горчичество, плешь застудишь! И на место садись, чего маячишь!» — «И ты тоже садись!» — сказал император городскому голове. «Сейчас рядом сядем да закусим», — предложил городской голова императору. Но тут ребяташки решили горшок с горчицей вниз опустить, и уж не знаю, по какой причине, но так они резко его на пол опустили, что горшок упал и разбился, а вся горчица на пол вытекла. «Вот бесенята проклятые! — напустился на них городской голова. — Вот неслухи, вот разбойники, вот изменники, бунтари, изверги рода человеческого! Разве же это не злодеяние? Какой горшок разбили! Какая горчица пропала! За семь верст от нее в носу свербило, а вы ее на пол вылили! Государь император, вы хоть попробуйте!»

С этими словами зачерпнул голова горчицу при-

горшней и сунул ее императору под нос. Император пробовав горчицу не стал и сказал так: «Запах горчицы я и так слышу — пахнет она отменно. И вместе с тобою скорблю об уроне, однако с благодарностью отмечаю добрую волю и желание мне угодить». — «И правильно делаете, что отмечаете! — воскликнул городской голова. — Это для нас самая большая награда».

Глава двадцать третья

КАК ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА С ИМПЕРАТОРОМ ЗА СТОЛОМ СИДЕЛИ И О ЧЕМ ОНИ ПРИ ЭТОМ ГОВОРИЛИ

Император, увидев к себе такую любовь, пригласил городского голову и его советников с ним откусать. Когда они места заняли за императорским столом, рядом с его величеством оказался только сам городской голова, и было там много интересных разговоров, все их я пересказывать не стану, но некоторые упомяну. Городской голова долгим и пронзительным взглядом глядел на императорского сына. Император это заметил и спросил: «Что ты о нем думаешь?» Голова ответил: «Ваше величайшество, случайно это не ваш сын?» — «Мой», — подтвердил император. «Я это сразу угадал по его носу, — сказал довольный городской голова, — но ответьте мне, ваше величайшество: жена у него уже есть?» — «Нет, — ответил император, — пока еще нет; может, ты какую подходящую знаешь?» — «Как не знать, — сказал городской голова. — Но об этом нам следует говорить потише и, чур, меня не выдавать. Девушка она замечательная и добрых правил. Пусть ваше величайшество только разочек взглянет, как она по утрам по колено в навозе стоит и хлев чистит. Я знаю, она вам самому сразу понравится. Но только прошу еще раз меня не выдавать».

«Как же мы сладим это дело? — спросил император. — По твоему разумению, с чего надобно начать?» — «Начать надо с малого, ваше величайшество, и все получится как надо, — сказал городской голова, — после чего я крикнуть смогу: «Ура! Городской голова пьет!» Ежели бы вы соизволили подарить мне пару штанов, а моей жене красные чулки, знаете, такие, чтобы ноги у нее стали как у аиста, я бы все устроил: и чтобы он ее увидел, и чтобы руку ее получил». Император ему

все это обещал, и дело почти сладилось, всё они обговорили и решили, при условии, конечно, держать дело пока что в полном секрете. «Потому что, — объяснил голова, — если другие парни проведают, то прибегут и вмиг невесту у вашего сына из-под носа уведут».

«Хотел бы я знать, — продолжил разговор господин городской голова, — какому ремеслу ваш сын обучен, чтобы я мог рассказать это ее родителям; тогда дело, государь император, скорее выгорит». — «Ничему он не обучен, — сказал император. — Но как ты полагаешь, он сможет еще чему-нибудь выучиться? Он ведь еще молод, и силенкой бог не обидел — как бы только узнать, к чему он больше способен? А отец госпожи невесты чем занимается? Может быть, он ему в этом деле пособит».

«Это вы славно придумали, государь император, — обрадовался городской голова. — Сын ваш, по всему видно, парень не промах. Только надо следить, чтобы лень его не одолела, это ведь часто бывает, когда ребенок с ранних лет баклуши бьет. Но со свадьбой придется погодить, потому что ремесла у него все же нет. На полгода стоило бы ему наняться к отцу невесты, чтобы поглядеть, как он лень преодолет и возьмется за дело. А потом, ваше величайшество, посмотрим, как нам дальше действовать, время еще есть». — «Кто же, однако, отец невесты?» — любопытствовал император. «Это я вам открою, только выпью сначала, — пообещал городской голова («Ура! Городской голова пьет!»). И, когда император к нему наклонился, он продолжил: — Отец ее — здешний свинопас, которому только позавчера мы помогли получить эту должность, и поскольку человек он славный, благочестивый и работающий, мы надеемся, что когда-нибудь он станет городским головой, подобно тому как мы сами удостоились такой чести. А дочка его — девушка честная и проворная и вполне вашему сыну под пару, ежели бы он только захотел чему-нибудь выучиться, чтобы зарабатывать себе на хлеб и кормить жену и детей (а у такой дети скоренько появятся). Вот вам и весь мой ответ, государь император».

Император его поблагодарил за дружеское предложение и сказал, что все обдумает и городскому голове о своем решении письменно сообщит, но об этом речь впереди.

Глава двадцать четвертая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ИМПЕРАТОРА К СЕБЕ ПРИГЛАСИЛИ И КИСЛЫМ МОЛОКОМ НАПОИЛИ

После того как шильдские мужики у императора в гостях побывали и разговоры там вышеупомянутые велись, пришел городской голова к императору и обратился к нему от своего имени и от имени своих подданных с такой речью:

«Ваше величайшество, мы у вас за столом ели и пили, поэтому справедливо, чтобы мы вам, по нашим средствам, тоже какое-нибудь угощение в ответ поставили. Покорнейше просим, ваше величайшество, нами не побрезговать и прийти к нам на ужин: вы будете наш гость, а мы уж все старание свое приложим, только бы вам у нас понравилось, милостивый государь император».

Император, которому были по душе всяческие проделки, с охотой к шильдбюргерам в гости отправился, предвкушая забаву; однако предупредил, чтобы пить они его не принуждали. «Не тревожьтесь, ваше величайшество, — заверил его городской голова, — мы будем к вам милостивы». И вот, после того как поводили его по Шильде и показали все навозные кучи, привели они его в свою новую ратушу, где уже и столы были накрыты.

Когда вымыли руки и сели за стол, начали кушанья по очереди подносить, и первым делом подали миску, полную отварного карпа с кашей, и половник дали, чтобы ту кашу черпать. Затем опять было блюдо с карпом, приготовленным уже на иной манер — в бульоне. Городской голова сказал императору, чтобы тот на карпа налегал и, главное, на бульон, у них еще полчана бульону в запасе осталось.

После рыбы всякой, в том числе и на вертеле поджаренной, принесли еще каши. На другом столе сидел императорский сын с молодыми рыцарями, и не успели они с предыдущим кушаньем справиться, как господин городской голова на них прикрикнул:

«Эй, ребята! Налегайте да поспешайте, за кашу пора приниматься. А ты, государь император, не жди их! Недаром ведь говорят:

Семеро дураков
Одного не ждут,
Без всяких проволочек
Едят и пьют».

В самом конце было подано свежее и холодное кислое молоко. Тут городской голова подсел к императору и составил ему компанию. Остальные шильдбургеры стояли вокруг стола. В чашки с молоком они крошили разного хлеба. В императорскую чашку — белую булку, а в свою — черного хлеба из овсяных отрубей.

Стали они кислое молоко с хлебом хлебать, глядь, а один мужлан неотесанный отщипнул кусок белого мякиша и сунул в рот. Это сразу узрел городской голова, хлестнул его по рукам и сказал: «Чего императорский хлеб ворует?» Дитина испугался, вытащил кусок изо рта и незаметно сунул в императорскую чашку. Император, однако же, это заметил и отдал оставшееся молоко шильдбургерам, которые с благодарностью сей почетный дар приняли, все вместе молоко выхлебали и императорскую щедрость от всей души прославили.

Глава двадцать пятая

КАК ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА БЛАГОДАРСТВЕННУЮ РЕЧЬ ГОВОРИЛ,
А ДРУГИЕ ШИЛЬДБУРГЕРЫ ЗАДАВАЛИ ЗАГАДКИ И ПОКАЗЫВАЛИ
ИМПЕРАТОРУ СВОЮ СМЫШЛЕННОСТЬ

После трапезы пришло время прощальное слово говорить и по домам расходиться. Поэтому благородные шильдбургеры накинули свои грубые серые кафтаны (их еще «волками» называют, как об этом прочтешь в книжке про Ойленшпиля, история 46) и вышли. Городской голова, которому нужно было прощальную речь говорить, тоже вышел, но от прочих шильдбургеров стоял в сторонке, — то ли чтобы речь свою обдумать, то ли по другой какой причине. «Слушайте мой приказ, — сказал он им, — вернитесь-ка в залу зараз, я буду там сей же час, и пусть выпьет чарочку каждый из вас!»

Когда они вновь честь по чести в ратушную залу вошли, постучал шильдский поп тарелкой по столу: пора, мол, прощальную речь говорить. Постояли все

тихо какое-то время — за которое можно было спелую грушу до самого черенка обсосать, а городского головы все нет. Тут принялись шильдбюргеры по сторонам оглядываться и друг друга спрашивать, куда же он подевался? Наконец голова с шумом ввалился и свою речь начал так:

«Любезные соседушки и друзья, здесь присутствующие, мы вас благодарим от души за то, что вы здесь присутствовали, и просим вас этим удовольствоваться. Все было в превосходном виде, заяц на вертеле не мог бы выглядеть лучше, и никакой повар вас бы не переплюнул. Что вы откушали да выпили, да благословит Господь, он должен вас благословить и сделает это непременно. Пусть каждый из вас, один за другим, наряду с другими, вместе с другими и подобно другим, а ежели надобно, то и один за другого, заплатит за все по три батцена: уж на столько-то вы наели. А вы, любезный государь император, поскольку вы наш гость, можете ничего не платить и считать, что угостились на дармовщину».

После этой речи все опять уселись, начали чарки осушать да загадки друг другу загадывать. Городской голова, сидевший рядом с императором, шепнул тому, что знает все их загадки еще до того, как они их задали, еще тогда знал, когда под стол пешком ходил: потому он императору все отгадки тихонько на ушко подскажет, чтобы никто ничего не заметил и их не застыдил.

Начали задавать тут загадки: отгадай-ка ты мне то да отгадай это. И городской голова каждый раз шептал императору на ухо правильные ответы, приговаривая: «Только никому об этом не сказывайте». Загадки всяк задавал по очереди, поднимая бокал с вином и провозглашая здравицу. Вот один сказал:

«Отгадайте, что такое: зубов много, а ничего не ест».

«Любезный государь император, — шепчет городской голова, — это такой инструмент, который парням вихры приглаживает».

Заговорил другой шильдбюргер:

«Дудка-дуда,
На дудке дыра —
Дуда затрещит,
Собака бежит».

«Ваше величайшество, — опять зашептал голова императору, — что это такое, я вам не скажу: об этом я прочесть в книге не смог, так как то место мыши изгрызли».

Третий шильдбюргер сказал, когда подошла его очередь:

«По дорожке шагал,
Черного попика повстречал.
Прежде чем перекрестился,
Тот уже в меня впился».

«Любезный государь император, — зашептал городской голова, — вы ведь ничем не додумаетесь, а речь идет о колючке, впившейся в ногу».

Еще один решил перед другими отличиться и произнес:

«Хвост крючком,
Нос пяточком,
Повадка визглива,
Но ж... красива».

«Сейчас я тоже загадку загадаю, — сказал городской голова. — Ну-ка, додумайтесь, что это такое: в лесу вырос, на стене вывис, на руках гудит, кто слушает — бежит».

Никто не отгадал, что это дудка свинопаса. Таким образом, городской голова состязание выиграл, и застолье на том кончилось.

Потом стали шильдбюргеры императора пытаться, не хочет ли он поиграть на флейте и посмотреть, как они в Шильде веселиться умеют. Император ответил, что на флейте он играть не хочет, а на веселье шильдбюргеров охотно поглядит. Они все выходы из Шильды загородили и стали показывать, как они веселиться да шутить умеют.

В ту пору подъехал к Шильде путник, а в город попасть не может, и спросил он через ограду: почему это все входы и выходы заперты? «Горожане веселятся и шутят», — ответил ему один из шильдбюргеров. «Как же они это делают?» — поллюбопытствовал путник. «Да так: навесили на собаку погремушку и пустили ее бегать по городу (не вздумай сказать: деревня) в честь государя императора». Таково было шильдбюргерское веселье: делай и ты так и будешь знатный дурак.

КАК ИМПЕРАТОР ЗАДАЛ ШИЛЬДБЮРGERAM ВОПРОС ПРО ДОХЛОГО ВОЛКА И КАК ОНИ ЕМУ ОТВЕЧАЛИ

Император дивился шутовству и дурацким проделкам шильдбюргеров, но в голове у него не укладывалось, как же так: прежде шильдбюргеры на весь мир умом своим и рассудительностью славились, а теперь от них, кроме глупостей да шуток дурацких, ничего не услышишь. И вот, чтобы окончательно решить, в самом ли деле жители Шильды так глупы или только понарошку дурака валяют, надумал император задать им вопрос про дохлого волка, чтобы они всем миром угадали правильный ответ. Сказал он им так:

«Ехал я к вам в Шильду и вижу, лежит у дороги дохлый волк. И должны вы мне дать ответ, по какой причине тот волк сдох».

По этому поводу был созван особый совет, и назначенные императором судьи должны были выслушать все мнения, а мнений было много, и каждое имело свое объяснение. Первый шильдбюргер сказал, что, вернее всего, волк в мороз по снегу босиком бегал, а потому простудился, захворал и издох. Второй шильдбюргер высказал такую догадку: волк, мол, верхом не ездит, а все на своих четырех ногах бегаёт; верно, погнался за ним кто, а он давай удирать, рванул — и дух из него вон. Третье мнение было таково: у волка, видать, очень большое горе было, и до того он закручинился, что жизнь ему не мила стала, вот он взял да и сдох. У городского головы возникла четвертая догадка, он встал и сказал так: «Любезные соседушки, по своей скотине мы разве не видим, отчего волк сдох? Сколько он у нас коров, телят, овец и всякой другой живности задрал да поел. А мясо-то все сырое (никто ведь ему не варил, не тушил, нету у него поварихи, как у нашего господина священника). День на день не приходится, иной раз с голодухи и старую корову задерет, иной раз и падалью не брезгует, особенно в прошедшие холода, — какой луженький желудок со всем этим справится? И еще скажу: у моего кума на той неделе старая корова от какой-то заразы пала: волчина ее небось слопал на самом морозе, да сырую (паштета ему из нее не приготовили), да холодной сырой водой из проруби запил. Желудок он, верно, застудил, видел я недавно его замерзшее дерьмо на

дороге, верный признак застуженного желудка. Много мокроты да всякой дряни в желудке у него накопилось, отчего сильные боли и корчи возникли. Надо ли удивляться, что он сдох. От такой пищи любой из нас сдохнуть может».

После этой речи был проведен опрос, и все решили, что городской голова указал самую верную причину. По зубам волка тоже можно видеть, что он от сырого мяса сдох, зубы у него белые, а от горячей пищи они завсегда чернеют. И это общее одобренное советом мнение было доложено императору, который сказал, что шильдбургеры, вероятно, правильно рассудили, и другого ответа на вопрос быть не может.

Глава двадцать седьмая

КАКУЮ ПРОСЬБУ ШИЛЬДБУРГЕРЫ ВЫСКАЗАЛИ ИМПЕРАТОРУ И ЧТО ОН ИМ ОТВЕТИЛ

Хотя император дольше у шильдбургеров пробыл, чем намеревался, однако дела государственные не терпели больше отлагательств, и пришла пора ему с шильдбургерами расстаться. Об этом он их уведомил через городского голову и сказал, что ежели есть у них какие-нибудь ходатайства и просьбы, он разрешает им к нему обратиться.

В ответ на такое милостивое разрешение шильдбургеры ему рассказали, как чужеземные князья и вельможи их прежде постоянно к себе призывали и от дому отлучали, а вследствие их длительного пребывания на чужбине они чувствительный урон понесли: ибо (как сказал один кузнец) сало само собой в кухне не растет. Вот и были они вынуждены (дабы избавиться от еще больших бедствий и убытков, им грозивших) надеть на себя дурацкую личину и глупостью спастись, чтобы их отзывать перестали и они дома со своими женами и детьми жить могли. И поскольку они увидели, что глупость им в этом деле пользу приносит, они хотели бы продолжать свое дурачество и шутовство, да только опасаются козней со стороны соседей, которые над ними зло издеваются и такими насмешками их осыпают, что ни один дурак за себя не спокоен: на каждого сыщется другой дурак, что его дураком обзовет. А потому покорно просят они государя императора не

только не выражать неудовольствия по поводу их дурацкого образа жизни и поведения, но распорядиться, чтобы впредь никто другой им в шутовстве препятствий не чинил, им не докучал, над ними не насмеялся и т. д. и т. п.

Когда император их просьбу выслушал, он счел ее вполне справедливой, и дал он им охранную грамоту на все их дурачества и шутки, заверив ее своей подписью и печатью, а что он в той грамоте написал, о том читай дальше.

Глава двадцать восьмая

ЧТО ГОВОРИЛОСЬ В ОХРАННОЙ ГРАМОТЕ, ДАННОЙ ИМПЕРАТОРОМ ШИЛЬДБЮРГЕРАМ

«Мы, божией милостью император и т. д. и т. п., объявляем настоящим всем и каждому, что, согласно верноподданнической просьбе жителей города Шильды и их городского головы, кои о пользе своей общины радеют и новую жизнь вести желают, мы, император и т. д. и т. п., берем их под свою защиту и даруем им привилегию: отныне вести их дурацкую жизнь спокойно и без всяких помех. Даем им на то свое императорское соизволение и выказываем вышеозначенным шильдбюргерам, нашим любезным, верным и веселым подданным, свою высочайшую милость. И приказываем впредь, чтобы никто им в их дурачествах ни словом, ни делом не вредил и никаких им препятствий ни с чьей стороны не было. А ежели найдутся такие, кто нашего приказа слушается, то им грозит великая кара наша и всей империи немилость. Поскольку мы, взирая на удивительные проделки и услуги шильдбюргеров, кои они нам, при нашем пребывании в Шильде, оказали, им за то свою милость даровали, то и каждый, какого бы звания он ни был, пусть отнесется к ним благосклонно и не станет их ни хулить, ни осмеивать, ни попрекать, ни дразнить, ни дураками обзывать, ни вышучивать и позорить, ежели не хочет он лишиться навечно нашей благосклонности и подвергнуться наказанию. Мы приказываем, чтобы наши любезные и верные подданные, городской голова и все жители Шильды, согласно своему желанию, оставались на вечные времена и повсюду, в пределах Утопии и вне ее, такими, какими им быть угодно, а кто осмелится им

в их шутовстве помехи чинить, тот должен надеть и носить шутовской колпак с одним, двумя или тремя колокольцами, в зависимости от тяжести преступления и своей вины. Снять этот колпак провинившийся сможет не раньше, чем он примирится с обиженным им шильдбюргером, и, сверх того, он должен еще во искупление прокутить в трактире не менее двух гульденов. Такова наша монаршая воля и наше окончательное решение, что мы своею подписью и старинной императорской печатью удостоверяем. Дана лета... дня».

Глава двадцать девятая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ СВОИ НОГИ ПЕРЕПУТАЛИ И ПОД КОНЕЦ В НИХ СНОВА РАЗОБРАЛИСЬ

Итак, император, вдоволь натешившись, поехал прочь, а шильдбюргеры на своих палочках-коняшках его при отъезде провожали и составили ему свиту, за что император их поблагодарил и велел им некоторую денежную сумму вручить. Эту сумму они решили сразу же еще до возвращения домой в соседней деревне прокутить. Поскакали они туда на своих коняшках и вволю себя там усладили. Когда же поели и выпили на славу, а деньги у них еще оставались, пришла им охота, подобно благородным рыцарям, пойти погулять на зеленый лужок, отдохнуть там, съеденное переварить и еще немного подкрепиться. Вышли они на лужок, каждый в особицу и все вместе, не забыв прихватить с собою бутылку вина да несколько ломтей хлеба, чтобы особенно свой желудок в такую жару не отягощать и чтобы хмель быстро выветрился. Присели они затем в траву-мураву, поужинали тем, что было припасено, и почувствовали себя на седьмом небе, даром что были простыми мужиками. А поскольку оделись они по случаю проводов императора в штаны одинакового цвета, то, когда время пришло по домам расходиться, никак они своих ног различить не могли. Сидели и таращили друг на друга глаза, и каждый боялся, как бы сосед его ноги домой не уволок. Пока они так сидели и друг на друга глазели и никто не знал, что делать, проезжал мимо всадник на лошади (не исключено, что это была не лошадь, а осел). Позвали они его и рассказали про свою беду: никто, мол, ног своих не узнает — и попросили,

ежели он только может, помощь им оказать, они его за то поблагодарят и хорошо заплатят. Всадник сказал, что непременно им поможет, слез с лошади, срубил хорошую дубину да как начал колотить их по ногам. И в кого он попадал, тот сразу же вскакивал — на свои собственные ноги, которые проезжий молодец вмиг помог ему отыскать.

Только один шильдбюргер остался сидеть и сказал: «Любезный господин, а где же мои ноги? Мне ты разве не хочешь помочь и получить награду? Никак не разберусь, это мои или чужие?» Путник ответил: «Погоди, сейчас разберешься», — да так его треснул, что у бедняги искры из глаз посыпались. Он сразу вскочил и ноги свои нашел. Так все шильдбюргеры получили свои ноги назад, очень тому обрадовались и путника щедро наградили, а сами отправились по домам и решили в дальнейшем не рисковать и с ног своих глаз не спускать.

Глава тридцатая

КАК ДВА ШИЛЬДБЮРГЕРА ДОМАМИ ОБМЕНЯЛИСЬ

Шильдбюргеры со временем так привыкли к своему шутовству да дурачеству, что уж без этого жить не могли. Дурачились они уже не для того, чтобы мудрость свою скрыть, а как истинные природные дураки. Говорит же пословица: привычка — вторая натура. И кто пословице не верит, тот пускай на шильдбюргеров поглядит да убедится. Все, что они теперь задумывали и за что брались, оборачивалось шутовством да глупостью.

Ну так вот, прослышали два шильдбюргера, что люди в давние времена многим менялись и большую выгоду с того имели. Решили они тоже счастья попытать и обменяться друг с другом хоть домами. Задумали они это за чаркой вина, когда императорскую награду пропивали. Такие вещи нередко случаются, когда хмель в голову ударяет и последний ум прогоняет. Настала пора задуманное исполнять, и первый шильдбюргер, который жил на верхнем конце Шильды, разобрал свой дом (тогда шильдбюргеры еще таких больших палат, как сейчас, не имели) и перетаскал его по бревнышку на нижний конец; а тот, кто жил на нижнем конце, тоже разобрал сруб и отвез его в гору. Так они домами и обме-

нялись. Что смеетесь? Смейтесь сколько душе угодно! А коли не смешно, добавьте соли и перца из того, что дальше последует.

Одно без другого не бывает, а зло нужно прогонять добром.

Глава тридцать первая

КАК ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА СПРАВИЛ СВАДЬБУ СЫНА И ЧТО БЫЛО С ЖЕНИХОМ И НЕВЕСТОЙ

Подрос у городского головы сын, и захотел голова, чтобы взял он себе жену. Поэтому он велел ему отправиться под вечерок к швеям, не глянется ли ему какая из девушек, красивая да усердная. «Хорошо, — сказал сын. — А что я должен там говорить?» — «Он еще спрашивает! — воскликнула мать. — Одно слово за собой другое потянет». Итак, пришел добрый молодец в горницу, где девушки за шитьем сидели, ладные да пригожие, и повел себя как истый дурак. Кто бы о чем его ни спросил, — он в ответ: «Одно слово за собой другое потянет».

Присутствующих он немало тем распотешил, и все думали: «Что за остолоп такой выискался? Кто за такого пойдет?» Однако дочь свинопаса, которую городской голова перед тем за императорского сына сватал, глаз на него положила, а он — на нее. Поэтому, когда он ее домой провожал, и обещал на ней жениться, и в церковь честь честью повести, ежели она три дня об их помолвке молчать сможет, то легко добился, чтобы она пустила его в свою светелку.

Утром чуть свет она должна была вставать и идти коров доить. Но поскольку ей такое счастье выпало и она его упустить не хотела, то поднялась тихонько, думая, что молодец спит, и наказала матери идти доить за нее, потому как сын городского головы ее в жены берет. Тот, однако, не спал, и все слышал, и в жены ее брать не стал.

На следующий день пошел он опять в ту горницу, где девушки шили, и присмотрел себе другую, получше, чем дочь свинопаса. Тут стали готовиться к свадьбе. А у городского головы была любимая коза, которую он сам выхаживал десять лет, и решил он к свадьбе ее зарезать, чтобы не стала она слишком старой. Когда он ее уже на козлы положил и голову веревкой скрутил, дрог-

нуло у него сердце, и сказал он жене: «Глянь, как доверчиво на меня коза смотрит, не могу я ее убить». А госпожа городская голова ему ответила: «Ну и не убивай, мне ее тоже жалко, как собственного ребенка». И осталась та коза жить, а на свадьбу стали искать другое угощенье.

Когда пора было идти в церковь, все пошли чинно, пара за парой, как обычай велит — впереди невеста с подружками, сзади жених с дружками, — и появилась тут дочь свинопаса, у которой он одну ночь переночевал, подошла к жениху, начала его всячески бранить да обзывать и потребовала, чтобы он свое слово сдержал и на ней женился. Жених стал ее прогонять и сказал, что она условие его не выполнила: три дня молчать не смогла. Так что пришлось ей после долгих пререканий уйти ни с чем, а процессия продолжила свой путь в церковь.

Невеста, которая впереди шла, ту перепалку услышала, но вернуться и узнать, в чем дело, не смогла, так как должна была во главе процессии выступать, как коза на веревке.

Мать невесты дочь свою всячески учила, как ей за столом себя вести, и, среди прочего, дала ей такие наставления: должна она держать себя скромно, при разговоре рот раскрывать только наполовину, кушанья брать двумя пальцами, пальцев не облизывать, а кости аккуратно возле тарелки положить. Та обещала все это в точности исполнить. Когда сели за стол, она постаралась держать себя скромно, как ей мать наказывала, и при разговоре половину рта ладошкой закрывала.

Это ей еще сошло; но когда поставили угощенье, оказалось перед ней блюдо с вареным лущеным горохом. Вспомнила она материно наставленье, чтобы двумя пальцами кушанье брать, и стала горошины правым и левым указательными пальцами выковыривать и в рот отправлять. Пальцы у нее стали жирные, но облизать она их не решалась, подняла обе руки вверх над столом и матери своей крикнула: «Матушка, а кто мне пальцы-то оближет?» — «Молчи, гусыня! — оборвала ее мать. — Вытри руки полотенцем!» Так невеста брала кушанье двумя пальцами. А разве не двумя? Кто иначе скажет, солжет, а я говорю истинную правду. Но продолжу рассказ, ибо дальнейшее украсит невесту еще больше.

Вспомнила она последний материн наказ: кости возле тарелки положить — и подумала, что речь идет о

ее собственных костях, а ноги у нее были довольно костлявые. Поэтому отодвинула она стол, вытаскала из-под него ноги и их на стол возле своей тарелки положила, так что тарелка у нее между ногами оказалась. Если бы она своей скромностью да благонаравием не чванилась, с ней бы такой конфуз не приключился. Я уж не говорю о том, как она чавкала да ветры пускала, верно, от неудобства вести себя скромно и есть двумя пальцами.

После свадебного пира подошел один к городскому голове попрощаться, а тот, поклонившись, сказал всем следующее: «Достопочтенные честные и премудрые госпожи, шильдбюргерские жены и дочери, а также их мужья, сыновья и приятели, благослови Господь все, что вы съели и выпили за этим столом! Благодарю отца невесты, мать невесты, дочь невесты, сестру невесты, зятя невесты и всю невестину достопочтенную родню... и т. д.». Дальше он уже говорил все правильно.

Вечером легли молодые в кровать (до которой еле-еле добрались), а один осел еще перед дверьми пел. После того как они налюбились, молодая спросила мужа, что ему дочь свинопаса по дороге в церковь говорила. Он долго отмалчивался, но в конце концов она все у него выпытала. «Неужто она не могла всего три денька помолчать?» — спросила молодая жена. «Нет», — ответил молодой муж. «Вот дуреха, — сказала жена, — ко мне два года батюшкин батрак каждую ночь ходил, а я никому до сих пор об этом не рассказывала». Так что небольшое сокровище сын городского головы получил, солому на мякину поменял. Пришлось, однако, о том молчать, чтобы его не засмеяли.

Глава тридцать вторая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ СОБИРАЛИСЬ ПРИ ПОМОЩИ КОРОВЫ СВЕСТИ ТРАВУ СО СТАРИННОЙ СТЕНЫ

Шильдбюргеры в своих делах очень озабочены были общей пользой и старались, чтобы ни в чем она убытку не потерпела. Вышли они как-то за городские ворота и стали осматривать часть старинной стены, которая еще сохранилась: нельзя ли камень из нее на какой-нибудь постройке использовать. А та стена давно уж сверху густой травой поросла, и стали шильдбюргеры жалеть, что такой покос зря пропадает. Начали они друг с дру-

гом советоваться, как бы им до той травы добраться и ее использовать. Мнения были высказаны разные: одни считали, что траву эту надобно серпом скосить; однако лезть на такую высокую стену с серпом никто из них не отваживался. Другие полагали, что надо найти хороших стрелков и сшибать траву из самопала. Наконец, вышел вперед городской голова и посоветовал пустить на стену корову, чтобы она всю траву пощипала, тогда не надо будет ни косить, ни из самопала палить.

Совет этот все шильдбюргеры посчитали наилучшим и в благодарность положили первой пустить на стену корову городского головы, на что тот охотно согласился. Пригнали корову, обвязали петлю вокруг шеи, перекинули конец веревки через стену и давай всем миром веревку тянуть — корову наверх подымать. Когда веревка натянулась, корова стала задыхаться, а когда они ее повыше подняли, совсем язык вытянула. Это увидал городской голова и закричал: «Тащите шибче! Она уже травку почуяла и языком к ней тянется. Осталось всего ничего. Сама-то она себе помочь не может, чересчур неуклюжа, надо ее на самый верх затащить».

Но сколько шильдбюргеры за веревку ни тянули, корову поднять им не удалось. А когда они снова ее на землю опустили, то из коровы уже и дух вон. Шильдбюргеры этому были очень рады, так как теперь они могли и шкуру и мясо использовать.

Глава тридцать третья

КАК ОДНА ШИЛЬДБЮРГЕРША ОТПРАВИЛАСЬ С ЯЙЦАМИ НА БАЗАР И КАКИЕ ОНА ПРИ ЭТОМ РАСЧЕТЫ ДЕЛАЛА

Старая пословица недаром говорит:

Нет хуже, чем прибытку ждать,
Недолго дураками стать.
Кто без хозяина считает,
Себя лишь на смех выставляет.
Как ни считаешь — все одно,
Тебя обдурят все равно.
Уж лучше нам о том не ведать
И с легкою душой обедать.

Точно так было с одной женщиной из Шильды. Была у нее одна-единственная курица-несушка, которая

каждый день несла ей одно яйцо. И вот как-то собрала та женщина довольно много яиц — не меньше, как она полагала, чем на три гроша, — уложила их в корзинку и понесла на базар. А до базару путь не близкий, попутчиков у той женщины не было, и стали ее одолевать разные думы. Принялась она в уме подсчитывать, какой барыш ей ожидает, и рассуждала сама с собою так:

«За те яйца, что у меня в корзинке лежат, я выручу на базаре три гроша, уж не меньше. Что я с этими грошами сделаю? Куплю, пожалуй, на них еще двух несушек. Они, вместе с моей первой несушкой, снесут мне за столько-то и столько-то дней столько-то яиц. Я яйца опять понесу на базар и продам. На вырученные деньги куплю еще трех несушек, а что сверх того останется, то чистый прибыльок. Станет у меня тогда шесть несушек: они мне за месяц столько-то и столько-то яиц нанесут. Я все их опять на базаре продам (конечно, не грех половину яичка и самой иногда съесть) и все деньги вместе сложу. От куриц тоже можно иметь выгоду: тех двух старых, что уже нестись перестанут, я продам — это во-первых. От молодых мне будет польза двойная: они и яйца снесут, и цыплят выведут — это во-вторых. Из цыплят опять несушки вырастут, их тоже можно продать — это в-третьих. Попробую их оципать, как гусей — это в-четвертых. На вырученные деньги смогу я гусей купить: от них и пух, и яйца, и мясо. Значит, будет мне двойной прибыльок и от кур, и от гусей, и за восемь дней выручу я столько-то и столько-то. На вырученные деньги куплю козу, она мне молока даст и козляток принесет. Значит, будут у меня тогда и куры, и цыплята, и гуси, и гусенята, и яйца, и пух, и молоко, и козлята, и козья шерсть; ведь козу-то я постараюсь остричь и шерсть с нее получить. Шерсть и козлят я тоже продам и куплю себе свинью, от нее еще больше прибыльку будет — поросята, да сало, да колбаса и прочее. Выручу столько денег, что куплю корову: от нее и молоко, и телята, и навозу вдоволь. Но на что мне навоз, коли нет своей делянки? Надо будет обзавестись полем: оно даст зерно, не надо будет на базаре покупать. После того я куплю лошадей и найму работников, они будут за скотиной ухаживать и поле мое пахать. После того куплю овец. А после того велю к дому пристройку сделать и стану жильцов пускать. С того еще больше прибыльку будет. Буду жить в достатке, ибо прибыльок буду иметь от

кур, от петухов, от цыплят, от гусей, от гусенят, от продажи яиц, козьего молока, шерсти, козлят, ягнят, поросят и коров (а с быков можно еще и рога спилить и ножовщикам их продать), от телят и от пашни, от лугов и от жильцов и от всего прочего. Потом найду себе молодого мужа, и уж при нем заживу как благородная барыня. Как же жить в такой-то неге и никому ласкового слова не сказать? О-хо-хо, мужичок над горсточкой ест да солью присыпает: пора мне с этим кончать! До чего у меня сладкая жизнь будет — у-ух!

От этих мыслей добрая женщина так в небеса вознеслась, что под ноги смотреть перестала и зашагала как пьяная. Она крикнула «гопля!», взмахнула рукой и попыталась подпрыгнуть. Клянусь всеми святыми, не знаю, как это у нее вышло, но корзина полетела на землю, а яйца рассыпались и разбились. Так же разбились в прах все ее расчеты и мечты. Кому охота, может осколки подобрать, и станет он благородный барин, как она стала благородная барыня.

Глава тридцать четвертая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ НАБИЛИ ДЛИННУЮ КОЛБАСУ И СНАЧАЛА НЕ
МОГЛИ ЕЕ СВАРИТЬ

В ту пору в Шильде выросла такая крупная свинья, каких еще не бывало, и решили шильдбюргеры ее на славу откормить. Но однажды свинья забралась в ригу, где хранился овес, и нажралась там до отвала: поэтому объявили ее воровкой и постановили сожрать ее самое.

С громкими криками и шумом предали ее в тот же день казни, согласно приговору, а мясо, сало, щетину и ножки судьям за хлопоты отдали. А чтобы ничего не пропало, промыли кишки, набили их всем, чем положено, и сделали огромную колбасу.

На следующий день нужно было приговор исполнить и свинью сожрать, начав с колбасы, но тут пришлось им покумекать: в чем же ее сварить? Где найти такой большой горшок, чтобы в него вся длинная колбаса уместилась? Ибо мало того что у них такого горшка не было, но вдобавок ни один гончар, или горшечник, не брался такой изготовить.

В расстройстве и смятении бредет домой один шильдбюргер и видит — стоят гуси и кричат: «Га-га! Га-

га!» Некоторые авторы, правда, утверждают, что то были не гуси, а осел, и он кричал: «Иа! Иа!» А шильдбюргеру показалось, что кричат: «Раз-два! Раз-два!», хлопнул он себя по лбу, побежал назад в ратушу и говорит: «Позор вам всем! Осел подсказывает, что колбасу можно вдвое сложить и в горшок запихнуть». Услыхали шильдбюргеры и стали дальше рассуждать (они были хорошие логики и скоро смекнули, что если колбасу можно вдвое сложить, то и втрое тоже: что двоится, то и троится). Вот они и сложили ее так, чтобы в обычный горшок впихнуть (сама она туда залезать не хотела). Затем залили ее кипятком, сварили и разрезали на столько кусков, сколько было шильдбюргеров, и каждый получил кусище, который можно было три раза вокруг головы обернуть. Сначала надо было прихватить зубами кончик, а уж потом трижды голову обмотать и от другого конца откусить: вот какова была доля на одного шильдбюргера. Поэтому в Шильде до сих пор говорят: свари себе колбасу, которую ты три раза вокруг головы обернешь.

Глава тридцать пятая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ МЕЛЬНИЧНЫЙ ЖЕРНОВ ИЗГОТОВИЛИ И ОДИН ИЗ НИХ С ЖЕРНОВОМ НА ШЕЕ УБЕЖАЛ ДА ТАК И НЕ ВЕРНУЛСЯ

Построили шильдбюргеры мельницу, отправились на высокую гору, где у них была каменоломня, вытесали жернов и с превеликим трудом снесли его вниз. И вот, когда они уже дошли до самого низу, вспомнили, как бревна для своей ратуши в гору затаскивали и оттуда самоходом спускали. И стали они между собой говорить: «Дураки мы дураки! Зачем мы жернов с горы сносили, ежели он сам без труда скатиться мог? Втащим его снова на гору и спустим вниз, как мы это с бревнами делали».

Мысль эта всем понравилась, втащили они камень на гору и только собрались его столкнуть, как вдруг один говорит:

— А как мы узнаем, куда он укатится? Где нам его искать? Кто нам его внизу покажет?

— Ну, — сказал городской голова, который первым присоветовал затаскать жернов на гору, — этой беде помочь легко: пусть один из нас голову в дыру просунет

(ведь жернова имеют посерединке большую дыру) да вместе с жерновом вниз и скатится.

Это предложение показалось всем толковым, выбрали одного шильдбюргера, он голову в жернов просунул и вместе с камнем стремглав вниз покатился.

А под горой был глубокий омут, и камень вместе с дурнем прямо в него угодил. Потеряли шильдбюргеры обоих: и камень, и человека, и никто не мог догадаться, куда их земляк запропастился. Стали они его ругать, он-де с жерновом на шее от них убежал и их столь нужного имущества лишил, разослали они письма во все соседние деревни и города: где появится парень с мельничным жерновом на шее, следует его задержать и в каталажку посадить, ибо он общинное имущество уворовал. Но бедняга давно уже лежал мертвым на дне омута: ежели бы он мог говорить, он бы их успокоил и указал, где их имущество находится. Но камень так его придавил и на дно увлек, что он воды наглотался и помер и лежит в том омуте по сей день, а сверху его не видно.

Глава тридцать шестая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПОЖАЛЕЛИ ДЕРЕВО И РЕШИЛИ ЕГО НАПОИТЬ И ЧТО ОНИ ДЛЯ ЭТОГО ПРЕДПРИНЯЛИ

Неподалеку от города Шильды, что в Миснопотамии, протекала речка, а на ее берегу росло старое ореховое дерево. Большой сук его почти касался воды. Шильдбюргеры однажды это заметили, и поскольку были они люди простые, добрые и благочестивые (таких сегодня едва ли найдешь), то пожалели бедное дерево и стали думать: чего это оно так к воде тянется?

Были высказаны разные мнения, а под конец городской голова возьми да и скажи: «Что мы за дурни? Разве мы не видим, что дерево на сухом месте стоит и к воде тянется, потому что пить хочет. А сук нижний у него все равно что клюв, им дерево, стало быть, воды зачерпнуть желает».

Посоветовались шильдбюргеры и решили сделать доброе дело: помочь бедному дереву воды напиться. Накинули они на его макушку веревочную петлю, перебросили веревку на другой берег и стали там дружно за нее тянуть, чтобы дерево таким манером поскорее до воды наклонилось. И когда оно почти что воды косну-

лось, приказали они одному шильдбюргеру на дерево влезть и обеими руками «клюв» в воду окунать. Тот уселся на ветку и изо всех сил на сук нажимает, но тут веревка, за которую шильдбюргеры тянули, возьми да и лопни. Дерево прынуло вверх, и суком, точно саблей, тому шильдбюргеру, что наверху сидел, голову с плеч снесло. Голова в речке утонула, а туловище без головы упало на землю.

Шильдбюргеры тут не на шутку перепугались и стали совет держать. Начали вспоминать: была ли у того шильдбюргера голова, когда он на дерево полез, или не было? Но точно никто ничего вспомнить не мог. Городской голова сказал: «Думаю, не было у него головы. Ведь когда он из дому вышел, я его три раза по дороге окликал, а он не ответил. Отсюда следует: раз он оклика не слышал, стало быть, у него ушей не было. А раз ушей не было, то и головы не было, ведь уши-то на голове растут». Однако городской голова точно этого утверждать не мог. Поэтому он дал совет у жены того шильдбюргера спросить, была ли у ее мужа голова на плечах, когда он поутру встал и со всеми вместе из дому вышел.

Пошли шильдбюргеры к жене и спросили ее, но она тоже толком ничего не знала. Вот на прошлой неделе в субботу она мужу голову мыла, значит, тогда голова была и уши были, она еще за ушами грязь отмывала. А была ли у него голова сегодня, она внимания не обратила. «Вон в сенях его старая шапка висит, — сказала она шильдбюргерам. — Поглядите: если головы в шапке нет, стало быть, он ее с собой взял. Или еще куда положил, но куда, не знаю».

Заглянули шильдбюргеры в шапку своего земляка, но головы в ней не нашли. Так до сих пор никто в Шильде и не ведает, была ли у того шильдбюргера голова, когда он к речке отправился, или он дома ее оставил и куда-нибудь запрятал.

Глава тридцать седьмая

КАК ОДИН ШИЛЬДБЮРГЕР У ДРУГОГО ТЕЛЕГУ ВЗАЙМЫ ПРОСИЛ

Жили два шильдбюргера по соседству, дома их почти что рядом стояли. Как-то рано один сосед подошел к окошку другого и тихонько концами пальцев постучал

(чтобы не подумали, что он башмаком стучит). А сосед за печкой на мягком сеннике лежал, и вылезать ему оттуда не хотелось, поэтому он крикнул громким голосом: «Кто это стучит в такую рань?» — «Это я, соседушка, — ответил тот, кто стучал в окошко. — Что вы делаете?» — «Сплю, — раздался ответ из-за печки. — Да вам-то что от меня надо?» — «Ежели бы вы не спали, — сказал первый сосед, — я бы у вас вашу телегу взаймы попросил. Ну, а раз вы еще спите, я попозднее зайду, когда вы проснетесь». — «И правильно сделаете», — ответил ему сосед из дому. Оба соседа полагали, что если кто еще лежит в постели, то он непременно спит.

Глава тридцать восьмая

КАК ОДИН ШИЛЬДБЮРГЕР СПАСАЛ ЧЕСТЬ ГОРОДА ШИЛЬДЫ И ПРИ ЭТОМ
ЛИШИЛСЯ КОБЫЛЫ

Прослышал один шильдбюргер, что ни на кого нельзя взвалить больше, чем тот может нести, и с тех пор никогда свою кобылу не нагружал. Он взваливал мешок с мукой или с зерном себе на плечи (а был он мельник и человек благочестивый, как все мельники) и уж только после этого садился на лошадь и ехал с мельницы домой. Думал, что кобыле легче будет. Иные господа о слугах так не пекутся, но нагружают их сверх всякой меры, как ослов.

Как-то ехал наш мельник домой верхом на кобыле и видит: у самой границы шильдских земель сидит на дереве кукушка и кукует. А по ту сторону границы растет другое дерево, на нем тоже сидит кукушка, но чужая, и тоже кукует.

Слушал шильдбюргер, слушал и вдруг заметил, что чужая кукушка шильдскую стала перекуковывать: на пятнадцать или больше «ку-ку» ее обогнала. Рассердился он, соскочил с коня, залез на дерево и решил своей кукушке помогать, пока чужая свое поражение не признает и перышки на суку не оставит.

Тем временем неподалеку пробежал волк, увидел под деревом кобылу без присмотра, напал на нее и сожрал. А шильдбюргер в это время еще наверху сидел и чужую кукушку перекуковывал, пока та не сдалась и прочь не улетела. А ему пришлось домой на своих двоих идти.

Вернувшись в Шильду, он рассказал городскому голове и всей общине, как честь и достоинство города Шильды спасал и своей кукушке куковать помогал, но вот незадача — потерял при этом кобылу. Ибо пока он на дереве сидел, кобылу волк сожрал, чтобы его, проклятого, черти в ад унесли. Поэтому он честь по чести просит: не могут ли ему помощь оказать и другую кобылу купить.

Когда городской голова и прочие шильдбюргеры эту историю узнали, посчитали они, что произошла большая несправедливость: человек столь усердно о чести и славе города Шильды радел и такой урон при этом потерпел. И решили купить ему на общинные деньги новую кобылу, а еще, сверх того, благодарность вынести. Так и сделали.

Глава тридцать девятая

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ КОЛОКОЛА НА ДНЕ ОЗЕРА ПРЯТАЛИ

Дошли как-то до Шильды слухи, что скоро война будет, испугались шильдбюргеры за свое добро и прежде всего о колоколах на ратуше подумали. Они опасались, как бы те колокола не сняли, чтобы на пушки их перелить. Созвали они совет, посоветовались и решили: утопить колокола в озере, а когда война кончится и вражеское войско уйдет, поднять их со дна и снова в ратуше повесить. Погрузили колокола на большую лодку и выехали на середину озера.

Хотели они уже первый колокол в воду столкнуть, но тут один шильдбюргер закричал: «Постойте! Как мы это место найдем, когда нам колокола опять доставать придется?»

«Мне бы твои заботы! — ответил ему городской голова. Встал он и сделал зарубку на борту лодки — в том месте, откуда колокола сбрасывали. — Вот где я зарубку зарубил, — сказал, — тут мы их и найдем».

Столкнули колокола в воду, и те тотчас на дно ушли. А когда война кончилась, опять сели шильдбюргеры в ту же самую лодку и поехали колокола поднимать. Зарубку на борту лодки они нашли, но колоколов так и не смогли отыскать. И место то определить не сумели, где колокола в воду столкнули. Так по сей день шильдбюргеры о колоколах своих горюют.

Поехал один шильдбюргер как-то верхом вместе с другими, и когда все спешились, он тоже с лошади слез; когда же они снова на коней садиться стали, подождал, пока все не сели, затем вскочил в седло и поскакал. Его спрашивают: «Почему ты последним на своего коня садишься?» А он отвечает: «Да я его иначе не узнаю. Когда все своих коней разберут и один только останется, это, стало быть, мой и есть». Вот так-то.

Однажды едут они через деревню, а озорные деревенские ребята стали в них камнями кидать, и один нашему шильдбюргеру по голове угодил. Тот сразу же слез на землю и попросил другого шильдбюргера лошадью с ним обменяться, на что тот согласился, а потом спросил: почему он лошадьми меняться захотел? Наш шильдбюргер ему отвечал: когда они по деревне ехали, стала его лошадь брыкаться и сзади его по голове ударила. Поэтому он на ней ездить больше не желает. А мальчишку, того, который камень бросил, он не приметил: вот и решил, что лошадь его копытом по голове ударила. Но, верно, то осел его ударил, не иначе.

Глава сорок первая

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК В ГОРОД ШИЛЬДУ РАК ЗАПОЛЗ И КАКУЮ КАЗНЬ ЕМУ ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ПРИДУМАЛИ

Ни в чем не повинный бедняга рак заблудился, хотел в щель какую-нибудь заползти, но, на свою беду, попал в город Шильду. Когда шильдбюргеры его увидели, то удивились: что за зверь такой! А как разглядели, сколько у него ног — и спереди, и сзади, и как он назад пятится, и как усами шевелит, и как клешнями щелкает, очень они этого честного рака испугались, ибо прежде такого зверя никогда не видели. Сбежались тут все жители Шильды на него поглядеть и стали думать да гадать, что это за чудовище у них объявилось. Никто ничего придумать не мог, пока городской голова не объявил: «Это, должно быть, портной». Он его клешни за портновские ножницы принял. Чтобы такую догадку проверить, посадили шильдбюргеры рака на кусок хорошего сукна, из которого они свои кафтаны шьют.

Стал рак ползать по сукну взад и вперед, а шильдбюргеры за ним следом материю резали. Они думали, что рак новый крой намечает, и решили все его секреты вы-знать. Изрезали весь кусок, а кроя никакого не получи-лось.

Когда они поняли, что вовсе это не портной, выступи-л один шильдбюргер вперед и сказал: «Есть у меня сын-подмастерье, который много по свету странствовал, за три дня целых две мили проходил, всего навидался. Надо его спросить, что это за чудовище такое». Позва-ли того подмастерья, оглядел он рака со всех сторон и даже не понял, где у него голова, а где хвост. Потому что рак все время на месте вертелся, и голова у него с хвостом сливалась. Походил подмастерье вокруг рака и говорит:

«Много я на свете чудес видел, но такого еще не встречал. Если хотите знать, что это за тварь, то я вам так скажу: коли это не голубь и не аист, то, должно быть, олень. Да, скорее всего олень».

Ну, от такого ответа шильдбюргеры, надо прямо ска-зать, сильно не поумнели. Тут один из них любопытства ради потрогал рака рукой, а рак как хватить его клешней! Стал тут шильдбюргер вопить: «Караул! Убивают! Уби-вают!» Когда другие это услышали, чаша их терпения переполнилась, сотворили они тут же скорый суд над чудовищем, что их земляка чуть не убило, и вынесли такой приговор:

«Поелику никто в Шильде не ведает, какой зверь в наш город без дозволения забрался, а сам этот зверь обманным образом выдавал себя за портного, коим он на деле не является, постановили мы признать этого зверя за подлого обманщика и, пуще того — за убийцу, ибо он покушался на самую жизнь одного из наших гра-ждан. И казнить того зверя самой суровой казнью, то бишь утопить в реке».

Один из них, которого рак клешней цапнул, взялся сотворить казнь. Подцепил он рака на доску и отнес к реке. Все шильдбюргеры побежали, разумеется, туда же: поглядеть своими глазами на казнь заморского чу-довища. В присутствии всех рака бросили в реку. А ко-гда рак в воду попал, оживился он, стал всеми лапами загребать и усами шевелить. Шильдбюргеры его от души пожалели, даже прослезились и так сказали: «По-глядите, до чего же ему, бедному, помирать неохота!»

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ ИМПЕРАТОРУ СОЛДАТ ПОСЛАЛИ И ЧТО С ОДНИМ
ИЗ ТЕХ СОЛДАТ ПРИКЛЮЧИЛОСЬ

Слухи о войне, из-за которых шильдбюргеры свои колокола в озере утопили, оказались правдивыми, и они вскоре на себе это ощутили. Ибо через несколько дней пришел приказ: снарядить солдат и послать для гарнизонной службы в соседний город. Что они и сделали.

А с одним из посланных, отнюдь не из самых последних, вот что приключилось. Когда он в город входил, пастух как раз стадо из города выгонял: коров, телят да быков. А поскольку был тот шильдбюргер дурак, но мастак, из тех бычков, что хвалился да с горы свалился, то корова одна мимоходом его рогом задела. В гневе вытащил храбрец свой тесак, подступил к корове и говорит: «Ежели ты умная и честная корова, выходи на бой и попробуй боднуть меня еще разок!» Но корова не была такой честной и умной, чтобы ему на это ответить.

А некоторое время спустя сделали горожане вылазку в стан врагов, чтобы разжиться у мужиков курами да гусями. Наш шильдбюргер еще до того металлическую пластину от панциря нашел, шириной в ладонь, и поскольку он как раз заказал портному новый мундир и штаны, велел он зашить ту пластину в подкладку, аккуратно против сердца, чтобы уберечь себя от случайного удара. Еще раньше у него было такое везение, что нашел он половину подковы и сунул ее за пояс, а пуля как раз в то место угодила и та подкова ему жизнь спасла. Поэтому он теперь по всему поясу повесил подков, как будто в броню оделся. Когда этот солдат вместе с другими на поиски добычи вышел, погнались за ним разъяренные мужики. Хотел он через изгородь перепрыгнуть, да зацепился штанами и повис. Один мужик ткнул в него сзади алебардой, так что он с забора свалился и так быстро побежал, как будто ничего с ним опасного не случилось. Стал он этому дивиться и штаны свои осматривать, чтобы понять, как это он от удара алебарды уберется. Тут он обнаружил, что портной пришил ему металлическую пластину на зад. «Благослови бог этого портного, — сказал он себе, — что мне пластину на зад пришил, как будто он лучше знал, каким местом я к врагу оборочусь».

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ СТРАШНОГО ЗВЕРЯ МЫШКОДАВА КУПИЛИ,
А ВМЕСТЕ С НИМ И СВОЮ ПОГИБЕЛЬ ОБРЕЛИ

Надо сказать, что в городе Шильде никогда не водилось кошек, а мышей там развелось видимо-невидимо, они даже в хлебный ларь постоянно залезали. Что рядом с ними ни положишь, все они тут же сожрут или изгрызут, так что очень они шильдбюргеров допекали.

Однажды случилось, что шел через город Шильду путник и нес на руках кошку; с ней он и в трактир завернул. Хозяин спросил его, что это за зверь такой диковинный. Путник ответил: «Мышкодав». А мыши в Шильде так обнаглели, что людей совсем не боялись и среди бела дня повсюду свободно бегали. Путник кошку свою на пол спустил, и она, в присутствии хозяина, вмиг дюжину мышей передала.

Трактирщик доложил отцам города, какое он чудо видел, те всем советом в трактир пришли и стали путника спрашивать, не продаст ли он своего мышкодава. Они-де хорошо ему заплатят. А путник дал такой ответ: вообще-то мышкодава он не продает ни за какие деньги, но раз уж у них такая беда с мышами, он, так и быть, его уступит за честную цену — и потребовал с них сто гульденов. Шильдбюргеры обрадовались, что он не так уж много запросил, ударили по рукам и договорились, что половину суммы он тотчас наличными получит, а вторую половину они ему выплатят через полгода. Обе стороны были весьма довольны сделкой, путник получил в руки пятьдесят гульденов, а кошку отнес в старую деревянную башню, где шильдбюргеры общинное зерно на зиму хранили и мышей поэтому было больше всего. Затем путник поспешно удалился с деньгами, боясь, как бы отцы города не передумали и сделку не расторгли. Он шел и все время оглядывался, нет ли за ним погони.

А шильдбюргеры на радостях забыли его спросить, чем мышкодава кормить. Чтобы это узнать, послали они одного из своих за бродягой вдогонку. Когда тот увидел, что кто-то за ним бежит, он еще шибче припу-

стил. Шильдбюргер так и не смог его догнать, только издали ему крикнул: «Что он жрет?» А бродяга, тоже издали, ему ответил: «Что где попадет!»

Шильдбюргеру же послышалось: «Людей и скот!» Перепугался он, побежал назад к своим и все им рассказал. Те тоже перепугались не на шутку и в страхе сказали: «Вот передавит он всех мышей и станет скотину нашу драть, а потом и за нас примется, даром что купили мы его на наши кровные денежки!» И порешили они мышкодава того убить; но никто из шильдбюргеров не отважился к нему приблизиться.

Тогда они снова все обсудили и решили поджечь ту башню, где зерно хранилось, ибо лучше убыток понести, чем жизни навек лишиться. Подожгли они башню, надеясь, что мышкодав вместе с башней сгорит.

Когда кошка почуяла дым, то сразу же выпрыгнула в окно и забралась в другой дом; а башня с запасами зерна сгорела дотла.

Сильно перепугались шильдбюргеры, когда узнали, что не удалось им освободиться от мышкодава. Снова они посоветовались, выкупили на общинные деньги тот дом, куда кошка забежала, обложили его соломой и тоже подожгли.

А кошка тем временем забралась на крышу, сидит там и лапкой умывается — такая уж у этой породы привычка. Шильдбюргеры же, увидев, как кошка лапу за голову заносит, решили, что это она клятву дает — всем им страшной мезтью отомстить.

Один из них копые длинное схватил и хотел кошку заколоть. А та вцепилась в древко когтями и вмиг по нему на землю соскользнула, так что копейщик и все шильдбюргеры со страху во все стороны прыснули и оставили тот дом гореть. Поскольку пожар никто не тушил, огонь скоро перекинулся на соседние дома, и вся Шильда сгорела дотла. А кошка целехонькая из пламени выбралась, только ее и видели.

И пришлось шильдбюргерам с женами и малыми детьми в лес от огня бежать. И ратуша их сгорела, а вместе с ней вся канцелярия и все бумаги, так что больше мы ничего путного о дурачествах шильдбюргеров прочесть не можем.

КАК ШИЛЬДБЮРГЕРЫ РЕШИЛИ В ДРУГИХ МЕСТАХ ПОСЕЛИТЬСЯ И ШИЛЬДУ НАВСЕГДА ПОКИНУТЬ

Страшно было шильдбюргерам, и не знали они, куда им теперь податься. Дома их сгорели, имущество тоже сгорело, да еще кот Мурлыка внушал им ужас, ибо видели они, как он поклялся страшной мезтью им за все отомстить. Поэтому посоветовались они и сочли за лучшее другие места для жительства поискать, где они от мышкодава в полной безопасности будут. Разбрелись они по всему белу свету с женами и детьми, поселились в разных местах — одни там, другие здесь, — и всюду нравы свои дурацкие насаждали.

С шильдбюргерами вышло так, как в притче об одном городе рассказывается, где блудилище сгорело, а искры от него во все дома разлетелись. Где бы шильдбюргеры ни селились, там плодили они шутов да дураков, в точности подобных им самим. Поэтому ходит нынче столько историй о шильдбюргерах, которые живут в самых разных местах, и продолжают свои дурачества, и откальывают всякие шутки. Все они от тех шильдбюргеров произошли, которые по всему свету когда-то разбрелись, и шутовские проделки они от них переняли и глупость свою от них унаследовали.

Отсюда видишь, какое привязчивое и передающееся по наследству свойство — глупость, и ежели кто дурацкую личину на себя нацепит, станет он истинным дураком и от того уже не отмоется. В молодости надо дурака из себя вытравлять. Пусть нижеследующее каждому предостережением послужит, дабы он от дураческого и шутовского яда уберечься мог.

Кого Господь умом одарит,
Пусть он свой ум не разбазарит.
Над тем пускай смеется всяк,
Кто добровольный стал дурак.
Ведь годы нас и так согнут
И вновь в ребячество вернут.

Таков конец истории шильдбюргеров из Миснопотамии.

ИСТОРИЯ О ДОКТОРЕ ИОГАННЕ ФАУСТЕ, ЗНАМЕНИТОМ ЧАРОДЕЕ И ЧЕРНОКНИЖНИКЕ

Как на некий срок подписал он договор с дьяволом, какие чудеса он в ту пору наблюдал, сам учинял и творил, пока наконец не постигло его заслуженное
воздаяние.

Большей частью извлечено из его собственных посмертных сочинений и напечатано, дабы служить устрашающим и отвращающим примером и искренним предостережением всем безбожным и дерзким людям. Послание апостола Иакова IV: Будьте покорны Господу, противоборствуйте
дьяволу, и он бежит от вас.

Cum Gratia et Privilegio¹.

Напечатано во Франкфурте-на-Майне Иоганном Шписом.
MDLXXXVII

Почтенным, достохвальным и благородным Каспару Кольну, писцу канцелярии курфюрста Майнцского, и Иерониму Хофу, казначею в графстве Кенигштейн, особливо ко мне благорасположенным, любезным государям моим и друзьям

Милость Божья с вами, затем мой привет! Рад служить вам, почтенные, достохвальные, благорасположенные, любезные государи мои и друзья. С тех пор как много лет существует в Германии всем известное простран-

¹ С благодарностью и с дозволения (лат.).

ное предание о разных похождениях доктора Фауста, знаменитого чародея и чернокнижника, повсюду на сборищах и пирушках люди любопытствуют и толкуют о судьбе упомянутого Фауста.

Равным образом, хотя некоторые новейшие историки там и сям упоминают об этом колдуне и его дьявольском искусстве, я сам часто удивлялся, как это никто не записал по порядку эту страшную историю и не напечатал ее для острстки всем христианам, и неоднократно осведомлялся у ученых и сведущих людей, уж не написал ли кто-либо давным-давно эту историю. Но ничего достоверного нигде нельзя было узнать, пока недавно мне не сообщил и не прислал ее один добрый знакомый из Шпейера с пожеланием, чтобы я ее опубликовал и представил в назидание всем христианам как устрашающий пример дьявольского соблазна на пагубу тела и души.

Именно потому, что это и есть примечательный и устрашающий пример, из которого можно не только убедиться в дьявольской зависти, лукавстве и свирепости против рода человеческого, но и вьаве узреть, до какой крайности может довести человека самоуверенность, дерзость и любопытство, могущие послужить причиной отпадения от Господа, союза со злыми духами и погибели для тела и души, с тем большим рвением предпринял я эту работу и приложил все старания в надежде оказать этим добрую услугу всем тем, кто желает внять предостережению.

Однако же, почтенные, достохвальные, благорасположенные, любезные государи мои и друзья, эту историю я посвятил вам не потому, что вы нуждаетесь в таком предостережении более других, ибо мне, слава Богу, достаточно известно из постоянного общения и опыта особое усердие ваше и преданность Господу, истинной вере и христианскому исповеданию; но для вас пусть она будет публичным свидетельством особенной любви и дружбы, которая, возникнув меж нами,

частью в Урсельской школе, частью потом из многократного общения и близости, сохранилась и по сегодняшний день и, если будет на то воля Божия, продлится и сохранится на все дни нашей жизни здесь на земле и в царстве Божиим. Что касается меня, то я предан ей всей душой. Также и вы, почтенные и достохвальные, как я знаю, намерены не пренебречь ничем, что может служить укреплению этой нашей старинной дружбы.

Я чувствую себя, однако, много более обязанным во всем решительно вам угождать и служить всем, что только в моих силах, но так как на этот раз я ничего лучшего не имею и знаю, что вы, почтенные и достохвальные, по милости Божьей и хлебом насущным, и земными благами одарены и наделены в той мере, что не нуждаетесь для этого во мне, решился одарить вас, почтенные и достохвальные, этой скромной книжицей, в особенности же потому, что из прежних бесед мне известно, что вы, почтенные и достохвальные, об этой истории весьма любопытствовали. По этой причине примите на сей раз благосклонно и это скромное мое ярмарочное издание.

Поручаю вас, почтенные и достохвальные, вместе с вашими чадами и домочадцами, милосердной защите и покровительству промысла Божьего.

Писано во Франкфурте-на-Майне

в понедельник

4 сентября MDLXXXVII года

Ваших милостей покорный слуга

Иоганн Шпис, печатник в том же городе.

1

ИСТОРИЯ О РОЖДЕНИИ И УЧЕНЫХ ЗАНЯТИЯХ
ЗНАМЕНИТОГО ЧАРОДЕЯ ДОКТОРА
ИОАННА ФАУСТА

Доктор Фауст был сыном крестьянина, родился в Роде, близ Веймара. В Виттенберге имел он немалую родню, и родители его также

были добрые христиане и богобоязненные люди. А дядя его, что находился в Виттенберге, был горожанин и с достатком. Он воспитал Фауста и обходился с ним как с собственным сыном, потому что не имел наследников, и принял к себе этого Фауста как свое дитя и наследника и послал его в университет изучать богословие. Тот, однако же, оставил это благочестивое занятие и употребил во зло Божье слово.

Потому-то мы не станем упрекать его родителей и друзей, которые ревностно пеклись о его благе, как об этом пекутся и заботятся все порядочные родители, и не будем вмешивать их в эту историю. Притом его родители не дожили до того времени и не увидели мерзости своего безбожного дитяти. Ибо известно, что родители доктора Фауста (так, по крайней мере, многие считают в Виттенберге) сердечно радовались, что их родственник усыновил его, и так как они заметили в нем отличные способности и память, то в силу этого очень о нем заботились, подобно тому как Иов, гл. 1, заботился о своих детях, чтобы они не согрешили против Господа. Отсюда часто можно видеть, что у благочестивых родителей бывают неудачные, безбожные дети, как это видно на примере Каина (Бытия 4), Рувима (Бытия 49), Авессалома (Царств 2, 15 и 18). Я говорю об этом, так как многие этих родителей обвиняют и укоряют, я же хочу эти упреки отвергнуть; ведь этикие люди не только бранят, но, основываясь на том, что Фауст был вскормлен своими родителями, делают некоторые выводы, а именно, что они потакали в юности всем его проделкам и не наставляли его на то, чтобы он прилежно учился, и это для его родителей — поношение. Далее, они утверждают, что друзья, видя его быстрый ум и малую охоту к богословию и зная с его слов, а также из того, о чем уже открыто шли слух и молва, о его занятиях колдовством, должны были своевременно предостеречь его от этого. Все это

Оправдание
родителей
доктора
Фауста.

пустой вымысел, ибо никакой вины на них нет. Теперь к делу!

Так как у Фауста был быстрый ум, склонный и приверженный к науке, то вскоре достиг он того, что ректоры стали его испытывать и экзаменовать на степень магистра и вместе с ним еще 16 магистров, которых он всех превзошел и победил в понятливости, рассуждениях и сметливости. Таким образом, изучив достаточно свой предмет, стал он доктором богословия. При этом была у него дурная, вздорная и высокомерная голова, за что звали его всегда «мудрствующим». Попал он в дурную компанию, кинул Святое писание за дверь и под лавку и стал вести безбожную и нечестивую жизнь (как в этой истории дальше будет показано). Поистине справедлива пословица: кто к черту тянется, того ни вернуть, ни спасти нельзя.

Доктор
Фауст
принялся за
чернокнижие.

Нашел доктор Фауст себе подобных, тех, что пользовались халдейскими, персидскими, арабскими и греческими словами, фигурами, письменами, заклинаниями, волшебством и прочим, как зовут подобные заклятия и колдовство. И подобные занятия суть не что иное, как искусство Дарданово, нигромантия, заклинания, изготовление ядовитых смесей, прорицания, наговоры и как бы еще подобные книги, слова и имена ни назывались. Это полюбилось Фаусту, он стал изучать и исследовать их день и ночь. Не захотел он более называться теологом, стал мирским человеком, именовал себя доктором медицины, стал астрологом и математиком, а чтобы соблюсти пристойность, сделался врачом. Поначалу многим людям он помог своим врачеванием, травами, кореньями, водами, напитками, рецептами и клистирами. При этом был он красноречив и сведущ в божественном Писании. Знал он хорошо заповедь Христа: тот, кто волю Господню знает и ее преступает, будет вдвойне наказан. Ибо никто не может служить двум господам зараз. Ибо ты не дол-

жен Господа Бога испытывать. Все это он развеял по ветру, выгнал душу свою из дома за дверь, поэтому не должно ему быть прощения.

2

КАК ДОКТОР ФАУСТ СТАЛ ВРАЧОМ
И КАК ОН ЗАКЛИНАЛ ДЬЯВОЛА

Как сказано выше, обратил доктор Фауст все помыслы свои на одно дело: чтобы любить то, что не пристало любить. К этому стремился он день и ночь. Окрылился он как орел, захотел постигнуть все глубины неба и земли. Ибо любопытство, свобода и легкомыслие победили и раззадорили его так, что стал он однажды испытывать некоторые волшебные слова, фигуры, письмена и заклятия, чтобы вызвать тем самым черта. Таким образом пришел он в густой лес, который, как некоторые говорят, расположен близ Виттенберга и зовется Шпессерским лесом, как доктор Фауст после сам признавался. В этом лесу, под вечер, на перекрестке четырех дорог начертил он палкой несколько кругов и два рядом так, что эти два были вчерчены внутри одного большого круга. И вызвал он заклинаниями черта, ночью между девятью и десятью часами. Тогда, наверно, посмеялся дьявол в кулак и показал Фаусту зад, думая про себя: «Добро, я остужу твое сердце и твой дух, одурачу тебя так, чтобы не только твое тело, но и душу добыть. Мне это кстати придется, куда я сам не захочу, туда будешь у меня на посылках ходить». Так оно и случилось, дьявол совсем одурачил Фауста и связал его по рукам и по ногам. Ибо, когда доктор Фауст произнес свое заклинание, притворился черт, что неохотно идет он к желаемой цели. Поднял он в лесу такой грохот, казалось — все прахом идет, деревья до земли гнулись. После этого представил дьявол, будто лес весь полон чертей, которые появлялись около кругов, начертанных Фаустом, и между ними так, будто везде

Доктор
Фауст
заклинает
черта
в первый
раз.

для них была свободная дорога. После того точно лучи и стрелы посыпались с четырех сторон леса на магический круг, потом раздалась громкая стрельба из пиццалей, и вспыхнул свет, и послышались в лесу звуки множества приятных инструментов, музыка и пение, а потом были танцы и после еще турниры на мечах и копьях. И так Фаусту все опостылело, что он готов был бежать из круга. Наконец, снова овладело им дерзкое и безбожное намерение, упрочился и утвердился он в прежних своих умыслах, все равно, что бы из этого ни вышло. Снова, как прежде, стал он заклинать дьявола. Тут дьявол явил его глазам такое зрелище, как будет сказано дальше. Сначала показалось, будто над кругом парит или порхает гриф или дракон, и когда Фауст сотворил свое заклинание, зверь этот заворчал жалобно. Вскоре с высоты трех или четырех сажень от земли упала огненная звезда и обратилась в огненный шар, что очень испугало доктора Фауста. Все же пристрастился он к предпринятому делу, гордясь тем, что ему сам дьявол должен покориться. Как Фауст в одной компании похвалялся, будто ему подвластна и покорна голова, которая всех выше на земле, на что студенты ответствовали, что не знают никого выше на земле, чем императора, папу или короля. Но Фауст сказал: глава, что мне покоряется, выше, — и подтвердил это посланием Павла к эфесянам: «Князь мира сего, на земле и под небесами», и т. д. Итак, он заклиал эту звезду один, другой и третий раз. Из нее исторгся огненный столб в человеческий рост и снова упал, затем появилось шесть огоньков, они то подымались, то опускались и, наконец, приняли образ огненного человека, который четверть часа ходил вокруг магического круга. Вскоре после того обратился тот дьявол и дух в серого монаха, вступил с Фаустом в разговор и спросил его, чего он желает. На это было желание Фауста, чтобы тот назавтра в двенадцать часов явился ему в его жилище,

на что дьявол вначале не хотел согласиться, но доктор Фауст заклял его именем его господина, чтобы он исполнил его желание, что ему дух напоследок и обещал.

3

СЛЕДУЕТ ПРЕНИЕ
ДОКТОРА ФАУСТА С ДУХОМ

После того как доктор Фауст пришел под утро домой, приказал он духу явиться в его комнату и выслушать, что доктору Фаусту будет от него угодно. Достоин удивления, что злой дух, как только Бог отвернется, может так обморочить человека. Как пословица гласит: здесь ли, там ли наконец, а същет черта молодец.

Доктор Фауст опять произвел свои волхования, снова заклял черта и предъявил ему несколько условий.

I. Во-первых, дух должен быть ему подвластен и послушен во всем, что он захочет, спросит или пожелает до самой его смерти.

II. Далее, что он ни пожелал бы от него узнать, дух должен отвечать ему без утайки.

III. Также чтобы на все его вопросы он отвечал чистую правду.

Но дух ответил ему отказом, отклонил все это по той причине, что не имеет достаточной власти, пока не даст ему на то согласие господин, которому он подчиняется, и сказал так: «Не в моей воле и власти исполнить твое желание, любезный Фауст, но во власти адского бога». Доктор Фауст ответил на это: «Как мне понять тебя? Разве ты сам недостаточно силен?» — «Нет», — отвечал дух. Фауст снова ему говорит: «Какая же этому причина? Скажи мне, любезнейший!» — «Надобно тебе знать, — отвечал дух, — что среди нас существует точно такое же правление и владычество, как на земле. Мы имеем своих правителей, и господ, и слуг, каковым я и являюсь.

Доктор
Фауст
заклинает
черта во
второй раз.

Дьявольское
правление.

И зовется наше царство Легион. Ибо, хотя собственная гордыня подвигла Люцифера к падению, владеет он Легионом, и ему подчинено множество демонов, составляющих его войско, и зовем мы его князем востока, ибо он властвует на восходе солнца. Также имеется княжество в зените, и на закате солнца, и в полуночи, и так как власть его и княжение распространяются также и на землю, то мы меняем свой облик, являемся к людям, служим им. Иначе, как ни пытайся человек, он со всем своим искусством не мог бы заставить служить себе Люцифера. И вот, тогда он посылает духа, как и я был послан. Хотя мы никогда не открываем человеку истинное средоточие нашего местопребывания, так же как не говорим о нашем правлении и владычестве, однако же после кончины грешного человека ему это хорошо становится известным». Доктор Фауст ужаснулся этому и сказал: «Не хочу я из-за тебя стать окаяннным грешником». Дух отвечал:

Хочешь ли, нет — один ответ,
Тебе от меня спасенья нет.
В небо метишь — просишь совет,
Сам не заметишь, что выбора нет.
С сердцем отчаянным — стал
неприкаянным.

Доктор
Фауст
заклинает
черта
в третий
раз.

Фауст сказал: «Ах, чтобы тебя падучая хватила! Убирайся вон отсюда!» Однако только дьявол хотел удалиться, как Фауст принял другое отчаянное решение. И заклинул его, чтобы под вечер он снова явился к нему и выслушал, что Фауст ему предложит. Дух согласился и с этим исчез.

Из этого можно видеть, каково было сердце безбожного Фауста и какие помыслы он питал, и хотя дьявол ему, как говорится, наперед его песенку спел и сказал, что его ожидает, все же Фауст коснел в своем упорстве.

Вечером или между тремя и четырьмя часами пополудни явился летающий дух Фаусту снова и обещался быть ему во всем подвластным и покорным, ибо ему от господина его дана такая власть, и сказал доктору Фаусту: «Я принес тебе ответ, и ты должен мне дать ответ. Только я сначала хочу слышать твое желание, ибо ты велел мне явиться к тебе об эту пору». Дал ему ответ Фауст, однако же отчаянный и губительный для его души, ибо он помышлял только о том, чтобы быть не человеком, а воплощенным дьяволом или частью его. Итак, потребовал он от дьявола следующее.

Во-первых, чтобы получил и имел он способность, форму и облик духа.

Во-вторых, чтобы дух делал все, что он пожелает и захочет от него.

В-третьих, чтобы он был ему послушен, покорен и усерден, как слуга.

В-четвертых, чтобы во всякое время, как только Фауст позовет его и прикажет, находился бы он в его доме.

В-пятых, чтобы, находясь в его доме, он незримо ведал его делами и чтобы никто его не видел, кроме самого Фауста, если только на это не будет его воли и желания.

И напоследок, что дух должен являться к нему всякий раз, как он его позовет, и в том образе, как он ему прикажет.

На эти шесть статей дух ответил Фаусту, что он ему во всем готов покориться и быть послушным, если только за это он тоже выполнит несколько поставленных условий, и как только он это сделает, ему не придется больше ни о чем заботиться. И вот что это были за условия.

Во-первых, он, Фауст, обещает и поклянется, что он предастся в собственность этому духу.

Требования
дьявола
к Фаусту.

Во-вторых, что для большей силы он это напишет и удостоверит своею собственной кровью.

В-третьих, что всем верующим христианам он будет враждебен.

В-четвертых, что он отречется от христианской веры.

В-пятых, если кто-то вновь захочет его обратить, чтобы он этим не соблазнялся.

За это берется дух выполнить все желания Фауста сроком на определенное число лет. Когда же срок истечет, он явится за ним. И если Фауст эти условия выполнит, он будет иметь все, чего только душа его пожелает и захочет, и тотчас почувствует в себе способность принять вид и обличие духа. Доктор Фауст был настолько дерзок в своем высокомерии и гордыне, хотя и раздумывал с минутой, что не стал беспокоиться о блаженстве своей души, а дал свое согласие злему духу на такое дело и все условия обещался выполнить. Он думал, что не так черен дьявол, как его малюют, и не так жарок ад, как о том рассказывают, и т. п.

5

ТРЕТЬЕ СОВЕЩАНИЕ
ДОКТОРА ФАУСТА С ДУХОМ

После того как доктор Фауст принял это обязательство, на следующий день рано утром вызвал он духа и обязал его, как только он его призовет, появляться к нему в образе и одежде францисканского монаха с колокольчиком и подавать весть, чтобы по звону он узнавал заранее о его приходе. Спросил он потом у духа, как его имя и прозвание. Отвечал дух, что зовется он Мефостофилем.

В тот самый час отступился этот безбожный человек от своего Господа и Творца, сотворившего его, и стал частью окаянного дьявола. И это отступничество его есть не что

иное, как его высокомерная гордыня, отчаяние, дерзость и смелость, как у тех великанов, о которых пишут поэты, что они гору на гору громоздили и хотели с Богом сразиться, или у злого ангела, который ополчился против Бога, и за это, за его гордыню и высокомерие, прогнал его Господь. Ибо кто дерзает подняться высоко, тот и падает с высоты.

После того составляет доктор Фауст в своей наглости и дерзости договор, письменное обязательство и соглашение. Страшное и омерзительное это было дело! И бумага эта после его злополучной кончины была найдена в его доме. Это я хочу сообщить всем добрым христианам для примера и предостережения, чтобы они не давали воли дьяволу и не вредили бы своему телу и душе, как вскоре после того доктор Фауст соблазнил своего бедного фамулуса и слугу подобным дьявольским делом.

Когда обе стороны так друг с другом договорились, взял Фауст острый нож, отворил себе жилу на левой руке, и поистине говорят, что на этой руке появились запечатленные, окровавленные письма: *O Homo fuge*, т. е. беги от него, человек, и будь праведным, и т. п.

Доктор
Фауст
подписывает
договор
с чертом.

6

ДОКТОР ФАУСТ ВЫПУСКАЕТ КРОВЬ В ТИГЕЛЬ,
СТАВИТ ТИГЕЛЬ НА ГОРЯЧИЕ УГОЛЬЯ
И ПИШЕТ, КАК НИЖЕ СЛЕДУЕТ

Я, Иоганн Фауст, доктор, собственноручно и открыто заверяю силу этого письма. После того как я положил себе исследовать первопричины всех вещей, среди способностей, кои были мне даны и милостиво уделены свыше, подобных в моей голове не оказалось и у людей подобному я не мог научиться, посему предался я духу, посланному мне, именующемуся Мефостофилем, слуге адского князя в странах востока, и избрал его, чтобы он меня

к такому делу приготовил и научил, и сам он мне обязался во всем быть подвластным и послушным.

За это я ему со своей стороны обязался и обещаю, что он, когда пройдут и промчатся эти 24 года, волен будет, как захочет, мне приказать и меня наказать, управлять мною и вести меня по своему усмотрению и может распоряжаться всем моим добром, что бы это ни было — душа ли, тело, плоть или кровь. И так на вечные времена. С этим отрекаюсь я от всех живущих, от всего небесного воинства и от всех людей. И да будет так. Для точного свидетельства и большей силы написал я это обязательство собственной рукой, подписал его и собственной кровью, разума моего и чувств моих мысли и волю сюда присоединил, заверил и запечатал и т. д.

Подписано:

Иоганн Фауст,
сведущий в элементах и богословии доктор.

7

ПРОТИВ ДОКТОРА ФАУСТА,
ЗАКОРЕНЕВШЕГО В СВОИХ ЗЛОДЕЯНИЯХ, СТИХИ

Кто обуян гордыней вдруг,
А скромность вешает на крюк,
Кто в этом черту друг,
Тот рубит под собою сук
И душу, тело, жизнь — все потеряет
вдруг.

Еще:

Кто мыслит о земных благах
И вечность променял на прах,
Торгует с чертом на паях,
Душе готовит вечный страх.

Еще:

Кто упрямо зажженный огонь
оставляет
Или хочет в колодезь нырнуть
с головою,
Поделом ему, если он погибает.

В третьей беседе явился Фаусту его дух и слуга совсем веселым и вел он себя так: прошелся по дому, как огненный муж, так, что от него исходили яркие огненные струи или лучи, потом послышались шум и бормотание, будто монахи пели, но никто не знал, что это было за пение. Фаусту понравилось это зрелище, но он не хотел, чтобы оно совершалось в его комнате, прежде чем он увидит, что из всего этого произойдет. Вскоре после этого послышался звон копий, мечей и другого оружия, так что ему казалось, будто дом хотят взять приступом. Потом послышались голоса собак и охотников, псы травили и гнали оленя до комнаты Фауста, здесь они его уложили.

После этого появились у Фауста в комнате лев и дракон, и стали они биться друг с другом. Хотя лев отважно защищался, все же он был побежден и проглочен драконом. Фамулус доктора Фауста сказал, что сейчас он увидит крылатого змия, брюхо у него желтое, белое и пятнистое, а крылья и спина черные, половина хвоста как раковина у улитки закручена, и собою заполнил он всю комнату и т. д.

Потом видно было, как вошел красивый павлин с павою. Они стали ссориться, а потом помирились. Еще увидели — вбежал разъяренный бык доктору Фаусту навстречу. Тот немало испугался, но бык, подбежав к Фаусту, пал перед ним ниц и провалился. Затем увидели большую старую обезьяну, она подавала доктору Фаусту руку, прыгнула на него, стала ласкаться и снова выбежала из дома. Потом сделался в доме густой туман, так что Фауст из-за тумана не мог ничего разглядеть. Когда же туман рассеялся, перед ним оказались два мешка, один с серебром, другой с золотом. Наконец, приятно заиграли инструменты — сперва орган, потом фисгармония, по-

том арфы, лютни, скрипки, литавры, флейты, гобой, трубы и другие, каждый в четыре голоса, так что доктору Фаусту возомнилось, что он не иначе как попал на небо, а он был с чертом. Так продолжалось целый час, и Фауст так закоснел в грехе, что ему казалось, будто он и не помышлял о раскаянии. И здесь можно видеть, какие прельстительные зрелища представляет дьявол, чтобы Фауст в своем отступничестве не мог воротиться назад, более того, чтобы он еще веселее мог предаваться своему делу и думал: вот, я ничего еще злого и мерзкого не видел, но много радости и веселья.

После этого вошел дух Мефостофиль к доктору Фаусту в комнату в образе и обличии монаха. Доктор Фауст сказал ему: «Чудесное ты положил начало своими делами и превращениями, и они доставили мне большую радость. Если ты думаешь так продолжать, то снабди меня всяким добром». Отвечает Мефостофиль: «О, это мне ничего не стоит. Я тебе и в другом послужу, так что ты увидишь еще большую силу мою и искусство и все получишь, чего от меня потребуешь, как только ты собственноручно дашь мне обязательство и соглашение». Фауст подал ему обязательство и сказал: «Вот тебе договор». Мефостофиль взял договор, и еще потребовал он от доктора Фауста, чтобы тот снял себе с него копию. И это сделал безбожный Фауст.

9

ДУХ СЛУЖИТ ДОКТОРУ ФАУСТУ

Когда доктор Фауст поручился злому духу своей собственной кровью и подписью в таком мерзком деле, само собой разумеется, что Бог и все небесное воинство от него отступились. И с этого времени стал он действовать не как благочестивый и праведный муж, но как бес, о нем же Христос, Владыка наш, возгласил, что он, вселившись в человека,

обретает в нем себе убежище и приют. Дьявол вселился и стал жить у него согласно поговорке: доктор Фауст накликнул себе черта в гости.

Доктор Фауст занимал дом своего благочестивого дяди, и был этот дом ему отказан по завещанию. При нем же изо дня в день состоял молодой ученик, его фамулус, отчаянный негодник, по имени Кристоф Вагнер, которому эта затея тоже нравилась, потому что господин тешил его надеждой, что сделает из него многоопытного и ученого мужа; да и без того молодость всегда более склонна к злему, чем к доброму, от этого и он был таков. Итак, в доме у доктора Фауста, как сказано выше, не было никого, кроме его фамулуса и его злого духа Мефостофиля, и тот всегда сопровождал его в образе монаха; заклинал же его Фауст в своем кабинете, который с той поры он постоянно запирает на замок.

Фамулус
доктора
Фауста.

Пропитания и провизии было у Фауста с избытком. Когда хотелось ему доброго вина, приносил ему дух из подвалов вина, откуда бы ни вздумалось. Как он сам однажды признался, немало ущерба нанес он своему курфюрсту и герцогу Баварскому и епископу Зальцбургскому в их погребах. И имел он также ежедневно горячую пищу, ибо владел волшебным искусством: стоило ему только открыть окно и назвать птицу, какую ни пожелает, как она тотчас влетала к нему в окно. Равным образом приносил ему дух лучшие готовые кушанья из всех близлежащих владений — от княжеских или графских дворов, так что стол у него был прямо княжеский. Он и его слуга были знатно одеты, в платья, которые дух покупал или крал для них ночью в Нюрнберге, Аугсбурге или Франкфурте. А так как ночью торговцы не имеют обыкновения сидеть в лавке, то кожевники и сапожники должны были за это платиться.

Дух
заботится
о докторе
Фаусте.

Итак, все это были краденые и похищенные товары и, стало быть, пища и скарб,

вполне заслуживающие уважения, а правильное сказать, безбожные. По слову Господа нашего Иисуса Христа, который в Евангелии от Иоанна называет дьявола грабителем и убийцей, каковым он и является.

И еще обещал ему дьявол, что будет ежедневно выдавать ему 25 крон, что составляет 1300 крон в год. Это и было его годовое содержание.

ДОКТОР ФАУСТ ЗАХОТЕЛ ЖЕНИТЬСЯ

Таким образом, доктор Фауст жил эпикурейской жизнью, день и ночь не помышляя ни о Боге, ни об аде или дьяволе, решив, что душа и тело умирают вместе. И так донимали его плотские желания, что решил он вступить в брак и жениться. Спросил он тогда черта, который всегда был врагом законного брака, установленного и утвержденного Богом, можно ли ему жениться. Злой дух ответил ему: что он о себе думает, не забыл ли он своего обещания? И далее: собирается ли его сдержать? Ведь он обещал враждовать с Богом и всеми людьми, поэтому не должно ему вступать в брак, ибо нельзя служить двум господам — Богу и ему, дьяволу. Брак же создан всевышним, а мы ему враждебны. Что же касается прелюбодеяния и распутства — это мы считаем за благо. Знай же наперед, Фауст, если ты решишься жениться, мы тебя непременно разорвем на клочки. Дражайший Фауст, посуди сам, что за беспокойство, неудовольствия, вражда и ссоры вытекают из брачной жизни.

Доктор Фауст все думал да думал, как все безбожные люди, которые ничего хорошего не способны придумать и которых соблазняет и ведет за собой дьявол. Наконец, в раздумье призывает он к себе своего монаха; ведь и без того у монахов и монашек такое обыкнове-

Черт
отговаривает
доктора
Фауста
жениться.

ние — не вступать в брак, а, напротив, запрещать его; так и Фаустов монах отвращал его постоянно от этого дела. Фауст ему сказал: «Будь что будет, хочу жениться!» Как только Фауст высказал это намерение, сильный порыв ветра потряс его дом, будто все готово было рухнуть. Все двери сорвались с петель, такой жар стоял в доме, словно все должно было обратиться в пепел. Доктор Фауст — давай бог ноги по лестнице. Тут схватил его некий человек, швырнул обратно в комнату, так что тот ни рукой, ни ногой не мог двинуть. Вокруг него со всех сторон загорелся огонь, словно и сам он тут же загорится. Стал он кликать своего духа на помощь, дескать, он будет во всем следовать его воле, совету и приказаниям. Тут явился ему дьявол самолично, только таким грозным и страшным, что он не смел на него взглянуть.

И сказал ему дьявол так: «Ну, говори, какие у тебя теперь намерения?» Доктор Фауст ответил кратко, что он не выполнил своего обещания, которое дал, только ведь раньше он не разумел этого, и просил о прощении и снисхождении. Сатана ответил ему немногими словами: «Смотри, впредь держись этого, говорю тебе: держись этого!» — и исчез.

После явился ему дух Мефостофиль и сказал ему: «Если впредь ты будешь держать свое слово, я могу насытить твою похоть иным образом, так, что ты в жизни ничего другого не захочешь. Раз ты не можешь жить в целомудрии, я буду каждую ночь и каждый день приводить тебе в постель любую женщину, какую ты увидишь в этом городе или еще где, если ты пожелаешь ее по воле своей для блуда. И в этом виде и образе будет она с тобой жить».

Дьявольский
блуд.

Доктору Фаусту это так понравилось, что сердце у него затрепетало от радости, и он покаялся в том, что прежде хотел сотворить. И распалился он таким бесстыдством и

похотью, что день и ночь только высматривал красивых женщин, так что если нынче он предавался с дьяволом блуду, завтра уже новое имел в мыслях.

11

ВОПРОСЫ, ЗАДАННЫЕ ДОКТОРОМ ФАУСТОМ
СВОЕМУ ДУХУ МЕФОСТОФИЛЮ

После того как доктор Фауст, как было сказано выше, предался с дьяволом мерзкому и ужасному блуду, дал ему дьявол большую книгу о всевозможном волшебстве и нигромантии, и ею наслаждался он наравне со своим дьявольским браком. Это Дарданово искусство обнаружили впоследствии у его прислужника Кристофа Вагнера. Вскоре любопытство стало язвить его: вызывает он своего духа Мефостофиля, хочет с ним беседовать, говорит: «Скажи мне, слуга мой, что ты за дух?» Дух отвечал ему и сказал: «Господин мой Фауст, я дух, и притом летающий дух, владычествующий в поднебесье». — «Каким же образом совершилось падение твоего господина, Люцифера?» Дух сказал: «Господин, так как государь мой Люцифер, прекрасный ангел, сотворенный Богом, был блаженным созданием, то мне известно, что таких ангелов называют иерархиями, и их три: серафимы, херувимы и престольные ангелы. Первые — князья среди ангелов, правят всем небесным воинством, вторые — охраняют и оберегают людей, третьи борются и противодействуют нашим дьявольским силам и потому и прозываются могущественными и князьями среди ангелов. Также зовут их еще ангелами-чудотворцами, вестниками великих дел и ангелами — хранителями людей. Также и Люцифер был среди них одним из прекраснейших и архангелом, назывался Рафаилом, а двое других — Гавриилом и Михаилом. Вот тебе мой краткий рассказ».

О падении
Люцифера.

Следует сказать, что доктору Фаусту все мечталось узнать об аде, и он спрашивал об этом своего злого духа, также о сущности, местоположении и о сотворении ада, как с этим обстоит дело. Дух держал ответ. Как только свершилось падение его господина, в тот же миг был ему приготовлен ад, каковой являет тьму кромешную, где Люцифер связан цепями, отвержен и отринут и должен оставаться вплоть до суда. Там нет ничего, кроме тумана, огня, серы, смолы и других зловоний. Потому даже мы, бесы, не знаем, как выглядит ад, и как он устроен, и как его Господь сотворил и создал, ибо он не имеет ни конца ни краю. И это тебе мой краткий рассказ.

ДРУГОЙ ВОПРОС ДОКТОРА ФАУСТА
О ДЬЯВОЛЬСКОМ ПРАВЛЕНИИ И ВЛАСТЯХ

Дух должен был также доложить Фаусту о жилище дьяволов, их правлении и власти. Дух отвечал и сказал: «Господин мой Фауст. Ад и адская область и есть для всех нас место жительства и пребывания, она вмещает в себя столько же, сколько весь мир. Над адом и над миром, до самого неба, есть десять правителей, которые являются среди нас начальниками, и десять самых могучих княжеств, а именно:

1. Lacus mortis	6. Gehenna
2. Stagnum ignis	7. Herebus
3. Terra tenebrosa	8. Barathrum
4. Tartarus	9. Stix
5. Terra oblivionis	10. Acheron

В нем правят дьяволы по имени Флегетон. Из них четыре правителя облечены княжеской властью: это Люцифер на востоке, Вельзевул на севере, Велиал на юге и Астарот на западе. И это княжение пребудет до Божьего суда. Вот тебе рассказ о нашем воинстве».

14

ВОПРОС, В КАКОМ ОБРАЗЕ
ПРЕБЫВАЮТ ПАДШИЕ АНГЕЛЫ

Доктор Фауст начал новую беседу со своим духом. Тот должен был сказать ему, в каком образе сиял своим убранством и обретался на небе его господин. На этот раз дух испросил три дня отсрочки. На третий день дал ему дух такой ответ: «Господин мой Люцифер, который и ныне так называется, потому что отпал он от пресветлого неба, прежде тоже был Божьим ангелом и херувимом и созерцал в небе все творения и создания Божьи. И был он в таком убранстве, образе, пышности, достоинстве, чине и обителище, что сидел превыше всех Господних творений, выше золота и драгоценных камней, так что затмевал собою сияние солнца и звезд. Ибо, когда Господь его сотворил, вознес он его на гору Господню и облачил княжеским саном, так что во всех своих делах и помыслах он был совершенен. Однако скоро впал он в надменность и высокомерие и замыслил возвыситься над востоком, и был тогда он Господом исторгнут из небесного жилища и низвергнут со своего трона в огненную пропасть, которая не погаснет во веки веков, но вечно разгорается. Он был украшен венцом всего небесного великолепия. И так как он выступил против Бога с таким дерзким умыслом, воссел Господь на свой трон, где он творил суд, и проклял его и осудил пребывать в

преисподней, откуда он не изыдет во веки веков».

Когда Фауст услышал от своего духа о таких вещах, стал он раздумывать и сделал отсюда некоторые предположения и выводы. Молча покинул он духа, пошел в свою комнату, лег на постель, начал горько плакать и вздыхать, и сердце его возопило. Увидел он из этого рассказа, как был чудесно взыскан

Доктор
Фауст
рассказывает.

Господом дьявол и падший ангел, так что, не будь он надменен и враждебен Богу, он мог бы навсегда сохранить свое небесное существо и жилище, теперь же он отвергнут Богом навеки.

И сказал Фауст: «О, горе мне горькое, также придется и мне, ибо и я — создание Божие, и мои дерзкие плоть и кровь стали проклятием для души и тела, соблазнили мои чувства и разум, так что я, творение Божие, отрекся от Создателя, и дал дьяволу уговорить себя, и предался и продался ему телом и душой. Потому нет у меня более надежды на милосердие, но, подобно Люциферу, и я буду подвергнут проклятию и вечным мукам. Ах, горькое горе! Кого мне винить, кроме себя? О, если бы я никогда не родился!»

Так жаловался Фауст, но не хотел он обрести веру и надежду, что покаянием он мог бы снискать милосердие Божие. Ибо если бы он подумал: «Ну, теперь меня черт так разукрасил, что мне небо с овчинку покажется. Давай-ка я вновь обращусь, стану просить Господа о милости и прощении, не сотворю больше зла» (это ведь великое покаяние), — если бы после этого пошел в церковь, в общину Христову, последовал святой вере, тем самым стал бороться с дьяволом, пусть даже ему пришлось бы оставить тело, то все же душа его была бы спасена. Но во всех своих мыслях и суждениях он сомневался, не имел веры и ни на что не надеялся.

ДОКТОР ФАУСТ БЕСЕДУЕТ
СО СВОИМ ДУХОМ МЕФОСТОФИЛЕМ
О МОГУЩЕСТВЕ ДЬЯВОЛА

После того как отлегло несколько у Фауста на душе, он спросил своего духа Мефостофиля о правлении, совете, силе, натиске, искушениях и владычестве дьявола и как он этого достиг. На это дух отвечал: «Эта беседа и тот вопрос, который я должен тебе разъяснить, ввергнут тебя, господин мой Фауст, в раздумье и недовольство. К тому же тебе не следовало бы о том у меня выпытывать, так как дело это касается наших тайностей. И хотя не должен я эту тайну нарушить, все же узнай, что как только падший ангел стал врагом Господу и всем людям, стал он учинять над людьми всевозможные тиранства, как это и по сию пору ясно видно: одного сражает смерть, другого он заставляет самого повеситься, утопиться или удавиться, третьего закалывают, кто впадает в отчаяние и тому подобное. Кроме того, как известно, когда Господь создал первого человека совершенным, то дьявол, завидуя ему, стал его искушать и ввергнул Адама и Еву со всем их потомством во грех и немилость Господню. Это, дражайший Фауст, примеры натиска и тиранства Сатаны. То же сотворил он с Каином и сделал так, что народ израильский поклонялся чужим богам, приносил им жертвы и предавался блуду с языческими женами. Был также дух, который овладел Саулом, помутил его разум и побудил его наложить на себя руки. Есть еще дух, называемый Асмодеем. Он умертвил семерых мужей в то время, как они занимались распутством. Таков дух Дагон, который предал уничтожению 30 000 людей, и они были убиты, а ковчег со скрижалями Господними попал в руки врага. И еще Велиал побудил Давида, чтобы он начал считать свой народ, и тогда погибло 60 000 человек. Так же посту-

пил один наш дух с царем Соломоном, побудив его к идолопоклонству, и т. д.

Итак, нет числа нашим духам, кои приступают к людям, побуждают и приводят их к грехам. Мы рассеиваемся по свету, пользуемся всяческой хитростью и коварством, отворачиваем людей от веры и влечем их к грехам и вооружаемся, как только можем. Мы, противники Иисуса, преследуем его приверженцев до самой смерти, овладеваем сердцами царей и князей мира, поднимаем их против учения Христа и его учеников. И это можешь ты, господин мой Фауст, увидеть на себе».

Доктор Фауст сказал ему: «Выходит, что ты и мной овладел, скажи мне, любезнейший, правду». Дух ему ответил: «Отчего же? Конечно! Ибо, как только мы узрели в твоём сердце, что за мысли ты лелеешь и что для этих своих предприятий и дел некого больше тебе использовать, кроме дьявола, то ещё более дерзостными и отчаянными сделали мы твои мысли и искания и такими жадными, что ни днем, ни ночью ты не имел покоя, но все твоё рвение и помыслы были о том, как бы применить колдовство. И когда ты заклинал нас, сделали мы тебя таким дерзким и отчаянным, что ты готов был лучше предаться черту, нежели отступить от своего дела. После этого ещё больше придали тебе бодрости и вложили тебе в сердце такое желание, что ты уже не мог отступить от своего намерения призвать к себе духа на помощь. Наконец, настолько мы тебя одолели, что ты предался нам душою и телом, и все это ты, Фауст, можешь на себе увидеть».

«Поистине, — сказал доктор Фауст, — теперь я ничего уже не поделаю. Сам себя связал. Если бы были у меня благочестивые помыслы и я бы обращался с мольбой к Богу и не подпустил к себе черта так близко, не приключилось бы такого несчастья моей душе и телу. Ах, что я наделал!»

И дух ему отвечал: «Разочти сам». И доктор Фауст ушел от него в печали.

ПРЕНИЕ О ПРЕИСПОДНЕЙ, НАЗЫВАЕМОЙ ГЕЕННОЙ,
КАК ОНА БЫЛА СОТВОРЕНА И ОБРАЗОВАНА,
А ТАКЖЕ О МУКАХ АДСКИХ

Доктор Фауст все же раскаивался в сердце своем и постоянно раздумывал о том, что за грех он взял на себя, пожертвовав блаженством своей души и связавшись с дьяволом ради временных благ. Но его раскаяние было раскаянием и покаянием Каина и Иуды, ибо хотя и раскаивался он в сердце своем, но отчаялся в милосердии Божиим, и казалось ему невозможным вернуть себе милость Божию. Уподобился он Каину, который точно так же отчаялся, полагая, что грехи его больше, чем можно ему простить; так же было и с Иудой и т. д. И доктор Фауст думал так же; все смотрел он в небо, но ничего не мог там разглядеть. Все ему мечталось, как говорится, о черте или об аде; это значит, он думал о том, что содеял, и казалось ему, что частыми беседами, вопросами и прениями с духом удастся ему когда-нибудь достигнуть исправления, раскаяния и воздержания от зла. Однако напрасно, ибо дьявол слишком цепко его держал.

После этого снова затеял Фауст разговор и прение с духом (ибо ему опять подумалось об аде). Стал он спрашивать духа, что есть ад. Во-вторых, как ад сотворен и устроен. В-третьих, что за муки и терзания ждут осужденных в чистилище. В-четвертых, и в-последних, может ли осужденный вновь возвратить себе милость Божию и избавиться от адских мук.

Дух не дал ему ответа ни на один вопрос и сказал: «Господин мой Фауст, лучше тебе оставить твои вопросы и разговоры относительно ада и его порядков. Чего ты хочешь, любезнейший? Если бы ты и впрямь мог подняться в рай, я бы снова низверг тебя в преисподнюю, ибо ты мой, и тут твое мес-

то. Потому-то, любезнейший Фауст, прекрати спрашивать меня об аде и поверь мне, если я тебе обо всем этом расскажу, ты будешь повергнут в такое раскаяние, сетование, раздумье и горе, что пожалеешь сам, зачем задавал мне вопросы, а потому мое мнение, что лучше тебе о том не спрашивать».

Доктор Фауст сказал: «И все же я хочу знать, или мне не жить. Ты должен мне все открыть».

Что
есть ад.

«Так и быть, — говорит дух, — я скажу тебе, мне-то мало горя от этого. Ты хочешь знать, что есть ад? Ад имеет много имен и значений. Называют его «алчущий» и «жаждущий», ибо человеку нечем в нем ни утолить жажду, ни насытиться. Еще поистине говорят, что геенною зовется долина неподалеку от Иерусалима. Ад такой же глубины и ширины, как эта долина, притом Иерусалим, трон небесный, где обитают жители небесного Иерусалима, расположен от него так далеко, что грешники осуждены вечно находиться в бесплодной долине и никогда не смогут достигнуть вершины града Иерусалима. Также ад можно назвать местом столь обширным, что грешники, которые там обретаются, не видят ему конца. Также зовется он пеклом, ибо все, что туда попадает, должно пылать и гореть подобно камню в огненной печи, ибо хотя камень и раскаляется в печи, но не сгорает и не испепеляется, а становится только тверже. Так и душа грешника будет вечно гореть, и все же пламя не испепелит ее, только более жестокими муками станет она терзаться. Называется ад еще мукой вечной, и нет ей начала, нет надежды и нет конца. Зовется он мраком темницы, где нельзя увидеть ни великолепия Божьего, ни света, ни солнца или луны, и если бы там был свет или сияние, хотя бы как у вас в глухую темную ночь, тогда бы еще оставалась надежда на свет.

Есть в аду пропасть, называемая Chasma,

как от землетрясения, когда сотрясается земля, тогда образуется такая бездонная пропасть, и кажется, будто из недр этой пропасти вырываются ветры. Ад называют также Petra — утес, и он предстает в разных видах, как Saxum, Scorulus, Rupes или Cautes. Таков ад. Далее, ад укреплен таким образом, что вокруг него нет ни земли, ни камней, как у утеса, но как Господь укрепил небо, так создал он и дно ада, твердое, остроконечное и каменистое, подобное вершине скалы. Называют его Gargaeum — узилище, где грешники осуждены быть в вечном плену. Еще называется он Damnatio — проклятие, ибо души в аду, как в темнице, прокляты и осуждены на вечное заточение, и, как на гласном суде, произносится приговор виновнику и злодею. Называют ад также Pernicies и Exitium — погибелью, ибо душа терпит здесь такой ущерб, который длится вечность. Также зовется он Confutatio, Damnatio, Condemnatio — проклятие, осуждение и другими подобными именами, местом отверженных, где человек повержен в такую пропасть и бездну, как если бы он взобрался на высокий утес или гору и взглянул сверху вниз в долину, и голова у него пошла кругом. Но отчаявшийся человек идет туда не затем, чтобы взглянуть на местность, но чем выше он подымается, тем более жаждет броситься с кручи и тем глубже его падение; то же совершается с погибшими душами, брошенными в адскую бездну: чем греховнее душа, тем глубже должна она упасть. Далее, ад так устроен, что невозможно себе это измыслить и представить. Свой гнев Господь вложил в такое место, которое стало тюрьмою и узилищем для грешников, потому-то оно имеет много имен, как-то: жилище срама, пасть пожирающая, жерло, пропасть, адская глупина, где души грешников должны не только обретаться в терзаниях и муках вечного пламени, но терпеть срам, поношение и позор от Бога и его святых, за то что осуждены обретаться в этом жерле и пасти пожирающей.

Ибо ад и есть такая пасть, которая никогда не насыщается, но жаждет поглотить и души праведные, чтобы и они сообразились и погибли.

Вот, доктор Фауст, то, что ты должен узнать, ибо ты этого пожелал. И запомни, что преисподняя есть преисподняя смерти, зной пламени, тьма земли, забвение всех благ, о конце которой не озаботился Господь. В ней страдания, и муки, и вечный неугасимый огонь; жилище всех адских драконов, гадов и мерзких насекомых; обиталище падших дьяволов, полное зловонной воды, серы, смолы и расплавленного металла. И это тебе мой первый и второй ответ.

В-третьих, ты понуждаешь меня и желаешь, чтобы я тебе сообщил, какие страдания и муки испытывают или будут испытывать осужденные в аду. В таком случае, господин мой Фауст, ты должен заглянуть в Писание, ибо от меня это сокрыто. Однако насколько ужасно выглядит преисподняя, настолько же невыносимы ее муки и пытки. Об этом я хочу тебе сообщить. И грешникам приходится так, как я тебе уже подробно об этом рассказывал. Ибо поистине говорю тебе: ад, чрево женщины и земля ненасытны. Так и здесь нет ни конца, ни исхода. Будут они содрогаться и стенать о своих прегрешениях и зле, также и о проклятом адском ужасе и зловонии, препонах и слабости, воплях и вздохах. И будут они взывать к Господу, с мольбами и трепетом, робостью, громкими криками, в тоске и в печали, с воем и стоном. Ибо не должны ли они кричать громким голосом, трепетать и содрогаться, когда все создания и твари Божии ополчатся против них, и будут они терпеть вечное поношение, а блаженным будут уготованы вечный почет и веселие? И страдание и мука одних будут много тяжелей и суровей других, ибо неравны их грехи и неравны также кары. Будут грешники жаловаться на невыносимый холод, на неугасимый огонь, на непереносимый мрак,

зловоние, на вечные побои, на дьявольские лица, на то, что отчаялись во всем добром. Будут они молить со слезами на глазах, со скрежетом зубовым, задыхаясь от смрада, со стенаньями в голосе, шумом оглушающим в ушах, трепетом рук и ног. От великой боли будут они пожирать собственный язык, будут просить себе смерти, охотно соглашаясь умереть, но не смогут они умереть, ибо смерть будет бежать их, а муки их и пытки станут день ото дня тяжелее и больше. Вот тебе, господин мой Фауст, ответ на третий вопрос, и согласуется он с первым и вторым.

В-четвертых, и в-последних, хочешь ты иметь от меня ответ на вопрос, который относится к Богу: смилуется ли Господь над осужденными на адские муки. Как бы это ни было, чтобы дать ответ на твой вопрос, я хочу сперва ознакомить тебя с адом и его сущностью, сообщить тебе, как он был создан гневом Господним, и потом посмотреть, не можем ли мы на этом построить некоторые положения. Хотя, дражайший Фауст, это будет противоречить твоему обету и клятвенному обещанию, все же тебе будет дан ответ. Ты спрашиваешь напоследок, могут ли грешники вновь снискать милость Божию? На это я отвечаю: НЕТ. Ибо все те, кто обретается в аду, кого отринул Господь, там навеки останутся и пребудут в гневном Господнем и немилости, там, где нет навсегда никакой надежды. А если бы они могли снискать милость Божию, как мы, духи, на это все время рассчитываем и надеемся, тогда бы они возрадовались и вздыхали об этой минуте. Но столь же мало, как бесы в аду могут надеяться в своем падении и несчастье на милосердие Божие, столь же мало могут надеяться и грешники. Ибо здесь не на что надеяться. Их мольбы, вопли и вздохи не будут услышаны, и их пробужденная совесть будет наносить им удары в лицо. Император, король, князь, граф или другие правители будут сокрушаться: ах, если бы

они не тиранствовали и здесь на земле не давали волю своим прихотям, тогда бы могли они снискать милосердие Божие! Богач будет говорить: если бы он не предавался роскоши, щеголь — если бы он не предавался роскоши, прелюбодей и развратник — если бы он не творил прелюбодеяние, блуд и непотребство; пьяница, чревоугодник, игрок, богохульник, клятвопреступник, вор, грабитель, убийца и подобные им будут помышлять: о, если бы я не наполнял каждый день свое чрево едой и питьем, предаваясь излишествам, сладострастию и жадности, если бы я не богохульствовал, не нарушал присягу, не крал, не грабил, не убивал и не совершал подобных грехов, тогда я мог бы надеяться на прощение; но грехи мои перешли меру того, что может быть мне отпущено, поэтому я вполне заслужил эту адскую кару и мучку и не могу надеяться снискать милость Божию.

Потому-то, господин мой Фауст, должен ты знать, что осужденным нечего ждать, что придет время или срок их избавления от этих мучений. Если бы была у них надежда хотя бы каждый день черпать в море по одной капле, пока море не высохнет, или насыпать гору песку вышиною до самого неба, и носила бы птичка с этой горы в год одну песчинку величиной с горошину, и была бы у них надежда, что расточится эта гора и будут они прощены, и тогда бы радовались они этому. Но нет надежды, что Бог о них вспомнит и смиляется над ними. Нет, они будут лежать в аду, как мертвые кости, смерть и совесть будут их грызть, и пылкая их вера, с которой они тогда впервые обратятся к Богу, не будет услышана и вспомнута. О, если бы мог ты обретаться в аду до той поры, пока все горы до одной рухнут и сойдут со своих мест, пока все камни в море высохнут! Но легче слону или верблюду пройти через игольное ушко и все дождевые капли пересчитать, чем получить надежду на прощение.

Итак, короче, господин мой Фауст, вот тебе мой четвертый, и последний ответ. И знай, если ты в другой раз спросишь меня о подобных вещах, я не стану тебя слушать, ибо я не обязан тебе говорить о подобном. И оставь меня с такими вопросами и рассуждениями в покое».

На этот раз пошел доктор Фауст от своего духа в полной меланхолии, и был он в большом замешательстве и сомнении. Сегодня решал он одно, завтра — другое, думал об этих вещах день и ночь, но не мог прийти к твердому решению, ибо, как сказано выше, слишком крепко дьявол им завладел, слишком он закоснел, слишком слепо предался он дьяволу. К тому же, когда он остался один и захотел размыслить над Священным писанием, принял дьявол личину красивой женщины, стал его обнимать и творить с ним всякое непотребство, так что вскоре забыл он божественное слово и развеял его по ветру и укрепился в своих злых помыслах.

17

ДРУГОЙ ВОПРОС,
О КОТОРОМ ФАУСТ БЕСЕДОВАЛ С ДУХОМ

Доктор Фауст снова призвал своего духа и пожелал задать ему еще один вопрос, чтобы он и на этот раз удовлетворил его желание. Духу это пришлось очень не по вкусу, однако на этот раз решил он ему повиноваться. Когда он прежде говорил ему о том, дух наотрез отказывался, теперь же явился он снова и решил насытить его желание, но уже в последний раз. «Ну, что же ты хочешь от меня?» — сказал он Фаусту. «Я хочу, — сказал Фауст, — услышать ответ на мой вопрос, а именно: если бы ты сам был на моем месте, был человеком, сотворенным Богом, что бы ты стал делать, чтобы быть приятным Богу и людям?»

Дух усмехнулся и сказал: «Господин мой Фауст, если бы я был сотворен человеком, как ты, я бы склонялся перед Богом, покуда во мне было бы дыхание человеческое, и старался не возбудить против себя гнева Божьего. Я следовал бы сколь возможно его ученью, закону и заповедям, призывал бы и прославлял его, хвалил и возносил, чтобы быть Господу угодным и любезным, и знал бы, что после своей кончины достигну вечного блаженства, славы и великолепия».

На это доктор Фауст сказал: «Я, однако же, этого не делал».

«Поистине ты этого не делал, — сказал дух, — но отступился от своего Создателя, который тебя сотворил, дал тебе язык, зрение и слух, чтобы ты разумел его волю и стремился к вечному блаженству. От него ты отрекся, ты употребил во зло дивный дар твоего разума, ты отказался от Бога и от всех людей, и в этом тебе некого винить, как только свои дерзкие и гордые помыслы, ради которых ты потерял лучшее свое сокровище и драгоценность — царство Божие».

«Да, — сказал доктор Фауст, — увы, это так! Однако хочешь ли ты, Мефостофиль, быть на моем месте человеком?» — «Да, — отвечал дух со вздохом, — и не стал бы с тобою о том препираться, ибо если бы я согрешил против Бога, то мне поддержкой было бы его милосердие».

Доктор Фауст ему отвечал: «Так и мне еще не поздно было бы исправиться». — «Да, — сказал дух, — если бы ты еще мог от своих черных грехов обратиться к милосердию Божьему. Но теперь уже поздно. И Божий гнев лег на тебя».

«Оставь меня в покое», — сказал доктор Фауст духу. «Так и ты меня оставь в покое с твоими расспросами», — отвечал дух.

ТЕПЕРЬ СЛЕДУЕТ ВТОРАЯ ЧАСТЬ
ЭТОЙ ИСТОРИИ
О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ФАУСТА
И ДРУГИХ ВЕЩАХ

18

Когда доктор Фауст не мог больше получать от духа ответы на вопросы о божественном, пришлось ему поневоле от этого отступить, и принялся он делать календарь. К этому времени стал он хорошим астрономом или астрологом, человеком ученым и искусным, наученным своим духом читать по звездам и составлять предсказания погоды, и, как известно многим, все, что он написал, снискало ему похвалы среди математиков. Также были правильны все его предсказания, которые он посвящал знатным господам и князьям, ибо он следовал словам и откровениям своего духа относительно будущих вещей и событий, которые всегда оправдывались. Его календари и альманахи заслужили похвалы перед другими, потому что если он вносил что-нибудь в календарь, так и случалось: если он писал, что будет туман, ветер, снег, дождь, тепло, гроза, град и т. п., так оно и бывало. С его календарями никогда не бывало, как у некоторых неопытных астрологов, которые зимой всегда предсказывают холод, мороз или снег, а летом, в самые жаркие дни, — тепло, гром или сильные грозы. В своих предсказаниях он точно отмечал часы и время, когда что-либо должно было случиться. И особо предупреждал он каждого правителя о грядущих бедах: одного — если грозил недород, другого — если готовилась война, третьего — если приходил мор.

Доктор
Фауст
занимается
астрологией
и делает
календарь.

После того как Фауст два года составлял свои календари и предсказания, спросил он своего духа о том, как обстоит дело с астрономией или астрологией, которой обычно занимаются математики.

Дух отвечал ему и сказал: «С этим делом обстоит так, что все звездочеты и астрономы ничего особенного предсказать не могут, ибо все это — сокровенные вещи, сотворенные Богом, которые люди не могут познать и исследовать, как это можем мы, духи, парящие в воздухе и поднебесье. Ибо мы — старые духи, искушенные в движении небесных светил. Я мог бы тебе, господин мой Фауст, составить календарь и предсказания или гороскоп год за годом на вечные времена, и, как ты сам видишь, я еще тебе никогда не лгал. Правда, древние, те, что жили по 500 или 600 лет, научились искусству этому и овладели им в совершенстве, ибо за столько лет заканчивается великий год; поэтому они могут изъяснять знамения и кометы. А все молодые и неопытные астрологи пищут свои предсказания, как кому на ум взбредет».

Показалось Фаусту непонятным, каким образом Бог сотворил в этом мире зиму и лето. Вот и стал он спрашивать духа, откуда зима и лето берут свое начало. Дух на это отвечал кратко: «Господин мой Фауст, разве ты сам, как физик, по Солнцу понять этого не можешь? Знай же, что на небе, от Луны до звезд, все пылает огнем, Земля же, напротив, холодная и остывшая. И вот, чем ближе к

Земле светит Солнце, тем становится жарче. В этом причина лета. А когда Солнце стоит далеко, становится холодно и наступает зима».

О ДВИЖЕНИИ НЕБА,
ЕГО КРАСЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ

Доктор Фауст, как сказано, не должен был более расспрашивать духа о небесных и божественных вещах. Это его огорчало; день и ночь только и помышлял он, какой бы найти предлог и подходящую причину, чтобы расспросить о том, что Господь сотворил и что установил. Он уже не спрашивал о блаженных душах, об ангелах и о муках адových, ибо знал, что в этом деле не может ожидать от духа послушания. И приходилось ему придумывать такое, что, казалось ему, легче будет получить. Поэтому стал он расспрашивать духа под предлогом, будто это надобно знать физикам в их занятиях астрономией или астрологией. И обратился к духу со следующим вопросом, а именно о движении неба, его красе и происхождении. Об этом должен был он ему рассказать.

«Господин мой Фауст, — отвечал дух, — Бог, который создал тебя, создал также и мир, и все стихии под небесами, ибо сперва Бог сотворил небо из лона вод и, отделив воды от вод, назвал небо твердью небесной. Таким образом, небо кругло, выпукло, подвижно, создано и образовано из воды, так же крепко крепостью, как хрусталь, и имеет сверху такой же вид, как хрусталь, на нем укреплены звезды, и благодаря этой округлости неба поделен свет на четыре части, именно — восход, закат, полдень и полночь. И так быстро движется небо, что Земля разбилась бы вдребезги, если бы этому не препятствовало движение планет. Небо также сотворено с помощью огня, и если бы облака не охлаждадали его своей влагой, то от огня его или

жара воспламенились бы все внизу находящиеся стихии. Внутри небесной тверди, там, где помещаются небесные созвездия, находятся семь планет, каковые суть: Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий и Луна. И все небеса движутся, только огненное небо остается неподвижным. И мир также поделен на четыре части, каковые суть: огонь, воздух, земля и вода. От них все сферы и все творения берут свое начало, и каждое из небес заимствует свою материю и свойства. А именно: верхнее небо — огненное, среднее и нижнее светлы, как воздух. Одно небо светится, а среднее и нижнее прозрачны, как воздух. В верхнем небе теплота и свет проистекают от близости Солнца, а в нижнем небе — от отражения его блеска от Земли. Там же, куда не заходит его блеск, стоит холод и мрак. В этом мрачном воздухе обитаем мы, духи и бесы, и ввергнуты мы в этот мрачный воздух. В этом мрачном воздухе, где мы обитаем, бушевание, гром, молния, град, снег и тому подобное; поэтому мы можем знать во всякое время года, какая будет погода. Итак, небо состоит из двенадцати сфер, которые окружают землю и воду, и все они могут быть названы небесами».

И дух также рассказал о том, как одна планета вслед за другою правит и на сколько градусов каждая планета подымается над другими.

22

ДОКТОР ФАУСТ СПРАШИВАЕТ О ТОМ,
КАК БОГ СОЗДАЛ МИР, И О ТОМ,
КАК ВПЕРВЫЕ БЫЛ СОЗДАН ЧЕЛОВЕК,
НА ЧТО ЕМУ ДУХ, ПО СВОЕМУ ОБЫЧАЮ,
ДАЕТ ЛЖИВЫЙ ОТВЕТ

К опечаленному и сокрушенному доктору Фаусту явился его дух, стал его утешать и спрашивать, что за тоска и печаль его гнетут. Доктор Фауст ничего ему не ответил, так что дух ревностно к нему приступился, желая, чтобы Фауст поведал ему свою заботу, тогда

он по возможности ему поможет. Доктор Фауст ответил: «Взял я тебя в слуги, и служба твоя мне дорого обходится, а между тем не могу добиться, чтобы ты поступал по моей воле, как подобает слуге».

Дух сказал: «Господин мой Фауст, ты знаешь, что я тебе еще никогда не перечил, но часто, даже когда я не обязан был отвечать на твои вопросы, все же и тогда поступал согласно твоему желанию. Скажи же мне, господин мой Фауст, что твоей душе угодно?»

При этих словах отлегло у доктора Фауста от сердца, и тогда попросил доктор Фауст: пусть дух ему расскажет, как Бог сотворил мир и как был сотворен человек. На это дух дал Фаусту безбожный и лживый ответ и сказал так: «Мир, мой Фауст, никогда не рождался и никогда не умрет. И род человеческий был здесь от века, так что не было у него начала. Земля же сама собой родилась, а море от земли отделилось. И так мирно и полюбовно, словно они могли говорить друг с другом. Суша попросила у моря во владенье поля, луга, леса и траву или листву, а вода — рыб и все, что в воде находится. Богу они предоставили создать только людей и небо, так что люди в конечном счете должны быть подвластны Богу. Из этой силы развились четыре силы: воздух, огонь, вода и земля. Иначе и короче я не могу тебе рассказать».

Доктор Фауст задумался над этим и никак не мог взять в толк. Когда он читал 1-ю главу Бытия, Моисей об этом иначе говорил, но Фауст не стал много возражать.

Дьявол,
ты лжешь,
Божье
слово
учит
иначе.

23

КАК ВСЕ АДСКИЕ ДУХИ ЯВИЛИСЬ
К ДОКТОРУ ФАУСТУ В СВОЕМ
ПОДЛИННОМ ОБРАЗЕ,
И СРЕДИ НИХ СЕМЕРО САМЫХ ГЛАВНЫХ

Князь и высший повелитель доктора Фауста явился к нему, пожелав его навестить. Доктор Фауст немало был напуган его страш-

ным видом. Ибо, невзирая на то что стояло лето, от дьявола несло таким холодом, что доктор Фауст думал — он замерзнет. Дьявол, назвавший себя Велиалом, сказал: «Доктор Фауст, в полночь, когда ты проснулся, я прочел твои мысли, а именно что ты пожелал видеть наиглавнейших адских духов; так вот, я явился с моими самыми именитыми советниками и слугами, чтобы ты, согласно своему желанию, поглядел на них». — «Вот хорошо! — говорит Фауст. — Где же они?» — «За дверью,» — отвечает ему Велиал.

А Велиал явился к доктору Фаусту в обличье косматого, черного как уголь медведя, только уши его стояли торчком и были, как и морда, огненно-красного цвета. Были у него как снег белые длинные клыки, длинный хвост, локтей около трех, а на шее имел он три раскрытых крыла. Тогда в комнату к доктору Фаусту стали входить духи, один за другим, ибо все вместе они не могли поместиться, а Велиал указывал доктору Фаусту по очереди, кто они были и как звались. Вначале вошло семь именитых духов, как-то: Люцифер, доктора Фауста прямой повелитель, которому он продался. Он был ростом с человека, волосат и космат, мастью как рыжая белка, и хвост торчком, как у белки. Засим Вельзевул. У того были волосы тельного цвета и голова как у быка с двумя страшными ушами, тоже волосатый и косматый, с двумя большими крыльями, колючими, как чертополох в поле, наполовину белыми, наполовину зелеными, а из-под крыльев огненные языки вырываются; хвост же у него что у коровы. Астарот, тот явился в образе дракона и так вошел прямо на хвосте. Ног у него не было, хвост окрашен как у ящерицы, брюхо толстое, спереди две короткие лапы, совсем желтые, а брюхо изжелта-белое, спина коричневая, как каштан, на ней острые иглы и щетина в палец длиною, как у ежа. После того вошел Сатана, седой как лунь, косматый. У него была ослиная голова, а хвост кошачий

и когти в локоть длиной. Анубис, тот имел собачью голову, черную с белым: на черном — белые крапины, а на белом — черные. Кроме того, у него были ноги и отвислые уши, как у собаки, и был он ростом в четыре локтя. После него вошел Дификанус, высотой с локоть, видом как птица или куропатка, только шея зеленая с переливом. Последний был Дракус — на четырех коротких лапах, желтых и зеленых, сверху коричневый, весь как синее пламя, а хвост красноватый. Эти семеро вместе с Велиалом, который ими хороводил, были, как сказано, расцвечены разными красками. Остальные явились также в образах неразумных зверей — как свиньи, серны, олени, медведи, волки, обезьяны, бобры, буйволы, козлы, вепри, ослы и т. д. и т. п. В таких образах и в такой раскраске явились они к нему, а некоторым из них пришлось остаться за дверьми его покоев.

Доктор Фауст немало дивился этому и спросил семерых стоящих вокруг него, почему они не приняли другого обличья. Они отвечали ему и сказали, что в аду они не могут менять своего вида и остаются адскими зверьми и гадами, хотя выглядят они там страшнее и отвратительнее, чем здесь. Однако же они могут принимать человеческий образ и повадки, как захотят. Фауст сказал на это, что будет довольно, если они семеро тут останутся, а остальных попросил убраться. Так и стало. После этого Фауст пожелал, чтобы они показали ему свое уменье, и на это они согласились.

И так, один за другим, как они это прежде делали, они обернулись в различных зверей, а также в больших птиц, змей, ползучих гадов, двуногих и четвероногих. Это весьма понравилось Фаусту, и он спросил, не может ли и он сделать так же. Они отвечали, что может, и бросили ему магическую книжечку: пусть испробует свое уменье, что он и сделал.

Когда они хотели удалиться, он спросил их, кто создал насекомых. Они же сказали: «После грехопадения человека расплодились насекомые во вред и на мучения человеку. Мы так же легко можем обращаться в различных насекомых, как и в других животных». Доктор Фауст рассмеялся и пожелал это увидеть, что и произошло. Они исчезли с его глаз, и тут вдруг в покоях доктора Фауста и в его комнате появились всевозможные насекомые, как-то: муравьи, пиявки, слепни, сверчки, саранча и т. д., так что весь его дом наполнился насекомыми. Особенно был он разгневан, раздосадован и обозлен, что некоторые из этих насекомых стали причинять ему всяческие мучения: муравьи мочились на него, пчелы жалили его, мухи ползали по лицу, блохи кусали, шершни налетали на него так, что он должен был защищаться, вши кусали его в голове и под рубашкой, пауки взбирались на него, гусеницы ползали по его телу, осы жалили его. И так они измучили его, что он наконец воскликнул: «Видно, все вы сущие дьяволята!» От всего этого не мог Фауст высидеть в комнате. Как только он выскочил прочь, не стало больше ни его мучений, ни насекомых. Те и другие сразу исчезли.

24

КАК ДОКТОР ФАУСТ
СОВЕРШИЛ ПУТЕШЕСТВИЕ В АД

Пошел уже восьмой год положенного доктору Фаусту срока, и дни его шли друг за дружкой к цели. Большую часть своего времени занимался он исследованиями, учением, расспросами и диспутами. Между тем стала ему мерещиться или страшить его преисподняя. Поэтому он потребовал от своего слуги, духа Мефостофиля, чтобы тот вызвал к нему господ своих — Велиала или Люцифера. Те, однако, послали ему беса, который сообщил

Ибо
это
была
чистая
фантазия
или сон.

ему, что в поднебесной зовется он Вельзевулом, и спросил Фауста, каково его желание или стремление. Фауст сказал: не может ли он сделать так, чтобы дух ввел его в преисподнюю и снова вывел, чтобы он мог увидеть и постигнуть свойства, основания и качества преисподней, а также ее сущность? «Хорошо, — отвечал ему Вельзевул, — в полночь я приду и возьму тебя». Когда настала ночь, темная, хоть глаз выколи, явился ему Вельзевул, на спине у него было сиденье, сделанное из костей и со всех сторон закрытое. В него сел доктор Фауст и отправился в путь. Теперь послушайте, как дьявол ослепил Фауста, обморочил его так, что тот и не мыслил иначе, как если бы он побывал в аду. Он поднялся с ним на воздух, и от этого Фауст заснул, будто он сидел в теплой воде или ванне. Вскоре после этого поднялся он на высокую гору, подобную большому острову, откуда вырывались сера, смола и огненные языки с таким неистовством и грохотом, что доктор Фауст от этого проснулся, а дьявольский змей ринулся в эту пропасть вместе с доктором Фаустом. И хотя Фауст сильно загорелся, но не почувствовал ни жары, ни ожога, только ветерок, как весною или в мае. Потом услышал также различные инструменты, звуки которых были весьма приятны, но как ни ярко было пламя, не мог он разглядеть ни одного инструмента или понять, как они были устроены. При этом он не должен был спрашивать, что творится, ибо ему было наперед строго запрещено говорить и задавать вопросы. Между тем к дьявольскому змею, или Вельзевулу, подлетели еще трое в таком же обличье. Когда доктор Фауст еще глубже погрузился в пропасть, а трое названных летели впереди Вельзевула, повстречался доктору Фаусту огромный крылатый олень с большими ветвистыми рогами и хотел сбросить доктора Фауста в пропасть, что его очень испугало. Однако трое впереди летевших гадов прогнали оленя. Когда доктор Фауст еще глубже

спустился в расщелину, он ничего не мог разглядеть, кроме множества насекомых и змей, которые роились вокруг. Змеи же были несказанной величины. Но на помощь ему пришли крылатые медведи, они стали бороться и сражаться со змеями и победили их, так что он невредимо и благополучно миновал их. Спустившись еще несколько ниже, он увидел огромного крылатого быка, выходящего из каких-то древних ворот или из ямы. Разъяренный, он с ревом кинулся на доктора Фауста и так сильно толкнул его сиденье, что оно перевернулось вместе с Фаустом и его змеем. Полетел доктор Фауст с сиденья своего в пропасть все глубже и глубже, крича о помощи, ибо не видел возле себя своего духа и думал: конец пришел мне! Но вот его подхватила на лету старая морщинистая обезьяна. Она его удержала и спасла. Тем временем преисподнюю заволокло густым, плотным туманом, так что некоторое время он не мог вообще видеть ничего. Как вдруг разверзлось облако, из него вышли два больших дракона и везли за собой колесницу, в которую старая обезьяна усадила доктора Фауста. Тут примерно еще четверть часа стоял густой мрак, так что доктор Фауст не мог видеть или рассмотреть ни колесницы, ни драконов, однако же падал все ниже и ниже. Но как только рассеялся этот плотный, зловонный и мрачный туман, он вновь увидел своих коней и повозку. Тут с высоты устремилось на него столько лучей и молний, что и храбрейший, не говоря о докторе Фаусте, задрожал бы и испугался. Тем временем приблизился доктор Фауст к широкому и бурному потоку. Драконы вместе с ним погрузились в воду, но он чувствовал не воду, но великую жару и зной, а волны и потоки воды с такой силой обрушились на него, что он потерял и коней и повозку и все глубже и глубже погружался в страшный поток, пока наконец, падая вниз, не угодил в расщелину с высокими острыми краями. Здесь уселся он

как полумертвый, озираясь кругом, однако никого не видя и не слыша. Он все глядел в расщелину, откуда веял ветерок, вокруг себя видел он воду. «Ну, что же теперь тебе делать, — подумал Фауст, — раз ты покинут адскими духами? Остается тебе либо броситься в расщелину либо в воду, либо здесь, наверху, погибнуть». И разгневался он и в бешеном безрассудном страхе бросился в огненную яму, восклицая: «Ну что же, духи, примите от меня заслуженную жертву, этому обрекла меня душа моя!» Но как только он очертя голову бросился вниз, раздался страшный шум и грохот, от которого горы и скалы задрожали настолько сильно, что Фауст решил, будто стреляют из самых больших орудий. Когда же он наконец попал на дно, увидел он в огне множество знатных мужей, императоров, королей, князей и дворян, а также много тысяч вооруженных воинов. Возле этого огня протекал прохладный ручей, иные из него пили, купались и услаждались, другие от холода бежали в пламя, чтобы согреться. Доктор Фауст ступил в огонь и хотел схватить душу одного из грешников, но когда ему показалось, что он уже держит ее, она исчезла у него из рук. Однако из-за жары он не мог здесь оставаться долее, и когда он обернулся, глядь — снова идет к нему его дракон, или Вельзевул, с креслом, он уселся и полетел обратно ввысь. Ибо доктор Фауст не мог более переносить гром, бурю, туман, серу, дым, пламя, мороз и зной, особенно после того, как он нагляделся на страдания и муки, вопли и стоны и прочее.

Доктор Фауст уже порядочное время не был дома, и его фамулус не мог ничего другого подумать и предположить, как то, что Фауст, который так жаждал видеть ад, узрел более, чем желал, и остался там навеки. Но пока тот раздумывал, вернулся доктор Фауст снова к себе домой, и как все это время он проспал на стуле, так спящим дух и сбросил его на постель.

Когда же настал день и доктор Фауст проснулся и узрел дневной свет, было с ним не иначе, как если бы он некоторое время просидел в мрачной темнице. Ибо за все это время не видел он в аду ничего, кроме потоков пламени и того, что вышло из пламени. Итак, лежа в постели, раздумывал доктор Фауст о преисподней. Иной раз и впрямь ему казалось, что он побывал там и все это видел, другой раз брало его сомнение и мнилось, что его глазам представилось только дьявольское наваждение, как оно и было на самом деле, ибо по-настоящему он не видел преисподней, а не то не пожелал бы он там очутиться.

Эту историю и рассказ о том, что он в своем ослеплении видел в преисподней, доктор Фауст сам записал, и это писание было найдено после его смерти на листке, написанном им собственноручно и вложенном в книгу, где он и оставался.

25

КАК ДОКТОР ФАУСТ ПУТЕШЕСТВОВАЛ ПО ЗВЕЗДАМ

Эту историю также нашли у Фауста, составленную и записанную им собственноручно для одного доброго приятеля его, Ионы Виктора, медика в Лейпциге. Содержание же этого письма было следующее:

«Любезнейший господин мой и брат!

Я вспоминаю, как и Вы, наши школьные годы в дни нашей юности, когда вместе учились мы в Виттенберге. Вы поначалу усердствовали в медицине, астрономии, астрологии, геометрии, притом уже тогда были Вы славным физиком. Я же не мог равняться с Вами и, как Вы хорошо знаете, изучал богословие. Только в этом искусстве я мог добиться равных с Вами успехов, после чего Вы, случалось, обращались ко мне за советом в некоторых делах, и я, как это явствует из

благодарственного письма, писанного Вами, никогда и ни в чем не отказывал Вам и всегда давал Вам ответ. Так и теперь я к Вашим услугам, и таковым Вы меня всегда найдете и встретите. Равным образом я благодарен Вам за все похвалы, что Вы мне расточаете, а именно, что календарь мой и предсказания так прославились, что ко мне обращаются теперь не только малозначительные частные лица или простые бюргеры, но князья, графы и господа, по той причине, что все записанное и составленное мною полностью соответствует истине. В письме Вашем Вы упоминаете также о моем путешествии по звездам, что до Вас дошли слухи о нем, и просите меня сообщить, имело ли оно место или нет, присовокупляя, что это вещь совершенно невозможная, разве только с помощью черта или волшебства. Ну что же, Фриц! Как бы то ни было, оно действительно имело место, и притом именно таким образом, как я, согласно Вашей просьбе, Вам сейчас доложу.

Однажды я не мог заснуть и думал при этом о моих календарях и предсказаниях, о том, как устроена и какие свойства имеет небесная твердь и не мог бы человек или ученые физики узнать об этом здесь, на Земле, так чтобы исследовать и изучить ее устройство если не по прямому наблюдению, то по размышлению, предположениям и книгам. И вдруг я услышал, как неистовый шум и ветер поднялись в моем доме, все двери и ставни распахнулись, чему я немало испугался. И раздался тогда рычащий голос, который произнес: «Ну, хорошо, ты увидишь радость твоего сердца и мыслей и то, чего жаждешь». На это я сказал: «Если я увижу то, о чем я думал и чего сейчас так страстно желаю, тогда я пойду с тобой». Он же снова ответил: «Тогда выгляни в окно, ты увидишь возок». Я так и сделал и увидел летящую вниз повозку, запряженную двумя драконами, как видно, из адского пекла. Так как в это время на небе светила луна, я рассмотрел и моих коней, и

повозку. У драконов этих были черные с коричневым крылья в белых крапинах, а спина, брюхо, голова и шея в зеленоватых, желтых и белых пятнах. Голос снова прокричал: «Итак, садись и поезжай». Я сказал: «Я последую за тобой, если только мне будет разрешено». Тут я вскочил на подоконник, прыгнул в мой возок и тронулся в путь.

Летающие драконы взвились вместе со мной. Повозка имела четыре колеса, и стучали они так, как будто я ехал по земле; только при вращении из-под колес все время вырывались огненные языки. Чем выше я подымался, тем темнее становилось вокруг. Казалось, будто из яркого солнечного дня я погружаюсь в темную яму. Так смотрел я с неба вниз на землю. Во время этого полета прилетел мой дух и слуга и сел ко мне в повозку. Я сказал ему: «Мой Мефостофиль, куда я теперь направляюсь?» — «Об этом не беспокойся», — отвечал он и полетел еще выше.

Теперь я расскажу Вам, что я видел, ибо я вылетел во вторник и во вторник же вернулся домой, что составляет восемь дней. За это время я ни разу не спал и не сомкнул глаз и летел совершенно невидимым. Как только рассвело и наступило раннее утро, я сказал своему другу Мефостофилю: «Не знаешь ли ты, любезнейший, как далеко мы отъехали, ты это, наверно, знаешь, ибо я вполне могу понять из того, что меня окружает, что за эту ночь я порядочно проехал, хотя за все время моей отлучки я не чувствовал ни голода, ни жажды». Мефостофиль отвечал: «Поверь мне, мой Фауст, что ты за это время уже поднялся на 47 миль в вышину». После этого взглянул я на Землю. Я увидел здесь много королевств, княжеств и водных пространств, так что я мог хорошо обозреть весь мир — Азию, Африку и Европу. И, находясь на такой высоте, я сказал моему слуге: «Теперь покажи и укажи мне, как называются те и эти страны и государства». Он это сделал и сказал: «Взгляни, вот по левую руку лежит Венг-

рия, далее здесь Пруссия, там наискось Сицилия, Польша, Дания, Италия, Германия. Завтра же ты увидишь Азию, Африку, также Персию, Татарию, Индию и Аравию. И так как ветер сейчас дует сзади, то видим мы Померанию, Россию и Пруссию, а также Польшу, Германию, Венгрию и Австрию». На третий день я смотрел на большую и малую Турцию, Персию, Индию и Африку. Я видел перед собой Константинополь, а в Персидском и Константинопольском море увидел множество кораблей и войска, двигавшиеся взад и вперед. И представлялось мне, глядя на Константинополь, будто там едва три дома, а люди величиной с вершок. Я выехал в июле, когда было совсем тепло. Смотрел я туда и сюда, на восход и на полдень, к закату и полночи, и если в одном месте шел дождь, то в другом гремела гроза, здесь падал град, в другом месте была хорошая погода, и мог я наблюдать все, что в это время происходило на свете. Когда я пробыл восемь дней в воздухе, увидел я, что небо движется и кружится так быстро, как будто оно разлетится на тысячу кусков. Небо было таким ослепительным, что я ничего не мог разобрать, и таким жарким, что я бы мог сгореть, если бы мой слуга не поднимал ветер. Облака, которые мы видели внизу над землею, были такими плотными и крепкими, словно стены и скалы, прозрачными, как кристалл, и дождь, который шел из них, пока не падал на Землю, был таким чистым, что можно было увидеть в нем свое отражение. Облака же на небе движутся с такой силой с востока на запад, что звезды, Земля и Луна и Солнце вовлечены в это движение. Отсюда (как мы видим) происходит то, что они движутся с востока на закат. И хотя мне казалось, что Солнце у нас величиной едва ли с днище от бочонка, на самом же деле оно больше всей Земли, так что я не мог видеть, где оно кончается. Поэтому-то Луна ночью, когда Солнце заходит, получает от него свет и так ярко светит ночью, что и на

небе становится светло. И потому ночью на небе царит день, а на земле — темнота и ночь.

Таким образом, я увидел более, чем желал. Некоторые из звезд были больше, чем пол-Земли, планеты — величиной с Землю, а там, где был воздух, обретались духи. Спускаясь вниз, я увидел Землю. Она была подобна яичному желтку, и мне показалось, что суша занимает не более вершка, а вода превосходит ее в два раза. Так на восьмой день ночью я снова возвратился домой и проспал трое суток подряд, после чего и составил все мои календари и предсказания соответственно виденному.

Все это, согласно Вашему желанию, не хочу от Вас утаить. Итак, посмотрите в Ваших книжках, согласуются ли они с тем, что я видел.

Сердечно приветствую Вас.
Доктор Фауст Звездовидец».

26

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ДОКТОРА ФАУСТА
В НЕКОТОРЫЕ ГОСУДАРСТВА И КНЯЖЕСТВА,
А ТАКЖЕ В ЗНАМЕНИТЫЕ ГОРОДА И ЗЕМЛИ

На шестнадцатом году доктор Фауст задумал пуститься в путешествие или паломничество и приказал своему духу Мефостофилю, чтобы он привел его и доставил куда он пожелает. Для этого Мефостофиль обратился в коня, но были у него крылья, как у дромеадера, и бежал он, куда бы доктор Фауст его ни направил. Фауст объехал и объездил многие княжества, как-то: землю Панонию, Австрию, Германию, Богемию, Силезию, Саксонию, Мейсен, Тюрингию, Франконию, Швабию, Баварию, Литву, Лифляндию, Пруссию, Московские земли, Фрисландию, Голландию, Вестфалию, Зеландию, Брабант, Фландрию, Францию, Испанию, Португалию, Италию, Польшу, Венгрию и затем снова Тюрингию.

Трир. Двадцать пять дней был Фауст в отсутствии, и за это время не много он увидел, что бы ему нравилось. Поэтому отправился он вторично в путь на своем коне, явился в Трир. Пришло ему на ум сперва посмотреть на этот город, по той причине, что имел он такой старинный вид, но не увидел он там ничего особенного, кроме одного дворца чудной постройки из обожженного кирпича и такого прочного, что ни один враг не был ему страшен. После увидел он церковь, где погребены Самсон и епископ Попо. Она была сложена из камней такой величины, что просто нельзя поверить, и скрепленных железом. После этого он вернулся во Францию — в Париж. Там ему весьма понравился университет. И что за города и местности ни приходили бы Фаусту на ум — он посещал их. Так, среди прочих, Майнц, где Майн впадает в Рейн. Однако здесь он промешкал недолго и поехал в Кампанию, в город Неаполь. Здесь он увидел столько церквей и монастырей, что и сказать нельзя, и видел дома столь большие, высокие и великолепно украшенные, что диву дался. Там же находился великолепный дворец или замок, недавно отстроенный, который превосходит все остальные постройки в Италии в отношении вышины, ширины и длины, с разнообразно разукрашенными башнями, стенами, дворцовыми постройками. Близ него лежит гора, называемая Везувием. На ней много виноградников, олив и других фруктовых деревьев и вина, которое зовется греческим, оно такое превосходное и доброе.

Париж.

Майнц.

Неаполь.

Замок.

Венеция. Вскоре он увидел Венецию. Немало удивился, что она почти отовсюду окружена морем. Смотрел он, как сюда привозят на кораблях товары и припасы, какие только потребны для человека, и подивился, что в таком городе, где почти ничего не произрастает, тем не менее все имеется в избытке. Видел он также просторные дома, и высокие башни, и красоту храмов и других зданий, и все это построено и высится прямо на воде.

Дальше в Италии направился он в Падую осмотреть университет. Город этот обнесен тройной стеной, которая окружена многими рвами и обтекается водой. Есть там замок и крепость, и в ней много построек, есть красивая соборная церковь и ратуша, такая прекрасная, что ни одна на свете с ней не сравнится. Есть здесь церковь святого Антония. Равной ей нет во всей Италии.

Далее пришел он в Рим, который лежит на реке, называемой Тибром. Она течет посреди города, а по правую сторону ее семь холмов. В городе одиннадцать ворот, Ватикан, гора, где находится храм или собор святого Петра. Рядом — папский дворец, окруженный прекрасным парком, и тут же Латеранская церковь, в ней много реликвий и священных предметов, и зовется она апостольской церковью. Это, без сомнения, одна из самых богатых и знаменитых церквей во всем мире. Видел он также много языческих брошенных храмов, также много колонн и арок и т. д. Обо всем этом было бы слишком долго говорить, и Фауст мог здесь насладиться и развлекаться.

Невидимо проник он в папский дворец, где увидел много слуг и придворных лизоблюдов и все кушанья и яства, которые подносились папе в таком избытке, что доктор Фауст сказал дьяволу: «Фу ты, черт, почему не сделал ты меня папою?» Доктор Фауст увидел здесь все подобное себе, как-то: высокомерие, чванство, гордыню и дерзость, пьянство, обжорство, распутство, прелюбодеяние и все безбожное естество папы и его прихлебателей, так что он воскликнул: «Мнилось мне, что я стал свиньей или скотом дьявольским, однако этот даст мне очко вперед. Эти свиньи откормились в Риме, и пора уж им на убой». И так как много слышал он о Риме, то силой своего волшебства остался на три дня и три ночи невидимо в папском дворце, и никогда славный господин Фауст так хорошо не ел и не пил.

Случилось ему однажды стоять перед папой невидимо, когда папа собрался есть и сделал над собой крестное знамение, а он взял да и пустил ветер ему в лицо. И это повторялось несколько раз подряд. Еще Фауст расхохотался так, что на весь зал слышно было, потом заплакал, будто грустно ему стало, а присутствующие не знали, в чем тут дело. Папа же стал говорить своим слугам, что это плачет неприкаянная душа и молится об отпущении грехов, и наложил на нее епитимью. Доктор Фауст рассмеялся и был предвоен, что так обморочил папу. Когда же на папский стол подали последнюю перемену, а доктора Фауста разобрал голод, протянул он руку, и сразу же яства и кушанья прямо на блюда полетели к нему в руки, и исчез он вместе с ними, унесенный ветром вместе со своим духом на высокую гору в Риме, называемую Капитолием, и там с охотой пообедал. Потом снова он послал своего духа, чтобы тот добыл ему лучшего вина с папского стола вместе с серебряными кубками и кувшинами. Когда папа увидел, что все это у него похищено, приказал он той же ночью звонить во все колокола и служить обедню и молить за упокой погибшей души, и в гневе своем предал Фауста или погибшую душу анафеме, и осудил ее на муки чистилища. Фауст, однако, сам недурно подчистил папскую снедь и питье. И серебряную посуду, оставленную им, нашли после его исчезновения.

Милан.

Когда же настала полночь и Фауст насытился этими яствами, он снова поднялся со своим духом ввысь и прилетел в Милан, что в Италии. Местность нашел он весьма полезной для здоровья, ибо здесь совсем нет жары, имеется свежая вода и семь прекрасных озер, а кроме того, еще много славных рек и источников. Есть в Милане красивые крепости, на диво построенные церкви и княжеские дворцы, однако в старинном вкусе. Понравились ему высокий замок или крепость с башнями и

великолепная больница, посвященная Божьей матери.

Также осмотрел он Флоренцию, подивился на ее епископство, на красоту ее арок и сводов, на прекрасный фруктовый сад у святой Марии, на церковь, лежащую в ограде замка, окруженную красивыми переходами, с башней из чистого мрамора. Ворота, которые туда ведут, отлиты из колокольного металла или бронзы, и на них изображены картины из Ветхого и Нового завета. Эта местность богата славным вином, а также искусными мастерами.

Флоренция.

Также Лион во Франции, лежащий между двумя холмами и омываемый двумя реками. В нем отличный храм и великолепная колонна с высеченными изображениями.

Лион.

Из Лиона отправился он в Кельн на Рейне. Там есть обитель, зовется священной обителью, так как в ней погребены три царя, что шли за Христовой звездой. Когда Фауст это увидел, он воскликнул: «О, добрые вы люди, как же пришлось вам плутать, ведь вы должны были в Палестине идти к Вифлеему в Иудее, а пришли сюда, или, может быть, вы после смерти своей были брошены в море, плыли по Рейну и здесь в Кельне вас выловили и похоронили». Здесь дьявол побывал у святой Урсулы и ее 11 000 дев. Особенно ему понравилась красота тамошних женщин.

Кельн.

Неподалеку лежит город Ахен, престол императора. В этом городе есть храм из чистого мрамора, который великий император Карл возвел и построил, чтобы все его потомки здесь принимали венец.

Ахен.

Из Кельна и Ахена вновь повернул он в чужие страны, к Женеве, чтобы посмотреть на город. Лежит он в Савоие близ швейцарской земли, большой и красивый торговый город; в нем имеются отличные виноградники и живет епископ. Также побывал доктор Фауст в Страсбурге и узнал здесь, почему он так называется, а именно — из-за множества дорог, улиц и путей получил он это имя, что

значит «город дорог». И здесь также есть епископство.

Базель.

Из Страсбурга прибыл он в Базель, в Швейцарию, где Рейн течет почти что посреди города. Город этот, как он узнал от своего духа, получил свое имя от василиска, который здесь некогда жил. Стена его сложена из кирпичей и украшена глубокими желобами. Это тоже плодороднейший край, где можно видеть много старинных построек, есть здесь и университет, а из всех красивых церквей понравился ему только картезианский монастырь.

Констанц.

Отсюда прибыл он в Констанц. Здесь выстроен красивый мост через Рейн, против городских ворот. Здешнее озеро, как сказал дух Фаусту, имеет в длину 20 000 локтей и в ширину 15 000 локтей. Город ведет свое имя от Константина.

Ульм.

Из Констанца поехал он дальше в Ульм — имя его, ulma, произошло от названия растения. Здесь течет Дунай, однако по городу бежит река, называемая Блау. Здесь есть красивый собор, приходская церковь святой Марии, заложенная в 1377 году, — искусная, богатая и прекраснейшая постройка, подобную которой редко где увидишь. В ней 52 алтаря и 52 придела. Есть здесь также великолепная и искусно сделанная рака. Когда доктор Фауст захотел повернуть от Ульма и отправиться дальше, дух сказал ему: «Господин мой, осмотрите хорошенько этот город; за наличные деньги, звонкую монету купил он три графства и прибрал их к рукам со всеми их привилегиями и вольностями».

Вюрцбург.

Когда Фауст вместе со своим духом поднялся ввысь над Ульмом, он увидел вдали много городов и селений, и среди них один большой и крепкий замок. Там он спустился и очутился в Вюрцбурге, главной епископской резиденции во Франконии. Здесь протекает река Майн и водится доброе, крепкое и вкусное вино, а кроме того, изобильны хлеба. В этом городе много монашеских орденов, как-

то: нищенствующие ордена, бенедиктинцы, стефанианцы, картезианцы, иоанниты и немецкий орден. Далее, здесь есть три картезианских церкви, епископская соборная церковь, четыре церкви нищенствующих орденов, пять женских монастырей и два приюта святой Марии, с прекрасным строением у городских ворот. Когда доктор Фауст осматривал город, то посетил также ночью и епископский дворец, обошел его весь и нашел в нем всевозможные съестные припасы. Когда он осматривал скалы, заметил он высеченную в них часовню и, после того как испробовал всяких вин, снова тронулся дальше.

Нюрнберг.

Когда же прибыли они в Нюрнберг, сказал ему дух по дороге туда: «Знай, Фауст, что название «Нюрнберг» произошло от Клавдия Тиберия Нерона и по имени Нерона и назван Нюрнберг. Здесь имеются две приходские церкви: святого Себальда, что в ней погребен, и святого Лаврентия — в ней висят знаки императорского достоинства, как-то: мантия, меч, скипетр, держава и корона великого императора Карла. Есть в Нюрнберге также позолоченный фонтан, называемый Прекрасным фонтаном, и стоит он посреди площади. Есть в нем, или говорят, будто есть, копьё, которым Лонгин нанес Христу рану в бок, и часть святого креста. В этом городе 528 улиц, 116 колодцев, 4 больших и 2 малых часов с боем, 6 больших ворот и 2 малых воротцев, 11 каменных мостов, 12 постоянных дворов, 10 рынков, 13 общественных бань, 10 церквей, где читают проповеди. В городе 68 водяных мельниц, 132 участка, 2 больших крепостных стены вокруг города с глубокими рвами, 380 башен, 4 бастиона, 10 аптек, 68 стражников, 24 караульщика-ротозейщика, 9 городских слуг, 10 докторов права и 14 — медицины».

Из Нюрнберга Фауст прибыл в Аугсбург рано утром, как только день занялся, и спросил своего слугу, откуда получил Аугсбург свое название. Отвечал дух: «Город Аугсбург

Аугсбург.

имел несколько названий. Сперва, когда он был только построен, назывался он Vindelica, потом Zizaria и, наконец, Августа, от Октавиана Августа, императора». И так как Фауст этот город видел уже прежде, поехал он дальше и подался к Регенсбургу. Так как и тут доктор Фауст захотел проехать мимо, дух ему сказал: «Господин мой Фауст, у этого города было семь названий: Регенсбург, каковое имя он и посейчас имеет, кроме того, Tiberia, Quadrata, Hyaspolis, Reginopolis, Imbriopolis и Ratisbona, что означает: область Тиберия, сына Августа, второе же — четырехугольный город, третье он получил из-за грубых насмешек своих соседей, четвертое — от германцев, то есть немцев, пятое означает королевский замок, шестое — Регенсбург, или дождевой город, седьмое происходит от здешних рек. Этот город сильный, крепкий, славно построенный. Близ него течет Дунай, у которого 60 притоков, и почти все судоходные. Здесь в 1115 году построен знаменитый и искусный сводчатый мост, а также церковь святого Ремигия, заслуживающая похвалы, мастерское сооружение».

Регенсбург.

Доктор Фауст, однако же, вскоре отправился дальше и недолго здесь промешкал, только совершил кражу — наведалься в погреб к хозяину «Высокого куста», после чего повернул и прибыл в Мюнхен, что в Баварии, поистине княжеский край. Город выглядит совсем новым, с красивыми широкими улицами и разукрашенными домами.

Мюнхен.

Из Мюнхена в Зальцбург — епископский город в земле Баварской, который тоже сначала имел несколько имен. В этой местности есть пруды, холмы, озеро, горы, где бьют дичь и птицу.

Зальцбург.

Из Зальцбурга в Вену, что в Австрии. Город этот он увидел еще издали, и, как ему сказал дух, нелегко было бы сыскать более древний. Он получил свое имя от правителя этой земли — Флавия. Перед городом находится широкий ров с накатом, а также на 300 шагов

Вена.

идет вокруг него хорошо укрепленная стена. Все дома обыкновенно раскрашены, а рядом с королевской резиденцией построен университет. В городе только 18 старшин. Для сбора винограда нужно до 1200 лошадей, и в городе есть большие глубокие погреба. Улицы выложены камнем, дома — с приветливыми покоем и комнатами, с просторными конюшнями и всевозможными украшениями.

От Вены взлетел он ввысь и с высоты увидел город, лежащий вдали. Это была Прага, столица Богемии. Этот город велик, состоит из трех частей: Старая Прага, Новая Прага и Малая Прага. Малая Прага охватывает собою левую сторону и гору, где находится королевский двор и епископская соборная церковь святого Вита. Старая Прага расположена на равнине и украшена огромными, мощными рвами. Из этого города по мосту проходят в Малую Прагу; этот мост имеет 24 арки. Таким же образом новый город отделен от старого глубокими рвами и обнесен стеной. Там же находится университетская коллегия. Город окружен валом.

Прага.

Дальше доктор Фауст отправился на север и снова увидел город, и когда он спустился в долину, оказалось, что это Краков, столица Польши, и там прекрасный, ученейший университет. Этот город является королевской резиденцией в Польше и получил свое имя от польского герцога Крака. Этот город окружен высокими башнями, валом и рвами. Из них некоторые наполнены водой, и в них плавают рыбы. В городе 7 ворот и много больших, красивых церквей. В этой местности огромные высокие скалы и горы, где и спустился Фауст. Среди них есть одна столь высокая, что кажется, будто она поддерживает небо, и отсюда доктор Фауст мог видеть город. Он и не остановился в этом городе, но облетел вокруг него, оставаясь невидимым. На этой вершине доктор Фауст отдыхал несколько дней, потом снова поднялся ввысь, полетел к востоку и объездил много кня-

Краков.

Константи-
нополь.

жеств, городов и земель, несколько дней странствовал в море, где ничего не видел, кроме неба и воды, и прибыл во Фракию, или Грецию, в Константинополь, который нынче турок прозвал Тевкром.

Здесь расположился двор турецкого царя, и здесь-то доктор Фауст совершил много проделок с турецким царем Солиманом, как будет ниже о некоторых из них рассказано.

Солиман
вступил
на престол
в 1519 году.

Константинополь получил свое имя от великого императора Константина. Город этот украшен обширными стенами, башнями и постройками, так что можно было его назвать новым Римом. И с обеих сторон омывается он морем. В городе 11 ворот, 3 царских дворца, или резиденции. Доктор Фауст несколько дней наблюдал мощь, силу, великолепие турецкого императора и его двор. И однажды вечером, когда турецкий император сидел за столом и ел, учинил доктор Фауст над ним такую проказу и обезьянство, что через императорский зал хлынули потоки пламени, так что все бросились их тушить, а потом загремел гром и засверкали молнии. И так он околдовал турецкого императора, что тот и сам встать не мог, и другие не могли его поднять и унести прочь. Между тем в зале стало так светло, будто посреди него солнце стояло, и дух, сопровождавший Фауста, стал перед императором в обличье, убранстве и облачении папы и сказал ему: «Привет тебе, император, ты удостоился, что я, твой Магомет, являюсь пред тобой». С этими краткими словами он исчез. Пораженный этим чудом, император пал на колени, призывая своего Магомета и восхваляя его за то, что он его столь почтил и явился ему. На другой день утром явился доктор Фауст в императорский замок, где император держал своих жен и распутных девок, и никто не смел там ходить, кроме оскопленных мальчиков, которые этим женщинам прислуживали. Этот замок окружил он таким густым волшебным туманом, что ничего нельзя было видеть. Доктор Фауст

принял такой же образ, как перед тем его дух, и выдал себя за Магомета. И таким образом прожил он шесть дней в этом замке, и стоял туман столько времени, сколько он здесь пробыл. Турок же увещевал свой народ отметить эти дни совершением различных церемоний. Доктор Фауст ел, пил, веселился, утолял свою похоть, и, когда совершил все это, поднялся он ввысь во всем своем папском убранстве и облачении, так что многие его видели.

Как только доктор Фауст исчез, а туман рассеялся, отправился турок в свой замок, стал у своих жен выспрашивать и выпытывать, кто здесь был, отчего замок на все время туманом заволокло. Они отвечали ему, что это был бог Магомет и что на ночь требовал он то одну, то другую, делил с ними ложе и сказал им: от его семени пойдет великий народ и родятся храбрые богатыри. Турок посчитал это за великий дар и благо, что тот спал с его женами, и спросил у жен, тороват ли Магомет в этом деле и людскому ли обычаю следовал. Да, отвечали жены, он их ласкал, обнимал и в этих трудах искусник; они желали бы всю жизнь это повторять. Притом возлежал он с ними нагой, приняв обличье мужчины, только его речь была им непонятна. Жрецы стали внушать турку: пусть не верит он, что это был Магомет, это был призрак. Но жены сказали: призрак это или не призрак, однако же к ним он был благосклонен и по разу, и по шести раз за ночь и чем больше, тем лучше свою способность выказывал и в итоге потрудился на славу и т. д. Подобные разговоры ввергли турецкого императора в сильное раздумье и сомнение.

В полночь повернул доктор Фауст к большому столичному городу Алькаиру, который прежде назывался Каир или Мемфис. Здесь египетский султан имел свой замок и свой двор. Здесь разделяется египетская река Нил, самая большая река во всем мире. И, когда Солнце стоит в созвездии Рака, она разливается и орошает всю египетскую землю.

Алькаир.

Офен,
Забац.

После этого снова повернул он на восход и к полуночи прибыл в Офен и Забац в Венгрии. Это плодородная страна, здесь есть такая вода, что если в нее опустить железо, оно превращается в медь. Здесь копают золото, серебро и разную руду. Венгры этот город называют Штарт, а по-немецки он зовется Офен. Его украшают крепость и превосходный красивейший замок.

Магдебург,
Любек.

Отсюда направился он к Магдебургу и Любеку, что в Саксонии. Магдебург — епископская резиденция. В этом городе находится один из шести кувшинов из Каны Галилейской — в нем Христос превратил воду в вино. Любек тоже епископская резиденция в Саксонии. Из Любека прибыл он в Тюрингию, в Эрфурт, где есть университет. Из Эрфурта снова направился в Виттенберг и, пробыв полтора года в отсутствии, возвратился домой, повидав столько земель, что и описать нельзя.

27

О РАЕ

Британия.

Когда доктор Фауст был в Египте и осмотрел там город Алькаир, пролетел он потом по воздуху над многими странами, как-то: Англия, Испания, Франция, Швеция, Дания, Индия, Персия и т. д. Побывал он и в земле мавров и при этом постоянно располагался и отдыхал на высоких горах, скалах и островах, а особенно задержался на благородном острове Британии, где много рек, теплых источников, множество металлов, а также есть Божий камень и немало других, которые Фауст вывез с собой из тех мест. Оркадами называются острова великого моря, расположенные в британских владениях, числом 23. Из них 10 пустынь, а 13 обитаемы.

Гора
Кавказ.

Кавказ, что между Индией и Скифией, — это самый высокий остров с его горами и вершинами. Оттуда доктор Фауст обозревал многие земли и дали морские. Там растет столько

перечных деревьев, как у нас кустов можжевельника.

Крит — остров в Греции, лежит посреди Критского моря, подвластен венецианцам. Здесь делают мальвазию. Остров этот полон коз, а оленей там не бывает, злых зверей также не водится — ни змей, ни волков, ни лисиц, только встречаются большие ядовитые пауки.

Он осмотрел и видел этот остров и еще много других, о которых говорил и которые показывал ему дух Мефостофиль. И чтобы мне прийти к цели рассказа, сообщу, что причиной, почему доктор Фауст взбирался на такие вершины, была не только возможность обозреть оттуда часть моря, и прилежащие земли, и государства и т. п., но был он убежден, что некоторые высокие острова с их вершинами настолько высоки, что он оттуда сумеет, наконец, увидеть рай, ибо об этом он не спрашивал своего духа и не должен был спрашивать. Особенно же на острове Кавказ, который превосходит своими вершинами и высотой своей все прочие острова, надеялся он непременно увидеть рай. Находясь на той вершине острова Кавказ, увидел он землю Индию и Скифию, а с восточной стороны до полуночи издалека в вышине далекий свет, словно от ярко светящегося солнца, огненный поток, поднимающийся подобно пламени от земли до неба, опоясывая пространство величиною с маленький остров. И еще увидел он, что из той долины бегут по земле четыре больших реки, одна в Индию, другая в Египет, третья в Армению и четвертая туда же. И захотелось ему тогда узнать причину и основания того, что он увидел, и потому решился он, хотя и со страхом сердечным, спросить своего духа, что это такое.

Дух же дал ему добрый ответ и сказал: «Это рай, расположенный на восходе солнца, сад, который взрастил и украсил Господь всяческим веселием, а те огненные потоки — стены, которые воздвиг Господь, чтобы охранить

Остров
Крит.

и оградить сад. Там же (сказал он далее) ты видишь ослепительный свет: то огненный меч, которым ангел охраняет сад, и этот меч так велик, что достанет тебя, где бы ты ни был. Оттуда, сверху, ты мог бы это лучше рассмотреть, но не заметил, и т. д. Та вода, что разделяется на четыре части, течет из райского источника, и образует она реки, которые зовутся Ганг, или Физон, Гигон, или Нил, Тигр и Евфрат. Теперь ты видишь, что лежит рай под созвездиями Весов и Овна, доходит до самого неба, а у его огненных стен стоит херувим с огненным мечом, приставленный все это охранять. Но ни ты, ни я, ни один из людей не может туда проникнуть».

В Эйслебене показалась комета, удивительно большая. Тогда доктора Фауста спросили некоторые его добрые друзья, отчего это происходит. Он же им отвечал и сказал: «Часто случается так, что Луна меняет свое место на небе и Солнце находится под Землей. Когда Луна подходит к нему близко, Солнце настолько сильно и могуче, что отнимает у Луны ее сиянье, так что та вся становится красной. Когда же Луна снова поднимается вверх, меняет она различные цвета, и тут происходит из этого самое большое чудо — появляется комета, и ее образ и значение различны, как это предназначено Богом. Иногда предвещает она смуту, войну или мор в государстве, как-то: чуму, внезапные смерти и другую заразу. Далее — наводнение, ливень, град, голод и тому подобное. Через это-то совокупление и превращение Солнца и Луны и является такое чудовище, как комета, и тогда злые духи, вооружаясь своими инструментами, узнают предначертания Божьи. Эта звезда точно выблядок между другими, а родители ее, как сказано выше,—Солнце да Луна».

Один почтенный доктор Н. Ф. В. в Гальберштадте пригласил доктора Фауста в гости, и прежде, чем было подано к столу, поглядел он в окошко и несколько времени смотрел на небо, которое в то время как это бывает осенью, было усеяно звездами. А доктор тот был медиком и притом хорошим астрологом, по этой именно причине и особливо чтобы узнать от доктора Фауста о некоторых изменениях планет и звезд и пригласил он Фауста к себе в гости. Поэтому, выглянув вместе с доктором Фаустом в окно, думал он узнать от него о небесном сиянии и о числе звезд и, когда увидел, как они срываются и падают, стал спрашивать доктора Фауста, что за причины и обстоятельства к этому приводят.

Доктор Фауст отвечал: «Господин мой и милый брат! Вам известно, что самая малая звезда на небе, что нам снизу едва ли покажется с большую восковую свечку, на самом деле больше, чем целое княжество. И это действительно, и я сам это видел. Небо в ширину и длину больше, чем двенадцать наших земель, и хотя земли на небе не видать, однако многие звезды поболее, чем эта страна. Одна величиной с этот город, а там другая окружностью с Римскую империю; эта протяжением с Турцию, а планеты — каждая из них такой величины, как вся Земля».

ВОПРОС ОТНОСИТЕЛЬНО ДУХОВ,
КОТОРЫЕ МУЧАЮТ ЛЮДЕЙ

«Так-то так, господин мой Фауст, — сказал этот доктор, — но как же обстоит дело с духами, о которых говорят, что они не только днем, а и ночью мучают людей?»

Ответил ему доктор Фауст: «Так как духи не подчиняются Солнцу, то они живут и странствуют под облаками, и чем ярче светит Солнце, тем выше избирают и ищут духи себе жилища, ибо свет и сиянье Солнца запрещены им Господом, не дозволены им и не подобают. Но ночью, когда темно, хоть глаз выколи, обретаются они среди нас, людей, ибо солнечный свет, когда он нам не светит, освещает первое небо как днем, так что и в глухую ночь, когда звезды не светят, мы, люди, все же можем разглядеть небо. Отсюда происходит и то, что духи, будучи не в силах выдержать и вытерпеть вид Солнца, поднявшегося в вышину, появляются вблизи нас на Земле, живут среди нас, людей, пугают нас ночными кошмарами, криками и своим появлением в страшном и ужасающем образе. Так что когда вы темной ночью выходите из дому без огня, на вас нападает великий страх, и ночью вас преследуют бредовые видения, чего не бывает днем. И еще человек пугается во сне, думая, что около него находится дух, который пытается схватить его или бродит в его доме, когда он спит, и тому подобное. Все это происходит потому, что ночью духи находятся около нас и тревожат нас и пугают всяким мороком и наваждением».

31

ДРУГОЙ ВОПРОС:
О ПАДАЮЩИХ НА ЗЕМЛЮ ЗВЕЗДАХ

«В том, что происходит со звездами, когда они светят и падают на землю, нет ничего необыкновенного, это бывает каждую ночь. Когда мы замечаем вспышки или искры, это знак, что со звезд падают капли и капли эти вязкие и зеленовато-черные. Но то, что звезды будто бы падают, это только люди так воображают, и когда часто видим мы ночью падающий огненный поток, это все же не

падающие звезды, как обычно полагают. А если одна капля гораздо больше другой, это потому, что и звезды не равны по величине. И ни одна звезда не упадет с неба без Божьего соизволения. А если захочет Бог покарать страну и людей, то такие звезды приносят с собой тучи и с ними наводнения и пожары и приносят ущерб стране и людям».

В августе разразилась в Виттенберге вечером сильная гроза; был град и сверкали зарницы. Доктор Фауст стоял на рыночной площади в обществе других медиков, и захотели они узнать у него о причинах этой непогоды. Он же ответил им: не приходилось ли им замечать, что в то время, когда собирается гроза, сперва начинает дуть ветер, а когда спустя некоторое время прогремит гром, начинается проливной дождь? Это происходит так: когда столкнутся четыре небесных ветра, они сгоняют тучи в одно место или же приносят их откуда-нибудь и перемешивают дождь, или черные тучи, как это мы можем видеть сейчас, когда над городом идет черная туча. Когда же подымается гроза, это прилетают духи, они вступают в борьбу с ветрами четырех стран света, так что в небе слышатся удары, и это мы называем громом. Если ветер при этом очень силен, то гром долго не прекращается, но продолжается; иногда же бывает так, что он проносится очень быстро. Потому обращайтесь внимание, с какой стороны подымается ветер, он поднимает непогоду. Таким образом, часто непогода приходит к нам с полудня, иногда же с восхода, заката или полуночи.

СЛЕДУЕТ ТРЕТЬЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ
ЧАСТЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ДОКТОРА
ФАУСТА, О ТОМ, ЧТО ОН ТВОРИЛ
И СОВЕРШАЛ СИЛОЮ СВОЕЙ
НИГРОМАНТИИ ПРИ ДВОРАХ
ЦАРСТВУЮЩИХ ОСОБ,
И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТАКЖЕ О ЕГО
ГОРЕСТНОЙ И УЖАСНОЙ КОНЧИНЕ
И ГИБЕЛИ

33

ИСТОРИЯ О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ
И ИМПЕРАТОРЕ КАРЛЕ V

Император Карл, пятый этого имени, прибыл со своим двором в Инсбрук, куда явился и доктор Фауст, будучи приглашен на пиршество ко двору многими баронами и знатными лицами, которым его искусство и умение было хорошо известно, особливо же тем из них, кому он помог своими лекарствами и рецептами от многих тяжелых болезней и хворей. Они проводили его туда с таким почетом, что император заметил это и стал любопытствовать, кто он таков. Тогда ему объяснили, что это доктор Фауст. Император ничего на то не сказал и молчал до самого обеда. А было это летом, на Филиппа и Якова. Потом император позвал Фауста в свои покои и сказал: ему-де известно, что Фауст человек сведущий в чернокнижии и при нем находится дух-прорицатель, и посему хотел бы он, чтобы Фауст показал ему свое искусство, а он, император, никакого вреда чинить ему не будет и ручается в том своей императорской короной. На это Фауст сказал, что готов повиноваться его императорскому величеству.

«Тогда узнай, — сказал император, — что однажды стал я размышлять на своем ложе, как это мои предшественники и предки достигли таких высоких почестей и власти, о которых я и мои потомки можем только мечтать.

Особливо же могущественный Александр Великий, краса и светоч всех монархов, как явствует из хроник, завладел большими богатствами, многими княжествами и землями, что трудно будет сделать теперь мне и моим потомкам. Посему мое милостивое желание состоит в том, чтобы представил ты мне вид, образ, осанку и движенья Александра Великого и его супруги, какими они были при жизни, и я мог тем самым убедиться, что ты в своем искусстве опытный мастер».

«Всемиловитейший государь, — сказал Фауст, — так как ваше императорское величество желают, чтобы были представлены особы Александра Великого и его супруги в том виде и образе, как они были при жизни, то я, покорный вашему велению, заставлю их с помощью моего духа появиться на виду у всех. Однако надобно вашему величеству знать, что их бранные тела не могут восстать из мертвых или вновь ожить, это совершенно невозможно. Но древние духи, видевшие Александра и его супругу, те могут принять такой вид и образ и превратиться в них. С их помощью я доподлинно покажу вашему величеству Александра Великого». После того пошел Фауст из царских покоев переговорить со своим духом, потом воротился к императору и сказал, что сделает все по его желанию, только с тем условием, чтобы его императорское величество ни о чем не спрашивал и не заговаривал, что ему император и обещал. Тогда доктор Фауст растворил дверь, и вскоре вошел император Александр полностью в том виде и образе, как он выглядел при жизни. А именно, был он осанистый, толстый человек с рыжей или золотисто-рыжей, густой бородой, краснощекий и с таким суровым взглядом, будто у него были глаза василиска. Он вошел к императору Карлу в полном вооружении и отвесил ему низкий поклон. Император хотел было тоже встать и приветствовать его, но доктор Фауст не разрешил ему этого. Вскоре затем, после того как Алек-

сандр снова поклонился и вышел в дверь, идет ему навстречу его супруга. Она тоже поклонилась императору. Была она с ног до головы в синем бархате, изукрашена золотом и жемчугом. Она также была красива свыше всякой меры, краснощекая, кровь с молоком, стройная, круглолицая. Тогда император подумал: «Вот видел я двух особ, которых давно жаждал увидеть, а легко может случиться, что дух принял этот образ и морочит меня, как та женщина, которая разбудила пророка Самуила». И, чтобы лучше во всем убедиться, решил он про себя: «Вот я слышал, что у нее на затылке была большая бородавка», — и подошел посмотреть на нее сзади, не окажется ли такой же и у этого видения, и действительно увидел бородавку, а высокая особа стояла перед ним как вкопанная и потом тоже исчезла. Так исполнилось его желание.

34

ДОКТОР ФАУСТ НАКОЛДОВАЛ
ОДНОМУ РЫЦАРЮ ОЛЕНЬИ РОГА

Когда доктор Фауст выполнил, как рассказано, желание императора, взобрался он вечером, после того как протрубили к столу, на замковую стену, чтобы посмотреть, как придворные снуют взад и вперед. Тут увидел Фауст, что внизу в рыцарском зале один человек, свесив голову, уснул (ибо в тот день погода была очень жаркая). Однако же лицо, которое так заснуло, я не хочу называть по имени, так как это был рыцарь и по рождению барон и проделка послужила к его осмеянию. Дух Мефостофиль усердно и верно помогал своему господину в этом деле и, пока рыцарь лежал и спал под окном, наколдовал ему на голову оленьи рога. Когда он проснулся и поднял голову с подоконника, то обнаружил эту проделку. Как тут было не испугаться бедняге? Ибо окно было узко и он

со своими рогами не мог пролезть ни назад, ни вперед. Заметил это император, посмеялся над ним в свое удовольствие, покуда Фауст не разрушил свое волшебство.

35

КАК НАЗВАННЫЙ РЫЦАРЬ ЗАХОТЕЛ
ОТПЛАТИТЬ ФАУСТУ, ЧТО, ОДНАКО,
ЕМУ НЕ УДАЛОСЬ

Доктор Фауст распрощался со двором, где ему наряду с императором и другие особы выказывали много знаков своего расположения. Только он отъехал мили на полторы, как заметил в лесу семь лошадей, которые неслись прямо на него. Это оказался рыцарь, с которым приключилась при дворе история с оленьими рогами. Его люди узнали доктора Фауста и потому-то спешили к нему во весь опор с обнаженным оружием. Доктор Фауст заметил это, и спрятался в рощице, и вскоре выехал из нее навстречу этим людям, а его враги вдруг увидели, что вся рощица полна вооруженными рыцарями, которые мчатся на них. Слуги рыцаря задали стрелача, только это им не помогло, они были окружены и задержаны, так что пришлось им просить у Фауста пощады. Доктор Фауст отпустил их и заколдовал так, что у них целый месяц на лбу красовались козлиные рога, а у коней — коровьи. Это было им в наказание, и так он одолел рыцаря с помощью своих заколдованных ратников.

36

ДОКТОР ФАУСТ СОЖРАЛ
У ОДНОГО КРЕСТЬЯНИНА ВОЗ СЕНА
ВМЕСТЕ С ТЕЛЕГОЙ И ЛОШАДЬЮ

Пришел он однажды в Готу, в одно местечко, где у него были дела. В ту пору был июнь месяц, когда повсюду свозят сено, и отправился он под вечер с некоторыми своими зна-

комцами, изрядно выпив, погулять. Когда доктор Фауст и те, кто были с ним, пришли к воротам и стали прогуливаться вдоль городского рва, повстречался им воз с сеном. А доктор Фауст стоял на проезжей дороге, так что крестьянину пришлось окликнуть его, чтобы он убрался и сошел с пути. Доктор Фауст, который был пьян, отвечает ему: «Посмотрю я, кто из нас уберется! Разве ты, братец, не слышал — толстого и хмельного воз с сеном сторонится». Рассердился на это крестьянин и отпустил Фаусту много бранных слов. Доктор Фауст ему опять отвечает: «Как так, мужичок, ты еще ерепенишься! Не очень разговаривай, а не то я съем твоё сено вместе с лошастью». Крестьянин говорит на это: «Ну так жри с моим дерьмом вместе».

Тогда доктор Фауст обморочил его, да так, что ему стало чудиться, будто у Фауста пасть величиною с чан, и пожрал он и проглотил сначала лошадь, а потом сено и телегу. Крестьянин испугался, страх его взял, спешит к бургомистру, докладывает ему по правде, как все случилось. Бургомистр, улыбаясь, идет вместе с ним посмотреть на такое дело. Когда они подошли к воротам, увидели, что крестьянский конь стоит вместе с телегой, как и прежде, а Фауст его только обморочил.

37

О ТРЕХ БЛАГОРОДНЫХ ГРАФАХ,
КОТОРЫХ ФАУСТ ПО ИХ ЖЕЛАНИЮ
ПЕРЕНЕС ПО ВОЗДУХУ В МЮНХЕН,
НА СВАДЬБУ СЫНА БАВАРСКОГО ГЕРЦОГА

Три благородных графа, которых здесь не подобает называть, в ту пору учившиеся в Виттенберге, собрались однажды вместе и разговорились между собой о небывалом торжестве, которое предстоит в Мюнхене по случаю свадьбы герцогского сына, и захотелось им побыть там хотя бы полчаса. За такой беседой пришло одному из них на ум, вот он и говорит другим графам: «Дорогие родичи,

если вы меня послушаете, я вам дам добрый совет, так что мы и свадьбу посмотрим, и этой же ночью опять в Виттенберге будем. И вот каков мой совет: пошлем-ка за доктором Фаустом, откроем ему наше желание, выкажем наше к нему уважение и попросим, чтобы он помог нам в этом деле; он наверняка не откажет». На этом они порешили, послали за Фаустом, все ему рассказали, одарили его и устроили в его честь добрую пирушку, чем он был весьма доволен и обещал им свою помощь. Как только подошло время сыну баварского герцога справлять свадьбу, пригласил доктор Фауст этих графов в свой дом, приказал им одеться как можно нарядней, со всем убранством, какое у них было. Потом берет широкий плащ, расстилает его в своем саду, что у него был перед домом, сажает на него графов, сам садится меж ними и строжайше им наказывает, чтобы никто из них, пока они будут в отсутствии, не произнес ни слова и, когда они будут во дворце герцога Баварского и кто-либо с ними заговорит или о чем их спросит, чтобы они никому ничего не отвечали. Они же обещали во всем этом быть ему послушны.

После таких обещаний садится доктор Фауст и начинает свои заклинания. Вскоре поднимается сильный ветер, вздымает плащ и несет его по воздуху, так что они как раз вовремя и прибыли ко двору баварского государя. Только прилетели они невидимо, так что их никто не заметил, покуда они не спустились во дворец и на княжеский двор. Тогда увидал их дворецкий и указал на них баварскому герцогу, а все князья, графы и господа уже сидели за столом, и только эти три графа со своими слугами, только что прибывшие, стояли снаружи. Тут старый князь обратился к ним со словами приветствия, а они ему ничего не отвечают. Было же это вечером, когда за ужин садятся, ибо прежде они с помощью Фаустова искусства целый день невидимо и без помехи любовались на

все свадебное великолепие. А доктор Фауст, как было сказано выше, строго наказал им не разговаривать ни с кем, и если только крикнет он: вперед! — все они скорехонько должны были ухватиться за плащ и в ту же минуту исчезнуть оттуда. И вот, когда баварский герцог заговорил с ними и они ему не ответили, подают им как раз воду для омовения рук и один из графов уже готов был нарушить запрет, Фауст закричал: вперед! — и вместе с двумя графами, которые ухватились за плащ, так и пропал из глаз, а третий граф замешкался, его схватили и бросили в темницу.

Два другие графа прибыли в полночь обратно в Виттенберг и стали сокрушаться о своем третьем родственнике. Но доктор Фауст их утешил, обещая рано утром освободить его.

Пленный же граф очень испугался и опечалился, когда увидел, что он покинут и к тому же еще посажен в темницу под стражу. Стали его спрашивать, что это было за чудо и кто другие трое, бывшие с ним вместе и пропавшие из глаз. Граф подумал: «Если я их выдам, плохо будет». И не стал он отвечать на вопросы, так что в этот день ничего от него выведать не успели и приняли решение наутро допросить с пристрастием, чтобы заставить разговаривать. Граф подумал: «Может статься, что доктор Фауст сегодня меня еще не вызовет, а завтра будут меня терзать и допрашивать с пристрастием, и по причине этих мук, может быть, придется мне заговорить». Но тем не менее он утешал себя мыслью, что товарищи его будут неотступно просить доктора Фауста выручить его, как это и было на самом деле. И только занялся день, доктор Фауст уже был тут как тут и так околдовал сторожей, что они погрузились в глубокий сон. После этого отомкнул он своим искусством замки и двери и без промедления доставил графа в Виттенберг, где доктора Фауста одарили, как то подобало.

КАК ДОКТОР ФАУСТ
ЗАНЯЛ У ОДНОГО ЕВРЕЯ ДЕНЬГИ
И ДАЛ ЕМУ В ЗАЛОГ СВОЮ НОГУ,
КОТОРУЮ ОН САМ ОТПИЛИЛ СЕБЕ
НА ГЛАЗАХ У ЕВРЕЯ

Говорят, нечестивец и чернокнижник за год и на три геллера не разбогатеют. Это относится и к Фаусту. Много чего ему насулил дьявол, да все оказалось лживо, ибо дьявол — лживый дух. Он сказал Фаусту, что нужно ему пустить в ход свое искусство, которому он обучился теперь в полной мере, и таким образом самому достигнуть богатства и не сидеть без денег. Срок его договора еще не исполнился, и прошло всего четыре года после того, как было ему обещано, что не будет он терпеть нужды ни в деньгах, ни в богатстве; еду и питье добывал дух ему своим искусством из дворцов всех государей, как было сказано выше, так что на этот раз доктор Фауст должен отдать ему справедливость и не противоречить, но самому рассудить, чему он выучился.

После такого разговора и объяснения с духом отправился Фауст на пирушку с добрыми приятелями. Так как он был не при деньгах, то пришлось ему искать денег у евреев, что он и сделал: взял у одного еврея на месяц 60 талеров. Когда же время прошло, еврей захотел получить свои деньги обратно вместе с процентами. А у Фауста и в мыслях не было что-либо заплатить ему. Вот приходит еврей к нему в дом, предъявляет свое требование. Доктор Фауст говорит ему: «Слушай, еврей, нет у меня денег, и не знаю, где взять их, однако чтобы был ты уверен, что я тебе верну долг, отрежу я себе какую-нибудь часть тела, пусть это будет рука или нога, и дам тебе в залог, однако же с непременным условием: как только найдутся у меня деньги и я сумею с тобой расплатиться, должен ты возвратить мне то, что я тебе оставлю». Ев-

рей, как и был всегда врагом христиан, подумал про себя: «Видно, это отчаянный человек, если собирается за деньги заложить часть своего тела», — и потому согласился принять заклад. Тут доктор Фауст берет пилу, отрезает себе ногу и дает ее еврею (на самом деле это было только наваждение), с условием, как только он будет при деньгах и выплатит ему долг, должен он вернуть ему ногу, а он ее обратно приставит. Еврей остался этим контрактом очень доволен и ушел вместе с ногой. По дороге, устав ее нести, стал он думать: «На что мне ляжка этого мерзавца? Снесу я ее домой, так она только завоняет, и трудно будет прилепить ее обратно. Конечно, это дорогой заклад, и не мог он связать себя крепче, чем куском собственного тела, но мне какой прок от того?» С такими и еще другими мыслями (как этот еврей потом сам признался) идет он через канаву и бросает туда ногу.

Все это было хорошо известно доктору Фаусту, и тогда послал он через три дня за евреем, будто собирается выплатить ему долг. Приходит еврей, доктор Фауст спрашивает, куда он девал заклад, пусть вернет ему ногу, он хочет уплатить ему. Еврей ответил, что он выбросил ее за ненужностью. Однако доктор Фауст пожелал немедленно получить обратно оставленную в залог ляжку, а не то пускай еврей удовлетворит его требование. Чтобы отделаться от него, пришлось еврею заплатить ему еще 60 талеров в придачу, а доктор Фауст остался, как и был, с ногой.

Подобную же штуку сделал он с одним барышником на ярмарке. Он изготовил себе красивую, великолепную лошадь и приехал

с ней на ярмарку в местечко, называемое Пфейферинг, и было у него много покупателей. Наконец, продал он ее за 40 флоринов и сказал покупателю наперед, чтобы он не водил ее на водопой. Барышник решил посмотреть, что бы это значило, и поехал туда, где купали лошадей. Тут исчезла лошадь, а он сидит на связке сена, так что чуть совсем не утонул. Покупатель знал трактир, где его продавец остановился, разгневанный побежал туда, нашел доктора Фауста в постели, а тот спит да похрапывает. Барышник схватил его за ногу, хотел с кровати стянуть да как вырвал всю ногу из зада и упал вместе с ней на пол. Тут доктор Фауст стал кричать караул. Барышник испугался, пустился наутек. Он взаправду думал, что вырвал у него ногу из зада, а доктор Фауст опять остался с деньгами.

40

ДОКТОР ФАУСТ ПОЖИРАЕТ ВОЗ СЕНА

Доктор Фауст пришел в город, называвшийся Цвиккау. Здесь он водил компанию со многими магистрами. Когда он однажды пошел после ужина с ними погулять, повстречался ему крестьянин с большим возом сена. Фауст его спрашивает, что он возьмет, чтобы дать ему досыта наесться сена. Сошлись они на одном крейцере, или левенпфенниге, так как крестьянин думал, что тот только шутки шутит. Доктор Фауст принялся есть с такой жадностью, что всех, кто стоял кругом, смех разбирал, а крестьянина он так обморочил, что тому в страхе казалось, будто Фауст уже полвоза сожрал. Чтобы остались хоть другие полвоза, он готов был и сам заплатить Фаусту по его желанию. Когда же приехал крестьянин домой, оказалось, что все сено у него в целости, как и прежде.

О ССОРЕ МЕЖДУ ДВЕНАДЦАТЬЮ СТУДЕНТАМИ

В Виттенберге перед его домом поссорились семь студентов с пятью другими. Это, подумал Фауст, неравный спор, вот он и ослепил их всех, так что ни один другого больше не видел. Так и колотили они в гневе куда ни попало, а стоявшие кругом смеялись, глядя на эту диковинную стычку. Пришлось их всех по домам развести, а как только каждый оказался в своем доме, вернулось к нему зрение.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С ПЬЯНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ

Доктор Фауст бражничал в одной кабачке, где у столов сидело много крестьян, которые выпили лишку и подняли страшный шум, крича и распевая, так что никто собственных слов не мог разобрать. Доктор Фауст говорит тому, кто его пригласил: «Погляди, я им сейчас испорчу музыку». И вот когда крестьяне стали орать и распевать еще громче, он взял и заколдовал их так, что они все рты поразевали, а закрыть никто не может. Тут сразу стало тихо: смотрит один мужик на другого, не поймут, что с ними приключилось. Однако лишь только крестьянин выходил из горницы, речь к нему возвращалась, так что недолго они там промешкали.

ДОКТОР ФАУСТ ПРОДАЕТ ПЯТЬ СВИНЕЙ,
КАЖДУЮ ЗА ШЕСТЬ ФЛОРИНОВ

Доктор Фауст опять решил поживиться, сделал себе пять откормленных свиней и продал их по шесть флоринов каждую, но с условием, чтобы гуртовщик не водил их через воду. Доктор Фауст снова вернулся домой. Когда же свиньи выпачкались в грязи или обмарались, гуртовщик погнался к речке.

Тут пропали они, и вместо них всплыли охапки сена. Покупатель должен был уйти с убытком, ибо он сам не знал, как это так произошло и кто ему продал этих свиней.

КАКИЕ ПРОДЕЛКИ УЧИНИЛ ДОКТОР ФАУСТ
ПРИ АНГАЛЬТСКОМ ДВОРЕ

Однажды пришел доктор Фауст к графу Ангальтскому, из тех, что теперь стали князьями, и тот ему выказал свое всемилостивейшее расположение. А было это в январе. За столом Фауст заметил, что графиня беременна и уже на сносях. Как только подали ужин и стали разносить пряности, доктор Фауст говорит графине: «Милостивая государыня, частенько я слышал, что у беременных женщин бывают разные прихоти и желания. Благоволите, ваша светлость, сказать мне, чего бы вы желали отведать». Она ему отвечает: «Господин доктор, поистине я от вас не скрою, чего бы мне сейчас хотелось, а именно, будь сейчас осеннее время, я хотела бы досыта наесться свежего винограда и фруктов». Доктор Фауст на это говорит: «Милостивая государыня, это мне легко выполнить, и через полчаса желание вашей светлости будет исполнено». Берет он тотчас же две серебряные чаши, выставляет их за окно, а когда приходит время, протягивает руку, достает чаши — глядь, а там красные и белые гроздья, а в другой чаше яблоки и груши, только на вид не здешние, а будто из дальних и чуждых стран. Подает он их графине и говорит: «Ваша милость, не извольте бояться их отведать, ибо они прибыли сюда из чужих краев, где сейчас лето идет к концу». И графиня поела от всех плодов и гроздьев с великим удовольствием и немало удивляясь. Князь же Ангальтский не мог удержаться, чтобы не спросить, как все это приключилось и откуда появились гроздья и плоды. Доктор

Фауст отвечал: «Всемиловитевнейший государь, нужно вашей милости знать, что год распределяется в двух частях земли таким образом, что, когда у нас стоит зима, на востоке и на западе лето. Ибо небо круглое и Солнце теперь достигло высшей точки, так что у нас это время коротких дней и зимы, а на востоке и западе, так же как и в Сабе Индийской и в странах Леванта, Солнце стоит низко, и потому у них лето и дважды в год рождаются плоды и фрукты, а когда у нас ночь, у них занимается день, ибо Солнце спустилось под Землю. И это подобно движению моря: оно могло бы захлестнуть Землю, если бы не было подвластно Всевышнему, так что Земля могла бы в мгновение ока погибнуть. И теперь вот у них восходит Солнце, а у нас оно заходит. Сообразуясь с этими сведениями, всемиловитевнейший государь, отправил я туда моего духа; это летающий и проворный дух, и в одно мгновение он может обернуться, кем бы ни пожелал. Он-то и добыл эти гроздья и фрукты».

И князь внимал этому с великим удивлением.

44а

О ДРУГОЙ ПРОДЕЛКЕ,
КОТОРУЮ ФАУСТ УЧИНИЛ ТАКЖЕ
В УГОДУ ЭТОМУ ГРАФУ,
КОГДА ОН
ВОЛШЕБСТВОМ ВОЗДВИГ БОЛЬШОЙ ЗАМОК
НА ОДНОЙ ГОРНОЙ ВЕРШИНЕ

Прежде чем доктор Фауст распростился, попросил у графа, чтобы тот вместе с ним вышел за ворота, там он покажет ему замок, или крепость, которую за эту ночь он построил в его владениях и графстве. Граф этому весьма удивился. И вот вышел он со своей супругой и фрейлинами вместе с Фаустом за ворота и увидел на одной горе, расположенной неподалеку от города и прозывавшейся Сливочным холмом, прекрасно построенный дом и замок, который доктор

Фауст создал своим колдовством, и по этому случаю пригласил он графа и его супругу, чтобы они туда последовали и позавтракали у него, от чего граф не стал отказываться.

Этот замок был так построен силою волшебства, что вокруг него шел глубокий, наполненный водою ров, в котором видны были всевозможные рыбы и различные водяные птицы, как-то: лебеди, утки, цапли и тому подобные, на которых весело было смотреть. Над рвом подымалось пять каменных башен и двое ворот, и был там также широкий двор, в котором находились всевозможные звери, созданные при помощи колдовства, особенно такие, которых не часто увидишь в Германии, как-то: обезьяны, медведи, буйволы, серны и другие чужеземные животные. Кроме того, были здесь и знакомые звери, как-то: олени, дикие кабаны — и всевозможные птицы, каких только можно себе вообразить; они кружились и порхали от одного дерева к другому.

После всего этого посадил он гостей за стол, подал им великолепный королевский обед со всеми яствами и напитками, какие только можно придумать, и за каждой переменой подает сразу девять различных блюд. Все это должен был делать его фамулус Вагнер, который невидимым образом принимал их от духа — все эти яства, дичь, птицу, рыбу и прочее. Из домашних животных (как это доктор Фауст потом сам рассказывал) подавались к столу быки, буйволы, козы, коровы, телята, ягнята, овцы, свиньи и т. д.; из диких животных — серны, зайцы, олени, дичь и др.; из рыб — угри, лещи, окуни, сомы, креветки, форели, щуки, карпы, раки, миноги, камбалы, семги, лини и тому подобные; из птицы подавались каплуны, утки домашние и дикие, голуби, фазаны, орлы, индийские петухи, кроме того, куры, куропатки, рябчики, жаворонки, дрозды, павлины, лебеди, страусы, драквы, перепела и т. д. Из вин было нидерландское, бургундское, брабантское, кобленц-

ское, хорватское, эльзасское, английское, французское, рейнское, испанское, голландское, люксембургское, венгерское, австрийское, вендское, вюрцбургское, или франконское, рейнфаль и мальвазия, в общем — всевозможные вина, которые в сотне кувшинов стояли кругом. Граф благосклонно принял участие в этом роскошном пиршестве, а после еды снова отправился в свой дворец, и никто не почувствовал, что они что-либо ели или пили, так пусто было у них в желудке. Когда они вернулись во дворец, из описанного выше замка доктора Фауста послышались страшные выстрелы, и поднялся огонь в замке до самого верха, и горел он до тех пор, пока совсем не исчез, так что они все это хорошо могли видеть. Когда доктор Фауст опять явился к графу, тот подарил ему несколько сот талеров и отпустил в дальнейший путь.

45

КАК ДОКТОР ФАУСТ
СО СВОИМИ СТУДЕНТАМИ СПУСТИЛСЯ
В ПОГРЕБ ЕПИСКОПА ЗАЛЬЦБУРГСКОГО

Когда доктор Фауст распрощался с графом и вернулся в Виттенберг, наступила масленица. Доктор Фауст, бывший Бахусом, пригласил к себе несколько студентов, и после того как они плотно закусили и изрядно почествовали Бахуса, убедил их доктор Фауст, что они должны вместе с ним отправиться в один погреб и отведать там великолепные вина, которые он им поднесет, на что они без труда согласились. После этого доктор Фауст взял из своего сада лестницу, посадил каждого из них на перекладину и полетел вместе с ними, так что еще той же ночью прибыли они в погреб епископа Зальцбургского. Там отведали они всевозможных вин и пили только лучшие, так как у этого епископа были превосходные виноградники. Когда они все уже были навеселе, а Фауст взял с собой кремень

и огниво, чтобы осмотреть все бочки, явился неожиданно епископский ключник, который принял их за вломившихся воров и поднял крик. Это раздосадовало доктора Фауста, велел он своим друзьям выбираться наверх, взял ключника за вихор, вылетел вместе с ним из погреба, и когда они подлетели к огромной высокой ели, он посадил на нее ключника, который весь трясся от страха. Так возвратился доктор Фауст со своими студентами домой, где они еще распили прощальный кубок того вина, которым доктор Фауст наполнил большие бутылки в епископском погребе. А ключник целую ночь должен был держаться за дерево, чтобы не свалиться, и чуть не замерз, пока не увидел, что настал день. Ель же была так высока, что слезть с нее было невозможно по той причине, что у нее не было ветвей ни вверху, ни внизу. Крикнул он к себе нескольких крестьян, проезжавших мимо, рассказал им, каково ему пришлось, и попросил, чтобы они помогли ему слезть. Крестьяне пришли в изумление, пошли рассказывать о том в Зальцбурге при дворе, откуда сбежалось множество народу, и много было возни и труда, пока его на веревках спустили на землю. А ключник так и не знал, кто были те, кого он застал в погребе и кто его занес на дерево.

46

О ТОМ, КАК В ДРУГОЙ РАЗ
ПРАЗДНОВАЛИ МАСЛЕНИЦУ
ВО ВТОРНИК

Эти семеро студентов — из них четверо магистров, обучавшихся богословию, юриспруденции и медицине, — после того как отпраздновали в доме Фауста масленицу в воскресенье, снова были приглашены к нему на масленицу во вторник (так как были они старинные приятели Фауста и любезные ему гости). И когда Фауст угостил своих гостей курами, рыбой и жарким, однако не очень-то

щедро, утешил он их таким образом: «Любезные господа, вот вам мое скудное угощение, однако потерпите, к последней чарке на сон грядущий дело улучшится. Вы знаете, что при многих знатных дворах празднуют масленицу роскошными яствами и винами, там и на нашу долю часть придется. По этой самой причине я потчевал вас такой скудной едой и питьем, что вы только червячка заморили. Но вот уже два часа, как я припас в моем саду три бутылки, одну вместимостью в пять мер, другую — в восемь и еще одну в восемь и приказал моему духу раздобыть венгерского, итальянского и испанского вина. Точно так же я разложил в саду рядком пятнадцать блюд, и они до краев наполнены всякими яствами, которые я должен разогреть, и верьте мне, что это не наваждение, когда кажется, будто вы едите, а в действительности этого нет». Когда довел он свою речь до конца, приказал он своему фамулусу Вагнеру накрыть другой стол. Тот сделал, как приказано, а затем стал носить одну за другой пять перемен, каждый раз по три блюда, — всевозможную дичину, печенья и т. п. Из столовых вин подал он итальянское, эрвейн— благородное вино, что пьют знатоки, венгерское и испанское. И когда они наелись досыта, напились допьяна, все-таки еще много осталось еды. Тут начали они под конец петь и плясать и уже днем разошлись по домам. А на другой вечер они были званы на настоящую масленицу.

В великопостную среду явились студенты как званые гости в дом к доктору Фаусту провожать масленицу, и он задал им пир, а они славно пели, плясали и на все лады потешались. Когда же пошли вкруговую большие стаканы и кубки, принялся доктор Фауст за свое чародейство, и в комнате стали разда-

ваться звуки скрипок, хотя никто не мог понять, откуда они исходили. Как только один инструмент умолкал, начинал играть другой — там слышался орган, а там маленький органчик, лютни, скрипки, цитры, арфы, трубы, литавры, свирели, флейты, в общем были здесь все инструменты. Тут чарки и стаканы стали прыгать. После этого доктор Фауст поставил посреди комнаты подряд десять горшков, и все они начали плясать и стучать друг о друга, так что потрескались и побились в черепки, что вызвало за столом большой смех. Потом он устроил другую забаву: велел поймать на дворе петуха и поставил его на стол, дал ему глотнуть, а тот, конечно, стал кричать «Кукареку!». Потом придумал еще другую забаву: поставил на стол музыкальный инструмент, тут вошла в комнату старая обезьяна и стала под его звуки отплясывать разные красивые танцы. Так они забавлялись до самой ночи, и тогда стал он просить студентов, чтобы они остались у него и отужинали, он подаст им кушанье из птиц, а потом устроит вместе с ними ряженье. На это они охотно согласились. Тут доктор Фауст взял шест, выставил его за окно, и тотчас же слетелись на него всевозможные птицы, и каждая, лишь только она садилась на шест, прилипала к нему. Когда он наловил их достаточное количество, студенты пришли ему на помощь, свернули им шеи и оципали их. Были тут жаворонки, куропатки, четыре диких утки. Набразничавшись вторично, стали они рядиться. Доктор Фауст приказал, чтобы каждый надел белую рубаху, а он уже будет дальше распоряжаться.

Так и сделали. Посмотрели тут студенты друг на друга, и видит каждый, будто у другого нет на плечах головы. Так и стали они ходить по соседним домам, а люди там страх как напугались. Когда же хозяева, подав им пироги, сели за стол, они снова приняли свой обычный вид, и тут их узнали. А после этого они снова переменили образ, и оказались у

них самые настоящие ослиные головы и уши, и так они потешались до самой полночи, и тогда отправились каждый в свой дом, и в этот день кончили праздновать масленицу и пошли спать.

О ЧЕТВЕРТОМ ПРАЗДНОВАНИИ
МАСЛЕНИЦЫ В ЧЕТВЕРГ

Последняя вакханалия состоялась в четверг. Тогда как раз выпал большой снег. Доктор Фауст был зван к студентам, и они устроили ему добрую пирушку. Он стал показывать свое искусство и наколдовал тринадцать обезьян, которые явились в комнату и так чудно паясничали, как никто еще не видал. Они прыгали друг на друга, затем взялись за лапы и стали плясать вокруг стола хороводом, а потом выскочили в окно и пропали. Подали Фаусту жареную телячью голову, когда же один из студентов хотел ее разрезать, она стала кричать человеческим голосом: «Караул! На помощь! Ох, что ты меня тащишь!» Они очень испугались, а потом стало им смешно, и съели они эту телячью голову. Между тем Фауст пошел домой, пообещав еще раз вернуться. В скором времени при помощи своего волшебства снарядил он сани. Сделаны они были наподобие дракона, на его голове сидел сам доктор Фауст, а в середине студенты; на хвосте же уселись четыре волшебных обезьяны, они весело паясничали, одна из них дудела в дуду, а сани бежали сами собой, куда они только ни хотели. Так продолжалось до самой полночи, с таким шумом и треском, что один не слышал другого, а студентам казалось, будто несутся они по воздуху.

КАК ФАУСТ В ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ
ВЫЗВАЛ ЗАКЛИНАНИЯМИ ЕЛЕНУ

В Фомино воскресенье явились опять упомянутые студенты неожиданно к Фаусту на ужин и, как любезные гости, захватили с собой еду и питье. Когда же дело дошло до вина, заговорили за столом о красивых женщинах, и тут один из них сказал, что он ни одну женщину не желал бы так увидеть, как Прекрасную Елену из Греции, из-за которой погиб славный город Троя. Хороша, должно быть, она была, раз ее похитили у мужа и из-за этого поднялась такая перепалка. На что доктор Фауст ответил: «Раз уж вы так жаждете увидеть прекрасный образ царицы Елены, Менелаевой супруги и дочери Тиндара и Леды, сестры Кастора и Поллукса (той, что будто была красивее всех в Греции), то я ее вам представлю, чтобы вы собственными глазами узрели ее дух в той оболочке и в том образе, как она была при жизни, подобно тому как я сделал по желанию императора Карла Пятого, показав ему Александра Великого и его супругу». Потом Фауст наказал, чтобы ни один из них не смел говорить, и не вставал из-за стола, и не позволил себе приветствовать ее, — и вышел вон из комнаты. Когда же он снова вернулся, царица Елена следовала за ним по пятам, и была она так дивно хороша собой, что студенты не знали, в уме ли они или нет, так они смутились и воспламенились. Явилась эта Елена в драгоценном черном платье из пурпура, волосы у нее были распущены, они чудно, прекрасно блестели, как золото, такие длинные, что падали ей до самых колен. Были у нее черные как уголь глаза, пригожее лицо, круглая головка, губы красные, как вишни, маленький рот, шея как у белого лебедя, красные щечки, как розочки, необыкновенно красивое светлое лицо, и сама она была высокая, стройная, статная, так что нельзя было в ней найти

никакого изъяна. Оглядела она всех в комнате с таким дерзким и лукавым видом, что студенты распалились к ней любовью, но так как они считали ее за духа, то пыл у них скоро остыл; Елена же тем временем вместе с Фаустом вышла из комнаты. Когда студенты все это увидели, стали они просить доктора Фауста, чтобы он был так любезен и назавтра снова ее позвал, тогда они приведут с собой живописца, чтобы написать с нее портрет, но Фауст это отклонил и сказал, что он не всегда может тревожить ее дух. Но портрет ее он обещался доставить, чтобы студенты смогли заказать с него копию, как это впоследствии и случилось. Художники же разослали его в самые дальние края, потому что очень уж прекрасен был облик этой женщины. Но кто написал эту картину Фаусту, не могли дознаться.

А студенты, ложась в постель, не могли заснуть от этого лица и образа, который они увидели воочию. Отсюда следует, что дьявол часто воспаляет и ослепляет людей любовью, так что они погрязают в непотребной жизни, откуда вновь нелегко выбраться.

50

ОБ ОДНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ,
ОТ КОТОРОЙ У НЕКОЕГО КРЕСТЬЯНИНА
ВЗЛЕТЕЛИ НА ВОЗДУХ
ЧЕТЫРЕ КОЛЕСА ЕГО ТЕЛЕГИ

Позвали доктора Фауста в город Брауншвейг к одному маршалку, у которого была сухотка, чтобы он оказал ему помощь. А у доктора Фауста был обычай, что он ни верхом, ни в повозке, а только пешком являлся туда, куда его звали. Когда он подходил уже к самому городу и завидел перед собой город, встретился ему крестьянин с четырьмя лошадьми и пустой повозкой. Доктор Фауст обратился к этому крестьянину с добрыми словами, чтобы он пустил его сесть и довез до

городских ворот, а ему этот грубиян отказал, говоря, что он и так прекрасно дойдет. Между тем доктор Фауст не взаправду его попросил, он только хотел испытать его, окажет ли тот ему одолжение. Но за такое бессердечие, обычное у мужиков, отплатил ему доктор Фауст полноценной монетой. Он сказал ему: «Ты — грубиян и грязный невежа, и раз ты поступил со мною так жестоко, как, без сомнения, и с другими поступаешь и уже поступал, так у меня поплатишься за такие дела и все свои четыре колеса найдешь у разных ворот».

Тут подскочили колеса на воздух так, что каждое колесо надо было искать у других ворот, а где — никто не заметил. И кони его повалились и остались недвижимы. Крестьянин сильно испугался и решил, что это особая ему кара Божья за его поведение. Опечалившись и проливая слезы, преклонив колена и простирая руки, стал он просить Фауста о прощении и признал, что он вполне достоин этой кары, которая в другой раз послужит ему уроком, чтобы не чинить такого вероломства. На это Фауст, видя его смирение, сжалился над ним и ответил: пусть ни с кем больше он так не поступает, ибо нет ничего постыднее, чем жестокосердие и вероломство, когда еще и гордыня сюда замешается; но пусть возьмет он теперь ком земли и бросит его в лошадей; они оживут и поздоровеют, что и случилось. После того говорит он крестьянину: «Твое вероломство я не могу оставить вовсе без наказания, и отплатится тебе полной мерой за то, что показалось столь тяжким делом посадить человека на пустую телегу. За это, гляди, твои колеса лежат у города, у четырех ворот, там ты их и найдешь». Отправился туда крестьянин и нашел их, как ему доктор Фауст и предсказал, с превеликим трудом и стараниями, промешкав время, нужное ему для устройства своих дел. Так его жестокосердие на него самого и обратилось.

О ЧЕТЫРЕХ ВОЛШЕБНИКАХ,
КОТОРЫЕ РУБИЛИ ДРУГ ДРУГУ ГОЛОВЫ
И СНОВА НАСАЖИВАЛИ, ПРИЧЕМ И ДОКТОР
ФАУСТ ТО ЖЕ САМОЕ СДЕЛАЛ

Доктор Фауст явился во время поста во Франкфурт на ярмарку, и рассказал ему дух его Мефостофиль, что в одной харчевне в еврейском квартале живут четыре колдуна. Они отрубают друг другу головы и посылают их к цирюльнику, чтобы он их побрил, и это многие люди видели. Это раздосадовало Фауста, который думал, что только ему одному сам черт не брат, и отправился он туда, чтобы тоже посмотреть на это дело.

Они, колдуны эти, уже собрались у себя, чтобы рубить головы, а с ними был цирюльник, он должен был их мыть и стричь. На столе стоял у них стеклянный сосуд с дистиллированной водой. Тут один из них, самый важный чародей, который был у них за палача, уже наколдовал, чтобы в сосуде с водой расцвела лилия, и нарек ее корнем жизни, после чего обезглавил он первого, и отдал побрить его голову, и снова насадил ее обратно на шею; тотчас же лилия исчезла, и приросла голова на свое место. И так же сделал он второму и третьему. Как только их лилии появлялись в воде, их головы брили и сажали на место. Когда же дело дошло до главного чародея и палача и его лилия также распустилась и зазеленела в воде, ему срубили голову. И произошло так, что его стригли и брили в присутствии Фауста, а Фауста такое озорство за самое сердце задело и раздосадовало высокомерие главаря чародеев, когда тот дерзко, смеясь и богохульствуя, дал себе отрубить голову. Тут идет доктор Фауст к столу, где стоял сосуд с лилией, берет нож, замахивается на цветок и перерезает стебель пополам, так что никто этого не видел. Когда же заметили колдуны беду, превратилось все их искусство в ничто, и уж не могли они прирастить своему товарищу голову. И злодей

этот должен был умереть в грехах и погибнуть, чем обычно и платит дьявол всем, кто ему служит, и так он с ними разделяется. И никто не знал из чародеев, как это все случилось со срезанным стеблем, и не могли догадаться, что это сделал доктор Фауст.

52

ОБ ОДНОМ СТАРЦЕ,
КОТОРЫЙ ХОТЕЛ
ОТГОВОРИТЬ И ОТВРАТИТЬ ФАУСТА
ОТ ЕГО БЕЗБОЖНОЙ ЖИЗНИ,
И О НЕБЛАГОДАРНОСТИ, КОТОРУЮ ОН
СНИСКАЛ В ОТВЕТ

Один христианнейший, набожный, богобоязненный врач и почитатель Священного писания, бывший в то же время соседом доктора Фауста, увидел, что много студентов не выходят из дома доктора Фауста и постоянно обретаются там, где вместо Господа с его светлыми ангелами поселился дьявол с его присными. И вот порешил он отговорить доктора Фауста от его дьявольского, безбожного поведения и образа жизни. С этой целью, из одного только христианского рвения, пригласил он его в свой дом. Фауст к нему явился, и за трапезой старик обратился к Фаусту с такими словами: «Любезнейший господин мой и сосед, есть у меня до вас дружеская, христианнейшая просьба, не примите же мое искреннее к вам обращение во зло и не побрезгуйте моим скудным угощением, но примите благосклонно, как это нам Господь велит со смирением принимать».

На это Фауст стал его просить, чтобы он открыл ему свое желание, и он исполнит просьбу его с охотой. Тут его благожелатель начал так: «Любезнейший господин мой и сосед. Вам ведомо, что вы за дело затеяли, что вы от Бога отреклись и от всех святых, и предались дьяволу, и тем самым заслужили величайший гнев и немилость Божию, и из доброго христианина стали настоящим еретиком и дьяволом? Ах, к чему стремитесь вы

душой? Не о теле одном, но о душе надо подумать, а не то ждет вас вечная мука и немилость Божия. Время еще не ушло, государь мой, если вы только вновь обратитесь на путь истинный, то испросите у Господа себе милости и прощения, как этому видите вы пример в Деяниях апостолов в гл. 8 о Симоне из Самарии, который тоже много людей совратил, ибо многие почитали его за Бога, давая ему такие имена, как Сила Господня или *Simon Deus sanctus*;¹ однако и этот обратился после того, как услышал проповедь святого Филиппа, дал себя окрестить, уверовал в Господа нашего Иисуса Христа и с тех самых пор постоянно держался Филиппа, и это особенно прославляется в Деяниях апостолов. Итак, государь мой, пусть и моя проповедь понравится вам и будет сердечным христианнейшим напоминанием. Надо обрести раскаяние, милость и прощение, тому вы имеете много прекрасных примеров, как было с разбойником, со святым Петром, Матфеем или Магдалиной: ведь ко всем грешникам обращается Господь наш Христос: «Придите ко мне все страждущие и обремененные, и Я успокою вас». И у пророка Иезекииля: «Я не желаю смерти грешника, но чтобы он обратился и жил, ибо не укоротилась его рука, чтобы оказать помощь ближнему». Вот об этой просьбе прошу я, государь мой, допустите ее до вашего сердца и испросите себе у Господа прощения, ради Христа, отказавшись от вашего злого намерения, ибо волшебство противно закону Божию, который и в Ветхом и Новом завете равно строго это запрещает, ибо он говорит: «Не должно их оставлять в живых и не должно с ними общаться, ни к ним приближаться, ибо это мерзость перед Богом». И также называет святой Павел Бар Иеху или Елимаса-волшебника исчадьем дьявола, врагом всего праведного и что они не придут в царствие Божие».

Доктор Фауст прилежно ему внимал, и

¹ Симон, Бог святой (*лат.*).

Дьявол
не теряет
времени.

сказал, что это поучение ему понравилось, и поблагодарил за него старца, за его доброе намерение, и пообещался следовать ему сколь возможно, с этим и распрощался. Когда он пришел домой, стал он прилежно обдумывать это поучение и увещание и размышлять о том, что он себе на душу взял, когда предался проклятому черту. Захотел он покаяться и расторгнуть свой договор с дьяволом. Посреди таких мыслей является ему его дух, хватает его, будто хочет ему голову свернуть, и укоряет его, говоря, что предался он дьяволу по собственной дерзости. К тому же он обещался быть врагом Богу и всем людям. Ежели он этого обещания выполнять не захочет, послушается старого хитреца и станет любить людей и Бога, то пусть знает, что уже поздно, что он принадлежит дьяволу, который имеет достаточную власть, чтобы забрать его, на что теперь есть приказ, и по этой причине сейчас он его и порешит, или Фауст должен сейчас же сесть и снова расписаться своею собственной кровью и обещать, что ни одному человеку более не даст он себя уговорить и совратить, и на этот счет он должен сейчас же объявить, исполнит ли это все или нет. Если же нет, то дух разорвет его на куски.

Доктор Фауст, очень испугавшись, соглашается с ним снова во всем, садится и пишет своею кровью, как следует ниже, и это письмо было найдено после его смерти.

53

ВТОРОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ДОКТОРА ФАУСТА,
КОТОРОЕ ОН ДАЛ СВОЕМУ ДУХУ

«Я, доктор Фауст, заверяю собственноручно своею кровью, что я этот мой первый документ и договор в течение семнадцати лет крепко и верно выполнял, был враждебен Богу и всем людям. Сим отдаю я душу и тело и вручаю их могущественному богу Люци-

Спаси
нас,
всемогущий
Господь.

феру, так что может он, когда пройдут еще семь лет с этого времени, поступить со мною как захочет. Вместе с тем обещается он не продлевать и не сокращать мою жизнь и не причинять мне мучений, будь то при смерти или в аду. С этим я снова обещаю, что не буду я повиноваться никому из людей, никаким увещаниям, поучениям, уговорам, наставлениям и угрозам, будет ли это касаться Священного писания, мирских или духовных дел; особливо же не буду покоряться духовным наставникам, ни следовать их учению. Обязуюсь слово свое держать крепко и верно, согласно этому моему договору, который я для вящей силы подписал своею собственной кровью. Писано в Виттенберге» и т. д.

Si Diabolus esset
mendax et
homicida¹

После этого окаянного и безбожного договора дух тот так возненавидел этого доброго старца, что захотел лишить его жизни, но тот христианской молитвой и поведением нанес проклятому врагу такой удар, что он не смог к нему приблизиться. Случилось это ровно через два дня, когда благочестивый муж ложился в постель, услышал он в своем доме сильный грохот, какого прежде никогда не слыхивал, кто-то является к нему в комнату, хрюкает, как свинья, и так продолжалось долгое время. Тогда начал старец поносить злого духа и говорит: «Вот так мужицкая музыка, точь-в-точь пение ангела, который и двух дней не мог пробыть в раю, по чужим домам таскается, а в своем ужиться не мог!» Такими насмешками отогнал он злого духа.

Доктор Фауст спросил, как он поступил со старцем, а дух ответил, что так и не мог к нему приблизиться, потому что у него было оружие. Это он сказал о молитве. Да притом он еще духа высмеял, чего духи или черти не терпят, особенно же когда их укоряют грехопадением.

Итак, хранит Господь всех набожных, преданных Богу христиан против злого духа.

¹ Если бы дьявол не был лжецом и убийцей (лат.).

О ДВУХ МОЛОДЫХ ЛЮДЯХ, КОТОРЫХ
ФАУСТ СВЕЛ НА СЕМНАДЦАТОМ ГОДУ
СВОЕГО ДОГОВОРА

В Виттенберге жил один студент, знатный, из дворян, по имени Н. Н. Прилепился он своим сердцем и взорами к одной девушке, которая тоже была из благородного рода и чрезвычайно хороша собой. Много за нее сваталось, в том числе и один молодой барон, только она им всем давала отказ, а особенно не жаловала вышесказанного дворянина. А тот приходился доктору Фаусту добрым приятелем, частенько у него в доме пил и едал, и вот этого дворянского сына так сразила любовь, что он спал с тела и заболел. Узнал доктор Фауст, что этот дворянский сын лежит тяжело больной, и спросил о том своего духа Мефостофиля, что с ним приключилось. Тот ему открыл все причины и обстоятельства. Тогда доктор Фауст посетил дворянина и открыл ему все обстоятельства его болезни, чему тот был удивлен. Доктор Фауст утешил его: пусть он не печалится так сильно, он ему окажет помощь, чтобы эта девушка ни с кем другим, кроме него, не соединилась. Так оно и случилось. Доктор Фауст до того смутил девичье сердце своим волшебством, что она ни на одного другого мужчину или юношу больше смотреть не желала (хотя за нее сваталось много знатных и богатых женихов из дворян).

Вскоре после того велит Фауст этому дворянину, чтобы тот понаряднее оделся, он с ним пойдет к девице, которая вместе с другими девицами сидит в саду. Когда начнут танцевать, он должен пойти с ней. И дает ему Фауст кольцо: когда он будет с ней танцевать, пусть наденет это кольцо на палец, и, после этого, только он ее пальцем тронет, повернется ее сердце к нему и ни к кому более. Только пусть он ничего ей не говорит о свадьбе, она ему сама об этом скажет.

Берет он тогда дистиллированную воду, умывает ею дворянина, который тотчас же стал необыкновенно хорош лицом, и идут они вдвоем в сад. Дворянин все сделал, как ему приказал доктор Фауст, танцует с девицей, касается ее, и с той минуты склонились ее сердце и любовь к нему. Пронзили эту добрую девицу купидоновы стрелы, всю ночь не имела она в постели покою, так много думала о нем. Рано утром посылает она за ним, открывает ему свою любовь и сердце, хочет вступить с ним в брак, к чему пылкая любовь и его побудила. Вскоре после этого сыграли они свадьбу, а доктору Фаусту оказали много почета.

55

О РАЗЛИЧНЫХ РАСТЕНИЯХ, КОТОРЫЕ
ЗИМОЙ НА РОЖДЕСТВЕ ВЫРОСЛИ В САДУ
У ФАУСТА НА ДЕВЯТНАДЦАТОМ ГОДУ

В декабре на Рождество Христово съехалось в Виттенберг много девушек, дворянских дочерей, навестить своих братьев, которые учились в Виттенберге и водили дружбу с Фаустом. И несколько раз они приглашали его к себе. Чтобы отплатить им тем же, пригласил он тех девушек и молодых людей к себе в свой дом на полдник. Когда они собрались, а на дворе лежал глубокий снег, тут-то и началось у Фауста в саду великолепное и превеселое зрелище. Ибо в саду его совсем не было снега, стояло прекрасное лето, все произрастало, и зеленела трава, цвели всевозможные цветы. Были здесь и виноградные лозы, увешанные гроздьями, были также красные, белые и чайные розы и другие прекрасные, ароматные цветы, так что любоваться ими и вдыхать их запах было превеликим удовольствием.

О ВОЙСКЕ, СОБРАВШЕМСЯ
ПРОТИВ БАРОНА, КОТОРОМУ ФАУСТ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЕ НАКОЛДОВАЛ
НА ГОЛОВЕ ОЛЕНЬИ РОГА,
НА ДЕВЯТНАДЦАТОМ ГОДУ

Поехал доктор Фауст в Эisleбен, как вдруг на полдороге видит он — семь коней к нему скачут, и узнал он их хозяина, это был тот барон, которому он, как выше было сказано, при императорском дворе наколдовал оленьи рога на голову. Тот дворянин тоже очень хорошо знал доктора Фауста, поэтому он велел своим слугам притаиться, что Фауст заметил и поскорее забрался от них на пригорок. Когда барон это увидел, приказал он скакать на Фауста во весь опор и похрабрее в него стрелять, и они пытались настигнуть его. Однако вскоре он снова пропал у них из глаз, сделав себя невидимым. Барон остался ждать на пригорке, не увидит ли он его опять, как вдруг снизу из лесу послышалось им, как заиграли трубы и литавры и загремели барабаны, и увидел он также, будто добрая сотня коней на него скачет. Тут он давай бог ноги. Но только собрался спуститься с горы, как выросло перед ним множество воинов в полном вооружении, готовых броситься на него. Пустился он по другой дороге, но и там увидел множество мчащихся навстречу всадников, от которых должен был снова броситься прочь. Но и тут он снова увидел вооруженный отряд, и так повторилось с ним раз пять или шесть, всякий раз, когда он кидался в ту или другую сторону. Когда он окончательно убедился, что ему не прорваться и что движутся на него, то поехал он прямо на войско, какая опасность ему оттуда ни грозила, и спросил, что за причина тому, что его со всех сторон окружили и теснят, но никто не стал ему отвечать. Наконец, когда он был совсем уже окружен, подъехал к нему Фауст и предложил ему сдаться; в противном случае ему не поздоровится. Барон подумал, что это настоящее

войско, готовое к бою, тогда как все это только Фауст наколдовал. Затем отобрал Фауст у противников ружья и мечи, взял их коней и дал им взамен других, заколдованных, и другие ружья и мечи, созданные волшебством, и так сказал барону, который Фауста не узнал: «Государь мой, начальник этого войска, приказал мне объявить вам, что вам надлежит уходить отсюда, потому что вы преследуете лицо, которое обратилось к нему за помощью».

Как только барон прибыл на постоянный двор и его слуги поехали с конями на водопой, тут пропали все кони, и слуги чуть не утонули. Так и пришлось им возвращаться домой пешком.

Увидел барон, что слуги обратно пешком тащатся, все замаранные и промокшие, и как только узнал причину, сейчас же понял, что все это Фауст наколдовал, как он с ним и раньше поступил, и все это сделал он в насмешку над ним и ему в поношение.

О БЛУДОДЕЙСТВЕ ДОКТОРА ФАУСТА
НА ДЕВЯТНАДЦАТОМ И ДВАДЦАТОМ ГОДУ

Когда доктор Фауст увидел, что срок его договора день ото дня подходит к концу, начал он вести свинскую и эпикурейскую жизнь и призвал к себе семь дьявольских суккубов, с которыми со всеми совокуплялся, и каждый из них являлся ему в другом женском образе, такой красы, что нельзя сказать. После этого ездил он во многие государства вместе со своим духом, желая видеть всех что ни на есть женщин. Семерых из них он совратил: двух нидерландок, одну венгерку, одну англичанку, двух швабок и одну французенку, которые были украшением своих стран. С этими дьявольскими женами предавался он непотрбству до самой своей кончины.

О КЛАДЕ, КОТОРЫЙ ДОКТОР ФАУСТ
НАШЕЛ НА ДВАДЦАТЬ ВТОРОМ ГОДУ

Для того чтобы не заставляя Фауста, своего наследника, ни в чем терпеть нужду, указал дух Мефостофиль Фаусту одну заброшенную старую часовню, которая находилась в полумиле от Виттенберга. В ней находился засыпанный погреб, там должен был Фауст копать и найти большой клад. Доктор Фауст послушно отправился туда, когда же он пришел на место, увидел он ужасного дракона огромной величины, лежащего на кладе, а клад сиял, как зажженный огонек. Доктор Фауст произнес заклинание, и дракон уполз в расщелину. Но когда он выкопал клад, то не нашел там ничего, кроме углей, и при этом видел и слышал много привидений. Принес доктор Фауст домой эти угли, и они тотчас же превратились в золото и серебро, которое, как сказывал его фамулус, было оценено в несколько тысяч гульденов.

О ЕЛЕНЕ ГРЕЧЕСКОЙ,
КОТОРАЯ ПОСЕЛИЛАСЬ У ФАУСТА
В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЕГО ЖИЗНИ

Для того чтобы разнуздались у несчастного Фауста плотские страсти, припомнил дух ему в полночь на двадцать третьем году договора Елену Греческую, которую он когда-то в Фомино воскресенье вызвал студентам. Потому стал он упрашивать на другой день своего духа привести ему Елену, чтобы взять ее в наложницы. Так оно и случилось, и эта Елена была точно в таком образе, как он ее вызывал к студентам, милая и прелестная на вид. Когда доктор Фауст это увидел, так она его сердце пленила, что стал он с ней грешить, и держал при себе как свою наложницу, и так ее полюбил, что ни на мгновенье не мог с ней

разлучиться. А в последний год она от него забеременела и родила ему сына, которому Фауст горячо радовался и дал ему имя Юстус Фаустус. Дитя это сообщало Фаусту о многом таком, что в будущем должно было случиться в различных странах. Когда же он затем лишился жизни, исчезли вместе и мать и ребенок.

Quaestio an
baptizatus
fuerit?¹

ТЕПЕРЬ СЛЕДУЕТ О ТОМ,
ЧТО ДОКТОР ФАУСТ ДЕЛАЛ В
ПОСЛЕДНИЙ ГОД СВОЕГО СРОКА СО
СВОИМ ДУХОМ И С ДРУГИМИ
И ЧТО ПРОИЗОШЛО В ДВАДЦАТЬ
ЧЕТВЕРТЫЙ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ,
ГОД ЕГО ДОГОВОРА

60

О ЗАВЕЩАНИИ ДОКТОРА ФАУСТА,
В КОТОРОМ ОН НАЗНАЧИЛ СВОЕГО СЛУГУ
ВАГНЕРА СВОИМ НАСЛЕДНИКОМ

С первых дней и до последнего, двадцать четвертого года своего договора воспитывал доктор Фауст одного юношу, который обучался в Виттенберге. Юноша этот видел все проделки господина своего, доктора Фауста, его волшебство и дьявольское искусство, да и помимо того был дурным, отпетым мальчишкой. Поначалу он отправился в Виттенберг побираться, и из-за его дурных повадок никто его брать не хотел. Этот Вагнер и стал фамулусом доктора Фауста, прилепился к нему, и так, что впоследствии доктор Фауст стал звать его своим сыном. Куда бы он ни ходил, Вагнер предавался разгулу вместе с ним.

Когда стало истекать его время, позвал Фауст к себе нотариуса и с ним нескольких магистров, которые у него часто бывали, и

¹ Вопрос: был ли он крещен? (лат.)

отказал своему фамулусу дом вместе с садом, расположенный рядом с домом Гансера и Фейта Родингера, что у Железных ворот на улице Шергассе близ городской стены. Далее он отказал ему 1600 гульденов оброчных платежей, крестьянское владение ценою в восемьсот гульденов, шестьсот гульденов наличными деньгами, золотую цепь стоимостью в триста крон, серебряную посуду, которую он похитил при дворах, главным образом из папского и турецкого дворца, стоимостью до тысячи гульденов, а сверх того из домашней утвари не особенно много, ибо он подолгу не проживал у себя в доме, но день и ночь напивался и обжирался в трактирах и у студентов. Таким образом было составлено и установлено его завещание.

61

ДОКТОР ФАУСТ БЕСЕДУЕТ
СО СВОИМ СЛУГОЙ О ЗАВЕЩАНИИ

Как только завещание было составлено, призывает он к себе своего слугу, говорит ему, как он о нем позаботился в завещании, за то, что он всю жизнь был ему привержен и тайности его никому не открывал. За это за все пусть он у Фауста еще чего-нибудь попросит, он его всем желаемым обеспечит. Тогда фамулус пожелал получить его меньше. На это Фауст ему отвечал:

«Что касается моих книг, то они были и раньше в твоём распоряжении, только ты не должен их обнародовать, но, для своей пользы, занимайся ими и изучай их прилежно. Во-вторых, ты желаешь получить мое умение, которое ты, разумеется, получишь, если будешь любить мои книги, не дашь себя совратить, но навсегда останешься при своих намерениях. Еще, — сказал доктор Фауст, — ввиду того, что мой дух Мефостофиль служить мне больше не обязан, по этой причине я не могу передать тебе его, но все же я хочу приставить к тебе другого духа, если ты того

желаешь». Вскоре затем, на третий день, снова призвал он своего фамулуса и напоминает ему, что он хотел иметь духа, так держится ли он еще этого намерения и в каком образе тот должен явиться. Тот отвечает: «Господин мой и отец, в образе обезьяны, такой же величины и формы». Тогда предстал перед ним дух в образе и обличии обезьяны, которая стала прыгать по комнате. Доктор Фауст сказал: «Смотри, теперь ты его видишь, но он будет тебе послушен только после моей смерти, когда уйдет от меня мой дух Мефостофиль и ты его больше не увидишь и когда ты подпишешь свое обязательство; и если захочешь, то будешь звать его Ауэрхан, ибо таково его имя. Сверх того я прошу тебя, чтобы ты не обнаруживал до моей смерти мое искусство, деяния и все, что было. Если же после того захочешь ты записать и изложить это все в виде истории, то твой дух Ауэрхан в этом тебе поможет. То, что ты забудешь, он тебе напомнит, ибо люди пожелают узнать от тебя мою историю».

62

КАК ДОКТОР ФАУСТ, В ТО ВРЕМЯ
КОГДА ОСТАВАЛСЯ У НЕГО ВСЕГО ОДИН
МЕСЯЦ СРОКА, ПОЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ
ПЛОХО, ТАК ЧТО ВСЕ СОКРУШАЛСЯ
И ВЗДЫХАЛ О СВОЕМ ДЬЯВОЛЬСКОМ ЖИТЬЕ

Срок для Фауста приближался быстро, как на песочных часах. Оставался впереди один только месяц, и с ним приходили к концу те двадцать четыре года, за которые он душою и телом предался черту, как было рассказано выше. Тут впервые почувствовал Фауст робость, и было ему как пойманному убийце или разбойнику, который, сидя в тюрьме, услышал свой приговор, и ждет его теперь смертная казнь. Он был в страхе, рыдал и разговаривал сам с собой, размахивая руками, охал и вздыхал, худел, редко или совсем не показывался людям на глаза, а духа своего не хотел видеть и терпеть у себя.

ЖАЛОБА ДОКТОРА ФАУСТА НА ТО,
ЧТО ОН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ В СВОИ
ЦВЕТУЩИЕ ДНИ И МОЛОДЫЕ ГОДЫ

Эта печаль побудила доктора Фауста записать свои сетования, для того чтобы не позабыть их. Вот одна из записанных им жалоб:

«Ах, Фауст, отчаянная ты и недостойная душа! Ибо ты соблазнился обществом тех, кто осуждены на адское пламя, когда ты прекрасно мог снискать блаженство, которое ты теперь утратил. Ах, рассудок мой и свободная воля, зачем упрекаете вы мое тело, которому уготовано похищение жизни! Ах вы, мои руки, ноги, и ты, еще здоровое тело, рассудок и душа, плачьте обо мне, ибо, обладая вами, я мог вами пренебречь или о вас позаботиться, а совершенствуя, я радовал бы вас! Ах, любовь и ненависть, почему вы одновременно в меня вселились, раз я должен из-за вас терпеть теперь такую муку? Ах, милосердие и отмщение, по какой причине уготовили вы мне такое возмездие и срам? О жестокость и сострадание, на то ли создан я человеком, чтобы терпеть наказание, которое я сам себе уготовил? Ах, ах, несчастный, есть ли еще что-нибудь на свете, что не поднялось бы на меня?

Ах, мои жалобы ничему не помогут».

ЕЩЕ ОДНА ЖАЛОБА ДОКТОРА ФАУСТА

«Ах, ах, ах, я несчастный человек! О горький, злосчастный Фауст, ты причтен к лику осужденных, где тебя ожидают невероятные смертные муки, куда более ужасные, чем все, что пришлось когда-либо вытерпеть страдающему существу! Увы, увы, мой рассудок, задор, дерзость и своеволие! О, проклятая, неверная жизнь! О ты, слепой и неосторож-

ный, ибо тело и душу свою ты лишил зрения, и теперь они не видят! О, быстротечное наслаждение, в какие тягости вовлекло ты меня, затемнив и ослепив мои очи! Увы, мой слабый дух, моя омраченная душа, какой ждет тебя приговор? О, прискорбное бедствие, о, обманутая надежда, кто помышлял о тебе? О, горькое горе, беда бедучая! Увы и ах! Кто спасет меня? Где мне укрыться? Куда заползти мне? Куда бежать? Вижу: куда ни подамся — я пойман».

Тут бедный Фауст так опечалился, что не мог более говорить.

65

КАК ЗЛОЙ ДУХ ДОНИМАЛ
ОПЕЧАЛЕННОГО ФАУСТА НАСМЕШЛИВЫМИ РЕЧАМИ
И ДИКОВИННЫМИ ПРИСКАЗКАМИ

Услышав эти жалобы, явился Фаусту его дух Мефостофиль, приступил к нему и сказал: «Было тебе из Святого писания известно, что ты должен поклоняться единому только Богу, служить ему и рядом с ним не иметь других богов, ни одесную его, ни ошую, а ты этого не сделал, но испытывал своего Бога, отрекся, отступился от него и нам прозакладывал свою душу и тело; потому и должен ты теперь предъявить свой заклад.

Заметь же мои стихи:

Знаешь что — молчи,
По-пустому слов не мечи.
Что имеешь, держи под замком:
Беда сама идет в дом.
Потому молчи, терпи и крепись,
Таись и горем ни с кем не делись.
Поздно, поздно Господа звать,
Горе растет — его не унять.

Потому-то, мой Фауст, не годится с чертями и с большими господами вишни есть: они плюют тебе кости прямо в лицо, как ты теперь видишь. По этой причине стоило бы

тебе быть отсюда за тридевять земель, только твоя упрямая лошадка сбросила тебя, ты презрел дар, которым тебя взыскал Господь, не удовольствовался им, но зазвал к себе черта. Двадцать четыре года тому назад ты думал — все золото, что блестит, что тебе черт наговаривает. Вот черт и привязал бубенчик коту на шею.

Подумай, каким прекрасным ты был тво-
реньем! Но сорви розу — она увянет. Кто тебя хлебом кормит, тому ты и подпеваешь. Дождись только Страстной пятницы, там и Пасха сама придет. Что ты накликал, не вдруг пришло — а ведь жареная колбаса о двух концах. Плохо с чертом идти через лед. Плохо ты начал, дурное начало — дурной конец. Наигралась кошка с мышью. Как аукнется, так и откликнется. Покуда половник новехонек, мешает им повар в котле, а как состарится — нагадит в него, вот и вся недолга. Не так ли и тебе пришлось, мой Фауст? Раньше был ты у черта новым половником, а нынче он тобой брезгует. Базар цену скажет и всякого торговать научит. Снабдил тебя Бог припасами, а тебе их мало показалось.

И еще, Фауст, велика была твоя дерзость, во всех твоих делах и поступках был ты другом черту, так теперь будь готов: ибо Господь — наш владыка, а черт только поп или монах. Хотел, чтобы только о тебе говорили, — дураков надо учить дубиной. А спесь да чванство к добру не ведут: кто многого алчет, мало получит. Любишь кататься, люби и саночки возить. Пусть же моя проповедь и поучение дойдут до твоей совести, хоть она и совсем у тебя потерялась. Не пристало тебе так доверяться дьяволу, коль скоро он Господу пересмешник, лжец и разбойник. Надо бы тебе умнее быть. За смехом идут слезы. Конец человеку приходит скоро, а учить его надо долго. Хочешь взять черта на постой — нужно прежде самому хозяину ума набраться. Сафьяновые башмаки надел и думаешь, что мастер плясать? Почитал бы ты

Господа за те дары, что он тебе дал, не пришлось бы тебе плясать в этом хороводе и не поверил бы ты черту так поспешно: кто легко верит, того и обманут. А теперь дьявол утрется да и пойдет — проиграл ты заклад, а прозакладывал свою кровь. Должны тебе снять голову, а ты думаешь в одно ухо впустить — в другое выпустить».

Предсказал дух Фаусту злосчастную его судьбу и исчез, оставив Фауста в полном смущении и меланхолии.

66

ЖАЛОБА ДОКТОРА ФАУСТА
НА ПРЕИСПОДНЮЮ И ЕЕ НЕСКАЗАННЫЕ
МУКИ И ТЕРЗАНИЯ

«О я, бедный грешник, зачем я не скот, что умирает и не имеет души! Тогда бы мне нечего больше было бояться. Теперь же дьявол забрет мое тело и душу и ввергнет меня в несказанный мрак терзаний, ибо в то время, как другие души радуются и веселятся, мое и грешников достояние — непостижимый ужас, зловоние, препоны, позор, трепет, уныние, муки, тоска смертная, плач, завывание и скрежет зубовный. Все создания и твари Божии против нас, и мы должны перед лицом святых нести бремя поношения навеки. Вспоминается мне, как некогда спрашивал я духа о каре Божией. Он мне сказал тогда: большое различие существует между осужденными, ибо неравны их грехи. И дальше сказал: все равно как мякина, дерево и железо сгорают в огне, только одно легче и скорей, чем другое, так горят и осужденные в огне и пламени.

Ах, вечное осуждение, от гнева Господня ты воспламенилось и полно такого огня и жара, что уж нет нужды тебя раздуть!

Ах, к каким печалям, горестям и страданиям нужно приготовиться со слезами на глазах и скрежетом зубовным, удушьем в горле, стенаньями в голосе, шумом оглушающим, трепетом рук и ног! Ах, охотно лишился бы я

неба, лишь бы избегнуть вечных мук! Ах, кто избавит меня теперь от несказанного пламени преисподней? Ибо нет помощи, ибо рыдания о грехах бесполезны. Нет покою ни ночью, ни днем. Кто же спасет меня, несчастного? Где мое прибежище? Где мой щит, помощь и спасение? Где моя крепость и оплот? Чем мне утешиться? Не святителями Божьими, ибо я стыжусь к ним воззвать и не услышу ответа, но лучше мне закрыть лицо свое, чтобы не видеть ликования избранных.

Что же я жалуясь, раз помощь ко мне не придет, раз я не услышу утешения? Аминь, аминь, я сам это себе избрал и терплю теперь осмеяние себе в ущерб».

67

ТЕПЕРЬ СЛЕДУЕТ РАССКАЗ ОБ УЖАСНОЙ,
УСТРАШАЮЩЕЙ КОНЧИНЕ ДОКТОРА ФАУСТА,
КОТОРАЯ ПУСТЬ ПОСЛУЖИТ ЗЕРКАЛОМ
И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕМ
ДЛЯ КАЖДОГО ХРИСТИАНИНА

Истекли 24 года, отпущенные доктору Фаусту, и на той же неделе явился ему дух, передал ему долговое письмо, или обязательство, и сообщил ему вместе с тем, что в следующую ночь возьмет дьявол его тело: пусть он имеет это в виду! Всю ночь доктор Фауст плакал и сокрушался, так что дух в эту ночь снова ему явился и сказал: «Мой Фауст, не будь таким малодушным, как будто ты уже сейчас расстаешься со своим телом. До этого еще далеко, пока твоя участь свершится, должен же ты умереть, хотя бы и жил несколько сот лет. Ведь должны умереть турки, евреи и другие нехристианские цари, и они также осуждены и прокляты, и к тому же ты не знаешь, что тебе предназначено. Ободришь, не унывай так сильно. Ведь обещал же дьявол дать тебе стальное тело и душу, чтобы ты не страдал, как другие грешники». Так и еще многожды утешал он Фауста, только лживо и в противоречии со Священным писанием. Доктор

Фауст, который знал только, что договор или соглашение он должен оплатить собственной кожей, в тот самый день, когда дух ему сообщил, что дьявол явится за ним, отправился к своим задушевным друзьям магистрам, бакалаврам и другим студентам, прежде часто его посещавшим, просить их, чтобы они отправились с ним на прогулку в село Римлих, в полуверсте от Виттенберга, и поели там вместе с ним, что они ему и обещали. И отправились они все туда и закусили там поутру, насладившись множеством превосходных яств и вин, которые хозяин им подносил. Доктор Фауст был с ними приветлив, но нелегко было у него на сердце. Снова просит он всех их быть к нему благосклонными и отужинать вместе и провести с ним эту ночь; он должен им сообщить нечто важное. Они и на это согласились и сели за ужин вместе. Когда же была выпита последняя чара на сон грядущий, заплатил доктор Фауст хозяину и попросил студентов, чтобы они перешли с ним в другую комнату, он хочет им нечто сказать. Так они и сделали. А доктор Фауст сказал им следующее.

ORATIO FAUSTI AD STUDIOSON¹

«Любезные мои друзья и милостивые господа! Пригласил я вас затем, что вот уже много лет знаете вы, что я человек, во многих искусствах и волшебствах искушенный, а произошли они не от кого иного, как от дьявола. И на это дьявольское дело подвигло меня не что иное, как дурное общество, а еще моя презренная плоть и кровь, мой закоснелый и безбожный ум и легкомысленные бесовские помыслы, которые я питал, за что пришлось мне обещать дьяволу отдать ему тело и душу по истечении двадцати четырех лет. Ну вот, срок этот приходит к концу в эту ночь, и часы,

¹ Речь Фауста к студентам (лат.).

стоящие перед моими глазами, указывают, что скоро наступит мгновенье, когда он забрет меня в эту ночь. Ибо дорогой ценой обязался я ему во второй раз и отказал ему тело и душу, подписавшись собственной кровью. Поэтому-то я и созвал вас, любезные мои друзья и милостивые господа, к себе перед кончиной, чтобы осушить вместе поминальную чару и чтобы погибель моя не осталась от вас утаенной. Затем прошу я вас, мои любезные братья и господа, передайте от меня сердечный и братский привет всем моим близким и всем, кто относится ко мне с приязнью, чтобы не поминали бы меня лихом; если же я вас когда-либо обидел, простите мне великодушно. Что же касается тех удивительных дел, которые я совершал в течение этих двадцати четырех лет, то после вы все это найдете записанным, и пусть мой ужасный конец послужит вам напоминанием и предостережением в вашей жизни: имейте же всегда перед очами Господа и молитесь ему, чтобы он защитил и сохранил вас от козней лукавого и не вводил вас во искушение; чтобы были вы привержены к нему, не отступались бы от него, как я, безбожный и окаянный человек, ибо я презрел его и отрекся от таинства святого крещения, от самого Бога, от всего небесного воинства и от людей, отрекся от Господа, который не хочет гибели ни единого из людей.

Чертовы
братья.

Не допускайте же, чтобы общество дурных людей сбивало вас с пути, как это произошло и имело место со мной. Посещайте прилежно и усердно церковь, боритесь с дьяволом и побеждайте его твердой верой в Христа и благочестивым поведением.

Напоследок и в заключение моя к вам дружеская просьба: отправляйтесь вы в постель, спите с миром и не тревожьтесь, даже в том случае, если услышите в доме грохот и шум. Не бойтесь, с вами ничего не случится. С постели не вставайте, а когда найдете мое бездыханное тело, предайте его земле. Ибо я

умираю как дурной и как добрый христианин: как добрый христианин, ибо я покаяться и в сердце своем прошу о прощении, чтобы спасти этим, быть может, свою душу; как дурной христианин, ибо я знаю, что дьявол хочет взять мое тело, и я готов охотно оставить ему это тело, лишь бы он оставил в покое мою душу. Затем прошу вас ложиться в постель и желаю вам доброй ночи, мне же предстоит недобрая, тяжелая и ужасная».

Это сообщение и этот рассказ доктор Фауст произнес с душевной твердостью, чтобы они не испугались, не оробели, не пали духом. Студенты же чрезвычайно изумились, что он был таким отчаянным и что решился он ради плутовства, дерзости и колдовского искусства на дело, столь опасное для тела и души. Они душевно огорчились, ибо любили его, и сказали: «Ах, господин наш Фауст, в чем вы признались, зачем так долго молчали и не открывались нам? Ученые богословы помогли бы нам спасти и вызволить вас из сетей дьявола, а теперь уже слишком поздно и погибельно для вашего тела и души».

Доктор Фауст отвечал, что не смел этого сделать, хотя часто имел желание обратиться к благочестивым людям за советом и помощью. «И сосед мой, — сказал он, — говорил мне, чтобы я последовал его наставлению, отказался от колдовства и обратился к Богу; когда же я захотел это сделать, явился дьявол и хотел схватить меня и унести, как он это сделает сегодня, и сказал: как только я обращусь к Богу, он меня dokonает». И, услыша это от Фауста, они ему сказали: раз уже ничего другого не предвидится, пусть призовет он Господа, пусть именем его любимого сына Иисуса Христа молит о прощении и возгласит: «О Господи, помилуй меня, бедного грешника, суди меня судом своим! Хоть я и должен оставить дьяволу свое тело, быть может, ты убережешь мою душу». Может быть, Господь сотворит что-либо. Он же отвечал им, что он уже пытался молиться, но

молитва нейдет у него с языка, как у Каина, который тоже говорил: грехи его превышают меру того, что может ему проститься. Так и он всегда думал, что превысил он меру своим договором. Эти студенты и добрые господа благословили Фауста, и они, плача, обняли друг друга. Доктор Фауст остался в комнате, а они отправились в постель, но никто из них не мог уснуть, потому что хотели слышать, чем это кончится.

И случилось это между двенадцатью и часом ночи, поднялся вокруг дома неистовый ветер, охватил его со всех сторон, так что казалось, что рушится все и самый дом будет вырван из земли. Тут студенты оробели, повскакали с кроватей, стали друг друга утешать, не смеют выйти из комнаты, а хозяин сбежал из своего дома в другой. Студенты лежали поблизости от той каморки, где находился доктор Фауст. Они слышали страшное шипение и свист, будто дом был полон змей, гадюк и других вредоносных гадов. Тут дверь в комнату доктора Фауста распахнулась, и стал он кричать о помощи, но только вполголоса, и вскоре уж больше не стало его слышно. Когда же настал день и студенты, которые всю ночь не могли заснуть, вошли в комнату, где находился Фауст, они не увидели его больше. Вся комната была забрызгана кровью, и мозг прилип к стене, будто черти бросали его от одной стены к другой. Да еще лежали глаза и несколько зубов: жуткое и ужасающее зрелище! Тут начали студенты плакать и причитать над ним, искали его повсюду и наконец нашли его тело за домом на навозной куче. Страшно было на него взглянуть, так изуродованы были его лицо и все части тела.

Упомянутые магистры и студенты, присутствовавшие при смерти Фауста, добились того, что его похоронили в той же деревне, после чего они вернулись в Виттенберг, в жилище доктора Фауста, где разыскали его фамулуса Вагнера, который захворал из-за своего господина. Они нашли также написан-

ной эту историю о докторе Фаусте, составленную им самим, как выше было сказано, целиком, кроме его кончины, которая была добавлена указанными студентами и магистрами. И из того, что написал его фамулус, тоже получилась новая книга. Равным образом в тот же день заколдованная Елена вместе со своим сыном не оказалась на месте, но исчезла. С той поры в его доме было так жутко, что никто не мог там жить. Доктор Фауст явился также своему фамулусу ночью, как при жизни, и открыл ему много тайностей. И те, кто шли ночью мимо, видели, как он выглядывал из окна.

Так кончается вся эта правдивая история и волшебство доктора Фауста, из чего следует поучение каждому христианину, особенно же тем, у кого спесивые, гордые, высокомерные и упрямые мысли и голова, чтобы они боялись Господа, избегали колдовства, заклинаний и других бесовских дел, которые Господь нам строго запретил, не зазывали бы черта к себе в гости, не давали бы ему воли, как это сделал Фауст. Ибо здесь нам представлен страшный пример его договора и гибели, чтобы уберечь нас в любви к одному только Богу, чтобы на него мы взирали, ему одному служили и молились от всей души и всего сердца, всеми своими силами, а от дьявола и всех иже с ним отреклись и вместе с Христом получили вечное блаженство. Аминь, аминь! Этого я желаю каждому из вас от всего сердца. Аминь!

1 Послан. Петра, 5

Бодрствуйте и бдите, ибо дьявол, ваш супостат, бродит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противоборствуйте ему твердо верою.

КОММЕНТАРИИ

НЕМЕЦКИЕ ПРОЗАИЧЕСКИЕ ШВАНКИ

Перевод шванков выполнен по книге: *Deutsche Schwänke in einem Band*. Aufbau-Verlag Berlin u. Weimar, 1977. Используются также издания шванков на ранневерхненемецком — см. ниже.

ИОГАННЕС ПАУЛИ. В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

Использовано изд.: Schimpf und Ernst von Johannes Pauli, hg. von H. Österley. Stuttgart, 1866. Представлены шванки (по порядку): 4, 5, 9, 10, 13, 15, 18, 20, 24, 29, 35, 39, 41, 42, 44, 52, 58, 59, 74, 81, 84, 109, 114—116, 133, 135, 137, 143—145, 158, 176, 190, 191, 201, 209, 225, 233, 236, 237, 243, 249, 224, 344, 347, 351, 354, 356, 359, 364, 382, 393, 395, 397, 407, 408, 411, 416, 423, 431, 432, 434, 435, 438, 472—474, 489, 490, 507, 508, 513, 514, 587, 601, 607, 618, 632, 643, 649, 653, 677.

Иоганнес Паули (ок. 1455— после 1530) родился в Эльзасе, был магистром свободных искусств в Страсбурге, вступил затем в орден францисканцев и уже в 1479 г. читал проповеди в одном из эльзасских монастырей. В 1506—1510 гг. был настоятелем монастыря босоногих монахов. Здесь он слушал народного проповедника Гейлера из Кайзерсберга и издал записи его проповедей (в том числе о «Корабле дураков» С. Бранта). Свою книгу шванков он закончил в 1509 г., опубликовал в 1522 г. в Страсбурге. «Шутка» преобладала в ней над «серьезом». После 1530 г. сведения о Паули отсутствуют.

Стр. 42. *Фаларис* (VI в. до н. э.) — жестокий тиран города Агригента (Сицилия).

Пиллус — Перилл, легендарный агригентский мастер-изобретатель и изготовитель орудия пытки в форме быка, отлитого из меди, внутрь которого помещался пытаемый и под которым разводили огонь. Предложил своего «быка» Фаларису и сам стал, по велению тирана, первой жертвой нового орудия.

Оросий Павел (нач. V в.) — раннехристианский писатель. историк.

Стр. 47. *Святой Килиан* — католический святой, по преданию странствующий епископ, проповедовавший на Майне и казненный с двумя товарищами в Вюрцбурге.

День Святой Богородицы — 15 августа.

Использовано изд.: J ö r g W i c k r a m s Werke, 3. Band. Hg. von J. Bolte. Tübingen, 1903. В переводе пропущен шванк 38, который является близким вариантом шванка 13.

Йорг Викрам родился в 1505 г. (по другим источникам — в 1520) в семье городского патриция в Кольмаре (Эльзас), был внебрачным сыном главы кольмарского городского совета. Из-за незаконного происхождения смог получить лишь мелкую должность городского писца, на которой находился в Кольмаре с 1537 по 1554 г. Он не кончал университета, но рано пристрастился к чтению и образование получил самоучкой. Начал писать, пробуя себя в самых разных жанрах: фастнахшпиля («масленичного действия»), поэзии «мейстерзанга», шванках, дидактических сочинениях. Викрам стал издателем и исследователем случайно купленной им у матроса «Кольмарской рукописи песен» и основателем кольмарской школы мейстерзингеров. В 1555 г. писатель переехал в Буркгейм (Брейсгау), прежде всего из-за своих протестантских убеждений, и там также служил писцом. В том же году в Страсбурге вышел его знаменитый сборник шванков «Дорожная книжница», переизданный в несколько расширенном виде в 1557 г.

Кроме шванков, Викрам сочинил ряд небольших романов, воспевающих бюргерские добродетели, в противовес порокам феодального мира, и стоящих в самом начале развития немецкой прозы. Это «Золотая нить» (1554), «Зерцало юности» (1554), «О добрых и злых соседях» (1556) и др.

Стр. 80. *Рисованная грамотка* — письменное подтверждение о посещении места паломничества с изображением святого или церкви.

Стр. 87. *Маттиас Апиариус* — Маттиас Биненфатер, первый бернский печатник, имя которого впервые упоминается в 1530 г.

Стр. 94. *Полоток* — половина копченой или соленой птицы; здесь — о гусиных полотках.

Стр. 106. *Перекрещенец*. — Перекрещенцы, или анабаптисты, участники народно-радикального сектантского движения эпохи Реформации в Германии и Швейцарии. Требовали вторичного крещения в сознательном возрасте, отрицали церковную иерархию, богатство, добивались общности имущества. Участвовали в Крестьянской войне 1525 г., образовали Мюнстерскую коммуны (1534—1535 гг.); были разгромлены в 1535 г.

Стр. 108. *Франц фон Зиккинген* (1481—1523) — немецкий рыцарь, с 1513 г. враждовал с имперским городом Вормсом; возглавил в 1522—1523 гг. рыцарское восстание, которое не было поддержано народными массами; был смертельно ранен.

Стр. 110. *Факин* (от и т. *facchino*) — носильщик.

Стр. 129. *...прогоняем Иуду за ограду...* — То есть забываем все предостережения, высказанные в «Послании Иуды» (Новый завет).

Закхей. — Евангельский Закхей, начальник мытарей, влез на смоковницу, чтобы увидеть Христа, и Христос посетил его в его доме и посулил ему спасение (Лука, 19, 1—10).

Стр. 133. *Святой Гробиан* — персонаж, изобретенный Себастианом Брантом в его «Корабле дураков» (1494), грубый, распущенный, нарушающий приличия человек. От этого имени получила свое имя так называемая «гробианская» литература.

Стр. 136. *Фуггеры* — в XVI в. богатое и влиятельное семейство купцов и финансистов из Аугсбурга, получившее в 1530 г. от императора Максимилиана I, которому они ссужали деньги, графский титул. Благодаря своему богатству Фуггеры имели возможность выступать в качестве меценатов, покровителей музыкантов, архитекторов, поэтов. Здесь, очевидно, имеются в виду Антон Фуггер (1493—1560) или его брат Раймунд (1489—1535).

ЯКОБ ФРЕЙ. ОБЩЕСТВО В САДУ

Использовано изд.: *Jacob Freys Gartengesellschaft* (1556), hg. von J. Bolte. Tübingen, 1896. Представлены шванки 1 и 13.

Известно, что Якоб Фрей был другом Викрама и служил городским писцом и юристом в Мауэрмюнстере (Эльзас). Он подражал Викраму и в 1557 г. выпустил в Страсбурге сборник из 129 шванков «Общество в саду» (см. полное название на с. 153). Сведения о жизни автора скудны. Известно, что он родился после 1520 г., был сыном ремесленника, казненного за памфлеты против католической церкви. От Я. Фрея дошли до нас также некоторые драматические произведения и переводы с латинского. В 1562 г. Фрей опубликовал свою последнюю книгу — сборник биографий героев древности и античных писателей. Тем же годом датировано последнее упоминание его имени в списке городских юристов.

Использовано изд.: Martin Montanus. Schwankbücher (1557—1566), hg. von J. Bolte. Tübingen, 1899. Представлены шванки: «Дружок в дорожку» («Wegkürzer») — 1, 2, 5, 10, 13, 15, 26, 39, 40, 41; «Вторая часть «Общества в саду» («Das ander Teil der Garten-gesellschaft») — 17, 18, 39, 43, 44, 48, 53, 67, 72, 79, 80, 87.

Мартин Монтан (Мартинус Монтанус) был также родом из Эльзаса. Он родился в 1530 г. в Страсбурге. Имя его, по обычаю гуманистов того времени, латинизировано — должно быть, его звали Бергманн или Амберг. Странствующим школяром он бродил по Швабии и Баварии; видимо, учился некоторое время в одном из университетов. Его сборник «Дружок в дорожку» (42 шванка) был впервые напечатан в Аугсбурге в 1557 г., автор посвятил его тамошнему скорняку Якобу Герброту, который возглавил одно из восстаний аугсбургских ремесленников против патрицианской городской верхушки. Восставшие потерпели поражение после вторжения в город императора Карла V. Памфлет, выпущенный против Герброта и Монтана, заставил последнего покинуть Аугсбург и вновь возобновить свои странствия. Впоследствии он вернулся на свою родину в Страсбург и в 1560 г. выпустил сборник «Вторая часть «Общества в саду» (115 шванков), являвшийся как бы продолжением сборника Якоба Фрея (см. выше). Источником для Монтана были фацетии на латинском языке Генриха Бебеля (1472—1518), новеллы итальянца Поджо Браччолини (1380—1459), басни Эзопа, немецкий перевод которых был выпущен в 1548 г. Буркардом Вальдисом (1490—1556), сюжеты из фастнахшпилей Ганса Сакса, которые Монтан обрабатывал в духе простонародных побасенок. Монтан использовал также «Декамерон» Боккаччо, который дал ему материал для трех пространственных новелл (между 1558 и 1560). Дата смерти Монтана неизвестна.

Стр. 163. О короле, портном... — Ср. сказку братьев Грим «Храбрый портняжка».

Стр. 185. Прото, как захватили город... — Рассказ о верных женах из Вейнсберга фигурирует во многих исторических хрониках, включен братьями Гримм в сборник «Немецкие сказания». Ученые, начиная с Лейбница, оспаривают подлинность этой истории.

Использовано изд.: Michael Lindeners Rastbüchlein und Katzipori; hg. von Fr. Lichtenstein. Tübingen, 1883. Представлены шванки: «Книжица для отдохновения» («Rastbüchlein») — 3—5, 8, 9, 13, 14, 20, 22; «Катципори» («Katzipori») — 2, 35, 8, 71, 73, 76, 96, 103, 105, 113, 123.

Михаэль Линденер (1520—1562) родился и получил хорошее гуманистическое образование в Лейпциге, затем переселился в Виттенберг, оттуда в Тироль и прожил многие годы в южной Германии; работал корректором в Нюрнберге, Ульме и Аугсбурге, под конец жизни стал школьным учителем. Его главные произведения — сборники шванков «Книжица для отдохновения» (1555) и «Первая часть «Катципори»» (1558). Он был также переводчиком латинских фацетий Г. Бебеля. В «Книжице для отдохновения» автор широко пользовался сюжетами Боккаччо и немецких авторов Паули, Монтана и басней Эзопа в переводе Б. Вальдиса. В «Катципори» больше пережитого им лично и устных бродячих сюжетов. Линденер — талантливый автор, его шванкам присуща едкая ирония и искренняя веселость. В то же время это был человек необузданный и неразборчивый в средствах, он был способен сам присвоить себе титулы «доктора» и «poeta laureatus» (поэта, увенчанного лавровым венком, *лат.*), приписать свои сочинения известным гуманистам (Эобану Гессу или Меланхтону), выдать их за переводы из Савонаролы и т. п. Его беспокойство, постоянные перемены мест жительства, его приверженность к мирским радостям характерны для эпохи Возрождения. 7 марта 1562 г. он был казнен во Фридберге близ Аугсбурга за убийство, совершенное, вероятно, в пьяном состоянии. Сообщающий об этом факте хронист Пауль Гекстор Майр пишет: «Михаэль Линденер был поэтом».

Стр. 188. О золотых дел мастере... — Ср. сюжет в кн. «Пекороне» (1378) итальянского новеллиста эпохи Возрождения, некоего сера Джованни Флорентинца. Этот же бродячий мотив используется позднее в «Виндзорских кумушках» Шекспира (1600), комедии «Школа жен» Мольера (1662) и в романе «Жиль Блаз» Лесажа (1715/1735).

Стр. 203. Некая невинная девица... — Этот мотив использовал Бальзак в «Озорных сказках».

Стр. 205. Катципори. — Вероятно, это название происходит от ит. cazzo (мужской член). Сам автор говорит в своем посвящении, что он собрал в этой книге «занятные диковинные побасенки», по просьбе многочисленных добрых собу-

тыльников, одним из которых является он сам, и такие истории по-итальянски-де именуются «катципори», а по-гречески «раудимауди» и т. д.

Стр. 206. *Папа Каликст* — Каликстус I (Каллистус), католический святой и римский папа с 217 по 222 г., бывший рабовольноотпущенник; в противоположность католической доктрине считал, что каждый грех может быть прощен церковью.

ВАЛЕНТИН ШУМАНН. НОЧНАЯ КНИЖИЦА.

Использовано изд.: Valentins Schumanns Nachtbüchlein (1559), hg. von J. Bolte. Tübingen, 1893. Представлены шванки: 1, 4, 5—7, 9, 10.

Вторая часть «Ночной книжицы» имеет следующий текст на титульном листе: «Ночная книжица, часть вторая, двадцать девять превосходных историй о войне, любви, радости, печали, страхе, нужде, неверности и прочие добрые побасенки, среди других пять грубых потешек, кои все славно читать и пересказывать скуки ради в пути, на дорогах, в гостях и на прочих собраниях, никогда прежде не печатавшиеся и ныне, наряду с прочими добрыми шванками, записанные Валентином Шуманном, наборщиком, рожденным в городе Лейпциге».

В. Шуманн (род. в 1520) был сыном известного лейпцигского печатника, в мастерской которого издавались многие сочинения из протестантского лагеря. В возрасте тринадцати лет Шуманн начал учиться в Лейпцигском университете. Разорение отцовской мастерской принудило его бросить учение и овладеть профессией наборщика. В 1542 г. он завербовался в ландскнехты и принимал участие в турецком походе императора, сражаясь в Венгрии. Затем он много странствовал по разным германским землям в качестве бродячего подмастерья. В 1548 г. он нанялся на работу в Базеле. Затем перебрался в Нюрнберг, где завел семью и прожил восемь лет. В 1558 г. бежал от кредиторов в Аугсбург. Его жена обвинила его за этот побег и потребовала развода. В поисках средств к существованию он начал писать «Ночную книжицу», которую частями сразу же отдавал в набор. Первая часть сборника (январь 1559) содержит 22 шванка, вторая, вышедшая через три месяца (март 1559), — 29 шванков. Дальнейшие сведения о жизни Шуманна отсутствуют.

Стр. 217. О жителях деревни Ганслозен... — Ср. гл. 4 в народной книге о шильдбюргерах. Этот сюжет фигурирует также в сказках братьев Гримм.

Стр. 222. И с т о р и я о п е к а р е... — Этот шванк восходит к средневековой латинской сказке о крестьянине Унибосе (X в.). Унибосу приписывается целый ряд плутовских проделок, впоследствии использованных сочинителями шванков.

Стр. 227. *Батцен* — мелкая швейцарская монета, имевшая хождение в Германии XVI в.

Стр. 233. И с т о р и я п р о к у п ц а... — Этот старинный сюжет имеется в индийской книге «Панчатантра» (III—IV вв.), сборника басен, сказок, притч и новелл нравоучительного характера, а также в ее турецком варианте «Тути-наме». Здесь скорее заимствован из его обработки в народной книге «Семь мудрых мастеров» (1473).

БЕРНГАРД ГЕРЦОГ. НОЧНОЙ ДОЗОР

Использовано изд.: Martin Montanus Schwankbücher (1557—1566). Anhang verwandter Stücke, hg. v. J. Bolte, Tübingen, 1899. Представлены шванки 1 и 30.

Автором сборника «Ночной дозор» (1560) был Бернгард Герцог, хронист из Эльзаса, тесть знаменитого немецкого писателя Иоганна Фишарта (1546—1590). Его сборник — в значительной степени компиляция, из 83 шванков более половины переписаны у других авторов: Линденера, Викрама, Фрея, Ганса Сакса и др. Лишь 27 шванков не имеют аналогов.

Стр. 239. О в д о в у ш к е... — Ср. сюжет из «Декамерона» Боккаччо (3 день, III).

Стр. 242. О т о м, к а к п а п а р и м с к и й... — По песне Ганса Сакса «Подмастерье пекаря» (1550).

ГАНС ВИЛЬГЕЛЬМ КИРХГОФ. ОТВРАТИ ПЕЧАЛЬ

Использовано изд.: Wendemuth von Hans Wilhelm Kirchhof, hg. v. H. Österley. Tübingen, 1869. Представлены шванки: I, 64—66, 69, 107, 108, 122, 123, 127, 184, 186, 210, 214, 234, 248, 289, 296, 321, 324, 340; I (2), 6, 7, 31, 41, 54; II, 115, 123; III, 97, 247.

Под названием «Отврати печаль» Г.-В. Кирхгоф (ок. 1525—ок. 1603) выпустил одну за другой семь книг шванков (1563—1603). Родился автор в Касселе в семье влиятельного городского чина, рано прервал учение в школе, завербовавшись в ландскнехты. Служил в войсках в разных областях Германии и во Франции с 1543 по 1554 г. Продолжил образование в университете Марбурга, позже служил при дворе гессенского ландграфа, выполняя некоторые дипломатические мис-

сии; от ландграфа перешел на службу к бургграфу Шпангенбергскому. Выйдя в отставку, Кирхгоф посвятил себя составлению своего огромного многотомного собрания, которое содержит 2084 шванка. Учась в Марбурге, он изучал античных авторов, сюжеты которых широко использовал; немало черпал он также из средневековой литературы и более ранних сборников шванков. В предисловии к шестой книге он сообщает, что является также автором 18-ти комедий, многих свадебных песен и трактатов.

Стр. 249. *Рейнгарт* — обычное имя Лиса в средневековом немецком эпосе.

Стр. 271. *Женщина по имени Агнесса...* — Бытует легенда о папессе Иоанне, сумевшей в мужском обличье занять папский престол между правлением папы Льва IV (ум. в 855) и Бенедикта VIII (ум. в 858) под именем Иоанна XVIII; якобы умерла от родов во время крестного хода.

Стр. 272. Про то, как епископа Майнцского... — Сюжет встречается в «Немецких сказаниях» братьев Гримм.

Император Оттон — Оттон I, ставший императором Священной Римской империи германской нации в 962 г.

Гатто — Гатто I, с 891 по 913 г. архиепископ Майнцский. С его личностью связывают предание о Мышиной башне близ Бингена. Названная дата — 614 г. — явно ошибочная, братья Гримм называют 974 г.; бессмысленно также упоминание императора Оттона I.

Стр. 277. *Дельфинат* — Дофине, местность на юго-востоке Франции. Ниже в оригинале речь девицы дается по-французски и в немецком переводе.

Е. Маркович

ФОРТУНАТ

Немецкая народная книга о Фортунате и его сыновьях написана, видимо, в Аугсбурге вскоре после 1453 г. Автор ее неизвестен. Возможно, им является Буркхард Цинк, городской юрист и хронист Аугсбурга. Наиболее раннее издание датировано 1509 г. Сравнительный анализ шрифта показал, что оно напечатано в типографии аугсбургского печатника Иоганна Отмара. Ни рукописей, ни более ранних изданий не найдено. Оригинал 1509 г. сохранился в четырех экземплярах, один из них находится в настоящее время в г. Цвиккау. Книга иллю-

стрирована гравюрами на дереве, которые предположительно относятся к ранним работам немецкого художника, современника А. Дюрера, Йорга Броя-старшего (ок. 1475—1537). «Фортунат» — одна из популярнейших в Германии народных книг, неоднократно издававшаяся и переводившаяся на разные языки и послужившая основой для многочисленных литературных обработок. Ганс Сакс первым переложил его в 1533 г. на драму. В 1600 г. английский драматург Т. Деккер создал на основе книги драму «Фортунат». В 1815 г. Л. Тик написал пьесу-сказку под тем же названием. А. Шамиссо использовал мотив чудесного кошелька в «Петере Шлемиле». «Фортунат» оказал влияние на творчество В. Гауфа. Перевод печатается по изданию: Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. М., Наука, 1986. Серия «Литературные памятники». Перевод осуществлен по изданному Гансом Гюнтером в 1914 г. оригиналу 1509 г. (Fortunatus, hg. von Hans Günter, in: Neudrucke deutscher Literaturwerke des 16 und 17. Jahrhunderts, Nr. 240/241, Halle, 1914). Использовано также издание: Fortunatus. Deutsche Volksbücher in drei Bänden. Bd. 1. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1968.

Фортунат — в переводе на русский — счастливчик (от л а т. fortuna — судьба, удача, счастье).

Стр. 283. *Королевство Кипр* — самостоятельное королевство в 1192—1489 гг. В результате феодальных междоусобиц Кипр потерял независимость и очутился под властью Венеции. Распри феодалов в «Фортунате» отражают реальную историческую обстановку на острове в ту эпоху.

...у короля Солтана... — Титул выступает в этом случае как имя собственное. Ср. «Царь Салтан» у Пушкина.

Алькеир — Каир, в эпоху создания книги столица Египта.

Фамагоста — Фамагуста, город-порт на восточном побережье Кипра. Иногда в оригинале — современный вариант названия — Фамагуста.

Стр. 284. ...*Никозией, столице Кипра*... — Поначалу верно назвав столицу Кипра, автор во второй части книги переносит ее в вымышленный им город Медузу.

Стр. 287. ...*герцога Клевского*. — Клев — в описываемую эпоху город и герцогство в западной Германии.

Кнехт (н е м.) — слуга, холоп, нанявшийся в услужение.

Не черт ли с итальяшкой околпачили нас? — В оригинале «вельх» или «вельш». Это слово имело уничижительный смысл. Сначала немцы называли так кельтов, а позднее романские народы, занявшие их земли.

Стр. 289. ...герцога Брабантского. — Брабант — историческая область Бельгии и Голландии.

Стр. 291. *Лауфен* — предположительно г. Лёвен в Брабанте.

Стр. 297. *Штоттер* — мелкая монета. *Бёмш* — мелкая разменная монета в Богемии, откуда она и получила свое название.

Стр. 298. *Тинис* — Темза. В оригинале встречается также другой вариант этого названия — Динис.

Пругк — Брюгге.

Тор в Торенсе — город Тур в среднефранцузской местности Турень.

Стр. 300. *Герцог Бургонский* — герцог Бургундский.

Стр. 302. *Сандувик* — Сэндвич, город на юго-восточном побережье Англии.

Стр. 308. *Императорское право* — законодательство, действовавшее в Священной Римской империи германской нации, так называемое «римское право германской нации». Автор неправомерно распространяет его действие на Англию.

Нобель — золотая монета английского происхождения.

Стр. 310. *Земля Британия*. — Имеется в виду Бретань, полуостров на северо-западе Франции.

Стр. 315. *Герцог Британский* — правильно было бы герцог Бретонский (см. коммент. выше).

Стр. 318. *Прозывался... графом Артельхином, Лесным графом Нундрагона*. — Граф Артельхин, как и земля Нундрагон вымышлены автором. Прототипом Лесного графа мог послужить известный в ту эпоху нидерландский дворянин Гийом де ла Марк, прозванный Диким Арденнским Вепрем; король Франции Людовик XI поручил ему охранять арденнские леса, и он наводил ужас на население грабежами и разбоем.

Стр. 319. *Шпильманы* — в средние века и эпоху Возрождения бродячие актеры, музыканты, фокусники, жонглеры, акробаты.

Иберния — Ирландия.

Стр. 321. *Римская империя* — Священная Римская империя германской нации, образовалась в 962 г. после завоевания германским королем Оттоном I Рима, Северной Италии и после того, как папа короновал его императором.

Стр. 322. *Одвюрк* — Эдинбург.

Вальдрик. — Название города точной идентификации не поддается.

Чистилище святого Патриция. — Ирландский святой Патрик (372 — ок. 466), по преданию, христианизировал кель-

тов. «Чистилицем» называли пещеру, в которой он якобы молился и которая находилась в графстве Донегол (Ирландия). Легенда о святом Патрике и о его пещере была широко распространена в средние века.

Стр. 323. *Вернике*. — Название города точной идентификации не поддается:

Стр. 326. *...Париж... что в пятидесяти милях от Кале...* — Расстояния между городами действительности не соответствуют. Они либо вымышлены, либо почерпнуты из источников, не отличавшихся точностью.

Биана — Байона, город-порт на юго-западе Франции.

Памплион — Памплона, столица располагавшегося в средние века на севере Испании Наваррского королевства.

...и святого Сант-Якоба, что в городе, прозывающемся Компостелом... — Автор допускает тавтологию, повторяя «святой» на французском и немецком языках. Сантьяго-де-Компостела — город на северо-западе Испании. По преданию, там погребено тело апостола Иакова, покровителя Испании. Собор в его честь — в средние века один из важнейших в христианском мире центров паломничества.

...Финис-Терра, что означает «К мрачной звезде»... — Мыс Финистерре расположен на северо-западе Испании. В действительности «Финистерре» (от лат. *finis terrae*) означает край света. Перевод сделан автором в духе псевдонаучной этимологии, характерной для средних веков. Ошибку повлекло, видимо, созвучие немецкого *Finsternis*, что означает мрак, сумерки, темнота, с латинским *finis* — конец, край и *stella* — звезда.

Сибилла — Севилья.

Кордоба — Кордова.

Бургес — Бургос в Кастилии.

Барселона, столица Каталонии — центр Каталонии, области на северо-востоке Испании. В «Фортунате» кратко говорится о роли Каталонии в средиземноморской торговле.

Долоза, что в Лангедоке — Тулуза.

Парпиан, столица Розолиона — Перпиньян, столица Русильона, области, примыкающей к восточным Пиренеям.

Город, прозывающийся Марсиллей — Марсель, в описываемую эпоху столица небольшого королевства Арелат у южных границ Франции. В течение XV в. королевство постепенно отошло к Франции.

Стр. 327. *...столицы королевства Цецилии...* — Палермо, столица Сицилии, до 1282 г. — столица Королевства Обеих Сицилий, куда наряду с Сицилией входил Неаполь.

Рагус — Рагуза, ныне Дубровник, город-порт на Адриатическом побережье. *Корфан* — Керкира, остров в Ионическом море, вблизи албанского побережья того же названия, ныне принадлежит Греции.

Гора святой Катерины — гора Катерин, вершина Синайских гор. На ее склоне в IV в. основан монастырь святой Екатерины.

Император Константинополя — то есть император Византии, чьей столицей до 1453 г. был Константинополь. Косвенное свидетельство того, что книга написана либо до 1453 г., либо вскоре после него, так как в мае этого года турки захватили город.

Стр. 328. ...он срезал кошель Люпольда... — Распространенная форма кошелька в описываемую эпоху — кожаный мешочек, стягивавшийся вверху ремешком и прикреплявшийся к поясу. Изображение «счастливого кошелька» дано на титульной гравюре книги.

Стр. 331. «*Te deum laudamus*» — «Тебя, Господи, славим», одно из наиболее известных песнопений католической церкви. Католический гимн не мог исполняться в храме греческой церкви, в данном эпизоде автор неточен.

Стр. 333. ...супружество... заключено... — Официальный церковный брак в ту эпоху не был обязательным. Считался заключенным, если брачующиеся в присутствии свидетелей и священника утвердительно отвечали на вопрос о своем желании вступить в супружество.

Стр. 337. *Траколе Вайда*. — Скорее всего, имеется в виду какая-нибудь крепость в древней Фракии, территория которой ныне почти полностью совпадает с территорией Болгарии. *Королевство Босен* — Босния. После 1463 г. ее захватили турки и превратили в округ Оттоманской империи.

Кроация — историческое название Хорватии.

Офен — Буда, часть Будапешта, столицы Венгрии.

Гракк — Краков, древняя столица Польского государства.

Стаксхалин — Стокгольм.

Пергон — Берген, гавань на юго-западном побережье Норвегии.

Стр. 343. ...год и день... — По германскому старинному обычаю, на обдумывание ответа можно было просить дополнительный к установленному срок — год и день.

Стр. 347. *Утренний дар*. — Согласно германскому имущественному праву, вплоть до XIX в., так называется подарок мужа жене, или жены — мужу, после первой брачной ночи.

...замок и город, прозываемые *Лархонубе*, что означает

то же, что и «К радуге». — Перевод в духе народной этимологии. Лархонубе — набор отдельных латинских компонентов, не связанных между собой смысловым значением. Так, лары (lares) — домашние боги, слог «хо» — очевидно, предлог «к» (hos), «нубе» (nubes) — облако. Таким образом, ассоциативно с радугой связан лишь последний компонент.

Стр. 351. *Пресвитер Иоанн* — легендарный правитель христианской державы, включавшей в себя три Индии и всю Юго-Восточную Азию. Легенда о его существовании распространилась в Европе примерно с середины XII в., причиной этого, возможно, был разгром войск сельджукского султана Санджара ополчением центральноазиатских племен в 1141 г. Среди азиатских воинов были христиане-несториане, отчего и возник слух о христианском правителе, будто бы правившем тремя Индиями, то есть Индостаном, Индокитаем и Эфиопией. Эти сведения почерпнуты автором скорее всего из сочинений Джона Монтевилла, на которого есть ссылка в книге (см. коммент. к с. 357).

Стр. 354. *Карг* (от и т. cargo) — единица веса, приблизительно равная трем центнерам.

Стр. 355. ...*четыре нации, сиречь: венецианцы, флорентинцы, генуэзцы и каталонцы...* — Автор называет четыре морские державы, главенствовавшие в ту эпоху в средиземноморской торговле.

Стр. 356. ...*великого хана Катая* (Китая)... — Этот титул учрежден в 1206 г. Чингисханом. После его смерти на всеобщем совете великим ханом был избран его внук Хубилай, перенесший в 1263 г. столицу в китайский город Пекин. Сведения почерпнуты, вероятно, из «Книги Марко Поло». Любопытно, что в «Фортунате» Китай называется Катай, а не China, как в большинстве литературных памятников средневековья и Возрождения, что этимологически восходят к названию киданьских племен, враждовавших с Китаем и одно время завоевавших значительную часть его территории.

Стр. 357. *Иоганн из Монтевиллы* — Джон Монтевилл (ок. 1300—1372), реально существовавшее в средние века лицо, о происхождении и жизни которого сохранилось мало достоверных сведений. Написал книгу о якобы предпринятых им путешествиях по Азии и Африке, впервые изданную в 1350—1352 гг. на французском языке, неоднократно переиздававшуюся в Англии и дважды в Германии, что свидетельствует о ее огромной популярности. Есть предположения, что его сочинение — поверхностная компиляция, составленная на основе различных источников.

Стр. 358. *Лумбет, Тобар*. — Эти географические названия точной расшифровке не поддаются.

Стр. 361. ...из *Спарги, из города Аламанелия*... — Вымышленные местность и город.

Нигромантия — некромантия, прорицание будущего с помощью мертвых, позднее, по ассоциации с черной магией, называлась нигромантией (от л а т. *nigros* — черный).

Стр. 365. *Король Солтан Вавилонский*. — Вавилоном в средние века называли Египет.

...отменными пряностями... — Пряности, завозимые после крестовых походов в Европу с Востока, стоили очень дорого. В «Фортунате» они — синоним несметного богатства.

Стр. 368. *Ethica* — этика, учение о нравственности. Это слово ошибочно использовано автором для названия недуга тяжкой скорби, охватившей его героя.

Стр. 372. *Конкубина* — сожительница, наложница.

Стр. 373. ...либо его *судейской палате, именуемой парламентом*... — Французский парламент в XIII—XVIII вв. был высшим судебным-административным органом Франции.

Стр. 374. *Прокуратор*. — В эпоху средневековья так назывались судебные чиновники, а также доверенные лица в судебных и коммерческих делах.

Король Наверрен — король Наваррского королевства (см. коммент. к с. 326).

Король Дамаси из Барбарии — король Дамаска из Берберии. Североафриканские племена берберов, захватившие в составе арабского войска Пиренейский полуостров, подчинились халифату Омейядов, столицей которого был Дамаск. В действительности Испания после разгрома Гранадского эмирата сражалась против отдельных набегов берберийских племен, а дамасского халифата в это время не существовало.

Стр. 375. *Король шоттов* — король шотландцев.

Стр. 381. ...крепкий напиток, именующийся *мандолисом*. — Название «мандолис» возникло, возможно, от нем. *Mandel* — миндаль и *Öl* — масло.

Стр. 392. *Испанское море*. — В средние века так именовали Атлантический океан.

Стр. 394. ...подвесили *Агриппину к балке*... — Характерная черта средневековой архитектуры — балки, не закрытые потолком.

Динис — см. коммент. к с. 298.

Томас Кандельбергский — Томас Бекет, архиепископ Кентерберийский (1118—1170), примас английской церкви.

Стр. 395. *Пунцовая шарлатовая мантия*. — Шарлах —

красный цвет и краска для окрашивания тканей в средние века. Сейчас это слово и в русском, и в немецком языках малоупотребительно.

Стр. 399. *Доктор дважды* — то есть доктор медицины и доктор нигромантии. В эту эпоху двойное и даже тройное докторское звание было распространенным явлением.

Стр. 402. ...и души, и тела, и чести, и достоинства, и имущества. — Самоубийство считается христианской религией одним из смертных грехов.

Стр. 410. ...графиню, супруг которой был морским разбойником... — Узаконенное пиратство — характерная черта того времени, достаточно вспомнить знаменитого пирата XVI в. сэра Френсиса Дрейка.

Стр. 411. ...Медузу, где король держал двор. — См. коммент. к с. 284.

Стр. 412. *Кандия* — современный Ираклион, город-порт на восточном побережье острова Крит.

Кельхейм. — Город лежит при впадении р. Альтмюль в Дунай.

Н. Москалева

ШИЛЬДБЮРГЕРЫ

В 1597 г. в Страсбурге вышла книга, якобы перевод с итальянского, называвшаяся «Книга о лалах» (то есть книга о болтунах — от греч. глагола «болтать»). Источниками ее были многочисленные средневековые анекдоты о жителях разных местностей, а также повторяющиеся мотивы из сборников шванков. Книга вобрала в себя большое количество немецких пословиц и поговорок, имевших хождение в XVI веке, когда были напечатаны первые собрания пословиц, в частности самое известное из них — сборник Иоганнеса Агриколы (ок. 1492—1566).

В 1598 г. другой неизвестный автор выпустил новую обработку «Книги о лалах» — под названием «Шильдбюргеры» (напечатана во Франкфурте-на-Майне в типографии Пауля Брахфельда). Полное название — «Удивительные, причудливые, неслыханные и доселе неописанные похождения и деяния жителей Шильды из Миснопотамии, что позади Утопии» («Wundersame, abenteuerliche und bisher unbeschriebene Geschichten und Taten der Schildbürger in Misnopotamien, hinter Utopia gelegen»). По мнению исследователей, книга о шильдбюргерах в литературном отношении несколько уступает книге о лалах, но в дальнейшем она стала гораздо более знаменитой.

География в «Шильдбюргерах» еще более условна и фантастична, чем в «Фортунате». Названия «Миснопотамия», «Каликут» должны обозначать только то, что действие происходит где-то далеко, в неведомых странах. Все глупости лалов здесь приписаны жителям городка, или деревеньки, Шильды близ Мейсена в Саксонии, о которых еще до появления книги ходили многочисленные смешные истории. Неизвестный автор выпустил затем еще две новые обработки той же книги — в несколько измененной редакции и под новыми названиями («Grillenvertreiber», 1603; «Hummelvertreiber», 1605).

Книга о шильдбюргерах издавалась поэтом и филологом Карлом Зимроком в его известном собрании народных книг («Die deutschen Volksbücher», 1839/1843; 1844/1851). Дошедший до нас памятник имеет четкую композицию и, несмотря на разнообразие источников, может считаться в немецкой литературе прообразом юмористического романа. В нем присутствуют сатирические мотивы и даже политическая тема: бессилие простых, незнатных людей пред «князьями да вельможами», скрытое осуждение шильдбюргеров и насмешка над ними за отстранение от всех событий и дел в окружающем мире, что и вызвало их «поглупение», и т. д. Шильдбюргеры сами себя наказали, отгородившись от жизни и тем отказавшись от разума, — такова, в конечном счете, гражданская позиция автора. В то же время образ веселого простецкого императора лишен всякой исторической и сатирической реальности — скорее он наделен чертами персонажа сказки. Вообще реальные исторические события Германии XVI в. в книге о шильдбюргерах отражения не нашли, но быт и нравы того времени отражены выпукло и верно.

Стр. 422. *Миснопотамия* — Месопотамия. Ср. ниже *Калекут* — Калькутта. К реальной географии отношения не имеют.

Стр. 423. *Свиногон* — «говорящее» имя, в оригинале Säufried (от н е м. Sau — свинья и Friede — мир, спокойствие). Это имя упоминается лишь однажды, затем речь идет о городском голове (Schultheiß) — бывшем свинопасе.

Стр. 427. *Мильтиад*, *Фокион*, *Лукург*, *Тезей*, *Фемистокл* — древнегреческие герои мифов и исторические персонажи, которых объединяет то, что за свои заслуги они снискали неблагодарность соотечественников. Автор книги допускает неточности: так, Мильтиад — полководец эпохи греко-персидских войн, предводитель греков, победивших при Маратоне (490 г. до н. э.), — вовсе не был казнен.

Стр. 430. ...*который считал, что, сидючи на головке*

сыра, он высидит теленка. — Намек на сюжет одного из фастнахшпилей («масленичных действий») Ганса Сакса — «Высживание теленка» (1551).

...Вена в Австрии (сохрани ее Господь на благо всех христиан!)... — В ту эпоху Вене постоянно угрожало нашествие турок.

Стр. 439. *...как сказал поэт...* — Очевидно, имеется в виду Гораций («Наука поэзии», 139). Впрочем, упоминаемая поговорка засвидетельствована у ряда греческих и латинских писателей, а также вошла в новые языки: ср. русск. «Гора родила мышь».

Орфей (греч. миф.) — певец, который укрощал своим пением диких зверей и останавливал потоки. *Амфион* (греч. миф.) — сын бога Зевса и смертной женщины; вместе со своим братом-близнецом Зетом возвел городские стены в Фивах, причем силач Зет носил и складывал камни, а Амфион игрой на лире приводил их в движение и заставлял ложиться в нужное место.

Стр. 445. *Утис.* — Имя означает «никто» (греч.). *Удена* — то же значение в форме женского рода.

Стр. 447. *...словно франкфуртские евреи, которым вещи ягоды продали...* — Намек на 35-ю историю народной книги об Ойленшпигеле, где Ойленшпигель продает франкфуртским торговцам-евреям дерьмо под видом вещей ягод.

Стр. 459. *M.O.R.U.S.* (греч. moros) — дурак.

Стр. 461. *...в итальянской рукописи никаких сведений нет.* — «Шильдбюргеры», как и первоначальная редакция — «Книга о лалах», считались переводом с некоего итальянского оригинала.

Стр. 477. *...их еще «волками» называют, как об этом прочтешь в книжке про Ойленшпигеля, история 46...* — На самом деле об этом упоминается в истории 47-й.

Стр. 500. Гл. 43. — Ср. шванк В. Шуманна «О жителях деревни Ганслозен...» (с. 217).

Е. Маркович

ИСТОРИЯ О ДОКТОРЕ ИОГАННЕ ФАУСТЕ¹

Народная книга о Фаусте («Historia von D. Johan Fausten...») вышла в свет в 1587 г. в издании книгопродавца Иоганна Шписа. В посвящении к своему изданию Шпис ссы-

¹ Печатается в сокращении по кн.: Легенда о докторе Фаусте. Издание подготовил В. М. Жирмунский. М., Наука, 1978.

дается на «всем известное пространное предание о разных похождениях доктора Фауста», однако «по порядку», в связанной форме, никто, как утверждает издатель, до сих пор эту историю не излагал. С другой стороны, в последних главах книги сообщается, будто Фауст, завещав имущество своему ученику и слуге Вагнеру, разрешил последнему после его смерти «записать и изложить» его смерть и деяния, что тот и сделал. После смерти Фауста была якобы найдена и другая книга, содержащая эту «историю», составленную им самим, «целиком, кроме его кончины». Ссылка на «источник», восходящий одновременно к самому Фаусту и Вагнеру, — обычный в средневековой литературе прием подтверждения авторитетности и исторической достоверности вымышленного текста.

В книге Шписа встречаются также ссылки и на другие источники, может быть, более реальные, которые, вероятно, были использованы составителем первого текста народной книги. В пользу последнего предположения говорит и свидетельство Г.-Р. Видмана, автора более поздней книги о Фаусте (Гамбург, 1599), содержащей ряд эпизодов, которые отсутствуют в книге Шписа. В латинском посвящении к своему изданию Видман критикует своего предшественника за то, что его сочинение было составлено несколько поспешно и не содержит «всей истории». В конце XIX—XX в. были открыты три ранее неизвестные рукописи, непосредственно связанные с возникновением народной книги о Фаусте и проливающие некоторый свет на ее историю: вариант народной книги Шписа; рукописный сборник (1575), содержащий четыре «Нюрнбергских рассказа о Фаусте», и, наконец, книга магистра Мотчмана об эрфуртских древностях (1735), где он, со ссылкой на более раннюю народную хронику, дает пересказ народной книги о Фаусте. Многие эпизоды из этой народной книги встречаются в том или ином виде в ряде других средневековых источников (см. комментарий к изд. М., Наука, 1978).

Перевод выполнен по изданию: *Volksbüsher des 16. Jahrhunderts, hg. u. erklärt von F. Bobertag. Brl. u. Stuttg.* (в серии *Deutsche Nationalliteratur, hg. von J. Kürschner, Bd. 25*) и печатается по изданию: *Легенда о докторе Фаусте. М., Наука, 1978.*

Стр. 506. ...*родился в Роде, близ Веймара.* — Фауст — лицо историческое. На основании личных встреч о нем сообщают, между 1507 и 1540 гг., многие известные и менее известные современники. Реформатор Филипп Меланхтон, ученик и соратник Лютера, свидетельствует, по утверждению своего ученика Иоганна Манлия, что Фауст был уроженцем г. Книтлингена

(Швабия). В книге Шписа место рождения Фауста перенесено в Тюрингию, по соседству с местом его дальнейшей деятельности — Виттенбергом.

Стр. 508. *Искусство Дарданово*. — Дардан упоминается римским писателем Плинием как кудесник. *Нигромантия* — см. коммент. к. с. 361.

Стр. 512. *И зовется наше царство Легион*. — Основано на искажении смысла евангельского текста (Лука, 8, 30). Когда Христос изгоняет демона из бесноватого, он заставляет демона назвать свое имя (согласно старинному магическому представлению, назвать демона значит обезвредить его). Демон отвечает устами бесноватого: имя мое — Легион (т. е. я не один, нас великое множество).

Стр. 514. *Дьявол в образе монаха* — представление, характерное для антикатолической тенденции автора-лютеранина.

Стр. 515. *Фамулус* — в средневековых немецких университетах один из старших студентов, помогающий профессору как ассистент и в то же время обслуживающий его лично.

Стр. 516. *Против доктора Фауста...* — Стихи взяты из «Корабля дураков» Себастиана Бранта (1494): римфованные заголовки к гл. 3, 43, 45.

Стр. 522. *Это Дарданово искусство обнаружили впоследствии у... Вагнера*. — Волшебная книга Фауста, оставленная им в наследство Вагнеру, играет роль важного театрального реквизита в позднейших кукольных комедиях о Фаусте.

...что таких ангелов называют иерархиями... — Первоначально иерархия — владение святых.

Стр. 523. *Над адом и над миром... есть десять правителей и... княжеств...* — Имена десяти областей ада и их правителей заимствованы из популярной средневековой латинской энциклопедии «Люцидарий» (Elucidarius. Frankfurt, 1572). Средневековые латинские названия областей ада: 1) Озеро смерти, 2) Болото огня, 3) Земля забвения; из древнегреческой мифологии: 4) Тартар — название подземного мира, царства мертвых; 7) Эреб — область тьмы, подземный мир; 8) Баратрум — пропасть, преисподняя (греч. — л а т.); 9, 10) Стикс, Ахерон (и упоминаемый ниже как прозвище дьяволов Флегетон) — в греческой мифологии адские реки; 6) Геенна — древнееврейское название ада, области вечного огня. Эта синкретическая терминология свидетельствует о крайне путанном характере средневековой богословской «учености».

Стр. 524. *Люцифер* — светоносный (л а т.).

Стр. 525. *...не имел веры и ни на что не надеялся*. — Составитель народной книги следует учению Лютера об «оправда-

нии верой»: причиной гибели Фауста является недостаток веры в возможность для него спасения.

Стр. 526. *Асмодей* — имя злого духа в Библии. *Дагон* и *Веллал* — языческие боги финикийян и других народов Палестины, упоминаемые в Ветхом завете; в христианской церковной традиции это имена верховных правителей ада.

Стр. 530. *Ад имеет много имен...* — Имена ада даются по Дасиподию, автору средневекового латинского-немецкого и немецко-латинского словаря (1537), содержащего также различные сведения энциклопедического характера.

...геенною зовется долина... — Долина Gehinnom, или Gehenna, около Иерусалима, упоминается в Библии как место жертвоприношения Молоху. Позднее служила свалкой и местом погребения казненных. Отсюда в переносном значении: геенна — ад.

Стр. 531. *Saxit* и т. д. — латинские слова, которыми Дасиподий переводит нем. *Fels* — скала.

Стр. 532. *Ибо поистине говорю тебе...* — Следует цитата: Книга притчей Соломоновых, 30, 16.

Стр. 534. *...и носила бы птичка...* — Сравнение, обычное у христианских проповедников.

Стр. 538. *Великий год* — по учению средневековых астрономов, цикл лет, по истечении которого все планеты возвращаются к исходному положению.

Стр. 542. *...вошло семь именитых духов...* — Имена демонов: *Вельзевул* упоминается в Ветхом завете как божество язычников-филистимлян (Книга Царств, II, 1), в Новом завете — верховный дьявол (Лука, II, 15); *Астарот* — от имени богини филистимлян Астарты; *Анубис* — древнеегипетское божество с песьей головой; *Дификанус* — имя неизвестного происхождения; *Дракус* — от слова дракон.

Стр. 549. *...и это писание было найдено после его смерти...* — Возможно, что одним из источников для составителя народной книги могли послужить подобные апокрифические «собственноручные» записи Фауста, распространявшиеся любителями чудесного.

Врач *Иона Виктор* упоминается также в народной книге о Вагнере (VI).

Стр. 553. *Фауст объехал и объездил многие княжества...* — География и в этой народной книге достаточно фантастична и условна. Автор в основном следует средневековым источникам: «Люцидарию» и «Хронике» Шеделя (1493).

Стр. 557. *...шли за Христовой звездю.* — Согласно христианской легенде, три царя-волхва пришли с востока покло-

ниться в Вифлееме младенцу-Христу; путь им указывала звезда. «Мощи» этих «святых царей» хранятся в Кельнском соборе и привлекают множество паломников. Автор народной книги, лютеранин, скептически относится к этим «святым мощам» и позволяет себе ироническое замечание по поводу «далекого пути», который эти цари после своей смерти проделали от Вифлеема в Иудее до Кельна.

Стр. 558. *Ulma* — вяз (л а т.). Здесь и далее примеры характерной для средних веков псевдоученой этимологии.

Стр. 559. *Лонгин* — согласно легенде, стражник, стороживший крест, на котором распяли Христа.

Стр. 560. *Hyaspolis* — по-гречески «город дождя». *Reginopolis* — от rex (король, л а т.). *Imbriopolis* — от imber (вода, л а т.). *Ratisbona* — от ratis (река, лат.).

Стр. 571. *Тогда доктор Фауст растворил дверь...* — Тот эпизод, в котором Фауст выступает как «некромант» (то есть вызывает тени умерших), известен нам из разных источников в двух соприкасающихся версиях: а) некромант вызывает тени героев древности; б) некромант (одновременно с героями древности) вызывает по просьбе императора Максимилиана тень его умершей супруги Марии Бургундской, которую император узнает по родинке на щеке. Вторая версия первоначально была связана с легендами об аббате Тритемии, который заслужил славу чернокнижника своим сочинением «Стенография» (букв. «Тайнопись», 1499). Третий сюжет, связанный с «некромантией» Фауста, — это эпизод с Еленой (см. гл. 49 и 59).

Стр. 572. *...как та женщина, которая разбудила пророка Самуила...* — Волшебница из Аэндора вызвала для царя Саула призрак Самуила (I Кн. Царств, 28).

...наколдовал ему на голову оленьи рога. — Более ранняя версия этого рассказа в сборнике шванков М. Линденера «Катципори» (33).

Стр. 582. *Саба* (Сабея) — в древности богатое, процветающее государство в южной Аравии. Индийская Саба — ошибочное наименование.

Стр. 583. *...все эти яства, дичь, птицу, рыбу и прочее.* — В оригинале сорта дичи, рыбы и т. д. перечисляются в алфавитном порядке, следуя за словарем Дасиподия (см. коммент. к с. 530).

Стр. 586. *В великопостную среду явились студенты как званые гости...* — По католическому обычаю, масленица празднуется от четверга до вторника, «провожают» ее во вторник. Для духовенства масленица кончается в воскресенье, с понедельника начинается великий пост. Фауст и его друзья

провожают масленицу в воскресенье, во вторник, к тому же еще в великопостную среду и четверг, что подчеркивает «безбожный» характер их «вакханалий».

...в комнате стали раздаваться звуки скрипок... — Гете использовал этот мотив (концерт невидимых духов) в сцене волшебного усыпления Фауста.

Стр. 589. ...прекрасный образ царицы Елены, Менелеевой супруги... — С первых времен христианства существуют многочисленные легенды о союзе людей с дьяволом и о магии, основанной на этом союзе. Такова легенда о Симоне-маге, вошедшая в Новый завет (Деяния апостолов, VIII). Более богатый материал о Симоне-маге дают апокрифы. Здесь Симон-маг — неудачный соперник Симона-Петра (апостола Петра), пытавшийся состязаться с ним в чудесах. Он возил за собою женщину, говорится в легендах, которую выдавал за Елену Троянскую, или Селену (богиню Луны), и за женское воплощение мировой субстанции, «премудрости божией»; на самом же деле она была его любовницей, «блудницей из города Тира».

...в... черном платье из пурпура... — Пурпуром тогда называлась дорогая шелковая материя, которая могла быть любого цвета.

Стр. 590. *Маршалок* — старший слуга, распорядитель.

Стр. 600. Гл. 56 представляет вариант гл. 35.

Стр. 601. *Суккубы* — по средневековому представлению, демоны в женском образе, с которым одержимый, или грешник, совокупляется во сне.

Стр. 603. *Дитя это сообщало Фаусту...* — По средневековым представлениям, младенец, отцом или матерью которого был демон, наследует от родителя знание будущего. Ср. кельтскую легенду о волшебнике Мерлине из средневековых романов о короле Артуре.

Завещание доктора Фауста, а также сообщаемые здесь сведения о его ученике (фамулусе) и наследнике Кристофе Вагнере послужили отправным пунктом народной книги о Вагнере. Ср. также гл. 9.

Стр. 605. *Ауэрхан* — прозвище злого духа, сопровождающего Вагнера в народной книге о нем, как Мефостофиль сопровождает Фауста.

Стр. 607. «*Знаешь что — молчи...*» — Стихи Лютера («Застольные беседы»).

В. Жирмунский

В оформлении тома использованы немецкие гравюры XVI в., в том числе иллюстрации из народной книги «Фортунат», из книг Йорга Викрама и др.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Пуришев. Немецкие прозаические шванки и народные книги эпохи Возрождения</i>	7
--	---

НЕМЕЦКИЕ ПРОЗАИЧЕСКИЕ ШВАНКИ XVI ВЕКА¹

<i>Иоганнес Паули. В шутку и всерьез. Перевод В. Топорова</i>	25
<i>Йорг Викрам. Дорожная книжица. Перевод В. Микушевича</i>	76
<i>Якоб Фрей. Общество в саду. Перевод В. Микушевича</i>	153
<i>Мартин Монтан. Дружок в дорожку. Перевод В. Топорова</i>	157
<i>Вторая часть «Общества в саду». Перевод В. Топорова</i>	177
<i>Михаэль Линденер. Книжица для отдохновения. Перевод В. Топорова</i>	188
<i>Первая часть «Катципори». Перевод В. Топорова</i>	205
<i>Валентин Шуманн. Ночная книжица. Перевод В. Топорова</i>	217
<i>Бернгард Герцог. Ночной дозор. Перевод В. Топорова</i>	239
<i>Ганс Вильгельм Кирхгоф. Отврати печаль. Перевод В. Топорова</i>	245

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ КНИГИ

<i>Фортунат. Перевод Н. Москалевой</i> ²	283
<i>Шильдбургеры. Перевод В. Розанова и И. Розанова</i> ³	422
<i>История о докторе Иоганне Фаусте. Перевод Р. Френкель</i>	504
<i>Комментарии Е. Маркович, Н. Москалевой, В. Жирмунского</i>	617

¹ © Перевод. Топоров В. Л., 1990 г.

© Перевод. Микушевич В. Б., 1990 г.

² © Перевод. Издательство «Наука», 1986 г.

³ © Перевод. Розанов В. М., Розанов И. в., 1990 г.

Н50 Немецкие шванки и народные книги XVI века:
Пер. с нем. / Редкол.: Н. Балашов, Ю. Виппер,
М. Климова и др.; Сост. с науч. подгот. текста и
предисл. Б. Пуришева; Коммент. В. Жирмунско-
го, Е. Маркович, Н. Москалевой. — М.: Худож.
лит., 1990. — 639 с. (Б-ка лит-ры Возрождения).

ISBN 5-280-01215-7

В книгу вошли известные сборники озорных и поучительных немецких шванков XVI века, а также широко популярные во всех сословиях так называемые «народные книги» того же времени: «Фортунат», «Шильдбургеры» и «История о докторе Фаусте».

Н $\frac{4703010100-147}{028(01)-90}$ 107-90

ББК 84.4Г

НЕМЕЦКИЕ ШВАНКИ И НАРОДНЫЕ КНИГИ XVI ВЕКА

Редакторы *Е. Маркович и М. Климова*

Художественный редактор *Л. Калитовская*

Технические редакторы *Л. Платонова и Л. Симицына*

Корректоры *О. Наренкова и Н. Усольцева*

ИБ № 5893

Сдано в набор 04.08.89. Подписано к печати 07.03.90. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная. Усл.
печ. л. 33,60. Усл. кр.-отт. 62,79. Уч.-изд. л. 33,32. Тираж 100 000 экз.
Изд. № VI-3585. Заказ № 535. Цена 4 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная
литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический
комбинат Государственного комитета СССР по печати.
Калинин, Ленина, 5

НЕМЕЦКИЕ
ШВАНКИ
И НАРОДНЫЕ
КНИГИ XVI ВЕКА

НЕМЕЦКИЕ
ШВАНКИ
И
НАРОДНЫЕ
КНИГИ XVI ВЕКА

НЕМЕЦКИЕ
ШВАНКИ
И НАРОДНЫЕ
КНИГИ XVI ВЕКА

